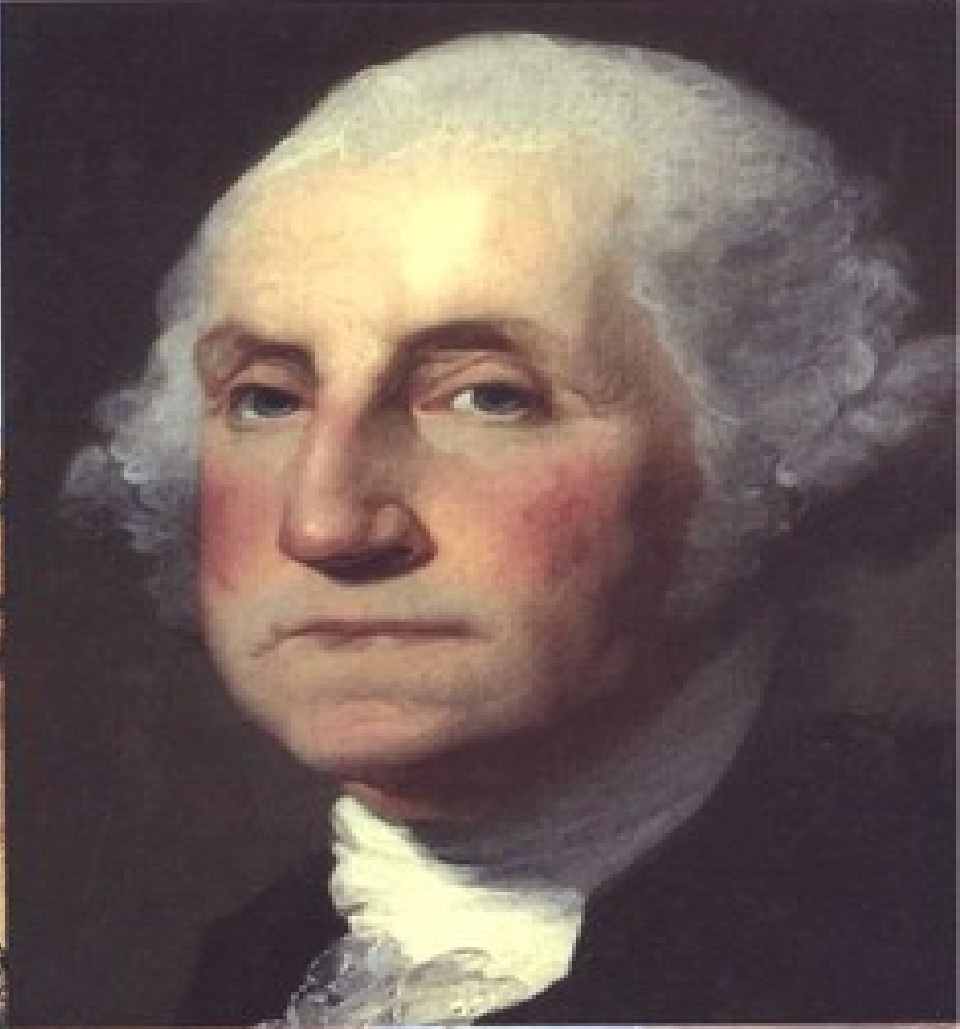
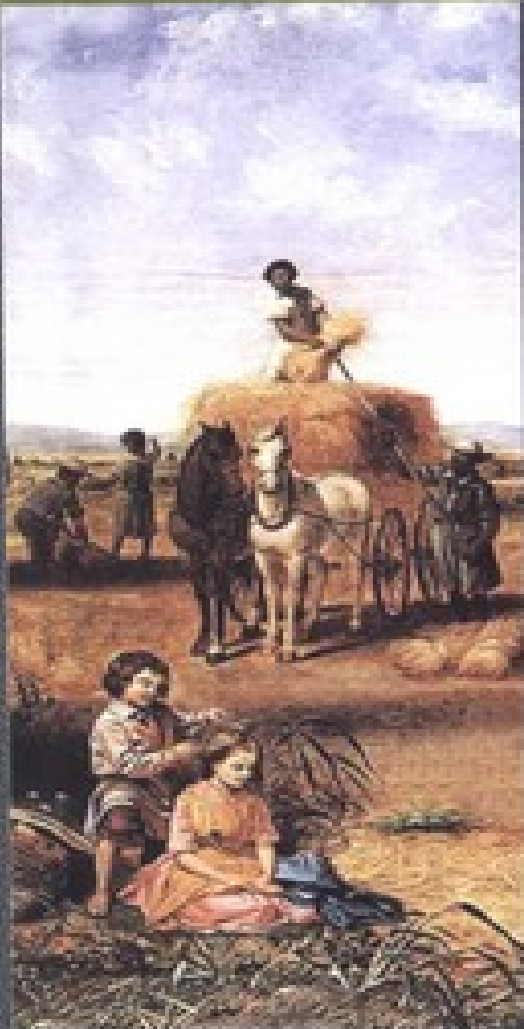

ВАШИНГТОН

Екатерина
Глаголева

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Джордж Вашингтон (1732–1799) вошел в американскую историю как «отец нации и спаситель Отечества». Герой Франко-индейской войны и американской революции, не очень удачливый плантатор, посредственный военачальник, не самый изощренный политик, он обладал качествами, редко встречающимися у государственных деятелей: был честен, бескорыстен и не властолюбив, чем снискал любовь народа, избравшего его своим первым президентом, и стал единственным главой США, избранным единогласно.

История жизни Вашингтона, изобилующая передрягами, победами и поражениями, разворачивается на фоне борьбы британских колоний за независимость и становления американской государственности, разоблачения шпионов и подготовки похищений, переплетения судеб выдающихся деятелей бурной эпохи, друзей и врагов главного героя. Томас Джефферсон, побывавший и тем и другим, признавал: «Можно сказать, не погрешив против истины, что никогда еще натура и фортуна не приходили в столь совершенное сочетание, чтобы сделать человека великим».

знак информационной продукции 16+

-
- [Е. В. Глаголева](#)
  - [Часть первая](#)
    - [СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ](#)
    - [ДЖОРДЖ](#)
    - [БРАТ](#)
    - [ПОСЛАННИК](#)

- ВОИН
- ПОЛКОВНИК
- ЖЕНИХ
- ПОМЕЩИК
- РАБОВЛАДЕЛЕЦ
- ДОЛЖНИК
- ДИССИДЕНТ
- ОТЧИМ
- Часть вторая
  - ДЕЛЕГАТ КОНГРЕССА
  - ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО
  - ГЕНЕРАЛ БЕЗ АРМИИ
  - СПАСИТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВА
  - ПОБОРНИК НЕЗАВИСИМОСТИ
  - БЕЗДАРНОСТЬ?
  - ГЕРОЙ
  - АМЕРИКАНСКИЙ ФАБИЙ
  - ОТЕЦ СОЛДАТАМ
  - СОЮЗНИК
  - СТОИК
  - СУДЬЯ
  - УСМИРИТЕЛЬ
  - СТАТИСТ
  - СТРАЖ
  - ЦИНЦИННАТ
- Часть третья
  - ЗНАМЕНИТОСТЬ
  - АВТОРИТЕТ
  - ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ США
  - РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КОРОЛЬ
  - ВЕЛИКИЙ МОЛЧУН
  - ЗАЛОЖНИК СЛАВЫ
  - АРБИТР
  - НЕВОЛЬНИК ПОЛИТИКИ
  - ДЕСПОТ
  - МИШЕНЬ ДЛЯ НАПАДОК

- [ОТСТАВНИК](#)
- [ДРАМАТИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ](#)
- [ЛЕГЕНДА](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЖОРДЖА ВАШИНГТОНА](#)
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)

- [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
-

Е. В. Глаголева

Вашингтон

Моему сыну Сергею

*Простая правда — лучший,
величайший панегирик ему.*

Абигейл Адамс

C. J. Washington

Часть первая
ПЛАНТАТОР

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

С XII века в английском графстве Дарем существовало поместье Вессингтон. Со временем слово «Вессингтон» трансформировалось в «Вашингтон». В 1532 году Лоуренс Вашингтон, успешно торговавший шерстью, стал мэром Нортгемптона. Его услугами пользовался сэр Уильям Парр — дядя Кэтрин Парр, последней супруги Генриха VIII. От второй жены (первая умерла бездетной) Вашингтон имел четверых сыновей и семь дочерей. Для своего большого семейства бодрый старик выстроил просторный каменный дом в поселке Салгрейв, который оставался родовым гнездом Вашингтонов до 1659 года; над дверью южного входа красовались королевский герб и надпись на латыни: «Королева Елизавета». Разумеется, все Вашингтоны были роялистами! В 1602 году в этом доме родился Лоуренс-младший, правнук главы семьи. Впоследствии он окончил колледж Оксфордского университета, получил ученую степень магистра и стал приходским священником.

Английская революция 1640 года в корне изменила его жизнь. Сумев дать отпор «кавалерам», пуритане, превратившиеся из гонимых в гонителей, пошли войной на «бесстыжих и зловредных попов» — англиканских священников, слишком много, на их взгляд, перенявших у католической церкви. В 1643 году у Лоуренса Вашингтона, голословно обвиненного в усердном посещении питейных заведений, отобрали приход в Эссексе и перевели в глушь, где он и умер в полной нищете десять лет спустя. В год его смерти Оливер Кромвель объявил себя лордом-протектором и разогнал парламент. 25-летний Джон Вашингтон, сын Лоуренса, решил не дожидаться, когда за ним придут, и

отправился искать счастья в североамериканские колонии.

Переезд через Атлантику занимал два с лишним месяца, и это было суровое испытание, а не морской круиз. Бушевавшие зимой северо-западные ветры срывали и уносили паруса, пятнадцатиметровые волны обрушивались на палубу и заливали каюты, но страшнее всего были вихри, бушующие вблизи мыса Гаттерас. В конце 1656 года измученный качкой, похудевший и осунувшийся Джон Вашингтон прибыл в Восточную Виргинию.

Виргиния была основана в 1584 году мореплавателем и пиратом Уолтером Рэли, назвавшим новую колонию в честь королевы-девственницы Елизаветы I. Он же завез сюда табак. После революции сюда хлынули «кавалеры» — дворяне, сохранившие верность Карлу I; население колонии быстро увеличивалось. Восточная часть Виргинии, лежавшая на низменном атлантическом побережье, Тайдуотер, была заболочена и прорезана устьями многочисленных рек, но именно здесь природные условия были наиболее благоприятными для сельского хозяйства, в частности для выращивания табака, на торговле которым намеревался разбогатеть Джон Вашингтон. Он нанялся помощником капитана на корабль, груженный табаком. Благодаря попутным течениям обратная дорога должна была занять всего 23 дня. Но до родной Англии Джон не добрался: судно село на мель еще в устье реки Потомак, в трюм хлынула вода, ценный груз намок. Вашингтон сошел на берег и понял, что надолго увяз в виргинском болоте.

Однако всё складывалось не так уж плохо. Он поселился в графстве Уэстморленд, в доме местного плантатора полковника Натаниэля Поупа, и через год женился на его дочери Анне. Полковник подарил молодоженам 700 акров (283 гектара) земли. Брак

оказался удачным. В 1659 году в семье Вашингтон родился сын Лоуренс, два года спустя — Джон-младший, а еще через год — дочь Анна.

Джон Вашингтон был ненасытен в приобретении главной ценности — земли. По английским законам каждый переселенец получал в свое распоряжение 50 акров земли. Гражданская война разорила многих людей, которые были готовы плыть за океан и продавать свой труд на кабальных условиях, практически за еду и одежду, но вместе с тем юридически они не были рабами. Вашингтон выписал себе из Англии 63 работника и таким образом приобрел более пяти тысяч акров, образовавших одно большое поместье на берегу Потомака, у его притока Литл-Хантинг-Крик.

Выращивание табака — очень трудоемкое занятие, поэтому, помимо наемных рабочих, Вашингтон обзавелся еще и рабами. После реставрации монархии в Англии в 1660 году рабство было узаконено, к тому же в североамериканские колонии переселились некоторые крупные плантаторы-католики с Барбадоса и перенесли туда свои порядки.

К несчастью, Анна Поуп-Вашингтон прожила недолго. На траур и ухаживания времени не было, за малолетними детьми кто-то должен был присматривать; вдовец снова женился — по очереди на двух сестрах Джерард, Анне и Фрэнсис. Самое пикантное в этой истории, что обе они познакомились со своим будущим мужем, когда предстали перед судом (Джон Вашингтон служил мировым судьей): одна из них когда-то держала публичный дом, а вторая состояла во внебрачной связи с губернатором. Интересно, какие уроки извлек из этой ситуации его с Анной сын Лоуренс, которого отец отправил в Англию учиться на юриста.

На территории Виргинии обитали индейские племена — чероки, ирокезы, сиу, которые считали себя истинными хозяевами земли. На них распространялось

действие законов, признававших их право на землю, которые соблюдал губернатор Уильям Беркли, назначенный Карлом II. Когда губернатор отказался устроить карательную экспедицию против индейцев, нападавших на плантации, в Виргинии вспыхнул бунт под руководством 29-летнего плантатора Натаниэля Бэкона, поддержанный в соседнем Мэриленде. Джон Вашингтон, к тому времени уже заседавший в колониальном совете Виргинии, стал полковником милиционных сил (ополчения), пытавшихся изгнать индейцев с этой земли. Шестерых вождей индейских племен коварно заманили под предлогом переговоров и убили, а их соплеменники стали мстить колонистам. Беркли разгневался на Вашингтона, однако «народ», напротив, поддержал его: один приход англиканской церкви даже переименовали в его честь. Индейцы же наградили его зловещим прозвищем Конотокариус, что означает «разрушитель селений» и «пожиратель городов».

В 1677 году, едва утихло восстание Бэкона, во время которого бунтари даже спалили столицу провинции — Джеймстаун, уважаемый землевладелец Джон Вашингтон умер от брюшного тифа, когда ему было всего 46 лет. По закону о единонаследии практически всё его состояние (два крупных поместья на Потомаке — Маттокс-Крик и Литл-Хантинг-Крик) унаследовал Лоуренс, однако его больше интересовала политика, чем сельское хозяйство. Он тоже был мировым судьей, членом колониального совета, а также поверенным и поднялся еще на одну ступеньку в социальной иерархии, женившись на Милдред Уорнер, одной из трех дочерей члена Королевского совета Огастина Уорнера. В год их свадьбы (1688) в Англии произошла Славная революция: штатгальтер Нидерландов Вильгельм III Оранский, женатый на дочери Якова II Марии, прогнал своего тестя с английского трона и стал править вместе с женой.

Милдред родила Лоуренсу двух сыновей, Джона и Огастина, и дочь Милдред. В год рождения дочери Лоуренс Вашингтон скончался — всего в 38 лет! Это случилось в 1698 году. Джону тогда было шесть лет, Огастину — четыре. Тогда же умер брат Лоуренса, Джон Вашингтон-младший, а их сестра Анна уже год как была в могиле.

Милдред-старшая срочно подыскала себе нового мужа — капитана купеческого корабля Джорджа Гейла, который решил перевезти всё семейство в Англию, в Уайтхевен. Когда они садились на корабль, Милдред, которой шел тридцатый год, снова была беременна. В Англии она разрешилась от бремени девочкой, но тяжелые роды убили ее; дитя ненадолго пережило мать.

В следующем, 1702 году Вильгельм Оранский отошел в мир иной (его супруга скончалась раньше, в 1694-м) и королевой стала его свояченица Анна, объединившая под своей рукой Англию, Шотландию и Ирландию.

По завещанию Милдред опекуном ее детей становился ее второй муж Гейл; однако права на опекуństwo предъявил двоюродный брат Лоуренса, Джон Вашингтон. Пока суд да дело, отчим пристроил мальчиков в школу Эплби в графстве Уэстморленд, в курортном местечке на востоке Англии, где давали классическое образование с упором на латынь. Но через два-три года Вашингтон выиграл суд и детей отправили обратно в Виргинию. Вскоре в Англии в очередной раз сменилась правящая династия — на трон взошел ганноверский курфюрст Георг I, которого, впрочем, крайне мало интересовала эта страна.

В 1715 году Огастин Вашингтон, ставший совершеннолетним и вступивший в права наследования (он получил тысячу акров земли и рабов), женился на сироте Джейн Батлер, унаследовавшей от отца еще 640 акров. Молодая чета поселилась в поместье мужа

Бриджес-Крик. Через три года Вашингтон приобрел еще одно поместье — Поупс-Крик, живописное местечко по другую сторону Потомака, расположенное в километре от реки. В том же году у него родился сын Лоуренс (первенец, Батлер, умер в младенчестве), через два года — Огастин-младший (дома его чаще звали Остином), еще через два — дочь Джейн. Около 1726 года отец семейства построил в Поупс-Крик новый дом и выкупил у сестры Милдред доставшееся ей в наследство поместье Литл-Хантинг-Крик.

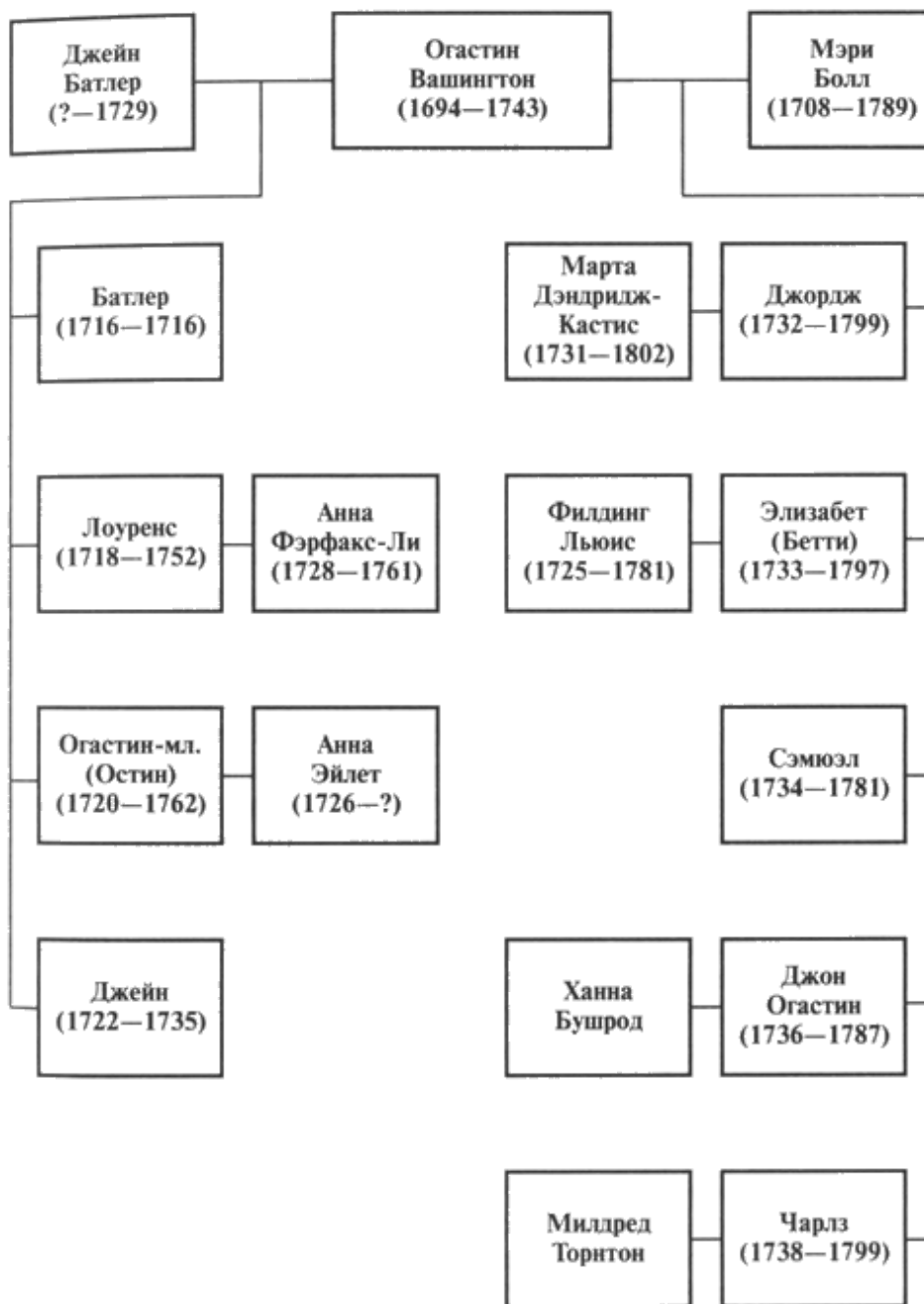
Худой, двухметрового роста, Огастин Вашингтон был наделен недюжинной силой: говорили, что он легко мог поднять и погрузить на телегу железную чушку, которую с трудом отрывали от земли два обычных человека. Он не только владел табачными плантациями (за рабами, да и за надсмотрщиками требовался глаз да глаз), но и являлся, по семейной традиции, мировым судьей, шерифом графства, а также деятельно участвовал в жизни англиканской церкви. Он также проявил крепкую деловую хватку: стал скупать земли, богатые железной рудой, в окрестностях Фредериксберга, на севере Виргинии, а в 1729 году съездил в Англию и заключил контракт с «Принсипио Компани», которая заправляла операциями с железом в Виргинии и Мэриленде. В эту поездку он взял с собой обоих сыновей и определил их в ту самую школу Эплби, где когда-то учился сам. Огастин отсутствовал всего несколько месяцев, но жена не дождалась его возвращения — его встретил совсем свежий могильный холмик.

Обремененному детьми бизнесмену срочно требовалась новая супруга. 6 марта 1731 года 37-летний Огастин женился на 23-летней сироте Мэри Джонсон Болл.

Ее отец, процветающий коммерсант Джозеф Болл, овдовев, женился в 58 лет на неграмотной простой

женщине Мэри Джонсон, поставив крест на ожиданиях своих детей от первого брака. Он умер, когда его дочке Мэри было всего три года, завещав ей 400 акров земли, полтора десятка голов скота, трех рабов и пуховую перину. Ее мать снова вышла замуж, но тоже умерла, и к двенадцати годам Мэри осталась круглой сиротой. Ее приютил друг семьи Джордж Эскридж — добрый, великодушный человек. 12 лет — тот возраст, когда девушки в американских колониях уже выходили замуж; но Мэри, вероятно, отпугивала женихов своим жестким и упрямым характером, хотя была набожной и хорошей хозяйкой, потому и засиделась в девках, несмотря на острый дефицит женского пола в колониях. Привлекательной внешностью она не отличалась, по некоторым сведениям, даже курила трубку, была малограмотной, презирала высшее общество и твердо придерживалась самой же для себя установленных правил. Возможно, Огастин Вашингтон, начитавшись Шекспира, решил, что сумеет укротить строптивую девицу (которая на самом-то деле, конечно, очень хотела замуж). Весьма вероятно, что этот брак устроил Джордж Эскридж: не случайно своего первенца Мэри назвала в его честь.

В толстенной домашней Библии была сделана запись о том, что Джордж Вашингтон родился 11 февраля (по юлианскому календарю^[1]) 1732 года около десяти часов утра, на ферме Поупс-Крик в графстве Уэстморленд. (Впоследствии этот дом сгорел.) Младенец был поразительно крупным. Окрестили его в начале апреля.

Семья Вашингтон в XVIII веке

Колыбельку Джорджа, скорее всего, качала чернокожая нянька. К моменту его рождения население Виргинии наполовину состояло из негров, подавляющее

большинство которых были рабами. Огастин Вашингтон владел полусотней рабов, в доме держали черных слуг, тем более что через год после сына родилась дочь Элизабет (Бетти), а еще через полтора года — сын Сэмюэл. За детьми, которых подстерегали разные болезни, требовался хороший присмотр, и смерть тринадцатилетней Джейн, дочери Огастина от первого брака, в очередной раз это доказала. Джордж Вашингтон впервые увидел смерть своими глазами, когда ему было три года.

В том же году Огастин перевез свое семейство в Литл-Хантинг-Крик в 60 милях вверх по течению Потомака — край девственных лесов. Дом, который он построил там на вершине холма, откуда открывался дивный вид на реку, был гораздо просторнее прежнего: на первом этаже были четыре комнаты, разделенные большим общим залом, в каждом помещении — монументальный камин; наверху помещались маленькие спальни для разраставшейся семьи. В этом прочном, надежном доме появился на свет маленький Джон Огастин.

Плантация Литл-Хантинг-Крик находилась ближе к железорудным шахтам, которые разрабатывал глава семьи. В 1736 году он снова отправился в Англию (где правил уже Георг II) и выговорил себе двенадцатую долю в «Принсипио Компани». Чтобы лучше присматривать за предприятием, Огастин перебрался еще ближе к месторождениям Аккокик-Крик: приобрел в 1738 году 260 акров земли на берегу реки Раппаханнок, напротив бурно развивающегося городка Фредериксберг с речным портом, зданием суда и каменной тюрьмой. К концу года он перевез туда семью, в том числе и новорожденного Чарлза. До доменных печей оттуда было рукой подать, а поместья Литл-Хантинг-Крик и Поупс-Крик лежали в одном дне пути. Деревенский дом стоял на уступе холма, реки из окон не было видно, зато

неподалеку рос лес, снабжавший дровами, били прозрачные ключи, откуда брали воду для питья, а вокруг простирались табачные плантации, поля пшеницы и кукурузы. Единственное неудобство: дорога к паромной переправе проходила прямо через поместье, и в базарные дни или тогда, когда во Фредериксберге заседал суд, с раннего утра толпы народа шли по протоптанной тропинке мимо дома, который впоследствии окрестили Паромной фермой.

Двухэтажный дом был обит красно-коричневыми досками, крыша покрыта дранкой, с краю возвышались две кирпичные печные трубы. На первом этаже находились четыре комнаты, на втором — три. Внешне строение выглядело не очень изящно, зато внутреннее убранство говорило о том, что его владелец — человек со вкусом и, самое главное, с достатком: кровати закрывались балдахинами; по случаю приезда гостей стол накрывали на 25 персон; в доме имелись и такие важные мелочи, как щипцы для завивки париков, щетки для зубов с костяными ручками...

В том же году из Англии вернулся двадцатилетний Лоуренс — молодой статный красавец, который, наверное, показался полубогом своему единокровному брату, шестилетнему Джорджу. Отец поручил старшему сыну управлять плантациями на Потомаке (более двух тысяч акров!), и уже весной Лоуренс от своего имени стал прикупать полосы земли, прилегающие к Литл-Хантинг-Крик, расширяя свои владения.

В июне 1739-го у Огастина родилась еще одна дочь, Милдред, но скончалась в октябре следующего года.

Между тем в 1739 году между Великобританией и Испанией разгорелся конфликт, известный как «война из-за уха Дженкинса». В октябре капитан торгового судна Роберт Дженкинс явился на заседание британского парламента и продемонстрировал собственное ухо, плававшее в банке со спиртом, которое

отрезал офицер испанской береговой охраны: испанцы обвиняли англичан в незаконной торговле со своими вест-индскими колониями. В парламенте сложилось мощное провоенное лобби во главе с адмиралом Эдвардом Верноном, требовавшее наказать испанцев; премьер-министру Горацио Уолполу пришлось уступить. Вернон лично возглавил эскадру и всего с шестью кораблями захватил Портобелло на панамском побережье; одну из улиц Лондона переименовали в Портобелло-роуд в честь этой блестящей победы. Вернон, под командованием которого находилась уже армада в 186 кораблей, взял курс на Картахену (в нынешней Колумбии).

Для укрепления морского десанта, которому предстояло высадиться в Картахене и на Кубе, король отдал приказ о создании американского пехотного полка из колонистов. Лоуренс Вашингтон вступил в этот полк и получил вожденный значок капитана роты виргинцев.

Карта Виргинии. Д. Смит. 1612 г.

Штурм Картахены в марте 1741 года обернулся кровавым фиаско: испанцы под командованием «получеловека» Бласа де Лесо (у него не было одной руки, одной ноги и одного глаза) отбили натиск девяти тысяч англичан. Лоуренсу и солдатам, которыми он командовал, даже не пришлось высаживаться на берег: желтая лихорадка и прочие тропические болезни выкашивали их не хуже, чем вражеские пули. Некоторые погибали от солнечного удара. В отличие от экипажей английских судов, уже год пребывавших в Карибском бассейне и приобретших некоторый иммунитет к местным болезням, жители североамериканских

колоний столкнулись с ними впервые; из всего полка уцелела только десятая часть.

В письме домой Лоуренс сообщал: «...противник убил около 600 наших... а климат еще больше. Большинство офицеров умерли... Война ужасна на деле, но еще более ужасна в воображении». Но закончил он довольно бодро: «Мы научились здесь есть простую пищу, быть начеку и не обращать внимания на шум или канонаду».

Чудом уцелев под Картахеной, Лоуренс участвовал еще и в высадке в Гуантанамо на Кубе (это было частью неосуществленного плана адмирала Вернона по захвату Сантьяго с суши и с моря). Конфликт в Карибском море стал прологом к Войне за австрийское наследство, продолжавшейся в Европе целых восемь лет, и был благополучно забыт английскими политиками — но не его непосредственными участниками.

Молодой Вашингтон столкнулся с презрительным отношением британцев к колонистам, которые томились на кораблях, набившись туда, как сельди в бочку. Например, бригадный генерал Томас Вентворт их ни в грош не ставил. В то же время Лоуренс проникся высочайшим уважением к адмиралу Вернону.

Вернувшись в Виргинию в конце 1742 года (его брат Остин приехал из Англии в июне), Лоуренс переименовал Литл-Хантинг-Крик в Маунт-Вернон (Гора Вернона) и повесил портрет адмирала на самом почетном месте в доме. Весной он занял вакантное место командующего милиционными силами в чине майора, продолжив тем самым семейную традицию, заложенную еще Джоном Вашингтоном.

Казалось, всё складывалось хорошо, но в ненастный апрельский день 1743 года Огастин Вашингтон умер сорока девяти лет от роду, простудившись, когда ехал куда-то верхом под холодным дождем и пронизывающим ветром. Над «американскими»

Вашингтонами словно тяготело какое-то проклятие: они не доживали до пятидесяти!

ДЖОРДЖ

Джорджу Вашингтону одиннадцать лет. Это угловатый долговязый мальчик с белой веснушчатой кожей и рыжеватыми волосами. В детстве его заставляли носить корсет, чтобы плечи были вывернуты назад, а грудь выпячена вперед, придавая ему благородную осанку.

Смерть отца глубоко потрясла его. Конечно, Огастин Вашингтон часто находился в разъездах и проводил мало времени с семьей, но сам факт его существования был ободряющим: он всё решал, говорил, где им жить и что делать.

После кончины Вашингтона-отца Лоуренс унаследовал Маунт-Вернон и железорудную шахту, Остин получил Поупс-Крик, где Джордж появился на свет, и несколько десятков рабов, а сам Джордж — Паромную ферму (Ферри-Фарм), половину доли земельного участка выше по реке под названием Дип Ран и несколько клочков земли во Фредериксберге, а также десять рабов. Однако вступить в права наследования мальчик мог только по достижении совершеннолетия, а до того всем хозяйством заправляла его мать. Она больше не вышла замуж, поэтому с одиннадцати лет Джордж превратился в старшего мужчину в семье.

У 35-летней Мэри Болл-Вашингтон на руках оказались поместье, пятеро детей, младшему из которых всего пять лет, и несколько десятков рабов. Делами и слугами она заправляла железной рукой, ее воля была законом, жизнь — спартанской: с деньгами она расставалась очень тяжело.

«Я часто общался с Джорджем, был его товарищем по играм, по учебе, по юношеским развлечениям, —

вспоминал позже его дальний родственник Лоуренс Вашингтон из Чотанка. — Его матери я боялся больше, чем моих собственных родителей; она внушала мне трепет, несмотря на свою доброту, ведь на самом деле она была очень доброй женщиной».

Между матерью и сыном не было теплых отношений — только родственный долг. Более того, между ними даже установилось неявное, скрытое противостояние. Джордж вставал еще до света, молился, выполнял работу по дому, ходил в школу, но не получал похвалы от суровой, вечно недовольной матери, хотя ему как никогда нужны были поддержка и одобрение! Он молча выслушивал упреки, которыми его осыпали, не смея возражать, загоняя внутрь себя обиду и стараясь не выказывать ее внешне. В душе его бушевала буря, но он не выпускал ее наружу — стойкий оловянный солдатик.

И всё же в чем-то мать и сын были очень похожи. Мэри была прекрасной наездницей, любила танцевать, обладала большой физической силой и вела себя независимо. Она всегда знала, чего хочет, и умела добиться желаемого. Она не признавала безвыходных ситуаций и пускала в ход смекалку. Все эти качества унаследовал Джордж. Однако если мать привыкла винить в неудачах других, сын жаловаться не любил и мог раскрыть душу только очень близким людям. Мэри была по-старомодному набожна, Джордж — глубоко религиозен. Она презирала благородное общество, он всеми силами стремился туда попасть. Она была неопрятна, он всегда тщательно следил за своим внешним видом. Мать была малограмотной, сын же пытался восполнить пробелы своего образования чтением книг.

Пока был жив отец, Джордж успел лишь выучиться читать, писать и считать в школе, которой руководил мистер Хобби, один из арендаторов Огастина Вашингтона. Начальное образование он продолжил в

школе Фредериксберга под управлением преподобного Джеймса Мэри, главы прихода Святого Георгия. Пока другие мальчишки играли во дворе в хоккей на траве, Джордж зубрил таблицу умножения. Впрочем, он вовсе не был «ботаником»: однажды его застукали за шумной возней с одной из старших девочек. Но он мечтал о том, что вслед за Лоуренсом и Остином отправится в Эплби, чтобы стать таким же денди, как они. Там он выучил бы латынь и греческий, а также французский. Все образованные люди знают латынь, а разве можно появиться в высшем свете, не говоря по-французски?

Со смертью отца надежды на поездку в Англию рухнули: мать, ни в грош не ставившая светскую ученость, ни за что не дала бы ему денег. Помощи ждать было неоткуда (забегая вперед скажем, что дядя Джон умер в 1746 году, тетя Милдред — в 1747-м). Единственным близким человеком для Джорджа был его старший брат Лоуренс, но у того появилась своя семья.

В июле 1743 года, всего через три месяца после смерти отца, 25-летний Лоуренс женился на пятнадцатилетней Анне Фэрфакс, старшей дочери полковника Уильяма Фэрфакса из соседнего поместья Бельвуар, который представлял интересы своего двоюродного брата Томаса Фэрфакса, шестого лорда Фэрфакса из Камерона. В общей сложности Фэрфаксам принадлежало пять миллионов акров земель на западе Виргинии, а благодаря деловым и родственным связям у них были «свои люди» в каждом уголке этой колонии.

Анна старше Джорджа на четыре года, он слегка робеет. К тому же она принадлежит к совершенно иному миру — миру богатых, а не разночинцев, «выбившихся в люди». Впервые побывав в Бельвуаре, лежавшем в четырех милях от Маунт-Вернона вниз по течению Потомака, Джордж был ошеломлен красотой этого места. Поместье занимало две тысячи акров в излучине реки. В центре, на возвышении, стояла двухэтажная

кирпичная усадьба в георгианском стиле, с круговой подъездной дорогой, огромным двором, службами, конюшнями и пышными садами. При этом сын полковника Джордж Уильям Фэрфакс, молодой сноб восемью годами старше Джорджа Вашингтона, называл этот дворец «сносной избушкой в лесу». Познакомившись с блистательными Фэрфаксами, Джордж почувствовал себя неотесанной деревенщиной.

Когда позволяла мать, он уезжал на свою «малую родину» — в Поупс-Крик, к Остину, и там школьный учитель Генри Уильямс учил его математике и межеванию. Он списывал тетради задачами по геометрии, таблицами мер и весов, вычислениями сложных процентов, соотношениями валют и другими практическими вещами. Дома переписывал нудные договоры об аренде, поручительстве, правах собственности на землю, внося в них новые данные, — таким образом он невольно усвоил некие базовые понятия об экономике и земельном праве.

Джордж упорно вырабатывал у себя четкий и ясный почерк, одновременно пытаясь научиться облекать мысли в изящную форму. Чтобы убить двух зайцев, он старательно переписал 110 «Правил учтвого и пристойного поведения в обществе и во время беседы» из справочника по этикету, восходящего к сочинению какого-то французского иезуита XVI века. Правило 4-е: «В чужом присутствии не напевай себе под нос, не барабань пальцами и не стучи ногами». Правило 11-е: «Не мельтеши перед другими и не грызи ногти». Правило 12-е: «Не придвигайся к собеседнику слишком близко, чтобы не обрызгать его слюной во время разговора». Правило 37-е: «Разговаривая со знатными людьми, не нависай над ними, не смотри им прямо в лицо, не подходи слишком близко, лучше стой в шаге от них». Правило 39-е: «На письме или в разговоре называй каждого его полным титулом, положенным ему по праву

и по обычаю этих мест». Правило 100-е: «Не чисти зубов скатертью, салфеткой, вилкой или ножом, и ежели другие так делают, возьми лучше зубочистку».

Правила поведения со старшими и знатными оказались особенно полезны, поскольку полковник Фэрфакс взял под свое крыло нового родственника и даже подписывал свои письма к нему «Ваш верный и любящий друг». В сентябре 1746 года Лоуренс Вашингтон и полковник Фэрфакс составили план с целью выцарапать Джорджа из цепких материнских рук и определить в королевский флот, где он смог бы сделать карьеру. Полковник назначил Джорджу тайную встречу во Фредериксберге, о которой Мэри не должна была ничего знать, и передал ему письмо от Лоуренса, где говорилось, что на одном из королевских судов, стоящих на якоре в Виргинии, открылась вакансия гардемарина. Джордж был согласен, оставалось убедить его мать, что было вовсе не гарантировано.

Сначала Мэри Болл как будто не возражала, но Джордж, стремившийся вырваться с Паромной фермы, неосторожно сказал, что уже собрал вещи и готов к отплытию. Тогда Мэри решила посоветоваться с другом семьи Робертом Джексоном. Тот план одобрил, хотя и с оговорками. Но Мэри не хотелось отпускать сына. Она обратилась за советом к своему богатому брату Джозефу Боллу, жившему в Англии. После этого все сомнения рассеялись. «Сестрица, Вы с ума сошли, — писал Болл. — Да знаете ли Вы, что уроженцев колоний во флоте за людей не считают?.. Рядовой моряк отнюдь не пользуется такой же свободой, как обычный подданный; его будут гнать с корабля, где он станет получать 50 шиллингов в месяц, и обращаться с ним, как с негром, хуже — как с собакой». Пусть лучше Джордж поступит в ученики к лудильщику. Мэри сказала «нет».

«В 15 лет отец дарит ему коня и негра, и он носится по полям, не пропускает ни одной охоты на лис, скачек

или петушинных боев и ничем другим не занимается», — писал один путешественник из Германии об образе жизни виргинской «золотой молодежи». Когда Джорджу исполнилось 15 лет, для семьи настал очень тяжелый в материальном плане период, и с учебой было покончено. А о развлечениях не заходило и речи. Конечно, не по годам рослый и сильный мальчик (весь в отца) обожал плавать в ленивых, глубоких водах Раппаханнока, прекрасно ездил верхом, а полковник Фэрфакс иногда брал его с собой на охоту, но это был необычно целеустремленный и сдержанный юноша, отнюдь не склонный к лени или беспутному времяпрепровождению. К тому же нужда побуждала его заняться делом. Джордж решил стать межевщиком.

Вся виргинская аристократия состояла из крупных землевладельцев. Занятие межеванием было хорошо протоптанной тропинкой «наверх»: во-первых, поселенцы, активно осваивавшие Дикий Запад, платили межевщикам хорошие деньги, а во-вторых, работая на клиентов, молодой землемер мог присмотреть хороший участок для себя.

Это занятие было как раз для Джорджа. Он поднаторел в математике, знал, как взяться за дело, и не любил сидеть дома. Отец оставил после себя набор инструментов для межевания, и Джордж попрактиковался на Паромной ферме. К октябрю 1747 года он заработал три фунта и два шиллинга, определившись в ученики к местному межевщику, и завел привычку скрупулезно записывать все свои доходы и расходы.

Его карьера началась многообещающе. В 1746 году барон Томас Фэрфакс, владелец земельных угодий, приехал в Виргинию, чтобы осмотреть свои владения, и остановился в Бельвуаре. Это был проницательный светский человек с умными глазами и двойным подбородком. У него имелась королевская привилегия

на продажу и сдачу в аренду всех земель на Северном полуострове — мысе на западном берегу Чесапикского залива, между Потомаком на севере и Раппаханноком на юге. Завзятому охотнику понравилось то, что он увидел, и он решил выстроить себе охотничий домик в долине Шенандоа, который потом стал называться Гринуэй Корт. Развитие его западных владений получило новый импульс, а для межевщиков нашлось много работы. Нанимал их полковник Фэрфакс, который к тому времени возглавил Королевский совет (верхнюю палату законодательного собрания Виргинии); продавать участки уполномочили его сына Джорджа Уильяма. Естественно, они «порадели родному человечку».

В марте 1748 года шестнадцатилетний Джордж Вашингтон оседлал коня и вместе со своим другом Джорджем Уильямом Фэрфаксом отправился в экспедицию через Голубой хребет и далее в девственную долину Шенандоа. Их задачей было нарезать владения лорда Фэрфакса на участки земли, пригодные для сдачи в аренду. Джордж захватил с собой перо, чернила и тетрадку, которую назвал «Дневник моего путешествия через горы».

На первом же привале, в доме капитана Исаака Пеннингтона, с ним произошла неприятность. Джордж по привычке разделся и забрался в постель, но оказалось, что это была охапка соломы, прикрытая тонким одеялом, в котором кишели блохи, вши и другие паразиты. Он быстро вскочил и снова оделся. Усталость взяла свое, и после целого дня, проведенного в седле, он всё-таки заснул, но с тех пор поклялся себе спать только на свежем воздухе, у костра. По счастью, следующую ночь провели во Фредериктауне, где ему досталась перина с чистыми простынями; Джордж обкурил дымом свою одежду, чтобы вытравить вшей, которых подхватил на предыдущей ночевке.

Путешествие продолжалось: маленькие человечки остались один на один с девственной природой, которая то поливала их дождем, то напускала на них ветер, уносивший их жалкие пожитки. По дороге приходилось преодолевать холодные бурлящие реки, пробираться по крутым горным тропам. Джордж научился управлять каноэ, охотиться на диких индеек, спал на жесткой медвежьей шкуре под звездами или в дымных палатках, ел мясо, поджаренное над костром на палочках, используя деревянные плашки вместо тарелок.

Двадцать третьего марта он впервые увидел живых индейцев. Вечером на свет их костра вышли три десятка воинов, возвращавшихся с битвы и расстроенных тем, что удалось добыть всего один скальп. Их угостили выпивкой, и вскоре индейцы устроили боевую пляску вокруг костра, задавая ритм барабаном из оленьей шкуры и погремушкой из высушенной тыквы. «Самый лучший танцор совершает прыжки, как будто его только что разбудили, и бегают и скачет по кругу самым забавным образом», — записал Джордж. Вот она, молодость: находить забавной боевую пляску индейских воинов, бывших не прочь добавить к добытому скальпу еще несколько штук... Впоследствии межевщикам попались еще одни «варвары» — группа голландских поселенцев, совершенно «невежественных», на взгляд Джорджа, потому что они не говорили по-английски.

В начале апреля, в одну ветреную ночь, Джордж проснулся оттого, что под ним загорелся соломенный тюфяк; к счастью, один из его спутников пробудился раньше, вскочил и затоптал огонь. В другой раз ветром сорвало и унесло палатку, так что до зари пришлось стучать зубами от холода. Наконец, 13 апреля миссия была выполнена; полное приключений путешествие, длившееся целый месяц, закончилось.

Джордж влюбился в эту землю. И дело не только в ее красоте (в долине Шенандоа ныне расположен

Национальный парк). Юный Вашингтон уже был способен как опытный хозяин оценить всю выгоду, которую можно будет извлечь из дальнейшей колонизации Запада. Брат поддержал его в этом: в 1749 году Лоуренс (он к тому времени стал депутатом законодательного собрания Виргинии) вместе с обоими Фэрфаксами основал «Компанию Огайо», которая впоследствии получила права на полмиллиона акров земли в пограничных областях. Цель — страна Огайо^[2], лежащая к западу от Аллеганских гор, где реки Аллегейни и Мононгахила сливаются, давая начало реке Огайо.

Итак, жизнь юного Вашингтона протекала в двух ипостасях: он неумоимо ездил по полям, лесам и горам, вооружившись компасом и вешками, чтобы заработать денег и не ударить в грязь лицом в высшем обществе. Вернувшись из очередной экспедиции, во время которой он спал не раздеваясь, «как негр», пропыленный и прокопченный дымом костра, Джордж «чистил перышки» и отправлялся в Бельвуар или Фредериксберг на светскую вечеринку. Для таких случаев он заказал себе приличный гардероб: девять сорочек, шесть полотняных жилетов, четыре шейных платка, семь шапок, а также двубортный сюртук с отворотами: «на каждом из отворотов, пяти-шести дюймов шириной, шесть петель на равном удалении друг от друга; талия низкая, длина — до колена или чуть ниже; расстояние от проймы до талии должно быть в точности таким, как от талии до низа; на полах не более одной складки», — указывал он портному.

робел в присутствии местных аристократов в напудренных париках и их вальяжных супругов. «Это был очень застенчивый молодой человек, — вспоминала одна матрона. — Мне часто хотелось, чтобы он говорил побольше».

Но о чем прикажете с ними говорить? Они образованны, перебрасываются цитатами из древних авторов, французскими остротами, вспоминают о чем-то таком, о чем он понятия не имеет. Книги — художественную литературу, сочинения по истории, философии и географии — Джордж читал от случая к случаю, зато жадно набрасывался на газеты, а к шестнадцати годам ему в руки попал журнал «Спектейтор».

Зато Вашингтон стал прекрасным танцором. Еще он выучился играть в вист и «мушку»: карты тогда были всеобщим помешательством среди британских аристократов. Но играть без денег было нельзя, а Джордж, не достигший совершеннолетия, по-прежнему зависел от матери, не одобрявшей его светские развлечения. Дома царила спартанская обстановка, и за богатыми ему было не угнаться. Однажды Джордж вынужденно отклонил приглашение Лоуренса, звавшего его проехаться с ним в Уильямсберг, тогдашнюю столицу Виргинии: «Моя лошадь вряд ли выдержит такой путь, к тому же у меня нет достаточно зерна, чтобы кормить ее в дороге».

А между тем он начинал заглядываться на девушек. В декабре 1748 года его приятель Джордж Уильям Фэрфакс, которому тогда уже исполнилось 24 года, женился на восемнадцатилетней Саре Кэри, которую после свадьбы стали звать Салли Фэрфакс. Она тоже была из богатой и образованной семьи, обладавшей обширной библиотекой, и свободно говорила по-французски. К тому же она обладала яркой, чувственной красотой и невероятным обаянием. Нескладный

застенчивый Джордж не мог оторвать глаз от ее округлых, молочно-белых плеч и изящного изгиба длинной шеи.

Но Салли была женой друга. Джордж стал смотреть по сторонам. В 17 лет он писал в своем дневнике о загадочной «красавице из низины», а заодно флиртовал с другой, «очень хорошенькой» девушкой — скорее всего, Мэри Кэри, младшей сестрой Салли. Но его ухаживания отвергли, и в виде утешения он списал себе два стишка про чувства человека, отвергнутого возлюбленной.

Однако Джордж был не тем, кто вздыхает при луне и декламирует чувствительные стишки. Кстати, тогда пришла мода на романы, и Джордж приобрел экземпляры «Истории Тома Джонса, найденыша» Генри Филдинга и «Приключения Перегрин Пикля» Тобайаса Смоллетта. Правда, его гораздо больше интересовали книги по военной истории, и полковник Фэрфакс поддерживал в нем этот интерес — например, дал почитать «Комментарии» Цезаря к жизнеописанию Александра Македонского, а в своих письмах юному протеже рассказывал об античных полководцах. К семнадцати годам Джордж стал обладателем английского сборника «Философские диалоги» Луция Сенеки-младшего и выписывал оттуда афоризмы, произведшие на него особенно глубокое впечатление: «Мужество есть презрение к страху»; «Судьба боится храбрых, давит трусов».

Одновременно он продолжал заниматься своим делом. Весной 1749 года Лоуренс Вашингтон стал государственным попечителем Александрии — бывшего табачного склада, который предстояло превратить в портовый город и перевалочный пункт на Потомаке. По его протекции землемерные работы были доверены в том числе и его брату Джорджу. В июле тот был назначен межевщиком графства Калпепер. Назначение

на эту должность с 1693 года являлось прерогативой Колледжа Вильгельма и Марии, но данное обстоятельство не стало препятствием для богатых и влиятельных людей. Семнадцатилетний Джордж Вашингтон, пользовавшийся благорасположением всемогущего лорда Фэрфакса, стал самым юным маркшейдером в истории Виргинии. В дальнейшем, наставляя своего младшего брата Джека (Джона Огастина), к которому он был особенно привязан, Джордж советовал ему проводить побольше времени в Бельвуаре: «Я был бы рад услышать, что ты живешь в совершенном согласии и добрых отношениях с семейством из Бельвуара, поскольку в их власти прийти на помощь к нам, молодым и начинающим, в самых разных областях... Я многим обязан этой семье, в особенности старому джентльмену».

Через два дня после своего назначения Джордж произвел необходимые операции по размежеванию 400 акров земли на востоке графства Калпепер и гордо поставил свою подпись под документом, где была указана его официальная должность. Эта работа оказалась первой и единственной, выполненной им по долгу службы. После он обратил свои взоры на гораздо более лакомые кусочки, лежавшие за Голубым хребтом, на которые слетались тучи колонистов. Лорд Фэрфакс только успевал подписывать договоры об аренде, а Джордж — получать заказы. Дело было доходное: приходилось работать на небольших участках, которые можно было измерить и разметить за один день. Джордж предпочитал раннюю весну и позднюю осень — летом вешки скрывались за густой листвой, что усложняло задачу. Таким образом, трудиться не покладая рук (и не слезая с седла) ему приходилось только пару-тройку месяцев в год. Лорд Фэрфакс клал в карман по шиллингу в год за каждые 50 акров обрабатываемой земли и благодаря Джорджу и его

коллегам заработал неплохие деньги. Не прошло и года, как деловой молодой человек сложил с себя полномочия маркшейдера графства Калпепер, более не нуждаясь в дополнительном заработке.

БРАТ

Успехи Джорджа совпали с внезапным ухудшением здоровья Лоуренса, вызвавшим сильную тревогу у младшего брата. Еще в мае 1749 года у Лоуренса начались приступы сухого, лающего кашля — верного признака туберкулеза, и он сложил с себя полномочия депутата. Зимой Джордж периодически навещался в Маунт-Вернон, чтобы помочь ухаживать за братом. Когда ему не удавалось вырваться, он слал нежно-заботливые письма: «Дорогой брат, надеюсь, Ваш кашель стал гораздо лучше со времен нашей последней встречи; если так, я был бы рад, если бы Вы оставили мысли о том, чтобы покинуть Виргинию». Но надежды не оправдались: кашель стал только злее, и Лоуренс отплыл в Англию, чтобы полечиться у тамошних докторов.

Весной Джордж снова сел в седло, захватил свои инструменты и отправился в долину Шенандоа. За одну поездку он расставил 47 вешек, тщательно занося все данные в маленькую книжечку, которую носил с собой.

Вернувшись, он внезапно слег — подхватил малярию. Жар сменялся ознобом, нестерпимо болела голова, суставы словно выкручивало на дыбе. Но в передышках между приступами Джордж брался за перо и писал в Маунт-Вернон жене Лоуренса Анне, которая недавно похоронила годовалую дочь, старался ее подбодрить и извинялся за то, что не может приехать.

Когда Джордж поправился, вернулся Лоуренс, всё так же тяжело страдая от чахотки. С отчаяния он решил испытать на себе целебные свойства горячих источников, недавно открытых в Западной Виргинии. Туда уже начали совершать паломничества, ходили

рассказы о чудесных исцелениях. Джордж поехал с братом.

Курорт ему совсем не понравился: темное, мрачное место, «очень неудачно расположенное на восточном склоне крутой горы и со всех сторон окруженное холмами, так что к четырем часам дня солнце уже садится, и до девяти-десяти над нами нависает туман». Трудно себе представить, чтобы в таких условиях можно было поправить здоровье, но кто знает? Пока Лоуренс пил воду и купался в горячих ключах, Джордж развлекался тем, что ездил «на разведку» по окрестностям, оценивая их взглядом профессионала. В конце лета они вернулись.

В октябре 1750 года Джордж впервые вложил деньги в землю, купив полторы тысячи акров в долине Шенандоа. Таким образом, уже в 18 лет, даже не достигнув совершеннолетия (наступавшего в 21 год), Вашингтон приобрел свою первую плантацию, на которой арендаторы или наемные рабочие выращивали кукурузу, пшеницу и табак. Какой успех для юноши, который совсем недавно был вынужден отказывать себе в поездке в столицу, потому что ему было нечем накормить коня!

Между тем Лоуренсу становилось всё хуже. Он решил использовать последний шанс: поехать на Барбадос в надежде на чудо — благотворное воздействие тропического климата. В те времена Барбадос был одной из самых процветающих британских колоний, а его столица Бриджтаун — третьим по величине городом в Британской Америке после Бостона в Массачусетсе и Порт-Рояла на Ямайке. Чахоточные устремлялись на этот остров в Карибском море, словно в санаторий.

Жена Лоуренса недавно разрешилась от бремени дочерью. Их предыдущие дети — Джейн (1744), Фэрфакс (1747) и Милдред (1748) — умерли, не прожив и года,

рисковать жизнью новорожденной малютки Сары и ее матери никому бы и в голову не пришло, поэтому больного брата сопровождал в поездке Джордж, который должен был служить ему товарищем и нянькой.

Состояние Лоуренса внушало настолько серьезные опасения, что поездку решили не откладывать до конца сезона дождей (он продолжается на Барбадосе с мая по ноябрь) и отплыли прямо в октябре, хотя в это время в Карибском море бушевали страшные ураганы. На корабле Джордж вел дневник, занося в него пометки о бурях и штормах. После чрезвычайно утомительного и опасного плавания, длившегося целых 37 дней, их судно наконец причалило к берегам Барбадоса 3 ноября. Лоуренса тут же осмотрел доктор Уильям Хиллари, оптимистически заключивший, что пациента вполне можно спасти.

Братья сняли квартиру за городом, у капитана Крофтана, командующего фортом Якова. Посетив врача, они выехали из Бриджтауна «по вечерней прохладе». Джордж, впервые покинувший родные места, был поражен и околдован пышной тропической природой, яркими цветами, пряными и приторными запахами, новыми для него звуками и «прекрасными видами, открывавшимися пред нами на поля сахарного тростника, кукурузы, фруктовых деревьев и т. д. на фоне сочной зелени». За столом радушного хозяина он впервые попробовал авокадо и ананас и был восхищен тем, что на десерт за ужином подавали горю фруктов.

Капитан Крофтан ввел своих гостей в местное общество. Джордж впервые побывал в театре. Давали мелодраму Джорджа Лилло «Лондонский купец». Спектакль произвел на девятнадцатилетнего юношу сильнейшее впечатление, и впоследствии он заделался ярим театралом.

Лоуренс был слишком слаб, чтобы вести активную жизнь. Его сил хватало только на утренние прогулки с

братом. В письмах домой он предавался унынию, тяготясь своим положением. «Один и тот же вид быстро надоедает. У нас нет никаких физических упражнений, кроме танцев». Но Джорджа захватил вихрь светских развлечений.

Однако он не тратил время попусту, а стремился пополнить свои знания в самых разных областях. Джордж заносил в записную книжку разнообразные сведения, которые могли пригодиться ему в дальнейшей жизни. В окно он видел, как по бухте Карлейль скользили величественные корабли, а на берегу солдаты выполняли строевые упражнения и ружейные приемы. Молодой человек внимательно осмотрел форт и записал в своей книжечке: «Он очень хорошо укреплен и оснащен тридцатью шестью пушками внутри оборонительных сооружений». Юный Вашингтон побывал на судебном процессе над одним рабовладельцем, полковником Бенджамином Чарноком, изнасиловавшим свою служанку. Полковника оправдали, но Джордж проникся антипатией к этому человеку «с огромным состоянием и скверным характером». Наконец, он записал для себя несколько замечаний по поводу стиля руководства губернатора Барбадоса — по его мнению, тот «не повторял ошибок своего предшественника и не давал повода для жалоб. Но в то же время, отвергая излишнюю фамильярность, он не пользуется горячей любовью».

Через две недели после приезда в дневнике Джорджа появилась тревожная запись о том, что он, похоже, «серьезно заболел оспой». Он пылал от жара, голова раскалывалась. Через пару дней верхняя часть лица и кожа под волосами покрылись отвратительными пустулами. Три недели юноша был прикован к постели, но благодаря тому, что при нем неотступно находился доктор Джон Ланахан, болезнь удалось превозмочь. Постепенно пустулы покрылись струпьями, потом

корочки отвалились, оставив красно-коричневые следы. Джорджу, который и раньше не пребывал в восторге от своей внешности, было особенно досадно, что его крупный нос теперь изъеден оспинами, но он прекрасно понимал: надо радоваться, что он остался жив. 12 декабря доктор объявил ему, что он совершенно здоров.

Ровно через неделю Джордж отправился домой в Виргинию на корабле «Индастри». Ему предстояло еще одно мучительное путешествие по бурному морю. Юноша страдал от морской болезни; в довершение несчастий кто-то из команды обокрал его, когда он забылся тяжелым сном. К тому времени, как судно причалило к Йорктауну в конце января, Джордж совершенно возненавидел моря и плавания. Как хорошо, что он в свое время не стал гардемарин! Он остановился в Уильямсберге и нанес визит новому вице-губернатору Роберту Динвидди, одному из учредителей «Компании Огайо», к которому у него были рекомендательные письма. Он увидел крепкого, хотя и слегка обрюзгшего старика в парике, как выразился один остряк, с «лицом бывшего мытаря», с пронизательным взглядом умных глаз, твердой складкой тонких губ и отяжелевшим подбородком. 58-летний шотландец, верный слуга короля и непримиримый борец со взятками и злоупотреблениями, пригласил гостя поужинать с ним и, побеседовав, решил сделать своим протеже.

Обзаведясь новым покровителем, Джордж помчался в Маунт-Вернон сообщить Анне огорчительную новость о том, что Лоуренс остался на Барбадосе, а болезнь, похоже, не хочет его отпускать. Словно утопающий за соломинку, Лоуренс цеплялся за последнюю надежду: чудо, не произошедшее на Барбадосе, может случиться на Бермудах. Шансов было мало, и Лоуренс мрачно сравнивал себя с «преступником, приговоренным к казни, но надеющимся на помилование».

Однако дела нельзя было откладывать до бесконечности: Джордж вернулся к своим обязанностям межевщика, а заодно слегка увеличил собственные владения — до 2315 акров земли. Возможно, он перетрутился или организм не вполне оправился после оспы, но вскоре он свалился с плевритом. Симптомы новой болезни страшно напугали Джорджа — он решил, что у него тоже начался туберкулез. Но мысли о смерти подтолкнули его к довольно неожиданному решению: он возжелал жениться. Его выбор пал на шестнадцатилетнюю Элизабет Фаунтлерой, чей отец был знаменитостью в графстве Ричмонд.

Выбор не менее неожиданный, поскольку Бетси не принимала его ухаживаний и вообще ни в грош не ставила небогатого застенчивого мальчика, разве что хорошего танцора. Но Джордж, привыкший решать важные дела с помощью старших, обратился непосредственно к отцу своей избранницы. В письме он сообщил, что намерен, «как только ко мне вернутся силы, ухаживать за мисс Бетси в надежде, что она отменит свой прежний жестокий приговор и переменится в отношении ко мне». Надежды оказались тщетны — Бетси не переменялась и нашла себе другого жениха.

Увы, надежды Лоуренса на целительное воздействие Бермуд тоже не оправдались: он вернулся в Виргинию и 26 июля 1752 года умер в Маунт-Верноне. Ему было всего 34 года! Джордж как будто второй раз потерял отца; он души не чаял в Лоуренсе, бывшем для него идеалом и образцом для подражания, и теперь был убит горем.

Но горевать было особо некогда: Лоуренс назначил Джорджа своим душеприказчиком, а поскольку во время долгой болезни он сильно запустил дела, двадцатилетнему брату оказалось не так-то легко

привести их в порядок. По счастью, долги удалось уплатить.

Лоуренс завещал брату три земельных участка в Фредериксберге, а в случае смерти его жены и дочери и отсутствия у них наследников он должен был получить еще две с половиной тысячи акров в Маунт-Верноне и прилегающую к ним собственность «в знак любви и привязанности» Лоуренса «к его любящему брату Джорджу Вашингтону».

«Любящий брат» возжелал свершить то, что не удалось свершить Лоуренсу, и для начала сделаться из межевщика солдатом. К тому времени Виргиния была разделена на четыре военных округа, каждый во главе с начальником личного состава. Джордж хотел получить назначение в родные места — на Северный полуостров, куда входили графства Ланкастер, Нортумберленд, Ричмонд и Уэстморленд. Но вместо этого его назначили в Южный округ. Не столько обрадованный ответственным постом, сколько раздосадованный из-за непрестижного места службы, Джордж решил улучшить удобный момент, чтобы пустить в ход свои связи и добиться-таки перевода поближе к дому.

В сентябре, находясь во Фредериксберге, Вашингтон познакомился с двумя военными, которые спросили, «видел ли он свет». Растволковав удивленному молодому человеку, что речь идет о том, является ли он масоном, они предложили ему вступить в братство. Во Фредериксберге как раз обосновалась военная «шотландская» ложа «древнего устава», которая якобы сохраняла традиции «вольных каменщиков», идущие с незапамятных времен, противопоставляя себя Великой ложе Лондона с ее новомодным масонством. Ложи «древних» отличались демократизмом: в них принимали не только представителей благородного сословия, но и офицеров из среды разночинцев и купцов. Идеалы масонов — равенство, братство, взаимопомощь,

духовное самосовершенствование — импонировали молодому офицеру. В ноябре 1752 года Джордж Вашингтон прошел обряд посвящения в ученики, а в течение года поднялся еще на две ступени, став подмастерьем, а затем и мастером ложки. Отныне перекрещенные угольник и циркуль были для него не просто чертежными инструментами, а символами физической и нравственной жизни человека.

Тем временем некий Уильям Фитцхью, назначенный в Северный округ, переехал в соседний Мэриленд, и Вашингтон, не гнушаясь откровенной лестью, добился через вице-губернатора Динвидди перевода на освободившееся место. В начале февраля 1753 года, как раз перед достижением совершеннолетия, он принес присягу и стал начальником военного округа с окладом в 100 фунтов в год — майором Вашингтоном.

ПОСЛАННИК

Молодой майор был шести футов (183 сантиметра) ростом и по тем временам считался очень высоким; при этом он весил 175 фунтов (79,4 килограмма), был стройным и мускулистым. Его фигура не отличалась изяществом: голова казалась непропорционально маленькой, узкие плечи и крепкие бедра отличного наездника были кошмаром для портных, не привыкших к таким нестандартным формам. Он не выглядел здоровяком, но кость у него была широкая, а руки — просто гигантские (перчатки приходилось шить на заказ). Он обладал недюжинной физической силой, но вот голос после перенесенного плеврита утратил силу, из поврежденных легких вылетал глухой сип, что, конечно, было крупным недостатком для человека, мечтающего о карьере полководца.

Грубо скроенный, но крепко сшитый, Вашингтон обладал мужской красотой, не будучи смазливый. Нежная белая кожа в один момент обгорала на солнце; крупный нос с квадратным кончиком, обветрившись, пламенел как маков цвет; зато глубоко посаженные серо-голубые глаза горели внутренним огнем. Парик он не носил, зачесывал свои длинные рыжеватые волосы назад, открывая высокий благородный лоб, стягивал в хвост на затылке и перевязывал черной ленточкой, а по особым случаям присыпал пудрой. (Волосы по бокам слегка оттопыривались крыльями, что придавало прическе сходство с париком.)

Еще одно слабое место его внешности — зубы. Уже в юности с ними начались проблемы. Возможно поэтому, несмотря на всю приветливость и приятность лица, прямой, открытый взгляд, устремленный на собеседника, он очень редко улыбался. Тонкие губы

большого рта обычно были плотно сжаты. Но и помимо этого Джордж, от природы импульсивный, учился властвовать собой и скрывать бушевавшие в нем чувства под маской бесстрастности.

Военная карьера Вашингтона началась так же активно, как и гражданская: вскоре после назначения начальником военного округа он оказался вовлечен в конфликт, столкнувший лбами две супердержавы — Англию и Францию.

К 1753 году британские колонии в Северной Америке занимали лишь узкую полосу на восточном побережье, зажатую между Атлантическим океаном и Аппалачами. Две трети континента, от полярных областей до Флориды, находившейся под властью Испании, принадлежали Франции. Ее владения простирались от Луизианы на юго-западе и бассейна Миссисипи, между Аллеганскими и Скалистыми горами, до Великих озер и реки Святого Лаврентия вместе с полуостровом Лабрадор. Французские колонии по величине в 20 раз превосходили 13 британских колоний и равнялись половине Европы. Вместе с тем население французской Канады не превышало семидесяти тысяч человек.

Когда британцы вознамерились взять под свой контроль огромную страну Огайо, французы ответили на их экспансию решительным «нет». В то время как Лоуренс Вашингтон и его коллеги, поощряя продвижение на запад американских поселенцев, ратовали за основание форта и фактории «у развилки Огайо», на месте слияния Аллегейни и Мононгахилы, генерал-губернатор французской Канады маркиз де Дюкен в 1752 году поставил заслон на пути этого продвижения, объявив о своих планах построить несколько фортов между озером Эри и бассейном реки Огайо для соединения французских земель от Канады до Миссисипи.

В свою очередь, Роберт Динвидди, отстаивая как интересы «Компании Огайо», так и доходную торговлю мехами с индейцами, добивался от Лондона позволения возводить форты в стране Огайо. В августе 1753-го он был уполномочен построить на спорной территории целую цепь фортов и отправить к французам посланника для передачи торжественного ультиматума с требованием покинуть земли, на которые претендует Великобритания. По сути, это было объявление войны.

Вашингтон узнал об этом распоряжении от полковника Уильяма Фэрфакса на исходе октября и сломя голову поскакал в Уильямсберг, чтобы предложить свои услуги в качестве посланника. 31 октября Динвидди с одобрения совета колонии доверил ответственное поручение неопытному юнцу. Ему были вручены инструкции из Лондона за подписью Георга II: если обнаружится, что французы строят форты на английской территории, следует по-хорошему попросить их удалиться; если же они откажутся, «мы поручаем и повелеваем вам прогнать их прочь силой оружия».

Почему именно Вашингтон? Во-первых, у него практически не нашлось конкурентов: среди виргинцев было очень мало военных, и за столь опасное поручение никто попросту не взялся бы. Во-вторых, Джордж изъездил западные земли вдоль и поперек; его молодой организм справился бы с лишениями, сопряженными с поездкой зимой по лесам. В-третьих, он был невозмутим, обладал внушительной внешностью и рассудительностью, умел держать себя с достоинством, но почтительно. Короче, это был «очень старый молодой человек». Наконец, его связи в руководстве «Компании Огайо» решили дело. Кстати, жители других колоний были тогда совершенно уверены, что Вашингтон представляет именно интересы торговой компании, а не британского монарха.

Дело не терпело отлагательств: получив инструкции, Вашингтон в тот же день отправился в путь. Он ненадолго остановился во Фредериксберге, чтобы захватить с собой Якоба ван Браама — голландца и «брата» по масонской ложе, который знал французский язык и был превосходным фехтовальщиком (он обучил этому искусству и Джорджа). Две недели спустя они уже были в Западном Мэриленде, на притоке Потомака Уиллс-Крик, где к ним присоединился Кристофер Гист — опытный проводник и маркшейдер, который хорошо знал местность и нравы индейцев. Вашингтон нанял также четверых лесных жителей, в том числе двух торговавших с индейцами.

Экспедиция началась в середине ноября. Группе предстояло проделать верхом 250 миль по горам и непроходимым лесам в не самое подходящее для путешествий время года. Целую неделю они перебирались через Аллеганские горы под ледяным дождем, переходящим в мокрый снег; едва различимая тропинка петляла по лесной чаще, выводя к быстрым речкам, которые приходилось преодолевать вброд, карабкалась на горные кряжи... В 15 милях от озера Эри зима окончательно вступила в свои права, засыпав землю снегом и заморозив речки. Зато путешественники смогли, наконец, обогреться в хижине Джона Фрейзера, промышлявшего торговлей с индейцами, у впадения Мононгахилы в Черепашью бухту.

От непрестанных дождей и снегопада река разлилась и бурлила, превратившись в непреодолимую преграду. Чтобы хоть немного разгрузить лошадей, Вашингтон велел сложить поклажу в каноэ, которым управляли два человека, сам же с остальными поехал дальше верхом. На берегу быстрой ледяной Аллегейни лошади заартачились и остановились, но Вашингтон твердой рукой направил своего коня в кипящий поток, держась в седле прямо, как свечка (его посадку

называли индейской). Глядя, как его уносит течением, остальные предпочли перебраться на противоположный берег в каноэ.

Помимо основного поручения, Вашингтон должен был еще определить, подходит ли «развилка Огайо» для строительства форта. Место показалось ему в принципе подходящим, поскольку отсюда можно было бы контролировать обе реки, но после переправы через Аллегейни он передумал и отдал предпочтение более спокойной Мононгахиле.

Вашингтону также поручили установить контакт с вождями местных индейцев — сахемами Союза шести племен ирокезов^[3] — и получить у них сведения о деятельности французов. У индейцев же предстояло раздобыть проводников к форту Ле Бёф, к югу от озера Эри, где находилось французское командование. Расположить к себе индейцев было нелегким делом, поскольку страна Огайо являлась их исконными охотничьими угодьями и они болезненно реагировали на вторжение европейцев. Переговоры с вождями должны были проходить у поселка Логстаун (ныне Баден в Пенсильвании).

Двадцать второго ноября Вашингтон предстал перед вождем делаваров Шингасом. Делавары (лениленапе)^[4] враждовали с ирокезами, хотя порой и заключали межплеменные браки, однако были лояльны к англичанам. «Индейцы продажны (за каждую услугу им надо платить) и обидчивы, поскольку у них высокое самомнение», — записал майор для себя.

Вождь индейцев сенека Танахарисон, которого англичане называли Полукоролем, находился на охоте; его «заместителя» Монакатуху осыпали щедротами. «Я дал ему нитку вампума^[5] и плитку табака и попросил передать это Полукоролю; он пообещал отправить утром гонца с дарами». Вашингтон инстинктивно придавал себе властный и величественный вид, который должен был

произвести благоприятное впечатление на «дикарей». В ожидании Полукороля он допросил четырех французских дезертиров, поднимавшихся по Миссисипи. Подозрения подтвердились: французы хотели взять англичан в клещи, соединив Луизиану с Канадой и Великими озерами.

Полукороль прибыл в Логстаун 25 ноября. Старому воину было за пятьдесят, и он был поражен, когда человек вдвое моложе пригласил его войти в свой шатер. В прошлом году вождь подписал союзный договор с англичанами и строго-настрого предупредил французов, чтобы не совались в его владения. Французов он терпеть не мог — по его рассказам, они убили, сварили и съели его отца. Высокомерие господина де Марена, французского коменданта, называвшего индейцев «надоедливými мухами», приводило его в ярость. Англичан он пока миловал — они утверждали, что пришли только торговать, тогда как французы захватывали земли индейцев. (Впрочем, в представлении других индейских племен всё было с точностью до наоборот.) Вашингтон провел переговоры очень ловко, так что индейский вождь, почувствовав к нему расположение, даже наградил его тем самым прозвищем Конотокариус, которое когда-то носил его прадед Джон Вашингтон, чем весьма ему польстил.

На следующий день Вашингтон обратился к вождям с речью: «Братья, я созвал вас на совет по повелению вашего брата губернатора Виргинии». Далее он в том же «высоком штиле» попросил индейцев предоставить ему сопровождение из молодых воинов на время его пребывания у коменданта французского форта. О сути данного ему поручения и цели своей поездки он высказался весьма уклончиво. Полукороль попросил подождать еще несколько дней, чтобы Вашингтон мог получить церемониальный ватпум от вождей индейцев шауни (из алгонкинской этнической группы).

Разумеется, молодому человеку, и так уже потерявшему много времени, не улыбалась такая перспектива. Письмо с королевскими инструкциями жгло карман, ответственность за целую империю тяжким грузом лежала на его плечах, но... «Столкнувшись с их настойчивыми просьбами, я согласился подождать, поскольку решил, что оскорбление, нанесенное в столь критический момент, чревато куда более серьезными последствиями, чем отсрочка отъезда еще на день», — записал он в дневнике. В конечном итоге индейцы собрали ему весьма жалкую свиту — четырех провожатых, включая Полукороля, который рассудил, что слишком большой эскорт может вызвать у французов подозрения и спровоцировать их на враждебные действия. Несмотря на свою неопытность, Вашингтон понял, в чем тут дело: просто индейцы служили «и нашим, и вашим».

После пяти дней пути под проливным дождем вся компания прибыла на факторию Венанго, где Аллегейни впадает во Французскую бухту. Вашингтона там встретил капитан Филипп Тома де Жонкёр, сын французского офицера и индианки из племени сенека, и пригласил отобедать в кругу французских военных.

«Вино, которым они накачивались, вскоре покончило со сдержанностью, поначалу присутствовавшей в их разговоре, и развязало их языки». К удивлению Джорджа, французы не скрывали своего намерения овладеть Огайо и даже разболтали военные секреты о местоположении их фортов. Но торжествовать было рано. На следующий день оказалось, что индейцы пьяны вусмерть и не желают ехать дальше. Вашингтон понял, что такое настоящая политика: здесь надо забыть о кодексе чести и правилах поведения, которые он старательно переписывал в детстве себе в тетрадку.

В Венанго прокантовались три дня, после чего Вашингтон продолжил путь к форту Ле Бёф в

сопровождении уже не только индейского, но и французского эскорта. Вода лилась сверху и растекалась внизу; все 40 миль пути проходили по глубоким лужам и топким болотам. К тому же вдруг резко похолодало, земля побелела от снега. Чтобы не замерзнуть окончательно, Вашингтон и Кристофер Гист ускакали вперед, проделывая по 18 миль в день под нескончаемым дождем и мокрым снегом.

Темнело рано. 11 декабря солнце уже скрылось за горизонтом, когда впереди показался Ле Бёф — четыре неказистых строения, грубо сколоченных из досок и прикрытых дранкой. На следующее утро английского посланника со всевозможной учтивостью принял седовласый одноглазый комендант, капитан Жак Легардер де Сен-Пьер — «пожилой джентльмен с повадками воина». В ответ на этот прием Вашингтон предъявил свой ультиматум: французы должны немедленно покинуть долину реки Огайо. Сен-Пьер попросил несколько дней на размышление. Всё это время Джордж не сидел сложа руки: проводил разведку местности и делал подробные записи по поводу укреплений форта. От его взгляда не укрылись 220 берестяных каноэ и долбленых лодок из сосны, вытащенных на берег бухты и явно подготовленных для военных действий. Наконец 14 декабря Сен-Пьер сообщил свой ответ: британцы его не напугали, и если их торговцы сунутся на французскую территорию, пусть пеняют на себя. «Что же касается переданного вами требования отступить, я не считаю себя обязанным ему подчиниться», — твердо заявил он, вручил Вашингтону запечатанное послание Динвидди и сообщил, что велел приготовить для него запас провианта на обратную дорогу — он лежит в каноэ.

Впечатление, произведенное столь великодушным поступком, развеялось на берегу, когда Вашингтон обнаружил, что коварный Сен-Пьер подкупил его

индейскую свиту, которая, получив от французов ружья и «огненную воду», отказалась сопровождать англичан обратно. Выведенный из себя этими двуличными людьми, Вашингтон коршуном налетел на Полукороля, обвинил его в форменном предательстве и добился-таки, чтобы тот уехал вместе с англичанами, как обещал.

Теперь надо было спешить в Уильямсберг — бить тревогу, сообщить о враждебных намерениях французов. У лошадей от усталости подгибались ноги. Неудержимый Вашингтон решил бросить их и идти пешком, с походным мешком за плечами. Он снял свой парадный костюм и облачился в одежду индейцев — кожаные легинсы и мокасины.

Они с Гистом сели в легкое каноэ, которое, словно щепку, несла ледяная, бурлящая водоворотами река, грозя в любую минуту разбить об острые камни. На первом же привале индейцы завалили медведя, зажарили его и заявили, что не тронутся с места, пока всё не съедят.

Холод становился нестерпимым. Вашингтон и Гист дошли до первого обитаемого места — Мертерингтауна, где наняли в проводники «французских» индейцев, пообещавших кратчайшей дорогой провести их к «развилке Огайо». Они шли, шли и шли через лес, и даже выносливый Вашингтон настолько устал, что позволил одному индейцу нести свой мешок. Долгая утомительная ходьба отупляла, хотелось только одного — куда-нибудь наконец прийти и отдохнуть. Но Гист, бывший настороже, интуитивно почувствовал подвох: в чаще, через которую они пробирались, было «что-то не то». Впереди забрезжила поляна. Как только они вышли на открытое место, индейцы порскнули во все стороны и закружились вокруг двух бледнолицых, стреляя практически в упор с пятнадцати шагов. Пули просвистели совсем рядом, не задев Вашингтона. «Ты

ранен?» — крикнул он Гисту. «Нет!» — прокричал тот, огромными скачками догоняя одного из индейцев. И откуда только силы взялись! Прыгнув на индейца диким зверем, Гист пригвоздил его к земле и уже собирался пристрелить из мушкета, но Вашингтон удержал приятеля: разумнее оставить при себе заложника. Они связали неверного проводника и отпустили, когда стемнело. Тот мгновенно растворился в чаще. Опасаясь, что он вернется с остальными, англичане поскорее пошли в другую сторону. «Вот помешал его убить, — пенял Гист Вашингтону, — теперь придется идти всю ночь!» И они шли...

К утру они вышли к реке. В последние дни держались холода, и усталые путники надеялись, что река замерзнет; однако между белыми берегами клочкотала черная вода, по которой неслись небольшие льдины. У товарищей был один топорик на двоих; целый день они рубили им деревья, чтобы смастерить плот и переплыть реку. На середине реки плот заклинило большой льдиной — того и гляди потонет. Вашингтон изо всех сил уперся шестом в дно реки, стараясь затормозить плот, пока льдина не проплывет мимо, но быстрое течение натолкнуло плот на шест и Джордж, не удержавшись, плюхнулся в воду. От холода перехватило дыхание, он беспомощно барахтался на стремнине, пока не ухватился за выступавший конец плота. До противоположного берега было не добраться; с грехом пополам друзья выбрались на островок посреди реки. Вашингтон стучал зубами, но обсушиться и согреться было негде; у Гиста были отморожены пальцы рук и ног. Всю ночь они провели на островке; к утру река покрылась слоем льда, и они кое-как перебрались на другой берег.

И остались живы! Сделав краткую остановку в Бельвуаре и в красках поведав семье Фэрфаксов о своих приключениях, Вашингтон верхом, без дороги, поскакал

в Уильямсберг и 16 января 1754 года вручил в собственные руки Динвидди запечатанное письмо французского коменданта. Майор приложил к нему собственноручно вычерченный план форта Ле Бёф и данные о французском контингенте и его вооружении. Впечатленный Динвидди попросил его составить на основании дневниковых записей связный отчет для представления Совету.

Отчет был опубликован в местной прессе и даже перепечатан в Массачусетсе. Динвидди написал в Лондон, в министерство торговли, предупредив об угрозе столкновения с французами уже весной: неприятель способен выставить не менее полутора тысяч солдат и без числа индейских воинов и продолжить программу сооружения фортов в Огайо. В подкрепление своих слов вице-губернатор приложил отчет Вашингтона — он был опубликован в Англии отдельной брошюрой под названием «Дневник майора Джорджа Вашингтона». Неожиданно для себя никому не известный молодой человек прогремел на всю Британскую империю.

Но, как говорится, «спасибо — это много, 100 фунтов достаточно». За все труды Вашингтону заплатили... 50 фунтов стерлингов. «Меня послали в путь зимой... и что я получил за всё? Возмещение расходов!» — с горечью писал он брату Джеку.

Зато молодому майору, командующему Северным округом, поручили собрать и обучить сотню добровольцев. Вместе с еще одной сотней они должны были отправиться к «развилке Огайо» и построить там форт. 28 января Вашингтон обратился к виргинскому чиновнику Ричарду Корбину и потребовал для себя повышения в чине. Допуская, что «командование всеми силами Виргинии будет непосильной ношей для моей молодости и неопытности», он всё же надеялся: «Вы сочтете меня достойным чина подполковника и

соблаговолите упомянуть мое имя в приказе по офицерскому составу». По мнению молодого честолюбца, его «старание и прилежное исполнение своего долга» — достаточное основание для повышения. Так думал не он один — Динвидди представил его к чину подполковника, преподнеся «подарок» на 22-й день рождения. Виргинский вундеркинд успешно делал карьеру.

ВОИН

Подполковнику Вашингтону предстояло вести в поход отряд неопытных и недисциплинированных новобранцев из маргиналов, к которым их командир относился со смешанным чувством сострадания и брезгливости. Эти были «распутные, праздные люди, у которых нет ни кола ни двора, а у многих и одежды», — жаловался он Динвидди. И эти неопрятные, полунищие люди — солдаты? У них не было чулок, сорочек, верхнего платья, даже обуви, не говоря уже о холодном оружии (кинжалах, пиках, алебардах), а тем более барабанах. В особенности Вашингтон расстроился из-за отсутствия обмундирования и принялся клянчить у губернатора красные английские мундиры, утверждая, что в представлении индейцев красный цвет ассоциируется с кровью и является отличительным знаком великих воинов. Кстати, уверял он, индейцы смеются над обносками, в которых ходят французы, «и я полагаю, что именно по этой причине они их так ненавидят и презирают».

Динвидди поручил возглавить экспедицию Джошуа Фраю, бывшему профессору математики из Колледжа Вильгельма и Марии, родившемуся в Англии и учившемуся в Оксфорде. Молодой Вашингтон оказался в подчинении у неуклюжего старика (Фраю было хорошо за пятьдесят), страдающего одышкой.

В середине марта из страны Огайо дошли слухи, что отряд французов быстро продвигается к «развилке»; обеспокоенный Динвидди приказал Вашингтону немедленно выступить в поход, дав ему самые широкие полномочия. В целом ему следовало придерживаться оборонительной стратегии, однако, если французы вздумают возводить военные сооружения на английской

территории, он был вправе вступить в бой, захватывать пленных, а в случае сопротивления — убивать.

Второго апреля 1754 года отряд из 160 новобранцев побрел по направлению к Огайо. Дорогу приходилось прокладывать самим, обоз тянулся сзади, сильно запаздывая. И всё же Вашингтон впервые чувствовал себя настоящим командиром.

Через три недели пути, в том месте, где в Потомак впадает Уилс-Крик, в лагерь Вашингтона примчался гонец с ужасной новостью: французы десантировались у «развилки Огайо», принудив сдать англичан, которые строили там форт; захваченное ими укрепление, занимавшее стратегическое положение, переименовано в форт Дюкен. Несмотря на то что Полукороль со своими воинами пришел на помощь англичанам, их было слишком мало; что могли сделать 34 британских солдата против тысячи французов, прибывших на 360 лодках и каноэ, да еще и с восемнадцатью артиллерийскими орудиями?

Как только эта новость облетела лагерь, у необстрелянных солдат душа ушла в пятки. Вашингтон изо всех сил пытался их подбодрить, чтобы предотвратить массовое дезертирство. Он встретился с Полукоролем и уверил его, что их небольшой отряд — только авангард, а сзади движется «бесчисленное множество наших воинов с большими пушками, провизией и боеприпасами». Разумеется, это был обман, полковник Фрай вел с собой чуть больше сотни солдат.

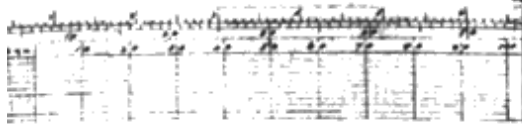
Надо было действовать, причем быстро. Вашингтон взял на себя смелость написать вице-губернатору Пенсильвании Джеймсу Гамильтону и губернатору Мэриленда Горацио Шарпу, прося о подкреплении. Прекрасно понимая, что такие «шишки» вряд ли воспримут всерьез обращения 22-летнего юнца, он тщательно продумал их. «Прежде всего прошу Ваше превосходительство простить мне мою дерзость,

поскольку не имею счастья находиться в числе Ваших знакомых», — писал он Шарпу. Но дальше он в ярких и образных выражениях побуждал губернатора к активным действиям, предрекая, что нынешнее столкновение «выведет нас из спячки, в которую мы впали, и возродит в каждом свободнорожденном англичанине героический дух, чтобы утвердить права и привилегии нашего короля». И Мэриленд, и Пенсильвания прислали войска.

(Как раз в мае 1754 года в «Пенсильвания газетт» была опубликована политическая карикатура, нарисованная Бенджамином Франклином, заместителем главного почтмейстера колоний, под названием «Объединиться или умереть». Она изображала змею, разрезанную на восемь кусков: Новая Англия, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Мэриленд, Виргиния, Северная и Южная Каролина, и призывала правительства разрозненных британских колоний объединиться для борьбы с общим врагом — французами.)

A scale of Miles

Part of

The French are now coming from their
 Forts on Lake Erie from the West, to Demingo
 to build another Fort - and from thence
 they design to the Forts of Mankongahela
 and both Lake Stroz, and so to continue
 down the River building at the most con-
 venient places in order to prevent our
 Settlements &c.

170. It will be observed that the French
 are in the place where we are going
 to build a Fort as it commands
 the River and Mankongahela -

Нарисованная Вашингтоном карта «развилки Огайо» — спорной территории, из-за которой началась Франко-индейская война. 1754 г.

Защищая интересы короля, Вашингтон не забывал и о своих собственных. Колониальный совет назначил офицерам из числа американских колонистов жалованье ниже, чем получали офицеры регулярной британской армии. В середине мая Джордж отправил Динвидди возмущенное письмо: «Позвольте мне тогда служить на добровольных началах. Я с величайшим наслаждением приложу все силы для похода, получив в награду лишь удовлетворение моей страны. Но подвергать себя опасности, пробираться через леса, утесы, горы ради тени жалованья — я бы предпочел тяжелый каждодневный труд землепашца, в поте лица своего добывающего свой хлеб, чем служить на таких постыдных условиях». Динвидди прислал раздраженный ответ, где высказывал удивление, что молодой человек, на которого он «возлагал столь большие надежды и ожидания», донимает его «необоснованными жалобами». Честно говоря, отказ от жалованья на тот момент мог быть лишь красивым жестом; Вашингтон понимал, что не настолько богат, чтобы содержать себя во время похода...

Вечером 24 мая пришли неприятные новости: французский отряд пересек реку Югиогени в 18 милях от лагеря англичан. Вашингтон решил занять оборону в Грейт-Медоуз (Больших Лугах) (неподалеку от нынешнего Юнионтауна в Пенсильвании) — глухом, заросшем сочной травой месте, оправдывавшем свое название. По его приказу солдаты вырубали все кусты, чтобы не заслоняли обзор.

Неподалеку находилась хижина Кристофера Гиста. Как-то ночью к нему нагрянули полтора десятка шумных

французских солдат, грозя убить его корову и разнести дом в щепки. В ту же ночь часовые, выставленные Вашингтоном, услышали какой-то шорох. Не зная, то ли это французы, то ли дезертиры (из лагеря сбежали шесть человек), они принялись стрелять наудачу в темноту. С тех пор, ложась спать, солдаты клали рядом с собой мушкеты.

Полукороль подтвердил, что лагерь французов находится в семи милях от англичан. Они продолжали устраивать вылазки. Вашингтон решил сам изловить этот летучий отряд неприятеля.

Было новолуние, лес затопил чернильный мрак, лил дождь. Ведомый Полукоролем Вашингтон ощупью продвигался вперед по узкой тропке, за ним гуськом, натываясь друг на друга, шли 40 солдат; семеро заблудились, их потом так и не нашли.

Ранним утром 28 мая Полукороль, двигаясь бесшумно, словно призрак, отвел «бледнолицего брата» в потайное место в узкой горной долине, со всех сторон закрытой утесами. Там стояли палатки трех с половиной десятков французов. Укромное место, никаких опознавательных знаков... Вашингтону больше не требовалось доказательств. Всё ясно! Это шпионы! Днем они прячутся здесь, а по ночам бродят вокруг нашего лагеря, выведывая и разнюхивая!

Индейцы тенями рассыпались по горам, перекрывая французам пути к отступлению, а Вашингтон во главе своего отряда храбро пошел на них в лоб, подставляя себя под удар. Увидев, что окружены, французы схватились за оружие и принялись беспорядочно стрелять. Начальник английского отряда отдал приказ открыть ответный огонь. Его солдаты дали два быстрых и четких залпа. Потеряв десять человек убитыми, французы поняли, что оказались в ловушке, побросали мушкеты и сдались. Потери Вашингтона составили

только четыре человека — трое раненых и убитый. Бой продолжался не больше четверти часа.

Неожиданно обнаружилось, что среди французов находился посланник с поручением, аналогичным миссии, какую в свое время исполнил Вашингтон. 35-летний Жозеф Кулон де Вилье, господин де Жюмонвиль, имел при себе ультиматум к англичанам немедленно освободить страну Огайо. Он начал зачитывать это послание, но тут Полукороль выскочил вперед, снес ему полчерепа своим боевым топором, погрузил руки в теплый мозг своей жертвы, разбрасывая бледно-розовые ошметки, а затем снял скальп. По этому сигналу индейцы набросились на уцелевших французов, били раненых по головам и снимали скальпы. Вашингтон им не мешал: индейцы еще пригодятся, лучше иметь их среди своих друзей, чем среди врагов.

Двадцать девятого мая Вашингтон вернулся в лагерь и засел за письмо к Динвидди. Прежде чем перейти к описанию кровавого столкновения, он уделил восемь абзацев новым жалобам на маленькое жалованье, не позволяющее колониальному офицеру вести достойное существование. Между делом он упомянул, что сообщил полковнику Фэрфаксу о своем намерении уйти в отставку, но тот якобы его отговорил; снова намекнул, что предпочел бы служить вообще без платы, чем за такие жалкие гроши. Наконец, он написал и о Жюмонвиле, напирая на то, что в скрытом от глаз месте могли находиться только шпионы или дезертиры, но уж никак не дипломатическая миссия, к тому же французы провели там три дня, высылая лазутчиков, хотя теперь от этого и отпираются.

Другое письмо Джордж отправил брату Джеку, рассказав в нем о том, как вел себя в первом бою: шел впереди своих солдат, подавая им пример и подвергая себя огромному риску. «По счастью, я даже не был ранен, хотя правый фланг, где я находился, был открыт,

весь вражеский огонь обрушился на него, именно там был убит один человек, а остальные ранены... Говорю тебе совершенно точно: я слышал свист пуль, и поверь мне, есть что-то завораживающее в этом звуке».

Понимая, что французы скоро узнают об инциденте и явятся отомстить за своих, Вашингтон поклялся не делать ни шагу назад и приказал своим людям рыть окопы и огораживать частоколом форт, который назвали Несессити (Необходимость). Пока его небольшое войско напряженно готовилось к нападению французов, полковник Фрай свалился с лошади и скончался 31 мая. Командование Виргинским полком перешло к Джорджу Вашингтону.

На следующий день пришел ответ от Динвидди: он благодарил молодого героя за «приятные вести» и поздравлял с победой, «доказавшей индейцам, что французы не непобедимы в честном бою с англичанами». К следующему письму прилагались четыре тысячи черных и столько же белых вампумов и три бочонка рома для подкупа краснокожих. Впрочем, в глубине души Динвидди понимал, что Вашингтон превысил свои полномочия, поэтому в отчете министерству торговли он отвел своему молодому протеже второстепенную роль, переложив главную ответственность на индейцев. В результате национальный герой Виргинии превратился в Англии в опрометчивого юнца, жаждущего славы. В лондонских газетах написали и про «завораживающий свист пуль». Прочитав это, король Георг II скривился: «Он бы так не сказал, если бы слышал его чаще». «Вашингтон и иже с ним могут быть храбры и решительны, — писал лорд Албермаль герцогу Ньюкаслу, — но они невежественны и неопытны в нашем деле; следственно, полагаться на них нельзя!»

Это еще было не самое страшное — в Париже Вашингтон прослыл подлым убийцей. Чудом уцелевшие

французы представили свою версию событий: утром, разбуженные воплями, они обнаружили, что окружены индейцами и англичанами, которые открыли огонь. Господин де Жюмонвиль через переводчика призвал их прекратить стрелять, и когда залпы прекратились, стал зачитывать ультиматум. Ему выстрелили в голову из мушкета. Англичане перебили бы всех французов, если бы индейцы не заслонили их собой. (Разумеется, мнимое милосердие индейцев упоминалось лишь для оправдания союза с дикарями; Полукороль объезжал дружественные племена, демонстрируя им свои боевые трофеи — французские скальпы.)

Инцидент с Жюмонвилем стал искрой, от которой разгорелась Франко-индейская война (1754–1763). Два года спустя ее тлеющие головешки перелетели в Европу, где началась Семилетняя война. «Пуля, выпущенная молодым виргинцем в американской лесной глуши, вызвала мировой пожар», — писал сэр Горацио Уолпол, сын премьер-министра.

...Вместо покойного Фрая новым главнокомандующим стал полковник Джеймс Иннс, опытный офицер-шотландец, возглавлявший полк Северной Каролины. Вашингтон ничуть не возражал против этого назначения. С майором Джорджем Мьюзом, который привел в форт Несессити две сотни солдат и поступил под его начало, у него установились теплые отношения. Но вот грядущее прибытие сотни пехотинцев из Южной Каролины под командованием Джеймса Маккея сулило неприятности. Эта рота состояла из колониальных солдат, но считалась частью регулярной британской армии; капитан Маккей обладал королевским офицерским патентом, а потому его статус был выше, чем у Вашингтона, командира полка.

В самом деле, появившись со своими людьми 14 июня, Маккей разбил отдельный лагерь, а когда Вашингтон прислал ему пароль и отзыв,

недвусмысленно дал понять, что не намерен подчиняться какому-то колониальному полковнику. Его южнокаролинцы не будут строить дороги вместе с виргинцами, поскольку Вашингтон может заплатить им только по низким колониальным расценкам.

Но это были еще цветочки. 18-го числа Вашингтон созвал совещание индейских вождей. Три дня они пытались разработать стратегию военных действий против французов. Опытный глаз Полукороля сразу выхватил все недостатки форта, бывшего предметом гордости пылкого молодого командира. Хлипкое сооружение из бревен, покрытых дранкой и звериными шкурами, могло вместить не более семнадцати человек, остальные должны были укрываться в окопах за земляными насыпями. Между тем поляну, на которой находился форт, со всех сторон окружали лесистые горы, откуда он был виден как на ладони. Более того, случись дождь — и луг, заросший густой травой, где паслись кони и коровы (большой плюс, с точки зрения Вашингтона: не надо тратиться на фураж), разом превратится в болото. Короче говоря, индейцы поняли, что жалкий британский форт не защитит их от огромных сил французов, сконцентрировавшихся в форте Дюкен, и решили вовремя уйти. Вашингтон возмущался «чертовыми изменниками, которых подослали шпионить французы», но Полукороль мог лишь пожалеть доброго, но наивного и неопытного бледнолицего, возомнившего, будто может повелевать индейцами, точно своими рабами, и не желавшего слушать их советов.

Через неделю, 28 июня, Вашингтон велел своим измученным людям, занятым строительством дорог, укрыться в форте и провел военный совет. Разведка донесла, что силы противника составляют 800 французских солдат и 400 индейских воинов, а во главе этой армии стоит человек, от которого не приходится ждать пощады, — капитан Луи Кулон де Вилье, старший

брат убитого Жюмонвиля. В довершение всего уставшие солдаты Вашингтона уже шесть дней не ели ни мяса, ни хлеба, перебиваясь иссохшими кукурузными початками. Тем не менее решимости у молодого командира не убавилось; он был уверен, что сумеет противостоять французам со своими тремя сотнями солдат и девятью пушечками. Вероятно, как насмешливо отозвался Полукороль, он надеялся, что французы будут выходить в чистое поле стройными рядами, позволяя себя убить. (На самом деле Вашингтон знал, что «французы все сражаются в индейской манере», то есть используют тактику партизанской борьбы, стреляя из-за укрытий, но был уверен в превосходстве британцев.)

Утром 3 июля французы выступили в поход. Их путь лежал через долину, где был убит Жюмонвиль; вид непогребенных изуродованных трупов возбудил ярость в их соотечественниках. Месть! В то время как люди Вашингтона поспешно рыли окопы, со всех сторон раздались боевые крики и улюлюканье индейцев. Разбившись на три колонны, французы взяли британцев в кольцо; пули полетели сразу отовсюду — «из-за каждой кочки, дерева, пня, камня или куста», как потом записал Джордж. К его досаде, профессиональные солдаты Маккея, не дрогнув, стояли под огнем французов, но ряды виргинцев рассыпались — они бросились в укрытие.

Враг был невидим, прячась в лесу и расстреливая свои жертвы практически в упор, с расстояния в 55 метров. Во второй половине дня разверзлись хляби небесные, и британцы и их пушки увязли в жидкой грязи, а окопы превратились в канавы, наполненные водой. Намокшие мушкеты не могли стрелять. К вечеру форт Несессити представлял собой жуткое болото, заваленное телами, плававшими в крови и грязи. Вашингтон лишился трети своих солдат. Кроме того, безжалостные французы перебили всех коров, лошадей

и даже собак, попавшихся им на глаза. Сами они потеряли всего трех человек убитыми и 17 ранеными. (Впоследствии Вашингтон и Маккей, чтобы не погубить окончательно свою репутацию, преувеличили французские потери до трехсот человек, уравнив их с британскими.)

Было около полуночи, когда командир французов наконец-то изъявил желание принять парламентариев. К тому времени люди Вашингтона, укрывшиеся за оградой, со страху прикончили все запасы рома и каждый второй был мертвецки пьян. Вашингтону и Маккею не оставалось иного выхода, кроме сдачи: что они могли сделать без пороха и запасов продовольствия?

Вести переговоры поручили Якобу ван Брааму. Французы передали ему условия капитуляции. При неверном свете единственной свечи британские офицеры пытались разобрать слова, написанные отвратительным почерком и расплывающиеся на влажной бумаге. Сделать это никому не удалось, и все взгляды устремились на ван Браама. Тот передал на словах то, что удалось запомнить: французский рейд — возмездие за смерть Жюмонвиля; побежденным гарантируют пощаду в случае «раскаяния», их не возьмут в плен, а отпустят по домам с воинскими почестями, знаменами и барабанами. Офицеры подписали капитуляцию.

Впоследствии оказалось, что переводчик оказался слегка неточен: французы мстили за убийство Жюмонвиля, а не просто за его смерть. Подписав документ, британские офицеры признали, что это было именно убийство, и дали в руки французам крупный козырь в пропагандистской войне.

Для довершения унижения индейцы, помогавшие французам, разграбили британский обоз и на всём обратном пути к Уиллс-Крику всячески донимали

отступавших солдат. Виргинцы стали массово дезертировать, и Вашингтон никак не мог этому помешать.

Среди награбленных вещей оказался дневник Вашингтона, который французы передали губернатору Дюкену. «Нет ничего более подлого, низкого и черного, чем чувства и мысли этого Вашингтона!» — воскликнул тот, пролистав тетрадь. (Два года спустя дневник был опубликован в Париже с глумливыми комментариями. Узнав об этом, Джордж чуть не сгорел со стыда.)

Когда две недели спустя Вашингтон отправился в Уильямсберг, в столице уже только и разговору было, что о его подвигах. Поначалу поражение, которое он потерпел от французов, и признание в «убийстве» Жюмонвиля настроили общество резко недоброжелательно к молодому офицеру. Заботясь о собственной репутации, Динвидди утверждал, что Вашингтон нарушил его приказ и ввязался в бой с французами до подхода основных сил. Вместе с тем в Лондон он сообщил лишь о «небольшой стычке, в которой офицеры действовали рассудительно, а наши небольшие силы — необычайно храбро». Он также жаловался на «чудовищную» неспособность других колоний прийти на помощь Виргинии.

В самом деле, пока французы расстреливали виргинцев в форте Несессити, в Олбани (Нью-Йорк) проходил конгресс уполномоченных от всех тринадцати колоний, которые должны были выработать план совместных действий, а также договориться о сотрудничестве с союзом шести племен ирокезов. На конгрессе было представлено несколько планов объединения, в том числе план Франклина о создании единого правительства во главе с генерал-президентом, назначаемым королем, и Советом из народных представителей. Но этот план был отвергнут и колониями, боявшимися утратить свои прерогативы, и

Лондоном, поскольку король счел его чересчур демократичным.

Постепенно осуждение сменилось признанием того факта, что форт Несессити действительно был поставлен в тяжелейшие условия. В конечном итоге палата депутатов, собравшаяся в начале сентября, даже воздала Вашингтону и Маккею почести за храбрость, проявленную при защите родины. Губернатор Мэриленда Горацио Шарп, еще недавно порицавший Вашингтона за непродуманные действия, лично написал ему и объяснил, что как только общественности стала известна правда о произошедшем в Несессити, она сразу переменяла мнение: «Ваша репутация восстановлена».

Однако было решено разбить Виргинский полк на десять отдельных рот во главе с капитанами, а это значило, что Вашингтон переставал быть его командиром. В запальчивости он решил было подать в отставку, но потом опомнился: в колониях служба в армии была лучшим способом быстро сделать карьеру. К тому же он любил эту жизнь, полную лишений, опасностей и риска, и чувствовал в себе призвание к военному делу. В конце октября молодой офицер решил сшить себе великолепный мундир и выписал из Лондона золотой аксельбант, шесть ярдов золотого галуна, 24 золотых кольца для амуниции, роскошный малиновый кушак, четыре дюжины позолоченных пуговиц и шляпу, отделанную золотым шнуром.

Десятого декабря 1754 года умерла маленькая Сара Вашингтон — дочь Лоуренса. Неделю спустя ее мать Анна, уже два года как вышедшая замуж за Джорджа Ли (тоже вдовца, сына лондонца Ричарда Ли), сдала в аренду бывшему деверю поместье Маунт-Вернон с восемнадцатью жившими там рабами. По условиям арендного договора Джордж был обязан на каждое Рождество от имени бывшей невестки отправлять в Англию 15 тысяч фунтов табака в пятнадцати больших

деревянных бочках; это обязательство побуждало его как следует вести дела и не запустить имение.

Джордж помчался в Маунт-Вернон, который был дорог его сердцу как памятное место, связанное с любимым братом. Дом стоял на высоком холме на берегу Потомака, оттуда открывался чудный вид на реку, утесы, окрестные леса и плантации. Как раз в те дни поверхность воды покрывали тучи диких уток, слетавшихся туда зимовать.

Но он недолго побыл помещиком. 20 февраля 1755 года в Чесапикском заливе бросил якорь корабль, на котором прибыл генерал-майор Эдвард Брэддок, а с ним два полка английских солдат в новехоньких красных мундирах. Брэддоку было поручено выбить французов из форта Дюкен и выместить их из долины Огайо. Вашингтон поспешил направить генералу учтивое приветствие. Тот навел справки и выяснил, что молодой офицер хорошо знает местность в означенном районе. 2 марта капитан Роберт Орм, ординарец Брэддока, прислал в Маунт-Вернон письмо, приглашая Вашингтона прибыть в ставку генерала, который желает сделать его своим адъютантом. Тот не заставил себя упрашивать, написав в ответ, что «служить под началом джентльмена, обладающего способностями и опытом генерала Брэддока», — лучший шанс приобщиться к профессии военного.

Однако он намекнул на кое-какие проблемы личного порядка, которые могут ему помешать. Поместье было крайне запущенно, а близилась посевная. Доверить управление хозяйством было некому. Кроме того, горя желанием служить под руководством Брэддока, Вашингтон не желал быть второсортным колониальным офицером и мечтал о королевском офицерском патенте, причем пожизненном, однако Брэддок мог предложить ему лишь временную капитанскую должность. Наконец был найден компромисс: Вашингтон согласился служить

волонтером, а генерал разрешал ему заниматься своими делами, пока армия не выступит на запад.

Джордж решил поручить управление Маунт-Верноном в период своего отсутствия девятнадцатилетнему брату Джеку. В семье разразился скандал. Мэри Болл явилась в Маунт-Вернон, полная решимости отговорить старшего сына от службы в армии: кто будет помогать ей, бедной слабой женщине, заниматься хозяйством у себя на Паромной ферме? Джордж уже собирался ехать на конгресс в Александрию, где его ждал великолепный капитан Орм, когда в Маунт-Верноне высадился внушительный семейный десант, возглавляемый матерью, которая потребовала пересмотреть его планы на ближайшее будущее. Пришлось написать капитану учтивое письмо с извинениями, а самому вступить в сложные переговоры. Война, угроза отечеству, карьера — Мэри и слышать ни о чем не хотела, ее интересовали только собственные доходы. И всё же теперь Джорджу было не 14 лет, и он одержал победу. На ближайшие три года управляющим всеми поместьями (Паромной фермой, Маунт-Верноном и плантацией Булскин) стал Джек.

В конце апреля Джордж со своим слугой Джоном Алтоном, уроженцем Уэльса, выехал в Мэриленд: войска Брэдока были расквартированы во Фредерике и ждали, пока колонисты предоставят им 150 повозок для обоза. Рыцарю, отправляющемуся сражаться, требовалась дама сердца. Остановившись по дороге на плантации Булскин (Бычья шкура), Джордж отправил оттуда в Бельвуар письмо, адресованное «миссис Фэрфакс» (то есть Салли), обещая писать ей при первой возможности: «Не стоит и говорить о том, каким наслаждением станет для меня эта переписка». Со стороны Вашингтона было довольно дерзко вступать в личную переписку с женой друга, к тому же члена влиятельного клана Фэрфаксов, которым он был столь многим обязан... К тому же его

зависимость от этой семьи предстала со всей очевидностью неделю спустя, когда Джорджу пришлось просить лорда Фэрфакса срочно ссудить ему 40 фунтов на покупку коня, поскольку три его лошади пали.

Прибыв в Винчестер, Вашингтон написал матери, подчеркнув, как он рад служить в свите генерала Брэддока. В ответном письме Мэри попросила сына нанять ей слугу-голландца и купить масла. Джордж учтиво ответил, что это не в его власти, поскольку в тех местах, где он сейчас находится, жителей очень мало, а масла не хватает даже для снабжения армии. Письмо заканчивалось обычной фразой: «Остаюсь, сударыня, ваш покорный и почтительный сын».

Генералу Брэддоку было 60 лет. Этот низкорослый толстячок с длинным тонким носом был бесстрашен в бою, а со своими офицерами обращался бесцеремонно. Грубоватый, прямой и резкий, как «настоящий солдат», он был упрям до невозможности и отдавал приказы, не советуясь ни с кем. Губернаторы колоний были для него «штафирками», достойными презрения. Бенджамину Франклину, прибывшему во Фредерик для оказания помощи войскам, он выразил свое негодование по поводу того, что ему до сих пор не предоставлены повозки и 2500 лошадей для обоза; Франклин дал соответствующее объявление в газете и даже купил кое-что на собственные деньги.

Вашингтон попытался оправдать свою репутацию человека, знакомого с местной спецификой, и предложил Брэддоку отправиться в поход через горы налегке, без обоза, используя лишь вьючных лошадей. Кроме того, он сообщил о «партизанской» тактике французских войск, которую те переняли у индейцев. Франклин также предупредил генерала об опасности засады. Брэддок насмешливо улыбнулся такой наивности и заносчиво заявил: «Эти дикари могут казаться грозным противником только вам, сырому

американскому ополчению, но против регулярных и дисциплинированных королевских войск они ничто».

Положа руку на сердце Вашингтон не предполагал, что ему придется сражаться с французами, а просто собирался завести полезные знакомства и продвигаться по служебной лестнице. Когда Брэддок отправил его в Уильямсберг срочно раздобыть четыре тысячи фунтов, он сделал крюк, чтобы заехать в Бельвуар — пофлиртовать с Салли. Та была опытной кокеткой и умела держать поклонников на расстоянии: прося Джорджа обязательно уведомить ее о благополучном возвращении в лагерь, она при этом советовала писать ей через третьих лиц. Вашингтон был достаточно умен и всё понял. Кроме того, ссориться с Фэрфаксами не входило в его планы, поскольку он решил баллотироваться в палату горожан. В своем округе он не имел шансов, поскольку там выставит свою кандидатуру Джордж Уильям Фэрфакс, но мог попытать счастья в графстве Фредерик. В письме брату Джеку он просил прощупать почву, узнать, кто из известных людей мог стать его соперником, и по возможности исподволь настроить общественное мнение в его пользу. Если это потребует определенных расходов — он готов их понести. Действовать надо только наверняка, ему нужен успех, а не провал.

В начале июня, после нескольких месяцев подготовки, три тысячи солдат выступили в направлении форта Камберленд (бывшей фактории на Уиллс-Крике). В день по гористой местности удавалось проделать не больше двух миль; казалось, что до «развилки Огайо» они не дойдут никогда. Брэддок настоял на том, чтобы взять с собой всю артиллерию и тысячи бушелей ^[6] зерна. Люди и кони падали замертво от усталости. Наконец, даже упрямый генерал послушался совета Вашингтона и сколотил дивизион из восьмисот солдат, который должен был пойти вперед.

Время работало против британцев, позволяя французам еще больше укрепить форт Дюкен.

Кроме того, в середине месяца по войску прокатилась волна дизентерии — вечной спутницы тяжелых походов. Одной из последних жертв этой болезни стал Вашингтон, жестоко страдавший от поноса и геморроя. Поначалу стойкий адъютант пытался скрывать, что болен, но очень скоро он настолько ослаб, что ему пришлось передвигаться, лежа в крытой повозке. 23 июня Брэддок приказал ему следовать в арьергарде и дал запатентованное лекарство — порошок доктора Джеймса (это была смесь фосфата извести и оксида сурьмы), который оказался «превосходнейшим снадобьем в мире». Тащиться в арьергарде для молодого офицера было очень тягостно, и Брэддок торжественно пообещал, что тот непременно будет участвовать в атаке на форт Дюкен.

Войска пробирались через непроходимые леса, прозванные Тенями смерти; толстые корни деревьев перепахивали тропинку; телегу подбрасывало, вытрясая душу из лежавшего в ней Вашингтона. 28 июня он писал брату, что ему едва достаёт сил держать в руках перо и что доктор запрещает ему это делать, опасаясь за его жизнь. Хотя лекарство оказалось эффективным, полковые доктора не отказывались и от самого распространенного и универсального средства лечения — кровопускания, так что к моменту решающего сражения от Джорджа тоже осталась только тень. И всё же к 8 июля он поправился настолько, чтобы присоединиться к Брэдоку в десятке миль от форта Дюкен, хотя ему приходилось подкладывать на седло подушку — геморрой давал о себе знать.

Следующим утром передовой отряд британцев, разросшийся до 1400 человек, начал форсировать Мононгахилу, разбившись на три группы. (На месте этого перехода ныне находится город Брэддок, штат

Пенсильвания.) Первым переправлялось отделение под командованием подполковника Томаса Гейджа, сына виконта; молодой Вашингтон восхищался этим офицером. Второе отделение вел капитан Горацио Гейтс — крестник Горацио Уолпола. Наконец, последним отрядом из пятисот человек командовал сам Брэддок, сопровождаемый Вашингтоном. Никто даже не подозревал, что на том берегу их уже ждут, притаившись, 900 солдат из форта Дюкен.

Издавая пронзительные боевые вопли, от которых у ошарашенных британцев волосы зашевелились на голове, из леса неожиданно выскочили индейцы и открыли огонь. Прежде чем британские гренадеры успели дать ответный залп, они снова скрылись в лесу и как сквозь землю провалились. Но оказалось, что они разбились на два крыла и взяли британцев в кольцо. Из-за деревьев полетели пули, а сами стрелки были недосыгаемы за надежными укрытиями. Высокие шапки английских гренадеров превращали их в отличные мишени.

Вашингтон, находившийся вместе с генералом, услышал, что впереди началась паника, хотя ничего еще не было видно. Британский авангард был настолько ошеломлен, что бросился наутек. Английским солдатам еще никогда не приходилось сталкиваться с индейским стилем боя: воины не стояли на месте, а перебежали или переползали по-пластунски от дерева к дереву, ведя меткий огонь. Офицеры тщетно пытались унять истерию, охватившую солдат: те бросали мушкеты и бежали без оглядки. Индейцы набрасывались на убитых, снимали с них скальпы, сдирали одежду...

Брэддок и Вашингтон обреченно пробирались против потока красных мундиров. Когда Брэддок послал три десятка стрелков под командованием капитана Томаса Ваггенера занять позицию на холме, в дыму и неразберихе по ним начали стрелять свои, приняв за

французов, а офицеры тоже стреляли, решив, что это дезертиры. Все 30 человек были убиты.

Брэддок так и не внял советам Вашингтона устроить рассыпную атаку. Он упрямо придерживался европейской доктрины, выстраивая свои войска повзводно и отправляя их в бой сомкнутым строем — практически на расстрел. Адъютант тщетно умолял генерала, «пока еще не поздно и не всех еще охватило смятение», позволить ему «возглавить местных и сразиться с врагом в его же манере» (виргинцы, знакомые с индейцами не понаслышке, в отличие от англичан не обратились в бегство).

Брэддок отдал ему два приказа: послать еще один отряд занять ту же высоту и отбить у врага две пушки. Вскоре молодой офицер уже бесстрашно скакал через поле битвы. Благодаря большому росту он был идеальной мишенью, но пуля, казалось, его не брала^[7]. Под ним убили двух лошадей; оба раза он вставал, отряхивался и садился на какого-нибудь коня, потерявшего седока.

«Я в любую минуту ожидал, что он упадет, — записал потом доктор Джеймс Крейк, с замиранием сердца наблюдавший за Вашингтоном. — Твердым исполнением своего долга и присутствием в самой гуще событий он подвергал себя постоянной опасности. Только всевидящее Провидение могло оградить его от судьбы, уготованной всем вокруг него».

К концу сражения шляпу и полы мундира Вашингтона пробили четыре пули, но у него самого не было ни царапины. Между тем почти две трети британских офицеров были убиты, войска практически остались без командования. Два адъютанта Брэддока были ранены. Когда самого генерала сразила пуля, попавшая ему в руку и пробившая легкое, рядом с ним оставался только Вашингтон. Брэддок тоже сражался как лев, проявляя больше отваги, нежели мудрости. Под

ним пали четыре лошади. Вашингтон уложил генерала в небольшую повозку и перевез обратно через Мононгахилу. Лежа на носилках и стеноя, Брэддок, еще находившийся в сознании, продолжал отдавать приказы. Исполнять их мог только Вашингтон, хотя и он был так слаб, что его качало из стороны в сторону.

Нужно было передать полковнику Данбару, следовавшему за авангардом на расстоянии в 40 миль, приказ скорее идти вперед с подкреплением, лекарствами и повозками, чтобы оказать помощь раненым. Вашингтон, проведенный в седле уже 12 часов, собрал последние силы и пустился в путь через черный ночной лес. «Ужасные сцены, являвшиеся во время того ночного перехода, невозможно описать, — вспоминал он. — Трупы, умирающие, стоны, жалобы, крики раненых о помощи на протяжении всей дороги могли бы пронзить и самое твердое сердце». По его подсчетам, британцы потеряли 300 человек убитыми и столько же ранеными (на самом деле их потери составили около тысячи человек, тогда как у французов и индейцев было всего 23 убитых и 16 раненых), и по меньшей мере две трети из них подстрелили свои же. Качаясь в седле и стараясь не заснуть, он вновь прокручивал в уме сцены боя и скрипел зубами от ярости, вспоминая, как англичане стреляли в своих и трусливо бежали от горстки французов.

В ночь на 13 июля Брэддок умирал в двух милях от Грейт-Медоуз. «Кто бы мог подумать?» — простонал он, имея в виду свое сокрушительное поражение. Он хвалил своих храбрых офицеров и проклинал трусливых солдат. Вашингтону он подарил красный шелковый офицерский шарф и пару пистолетов, рекомендовав своему слуге Томасу Бишопу перейти на службу к молодому виргинцу. Когда генерал скончался, Вашингтон оказался единственным офицером, способным взять на себя командование. Он же руководил похоронами: после того

как его солдаты выкопали у дороги могилу и опустили в нее бранные останки Брэддока, завернутые в одеяло, он сам при свете факелов совершил, как умел, англиканский похоронный обряд. Чтобы индейцы не выкопали тело и не надругались над ним, он приказал утрамбовать свежевскопанную землю, прогнав по ней несколько повозок. Врагам так и не удалось обнаружить могилу Брэддока.

Вместе с генералом Вашингтон похоронил и свои надежды на королевский патент. Оставалось довольствоваться возросшей славой на родине. Когда в конце июля он ехал домой, в качестве сувенира зажав под мышкой простреленную шляпу, молва летела впереди него. Губернатор Северной Каролины лично поздравил 23-летнего офицера. Пресвитерианский священник Сэмюэл Дэвис предположил, что «героический молодой полковник Вашингтон» был сохранен Господом для большего: «Надеюсь, что Провидение уберегло его, вмешавшись столь явно, чтобы он оказал некую великую услугу своей стране». Некий восторженный поклонник из Филадельфии сообщил, что Бенджамин Франклин отдал должное его героизму и что «все хотят служить под вашей командой». Однако величайшей наградой для него стали два письма из Бельвуара: Уильям Фэрфакс писал, что Джордж будет для него дорогим гостем, а Салли — дорогая Салли! — прислала шутивную записку (которую из осторожности дала подписать двум общим друзьям), ругавшую его за промедление. «Возблагодарив небеса за Ваше возвращение живым и здоровым, я должна укорить Вас за то, что Вы отказали нам в удовольствии видеть Вас нынче вечером. Поверьте, только уверенность в том, что наше общество будет Вам неприятно, помешала нам проверить, принесут ли нас ноги сами в Маунт-Вернон сегодня же вечером. Но если

Вы не приедете к нам, завтра же рано поутру мы явимся в Маунт-Вернон».

ПОЛКОВНИК

Поражение Брэдкока имело как минимум два существенных последствия: во-первых, вера в непобедимость английских войск оказалась сильно поколеблена, а во-вторых, Западная Виргиния осталась беззащитна перед набегами индейцев в долину Шенандоа. Потoki беженцев потекли через Голубой хребет в города. К середине августа 1755 года Законодательное собрание в Уильямсберге проголосовало за выделение 40 тысяч фунтов на защиту колонии от индейской угрозы. Кто же возглавит восстановленный Виргинский полк? Разумеется, Джордж Вашингтон.

Этому назначению воспротивился один-единственный человек — Мэри Болл-Вашингтон. На ее возмущенные упреки сын ответил кратким письмом: «Милостивая государыня! Если в моей власти будет избежать того, чтобы снова отправиться в Огайо, я так и сделаю. Но если страна единогласно возложит на меня командование и предложит такие условия, против которых мне будет нечего возразить, отказаться будет бесчестным, и мой отказ должен был бы привести Вас в большее смущение, нежели мое почетное производство в командующие». В тот же день вице-губернатор Динвидди предложил Вашингтону не только чин полковника, но и командование всеми военными силами Виргинии. Зная себе цену, Джордж напористо потребовал предоставить ему более широкие полномочия: назначать полевых офицеров, набирать солдат — и плюс к тому жалованье в 100 фунтов в год. Вместе с тем, наученный опытом, он знал, что чем больше власть, тем больше ответственность, и вовсе не горел желанием взвалить всё это тяжкое бремя на свои

плечи: согласие стать главнокомандующим он дал только 31 августа, по прошествии двух недель.

Джордж Вашингтон открыл счет в Лондоне у торговца по имени Ричард Вашингтон (ошибочно полагая, что они состоят в дальнем родстве) и заказал себе новый мундир и дорогие аксессуары: кружевные манжеты, шелковые чулки и ало-золотой темляк. Для покрытия расходов он отправил в метрополию три бочки табака с просьбой открыть ему кредит, если этого не хватит. Как он всё-таки был наивен...

Достойному командиру — достойная свита. Вашингтон разработал форму для своих офицеров, категорично объявив, что они все должны облачиться в синие мундиры с красными обшлагами и кантом поверх алых камзолов, отделанных серебряным галуном, и раздобыть себе шляпы модного фасона, тоже с серебряными галунами. Для своих слуг он выписал из Лондона две красивые ливреи, похожие на офицерские мундиры, с родовым гербом: «в серебряном поле два пояса, сопровождаемые в главе тремя красными молеттами (пятиконечными звездами с отверстиями в цвет поля. — *Е. Г.*)».

Задачей Виргинского полка было охранять границу протяженностью в 350 миль (563,27 километра) от «жестоких набегов коварного и дикого врага». Командир полка получил под свое начало полсотни «ленивых» офицеров и несколько сотен «кичливых» солдат. Вашингтон должен был заниматься всем — от строительства казарм до улаживания проблем с выплатой жалованья, при этом не забывая о тщательном планировании военных операций. Он пообещал сам себе превратить рекрутов-колонистов в умелых и вышколенных солдат, которые не уступят англичанам. Работал он и над собой, штудируя «Трактат о военном искусстве» Хамфри Блэнда — популярный в британской армии учебник.

Но прошло всего два месяца в форте Динвидди на западной границе, и Вашингтон, доведенный до отчаяния, готов был рвать на себе волосы и грозил подать в отставку. Каждую лошадь для нужд армии приходилось отбирать силой. Законодательная власть освободила частных собственников от военной повинности, и в рекруты можно было набирать лишь бедняков — голытьбу и пьяниц. Рекрутчики вынуждены были прибегать к крайним методам, силой ставя пригодных к службе мужчин под ружье (новобранцев сажали под замок и даже подвергали пыткам). Одному из таких офицеров Вашингтон дал суровую отповедь, но к тому времени сам он уже превратился в жупел для местного населения. Узнав, что колонисты, чтобы избавиться от призыва, хотят «вышибить ему мозги», Вашингтон решил, что не отступит, даже если они приведут свою угрозу в исполнение. Но слова словами, а когда один капитан сообщил ему, что вопреки правилам рекрутского набора в его роте оказались два негра и два мулата, полковник махнул рукой и разрешил оставить их в резерве.

Новобранцы массово дезертировали, прихватывая с собой казенную одежду и оружие. Вашингтон был вынужден признать, что единственный способ положить этому конец — наказывать пойманных так, чтобы другим «неповадно было». Пойманных дезертиров заковывали в цепи, сажали в «темную комнату» и нещадно пороли. В октябре 1755 года главнокомандующий и губернатор пробили через Законодательное собрание Виргинии закон о смертной казни за мятеж, дезертирство и неповиновение. «Милосердие не оказывает желаемого воздействия, а напротив, поощряет их к подлым поступкам», — писал Вашингтон Динвидди.

Дисциплина — душа армии, это мог подтвердить любой британский офицер, а в мире не было армии лучше британской. Виргинским колонистам, привыкшим

проводить свободное время в игорных притонах, «веселых домах» и питейных заведениях, плетью внушали высокие моральные устои. Безобразные картины в форте Несессити запали глубоко в душу молодому полковнику; вид пьяного солдата приводил его в ярость; любому военному, захваченному в Винчестерской пивной с кружкой джина в руке, высыпали 50 «горячих». Кроме того, Вашингтон не терпел богохульства, сквернословам на первый раз полагалось 25 плетей, а на второй — значительно больше. На помощь Вашингтон призвал полковых капелланов, чтобы воздействовать на заблудших овец силой убеждения.

Не менее важна была сила примера. Если рыба гниет с головы, то и оздоровление надо начинать оттуда же. Каков поп, таков и приход, и Вашингтон был не менее требователен к своим офицерам. В нем заговорили материнские гены: он был очень скуп на похвалу, полагая, что офицеры, хорошо исполняющие свой долг, вовсе не нуждаются в поощрении. Если же с его обычно крепко сжатых губ срывалось одобрительное слово, как правило, оно было обращено ко всему полку, а не к отдельным отличившимся. Зато у него не было любимчиков, и это все оценили. «Наш полковник — образец стойкости в опасности и лишениях; своим непринужденным и учтивым обхождением он завоевал не только уважение, но и любовь офицеров и солдат», — писал один офицер. Однако завоевать любовь подчиненных Вашингтон не стремился, ему было вполне достаточно уважения. Никакой фамильярности! Не обладая «почтенным» возрастом и опытом, он держал дистанцию с подчиненными.

Но молодая кровь бурлила, полковник рвался в бой. Поход на форт Дюкен покончит с индейскими набегами, уверял он законодателей; однако те настаивали на обороне и создании цепи укрепленных пунктов на границе. В результате ему приходилось постоянно

отбиваться от налетов небольших отрядов, которым не было конца. Между тем британское правительство перенесло основные боевые действия в Канаду; в долине Огайо шли бои местного значения.

Как раз в этот момент пришло время выборов в палату горожан. Друзья Вашингтона внесли его кандидатуру в последний момент, даже не предупредив его (но он же когда-то просил брата Джека прозондировать почву на этот счет). Принадлежавшая Вашингтону плантация Булскин наряду с Винчестером, где он находился в данный момент, входила в графство Фредерик, поэтому его кандидатуру утвердили. Правда, молодой полковник был там крайне непопулярен из-за своей строгости и непримиримости.

В те времена кандидатам не полагалось самим вести предвыборную кампанию (чтобы не выказывать слишком большой заинтересованности в получении властных полномочий) — этим занимались доверенные лица. Тайного голосования тоже не было; каждый выборщик выходил вперед и говорил, за кого отдает свой голос, а секретарь, сидевший за столом, записывал. Правда, арендаторам с правом голоса приходилось высказываться под пристальным взглядом землевладельцев, сидевших тут же и тоже делавших для себя пометки... Выборы в Винчестере состоялись 10 декабря 1755 года; Хью Вест получил 271 голос, Томас Сверинген — 270, Джордж Вашингтон — 40... Назвав это неудачей, а не поражением, он сохранил на память протокол голосования, поклявшись себе не повторять ошибок и в следующий раз добиться лучшего результата.

Джордж поехал в графство Фэрфакс, где тоже проходили выборы и одним из кандидатов был Джордж Уильям Фэрфакс. Прекрасный предлог, чтобы увидеться с Салли... Здесь уже можно было отринуть беспристрастность: отстаивая интересы друга,

Вашингтон сцепился с неким Уильямом Пейном, поддерживавшим его соперника. Спорщикам не хватило слов, и Пейн ударил оппонента тростью, да так, что сбил с ног. Тот вскочил с перекошенным лицом, кинулся на обидчика; его схватили за руки и удержали. По негласным законам того времени Пейн должен был получить «картель», то есть вызов на поединок, но... Вашингтон прислал ему извинения. Он считал дуэли глупостью.

...После досадной неудачи на выборах его ждало новое огорчение: в форт Камберленд прибыл некто Джон Дагворти, капитан колониальных войск из Мэриленда. Он был ниже чином, но обладал королевским патентом, а потому осмелился не подчиняться полковнику Вашингтону! Тот немедленно написал Динвидди и снова пригрозил подать в отставку, если ему, в довершение всего, придется еще и исполнять приказы какого-то Дагворти. Динвидди обратился к губернатору Массачусетса Уильяму Ширли, назначенному вместо Брэдока главнокомандующим британскими силами в Северной Америке. Кстати, Вашингтон добивался, чтобы Ширли включил Виргинский полк в состав регулярной британской армии, положив конец этой ступенчатой системе чинов, бывшей для него столь унижительной. Динвидди разрешил ему съездить в Бостон и лично встретиться с Ширли.

В феврале 1756 года 24-летний полковник в синем мундире с иголки, сопровождаемый двумя адъютантами и двумя рабами в ливреях, сшитых на заказ в Лондоне, впервые отправился на север.

Филадельфия! «Мирный дом разных народов и религий», как писал ему один друг — Эндрю Бернаби. Но Вашингтону больше всего пришлось по душе упорядоченная планировка столицы североамериканских колоний, расчерченной на

квадратики, словно по линейке, и поддерживаемая в ней чистота. Господин Пенн — великий человек, решил он.

В 1682 году квакер Уильям Пенн со товарищи основал город чуть выше того места, где река Скукэл впадает в реку Делавэр. Он сам вычертил его план вместе с маркшейдером Томасом Хольмом — ничего подобного в Америке еще не было. Согласно их замыслу, деловая часть города должна была быть отделена от жилой, а дома окружены садами и огородами. Город он назвал греческим словом, означающим «братская любовь». Испытав на себе, что такое религиозные преследования, он хотел, чтобы в этом поселении каждый мог исповедовать ту веру, к какой лежит его душа. Поэтому в Филадельфии было много разных церквей, вздымавших свои острые шпили к голубым небесам. Мирные отношения с коренным населением тоже способствовали ее процветанию. Наконец, Бенджамин Франклин, самый знаменитый гражданин Филадельфии, помогал улучшению условий жизни в городе, открыв в нем, в частности, первые в американских колониях больницы. В 1731 году он основал здесь первую муниципальную библиотеку, собрание которой включало не только книги, но и физические приборы, коллекцию экспонатов естественной истории, предметы искусства. Дом почетного гражданина можно было узнать по громоотводу — его собственному изобретению.

К моменту приезда Вашингтона вдоль улиц Филадельфии уже выстроились стройными рядами двух- и трехэтажные кирпичные (или деревянные, но замаскированные под кирпич) дома в георгианском стиле, однако город продолжал расти, там и тут строили новые таверны, лавки, дома... Джордж немедленно отправился в поход по столичным магазинам и закупил себе модной одежды, шляп, украшений, седел.

Следующим на пути лежал Нью-Йорк — крупный по американским меркам порт и оживленный торговый центр (хотя по сути — большая деревня). Принарядившийся по-столичному Вашингтон завел там светские знакомства: город ему показывал Беверли Робинсон, сын могущественного спикера виргинской палаты горожан, у которого была хорошенькая свояченица Мэри (Полли) Филипс. 26-летняя Полли была не только красивой стройной брюнеткой, но и наследницей колоссального состояния; молодому полковнику, стремившемуся пробиться в высший свет, было бы непростительно не приударить за ней. Ходили слухи, что он даже предложил ей руку и сердце, но и тут его обставил английский майор Роджер Моррис, сын архитектора, кстати, сражавшийся вместе с Вашингтоном под началом Брэддока.

Горечь от очередной досадной неудачи удалось подсластить триумфальным прибытием в Бостон. В начале марта «Бостон газетт» оповестила читателей о прибытии «полковника Вашингтона, джентльмена, заслужившего высокую репутацию своими познаниями в военном деле, доблестью и прямоотой, хотя его предприятиям не всегда сопутствовал успех». Губернатор Ширли принял Джорджа по-отечески: его собственный сын тоже служил адъютантом Брэддока и погиб во время злополучной эпопеи в Огайо. Однако и здесь успех Вашингтона оказался половинчатым: хотя Ширли официально подтвердил, что у Вашингтона статус выше, чем у Дагворти, петиция, подписанная его офицерами, о включении их полка в регулярную армию была отвергнута. Кроме того, возглавить поход на форт Дюкен поручили губернатору Шарпу из Мэриленда. Вашингтон, давно лелеявший эти планы, завернул на обратном пути к Шарпу, чтобы обсудить с ним кое-какие идеи, но эта встреча настолько выбила его из колеи, что он хотел было вообще распрощаться с военной службой.

Однако, вернувшись в Уильямсберг, Джордж несколько утешился, узнав, что виргинский вооруженный контингент решено увеличить до полутора тысяч человек.

В начале апреля он снова был в Винчестере. За время его отсутствия индейцы разграбили столько поселений и перебили столько колонистов, что чудом выжившие семьи ждали его как своего единственного спасителя. Вашингтону с трудом удалось наскрести несколько десятков мужчин для организации обороны; о том, чтобы сражаться с индейцами на равных, не могло быть и речи. «Хитрые и коварные» дикари были несравненными воинами. «Они крадутся, как волки, и, как волки, творят зло, оставаясь невидимыми... — писал Вашингтон Динвидди. — Я не знаю жалостных слов, сэр, чтобы попытаться описать несчастья этих людей (поселенцев. — *Е. Г.*), хотя у меня добрая душа, чувствительная к несправедным делам и требующая за них воздаяния. Но что я могу? Если истекающие кровью, умирающие удовлетворят свою ненасытную жажду мести, я с радостью предоставлю им дикую ярость и отдам самого себя по частям ради спасения народа! Я вижу, каково их положение, знаю, какая опасность им грозит, и разделяю их страдания, не имея возможности облегчить их чем-то еще, кроме неясных обещаний... Слезные мольбы женщин и трогательные просьбы мужчин наполняют меня такой печалью, что я торжественно заявляю: я готов добровольно принести себя в жертву кровожадному врагу, лишь бы это облегчило участь народа». Никогда не знаешь, где индейцы нанесут удар; единственный способ противостоять им — объединить усилия всех колоний. «Нет ничего, чего я желал бы так же искренно, как союза колоний во времена явной опасности», — твердил он губернатору Пенсильвании Роберту Хантеру Моррису.

Динвидди издал приказы о мобилизации милиционных сил в западных графствах, и Вашингтон вдруг получил под свое начало тысячу новобранцев, возмущенных тем, как с ними обращаются высокородные офицеры — «новички в строю, моты, расточители и неплательщики», которые, писала «Виргиния газетт», «запугивают и удрочают» ополченцев, подавая им «пример всевозможного распутства, греха и праздности». Парадоксальным образом 24-летний Вашингтон оказался человеком, борющимся за искоренение «грехов молодости» у своих подчиненных; он сильно страдал от урона, наносимого его репутации. Между тем ополченцы, требовавшие к себе уважения, мгновенно испарялись, стоило лишь появиться индейцам. Всю весну Вашингтон бился как рыба об лед, чтобы сколотить из них более-менее приличное войсковое формирование. Полковник Уильям Фэрфакс пытался поддержать его морально, приводя в пример Цезаря и Александра Македонского и добавляя, что «за каждым столом здесь поднимают здравицы в Вашу честь».

Верный себе, Вашингтон требовал, чтобы его войска были прилично одеты и имели хотя бы подобие униформы. В марте он раздобыл для каждого солдата костюм из тонкой дешевой ткани и фланелевые камзолы, но ополченцы тотчас принялись спекулировать обмундированием. Возмущенный командующий пригрозил карать за это пятьюстами ударами плетей. Некто Генри Кэмпбелл, не только дезертировавший сам, но и подговоривший семерых других солдат совершить побег, был публично повешен в назидание другим. Вашингтон недрогнувшей рукой подписал смертный приговор «мерзавцу и негодяю, заслуживающему позорной смерти».

Восемнадцатого мая Англия официально объявила войну Франции. За неделю до этого французская

эскадра из трех шестидесятипушечных линейных кораблей и трех тридцатипушечных фрегатов прибыла в Квебек. Несколько дней спустя в Монреаль явился главнокомандующий французскими войсками в Северной Америке маршал Луи Жозеф де Монкальм. Его отношения с генерал-губернатором маркизом де Водреем сразу не сложились — тот не хотел делиться властью, сам рвался командовать войсками и не скрывал антипатии к «болтунам», которые «явились не запылились», совершенно не представляя, что значит воевать в американских условиях!

Британские силы, сосредоточенные в Канаде, состояли из 25 тысяч солдат; под началом Монкальма были три тысячи французской пехоты, столько же морских пехотинцев плюс более полутора тысяч «дикарей», не повиновавшихся командирам из европейцев и поражавших последних своей жестокостью. Морпехи подчинялись де Водрею; канадские ополченцы, усвоившие все приемы партизанской войны, терялись во время «регулярных» сражений; краснокожие были превосходными разведчиками, но могли в любой момент перекинуться на сторону противника. Снимать скальпы было выгодным делом: англичане платили за каждый пять фунтов стерлингов, канадцы — десять экю; самые предприимчивые индейцы умудрялись получить деньги и тут и там. Кроме того, французские колонисты были настроены враждебно к солдатам, прибывшим из-за океана, считая, что французы относятся к ним презрительно и надменно. Во Франции же вообще полагали нецелесообразным сражаться за «несколько арпанов заснеженной земли», как высказался Вольтер, а Монтескье видел в колонизации далеких земель причину обезлюдения Европы.

При всем том Монкальму удавалось оборонять границу в несколько сотен километров и два десятка

плохо укрепленных фортов. «Мои генералы злоупотребляют правом на глупость!» — с досадой воскликнул Георг II.

Новым главнокомандующим войсками Его Величества в Северной Америке и генерал-губернатором Виргинии был назначен пятидесятилетний Джон Кэмпбелл, граф Лаудон (*Loudoun*), который подтвердил свою личную преданность Ганноверской династии в боях со сторонниками изгнанных Стюартов, претендовавших на английскую корону. Узнав о том, что американские купцы продолжают торговать с Францией, которая фактически находится с Англией в состоянии войны, он велел временно закрыть все колониальные порты.

Вашингтон поспешил письменно засвидетельствовать графу свое почтение, не забыв, однако, упомянуть о собственных заслугах и ценном опыте войны в местных условиях: «Смирно хотим представить Вашему сиятельству, что мы стали первыми войсками, побывавшими в деле на континенте по случаю нынешних беспорядков, и благодаря нескольким боям и постоянным стычкам с врагом приобрели опыт и познания о его коварных и жестоких приемах».

Между тем менее опытные и сведущие в коварных и жестоких приемах врага солдаты Нью-Джерсийского полка 12 августа потерпели поражение от французов и союзных им индейцев в трех милях от устья реки Осуиго, на границе между французской Канадой и британскими колониями. После того как подполковник Мерсер погиб, сраженный ядром, офицеры растерялись и всего через час боя решили капитулировать и сдать три форта — Онтарио, Джордж и Осуиго. Монкальм счел, что англичане вели себя недостаточно мужественно, и отказал им в почетной капитуляции. В плен было взято 1700 человек, в том числе 80 офицеров; около 620 солдат принадлежали к пехотным полкам Уильяма Ширли и Уильяма Пепперела. Французы сожгли всё, что

не смогли вывезти из фортов, а на пепелище Монкальм велел водрузить деревянный крест с девизом *In hoc signo vincunt* (Сим победили) и столб с тремя белыми королевскими лилиями и надписью *Manibus date lilia plenis* (Приносите лилии охапками).

Примерно в это же время до Америки дошло известие об объявлении войны — три месяца спустя. По такому случаю полковник Вашингтон устроил в Винчестере небольшой парад. Вместе с отцами города он наблюдал за прохождением по плацу трех рот, а потом зачитал вслух манифест об объявлении войны, призвав ополченцев проявить «усердное повиновение лучшему из королей и строгим исполнением королевских приказов выразить любовь и преданность его священной особе». После этого палили из мушкетов и пили за здоровье короля. Но призывы, казалось, оказывали обратное воздействие: если раньше дезертировали по два-три человека, в августе «заблудились в лесу» сразу 16. Когда в октябре ополченцам приказали явиться к месту сбора, из графства Аугуста набралось едва ли с десяток человек.

В начале декабря граф Лаудон решил перевести виргинские войска в форт Камберленд в Мэриленде. Вашингтон этому воспротивился: на его взгляд, гораздо разумнее было оставить их в Винчестере. Динвидди принял сторону Лаудона, и тогда Вашингтон опрометчиво, через голову губернатора, обратился к спикеру палаты горожан Джону Робинсону, нарушив главное правило виргинской политики, по которому последнее слово всегда за губернатором. Полковник жаловался Робинсону, что получает от Динвидди «неясные, сомнительные и неточные» приказы: сегодня одно, завтра другое. В тот же день Вашингтон допустил еще одну грубую ошибку, написав Динвидди, что Лаудон относится к нему предвзято, потому что «плохо

информирован». Главным источником информации для графа был сам Динвидди...

Десятого января 1757 года, забыв про всякую осторожность и этикет, Вашингтон отослал лорду Лаудону длинное письмо: «Хотя я не имею чести лично знать Ваше сиятельство, имя Вашего сиятельства мне знакомо благодаря важным услугам, оказанным Вами Его величеству в других частях света. Не думайте, милостивый государь, что я собираюсь льстить Вам. Я высокого мнения о личности Вашего сиятельства и почитаю Ваш ранг... я честен по природе, хитрость чужда мне...»

После этого вступления он рассказал о себе: «Что касается меня, да будет мне позволено сказать, что если бы Его превосходительство генерал Брэддок пережил свое несчастное поражение, я получил бы повышение, соответствующее моим желанием. Он обещал мне это сам». Чего же ему нужно? Он хочет, чтобы его полк включили в состав регулярных войск. «Перечитываю написанное и вижу, насколько я вышел за рамки своего изначального намерения; мне, право, стыдно за то, что я позволил себе такую вольность». Немного самоуничижения, старикам это нравится...

Напористый Вашингтон рвался лично объяснить графу, каково положение дел на границе, и дать ему дельный совет. Он добился от Динвидди разрешения поехать в Филадельфию. Туда же съехались губернаторы пяти колоний, но лорд Лаудон, высокомерный шотландец, державший подчиненных в ежовых рукавицах, не спешил выслушивать чужие советы. Вашингтон проторчал в Филадельфии полтора месяца! Расспросив тишком адъютанта главнокомандующего, он узнал, что графу как будто понравилось его письмо; но при личной встрече все надежды рухнули. Стало совершенно ясно, что в стратегическом плане военных действий Виргинии

отводится лишь второстепенная роль; атака на форт Дюкен откладывается. Единственное, чего удалось добиться виргинскому полковнику, — оставить свою часть в своей колонии, для защиты своих фортов, а не вести его в форт Камберленд.

«Невозможно себе представить, что звание американцев лишает нас выгод состояния британских подданных и притязаний на повышение по службе, — возмущенно писал он Динвидди перед отъездом из Филадельфии. — Мы совершенно уверены, что еще ни один корпус регулярных войск не прошел через три кровавые кампании без того, чтобы привлечь к себе внимание короля. Что же до тех праздных аргументов, которые приводят то и дело, а именно: „Вы защищаете свои владения“, — то я считаю их чудными и нелепыми. Мы защищаем вотчины короля».

Несолоно хлебавши он вернулся в Винчестер — «в холодные бесплодные пределы». Тут его ждал сюрприз: впервые со времен поражения в форте Несессити несколько сотен индейцев — катауба и чероки — заключили союз с британцами. Дело в том, что Законодательное собрание Виргинии повысило вознаграждение за скальпы вдвое — до десяти фунтов. Однако, как это часто бывает, слово у законодателей расходилось с делом, и когда отряд чероки предъявил Вашингтону четыре скальпа и двух пленников, ему было нечем расплатиться. Индейцы уже были готовы расторгнуть союзный договор, когда, к счастью, деньги и подарки, наконец, поступили, и Вашингтон расплатился с новыми союзниками — «самыми наглыми, жадными и ненасытными мерзавцами, с какими мне только приходилось иметь дело».

Справедливости ради надо признать, что белые солдаты были ничуть не лучше. Несмотря на угрозу сурового наказания, больше четверти новобранцев дезертировали. Скрежеща зубами от ярости, Вашингтон

увеличил наказание с тысячи плетей до полутора тысяч. В среднем каждому беглецу всыпали не меньше шестисот плетей — так поступали самые суровые командиры британских регулярных войск. Полный решимости полковник даже велел построить виселицу высотой 40 футов (больше 12 метров), чтобы припугнуть потенциальных дезертиров, намереваясь повесить парочку-другую беглецов для острастки.

К счастью для последних, вспыльчивый полковник никогда не действовал по первому побуждению, давая себе время остыть и хорошенько подумать. Летом к повешению приговорили 14 дезертиров, заковали в железа и посадили в подвал, но Вашингтон в итоге помиловал 12 из них, утвердив приговор лишь двум рецидивистам — ведь он предупреждал, что за повторный побег их ждет смертная казнь, предупреждал или нет?! Он сознательно приговорил преступников к виселице, а не к расстрелу, полагая, что такая смерть произведет большой «воспитательный» эффект.

Искренне считая, что Динвидди зажимает его инициативу, Вашингтон не знал, что тот сам находится в зависимости от произвола Лаудона. А тот не оправдал надежд, возложенных на него королем. Пока он возглавлял экспедицию по захвату Луисбурга (от которого в итоге отказался), французы под командованием Монкальма осадили стратегически важный форт Уильям-Генри и 3 августа захватили его. В Монреале по такому случаю отслужили благодарственный молебен; в Бостоне и Филадельфии остро переживали очередное поражение.

По условиям капитуляции британцам позволили отступить в форт Эдвард под французским эскортом, с полными воинскими почестями, если они дадут обещание не участвовать в военных действиях в течение полутора лет. Им разрешили взять с собой мушкеты, но

без боеприпасов, и одну пушку. Кроме того, в течение трех месяцев полагалось освободить всех французских пленных.

В составе французских сил были две тысячи индейцев. Как только из форта вывели англичан, краснокожие ворвались туда и разграбили его, прикончив больных и раненых, остававшихся в лазарете. Завладев запасами рома, индейцы напились и пришли в неистовство, начав убивать даже женщин и детей и снимать с них скальпы. Нападению подверглись и британские солдаты, покинувшие форт. Монкальм и несколько других офицеров пытались предотвратить резню, но другие намеренно отказались защищать англичан, и тем пришлось либо защищаться самим (фактически без оружия!), либо искать спасения в окрестных лесах.

И вот в то время как Лаудон расписался в своей полной некомпетентности, на базе графства Фэрфакс создали новое графство и назвали в его честь!

Полковник Вашингтон был зажат в тиски: с одной стороны, необходимо заставляя повиноваться себе других, с другой — самому повиноваться приказам, присылаемым из Лондона, где не имели ни малейшего представления о том, что у них тут творится. К тому же его отношения с Динвидди окончательно испортились. «С самого начала мое поведение по отношению к Вам было дружеским, но Вы знаете, что у меня есть все причины подозревать Вас в неблагодарности, — с обидой писал Динвидди, прознавший о переписке, которую Вашингтон вел за его спиной. — Я убежден, что Ваша совесть и благоразумие допускают, что я прав, сердясь на Вас. Но я готов простить Вам». Сии христианские чувства вице-губернатору внушала мысль о скором отъезде в Англию для поправления сильно пошатнувшегося здоровья. Однако Вашингтон не снизошел к его состоянию. «Не знаю, чем я подал Вам

повод, милостивый государь, подозревать меня в неблагодарности, в ненавистном мне преступлении, коего я всегда со всем тщанием избегал», — ответственвал он. Это было чересчур, и когда Вашингтон в очередной раз обратился к Динвидди с просьбой предоставить ему отпуск для поездки в Уильямсберг, тот отказал. «Я просил об отпуске не для того, чтобы развлекаться», — угрюмо возразил полковник. В сентябре умер его главный покровитель — полковник Фэрфакс, и он всё-таки поехал в Бельвуар, чтобы сказать ему последнее «прости».

Джордж уже понял, что в армии ему карьеры не сделать и надо реально смотреть на вещи, то есть становиться плантатором, хозяином, который сам себе голова. Еще летом, вспоминая Маунт-Вернон, он заказал Ричарду Вашингтону в Лондоне мраморный камин с пейзажем над каминной доской и красно-желтые обои для стен (это была тогда самая модная в столице расцветка). Вашингтон вообще хотел для своего любимого поместья только всё самое лучшее и фешенебельное. Выписал кровать, обеденный стол и дюжину стульев из красного дерева, хотя оно стоило очень дорого. Заказал полный обеденный сервиз из тончайшего фарфора, камчатные скатерти и салфетки, серебряные столовые приборы со своим гербом: грифон над короной поверх щита с тремя звездами и полосой и латинский девиз из «Героид» Овидия: *Exitus Acta Probat* (Исход — суть деяний).

Той осенью полковник Вашингтон вновь жестоко страдал от «кровавого поноса» — дизентерии. Симптомы болезни стали проявляться еще с середины лета, но теперь приняли угрожающий характер. Поначалу Джордж еще пытался скрывать свое положение, однако к ноябрю это сделалось невозможно. Его мучили колотье в боку и боли в груди, он стремительно терял силы, и скоро ноги уже не держали его. Доктор Крейк осмотрел

его и пришел в ужас: зачем же он так запустил свой недуг? Теперь уже вся кровь испорчена; на то, чтобы поправить дело, потребуется уйма времени... Несколько «целительных» кровопусканий ослабили Вашингтона еще больше. Доктор прописал ему покой, свежий воздух и чистую воду. Поручив командование капитану Стюарту, Джордж поехал лечиться домой.

В середине ноября ему нанес визит доктор Чарлз Грин из Александрии, запретил есть мясо и прописал диету из желе и жидкой пищи, которую полагалось запивать чаем или сладким вином.

Вашингтон всегда с предубеждением относился к медикаментозному лечению и предпочитал подождать, пока «само пройдет». Первое время за ним ухаживала сестра Бетти (кстати, они были очень похожи внешне), но она не могла надолго оторваться от собственной семьи^[8]. Джордж попытался извлечь выгоду из своего незавидного положения. Он написал короткую записку Салли Фэрфакс, прося прислать ему поваренную книгу с рецептами приготовления желе: «Моя сестра уехала, при мне нет никого, кто умел бы готовить такие вещи, а узнать неоткуда». Может быть, Салли сама привезет эту книгу? Он ведь так слаб и совершенно безобиден...

...Салли действительно приехала. Ее муж задержался в Лондоне по судебным делам, и она смогла ненадолго отлучиться, но к Рождеству ей надо быть дома. Пусть! Пусть хоть несколько дней, но она здесь, рядом с ним! Она шутливо приняла на себя роль сиделки, слегка подтрунивая над ним; он подхватывал ее шутки, удивляя неожиданным остроумием, но по большей части молча любовался ею, старался запомнить ее такой, какая она сейчас, когда они только вдвоем... Ей пришлось оставить его на Рождество, но она пообещала навещать его и пожелала поскорее выздороветь.

Зима 1757/58 года выдалась на редкость суровой: морозы доходили до 27 градусов. Реки и озера покрылись льдом. Люди в основном сидели по городам: переезды были сущей мукой. Военные действия временно приостановились; французские офицеры прекрасно проводили время в Монреале и Квебеке, устраивая балы и ухаживая за дамами; англичане вели себя примерно так же — в своих владениях. На Рождество обменялись пленными и подарками: корзины с бристольским пивом против корзин с шампанским, дичью, кофе, пуншем; поделились и «свежими» газетами.

Болеющий полковник Вашингтон воспользовался передышкой, чтобы приобрести 200 акров земли в районе Дог Ран (Собачьего ручья) и еще 300 акров у ручья Литл-Хантинг-Крик. Задумав полностью перестроить Маунт-Вернон, он углубился в изучение книг по архитектуре.

ЖЕНИХ

Едва ему начинало казаться, что болезнь отступает, как она напоминала о себе с новой силой. Некоторые симптомы теперь походили на туберкулез, и Джордж уже думал, что скоро последует за братом Лоуренсом, не дожив даже до 26-го дня рождения. 1 февраля он отправился в Уильямсберг, но, пылая в жару, был вынужден повернуть с полдороги домой. Призванные врачи сурово отчитали его за безрассудство: мыслимое ли дело — отправляться в далекий путь в таком состоянии! Между тем в Уильямсберге уже распространились слухи о том, что полковник Вашингтон скончался. Пришлось давать опровержение. «Я слышал о письмах от мертвецов, но еще никогда не имел удовольствия получать их, пока мне в руки не попало на днях Ваше приятное известие», — с облегчением писал ему друг Роберт Картер Николас. Молодая энергичная натура Джорджа бунтовала и не желала смириться с уходом во цвете лет. Ведь он еще ничего не совершил, даже семьей не обзавелся! Какая память останется о нем?

Бог с ней, с военной карьерой. 4 марта он написал полковнику Джону Стэнвиксу подробное письмо о том, какой ущерб был нанесен болезнью его здоровью и что ему нужно вести себя с величайшей осторожностью, если он хочет выздороветь. По этой причине он намерен «оставить командование и удалиться от всех государственных дел, предоставив занять мой пост другим, более пригодным для этой задачи». На следующий день он выехал в Уильямсберг, остановившись по пути в доме матери. В столице он посетил доктора Джона Амсона, который уверил

пациента, что его опасения в отношении чахотки беспочвенны и дело уже идет на поправку.

Джордж воспрянул духом. По раскисшим дорогам было сложно передвигаться даже верхом, и он завернул в графство Нью-Кент к своему другу Ричарду Чемберлену, чтобы погостить несколько дней. Тот познакомил его со своей соседкой, молодой вдовой Мартой Дэндридж-Кастис. В июле прошлого года она потеряла мужа и жила теперь с двумя детьми — четырехлетним Джеки и двухлетней Пэтси — в роскошной усадьбе на берегу реки Памунки, которую в обиходе именовали «Белым домом». Конечно, Джордж уже слышал о миссис Кастис (мир тесен, особенно если это мир виргинских плантаторов) и был рад возможности представиться ей лично.

Марта родилась 2 июня 1731 года (то есть на восемь месяцев раньше Джорджа) и была первенцем в семье Джона Дэндриджа, чиновника графства Нью-Кент, полковника милиционных сил, мелкого табачного плантатора, и Фрэнсис Джонс. Позже в семье родились еще семеро детей, но трое умерли в младенчестве. На принадлежавшей Дэндриджам плантации «Честнат Гроув» в 500 акров земли работало около двух десятков рабов. Обстановка в доме была спартанской, и Марта (Пэтси, как ее называли в семье) сызмальства помогала матери по хозяйству. Она никогда не чуралась работы, вставала с петухами и принималась за дела. В Виргинии девушки не были избалованы, даже в гости они ездили верхом. Марта помнила те времена, когда карета имелась только у одной богатой семьи. Однако у Марты была служанка-рабыня Анна Дэндридж. По слухам, она приходилась ей единокровной сестрой: ее отец согрешил с рабыней, в жилах которой смешалась кровь негров и индейцев чероки. Образование барышня получила примитивное и писала с невероятными грамматическими ошибками, предпочитая обходиться

без знаков препинания. Зато она была очень набожна (ее отец исполнял обязанности церковного старосты) и ежедневно после завтрака целый час молилась у себя в комнате и читала Священное Писание.

При каких обстоятельствах произошла ее встреча с Даниелем Парком Кастисом, история умалчивает. Он был старше Марты, тогда еще юной девушки, на 20 лет, однако еще ни разу не был женат — его отец-самодур отверг несколько невест. О полковнике Джоне Кастисе IV ходила дурная слава по всему восточному побережью Виргинии; он тиранил свою жену Фиделию, урожденную Фрэнсис Парк, которая, впрочем, тоже была не подарок. Марту он сразу объявил выскочкой, которая стремится пролезть из грязи в князи, и пообещал выбросить всё столовое серебро в уличную канаву, чтобы не оставить ей. Кроме того, он пригрозил, что лишит сына наследства и завещает все свои деньги Черному Джеку — мулату, которого прижил с рабыней. Обычно таких детей скрывали и о их происхождении особо не распространялись, но Джон Кастис направил губернатору прошение о даровании свободы ребенку, «получившему при крещении имя Джон, но в обиходе именуемому Джеком, рожденному от негритянской девки Алисы», когда тому исполнилось пять лет. Мальчик обрел свободу и в качестве подарка получил... четырех рабов, которые должны были стать его товарищами по играм.

Слабовольный Даниель Парк конечно же покорился бы воле отца, но Марта решила взять быка за рога и храбро явилась знакомиться с будущим свекром прямо в его дом в Уильямсберге. И полностью его покорила! Старик теперь величал ее красавицей и умницей, однако согласия на брак по-прежнему не давал. Вскоре после визита Марты семейный адвокат Джеймс Пауэр преподнес в подарок Черному Джеку коня, уздечку и седло, сообщив Джону Кастису, что это от Даниеля. Не

было сомнений, кто именно подсказал ему это сделать. Трогательное свидетельство братской любви заставило отца согласиться с выбором сына. Пусть уж лучше будет мисс Дэндридж, чем кто-нибудь еще... 15 мая 1750 года восемнадцатилетняя Марта Дэндридж всё-таки вышла замуж за 38-летнего Даниеля Парка Кастиса. Джека молодые взяли к себе, в «Белый дом». Правда, восемь месяцев спустя он умер от менингита... Их семейная жизнь продолжалась семь лет; из четверых детей двое скончались (первенец, тезка отца, — трех лет от роду, дочь Фрэнсис — четырех, в один год с отцом), и теперь Марта хлопотала над оставшимися двумя, как клушка над цыплятами. Конечно, было бы хорошо найти детям нового отца, да и себе мужа — ведь ей всего 26 лет... Каково женщине, и без того занятой заботами по дому, тащить на себе еще и большое хозяйство — присматривать за плантациями, продавать табак в Англию, делать заказы лондонским купцам, давать соседям денег в долг и потом напоминать, чтобы вернули?..

В гостиной «Белого дома» висели парные портреты четы Кастис, заказанные Даниелем Парком Джону Уолластону в 1757 году. Художник не польстил хозяйке дома: маленькая головка, гладко зачесанные наверх волосы, близко посаженные глаза, большой крючковатый нос, узкий ротик, наметившийся двойной подбородок (после четырех родов она начала полнеть). Она выглядела почти ровесницей мужа — темноволосого и чернобрового мужчины с большими влажными глазами, женоподобными чертами лица и объемистым брюшком, туго обтянутым белым атласным камзолом. Однако в Виргинии Марта слыла одной из первых красавиц: знали-то ее не по портретам. В жизни у нее не было такого напряженно-застывшего выражения лица: оно оживлялось обаятельной улыбкой, а умные карие глаза сияли теплотой. Умела она и приодеться со

вкусом. Марта Кастис была напрочь лишена пустого кокетства, зато слыла радушной хозяйкой, у которой для каждого найдется ласковое слово.

Конечно, ей было интересно познакомиться с полковником Вашингтоном, о котором она столько слышала и читала в газетах. Наверное, он поразил ее при первой встрече: при своем росте в полтора метра она едва доставала головой до его плеча. Он вел себя довольно сдержанно, но учтиво, говорил мало, но ей это тоже понравилось: ей были не по душе развязные молодые люди. По сути, он держал себя, как мужчина средних лет, словно был ровесником ее покойного мужа.

Джорджу она тоже приглянулась. Марта была полной противоположностью его матери: легкая в общении, приветливая, с хорошими манерами. А главное — она была богата! В ее владении находились тысячи акров земли в окрестностях Уильямсберга, почти 300 рабов, сотни голов рогатого скота, свиньи, овцы... Правда, по закону Марта могла претендовать лишь на треть этих богатств (остальное было наследством ее детей), но и этого было вполне достаточно. Двух богатых невест у Джорджа уже увели, третий шанс мог оказаться последним...

Молодой полковник повел осаду по всем правилам. Марта оставила его ночевать в «Белом доме», и утром, перед возвращением в Уильямсберг, он раздал ее слугам щедрые чаевые, чтобы произвести впечатление состоятельного поклонника. Из Уильямсберга Джордж отправил письмо в Лондон своему торговому агенту со срочным заказом: прислать «как можно больше лучшего тончайшего синего бархата для пошива мундира, камзола и штанов на высокого мужчину, с шелковыми пуговицами в цвет и всем необходимым для подкладки и отделки, а также подвязки к штанам». Еще он заказал по шесть пар модных башмаков и перчаток.

Надо сказать, что у Марты уже имелся ухажер — процветающий плантатор Чарлз Картер, вдовец, почти вдвое ее старше. Но в предыдущем браке он обзавелся дюжиной отпрысков, и Марте вовсе не улыбалось стать мачехой для такой оравы. Понятно, что Картер не мог тягаться с молодым бездетным красавцем-офицером, мужественным, сильным и бесстрашным, за которым Марта со своими собственными детьми будет как за каменной стеной.

А красавец-офицер, собравшийся было подать в отставку, узнал о неожиданных перестановках в командовании. В марте 1758 года графа Лаудона отозвали в Лондон и заменили Джеймсом Аберкромби, прежде бывшим бригадным генералом. В принципе это означало сменить шило на мыло — хотя Аберкромби и обладал хорошими связями в Великобритании, но был напрочь лишен талантов стратега. Зато лидер партии вигов^[9] и глава кабинета Уильям Питт, поклявшийся, что Америка никогда не будет папистской, намеревался послать за океан флотилию с семью тысячами солдат и атаковать форт Дюкен. Эта задача была поручена Джону Форбсу, повышенному в декабре в звании до бригадного генерала.

Пятидесятилетний шотландский генерал был весьма невысокого мнения о колониальных офицерах, полагая, что они умеют только содержать постоянные дворы, ездить верхом да торговать с индейцами. Зная об этом, Вашингтон написал бригадному генералу Джону Стэнвиксу, прося его замолвить о нем словечко перед Форбсом, «но не как о человеке, который будет рассчитывать на него в надежде на повышение по службе, поскольку я уже давно поборол все подобные желания, но как о человеке, который будет рад, если его некоторым образом отличат от общей массы провинциальных офицеров». В самом деле, Форбс отозвался о нем как о «хорошем и знающем офицере из

глубинки». Законодательное собрание Виргинии приняло решение о формировании второго Виргинского полка, чтобы довести общую численность войск до двух тысяч человек, предполагая доверить командование им Джорджу Вашингтону.

В начале апреля он уже достаточно оправился от дизентерии и смог выехать в полк. К этому времени они успели объясниться с Мартой; Джордж сделал ей предложение через три недели после знакомства, получил согласие и теперь заказал в Филадельфии золотое кольцо для будущей жены (в те времена обручальные кольца носили только женщины). Вашингтон приучал себя к мысли о том, что скоро его фамилию станет носить женщина, которую он должен полюбить; холостяцкая жизнь подходила к концу...

Марта принялась готовиться к свадьбе: заказала у лондонского портного «благопристойный костюм, чтобы выглядеть степенно, но не экстравагантно и не траурно». Сбросив вдовьи одежды, она отправила в Лондон свою ночную рубашку, чтобы ее там перекрасили в модный цвет.

Джордж же занялся обустройством будущего семейного гнезда. Он решил перестроить сельский домик Лоуренса, увеличив его площадь вдвое и превратив в настоящую усадьбу. Разрушать всё до основания он не стал — новый дом был возведен на старом фундаменте; но если у Лоуренса-моряка вход в дом находился в восточной части, со стороны реки, то Джордж-маркшейдер перенес его в западную часть, со стороны дороги, и теперь путешественникам издалека открывался величественный вид на Маунт-Вернон. Впрочем, пока этот дом напоминал большую коробку без всяких украшений. Перед усадьбой был разбит сад из двух симметричных прямоугольных частей, огороженный кирпичной стеной (подсмотрено в Бельвуаре). Вашингтон также велел расширить второй

этаж, пристроить мезонин, переделать помещения на первом этаже — в общей сложности получилось восемь полноценных комнат.

Ему очень хотелось производить впечатление богатого человека со вкусом, но вот где взять на это средства... Поняв, что каменный дом ему не потянуть, он прибегнул к рустовке: на сосновые доски наносили фаски, а затем красили белой краской, смешанной с песком из Чесапикской бухты, что придавало поверхности зернистость, создавая иллюзию каменной кладки. Деревянные стены в кабинете искусно покрасили, превратив местную древесину дешевых сортов — желтую сосну или тюльпановое дерево — в дорогое импортное красное дерево или черный орех.

Чтобы сложить две новые печные трубы, по обоим концам дома, изготовили 16 тысяч кирпичей. Рабы выискивали по окрестным лесам белый дуб для изготовления опор, поддерживающих кровельную драпку. Для перестройки дома Вашингтон собрал команду из семи рабов-плотников, которых надзиратель Хамфри Найт держал в ежовых рукавицах и порол за малейшую провинность.

Сам хозяин между тем находился в форте Камберленд и готовился к решительным схваткам. Марта, наверное, не узнала бы своего жениха: Вашингтон нарядился (и одел своих людей) в индейские охотничьи рубахи и легинсы, чтобы на равных соперничать с легкими, подвижными и быстроногими врагами. Конечно, признавался он в письме главному адъютанту Форбса, это «неподобающий наряд» для офицера, зато солдатам в нем легче нести службу и совершать долгие и утомительные переходы с полной выкладкой. Хотя до индейцев им еще далеко: «Даже лучшие из белых людей не сравнятся с ними в лесах».

А британские военачальники до сих пор не могли приспособиться к местной специфике, придерживаясь

европейских правил ведения боя, и в очередной раз за это поплатились. 5 июля Аберкромби вознамерился захватить форт Карильон (позже он получил название Тикандерога), построенный французами в 1755 году для осады форта Уильям-Генри, и двинул на него крупные силы — около пятнадцати тысяч солдат. Главнокомандующий был хорошим снабженцем, но совершенно бездарным полководцем: солдаты даже прозвали его *Nanny Crombie* (Баба Кромби). Монкальм же срочно возвел для обороны форта высокие деревянные укрепления и поджидал врага, попутно донимая его мелкими стычками с участием индейцев. После полудня 8 июля по приказу главнокомандующего британцы выстроились в три шеренги и строевым шагом двинулись в лобовую атаку на укрепленные высоты — без поддержки артиллерии. Французы расстреливали их практически в упор, а тех немногих солдат, которым всё-таки удавалось взобраться на вал, протыкали штыками. Только к вечеру, когда всё поле перед фортом покрылось телами убитых (потери составили около двух тысяч человек), Аберкромби дал приказ отступить. К чести британцев надо сказать, что потери французов тоже были велики — 700 человек убитыми, что составляло четверть их численности, помощник Монкальма Луи Антуан де Бугенвиль был тяжело ранен в голову, — но поле битвы осталось за ними.

Генерал Форбс решил, что настало время действовать. «Мы выступили в поход на Огайо, — писал Джордж Марте из форта Камберленд 20 июля 1758 года. — В Уильямсберг посылают курьера, и я пользуюсь случаем, чтобы передать несколько слов той, чья жизнь отныне неотделима от моей собственной. С того счастливого часа, когда мы принесли друг другу обеты, мои мысли постоянно обращены к Вам, словно Вы — это я. Да сохранит всемогущее Провидение нас обоих! Ваш верный и любящий друг Дж. Вашингтон»^[10].

Между тем подошел срок новых выборов в палату горожан Виргинии. Джордж выставил свою кандидатуру от графства Фредерик. Памятуя о прошлой неудаче, он обо всём позаботился заблаговременно и собрал команду энергичных друзей, которые, пока его не было, вербовали ему сторонников в Винчестере. Роберт Резерфорд сообщил другу, что они вели кампанию «с величайшим пылом, дойдя даже до шляпника Уилла и его жирной жены». Теперь не мешало и самому кандидату показаться людям, настаивал другой друг, полковник Джеймс Вуд. Вашингтон получил позволение отправиться в Винчестер для ведения предвыборной кампании, но... решил всё-таки остаться при армии. Форбс готовил наступление на форт Дюкен, долг каждого офицера — быть там, где он нужнее всего. Кто на это сможет что-нибудь возразить? И вовсе не обязательно объяснять, что в глубине души он боится очередного поражения...

Общественная жизнь в те времена проходила в тавернах, которые служили клубами, очагами культуры и местами масонских собраний, сохраняя при этом и свою изначальную роль. В день выборов, 24 июля 1758 года, отсутствующий кандидат прибегнул к распространенному, хотя и не вполне законному средству: выставил избирателям угощение. Его доверенные лица потратили целых 39 фунтов (в виргинской валюте) на закупку 34 галлонов вина, трех пинт бренди, 13 галлонов пива, восьми кварт сидра и 40 галлонов ромового пунша. Пойдя на такие расходы, Вашингтон лишь просил равномерно распределить выпивку, никому не отдавая предпочтения.

На два места в палате горожан претендовали четыре кандидата, в том числе Томас Брайан Мартин, племянник лорда Томаса Фэрфакса. Поскольку у каждого выборщика было два голоса, Вашингтон и Мартин создали блок против конкурентов, и поддержка

лорда Фэрфакса, возглавлявшего местную просвещенную элиту, оказалась весьма кстати. Джордж Уильям Фэрфакс лично приехал в Винчестер, чтобы проголосовать за друга; доктор Джеймс Крейк тоже был здесь. Результаты выборов стерли всякое воспоминание о прошлой неудаче: 309 голосов из 397! Томас Брайан Мартин, набравший 240 голосов, стал вторым депутатом.

В отсутствие кандидата-победителя поздравления принимали его друзья: полковника Вуда качали и носили на руках по городу под крики «Ура Вашингтону!». «Если потоки благодарности из сердца, преисполненного радости и признательности, способны в какой-то мере воздать за труды и тревоги, доставленные вам моим избранием, примите их», — растроганно писал виновник торжества. Листок с протоколом голосования он сохранил, чтобы знать, кто за кого голосовал.

Радость от победы была омрачена очередной неприятностью: генерал Форбс опять поступал не так, как хотелось полковнику Вашингтону. Можно было достичь форта Дюкен разными путями, а на долину Огайо претендовали и Виргиния, и Пенсильвания. Вашингтон и другие виргинские офицеры хотели бы, чтобы войска продвигались по дороге, проложенной еще Брэддоком и начинавшейся в Мэриленде: это укрепило бы права Виргинии на благодатные земли Огайо. По тем же причинам жители Пенсильвании настаивали, чтобы войска выступили в поход из их колонии. Форбс, о чем Вашингтон узнал, поболтав с адъютантом генерала, полковником Генри Буке, склонялся к последнему варианту, поскольку на этом маршруте не было водных преград. Да, но пенсильванская дорога лежит через поросшие лесами крутые скалистые горы! На бумаге этот путь короче, но на деле может оказаться длиннее, до зимы не управимся!

Форбс отмахнулся от колониального офицера, явно преследующего личные интересы, как от надоедливой

мухи. Он сам знает, что делать. Французам придется разделиться и охранять оба подхода, это добавит нам шансов. Арсеналы его войск, состоявших из семи тысяч солдат регулярной армии и ополченцев, находились в Карлейле, в Пенсильвании. Вот оттуда он и начал прокладывать дорогу через непроезжие леса. В Рейстоуне (ныне Бедфорд) построили форт, который должен был служить резервной базой. Обозу предстояло следовать по дороге, прокладываемой через Аллеганские горы, — впоследствии ее назвали «дорогой Форбса». Дело подвигалось — но медленно, ох как медленно!

В конце августа зарвавшийся Вашингтон написал наглое письмо Буке: если бы они пошли дорогой Брэдока, Огайо уже была бы в наших руках! Этого ему показалось мало: он обратился через голову генерала к новому генерал-губернатору Виргинии Фрэнсису Фокье (благодаря своему богатству он был самым независимым из губернаторов в Новом Свете). Председателя палаты горожан Робинсона он уверял, что Форбс тратит впустую деньги и время, и просил поставить об этом в известность Его Величество. Возможно, он полагал, что в новом качестве — народного избранника — имеет право высказывать свое мнение, отстаивая интересы избирателей.

Вероятно, генерал Форбс счел неуместным сводить сейчас счеты с офицером, не соблюдающим субординацию. Он даже поставил Вашингтона во главе трех бригад, которые должны были первыми пойти в атаку; Джордж единственный из колониальных офицеров удостоился такой чести.

Двенадцатого сентября Вашингтон, по-прежнему находившийся в форте Камберленд, получил письмо от Джорджа Уильяма Фэрфакса, помогавшего присматривать за перестройкой Маунт-Вернона. К нему была приложена записочка от Салли, и Джорджа словно

обдало горячей волной. Да, это безумие, он «принес обет» и почти женат, но... Он тотчас сел писать ответ, изъявив «великую радость от счастливой возможности возобновить переписку, которая, как я опасался, внушает Вам отвращение». Салли! Он держит в руках листок бумаги, побывавший в ее пальчиках, но это всё, на что он может теперь рассчитывать... Она замужем, а в его жизни вскоре произойдет важная перемена. Должна произойти...

«Да, я послушник Любви. Признаюсь, что здесь замешана женщина, и скажу откровенно, что эта дама Вам знакома. Да, сударыня, подпавший под ее обаяние не может отрицать силы, которой он принужден навечно покориться. Я увлечен ее прелестями и вспоминаю о тысяче нежных моментов, которые мне бы лучше стереть из памяти, но я обречен переживать их с новой силой. Но опыт, увы, печально напоминает мне о том, насколько это невозможно, опровергая мнение, коего я долгое время придерживался, что существует судьба, управляющая всеми нашими действиями, и человек не может ей противиться никакими силами... Вы заставили меня, сударыня, вернее, я сам заставил себя искренне признаться в простом факте. Не поймите меня превратно. Свету вовсе незачем знать о том, каков предмет моей любви, я говорю об этом Вам, хотя желал бы это скрыть. Одна лишь вещь стоит превыше всего в том мире, какой я желаю узнать, и лишь одна знакомая Вам особа способна помочь мне в этом или угадать, что я имею в виду, но с этим придется попрощаться до лучших времен, если я когда-либо их увижу... Смею надеяться, что Вы счастливы, раз сами так говорите. Хотел бы и я быть счастлив. Веселье, хорошее настроение, душевный покой и — что там еще? — несомненно, сделают Вас такой и исполнят Ваши желания...»^[11]

Он говорил так откровенно еще и потому, что на следующий день выступал в поход — а там на всё воля

Божья... Не преуменьшая опасности, молодой виргинец горел желанием взять реванш за прошлые поражения и показать себя в деле.

...Разведчики донесли Форбсу, что в трех милях отсюда по лесам бродит вражеский отряд, по всей видимости, посланный для перехвата обоза с продовольствием. Генерал направил для устранения потенциальной угрозы несколько сотен виргинцев под командованием подполковника Джорджа Мерсера. Вскоре в лагерь британцев донеслись отчетливые звуки перестрелки: люди Мерсера вступили в бой! Форбс послал Вашингтона на выручку соотечественникам.

В сгущающихся сумерках в лесу было трудно что-то разглядеть, тем более что всё заволкло пороховым дымом. Вашингтон послал к Мерсеру вестового — сообщить о подходе подкрепления — и двинулся со своими людьми вперед. Вот в отдалении замаячили человеческие фигуры — и тут же раздались выстрелы, засвистели пули. Кто-то с криком упал; солдаты начали лихорадочно стрелять. Вдруг Вашингтон понял: это же свои! Он выхватил саблю и стал выбивать сошки из-под мушкетов, чтобы солдаты не могли стрелять, но было поздно: 14 человек погибли, 26 истекали кровью...

Четвертый раз Вашингтон шел к «развилке Огайо», и каждый раз судьба словно издевалась над ним! К несчастью, он был не одинок: 15 сентября передовой отряд под командованием майора Джеймса Гранта, который должен был устроить засаду перед фортом Дюкен, был наголову разбит французами и индейцами. Генерал Форбс решил не рисковать и отложить операцию до весны.

В такой ситуации могло помочь только чудо, и его совершил шестидесятилетний старик Конрад Вейзер, немецкий колонист и первопроходец, побывавший фермером, солдатом, монахом, кожевником, судьей, изучивший наречия индейцев и служивший

переводчиком и посредником между колонистами из Пенсильвании и союзом ирокезских племен. Умело и дипломатично действуя во время совета, собравшегося осенью в Истоне (Пенсильвания), он сумел заключить договор с ирокезами, по которому племена из долины Огайо соглашались расторгнуть союз с французами.

Без помощи индейцев французам было не продержаться — подкреплений ждать неоткуда. Форбс только-только приказал идти на зимние квартиры, когда к нему привели трех пленных, сообщивших, что из форта Фронтенак выведен французский гарнизон, а из форта Дюкен ведется эвакуация. Подоспевший индейский разведчик рассказал, что над фортом поднимается густой столб дыма. Форбс срочно собрал две с половиной тысячи солдат, разделил их на три колонны, намереваясь взять форт штурмом, а во главе поставил Вашингтона, присвоив ему на время операции звание бригадного генерала. Наконец-то его час пробил! Но когда вся эта сила явилась на место, от форта Дюкен оставались одни дымящиеся головешки: французы взорвали его и ночью сплавились по реке.

Британцы вступили в форт 25 ноября 1758 года, и Форбс приказал немедленно возвести на этом месте новые укрепления, которые назвал фортом Питт в честь госсекретаря Уильяма Питта. Поселение в развилке двух рек получило название Питсбург.

Добившись своей цели, генерал, на протяжении всей военной кампании боровшийся с серьезным недугом, окончательно разболелся. 3 декабря, передав командование фортом полковнику Хью Мерсеру, он поехал обратно в Филадельфию (путь был труден и растянулся на несколько недель). Полковник Вашингтон тоже был не в лучшей форме: недолеченное «расстройство кишок», напоминавшее о себе в предыдущие месяцы, снова его подкосило. Теперь, когда безопасность виргинских первопроходцев была

обеспечена, а сам он довольно удачно дебютировал на политической сцене, военная карьера его больше не прельщала. Джордж предпочел не разбрасываться, а сосредоточиться на предстоящей женитьбе — начать новую жизнь.

Весть о грядущем уходе Вашингтона в отставку повергла в уныние его подчиненных. 27 офицеров Виргинского полка прислали ему коллективное письмо, в котором прославляли его «непоколебимую приверженность к беспристрастной справедливости», «признание чужих заслуг», «честь и стремление к славе» и сожалели, что теряют «прекрасного командира», «искреннего друга» и «любезного товарища». Капитан Роберт Стюарт в личном послании добавил от себя, что ему будет не хватать «Вашего неизменного общества и беседы, доставлявших мне столько удовольствия».

Вашингтон от всей души поблагодарил офицеров «за оказанную честь»: «...если мне и удалось снискать себе репутацию, то лишь благодаря вам. Благодарю вас за любовь и уважение, с коими вы всегда относились ко мне. Сие и есть награда для меня. Сей славой упиваюсь».

Шестого января 1759 года, в «Двенадцатую ночь», в «Белом доме» состоялась свадьба Джорджа Вашингтона и Марты Дэндридж-Кастис. Джордж был весьма импозантен в синем бархатном костюме, выписанном из Лондона (синий цвет напоминал о военном мундире, в то время как штатские предпочитали коричневый), белом атласном камзоле и туфлях с синими пряжками. Марта роскошно смотрелась в желтом парчовом платье поверх белой шелковой юбки, с пышными кружевами на воротнике и рукавах, и пурпурных атласных туфельках с серебряными блестками (туфли были на высоких каблуках, чтобы хоть чуть-чуть сократить разницу в

росте с новым мужем). Джеки и Пэтси тоже были одеты по-взрослому, как маленькие аристократы.

Вероятно (точных свидетельств нет), на свадьбе присутствовали братья и сестры молодоженов (у Марты было два брата, Уильям и Бартоломью, и две сестры — Анна Мария (Фанни) и Элизабет; их мать тоже могла приехать), но Мэри Болл нарочито не явилась на бракосочетание старшего сына^[12]. Зато Джордж Уильям Фэрфакс и его жена Салли были среди гостей. Разве можно не пригласить лучших друзей?

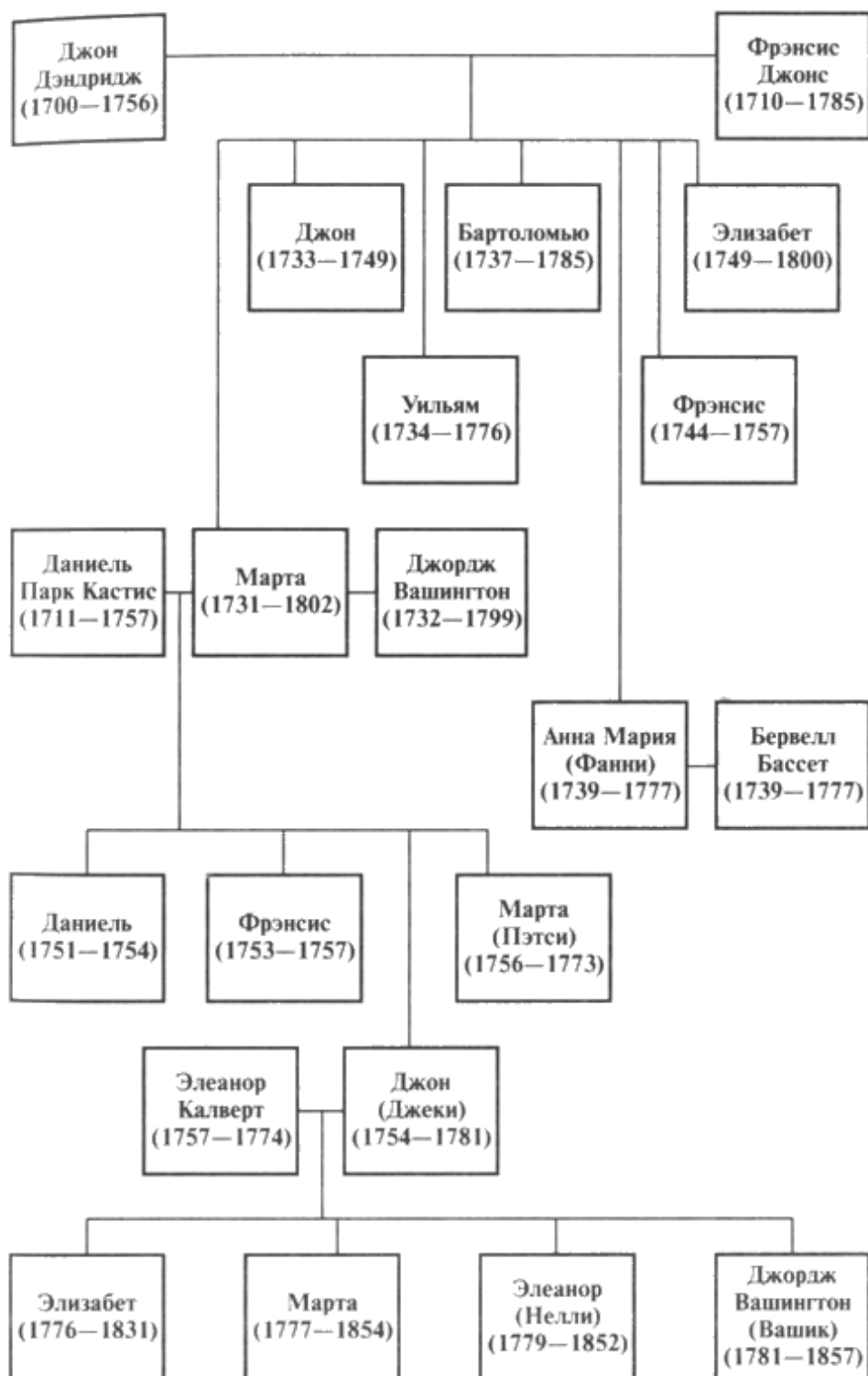
Обряд совершил преподобный Дэвид Моссом, пастор церкви Святого Петра.

«Двенадцатой ночью» завершаются рождественские празднества. По народным поверьям, клятва, принесенная в этот вечер, будет нерушима, а следующий день явится судьбоносным.

ПОМЕЩИК

Медовый месяц новобрачные провели в Уильямсберге.

Привыкший относиться к любому делу добросовестно, Джордж подготовился и к новым для себя обязанностям супруга. В библиотеке Кастисов нашлись «Супружеское распутство» (*Conjugal lewdness*) Даниеля Дефо и «Искусство заниматься любовью» Афры Бен. Простудировав эти книги, он решил подстраховаться и заказал в Лондоне четыре унции шпанской мушки — известного с древних времен афродизиака.

Семья Дэндридж-Кастис в XVIII веке

Период ухаживаний фактически свелся к трем предсвадебным визитам Вашингтона в «Белый дом» и обмену несколькими коротенькими письмами, поэтому теперь, уже став мужем и женой, Джорджу и Марте предстояло по-настоящему познакомиться. По счастью, оказалось, что оба вытянули в лотерее счастливый билет: им было хорошо вместе. Несмотря на свою относительную молодость, они были уже опытны в житейских делах, знали, что нет в этом мире совершенства, и умели находить компромисс. Марте нравилось в новом муже то, что он был волевой ответственный человек, знающий, чего он хочет и как этого добиться. Джорджу, привыкшему командовать, было по душе, что жена ему не перечит, но вместе с тем он, не позволявший себе близких отношений с подчиненными, находил отраду в беседах с супругой, которой мог безбоязненно излить душу, получив взамен сочувствие и умный совет.

Единственное, что слегка омрачало их союз, — Марта больше не могла иметь детей. Ее последние роды, в результате которых на свет появилась Пэтси, выдались сложными, и врачи вынесли неутешительный вердикт. Что ж, они будут вместе воспитывать детей Марты от первого брака. Малыши сначала робели в присутствии высоченного чужого дяди со строгим лицом, чье появление прерывало шумные игры, веселье и смех, но со временем попривыкли. Вашингтон прикипел душой к маленькой Пэтси, но как держать себя с любимцем матери Джеки, так и не решил. Дело в том, что Джеки, сохранивший фамилию отца, по достижении совершеннолетия должен был вступить во владение всем отцовским наследством — землями и рабами, которыми пока управлял его отчим, ежегодно посылая в Генеральный совет в Уильямсберге подробный отчет. Таким образом, Вашингтон был для него и приемным отцом, и управляющим его имениями...

Распоряжаться по своему усмотрению он мог лишь собственностью Марты. А эта собственность добавляла забот. Например, в конце января, который в тот год выдался морозным, неожиданно скончались четыре раба, причем трое из них принадлежали Кастисам. Нужно было тратиться на врачей и лекарства для оставшихся...

На свой 27-й день рождения Вашингтон впервые принял участие в работе палаты горожан. Четыре дня спустя ему пришлось пережить волнующий момент: коллеги решили принять специальную резолюцию, чтобы выразить ему благодарность за «верную службу Его Величеству и нашей колонии» и «храброе и мужественное поведение». Голосовали вслух; на просьбу высказаться по поводу резолюции по залу прокатилось громкое «да». Вашингтон поднялся с места, чтобы поблагодарить за оказанную честь. Он в самом деле был польщен, смущен, обрадован... Но он был к этому не готов! Что сказать? И все смотрят на него, ждут... Он зарделся как маков цвет, попытался что-то выдать из себя, но так и не смог и смутился окончательно. «Садитесь, мистер Вашингтон, — сказал председатель, успокоив его улыбкой, — ваша скромность равна вашей доблести, а этого не выразить никакими словами».

Вашингтона назначили в комиссию жалоб и предложений, которая занималась торговыми и управленческими делами. Ему приходилось разбирать и прошения от солдат и маркитантов. В те времена, когда парламент был местом для состязания в ораторском искусстве, Вашингтон резко выделялся на фоне краснобаев, готовых в любой момент вскочить со своего места и часами заливаться соловьем на любую тему. Он никогда не говорил больше десяти минут и всегда — только по делу.

Военное прошлое всё еще довлело над настоящим, тем более что война не закончилась и газеты по-прежнему уделяли ей много внимания (а Джордж и Марта читали уйму периодических изданий). 11 марта скончался генерал Форбс, его похоронили в Филадельфии. Аберкромби отозвали в Лондон и заменили Джеймсом Амхерстом. Но всё это происходило уже где-то далеко, а рядом были более насущные проблемы: Джордж твердо вознамерился посвятить себя хозяйству и занимался обустройством своего гнезда.

Женившись на Марте, он унаследовал торговые связи Даниеля Парка Кастиса с лондонской фирмой «Роберт Кэри и К^о», стоявшей рангом выше, чем заведение Ричарда Вашингтона: она не только реализовала табак с виргинских плантаций, но еще и получала за Марту дивиденды со счета ее первого мужа в Банке Англии. Уведомив письмом Роберта Кэри о том, что отныне все дела Даниеля Парка Кастиса, эсквайра, будет вести он (и приложив копию свидетельства о браке), Вашингтон тут же поручил своему новому торговому агенту приобрести в Лондоне спальную гарнитур: кровать с пологом на четырех столбиках, гардины на окна, постельное покрывало и четыре стула с бело-синей обивкой. Помимо этого, молодожены пожелали иметь «модный набор» фужеров, особую подставку для десертов (менажницу), серебряные столовые приборы с рукоятками из слоновой кости. Клиенты требовали, чтобы приобретаемые вещи были модными и пристойно-элегантными, на самый изысканный вкус. Мода уже в те времена менялась быстро, и за морем за ней не поспевали. Заказав «две пары кружевных гофрированных манжет по гинее за пару», Вашингтон добавил: «...если гофрированные манжеты вышли из моды, пришлите те, что модны теперь». Вместе с тем Джордж вовсе не был пижоном и, заказывая штаны из черного шелка и малинового

бархата, подчеркнул, что на них не должно иметься никаких кружев или вышивки, а синее пальто с капюшоном должно быть сшито «из такой материи, чтобы не пропускала самый сильный дождь». Марта выписала себе шелковые чулки, белые атласные туфельки, золотые пряжки к ним, касторовую шляпу, два гребня из слоновой кости и два черепаховых, чепцы из газовой ткани и два фунта ароматной пудры. Не нуждаясь в косметике, Джордж поручил купить в аптеке на улице Лудгейт-хилл шесть бутылок особой микстуры для чистки зубов, предотвращавших зубную боль: зубы по-прежнему доставляли ему много хлопот, и один даже пришлось вырвать.

Джордж добросовестно посещал заседания палаты до начала апреля, а после утверждения законопроекта о сохранении Виргинского полка выехал вместе с семьей в Маунт-Вернон.

Марта с детьми и слугами-рабами (ее сопровождала мулатка Анна Дэндридж, при Джеки состоял десятилетний негритенок Джулиус, при Пэтси — двенадцатилетняя Молл) ехала в шикарной карете Кастисов, а Джордж скакал рядом верхом. Молодой муж сильно нервничал: как-то супруге понравится новое жилище? А вдруг там еще ничего не готово, пахнет краской и штукатуркой, намусорено, не убрано? Разумеется, он заранее написал управляющему Джону Алтону, чтобы комнаты чисто вымели и проветрили, а в двух спальнях приготовили постели; «столы и стулья вынесли на улицу и как следует отскоблили и почистили». «Лестница, — наказывал он, — должна быть натерта, чтобы выглядеть как подобает. Раздобудьте яиц и цыплят, разузнайте о них по соседству».

К счастью, все его опасения оказались напрасными — Марте понравилось в Маунт-Верноне. Прекрасная хозяйка, она быстро навела в доме уют, и усадьба стала «приютом радости и веселья». Вашингтон радовался

своей новой жизни «в уединении», надеясь отдохнуть от забот «большого суетного мира».

Однако без неприятностей не обошлось: едва устроившись на новом месте, Вашингтон узнал, что на плантации Булскин вспыхнула эпидемия оспы. Он помчался туда и обнаружил, что два раба, Гарри и Кит, уже умерли, а все дела находятся в запустении и беспорядке. Джордж лично съездил в Винчестер, находившийся по соседству, заказал там одеяла и лекарства, нанял сиделку и велел надзирателю поместить заболевших рабов в карантин. Ну всё приходится делать самому! И это в самую горячую пору, когда надо готовить землю под высадку табака!

Знаменитый виргинский табак был главным источником доходов для местных плантаторов, однако выращивание этого капризного растения было делом нелегким, заставляя множество людей трудиться не разгибая спины и не покладая рук.

Семена табака очень мелкие: в одном грамме их насчитывается около 12 тысяч штук, поэтому табак никогда не сеют сразу в грунт, а предварительно проращивают. В марте его высеивают в специальные горшочки, чтобы в мае рассаду можно было высадить на плантации. К тому времени следовало подготовить землю: вспахать деревянной сохой, пройтись по пашне с граблями, разбивая крупные куски земли, потом вспахать поглубже, снова прорыхлить, перемешать почву с остатками старых кустов и корней, чтобы они перегнили и удобрили ее, добавить песочка — табак его любит.

Наконец можно высаживать кустики. Это ювелирная работа: одно неосторожное движение — и корни будут повреждены, а значит, растение погибнет. Важно выдерживать расстояние между саженцами: если посадить их слишком близко, листья получатся маленькими и тонкими, и за такой табак много не дадут.

Через три недели принявшиеся растения надо окучить, чтобы корни росли не в стороны, а вниз, а потом регулярно пропалывать, чтобы кустики не заглушило сорняками. Зато поливать табак не надо, разве что в очень засушливую погоду.

Когда растение уже выпустило семь-восемь листьев, нужно отщипнуть верхнюю почку — ногтями, осторожно, чтобы не повредить два верхних листочка. После этой процедуры листья начинают усиленно развиваться. Но успокаиваться нельзя: нужно регулярно уничтожать другие, бесполезные отростки на стебле, которые иначе тоже пойдут в рост.

Но это, как говорится, еще «цветочки»; самая тяжелая работа предстоит, когда пойдут «ягодки», то есть листья. Сбор урожая начинается через два-три месяца после высадки, когда фермер опытным глазом подметит признаки того, что листья созрели: с них опали ворсинки или они начали опускаться. Стебель табака вымахивает в высоту до двух метров, на нем располагаются от восьми до двадцати листьев. Зреют они постепенно: сначала самые нижние, потом те, что повыше, и сбор табака происходит практически непрерывно. Это значит, что в самую жару и духоту чернокожие невольники с рассвета и до заката бродят в поле между высоченных кустов, отрывая от них листья длиной до 60 сантиметров и складывая их в большие плетеные корзины у себя за спиной.

Собранные листья сушат, пока они не приобретут нужный цвет (процесс занимает от пяти до десяти недель), а затем связывают в пучки и укладывают в снопы, где происходит квашение. Как только в середине снопа сильно повысится температура, сноп разбирают и перекладывают пучки в другом порядке — и так пять-шесть раз, пока температура не перестанет повышаться. Тогда уже табак можно упаковывать и отправлять в Англию.

В общем, всё лето и осень Вашингтон был занят — полевые работы требовали хозяйского присмотра. А между тем военное счастье изменило французам, и теперь колокола звонили уже в честь побед британского оружия.

На завоевание Канады бросили более 50 тысяч солдат во главе с генерал-майором Джеймсом Вольфом, которого Питт считал несравненным тактиком и полностью ему доверял. Несмотря на молодость (32 года), Вольф уже страдал от целого букета болезней: камни в почках, ревматизм, туберкулез, — но обладал проницательным умом и цепкой хваткой. В конце июня английская армада встала на рейде Квебека, одновременно другой экспедиционный корпус завладел Гваделупой. 31 июля 1759 года состоялся первый штурм Квебека, а 13 сентября Вольф вынудил Монкальма, возглавлявшего оборону города, принять полевое сражение. Оно продлилось не больше четверти часа; оба полководца были смертельно ранены и скончались; 18-го числа британцы вступили в Квебек, оставленный французами.

Бывший полковник Вашингтон радовался победам соотечественников, но томился в душе: видно, он не вполне расстался с мечтами о воинских лаврах. Он заказал Роберту Кэри шесть бюстов знаменитых полководцев — Александра Македонского, Юлия Цезаря, Карла XII, Фридриха Великого, Евгения Савойского и герцога Мальборо, — чтобы украсить свой кабинет. Однако Кэри не смог их раздобыть и предложил прислать вместо военных писателей — от Гомера до Шекспира и Мильтона. Зачем ему Гомер? Вашингтон отменил заказ.

Каждый его день строился по одинаковому расписанию, но эта монотонность не угнетала его; наоборот, постоянство внушало спокойствие и

уверенность. «Система — душа любого дела», — говаривал он.

Как многие бережливые хозяева, Вашингтон вставал до рассвета и успевал переделать кучу дел, пока другие еще спали. Накинув халат и просунув ноги в домашние туфли, он час или два проводил в библиотеке, читая письма и отвечая на них, затем вдумчиво и истово молился. Слуга подавал одежду, причесывал хозяина и стягивал его волосы в хвост. Перед завтраком Вашингтон спускался в конюшни, осматривал лошадей и давал наставления конюхам.

В Виргинии высоко ценились чистокровные верховые лошади гнедой или рыжей масти, выведенные в Англии и очень резвые, а Вашингтон словно родился в седле. Он сам укрощал и объезжал лошадей, прекрасно их чувствовал, легко брал препятствия, даже не приподнимаясь на стремянах, и, направляясь куда-то верхом, всегда мчался вскачь, даже если не было особой спешки — просто ради удовольствия.

Завтрак неизменно состоял из кукурузных хлопьев, чая и меда. Подкрепившись, хозяин натягивал высокие черные сапоги, садился в седло и отправлялся осматривать пять ферм, составлявших поместье Маунт-Вернон^[13], — 20 миль (чуть больше 32 километров) на круг, — чтобы лично проследить за работой на полях, сооружением заборов, рытьем канав, высаживанием деревьев и множеством других дел. Коллеги по палате горожан или дамы из виргинского высшего света не узнали бы всегда учтивого, выдержанного Вашингтона: при общении с «ленивыми» слугами он легко приходил в ярость и не выбирал выражений, отчитывая их за недочеты.

Он не терпел небрежности ни в чем. Если люди работали кое-как или делали что-то неправильно, Вашингтон спешил, снимал кафтан и вставал рядом с ними, чтобы показать, как надо. Однажды (дело было в

феврале 1760 года) он с неудовольствием узнал, что четыре раба-плотника за день обтесали только 120 футов бревен тополя. Он присел рядом, вынул часы и велел им работать при себе, заметив время. В присутствии хозяина производительность труда повысилась вчетверо.

Порядок, бережливость, красота — вот три кита, на которых зиждется образцовое хозяйство! Вид инструментов, брошенных где попало, ржавеющих под дождем или валяющихся на солнце, причинял Вашингтону просто физическую боль. *Many mickles make a tuckle* (Пушинка к пушинке — и выйдет перинка), — твердил он надсмотрщикам шотландскую поговорку.

Пока он был в отъезде, хлопотливая Марта после часа, отведенного на молитву и раздумья, тоже принималась за работу: давала слугам указания по кухне и уборке дома, отправляла Дженни и Миму стирать и гладить, а сама с Бетти и Молл садилась шить. В ее комнате собирался целый кружок: в одном углу служанка вязала, в центре сидели швеи, обшивавшие весь большой дом (рабы ходили в домотканой одежде), здесь же обучали этому ремеслу чернокожих девочек, а хозяйка раскраивала ткань или тоже вязала, присматривая при этом за остальными. Еще одним ее увлечением (которое она разделяла с мужем) было садоводство, и в хорошую погоду Марта отправлялась в сад, тем более что за пьяницей-садовником нужен был глаз да глаз. (Вашингтон не терпел пьянства среди своих подчиненных, но ради талантов этого садовника сделал исключение. В трудовом договоре, заключенном со свойственной Джорджу дотошностью, значилось, что садовник будет получать «четыре доллара на Рождество, чтобы напиться четыре дня и четыре ночи; два доллара на Пасху с той же целью; два доллара на Троицу, чтобы напиться два дня; глоток по утрам и стакан грога к обеду в полдень».)

К обеду Вашингтон возвращался домой — ровно без четверти три, как раз в тот момент, когда первый удар колокола призывал всех на трапезу. По легенде, цокот копыт его коня сливался со звоном колокола. Точность была одним из его «пунктиков»: он требовал ее от других и не давал поблажек себе. В центре лужайки перед домом он устроил солнечные часы, чтобы никто не мог сказать, что не знал, который сейчас час, и неизменно бросал на них взгляд, возвращаясь из поездок. Разумеется, карманные часы у него всегда были при себе, но они не так точны.

Взбежав на крыльцо, Джордж поднимался к себе, умывался, переодевался, пудрил волосы и являлся в столовую, когда часы на каминной доске били три. Марта занимала место во главе стола, а муж садился рядом с ней, по правую руку.

Домашняя прислуга состояла из дюжины рабов в ливреях, заказанных в Лондоне (алый кафтан поверх белого жилета). Повариха Долл и судомойка Бетти готовили еду, а Бричи прислуживала за столом.

На обед Вашингтон предпочитал рыбу, выловленную в Потомаке, и ел с большим аппетитом, запивая еду тремя-четырьмя бокалами янтарной мадеры (на фоне тогдашних питухов он слыл трезвенником). Со стола убирали, и хозяин провозглашал тост «За наших друзей». Потом он возвращался в библиотеку и работал там до ужина.

Одно время он курил табак с собственных плантаций — длинные глиняные трубки, но довольно скоро оставил эту привычку, поскольку она не доставляла ему удовольствия.

Он вел несколько счетных книг, куда аккуратно, до мелочей, записывал все расходы и доходы. В особую книгу он каждый день заносил заметки о том, какая была погода, какие он поставил эксперименты, данные о характере почв, воздействии на плодородие разных

видов навоза. Для каждого вида деятельности существовала особая тетрадь, где всё было разложено по полочкам. Все события своей частной жизни за день он заносил в личный дневник.

Вечером вся семья собиралась в гостиной, и Вашингтон читал вслух газеты, а по воскресеньям — проповеди из сборников, или же все вместе играли в карты или триктрак. Перед свадьбой Джордж заказал в Лондоне ломберный столик из красного дерева, две дюжины колод игральных карт и два набора фишек для «кадрили» — популярной тогда карточной игры. Азартные игры были повальным увлечением в Уильямсберге; Джордж тоже отдавал ему дань, играя на деньги в «мушку» и вист, а также на бильярде, но только «по маленькой», записывая в свои книги выигрыш и проигрыш до последнего пенни. В девять часов семейство отправлялось ко сну.

В Маунт-Верноне часто бывали гости — Марта любила окружать себя людьми и заботиться о других. Помимо многочисленной родни — сестер и братьев, племянниц и племянников — приезжали друзья и знакомые. Тогда в доме становилось шумно и весело. Джордж любил играть в крикет. Он обладал недюжинной физической силой, а потому был грозным соперником. (Однажды он забросил камень на Природный мост на Голубом хребте на высоту 215 футов.) Марта хорошо играла на клавикордах, под музыку можно было танцевать, а Джордж обожал танцы и был отличным партнером. Детям он нанял учителя танцев (в приличном обществе полагалось уметь танцевать рил, или виргинскую кадрили, джигу и менуэт); Пэтси училась играть на клавикордах, а Джеки — на скрипке и флейте.

Каждый гость чувствовал себя как дома и получал в свое распоряжение раба для услуг. Вашингтон был прекрасным хозяином: дружелюбным, но не

фамильярным, умеющим поддержать разговор. Не пытаясь произвести впечатление, он, однако, следовал принципу Бенджамина Франклина: «Пусть все знают о тебе, но никто не знает тебя насквозь». Он ценил чувство юмора и, хотя сам никогда не рассказывал анекдотов, мог оценить хорошую шутку, придуманную другим. Правда, смеялся он «внутренне», не разжимая губ, но, возможно, причиной тому были скверные зубы, которые он не хотел показывать.

На все праздники — семейные и религиозные — Вашингтоны неизменно отправляли приглашение в Бельвуар и сами часто бывали там по-соседски. Марта подружилась с Салли, и они навещали друг друга запросто, а Джордж Уильям Фэрфакс был постоянным партнером Вашингтона по охоте. Знала ли Марта о том, какие чувства питал в свое время Джордж к красивой соседке?.. Во всяком случае, теперь он не подавал ей ни малейшего повода для ревности. Кроме того, у Салли не было детей, и Марта испытывала к ней жалость — впрочем, не лишенную некоторого ощущения собственного превосходства.

Вашингтоны вовсе не сидели затворниками в своей «деревне»: помимо поездок в столицу на сессии палаты горожан, они часто наведывались в соседнюю Александрию. Джордж ездил туда и один — на собрания масонской ложи. Обязательные собрания проводили на рождество Иоанна Крестителя — 24 июня, День святого Михаила — 29 сентября, День Иоанна Евангелиста — 27 декабря и Благовещение — 25 марта; существовали также праздник ложи и собрания по случаю приема новых членов или посвящения в высшие степени. Вращаясь в «высшем обществе», Джордж, никогда в жизни не бывавший в Англии и вообще в Европе, усвоил хорошие манеры и стал знатоком этикета, так что в чем-то Маунт-Вернон и его хозяин могли дать фору лучшим домам Александрии и Аннаполиса. По крайней мере, там

никому не пришло бы в голову за столом использовать носовые платки вместо салфеток или поставить на десертный столик горячий кофейник рядом с маслом (эта возмутительная подробность была подмечена Джорджем на одном балу).

В октябре 1760 года Марта попросила мужа взять ее с собой на сессию палаты горожан, и они отправились туда при полном параде: в карете с гербами, запряженной шестеркой лошадей, и с двумя рабами в ливреях — кучером и фореитором. В столице Вашингтон поселился в самом шикарном квартале — на улице герцога Глостера. Как обычно, он снимал квартиру у вдовы Кристианы Кэмпбелл — маленькой курносой и криворотой старушки четырех футов росту и такой же толщины.

Новый вице-губернатор Фрэнсис Фокье, член Лондонского королевского общества и автор трудов по естественным наукам и экономике, превратил столицу Виргинии в блестящий символ Британского королевства. Ее жители всюду подражали европейским дворам — в манерах, поведении и одежде. Конечно, аристократу, недавно прибывшему из Версаля или Потсдама, Уильямсберг показался бы заштатным городишкой, однако стройные правительственные здания, Колледж Вильгельма и Марии, театр, регулярные сады и широкие улицы с тротуарами, вымощенными кирпичом, приводили в восторг виргинских плантаторов.

Ко времени приезда Вашингтонов город был объят ликованием: в начале сентября французы сдались британским войскам под Монреалем, и Фокье поспешил объявить, что война закончилась. В Америке — да, но она еще продолжалась в Европе, и исход ее вовсе не был предрешен. К тому же 25 октября 77-летний Георг II неожиданно скончался от разрыва аневризмы аорты, сидя на стульчаке.

Разумеется, эта печальная весть донеслась до Виргинии не скоро, и местные жители были заняты совсем другими делами. Марта была уже сама не рада, что уехала из дома, оставив детей: она вся испереживалась за Джеки и по ночам просыпалась от малейшего шума, стука копыт или лая собак — ей казалось, что это нарочный привез ей страшную новость о сыне. Через три дня она пустилась в обратный путь.

Одиннадцатого февраля 1761 года Фокье торжественно объявил о восшествии на трон Георга III. По такому случаю палату горожан предстояло распустить и объявить новые выборы. Вашингтон был к этому готов: Томас Брайан Мартин собирался уйти в отставку, и его партнером должен был стать его боевой товарищ Джордж Мерсер. Однако у него неожиданно объявился соперник — еще один ветеран Франко-индейской войны подполковник Адам Стивен, немедленно начавший клеветническую кампанию против бывшего собрата по оружию. Джордж мог по-прежнему рассчитывать на поддержку виргинских патрициев, Стивен же взывал к «плебсу», прельщая его новизной и сбивая с толку демагогией.

Выборы состоялись в середине мая. К тому времени Джордж мучился от приступов малярии: его бросало то в жар, то в холод, и он в больших количествах поглощал страшно горький хинный порошок, прописанный докторами. Но всё же голова его была ясной, и он решил прибегнуть к «военной хитрости». Поскольку голосование было открытым, а Вашингтон знал по опыту, что пример заразителен, он попросил шерифа, отвечавшего за проведение выборов, дать возможность его сторонникам проголосовать первыми. Всё прошло по плану: первыми высказались его родные братья Джек и Сэмюэл, а вскоре после них — его зять Филдинг Льюис, друг доктор Крейк и брат Чарлз. Из пятнадцати первых голосующих 14 человек высказались в пользу

Вашингтона и 12 — за Мерсера. В результате Вашингтон получил 505 голосов, Мерсер — 400, а их противник Стивен — только 294. Принимая поздравления, Джордж напустил на себя аристократическую отстраненность, уверяя, что «мало занимается политикой».

В самом деле, теперь он гораздо больше занимался экономикой.

РАБОВЛАДЕЛЕЦ

Четырнадцатого марта 1761 года скончалась Анна Фэрфакс Ли, и Маунт-Вернон перешел в полное владение Вашингтона. Отныне он обладал одним из крупнейших поместий в Виргинии, владел землями в шести графствах (около восьми тысяч акров — 3200 гектаров) и полутора сотнями рабов, плюс к этому у него было около десяти тысяч фунтов на текущем счете в Англии.

Однако цифры на бумаге — это одно, а реальное положение дел — совсем другое. Пока Джордж находился на военной службе, имением управлял Джек Вашингтон, который не оправдал ожиданий старшего брата. За эти несколько лет хозяйство пришло в упадок. Чтобы как-то поправить дела, Джорджу пришлось потратить практически всё состояние Марты на приведение в порядок плантаций, приобретение необходимых вещей и инструментов и сооружение новых построек.

Опыта в сельском хозяйстве у него было мало, но он, во всём стремившийся к совершенству, был твердо намерен выращивать табак самого высокого качества, экспериментируя с различными сортами. Однако табак — очень капризное растение; он не терпит ни засухи, ни излишней влаги, а также весьма требователен к почвам: лучше всего для него подходят легкие, сыпучие почвы с кислинкой, насыщенные влагой. Между тем земля в Маунт-Верноне была с прослойкой глины, не пропускающей влагу, и вода смывала тонкий верхний плодородный слой, оставляя неприглядные рытвины. Экспериментируя с разными удобрениями, в первый год семейной жизни дотошный хозяин получил рекордный

урожаем в 147 357 фунтов табака и несколько приободрился.

Выращивание табака требовало массы рабочих рук, и Вашингтону приходилось покупать рабов^[14]: те негры, которые ему достались после свадьбы, формально были собственностью Кастисов. В первый же год он приобрел 13 рабов, отдавая предпочтение девочкам-подросткам, способным в дальнейшем увеличить его живую собственность бесплатно, за счет естественного прироста. Но эта собственность доставляла много хлопот, поскольку, во-первых, за рабов старше двенадцати лет приходилось платить налог; во-вторых, они могли заболеть и умереть, и приходилось тратиться, например, на докторов, чтобы прививать их от оспы, и на лекарства в случае других болезней; в-третьих, рабы часто ленились, притворялись больными, отлынивали от работы или делали всё не так, как полагается, но их всё равно надо было кормить и одевать. А эти неблагодарные люди так и норовили сбежать!

Мэри Болл руководила своими рабами железной рукой, не допуская никаких сантиментов. По закону можно было сурово наказывать или даже убивать своих рабов за какие-то провинности. В 1767 году в графстве Фэрфакс казнили четверых рабов, якобы пытавшихся отравить надсмотрщиков; их отрубленные головы укрепили на печных трубах здания местного суда в назидание остальным. Джордж унаследовал от матери автократический стиль руководства (который перенес и на командование солдатами), однако считал, что поркой делу не поможешь, и твердил своим надсмотрщикам, чтобы они действовали больше убеждением, чем кнутом. Его самого рабы почитали и боялись, повинуюсь одному лишь его взгляду. Теоретически надзиратель не мог выпороть раба без письменного разрешения хозяина, но когда тот надолго отлучался из Маунт-Вернона, надсмотрщики применяли свои, испытанные методы

«убеждения». Между тем и сами надзиратели были далеко не без греха: Вашингтон добивался от них, чтобы они неотступно находились при неграх во время полевых работ (то есть по 16 часов шесть дней в неделю в летнее время), бранил за пьянство, лень и безалаберность. А ведь им полагалось жалованье! В конце концов на трех фермах он заменил белых надсмотрщиков чернокожими, из числа рабов, и дело как будто пошло на лад.

На плантациях работали в основном женщины; при господском доме, помимо прислуги, жили мастера-ремесленники, в основном мужчины. Это означало, что только треть рабов могла жить вместе с женами и детьми. (Браки между рабами не были узаконены, но Вашингтон считал эти узы священными и никогда не продавал семейных рабов по отдельности.) И всё же две трети взрослых рабов имели семьи, и по вечерам в субботу или в воскресенье с утра мужчины отправлялись пешком в дальний путь, чтобы увидеться с близкими. Для женитьбы на рабыне с другой плантации требовалось позволение хозяина, и Вашингтон никогда в нем не отказывал.

Условия жизни на дальних фермах были ужасными: рабы ютились в шалашах из палок, облепленных глиной. Взрослые спали на тюфяке, дети — на голом полу; в шалаше имелись также очаг, кое-какая кухонная утварь и посуда. При усадьбе рабы жили в бараке на четыре семьи, с койками вдоль стен.

Каждый раб получал набор одежды, которую предстояло носить весь год: шерстяную куртку, штаны, две рубашки (зачастую из грубой коричневой ткани «оснабург»), пару чулок и башмаки. Женщинам выдавали нижнюю юбку и сорочку. У некоторых имелся воскресный костюм — темный кафтан с белым жилетом и белыми же штанами. Суточный паек раба состоял из кварты (около литра) кукурузной муки и селедки из

расчета 20 рыбин в месяц. С барского стола им перепали остатки мяса, свиные потроха и пахта, оставшаяся от сбивания масла. Однако никто не запрещал им разнообразить свой рацион по собственной инициативе. По воскресеньям хозяин позволял им пользоваться своими сетями для ловли рыбы в Потомаке; старый негр по имени Дядя Джек держал лодку и обеспечивал уловом остальных (в реке водилось не менее шестнадцати видов рыбы). Некоторым «благонадежным» рабам Вашингтон доверял ружья, чтобы они охотились в окрестных лесах. Охотники приносили дичь пятидесяти восьми видов, которую съедали сами или продавали (!) для хозяйского стола. Кроме того, не возбранялось держать кур и разводить огороды. По утрам в воскресенье рабы, получившие письменное разрешение хозяина, могли пойти в Александрию, чтобы продать на рынке яйца, цыплят или свежие овощи. (Не случайно, когда один плантатор решил продать несколько рабов в счет покрытия долга, Вашингтон посоветовал ему сделать это осенью, когда негры «толсты и полны сил», потому что за зиму они отощают и ослабнут, «если их как следует не кормить».)

Оказывая рабам такое доверие, Вашингтоны ожидали от них в ответ усердия, верности и благодарности. Однако рабы бежали, и что самое горькое — те, к кому относились лучше других! Согласно закону 1748 года рабовладелец, обнаружив пропажу раба, должен был обратиться в органы правосудия. Составлялось объявление, которое вывешивалось на дверях всех церквей в графстве. Если раб не возвращался сам, любой человек был вправе убить его без суда и следствия. Но какой смысл убивать, если раб нужен для работы? Уже через год после свадьбы Вашингтон заплатил вознаграждение в десять шиллингов рабу с другой плантации, который изловил сбежавшего из Маунт-Вернона раба по имени Босон.

В 1761 году Вашингтон неоднократно заносил в личный дневник полные обеспокоенности записи о новом рабе по имени Купидон, недавно прибывшем из Африки, почти не владевшем английским языком да еще и заболевшем плевритом. Больного выходили, а он... сбежал с тремя другими рабами. 11 августа Вашингтон поместил объявление в «Мэриленд газетт» с подробным описанием беглецов: Перос — лет 35–40, с круглым полным лицом желтоватого оттенка и густой черной бородой, в темном полотняном кафтане, белом жилете, белых штанах и таких же чулках, говорит на хорошем английском языке без африканского акцента и считается «благоразумным и рассудительным негром». У Купидона кожа на лице огрубевшая и прыщавая. У Джека на щеках ритуальные шрамы, нанесенные в Африке; у Нептуна обточенные острые зубы, торчащие в разные стороны. За поимку всех четырех была обещана награда в 40 шиллингов. Благоразумный и рассудительный Перос вернулся сам и не был наказан (через девять лет он сбежал снова).

Разве можно было при таких обстоятельствах уехать далеко и надолго! А ведь Вашингтон, мучимый малярией и разочаровавшийся в докторам, не способных дать дельного совета, всерьез намеревался отправиться в Англию, «чтобы вернуть себе бесценный дар — здоровье». Но с Англией опять не сложилось: ему было не на кого оставить поместье, тем более что Марта тоже неделями страдала от «желчной лихорадки» (почечных колик и расстройства желудка), хотя по-прежнему занималась домашними делами. Да и так ли велика надежда на Англию? Вот, например, его брат Остин, который несколько лет мучился от подагры, съездил в Англию, и что? Никакого эффекта. Он уже два года обещает погостить в Маунт-Верноне, «если позволят подагрические суставы», но так и не едет...

В августе Джордж отправился на воды в Беркли-Спрингс, где когда-то был со смертельно больным братом. Сам он теперь выглядел не лучше: бледный, с заострившимися чертами лица и черными тенями под глазами. На этом курорте он застал две с половиной сотни мужчин и женщин, жаловавшихся на разные болезни. Долгий путь и духота изнурили его, спал он плохо, но всё же надеялся на целебное действие вод. Однако, вернувшись в Маунт-Вернон в конце сентября, он снова заболел. Больше всего его удручало то, что из-за приступов малярии он практически не мог заниматься хозяйством с самого апреля, то есть в самую горячую пору! В ноябре Вашингтон заставил себя отправиться в Уильямсберг, за 200 километров от дома, но сессию палаты горожан он практически пропустил, потому что в столице силы окончательно покинули его.

Зимой болезнь отступила, но радость выздоровления была омрачена вестью о смерти Остина. Он умер, не дожив до сорока двух лет. Свой тридцатый день рождения Джордж встречал в довольно мрачном расположении духа: у него практически не оставалось сомнений, что ему не избежать судьбы всех Вашингтонов, рано отправлявшихся на тот свет.

ДОЛЖНИК

В октябре 1762 года Вашингтон стал церковным старостой в приходе Труро (он будет исполнять эту должность 22 года). Церковный совет, состоявший из двенадцати человек, занимался светскими делами англиканской церкви в Похике (*Pohick*). В обязанности Вашингтона входили оплата труда священника, сведение церковного бюджета, выбор места для новой церкви, наблюдение за ее сооружением, подбор убранства для алтаря. Когда церковь была построена, он заплатил за два места для молитвы внутри и предоставил средства на покупку сусального золота для выкладывания надписей над алтарем. Еще он занимался благотворительностью, помогал бедным и сиротам. Поскольку поместье Маунт-Вернон частично находилось в приходе Фэрфакс, Вашингтон купил себе место еще и в церкви Христа в Александрии, вступив и там в церковный совет.

Обязанностью церковного старосты являлось также поддержание моральных устоев в обществе: Вашингтон по долгу службы указывал суду графства на «грешников», повинных в азартных играх, пьянстве, богохульстве, несоблюдении Воскресенья и «некоторых других преступлениях против благопристойности и нравственности».

Искренне верующий, Вашингтон не был святошей и не выставлял свое благочестие напоказ. Каждый день, утром и вечером, он молился в своей комнате, стоя на коленях перед раскрытой Библией, но был крайне недоволен, когда его заставляли за этим занятием. Вот почему некоторые даже сомневались в его вере: он посещал церковь нерегулярно, никогда, в отличие от Марты, не причащался, молился в церкви стоя, а не на

коленях. Более того, с его губ практически не слетало имя Христа — он предпочитал говорить о Провидении, Судьбе, Творце всего сущего или просто о «небесах». На самом деле тому было простое объяснение: как масон, Вашингтон был деистом, то есть верил в некую высшую силу, «Архитектора Вселенной», которая руководит человеческой судьбой, не загонял свою веру в узкие рамки какой-либо религии. Этим, кстати, объясняется и его веротерпимость: в те времена в Америке, помимо главенствующей англиканской церкви, были представлены и другие: баптистская, пресвитерианская, католическая, а также иудаизм (в общей сложности — 22 конфессии), и Вашингтон ни одной из них не отдавал видимого предпочтения.

Для него Церковь была общественным институтом, призванным заботиться о нравственности и заниматься благотворительностью. И сам Джордж, и Марта никогда не прогоняли от своих дверей просящих о милостыне. Он наставлял управляющего, чтобы тот в его отсутствие «никого не отпускал голодным... лишь бы это не поощряло к праздности». Благотворительностью он занимался всегда анонимно, хотя как политик мог бы набрать очки, действуя гласно; но ведь он делал это для людей, а не для себя. К друзьям, к соседям и знакомым он был невероятно щедр и особенно сочувствовал арестованным за долги.

Хотя на посторонних Вашингтон производил впечатление богатого помещика с замашками аристократа (к чему, собственно, и стремился), его материальное положение было далеко не блестящим. Основу благосостояния виргинских плантаторов составлял табак, но в 1762 году небывалая засуха убила всякую надежду на то, что чахлые кусты превратятся в мощные стебли с широкими листьями. «Если Провидение не вмешается в скором времени (ниспослав нам умеренные и освежающие дожди для размягчения

почвы), нам в этом году не добыть и унции табака», — писал Вашингтон летом Роберту Кэри.

Поняв, что делать ставку на один лишь табак нельзя, он обложился научными трактатами и занялся сельскохозяйственными экспериментами, сея на разных почвах овес, пшеницу, ячмень. Но на следующий год, наоборот, лили нескончаемые дожди; пшеницу поразили грибок, известный как «ржавчина», а кукурузу и табак заглушили сорняки.

В довершение всех бед цены на табак были очень неустойчивы, а поскольку торговля велась исключительно через Англию, Вашингтон никогда не мог заранее знать, сколько выручит за поставленный товар и какой суммой сможет располагать, пока не получал ответ из Лондона — через три-четыре месяца! Конкуренция была велика: все виргинские плантаторы выращивали табак, соревнуясь друг с другом в том, чей сорт лучше; табаком даже уплачивали налоги.

Торговые агенты в Лондоне с легкостью открывали плантаторам кредит (в американских колониях такая практика не существовала), а те, наивные, радовались, не подозревая, что сами просовывают голову в петлю: долги накапливались, и вскоре не только имущество, но и сама вольная жизнь привыкших сорить деньгами помещиков оказывалась в руках лондонских дельцов. И Вашингтон практически сразу ступил на этот скользкий путь. Через два года после женитьбы он уже был должен Роберту Кэри две тысячи фунтов стерлингов.

Как и его соседи, Вашингтон был богат землей, а вот наличных денег у него было мало. Когда в 1763 году Роберт Стюарт попросил у него в долг 400 фунтов, Вашингтон показал ему свои счета от Кэри: «Не сомневаюсь, что вы удивитесь тому, насколько плохи дела». Он был не одинок: виргинские газеты в те времена пестрели объявлениями о продаже крупных поместий, обремененных долгами.

Между тем всё самое необходимое приходилось заказывать в Англии. Компания Кэри рассылала разнообразные заказы Вашингтона в четыре десятка лавок и магазинов. Счет-фактура за апрель 1763 года был выставлен целой армией поставщиков, включавших торговцев полотном и сукном, пряностями и ружейным порохом, трубками и протравой, веревками и портером, сыром и вином, бакалейщика, аптекаря, слесаря, галантерейщика, модистку, жестянщика, кузнеца, гончара и сапожника.

А потом предстояло бесконечно долго ожидать прибытия заказа (иногда уже по привозе в Америку грузы отправлялись по другой реке, и пока недоразумение выяснялось, бесценное время уходило безвозвратно). Наглые английские купцы, чувствуя свою власть над колонистами, вели себя с ними бесцеремонно, пользуясь их беспомощным положением. Грузы часто прибывали испорченными. Например, когда Вашингтон заказал через Кэри плуги, то получил некомплектные изделия, совершенно непригодные к использованию. Несмотря на подробное описание своей фигуры с указанием размеров, он получил штаны, которые невозможно было надеть. Кроме того, Кэри безбожно обсчитывал своего клиента, выставляя немислимые счета за шерстяные ткани, полотно, гвозди весьма посредственного качества. «Уж можете мне поверить, что вместо добротных и модных вещей разного рода мы часто получаем такие, какими, верно, пользовались еще наши предки во время оно, — саркастически писал Вашингтон своему агенту. — Видно, это такой обычай у многих лавочников и купцов в Лондоне: зная, что вещи пойдут на экспорт, они подсовывают нам то какое-нибудь старье, то совсем негодный товар, не забывая при этом сделать наценку в 10, 15, а то и 20 процентов». Когда Кэри беспечно предложил вернуть товар, который не устраивает,

Вашингтон возразил, что нельзя же целый год обходиться вообще без всего. Англия, некогда манившая его как «земля обетованная», всё больше его разочаровывала...

Семилетняя война, стоившая многих денег и крови, закончилась сепаратным миром: 10 февраля 1763 года был подписан Парижский договор между Великобританией, Францией и Испанией, одобренный Португалией, по которому британцы становились хозяевами практически всего Североамериканского континента к востоку от Миссисипи (Луизиану Франции пришлось уступить Испании), а 15 февраля — мирный договор в Губертусбурге между Австрией, Пруссией и Саксонией, восстановивший довоенный статус-кво в Европе.

Над Британской империей, простиравшейся от Азии до Америки, теперь «никогда не заходило солнце», но казна ее была почти пуста. За время войны государственный долг раздулся с 75 до 122,6 миллиона фунтов, а проценты по нему — 4,5 миллиона фунтов в год — составляли более половины национального бюджета. Выплату долга решили частично переложить на американских колонистов, обязав их к тому же содержать регулярную армию в десять тысяч солдат — для их же защиты. По расчетам главы правительства лорда Гренвиля, содержание войск в Северной Америке и Вест-Индии должно было обойтись примерно в 200 тысяч фунтов в год; 78 тысяч предполагалось получить за счет налогов.

Американцы еще не знали об этих замыслах; после ухода французов из «Новой Франции» они с вожделением поглядывали на новые земли, мысленно прикидывая, какой можно получить с них доход, но не строили воздушные замки, а предпринимали активные действия.

В мае 1763 года Вашингтон и еще девять человек затеяли осушение Большого унылого болота (*Great Dismal Swamp*), раскинувшегося на юго-востоке Виргинии и северо-востоке Северной Каролины, чтобы окультурить эти обширные земли. Согласно королевскому указу, величина земельных участков, полученных от казны, не могла превышать тысячи акров на человека, поэтому в прошение, поданное в Уильямсберг, вписали 138 вымышленных имен. Загоревшись этим проектом, Джордж, по своему обыкновению, продумал его до мелочей и предложил использовать дренажную канаву в качестве канала, ведущего в Норфолк. Реализацию этого плана отложили на потом (он был осуществлен в 1828 году), но работы действительно начались; Вашингтон предоставил шестерых рабов.

В том же месяце вспыхнул кровавый конфликт между британскими поселенцами и объединенными индейскими племенами, возглавляемыми вождем оттавов Понтиаком.

Надменный генерал Амхерст, чествуемый как победитель французов, совершенно не считался с «дикарями», полагая, что у них нет другого выхода, кроме как покориться британской короне. Не нуждаясь в поддержке индейцев после сдачи Канады, он положил конец практике раздачи подарков, широко использовавшейся французами, поскольку считал ее формой подкупа и не собирался больше тратить деньги «впустую». Однако вожди индейских племен не оставляли подарки европейцев (ружья, ножи, табак, одежду) себе, а раздавали народу, упрочивая свой авторитет. Теперь же они были глубоко оскорблены тем, что с ними обходятся столь пренебрежительно, не как с равными. Кроме того, после восстания чероки в 1761 году Амхерст распорядился больше не продавать

индейцам порох и боеприпасы, с чем они тоже не могли смириться.

Уверенный в том, что индейцы не способны оказать серьезного сопротивления, Амхерст оставил в «неблагополучном» районе только 500 солдат из восьми тысяч находившихся под его началом, — и горько об этом пожалел: индейцы разрушили восемь английских фортов, жестоко расправившись с сотнями колонистов. Когда краснокожие осадили форт Питт, британские офицеры попытались вызвать среди осаждавших эпидемию оспы, выбросив наружу зараженные одеяла. Коварство врага удвоило ярость индейцев.

Между тем 9 сентября Джордж Вашингтон примкнул к «Земельной компании Миссисипи» из двадцати человек, претендовавших на 2,5 миллиона акров земель в долине Огайо (ныне на этой территории находятся штаты Огайо, Индиана, Иллинойс, Кентукки и Теннесси); он считал, что как ветеран Франко-индейской войны имеет на них право. Однако война с Понтиаком побудила британское правительство к тому, чтобы пожертвовать интересами поселенцев ради доходной торговли пушниной: 7 октября была издана Королевская прокламация, устанавливающая границу между британскими колониями на Атлантическом побережье по водоразделу в Аппалачском регионе. Та земля, по которой текли реки, впадающие в Атлантику, отходила к колонистам, а та, где реки впадали в Миссисипи, — индейцам. Приобретение земель у «коренного населения» становилось монопольным правом британской короны, местным властям запрещалось передавать эти участки в частную собственность по своему усмотрению. Этот запрет вызвал взрыв возмущения у колонистов: к западу от установленной границы уже существовало несколько поселений, которые их жители были вынуждены покинуть, спасаясь

от индейцев. Неужели они так и сдадутся? Индейцы понимают только язык силы!

Развитие событий как будто подтверждало правоту колонистов. Весной 1764 года набеги краснокожих возобновились; сильнее всего пострадала Виргиния, где индейцы перебили около сотни поселенцев, включая женщин и детей. 26 мая погибли 15 колонистов, работавших в поле неподалеку от форта Камберленд. 14 июня индейцы убили 13 человек возле форта Лаудон в Пенсильвании и сожгли их дома.

Беда ходила рядом, а Вашингтона и без того преследовали неудачи: силы природы словно ополчились против него, три года подряд урожай практически погибал на корню, а Роберт Кэри требовал немедленной уплаты и настойчиво напоминал о том, что непокрытый долг в 1800 фунтов неуклонно прирастает на пять процентов годовых. В ответ Вашингтон обвинял его в предвзятости, утверждая, что поставляемый им табак реализуется в Лондоне по бросовым ценам, гораздо ниже, чем товар примерно такого же качества с плантаций его соседей, и грозил сменить торгового агента. Правда, угрозы оставались лишь словами: понятия о чести не позволяли Джорджу не выплатить кому-то деньги; он не мог допустить, чтобы его — пусть и за глаза — называли мошенником.

В довершение всех бед британское правительство запретило печатать в колониях бумажные деньги (лондонские купцы жаловались, что терпят убытки, получая плату в быстро обесценивающихся бумагах)^[15], и наличных средств в Виргинии практически не стало. Вашингтону многие были должны, и теперь он оказался практически не в состоянии вернуть свои деньги: должники остались без гроша. А тут еще с мая начали ходить слухи о введении какого-то налога для покрытия военных издержек Великобритании...

В апреле 1764 года британский парламент принял «закон о сахаре»: налог на патоку и ром, импортируемый из вест-индских колоний, снижался вдвое, однако там же приводился список товаров (самым ценным из них был строевой лес), которые колонисты могли экспортировать исключительно в Великобританию. Еще до разгрузки судна в портах капитаны были обязаны предъявлять подробные описи груза, а в случае нарушений разбирательство происходило в суде Адмиралтейства, а не в колониальных судах, довольно снисходительных к контрабандистам.

Эта новость достигла американских берегов в июне и нанесла глубокую рану самолюбию колонистов: значит, британцы считают их людьми второго сорта, ограничивая в правах? Еще в 1754 году Бенджамин Франклин на конгрессе в Олбани выразил мысль, впоследствии принявшую форму девиза: «Нет налогам без представительства!» В Массачусетсе избрали Комитет по переписке из пяти членов, который должен был координировать деятельность и обмен информацией по поводу «закона о сахаре».

Пока Север занимался экономическими вопросами, Пенсильвания испытала новое потрясение: 26 июля четыре воина-делавава сняли скальпы со школьного учителя и десяти детей. Губернатор Пенн вновь ввел плату за скальпы — но теперь уже индейцев старше десяти лет, включая женщин. Сменивший Амхерста генерал-майор Томас Гейдж отправил против краснокожих два карательных отряда. Возможно, война продлилась бы еще не один год, перейдя в цепную реакцию мести, но Уильям Джонсон после трудных переговоров с ирокезами, длившихся больше месяца, сумел уговорить индейцев «закопать топор войны» и заключил в Ниагаре мирный договор.

В декабре палата горожан Виргинии выступила с обращением к королю, прося сохранить за колониями

«древнее бесценное право жить по своим законам, определяя внутреннюю политику и налоги по собственному усмотрению». В документе подчеркивалось, что в колонии попросту нет наличных для уплаты налогов. Несмотря на это, 22 марта 1765 года британский парламент всё-таки принял «закон о гербовом сборе», облагавший особым налогом всю коммерческую деятельность, судебную документацию и периодические издания (документ без гербовой марки считался недействительным). Закон должен был вступить в силу в ноябре. Как и предыдущие налоги, гербовый сбор полагалось уплачивать твердыми британскими фунтами, а не колониальными бумажками.

Во время дебатов в английском парламенте автор закона, министр финансов Чарлз Тауншенд, назвал американских колонистов детьми, возвращенными, вскормленными и взятыми под свое покровительство британской короной. Защищая колонистов, полковник Исаак Барре возразил, что они — «сыны свободы», и предупредил, что они будут противиться новым налогам, вводимым этим законом.

Палата горожан Виргинии собралась в начале мая, как только получила известие о новом законе. Однако дни шли, а самый животрепещущий вопрос постоянно вычеркивали из повестки дня, заменяя другими делами. Многие депутаты, включая Вашингтона, у которых дома было забот невпроворот, покинули сессию и разъехались по своим плантациям; остались только три десятка человек из 116.

Очередное заседание проходило бурно. Председатель Робинсон (давний покровитель Вашингтона), восседавший, как на троне, на высоком стуле, тщетно призывал к порядку. С дальней скамьи вскочил молодой студент-правовед Патрик Генри (это была его первая сессия):

— Известно, — начал он звонким голосом, — что отличительной особенностью британской свободы является введение налогов, которыми облагается народ, им же самим или лицами, его представляющими...

Это уже было подстрекательство к мятежу. Степенные патриции неодобрительно переглядывались, выказывая свое недовольство. Генри попытались усадить на место, но он не унимался:

— И у Тарквиния, и у Цезаря был свой Брут! — кричал он. — У Карла I был Кромвель, а у Георга III...

— Измена! — грозно рыкнул на него председатель.

— Если *это* измена, да будет так! — эти слова потерявшего голову юнца расслышали только ближайšie соседи: они были заглушены ропотом негодования.

Генри возглавил оппозицию новому закону и предложил резолюцию, которая была принята 30 мая 1765 года:

«Постановили, что первые землепроходцы и насельники сей колонии Его Величества и доминиона Виргинии принесли с собой и передали потомкам, а также всем подданным Его Величества, проживавшим с тех пор в поименованной колонии Его Величества, все свободы, привилегии, льготы и права, какими во все времена наделялись, пользовались и обладали народы Великобритании. <...> Взимание налогов с народа им же самим или через посредство особ, избранных им и его представляющих, единственно сведущих в том, какие налоги способен уплатить народ и каким способом легче их взимать, и в равной мере облагаемых налогом, взимаемым с народа, — единственная гарантия против непосильного налогообложения и отличительная черта британской свободы, без которой невозможно существование древней Конституции».

Пока в палате разворачивались юридические баталии, Джордж в Маунт-Верноне вводил в курс дел

своего дальнего родственника, 28-летнего Лунда Вашингтона, которого нанял в управляющие, чтобы заняться вместе с ним сельскохозяйственными экспериментами (выращивание пшеницы начинало себя оправдывать: урожай удавалось сбывать в Александрии, выручая хотя бы небольшие деньги). Джордж уже собирался выехать в Уильямсберг в конце июля, когда узнал, что губернатор Фокье, встревоженный известием о том, что законодатели из Массачусетса предложили виргинским коллегам отправить делегацию в Нью-Йорк, чтобы оспорить «закон о гербовом сборе», распустил палату и объявил новые выборы. Вашингтон воспользовался этим обстоятельством, чтобы стать депутатом уже не от графства Фредерик, а от графства Фэрфакс — поближе к дому.

В августе в Бостоне возникла первая ячейка организации «Сыны свободы», куда вошли ремесленники, купцы, люди свободных профессий. Очень скоро такие ячейки образовались в каждой колонии. Печатники и газетчики распространяли через прессу идею «Нет налогам без представительства», более неистовые призывали к активному сопротивлению. По колониям, начиная с западных границ, прокатилась волна беспорядков: мелкие фермеры, ремесленники, поденщики брались за оружие, нападали на королевские войска, поджигали дома, врывались в официальные учреждения. Пострадал даже дом Бенджамина Франклина, который в тот момент находился в Англии и вел упорную разъяснительную работу среди членов парламента, пытаясь склонить их на сторону колонистов. Разумеется, Франклин был возмущен «властью толпы», сводившей на нет все его усилия. Вашингтон тоже осуждал радикалов, призывавших изымать и сжигать бланки с гербом, особенно после того как в Уильямсберге разнесли дом Джорджа Мерсера, его коллеги по палате горожан,

получившего в Лондоне должность сборщика налогов (разбушевавшийся народ сжег его чучело).

Конгресс по поводу «закона о гербовом сборе» состоялся в октябре: 27 делегатов от девяти колоний составили петицию королю и парламенту, заявив, что британский парламент не имеет права облагать их налогом. Десять делегатов были юристами, еще десять — купцами, семь — плантаторами или фермерами. Представителей Виргинии там не было.

Вашингтон же в это время писал язвительное письмо Роберту Кэри на нескольких страницах. В первых восьми абзацах он в пух и прах разнес лондонских купцов, скупающих его табак по бросовым ценам и дерущих невероятные деньги за негодный товар, присылаемый взамен. Затем он добрался и до «закона о гербовом сборе». Отмежевавшись от подстрекателей, которые рассматривали «этот неконституционный метод налогообложения как прямое покушение на свои свободы», он дал понять, что не согласен только с их методами, однако в их идеях видит рациональное зерно. Теперь-то у колонистов раскрылись глаза, они поняли, что могут бойкотировать британские товары, развивая собственное производство; а если Англия лишит колонии наличных денег для уплаты гербового сбора, то сделки нельзя будет регистрировать официально и все присутственные места, включая суды, закроются. А когда закроются суды — неужели непонятно? — британские кредиторы не смогут взыскивать долги с американских должников.

Так и случилось.

ДИССИДЕНТ

Джордж Вашингтон уже настолько поднатерел в сельском хозяйстве, что начал получать удовольствие от этой работы. Сократив табачные плантации в пользу пшеничных и кукурузных полей, он перепробовал в общей сложности 60 различных сортов злаков, сеял коноплю, лен. Понемногу Маунт-Вернон превращался в маленький самодостаточный мирок: хозяин прокладывал дороги между пятью фермами, развивал сопутствующие производства. Рабов, которым теперь не нужно было ухаживать за табаком, он обучал различным ремеслам, делая из них плотников, каменщиков, пивоваров, кузнецов, пекарей и т. д. Негр Исаак делал телеги, колеса, плуги, бороны, грабли, а Том Дэвис был мастером на все руки: и жнец, и косарь, и печник, и маляр. Для обучения рабов Вашингтон выписывал законтрактованных рабочих из Европы (по большей части бывших заключенных), которые служили у него по несколько лет (впрочем, многие сбежали еще до истечения срока). В результате квалифицированные невольники теперь даже отправлялись на заработки в соседние поместья, принося хозяину деньги.

Сбежавших работников тоже приходилось разыскивать, давая объявления в газеты. Вашингтон не мог понять, как это возможно — не выполнить своих обязательств по контракту. В конце концов, они получают деньги! И какой пример они подают рабам? Кстати, последние порой заставляли его прибегать к самой суровой мере — продавать их в Вест-Индию, чтобы они наконец-то поняли, столкнувшись с по-настоящему жестоким обращением, как были глупы, когда не ценили своего милостивого, хотя и требовательного хозяина. В июле 1766 года такой участи подвергся молодой раб

Том, «смутьян и беглец». Вашингтон отдал его капитану Джозефу Томпсону, отправлявшемуся на своей шхуне «Свифт» на Сент-Китс, посоветовав держать в наручниках, пока корабль не выйдет в море, а перед продажей помыть и привести в порядок, чтобы повысить цену. За Тома предполагалось выручить бурдюк патоки и бурдюк рома, бочку лаймов и горшок «индийских фиников» — тамариндов.

Между тем бойкот европейских товаров в Америке вынудил британский парламент отменить «закон о гербовом сборе», но при этом весной 1766 года был принят «закон об американских колониях» (Деклараторный закон), позволявший метрополии «сохранить лицо»: он подтверждал право парламента облагать колонии налогом и принимать законы, действующие в равной мере в метрополии и колониях. Пока менее проникательные колонисты праздновали победу, другие были возмущены намеком на то, что за отмененным законом последуют другие. К тому же «закон об американских колониях» почти слово в слово был списан с Ирландского деклараторного закона, поставившего Ирландию в подневольную зависимость от Великобритании: судя по всему, та же участь была уготована и тринадцати американским колониям.

Весенняя сессия 1767 года в виргинской палате горожан протекала вяло и сонно. Вашингтон томился: ему хотелось домой, где полевые работы были в самом разгаре. Он строчил письма с ценными указаниями управляющему и надсмотрщикам, перечитывал скупые строчки, нацарапанные неумелой рукой Марты: «Мой дорогой: я очень рада узнать из твоего письма что ты удачно добрался мы все живем хорошо но всё еще дождь и сыро жаль что ты не сможешь быть дома пораньше и моя сестра нескоро приедет, может май будет полутше апреля мы писали к тебе с последней

почтой но поскольку мне нечего больше сказать на сем кончаю твоя любящая Марта Вашингтон».

Но Лондон готовил новый сюрприз: министр финансов Чарлз Тауншенд провел через парламент серию законов, получивших его имя, применив новый подход к налогообложению колонистов. Они взбунтовались против гербового сбора — прямого налога, но им будет нечего возразить против косвенных — пошлин на импортные товары: бумагу, краску, свинец, стекло, чай, — которые не производятся в Северной Америке и покупать которые можно только у британских поставщиков.

Британские законодатели не поняли главного: колонисты возражали не против налогов, прямых или косвенных, а против произвола парламента. Ведь они по-прежнему не имели в нем представительства, а потому любые навязанные им налоги считали неконституционными.

Король утвердил «закон о доходах» 29 июня 1767 года. Дополнением к нему служил «закон об освобождении от уголовной ответственности», целью которого было создание конкурентного преимущества для чая, поставляемого британской Ост-Индской компанией, перед ввозимым контрабандой голландцами. Согласно этому закону чай, импортируемый в Англию, не облагался пошлиной, чтобы удешевить его реэкспорт в колонии. Убытки от отмены пошлины в метрополии предполагалось покрыть за счет уплаты пошлины колонистами. При этом таможенные службы наделялись широкими полномочиями для проведения обысков в частных домах и конторах с целью выявления контрабандного товара.

Налоговые сборы должны были пойти на выплату жалованья губернаторам некоторых колоний и судьям. Раньше оно выплачивалось колониальными законодательными собраниями, однако британский

парламент намеревался постепенно отобрать у колоний все деньги, чтобы местные представительные органы не имели рычагов воздействия на исполнительную и судебную власть.

Для взимания новых налогов в Бостоне по образу и подобию Британского таможенного управления было учреждено Американское таможенное управление, состоявшее из пяти комиссаров. Вместо одного-единственного на всю Америку Адмиралтейского суда в Галифаксе (Новая Шотландия, Канада) были созданы четыре окружных суда — в Галифаксе, Бостоне, Филадельфии и Чарлстоне; они должны были помогать таможенникам преследовать контрабандистов (обычные суды присяжных проявляли снисхождение к этим нарушителям закона).

«Сейчас самое время утвердить превосходство метрополии», — заявил Тауншенд. Он скоропостижно скончался 4 сентября 1767 года, не узнав, какой оказалась реакция на его законодательные инициативы.

В Америке пока еще не знали о его нововведениях. Вашингтон отчаянно пытался вернуть себе деньги, одолженные в разное время разным людям. 24 сентября он написал очередное письмо капитану Джону Поузи, взявшему у него займы крупную сумму два года назад под залог своих земель и рабов. Поузи намеревался занять денег у полковника Мэйсона, рассчитывавшего задешево приобрести земли у разоряющихся плантаторов (объявления о продаже ежедневно помешали в местной прессе); однако Мэйсон требовал предъявить поручителей, которые в случае нужды оплатили бы долг из своего кармана. Подробно расписав Поузи опасности необеспеченных займов, Вашингтон всё же согласился быть его поручителем на 300 фунтов при условии, что соответствующий договор будет составлен юристом, пользующимся его доверием. Уже заканчивая

письмо, он узнал, что Поузи покрыл почти всю свою задолженность перед ним, за вычетом 20 фунтов.

Несмотря на собственные финансовые затруднения и долги, Вашингтон был необыкновенно щедр с друзьями, соседями, сослуживцами и родственниками. Он оплатил образование нескольких детей доктора Крейка, а в 1768 году вызвался выплачивать 25 фунтов в год на обучение сына своего друга Уильяма Рамсея в колледже Нью-Джерси, подчеркнув, что не ожидает и не желает возвращения этих денег.

Разумеется, эти одолжения служили благородной цели. Вашингтон никогда не дал бы денег в долг, зная, что их промотают. Люди его круга были в долгах как в шелках не только из-за непорядочности лондонских агентов, но и из-за своего образа жизни, тратили время на нескончаемые вечеринки, званые обеды, скачки, петушиные бои, лодочные гонки и карточную игру.

Вашингтон тоже не чурался развлечений. Например, охота была его страстью. Он охотился на лис, оленей, уток, перепелов, фазанов, а иногда и медведей; стены господского дома были увешаны его охотничьими трофеями. В феврале 1768 года он подстрелил в один день пять диких уток и пять белоголовых орланов!

В день, намеченный для охоты, он вставал до зари, завтракал при свечах, надевал свой охотничий костюм — красивый синий кафтан поверх алого жилета с золотыми кружевами и черную бархатную шляпу, натягивал высокие сапоги и брал стек с узором в елочку. Вскочив в седло, он уносился прочь со двора, когда было еще темно.

Псарня находилась чуть ниже по Потوماку. Вашингтон вывел новую породу собак — американскую лисью гончую. Они должны были быть неутомимы, ведь охота порой продолжалась целый день. Как-то в марте 1768-го Вашингтон семь часов носился по полям, пока не

поймал лису с коротким хвостом и не отрезал ей уши в качестве трофея.

В том же году Вашингтон приобрел с аукциона двух братьев-мулатов у миссис Мэри Ли из графства Уэстморленд — Уильяма и Фрэнка Ли. Черномазый Билли был невысок, но ладно скроен и крепко сшит; язык у него был хорошо подвешен, он мог часами рассказывать разные истории и обо всём имел свое мнение, а когда садился верхом, ему сам черт был не брат. Новый хозяин сделал его своим камердинером, лакеем и дворецким и всегда брал с собой на охоту. Именно Билли Ли уговорил Вашингтона больше не охотиться на чернобурок, после того как они весь день прогонялись за такой лисой, а она всё-таки ускользнула; верно, в черных лис вселяется дьявол.

Никто не смел посягать на охотничьи угодья хозяина Маунт-Вернона, иначе ему бы не поздоровилось. Сосед, приглашенный на охоту, стал свидетелем поимки браконьера: незадачливый нарушитель границ, не успевший ускользнуть на каноэ, поднял ружье, целясь прямо в Вашингтона. Но полковника было не так-то легко напугать. Он пошел прямо на врага, схватил его лодку, вытащил на берег, разоружил его, а потом задал такую порку, что навсегда отбил охоту брать чужое.

Однако Вашингтоном владели не только грубые страсти. Например, он просто обожал театр и, будучи в Уильямсберге, ходил на любые представления, вплоть до кукольных спектаклей и выставок восковых фигур. В столичном театре выступали две бродячие труппы — Американская и Виргинская, старавшиеся подгадать к сессии палаты горожан. Их репертуар был неожиданно богат, от Шекспира до неоклассицизма, включая цинично-остроумные комедии нравов Джона Драйдена, Уильяма Уичерли, Джона Ванбру, Уильяма Конгрива и Джорджа Фаркера.

Пока депутаты отдавали должное отнюдь не тонкому юмору английских драматургов, в мае 1768 года в Бостон прибыл пятидесятипушечный королевский военный корабль «Ромни», чтобы колонисты со всей серьезностью отнеслись к творчеству британских законодателей.

Между тем у Вашингтона появились новые заботы. Домашний учитель маленьких Кастисов Уолтер Магоуэн, скромный молодой человек из шотландской семьи, в марте 1768 года вернулся в Англию, надеясь стать англиканским священником. Четырнадцатилетний Джеки, избалованный матерью, совершенно отбилась от рук: зная о скором отъезде наставника, он с самого Рождества не брался за книги.

Джеки, только-только освоившему азы латыни и греческого, непременно требовалось продолжить образование, и Вашингтон обратился к преподобному Джонатану Баучеру — англиканскому священнику, устроившему у себя на дому близ Фредериксберга небольшую школу для богатых мальчиков. 30 мая Джордж передал ему через брата письмо, в котором просил принять нового ученика, явно рассчитывая на положительный ответ: «Если Вы примете его, при нем будет мальчишка (он обучен работе по дому и может всячески служить Вашей семье, чтобы не сидеть без дела) и две лошади, чтобы можно было ездить в церковь и другие места, с Вашего позволения, поскольку он поступит полностью под Вашу опеку и руководство». Отчим обязывался платить 10-12 фунтов в год дополнительно, чтобы учитель содержал ученика и присматривал за ним, «поскольку он способный мальчик, последний в своем роду и унаследует большое состояние». «Добавьте к этому, — писал отчим, — мое беспокойство и желание подготовить его к более полезным занятиям, нежели лошадиные скачки».

Нового ученика приняли с распростертыми объятиями, и Вашингтон заказал для него в Лондоне целую сотню книг, по большей части на латыни.

В первом письме родителям юного Кастиса льстивый Баучер умильно нарисовал ангелоподобный портрет своего подопечного — «мальчика до того скромного и смиренного», «безобидного, как голубок», и лишенного «мудрости змеи», что «вряд ли есть другой юноша с такими задатками доброго и способного человека, как Джон Кастис». Вашингтон несколько успокоился: он-то, говоря начистоту, считал Джеки лодырем и оболтусом, отлынивающим от занятий, которые требуют усидчивости и сосредоточенности, и предпочитающим развлечения; но, возможно, в умелых руках опытного наставника его пасынок преобразится и из него еще выйдет толк...

Итак, Джеки, казалось, направлен на путь истинный, но тут Пэтси подала повод для беспокойства. Нет, Джордж просто обожал свою хорошенькую умненькую падчерицу и всячески ее баловал, но уже с шести лет стало ясно, что она не вполне здорова. На нее иногда «находило»: взгляд становился отсутствующим, девочка застывала на ходу, и «разбудить» ее удавалось не сразу. И вот как-то, когда Вашингтоны возвращались из Бельвуара, с двенадцатилетней Пэтси вдруг приключился приступ эпилепсии. Марта пришла в ужас: именно этого она и боялась больше всего! Страшные конвульсии начали повторяться с пугающей частотой, и доктор Уильям Рамни стал частым гостем в Маунт-Верноне. Бедной девочке делали кровопускания и промывания, от которых она только слабела. Ученый эскулап также прописал ей с дюжину разных порошков, лекарство на основе ртути и настойку валерианы — ничего не помогало. Бедняжка Пэтси корчилась в судорогах на полу, закатив глаза, а Джордж и Марта могли лишь стоять рядом и следить, чтобы она не

разбила себе голову... Джордж страдал от своей беспомощности, а Марта не находила себе места после каждого приступа.

В сентябре на американский берег сошли два полка регулярной британской армии, которые проследовали через весь Бостон под звуки флейт и барабанный бой, а затем разбили лагерь на Бостон Коммон — общественном коровьем выпасе. Это была демонстрация силы, чтобы предупредить возможность протестов против новых налогов.

В последнее время Вашингтон редко появлялся на заседаниях палаты горожан; отсутствовал он и во время ожесточенных дебатов по поводу «законов Тауншенда». Законодатели получили «циркулярное письмо» от коллег из Массачусетса, призывавшее их присоединиться к движению сопротивления и потребовать от Георга III отменить «закон о доходах». Разумеется, «потребовать» — слишком сильное слово. Депутаты обратились к королю с петицией, взывая к его «отеческой доброте и покровительству», но монарх остался непреклонен. Тогда палаты Виргинии и Пенсильвании направили новую петицию в парламент, но другие колонии не стали этого делать, не признавая власти парламента над собой. Кстати, в Вестминстерском дворце петицию рассматривать отказались. В Виргинию прислали нового губернатора — Норборна Беркли, барона Ботетурта — бывшего члена парламента, совсем недавно ставшего пэром. Лорд Хилсборо, назначенный на недавно созданную должность секретаря по делам колоний, дал ему тайные инструкции распустить Законодательное собрание Виргинии, если оно воспротивится мудрой королевской воле.

Губернатор поселился на улице герцога Глостера, в одном из двух самых больших зданий Уильямсберга (вторым был Капитолий). 2 ноября 1768 года все

депутаты, включая Вашингтона, явились на праздничный ужин в честь королевского наместника. Лорд Ботетурт всем понравился своим учтивым обхождением, образованностью и интеллигентностью. Он вошел в наблюдательный совет Колледжа Вильгельма и Марии и способствовал развитию этого учебного заведения.

Между тем стало совершенно ясно, что Джеки Кастис вовсе не стремится получить хорошее образование, ведь он и так богат. Тон писем его наставника совершенно переменялся. Как оказалось, Джеки не только ленив, но еще и слишком влюбчив и сладострастен, тем более что мальчик развит не по годам. Баучер переживал за судьбу состояния своего подопечного: «Погрязнув в праздности, он передаст свое имение под начало какого-нибудь ничтожного управляющего, а сам окажется втянут в какую-нибудь матримониальную авантюру». Этого еще не хватало!

И тем не менее предупреждение Баучера казалось еще слишком невероятным, чтобы принимать его всерьез. Вашингтон усиленно занимался хозяйством, именно чтобы сохранить имение нерадивого пасынка, находя отдушину только в охоте и рыбалке. В январе 1769 года он ездил охотиться на лис восемь раз за две недели, хотя зима выдалась довольно суровая. Да и гостям надо было уделять внимание: в разгар охотничьего сезона в Маунт-Верноне неделями гостили по несколько человек сразу.

Кроме того, болезнь Пэтси по-прежнему давала о себе знать. Вашингтоны уже перебивали у всех врачей в Уильямсберге, включая надменного и самодовольного доктора Джона де Секейру, потомка известного рода евреев-сефардов, который пичкал Пэтси разными снадобьями, от эфира до ячменного отвара, — и всё без толку. В общей сложности восемь эскулапов расписались в своем бессилии, и тогда, отчаявшись,

Джордж и Марта обратились к шарлатанам. В феврале 1769 года кузнец Джошуа Эванс явился в Маунт-Вернон, чтобы выковать для девочки «заговоренное» железное кольцо на палец — оберег от судорог.

Страну тоже лихорадило: купцы из северных колоний, по большей части контрабандисты, бойкотировали британские товары, чтобы их британские коллеги надавили на парламент для отмены «законов Тауншенда». Однако парламентарии откопали древнее распоряжение Генриха VIII и предложили в соответствии с ним арестовать зачинщиков беспорядков, выслать их в Англию и судить за измену. Предложение так и осталось на словах, но слухи о нем быстро распространились по колониям — как и протесты против произвола метрополии.

Пятого апреля Вашингтон получил письмо от доктора Дэвида Росса из Блейденсберга в Мэриленде и узнал из него о создании ассоциаций в Филадельфии и Аннаполисе для бойкотирования импортных товаров, без которых можно обойтись, пока парламент упорствует в нежелании учитывать интересы колонистов. К письму прилагался план создания аналогичной ассоциации в Виргинии, составленный безымянным автором. Джордж тут же переслал пакет своему соседу и близкому другу Джорджу Мэйсону, чтобы узнать его мнение. Мэйсон, начитанный законник, жил затворником в имении «Ганстон-холл» к югу от Бельвуара, который, соответственно, находился южнее Маунт-Вернона. В послании анонима говорилось:

«В то время как наши надменные господа в Великобритании не успокоятся, пока не лишат Америку вольности, представляется крайне необходимым что-то предпринять, чтобы отвести удар и сохранить свободу, которую мы получили от наших предков. Но как это сделать, чтобы добиться нашей цели, — вот в чем вопрос.

Никто не должен ни минуты колебаться или испытывать сомнений перед использованием оружия для защиты столь драгоценного дара, от которого зависит всё хорошее и плохое в жизни, таково мое мнение. И всё же я хотел бы добавить, что оружие должно быть *le dernier ressort* — последним средством. Воззвания к королю и увещевания парламента — мы уже убедились в их бессилии. Значит, остается попробовать привлечь их внимание к нашим правам и привилегиям, а то и встревожить, заморозив их торговлю и производство».

Бойкот — средство хорошее и эффективное, считал Вашингтон, но только если применять его повсюду и сообща, а этого не так-то легко добиться: далеко не все люди самоотверженны и бескорыстны, большинство радеет только о своей выгоде. А «табачные колонии» вообще целиком и полностью зависят от английских поставщиков. Как объяснить простым людям, почему они должны ограничиться узким кругом самых необходимых товаров, да еще и приобретать их именно у тех торговцев, которых им укажут? И как проследить за тем, чтобы это требование соблюдалось всеми? С другой стороны, колонии и так уже в долговой кабале, люди нуждаются, имения продаются за долги; в такой ситуации бойкот импорта — единственный способ вывести страну из нищеты, развивая собственное производство, но опять же при условии, что эта мера будет поддержана всеми. «А я вижу, по крайней мере, одну группу людей (за исключением купцов), которые не примкнут к этой схеме; это люди, живущие в свое удовольствие в имениях, не обремененных долгами. Такие люди, не имея перед собой достойной цели — блага других людей, — могут счесть трудным делом ограничить себя в средствах и удовольствиях». Скарред и раньше копил деньги и отказывал себе в излишествах, теперь же у него будет достойное оправдание такого

поведения. Мот, наоборот, получит веское основание умерить свои траты, на что у него раньше, возможно, не хватало силы воли. В общем, идея хорошая, и лучше бы обсудить ее еще до мая, когда в Уильямсберге соберутся палата и суд.

Письмо доставили в тот же день, и Мэйсон сразу написал ответ. Он совершенно согласен с Вашингтоном: идея стоящая, нужно подготовить общественное мнение через газеты, разъяснить людям, в чем заключается опасность и как ее избежать. «На кону наше всё, и мелкими жизненными удобствами и удовольствиями следует пренебречь ради свободы, причем с радостью, а не с отвращением. И всё же совершенно ясно, что в табачных колониях мы не можем сейчас ограничить импорт столь же узкими рамками, как в северных. Чтобы план такого рода можно было применить на деле, его следует приспособить к нашим условиям; а если не придерживаться его со всей строгостью, то лучше вообще не пытаться». Бойкот привлечет внимание метрополии: «Они увидят, почувствуют, мы принудим их ослабить угнетение и позволить нам развиваться». Как только мир будет восстановлен, колонии перестанут отказываться от импорта. Мы им — сырье, они нам — промышленные товары; торговля — пуповина, связывающая колонии с метрополией.

Вашингтон, сдержанный и немногословный с подчиненными, был искренен и откровенен с друзьями. Он так и не узнал, что автором плана, присланного Россом, был сам Мэйсон. Но это, собственно, было не важно: убедившись, что мыслят одинаково, они активно обсуждали создание ассоциации для бойкота британских товаров. Времени на это у них было предостаточно, поскольку гости к Вашингтонам ездить перестали. 14 апреля с Пэтси снова случился припадок, как раз когда они отправлялись куда-то с визитом, и пришлось вернуться домой. Падучая считалась заразной

болезнью, с «бесноватыми» предпочитали не общаться, и Пэтси оказалась лишена общества ровесниц.

Тридцатого апреля 1769 года Вашингтон отправился в Уильямсберг, чтобы представить свой план депутатам. Коллеги просто диву давались: до сих пор это был молчаливый, застенчивый человек, державшийся в тени, довольно редко появлявшийся на заседаниях, никогда не рвавшийся на трибуну; теперь же он добился своего включения в три постоянных комитета, а это кое-что значило.

В начале мая лорд Ботетурт открыл новую сессию палаты, приехав на заседание в роскошной карете, запряженной цугом. Весенняя сессия обещала быть шумной и бурной, к тому же в палате появилось много новых лиц, в том числе Томас Джефферсон — долговязый уроженец графства Албемарл, двадцати шести лет от роду.

Шестнадцатого мая заседатели приняли «Виргинские резолюции», в которых говорилось, что лишь они имеют право облагать налогом жителей Виргинии. Они же вольны направлять петиции королю с изложением своих претензий и судить за измену и другие преступления на территории самой колонии. На следующий же день лорд Ботетурт, наслушавшись мятежных слов, приказал парламентскому приставу прервать сессию и созвал депутатов на краткую беседу в зале совета.

— Господин спикер, господа депутаты, — обратился он к ним без лишних предисловий. — Я слышал о ваших резолюциях и считаю, что они не доведут до добра. Вы вынудили меня исполнить мой долг: палата распущена.

Депутаты были как громом поражены. Вот, значит, за кого их тут держат — за марионеток! Выйдя из здания Законодательного собрания, они направились в таверну Рэйли, в зал Аполлона, чтобы «потолковать о делах своих скорбных». Эмоции зашкаливали.

Почувствовав, что момент настал, Вашингтон изложил план бойкота, разработанный им вместе с Мэйсоном. Тотчас избрали комитет по созданию «противоимпортной» ассоциации, куда вошел Вашингтон. На следующее утро депутаты собрались в том же месте и подписали соглашение о бойкоте любых британских товаров, облагаемых налогом в Америке, которое состояло из преамбулы и восьми резолюций. Текст с подписями депутатов предстояло разослать по всей колонии для сбора подписей избирателей. Был составлен длинный список товаров, покупки которых следовало избегать. Виргинская ассоциация будет действовать до отмены «законов Тауншенда».

«Мы им покажем!» «Они еще узнают!» «Нас голыми руками не возьмешь!» *Мы и они.* Возможно, только сейчас это различие, ощущавшееся и раньше, оформилось столь четко. Мы — американцы, и мы должны быть едины, только так мы победим. Эта мысль стучала в висках Вашингтона, когда он вышел на улицу со слегка кружащейся головой; она же красной нитью проходила через памфлет Джона Диккинсона «Письма фермера из Пенсильвании к жителям британских колоний», который он случайно купил у разносчика.

А вот когда мы победим, они узнают, что мы — такие же, как они!..

Вечером 19 мая губернатор устроил в своем дворце бал в честь дня рождения королевы. Депутаты (теперь уже бывшие) были приглашены. Дворец сиял огнями, позолоченные канделябры отражались в отполированных мраморных полах, на стеновых панелях из грецкого ореха было развешано оружие, в бальной зале висели роскошные портреты короля и королевы в полный рост. «Губернатор устроил великолепный бал и увеселения во дворце для многочисленной и блестящей компании дам и джентльменов», — сообщала «Виргиния газетт».

Как будто ничего особенного не случилось, всё шло, как раньше: театр открыл новый сезон постановкой «Оперы нищих» Джона Гея; 4 июня губернатор дал еще один помпезный бал — в честь дня рождения короля. На следующий день Вашингтон уехал домой.

Ему не терпелось привести в исполнение только что принятый план. Бойкот английских товаров — отличный повод продолжить экономические эксперименты в Маунт-Верноне, чтобы самому обеспечивать себя всем необходимым. Он был слегка разочарован, когда уже в июне соглашение об отказе от импорта было пересмотрено: из списка вычеркнули ячмень и свинину, оловянную посуду и золото, сапоги и седла. Конечно, он понимал, что иначе соглашение непременно было бы нарушено, но если делать себе слишком много поблажек, в конце концов всё сойдет на нет. Тем не менее теперь он с легким сердцем мог заказать Роберту Кэри седло из свиной кожи, золотые украшения и некоторые другие предметы роскоши, уведомив его, однако, что намерен строго придерживаться соглашения о бойкоте и не нуждается в товарах из «черного списка».

Летом Джордж и Марта повезли Пэтси на воды в Беркли-Спринге: надежда умирает последней. Теперь это уже был полноценный курорт, а не та дыра, где Вашингтон впервые побывал вместе с братом Лоуренсом: почтенная публика, лечившаяся от истинных и мнимых недугов, могла найти здесь все привычные развлечения, от карточной игры до скачек. Но нравственность блюли строго: дамы носили целомудренные старомодные наряды с зашитыми в швы свинцовыми грузиками, чтобы юбки, не дай бог, не приподняло ветром. Увы, одно осталось неизменным — воды по-прежнему не возымели целительного действия.

Движение против импорта тоже оказалось не таким эффективным, как ожидали его основатели. В 1769 году

британский экспорт в колонии сократился на 38 процентов, и всё же многие американские купцы не поддержали бойкот. Осенью Вашингтоны отправились в Уильямсберг, на сессию палаты, в новенькой карете, заказанной у Роберта Кэри еще год назад. Джордж, по своему обыкновению, до мельчайших подробностей описал то, что хотел бы получить, подчеркнув, что карета должна быть сделана из сухого, выдержанного дерева. Ничего подобного: экипаж, хотя и модной расцветки и с различными украшениями (существенно удорожавшими его стоимость), чуть не рассыпался на глазах — ссохшиеся панели выскакивали из пазов. И что обидно — жаловаться было некому! И нечем заменить!

Депутаты были настроены уже не столь воинственно, как весной. Лорд Ботетурт окончательно их успокоил сообщением о том, что будет ратовать в парламенте за отмену всех налогов, введенных «законами Тауншенда», кроме разве что пошлины на чай. Кстати, лорд Норт, сменивший Тауншенда на посту министра финансов, как раз был убежден, что отмена налогов необходима для усмирения несогласных, но одну пошлину требуется сохранить, чтобы утвердить прерогативы парламента.

Пользуясь благодушным настроением губернатора, Вашингтон напомнил ему об обещании годичной давности. Власти заключили два договора с индейцами, которые вновь открыли поселенцам дорогу в страну Огайо. Вашингтон тотчас выставил свои претензии на 200 тысяч акров земли, обещанные Динвидди в качестве вознаграждения ветеранам кампании 1754 года. Принимая дело близко к сердцу, он взялся произвести необходимые работы по межеванию, но был отстранен от них как лицо заинтересованное. Тогда Вашингтон собрал ветеранов и побудил их избрать маркшейдером Уильяма Кроуфорда, который был ему многим обязан. Но и этого ему показалось мало — он подговорил брата

Чарлза и Лунда Вашингтона выкупить права на «наградные» земли у нуждавшихся офицеров, чтобы увеличить свои владения. Правило, согласно которому земли предоставлялись лишь офицерам, прослужившим в Виргинском полку вплоть до его роспуска в 1762 году, стало новой препоной: Вашингтон вышел в отставку раньше. К военным, обладавшим большей выслугой лет, он подослал Чарлза, строго-настрого предупредив, чтобы тот действовал скрытно — не дай бог кто узнает, что Джордж имеет здесь свой интерес. По другому закону поместья, расположенные вдоль реки, не могли быть более чем в три раза протяженнее в длину, чем в ширину, чтобы никто не мог монополизировать транспортную артерию; но Вашингтон поправил и это правило, приобретя поместье, раскинувшееся более чем на 40 миль по берегу Большой Канавги, тогда как у большинства офицеров имения занимали по полторы мили берега, уходя на пять миль от него.

Один из офицеров, Джордж Мьюз, обвинил его в мошенничестве, и Вашингтон пришел в ярость. Да как вы смеете! Пьяны вы, что ли? Если бы вы читали газеты, то знали бы, что мне положены десять тысяч акров земли! Мне жаль, что я когда-то служил с таким неблагодарным и мерзким человеком!

В декабре 1769 года Вашингтон стал одним из организаторов лотереи в Уильямсберге, в которую разыгрывалось имение Бернарда Мура, не смогшего оплатить аренду крупного участка земли, принадлежавшего Кастисам. Купив за десять фунтов лотерейный билет, любой желающий получал шанс выиграть земельный участок или нескольких рабов (55 негров поделили на лоты; самые ценные шли с семьей в нагрузку, прочих безжалостно разлучали).

Пока виргинские плантаторы спекулировали землей, ссорились, ловчили, выгадывали, разорялись, в портовом Бостоне разыгрались драматические события. Вечером 5

марта 1770 года к рядовому британской армии Хью Уайту, стоявшему на часах у здания таможни, подошел мальчишка, ученик парикмахера, и попросил вызвать офицера, который якобы не уплатил по счету его хозяину. Часовой велел ученику быть повежливее с офицерами, но тот ответил ругательствами. Уайт, не выдержав, покинул пост и ударил наглого мальчишку прикладом по голове. Тот закричал, за него вступился прохожий, собралась толпа. Из нее выступил девятнадцатилетний книготорговец Генри Нокс и заявил Уайту: вздумаешь стрелять — умрешь.

Вечерняя темнота сгущалась, толпа тоже; кто-то принялся звонить в колокол; решив, что начался пожар, прибежало еще больше людей. Уайт тоже запросил подмоги. Из казармы явился дежурный офицер, капитан Томас Престон, в сопровождении семи солдат; примкнув штыки, они стали прокладывать себе дорогу через толпу, пробиваясь к Уайту, который стоял на крыльце и затравленно озирался. Добравшись до крыльца, солдаты зарядили мушкеты и выстроились полукругом. Престон приказал толпе расходиться.

В солдат полетели снежки и всё, что попало под руку. Что-то увесистое угодило в рядового Монтгомери, сбив его с ног. Разъяренный, он вскочил, поднял выроненный мушкет и выстрелил в толпу, не дожидаясь приказа командира. Началась пальба, падали убитые и раненые. Толпа отхлынула от здания таможни, но заполнила близлежащие улицы. Послали за губернатором Томасом Хатчинсоном. Выйдя на балкон из дома правительства, он кое-как успокоил толпу, пообещав провести расследование и наказать виновных.

Утром Престон и восемь солдат были арестованы. Делегация от жителей Бостона потребовала у губернатора издать приказ о выводе войск из города, но Хатчинсон не обладал такими полномочиями. Ситуация в городе накалилась до предела, мог вспыхнуть бунт.

Хатчинсон упросил командира вывести вверенные ему части на ближайšie острова. Четырех погибших с почестями похоронили 8 марта.

Сражений на улицах удалось избежать, но они разворачивались в прессе: между бостонскими радикалами и сторонниками британского правительства шла война не на жизнь, а на смерть. «Бостон газетт» назвала «резню» частью продуманного плана с целью «задавить дух Свободы» и опубликовала гравюру, воспроизводящую собственную версию событий: Престон отдавал приказ стрелять. Страну наводнили анонимные памфлеты разной направленности; лубок «рачьи спины»^[16], для которого не пожалели красной краски (кровь хлестала из ран), висел в каждом сельском доме. Теперь уже никого не удалось бы убедить в том, что английские солдаты присланы в колонии для защиты.

Или мы, или они.

ОТЧИМ

Пока Джордж решал множество проблем — заказы Кэри при соблюдении ограничений Виргинской ассоциации, уплата долгов тому же Кэри, повышение урожайности, развитие кустарных промыслов, приобретение новых земель, розыск беглых рабов и законтрактованных рабочих, — Марту занимало лишь одно: ее дражайший сын Джеки. Преподобный отец Баучер перебрался в Аннаполис в штате Мэриленд, и «мастер Кастис» уехал вместе с ним. Марта очень тяжело переживала разлуку, ей постоянно казалось, что с ее дорогим мальчиком что-то случится, поэтому Джорджу приходилось даже скрывать от нее некоторые вещи — сущие пустяки, — которые, однако, могли лишить ее сна.

Например, Вашингтон настаивал на том, чтобы Джеки сделал себе прививку от оспы (он знал на собственном опыте, насколько коварна и опасна эта болезнь). Для этого нужно было съездить в Балтимор, а Джеки было неохота, да и сама процедура вызывала у него страх: на теле делали небольшой надрез, куда помещали гной из созревшей пустулы больного оспой; пациент переносил заболевание в легкой форме и получал иммунитет. Марта тоже воспротивилась этой затее: мысль о том, что единственный сын будет подвергать свою жизнь опасности, была ей невыносима. Поэтому Джордж уладил всё втихую с Баучером, который сумел уговорить своего подопечного подвергнуться операции в апреле 1770 года, заявив, что это необходимо, чтобы потом предпринять длительное путешествие за границу. Поблагодарив Баучера, Джордж просил его, вплоть до полного выздоровления Джеки, присылать письма на имя Лунда Вашингтона, да

еще и написанные чужой рукой, чтобы жена случайно их не перехватила и оставалась в счастливом неведении. Если бы она прознала о том, что Джеки в Балтиморе, да еще и заражен оспой, то непременно отложила бы поездку в Уильямсберг, куда Вашингтон собирался по делам, и помчалась к сыну.

С прививкой всё обошлось благополучно: образовалось в общей сложности не больше десятка пустул на груди, руках и ногах, лицо совсем не пострадало. Баучер тут же составил план большого образовательного тура по Европе (в те времена подобные поездки были завершающей частью программы обучения). В свое время Вашингтон был лишен возможности своими глазами увидеть Англию, о чем сильно сожалел, но тут он ответил категорическим отказом. Причин, скорее всего, было несколько. Возможно, Джордж чувствовал, что просто не выдержит жизни рядом с Мартой, постоянно терзающейся разными страхами. Больше всего на свете она боялась, что Джеки утонет; мыслимое ли дело посылать его за океан, по бушующему морю, на утлом суденышке? Баучеру же Вашингтон ответил:

«Родной отец руководствуется только двумя соображениями: развитием своего сына и изысканием средств для этого; если он потерпит неудачу в первом (не по собственному небрежению), он жалуется на свою беду; если он выйдет за рамки во втором, то приложит усилия для исправления злоупотреблений, никому не давая отчета и невзирая на то, что скажет свет, который не сможет заподозрить его в дурных намерениях, ибо он действует в собственных интересах. Но не так обстоят дела с опекунами: они должны не только придерживаться тех же правил, но еще и думать о том, как отнесутся к их действиям те, кто по конституции наделен правом контроля над ними, поскольку допущенный ими промах часто влечет за собой суровые

меры, иногда наказание, хотя намерения могли быть самыми похвальными».

Путешествие могло продлиться не меньше года, а то и двух; если окажется, что денег не хватит (а такое вполне могло произойти с учетом избалованности и безответственности юного Кастиса), как тогда быть? Не то чтобы он противился этой поездке, которая «весьма желательна для воспитания манер и увеличения познаний наблюдательного юноши»; но Джеки нельзя отправлять одного, а ведь наставник не сможет его сопровождать и быть его казначеем. Но самое главное — где взять средства? Хотя «мастер Кастис» «является владельцем имения, которое называют хорошим, оно не приносит дохода. Его земли бедны, соответственно, урожай невелик, и хотя у него много рабов, в данном случае рабы — только лишние расходы». В год можно собрать 60–80 тюков табака; за вычетом налогов этого едва хватает на покрытие текущих расходов и содержание рабов. Отчим мог бы добавить, что пора бы «мастеру Кастису» начать интересоваться тем, откуда берутся деньги на его содержание; вот он в его годы... Ну да ладно.

Сессия палаты в Уильямсберге затянулась до конца июня. Депутатами было подано очень много законопроектов, на рассмотрение государственных дел оставалось мало времени, поэтому некоторые важные документы приняты не были. Джордж исправно ходил на заседания, а вечером так же исправно посещал театр: за неделю он провел там пять вечеров, в очередной раз посмотрев свои любимые пьесы — «Катона» Джозефа Аддисона и «Школу злословия» Шеридана.

Была создана новая ассоциация — в целом придерживаясь прежнего плана, но с большими поблажками. В каждом графстве предстояло сформировать комитеты по надзору за импортом, о чем

Вашингтон не преминул известить своих друзей в Бельвуаре, передав поклон сэру Томасу Фэрфаксу.

Двадцать девятого июня с Пэтси случился новый приступ, затем они начали повторяться с пугающей регулярностью (26 раз за три месяца!). Мучась от бессилия, Вашингтон пытался хоть как-то скрасить жизнь своей любимицы: вернувшись в Уильямсберг, где возобновились заседания палаты, он купил ей золотые серьги и черепаховый гребень.

Тяжелые мысли не помешали ему внести на рассмотрение палаты законопроект о превращении Потомака в судоходную реку. Если построить на ней шлюзы и переправы, река станет важной транспортной артерией, что повысит ценность западных владений Вашингтона. Собственно, идею ему подал присяжный поверенный Томас Джонсон, также владевший тысячами акров земли на Потомаке, но Вашингтон загорелся ею, развил и стал продвигать «в массы». Взывая к «богатым людям», которые выиграли бы от реализации его проекта, он даже составил план акционерного общества, уполномоченного Виргинией и Мэрилендом сделать Потомак судоходным от Тайдуотера до страны Огайо. Инвесторам вернули бы деньги, обложив пошлиной речные перевозки. Но, несмотря на всю его настойчивость, мэрилендские законодатели проект не поддержали, поскольку дельцы из Балтимора опасались, что Потомак перетянет на себя часть торгового потока из Чесапикского залива.

Между тем на берегах Огайо и Большой Канавги начали наперегонки селиться колонисты, и Вашингтон боялся, что самые плодородные земли вскоре окажутся разобраны. Кроме того, прошел слух о том, что английские инвесторы намерены завладеть 2,5 миллиона акров земли для создания новой колонии — Вандалии^[17], еще более обкорнав «наградные» земли. В начале октября, взяв с собой доктора Крейка и капитана

Кроуфорда, трех рабов (Билли Ли заболел и был вынужден остаться дома) и вьючную лошадь, он отправился на разведку в страну Огайо, чтобы присмотреть лучшие земли для себя и бывших сослуживцев.

Девятнадцатого октября, миновав Питсбург, Вашингтон получил записку от полковника Кругэна о том, что индейский вождь Белый Минго и другие вожди шести наций пожелали его увидеть. Он отправился на встречу, получил от вождя нитку вампума и выслушал речь Белого Минго, которую потом подробно записал в дневнике: «...многие помнят меня, потому что видели, когда я был послан с посольством к французам, и многие слышали обо мне; они пришли приветствовать меня в своей стране и выразить пожелание, чтобы народ Виргинии считал их друзьями и братьями, связанными с ними одной цепью; чтобы я сообщил губернатору, что они хотят жить в мире и гармонии с белыми людьми, и хотя между ними и другими людьми, из других пределов, существовали разногласия, все они были надуманными и, как следует надеяться, будут забыты».

Поблагодарив за прием, Вашингтон отвечал, что всё плохое, что между ними было, поросло быльем, что народ Виргинии искренне желает жить с ними в мире и, хотя виргинцы не столь вовлечены в торговлю, как пенсильванцы, это не помешает упрочить дружеские связи.

Дальнейший путь, на каноэ вниз по реке, белые в количестве восьми человек проделали вместе с проводником-индейцем Фазаном, переводчиком Джозефом Николсоном и еще одним молодым индейским воином.

Каждое утро снимались с лагеря еще до рассвета. Вашингтон подробно описывал все бухточки, островки, холмы и редкие пороги, попадавшиеся им по пути. Иногда встречались индейские селения, реже —

участки, застолбленные белыми поселенцами. Птицы, рыбы и звери водились в изобилии: проголодавшись, участники экспедиции с легкостью могли настрелять на обед диких гусей или уток, правда, они отдавали предпочтение диким индейкам; к самой воде подходили олени; стоило закинуть удочку — и можно было выловить сома, причем довольно крупного. Но при этом путешественники постоянно были начеку и, прежде чем продолжить путь, высылали кого-нибудь на разведку. Индейцам они по-прежнему не доверяли. И даже когда слухи о трех якобы убитых краснокожими поселенцах не подтвердились (на самом деле погиб только один, да и тот утонул, пытаясь перебраться через реку вброд в неудачном месте), бдительности никто не потерял. Однако индейцы вели себя подчеркнуто дружелюбно (по пути Вашингтон повстречал еще одного старого знакомого — Киашуту, который подарил белым четверть туши бизона и даже перенес свою стоянку дальше по реке, чтобы не слишком долго задерживать их обрядами гостеприимства). 1 декабря Вашингтон вернулся домой, где его не было «девять недель и один день».

В Маунт-Верноне он застал Джеки и, поговорив с ним, убедился, что в голове у шестнадцатилетнего юнца не учеба, а только собачьи бега и стрельба из ружья; все перемены свелись к тому, что теперь он больше внимания уделял своему костюму и внешнему виду, хотя раньше это его мало занимало. Отправляя пасынка обратно в Аннаполис, Вашингтон написал письмо Баучеру, связывая с ним последнюю надежду на исправление нравов (сам он, видно, не был для Джеки авторитетом): «Сейчас он вступает в такой период жизни, когда ему необходимы дружеская помощь и совет (особенно в таком месте, как Аннаполис); в противном случае жар его страстей, вкуче с дурным примером, подаваемым прочими юношами, может заставить его отклониться от пути, на котором его еще

могли удержать добродетель, невинность и манеры. Посему прошу Вас проследить, чтобы он ночевал только в Вашем доме или же в таких местах, относительно которых Вы были бы уверены, что на него не окажут дурного влияния; не позволяйте ему шататься по ночам в обществе людей, способных развратить его и направить по пути порока».

Ответ Баучера развеял последние иллюзии, если они еще оставались: «Должен признаться, я в жизни не знал столь праздного и удивительно сладострастного юноши. Можно подумать, что ему природой уготовано быть неким азиатским правителем». Оставалась единственная возможность держать Джеки в узде — отослать его лошадой обратно в Маунт-Вернон, лишив свободы передвижения, однако Марта резко этому воспротивилась.

Она по-прежнему души не чаяла в сыне и отмахивалась от предупреждений о том, что, балуя, портит его. Приехав домой на Рождество, Джеки отсрочил свой отъезд обратно в школу, чтобы вдоволь натешиться охотой, тем более что Баучер покинул Аннаполис и жил теперь не так далеко от Маунт-Вернона. Отчима он уверял, что потом засядет за книги, о чем тот и уведомил Баучера, попросив проследить, чтобы так оно и было. Вашингтон даже позволил себе дать кое-какие советы по поводу программы обучения: греческий — это, конечно, хорошо, но только если не идет в ущерб «более полезным» предметам: «Знакомство с французским языком стало частью благородного воспитания, совершенно необходимого человеку, намеревающемуся вращаться в широких кругах. Без арифметики не справиться с повседневными делами. Изучение геометрии и математики (в известных пределах) также полезно. Основы философии, естественных наук и т. д. — вполне желательные познания для джентльмена, но, как я уже сказал, я во

всём полагаюсь на Вас и прошу лишь об одном: к какой бы науке Вы ни сочли нужным его приобщить, добейтесь от него прилежания, ибо ему в самом деле нельзя терять времени».

Сам Вашингтон не терял ни секунды: для осуществления идеи о бойкоте британских товаров он развивал мелкое производство в своих владениях. В 1771 году он начал получать доход от мельницы, выстроенной на ферме Дог Ран. Капитальное каменное строение в три яруса (камень по дружбе поставлял Джордж Уильям Фэрфакс из своих каменоломен) перекинулось через ручей. Кукурузную и пшеничную муку упаковывали в большие бочки и маленькие бочонки для вывоза в Англию, Вест-Индию и даже Португалию. Соседи тоже везли сюда свое зерно для помола — разумеется, не бесплатно.

Кроме этого, Вашингтон завел кустарное текстильное производство, снабжавшее домотканой одеждой рабов и производившее ткани на продажу. В Маунт-Верноне появилась и кузница, обслуживавшая соседей.

Деньги если не валяются на земле, то в буквальном смысле плывут в руки: Потомак просто кишел рыбой — шед, сельдь, окунь, карп, даже осетр водились в изобилии. Летом к вечеру река будто вскипала, когда сотни осетров одновременно выпрыгивали из воды. В верши попадало столько рыбы, что сам Вашингтон удивлялся. «В невод набилось много белорыбицы; в один прием вытащили около трехсот штук», — записал он как-то в дневнике. Каждую весну сельдь шла на нерест, поднимаясь вверх по течению. В апреле за один прием в сети поймали 100 тысяч сельдей.

Естественно, съесть всё это самим было немислимо. Сначала рыбу солили и слали в бочках в Вест-Индию. Для этой цели Вашингтон обзавелся небольшой флотилией судов, включая вельбот и шхуну. Большую

часть улова он продавал фирме «Карлейль и Адам» в Александрии; в мае 1771 года за один раз удалось сбыть 679 200 сельдей и 7760 шед. Но и здесь не обходилось без проблем: лучшая соль для обработки рыбы была в Лиссабоне, но британские власти принуждали колонистов покупать соль в Ливерпуле, хотя она и была ниже качеством. Вот и выкручивайся, как можешь.

Миссис Вашингтон не уступала в деловитости и предприимчивости своему рачительному супругу. Из лепестков роз гнали розовую воду; древесную золу собирали для варки мыла. Джордж любил говорить, что «виргинские дамы гордятся качеством своего бекона», и Марта с особым удовольствием подавала на стол бекон и ветчину из собственной коптильни. Она надзирала за всеми работами, кухарками и швеями, а сама умудрялась целую неделю ходить в одном платье, не посадив на него ни одного пятна.

Единственной тучкой на горизонте оставалась судьба бедной Пэтси. Вашингтон выписал для нее из Лондона настойку опиума — говорили, что это весьма эффективное средство; но Марта, похоже, уже смирилась с тем, что дочь долго не проживет, и ее единственной надеждой оставался Джеки.

Тот всегда был подчеркнуто любезен и нежен с матерью и уважителен с отчимом. Полковник же толком не знал, как вести себя с пасынком: он признавался одному из друзей, что ему легче командовать солдатами, чем управляться с мальчиками. В июне Джеки снова подзадержался дома, и хотя отчим торопил его вернуться в Аннаполис и продолжить учение, ему пришлось смириться с этой задержкой, вызванной тем, что «мастеру Кастису» стирали и чистили платье в дорогу. Тем временем Вашингтон скрупулезно вел счета и подсчитывал убытки: за обучение Джеки надо было платить мэрилендской валютой, и он терял некоторую сумму при обмене. Вновь возникший вопрос о поездке в

Англию опять уперся в денежную проблему, к тому же, «будучи практически последним представителем рода, он не должен подвергаться риску, которого можно избежать».

«Как бы ни было желательно, чтобы он отправился в путешествие под присмотром джентльмена, который обязался бы направлять его и удерживать от всех безумств и пороков, в которые молодежь впадает почти незаметно для себя, и в то же время утверждать его в стремлении к полезным знаниям и улучшению нравов, я всё же не хочу, чтобы он отправился в Англию в такую пору жизни под присмотром только владельца торгового судна или совершил поездку такого рода, как вы рекомендуете, без наставника, поскольку наслаждения и развлечения без всякого удержу оставят мало времени для занятий и, более чем вероятно, разорят его».

Между тем за все эти годы юный Кастис практически не продвинулся в освоении наук: по-латыни и по-гречески он знал только то, чему его успел обучить домашний учитель Магоуэн, «плавал» в арифметике, а расходы на его содержание в Аннаполисе выросли вчетверо! Просто удивительно, почему Вашингтон продолжал оплачивать такое «обучение»: уж кто-кто, а он не был склонен бросать деньги на ветер... Возможно, ему не хотелось ссориться с Мартой, для которой Джеки был светом в окошке, а может быть, он старался сохранить добрые отношения с Баучером, который мог быть полезен (например, в сентябре того же года Вашингтон сам поехал в Аннаполис на недельку «проветриться» — на бега; жил он у Баучера и каждый день ходил на званые ужины, в том числе к губернатору, в театр или на бал).

В октябре 1771 года Вашингтон был в очередной раз переизбран в палату горожан от графства Фэрфакс. Чтобы сохранить за собой депутатское кресло, он заплатил четыре фунта трактирщику Джону Ломаксу за

щедрый обед для избирателей, 12 шиллингов Гарри Пайперу, чтобы его раб Чарлз играл для них на скрипке, и еще один фунт, для ровного счета, кондитеру Янгу, снабжавшему проголодавшихся избирателей бесплатными булочками. Он постарался также снискать благосклонность нового губернатора Джона Мюррея, графа Данмора, рыжего шотландца с широким носом и пламенным взором.

В декабре Баучер снова переехал, на сей раз в графство принца Георга в Мэриленде, и взял с собой трех учеников, в том числе Джеки и Чарлза Калверта, сына богатого плантатора. Джеки окончательно забросил учебу и стал ухаживать за сестрой своего друга Элеанор (Нелли). Преподобный отец написал тревожное письмо Вашингтону, предупредив, что «Джек имеет склонность к плотской любви, о которой я не берусь судить, тем более описывать».

Вашингтон не обратил на его сигнал должного внимания, поскольку в тот момент был поглощен другим делом. Его мать, которой исполнилось 63 года, уже не могла, как раньше, жить на ферме, самой себе хозяйкой, и Джордж уговаривал ее переехать в город. Их отношения никогда не были особенно нежными, а во время редких визитов разговор шел только о деньгах, которыми Джордж исправно ссужал мать, не надеясь когда-либо получить их обратно. Теперь же он уплатил 275 фунтов за очаровательный белый домик на участке в один акр на углу улиц Чарлза и Льюиса, пристроив к нему широкое крыльцо под крышей, выходившее в сад. Дом должен был подойти Мэри идеально: дорожка, выложенная кирпичом, вела от него прямо к особняку ее дочери Бетти с мужем Филдингом Льюисом, владевших 1100 акрами земли и 125 рабами. Дома ее сыновей — Чарлза, судьи в графстве Спотсильвания, и Сэмюэла — тоже находились неподалеку.

Джордж лично занялся продажей Паромной фермы и согласился взять на себя управление фермой Литл Фоллс, в двух милях вниз по реке, которую Мэри унаследовала от своего отца. Они с матерью заключили договор, по которому десять рабов и скот должны были отойти Джорджу, обязавшемуся выплачивать ей ренту в 30 фунтов в год. Свидетелями выступили Чарлз и зять Филдинг Льюис. Верить Мэри на слово было нельзя, поэтому Джордж всегда передавал ей деньги в присутствии сестры Бетти.

Покончив с этим делом, он отправился на сессию в Уильямсберг, где дал себе нервную разрядку за карточным столом. Проигрывал он в два раза чаще, чем выигрывал, однако умел держать себя в руках и никогда не спускал всё до последнего.

Вечером 18 мая 1772 года все обитатели Маунт-Вернона уже собирались ложиться спать, когда кто-то забарабанил в двери. Джеки! Вот радость-то! Да не один!

С ним был необычный спутник — 31-летний художник Чарлз Уилсон Пил из Аннаполиса, снабженный рекомендательным письмом от преподобного Джонатана Баучера. Красивый юноша отказался от карьеры седельщика и отправился в Лондон учиться на художника под руководством бывшего соотечественника Бенджамина Уэста, чтобы потом заняться написанием портретов членов влиятельных семейств.

Понукаемый Мартой, Вашингтон согласился позировать для своего первого в жизни портрета — в сорокалетием возрасте. Несмотря на то что он уже 13 лет как вышел в отставку, его всё еще называли полковником, и для сеансов Пилу он облачился в синий мундир с красными обшлагами поверх алого камзола.

Сидеть неподвижно для него было так непривычно, что он часто задремывал во время сеанса. Однако Пил,

уже несколько набивший руку в парадных портретах, подошел к делу творчески. Он перенес своего героя во времена его боевой юности: с мушкетом за спиной и портупеей через плечо, Вашингтон, изображенный в три четверти, стоит на фоне живописного пейзажа и романтично смотрит вдаль, заложив правую руку между пуговицами камзола, а из кармана торчит сложенный приказ о выступлении: скоро в бой. Джорджу так понравился портрет, что он сразу повесил его в гостиной Маунт-Вернона.

Художник провел в имении неделю и написал миниатюры Джеки и Пэтси. По просьбе Джеки он выполнил и миниатюрный портрет Марты в лиловом платье, отделанном кружевами, с жемчугом на шее и в волосах. Возможно, Марта не одобряла эту идею (она и изображена с поджатыми губами и строгим взглядом), но ее супруг повесил этот медальон себе на шею и больше никогда с ним не расставался.

Марта старалась не терять из виду свою дочь, чье здоровье внушало ей всё больше опасений. Визит молодого художника пришелся очень кстати: круг общения Пэтси был очень узким, семейным, а тут можно было устраивать танцы, после которых все вместе ходили гулять, чтобы подышать свежим вечерним воздухом... Джеки же не отказывал себе ни в каких развлечениях и запросто мог отложить отъезд обратно в школу ради бала в Александрии.

Потом он, наконец, уехал. Его отчим вернулся к своим постоянным заботам: какая-то напасть вызвала падеж скота и всего за месяц выкосила сотню овец. Из Англии доходили тревожные слухи о том, что земли в стране Огайо к западу от Аллеганских гор выделяют в отдельную губернию под неизвестно чьим управлением, и Вашингтон засыпал письмами губернатора Данмора, прося его вступить за права боевых офицеров. Неопределенная ситуация сохранялась всё лето, и лишь

5 ноября Вашингтон смог известить губернатора и совет о том, что «все 200 тысяч акров земель, предоставленных по прокламации его превосходительства Роберта Динвидди от 19 февраля 1754 года, были получены полностью», хотя не все владельцы еще имели на них документы. Около 19 тысяч акров были распределены между теми, кто «подвергался наибольшей опасности», в следующем соотношении:

Джорджу Вашингтону — 3500 акров
Джорджу Мьюзу — 3500
Джорджу Мерсеру — 2800
Адаму Стивену — 2100
Эндрю Льюису — 2100
Питеру Хогу — 2100
Джону Уэсту — 1400
Джеймсу Крейку — 1400.

Тем временем припадки Пэтси случались всё чаще, и доктор Рамни стал частым гостем в Маунт-Верноне. В конце января 1773-го он даже прожил там неделю кряду.

Джеки тоже приехал. Пока он носился по полям с приятелями и сворой охотничьих собак, Вашингтон обдумывал, в какой колледж его пристроить. Марта конечно же хотела бы, чтобы любимый сын поступил в Колледж Вильгельма и Марии в Уильямсберге и был у нее под боком, но Джордж знал, что добра из этого не выйдет: нужно обязательно оторвать Джеки от его виргинской компании, предпочитающей учению развлечения, и отправить его на север, в Нью-Джерси. Баучер был с ним согласен, но ратовал за Королевский колледж в Нью-Йорке — «самое фешенебельное и культурное место на континенте»; к тому же ректор,

доктор Майлз Купер, был его личным другом. И тут Джеки, как обухом по голове, огрел их сногшибательной новостью: не собирается он больше нигде учиться, а хочет обзавестись семьей и уже сделал предложение мисс Нелли Калверт.

Что?! Он в своем уме? Как? Никому не сказав ни слова, не посоветовавшись, не спросив благословения! Да он вообще представляет себе, что это такое — быть главой семьи? Мальчишка, сопляк!

Опамятовавшись и взяв себя в руки, Вашингтон засел за дипломатичное письмо отцу невесты Бенедикту Калверту:

«Маунт-Вернон, 3 апреля 1773 г.

Дорогой сэр!

Я решился написать Вам по вопросу большой важности, приведшему меня в замешательство. Мне стало известно, что мой пасынок, находящийся под моей опекой, м-р Кастис, ухаживал за Вашей средней дочерью и, добившись некоторой взаимности с ее стороны, просил ее руки. Насколько приятным может быть такой союз для Вас, Вам виднее; со своей стороны должен честно признать, что любезные свойства характера мисс Нелли известны всем и что союз с Вашей семьей доставит нам радость.

Вместе с тем позвольте мне добавить, сэр, что в ближайшее время его молодость, неопытность и незавершенное образование есть и будут, на мой взгляд, непреодолимыми препятствиями для совершения брака. Как его опекун я полагаю своим долгом заставить этого юношу пройти полный курс наук (во многих из которых, с сожалением вынужден признать, он совершенно не преуспел) и оградить до более зрелого возраста от события, от которого будут

зависеть его собственный покой и счастье другого человека. Не то чтобы я сомневался в пылкости его чувств или опасался, что он переменится, однако в настоящее время я не считаю, что он способен уделить достаточно внимания важным последствиям семейного положения, как подобает человеку, собирающемуся вступить в брак; и, разумеется, я не желал бы, чтобы он это сделал, пока не будет к этому готов. Если у любви, в которой они поклялись друг другу, прочная основа, она не поколеблется за два-три года, в которые он сможет продолжить учебу и тем самым стать более достойным своей дамы и полезным обществу. Если же, к несчастью (ведь они оба так юны), любовь ослабнет с одной из сторон, или же с обеих, пусть лучше это случится прежде заключения брака, чем после.

Говоря с Вами столь откровенно, надеюсь, что у Вас не сложится впечатление, будто я хочу разрыва этого союза. Я лишь намерен его отсрочить и посоветовать юному джентльмену, со всей теплотой честного человека (хотя он не счел нужным посоветоваться ни со своей матерью, ни со мной), считать себя настолько прочно связанным с Вашей дочерью, как если бы они были соединены неразрывными узами; а самый верный способ для этого — прилежно взяться за учебу (надеюсь, что Вы присоединитесь к этому моему совету), благодаря чему он будет избегать любезничанья с другими юными леди, что, рассеивая внимание, может и развеять любовь.

Возможно, мне следует сказать кое-что о его собственности; но в данный момент мне кажется преждевременным вдаваться в детали. Посему

сообщаю Вам в общих чертах, что имение м-ра Кастиса состоит из полутора десятков тысяч акров земли, по большей части в окрестностях Уильямсберга, не далее чем в сорока милях от сего места; нескольких участков в одном городе; двух-трех сотен негров и примерно восьмидесяти тысяч фунтов в ценных бумагах и в руках его торговых агентов. Этим имением он обладает помимо вдовой части наследства его матери, которая перейдет к нему после ее смерти; в общем, состояние таково, что позволяет ему, согласитесь, претендовать на хорошее приданое. Но поскольку я никогда не потребовал бы от своего родного дитя принести себя в жертву имущественным интересам, то и не считаю пристойным советовать подобное как опекун.

Мы всегда будем рады видеть Вас, миссис Калверт или юных леди у себя, если Вы сочтете возможным удостоить нас своим посещением. Миссис Вашингтон и мисс Кастис передают Вам через меня свои наилучшие пожелания.

Ваш покорный слуга

Джордж Вашингтон».

В середине апреля пришел ответ от доктора Купера из Королевского колледжа: он согласен принять Джеки на обучение. Во избежание недоразумений Вашингтон решил лично доставить пасынка в Нью-Йорк и сдать с рук на руки новому наставнику. Как на грех, губернатор Данмор, проникшись идеей о предоставлении земель колониальным офицерам по Королевской прокламации 1763 года, решил лично осмотреть страну Огайо и просил Вашингтона его сопровождать. Тот был

вынужден умолять лорда Данмора повременить с отъездом до его возвращения из Нью-Йорка и Филадельфии, предлагая «поработать почтальоном» и передать адресатам в этих городах письма его превосходительства. Дело только-только сдвинулось с мертвой точки, а он вынужден пропустить сессию палаты! Причем в самую горячую пору сбора урожая! Да еще и Джеки не торопится с отъездом: вот уже и 1 мая прошло, и 8-е, и лишь 10-го числа они отправились в путь, заночевав в тот день у будущего свата — господина Калверта. Бенедикт Калверт был побочным отпрыском Чарлза Калверта, пятого лорда Балтимора, и жил в огромном доме, в холле которого висели портреты его предков — основателей и губернаторов Мэриленда — работы Антонина ван Дейка.

Шестнадцатого к вечеру путешественники были в Филадельфии, и Вашингтон обедал в доме губернатора Ричарда Пенна. Как он ни спешил, но поддерживать хорошие отношения с влиятельными людьми было важно, и в Филадельфии он задержался на целых шесть дней: посещал губернатора, проводил вечера в клубе или дворянском собрании, побывал на балу. Только 23 мая, позавтракав с губернатором Пенном, Вашингтон и Джеки Кастис с его негром Джои выехали в Нью-Йорк в сопровождении лорда Стерлинга и майора Байярда. Обедали в Берлингтоне у губернатора Нью-Джерси Уильяма Франклина — побочного сына Бенджамина Франклина и убежденного тори. Ночь провели в Трентоне, завтракали в Принстоне, обедали в Баунд-Бруке и в начале вечера прибыли в роскошное поместье лорда Стерлинга «Баскин Ридж» (Стерлинг жил не по средствам и был в долгах как в шелках). Еще через два дня, наконец, добрались до Нью-Йорка, граждане которого как раз устроили праздник в честь генерал-лейтенанта Томаса Гейджа, назначенного главнокомандующим британскими войсками в Северной

Америке. Вашингтон пил за здоровье бывшего сослуживца, вместе с которым сражался под началом Брэддока. На следующий день он познакомился с капитаном Джеймсом Делансеем, бывшим адъютантом генерала Аберкромби во время Франко-индейской войны, а ныне известным политиком, лидером большинства в Законодательном собрании Нью-Йорка, оказывавшим явную поддержку «Сынам свободы». Вечером Вашингтон не упустил возможности побывать в театре на Джон-стрит и посмотрел «Гамлета» в исполнении местной труппы.

Преподобный Майлз Купер, видный ученый и поэт, в совершенстве владеющий классическими языками, много сделал для развития Королевского колледжа: пригласил новых преподавателей, открыл медицинский факультет и существенно пополнил библиотеку. Вашингтон не скрыл от него склонности Джеки к безалаберной, праздной и распутной жизни, попросив «дружескими увещеваниями» оградить пасынка от мотовства и вообще попытаться его исправить. Джеки клятвенно уверял, что семье не придется за него краснеть, и Вашингтон, хотя и не вполне успокоенный, 31 мая отправился домой, а прибыл в Маунт-Вернон 8 июня в два часа пополудни — как раз к обеду, чтобы дать Марте подробный отчет обо всём.

Через десять дней, 19 июня, семья, как обычно, собралась за обедом. У Вашингтонов гостила невеста Джеки — Нелли Калверт. В четыре часа встали из-за стола. И тут у Пэтси, которая, казалось, была в тот день совершенно здорова, неожиданно случился припадок. Через две минуты она была уже мертва — не успев ни охнуть, ни вздохнуть. Возможно, у нее было слабое сердце, а в те дни стояла страшная жара...

Марта была убита горем, но и Джордж, повидавший немало смертей, плохо владел собой. Бедняжку Пэтси перенесли на кровать, и Вашингтон, стоя перед ней на

коленях, читал молитвы за упокой ее души: его щеки были мокры от слез, а голос прерывался от рыданий.

Похороны состоялись на следующий же день: обитый черным гроб замуровали в кирпичном склепе под холмом, на котором стояла усадьба Вашингтонов, со стороны Потомака. Марта облачилась в траурное платье — на целый год. На ней лица не было. Вашингтон отменил поездку с губернатором в Огайо: он чувствовал, что должен сейчас быть рядом с женой.

Нелли тоже задержалась в Маунт-Верноне еще на неделю. Присутствие этой доброй, нежной, тактичной девушки помогло хоть как-то заполнить пустоту, возникшую после безвременного ухода Пэтси. Она стала для Марты второй дочерью. Джеки не приехал — прислал письмо. Напоминая матери о том, что она христианка, он уверял, что его покойной сестре надо позавидовать, вместо того чтобы скорбеть о ее судьбе, «ибо если смертные способны различать достойных и недостойных благодати, я уверен, что она наслаждается безмятежностью, уготованной лишь добрым и добродетельным людям».

Был еще один важный момент, о котором помнили и Вашингтон, и его пасынок, предпочитая не говорить об этом Марте. После несчастной Пэтси осталось наследство, которое, благодаря умелому управлению ее отчима, оценивалось в 16 тысяч фунтов. Половина перешла к брату, половина — к матери, а значит, к ее супругу. Вашингтон передаст свою часть наследства Роберту Кэри в уплату долга — и наконец-то вздохнет свободно.

Наследство не всегда разрешает проблемы, иногда оно, напротив, доставляет хлопоты. В августе Фэрфаксы отправились в Лондон, чтобы вести запутанную тяжбу в суде лорда-канцлера. Вашингтоны были последними, с кем они виделись на американской земле. Джордж и Марта проводили Салли и Джорджа Уильяма до самого

порта и махали им вслед. Салли сильно сдала, у нее обострились хронические заболевания, к тому же она еще и переболела оспой. У Вашингтона было тяжело на сердце. Как верный друг, он согласился присматривать за поместьем Фэрфаксов в Виргинии, взяв на себя обязанности их поверенного. Он искренне надеялся, что они вернуться, хотя у его лучших друзей уверенности в этом не было — не зря же они выписали ему доверенность на распродажу с аукциона мебели из Бельвуара...

Тем временем, вступив в права наследства, Вашингтон затеял вторую перестройку Маунт-Вернона и выписал 60 тысяч кирпичей и кровельную дранку. Господский дом был, на его вкус, чересчур мал, банален и непривлекателен. Вашингтон решил увеличить его вдвое, пристроив фронтоны с западного входа, купол и просторную веранду со стороны реки. С южной стороны дома он планировал добавить библиотеку на первом этаже и спальню на втором: не сообщаясь с остальным домом, они позволили бы ему уединиться и оградить себя от вторжения чужаков. С севера должна была появиться двухэтажная банкетная зала с великолепным палладианским окном в три пролета, в которой можно будет достойно принимать гостей. Главный дом предстояло соединить с флигелями изящно изогнутыми аркадами. В архитектуре Вашингтон был любителем-самоучкой. Поскольку новые помещения пришлось пристраивать к уже существующим, в облике дома ощущалось отсутствие единого стройного замысла: фасад не вполне симметричен, фронтоны неловко нахлобучены поверх окон; однако большой портик с колоннадой сразу превратил его в образец южной архитектуры, а веранда с роскошным видом на Потомак и поросшие лесом окрестные холмы стала любимым местом Вашингтона.

От доктора Купера приходили положительные отзывы о его новом воспитаннике, перекликавшиеся с прежними посланиями Баучера. В сентябре он сообщал Вашингтону, что «усердие к учебе м-ра Кастиса не уступает его принципиальности» и что он надеется, что Джеки удастся быстро наверстать упущенное. На самом деле в чудесное преображение лентяя верить конечно же не следовало: благодаря тому, что у Джеки всегда водились деньги в карманах, он был запанибрата с учителями, которые потворствовали его прихотям. Вместо того чтобы подружиться с однокашниками, Джеки похвалялся тем, что обедает за одним столом с Купером и другими преподавателями. «Скажу без ложной скромности, что ко мне здесь особое отношение», — писал он матери, упивавшейся его словами. Джеки со слугой-негром проживал в отдельных апартаментах с большой гостиной и двумя спальнями. Колледж был для него не местом учебы, а роскошной гостиницей с услужливой челядью: «Мой добрый друг доктор Купер не упустил из виду ничего, потребного для моего удовлетворения».

У Вашингтона в то время были совсем другие заботы: в том же сентябре стало известно, что лорд Данмор начинает раздавать патенты на земли, лежащие за рекой Сциото, по прокламации 1763 года. «Если это так, нельзя терять времени, пока в нашей политической системе не произошел новый переворот», — писал Вашингтон Уильяму Кроуфорду. Он жаждал завладеть самыми хорошими участками; к тому же на реке Кентукки были обнаружены соляные источники. «Мне бы хотелось получить один из участков там; я бы немедленно обратил его к большой общественной пользе, равно как и к частной выгоде». Он рвался туда, разузнавал, где взять хороших проводников среди индейцев — а вдруг таких источников там много?

Двадцать девятого ноября 1773 года в старом Южном зале собраний Бостона собралось несколько тысяч горожан по призыву лидера вигов Сэмюэла Адамса. Причиной послужил заход в порт корабля «Дартмут» с грузом чая. По британским законам в течение двадцати дней должны были состояться разгрузка судна и уплата ввозной пошлины, иначе груз подлежал конфискации таможенниками. Собрание приняло резолюцию, составленную Адамсом на основе похожих документов, уже принятых в Филадельфии: капитану «Дартмута» предписывалось отправить корабль обратно, а пошлину не платить. Были назначены 25 человек для присмотра за судном, чтобы груз как-нибудь не оказался на берегу.

Губернатор Хатчинсон не дал своего позволения на уход «Дартмута» без уплаты пошлины. В порт Бостона зашли еще два «чайных» судна — «Элеанор» и «Бивер». 16 декабря, когда истекал срок стоянки «Дартмута», возле дома собраний столпились семь тысяч человек. «Собрание больше не может ничего сделать, чтобы спасти страну», — заявил Адамс.

Тогда народ решил перейти от слов к делу и, несмотря на все усилия Адамса его удержать, ринулся в порт. «Сыны свободы» нарядились индейцами из племени моговков. Около сотни человек поднялись на три корабля и часа за три побросали за борт 342 тюка с чаем. Больше они не тронули ничего и никого.

Новости из Бостона добрались до Маунт-Вернона ближе к Новому году. Вашингтон был раздосадован методами «Сынов свободы», хотя и считал налог на чай категорически неприемлемым. Он знал, что Лондон этого так не оставит. Не дай бог наступит тот самый переворот, которого он опасался...

Тут как раз пришло письмо от доктора Купера: он не может противиться желанию Джеки покинуть колледж и вступить в законный брак. Вашингтон остался в

одинокости, лишившись последнего союзника. Марта была на стороне сына, к тому же тот был последним из рода Кастисов. Бог с ним, пусть женится.

Второго февраля 1774 года в Маунт-Эри, Мэриленд, вотчине клана Калвертов, состоялось бракосочетание девятнадцатилетнего Джона Парка Кастиса и шестнадцатилетней Элеанор Калверт. После смерти Пэтси прошло всего полгода; Марта Вашингтон не сочла возможным явиться на свадьбу в трауре и осталась дома, передав новобрачным через своего супруга поздравительное письмо. Разумеется, она с нетерпением ожидала их в Маунт-Верноне. А Джордж поехал. Теперь он больше не опекун и ни за кого не отвечает.

Часть вторая
ГЕНЕРАЛ

ДЕЛЕГАТ КОНГРЕССА

Известие о «Бостонском чаепитии» потрясло британскую политическую элиту; даже те, кто ранее симпатизировал колонистам, теперь примкнули к сторонникам жесткой линии, к которой призывал и губернатор Массачусетса Томас Хатчинсон. Генерал Томас Гейдж, отмежевываясь от колонистов, уверял свое начальство в Лондоне, что те — «львы, пока мы ягнята, но если мы будем действовать решительно, они станут кроткими». Уже 1 марта парламент принял закон о закрытии бостонского порта до тех пор, пока Ост-Индской компании не будет возмещен ущерб за утопленный чай, а порядок не будет восстановлен.

Двадцать второго апреля 1774 года британский премьер-министр лорд Норт выступил в палате общин, призывая проявить твердость: «Американцы вываливали в смолу и перьях ваших подданных, разоряли ваших купцов, сжигали ваши корабли, отказывались подчиняться вашим законам и вашей власти; несмотря на всю нашу снисходительность и долготерпение, отныне мы обязаны пойти иным путем. Каковы бы ни были последствия, мы должны на что-то отважиться, иначе всё будет кончено».

(Кстати, Бенджамин Франклин тоже считал необходимым возместить ущерб и даже вызвался заплатить за утопленный чай из собственных средств девять тысяч фунтов, из расчета по два шиллинга за фунт чая. Нью-йоркский купец Роберт Мюррей вместе с тремя товарищами явился к лорду Норту и предложил покрыть убытки, но его предложение было отвергнуто.)

Пятого мая 1774 года в Уильямсберге открылась сессия палаты горожан. Вашингтон на нее не торопился: в первые дни на повестке дня была «текучка» — стычки

с индейцами на приграничных территориях и тяжба с Пенсильванией. Он предпочел отправиться на пикник вместе с Кастисами и парой-тройкой родственников и знакомых: на берегу Раппаханнока расстелили на травке два десятка одеял, смотрели на лодочные гонки (лодки с мускулистыми гребцами-рабами мчались парами наперегонки до стоящего на якоре судна и обратно), жарили барбекю, запивали кларетом (Вашингтон захватил с собой 48 бутылок). В столицу они с Мартой прибыли только 16-го. Тут как гром среди ясного неба грянула новость о закрытии бостонского порта с 1 июня. Более того, в Бостоне высадились три тысячи английских солдат, присланных на подкрепление Гейджу; это было, по мнению Вашингтона, «беспримерное свидетельство самой деспотичной тирании».

Самый молодой и рьяный из виргинских депутатов, Роберт Картер Николас, предложил провозгласить 1 июня «днем поста, смирения и молитвы»: весь депутатский корпус должен был отправиться в церковь. Предложение утвердили, и губернатор Данмор, опасаясь, что депутаты под благочестивым предлогом станут подбивать народ к неповиновению британским властям, распустил палату. Однако он сам в письме графу Дартмуту признал, что погорячился: в большинстве своем депутаты придерживались умеренных взглядов и даже осадил чересчур горячего поборника гражданских свобод Ричарда Генри Ли, призывавшего прекратить экспорт американских товаров, заявив ему, что прежде надо решить насущные проблемы.

Но сделанного не воротишь. На следующий день после роспуска 89 депутатов собрались в зале Аполлона таверны Рэйли, высказали друг другу всё, что накипело на душе, и приняли решение бойкотировать чай и другие ост-индские товары, а также списаться с

коллегами и созвать Конгресс, направив туда делегатов от всех колоний. На губернатора они зла не держали: вечером члены палаты дали бал в честь его супруги.

Уже 29 мая начали поступать письма от других комитетов, в частности от Сэмюэла Адамса, с призывом прекратить торговлю с Великобританией. На следующий день, в понедельник, 25 депутатов, включая Вашингтона, собрались снова и составили циркулярное письмо. По поводу бойкота импорта возражений не последовало, но вот с прекращением экспорта были согласны не все, поэтому было решено изучить общественное мнение на местах и собраться снова для принятия окончательного решения 1 августа.

Первого июня во всей Виргинии соблюдали строгий пост от рассвета до заката. Народом овладели тревога и беспокойство; по выражению Томаса Джефферсона, этот день произвел действие, «подобное электрическому разряду».

Между тем британские власти не дремали: 20 мая были приняты законы о правительстве Массачусетса, по которому исполнители всех должностей назначались губернатором или королем, а городские собрания можно было проводить не чаще раза в год, и об отправлении правосудия, согласно которому губернатор получал право переносить суд над королевскими чиновниками в другие колонии или даже в Великобританию, если не верил в возможность справедливого процесса в Массачусетсе. (Вашингтон назвал последний закон «законом об убийстве», считая, что он дает возможность британским чиновникам измываться над американцами, избегая возмездия.) 2 июня был принят «закон о постое»; в соответствии с ним британские солдаты в Америке могли квартировать не только в казармах, но и в пустующих частных домах.

Под конец парламентской сессии, 22 июня, король утвердил «закон о Квебеке»: границы этой провинции

переносились на юг до реки Огайо и на запад до Миссисипи и утверждалась свобода вероисповедания. Некоторые считали, что закон направлен непосредственно против Бенджамина Франклина, который трудился над созданием новой колонии — Огайо. Однако Вашингтон почувствовал оскорбленным — и обобраным — именно себя. По новому распоряжению, поступившему из Лондона, раздача земель ветеранам Франко-индейской войны теперь производилась только среди военнослужащих регулярных войск, а колониальные офицеры опять оставались «не при делах».

Вести из Лондона добирались до американских берегов несколько недель, и Вашингтон, разумеется, еще не знал о «квебекском законе» в начале июля, когда выехал в Маунт-Вернон, чтобы проследить за ходом строительства флигелей (под наблюдением хозяина дело подвигалось быстрее и лучше), а заодно провести собрание избирателей в Александрии, чтобы оценить настроение умов перед августовским съездом депутатов. Кстати, поскольку палата была распущена, предстояли новые выборы. Вашингтон выставил свою кандидатуру и подбивал сделать то же хороших знакомых, чтобы опираться на единомышленников. К его удивлению и досаде, один из его ближайших друзей, Брайан Фэрфакс (сын полковника Уильяма Фэрфакса и муж Элизабет Кэри, сестры Салли), отказался баллотироваться, поскольку придерживался умеренных позиций и не разделял боевого настроения американских депутатов. Зачем же сразу объявлять бойкот? Сначала нужно написать петицию королю, разъяснить ему суть дела...

«Разве мы уже не испробовали это? — писал ему Вашингтон 4 июля. — Разве не писали в палату лордов, не протестовали перед палатой общин? И что? Удосужились ли они заглянуть в наши петиции? Ведь

ясно как день, что существует хорошо продуманный, систематический план по утверждению права облагать нас налогом и его применению. Разве одинаковое поведение парламента в последние годы не подтверждает это? Разве все дебаты в палате общин на стороне правительства, особенно те, о которых мы только что узнали, не говорят однозначно о том, что с Америки следует взимать налоги в помощь британской казне и что она не может располагать своими ресурсами? Стоит ли после этого чего-то ждать от петиций? Разве покушение на свободу и собственность жителей Бостона еще до того, как было предъявлено требование о возмещении ущерба Ост-Индской компании, не является явным и очевидным доказательством их истинных целей? Разве последующие законы — о лишении Массачусетской бухты ее вольностей и о перемещении преступников для суда в другие колонии или Великобританию, где по самой этой причине невозможно будет добиться справедливости, — не убеждают нас в том, что власти не остановятся ни перед чем для достижения своей цели? Разве не должны мы после этого подвергнуть наше достоинство и силу духа самому суровому испытанию?»

В письме Джорджу Уильяму Фэрфаксу Вашингтон высказывался не менее определенно: Великобритания не в силах защитить Виргинию от жестоких и кровожадных индейцев и при этом изощряется, чтобы набросить ярмо рабства на страдающих от их набегов поселенцев. Судьба Бостона — судьба самой Америки, мы не позволим принести себя в жертву по частям.

Пятого июля избиратели Александрии приняли решение отправить 273 фунта стерлингов, 38 бочонков муки и 150 бушелей пшеницы беднякам из Бостона, «лишенным жестоким законом парламента возможности трудиться и хлеба насущного». 14-го Вашингтон и его «напарник» майор Чарлз Бродуотер были избраны

депутатами. Они выставили избирателям бурдюк вина, а вечером отправились на бал, где подавали кофе и шоколад, но никакого чая.

В воскресенье 17 июля в Маунт-Вернон приехал Джордж Мэйсон и остался ночевать. Они с Вашингтоном отредактировали текст двадцати четырех резолюций, которые Мэйсон привез с собой. На следующий день резолюции представили на заседании комитета графства Фэрфакс под председательством Вашингтона и приняли с незначительными поправками — в обстановке «спешки и суматохи». В резолюциях говорилось, что народ должен исполнять лишь те законы, что утверждены его же представителями, иначе «правительство выродится в абсолютную и деспотичную монархию или тираническую аристократию». Никакого налогообложения без представительства («Я считаю, что парламент Великобритании имеет не больше прав запускать руку в мой карман без моего согласия, чем я — прибирать к рукам Ваши деньги», — писал Вашингтон Брайану Фэрфаксу 20 июля). Созвать всеамериканский Конгресс для совместной обороны. Приостановить ввоз рабов в Виргинию (в колонии тогда был их переизбыток), чтобы «раз и навсегда положить конец сей безнравственной, жестокой и противоестественной торговле». Вашингтон был назначен главой комитета из двадцати пяти членов для разработки дальнейшей политической линии.

Резолюции были опубликованы в «Бостон газетт», и имя Вашингтона впервые после Франко-индейской войны вновь прогремело на все колонии.

Первого августа в Уильямсберге собрался Виргинский конвент — более сотни делегатов. Новый договор об ассоциации был принят единогласно: с 1 ноября не ввозить из Великобритании и других мест никаких товаров, за исключением лекарств; прекратить ввоз рабов и чая; ничего не покупать у Ост-Индской

компании, если она будет настаивать на уплате за чай, утопленный в Бостоне. Великобритания должна прислушаться к их требованиям: прекратить экспорт табака начиная с августа 1775 года и улучшать местную породу овец, чтобы развивать в Америке производство тканей. Конвент также осудил поведение генерала Гейджа в Бостоне.

Отставной полковник Вашингтон снова был «на коне». Прежде избегавший публичных выступлений, здесь он произнес своим глуховатым голосом зажигательную речь, пообещав на собственные средства собрать тысячу ополченцев и повести их на Бостон. 5 августа его выбрали одним из семи делегатов от Виргинии на всеобщий конгресс, созываемый в Филадельфии: он получил на девять голосов больше, чем красноречивейший оратор Патрик Генри, и уступил всего несколько голосов председателю Пейтону Рэндольфу.

Утром 7 августа перед отъездом из Уильямсберга Вашингтон приобрел экземпляр «Общего обзора прав Британской Америки» Томаса Джефферсона, где были слова: «Пусть льстит тот, кто боится; это искусство не отличает американца. Восхвалять то, что недостойно, может быть, хорошо в корыстных целях, но не подобает тем, кто утверждает права человеческой природы. Они знают и поэтому скажут, что короли — слуги, а не хозяева народа. Ваше Величество, откройте свое сердце либеральным и широким мыслям. Пусть имя Георга III не запятнает страницу истории». Заканчивался же памфлет так: «Бог, давший нам жизнь, одновременно даровал нам свободу; сила может их уничтожить, но не разъединить. Таково, Ваше Величество, наше последнее и окончательное решение. Соблаговолите действительно вмешаться со всей серьезностью, чтобы исправить великие несправедливости и успокоить умы своих подданных в Британской Америке относительно всяких

опасений насчет будущих вторжений; установите братскую любовь и гармонию во всей империи, которые продлятся до скончания века, — вот о чем горячо молится вся Британская Америка».

Вашингтон чувствовал, что в книге его жизни начинается новая глава, и сам подвел черту под прошлым, приняв участие в распродаже с аукциона имущества из Бельвуара. Он купил больше половины всей мебели Фэрфаксов, включая оконные занавеси, подсвечники и бюст Шекспира.

Тридцать первого августа, после раннего обеда, Вашингтон в сопровождении верного слуги Билли Ли и двух других делегатов, ночевавших в его гостеприимном доме, — Патрика Генри и Эдмунда Пендлтона — выехал из Маунт-Вернона в Филадельфию, на Первый Континентальный конгресс. Утро было душным и безветренным: в тот год выдалось жаркое, засушливое лето. Марта вышла их проводить. «Она казалась готовой на любые жертвы и старалась ободрить нас, хотя я знаю, что ей было тревожно, — вспоминал позже Пендлтон. — Она говорила так, как спартанская мать со своим сыном, идущим на битву. „Надеюсь, вы будете тверды; знаю: Джордж будет“, — сказала она. Эта милая женщина хлопотала по дому с утра до ночи, но уделяла время и для разговоров с нами, позволяя нам развлечься. Когда мы уезжали тем утром, она стояла в дверях и напутствовала нас: „Храни вас Бог, господа“».

В Филадельфию прискакали 4 сентября. На следующее утро пришли подкрепиться в «Сити-Таверн» («Городскую таверну»), где уже гомонили другие делегаты. Было решено проводить собрания Конгресса в Карпентерс-холле («Доме плотников»). Председателем избрали Пейтона Рэндольфа. Таким образом, у Вашингтона появился мощный союзник: у них с Рэндольфом были общие дела, тот несколько лет тому назад взял у него займы 250 фунтов и входил в число

четырёх наблюдателей от Генерального совета, перед которыми Вашингтон отчитывался в своем управлении именем Кастисов.

Конгресс оказался собранием говорунов, способных разглагольствовать на любую тему и считавших своим долгом высказаться по каждому затрагиваемому вопросу. Каждый стремился превзойти другого в красноречии и демонстрации государственного мышления. Немногословного Вашингтона, привыкшего держаться в тени, быстро задвинули на второй план: он не был избран ни в комиссию по правам колоний, ни в комиссию по торговым отношениям с Великобританией. Но у него был свой талант: он умел слушать, наблюдать и подмечать. А чтобы привлечь к себе внимание, надо отличаться от других.

Разгоряченные ораторы, сыпавшие цветистыми метафорами, умолкали, когда среди шумного собрания поднимался Вашингтон и с непроницаемым лицом произносил несколько простых, выдержанных фраз, бывших, однако, в самую точку. Словно памятуя о напутствии Марты Вашингтон, виргинцы вообще держались твердо и уверенно: по словам одного пенсильванца, даже бостонцы казались «тряпками» в сравнении с ними. Боевое прошлое Вашингтона сразу пришло всем на память; поскольку над Конгрессом витал призрак возможной войны с Англией, делегаты подбадривали сами себя, вспоминая о подвигах отважного полковника, и уговаривали его возглавить армию, если это потребуется.

Тринадцатого сентября Вашингтон получил письмо от капитана Маккензи, некогда служившего под его началом, а ныне получившего офицерский патент в регулярной армии и приписанного к 43-му пехотному полку, квартировавшему в Бостоне. Маккензи не жалел черной краски для описания бостонских мятежников, поставивших себе цель добиться полной независимости:

«...бунтарские и многочисленные собрания вооруженных людей, их возмутительные и невеликодушные нападки на лучших людей этой провинции, заставляющие тех спасаться бегством, и повторяемые, хотя и слабые угрозы разоружить войска дают генералу Гейджу достаточно причин, чтобы перевести город на положение обороны, чем мы сейчас и заняты и что вскоре будет сделано, к их великой досаде».

Вашингтон не мог не верить боевому товарищу, однако дело было серьезное, и ему хотелось разобраться во всем самому. Он стал искать встречи наедине с делегатами от Массачусетса, чтобы прямо задать им вопрос: чего они добиваются? Эта встреча состоялась вечером 28 сентября; на ней присутствовали также Ричард Генри Ли и доктор Шиппен из Филадельфии. Все сомнения рассеялись: перед ним были не горлопаны и демагоги, а трезвомыслящие прагматики, желающие сбросить ярмо угнетения и считающие насилие не методом достижения целей, а реакцией на беззаконие.

Проведя еще ряд встреч (Вашингтон никогда не действовал сгоряча), 9 октября он с облегчением написал Маккензи, что тот заблуждается: никто в Америке не стремится к независимости, вместе или по отдельности, но и с потерей прав и привилегий, ставящей под угрозу саму жизнь, свободу и владение собственностью, мириться не желает. «По моему мнению, если министры полны решимости довести положение до крайности, прольется больше крови, чем за всю историю Северной Америки, а миру в этой великой стране будет нанесена столь сокрушительная рана, что даже время не сможет ее залечить или стереть память о ней», — писал Вашингтон. Он считал, что «ни один мыслящий человек во всей Северной Америке» не желает независимости — «наоборот, пламенным желанием самых ярых поборников свободы

является восстановление мира и спокойствия на конституционной основе во избежание ужасов внутренней вражды».

Делегаты по-прежнему полагали, что доброго короля вводят в заблуждение изменники-министры, и умоляли монарха проявить себя истинным «отцом народа» по отношению к его подданным из колоний. Для претворения в жизнь решений о бойкоте импорта и приостановлении экспорта были учреждены исполнительные комитеты с правом созывать ополчение. В подтверждение своих благородных намерений делегаты также поклялись положить конец мотовству и разврату — бегам, азартным играм, петушиным боям, развлекательным представлениям и прочим дорогостоящим удовольствиям (Вашингтон успел накануне вечером в клубе перекинуться в картишки и выиграл семь фунтов).

Вашингтон провел эти два месяца в Филадельфии с большой пользой для себя: стал постоянным членом «губернаторского клуба», собиравшегося по вечерам в тавернах для бесед за бокалом вина; завел новые знакомства (за это время он 31 раз обедал вне дома, каждый раз у новых хозяев); подружился с двумя молодыми филадельфийцами — купцом Томасом Миффлином и юристом Джозефом Ридом; в компании нескольких делегатов, включая Джона Адамса, осмотрел Пенсильванскую больницу — лучшую в колониях, с психиатрическим отделением, и присутствовал на лекции по анатомии молодого доктора Шиппена. Каждое воскресенье он ходил в церковь, посещая храмы разных религиозных общин (квакеров, пресвитерианцев, католиков). Успел он и пройтись по магазинам: купил матери плащ, жене — записную книжку, новые башмаки для Билли Ли. Он был одним из двух виргинцев, еще остававшихся в Филадельфии 26 октября, когда

Конгресс принял решение временно прекратить работу. Четыре дня спустя Вашингтон вернулся в Маунт-Вернон.

Пока его не было, Джордж Мэйсон собрал сотню добровольцев-ополченцев, избравших своим командиром Джорджа Вашингтона. Отдельная рота графства Фэрфакс пошла себе синие мундиры с кожаной отделкой и облачилась в белые чулки, позаимствовав цвета партии виггов. Вооружены ополченцы были мушкетами и томагавками. Своему командиру они заказали приобрести для них в Филадельфии барабаны, флейты и алебарды; он еще добавил от себя шелковые шарфы, воротники, эполеты и экземпляр «Военного трактата об оснащении армии» Томаса Уэбба. По всей Виргинии создавались такие роты по 68 человек, которые выбирали себе офицеров, вооружались, обзаводились всем необходимым и упражнялись в военном деле, готовясь к худшему.

У Вашингтона нашлись и другие дела: он помогал распродавать имущество своего друга Джорджа Мерсера, запутавшегося в долгах. 90 рабов, лошади и прочее движимое имущество удалось загнать по небывало высокой цене, чем Вашингтон очень гордился. На все эти хлопоты ушло несколько недель.

В конце декабря в Маунт-Вернон завернул по соседски Чарлз Ли^[18] со сворой своих любимых шпицев. Коридоры сразу наполнились особым, невыветриваемым запахом, который он приносил с собой: прекрасно образованный, знающий латынь и греческий, одевающийся у самых дорогих портных, Ли был при этом чудовищно неряшлив и неопрятен. Выражений он тоже не выбирал. В иные времена Вашингтон, не терпевший нечистоты в быту и в речи, возможно, указал бы ему на дверь, но сейчас он целых шесть дней терпел присутствие высокомерного и самовлюбленного бывшего майора, который конечно же обладал несравнимо более богатым опытом военных действий,

чем он сам, бывший полковник. Устроившись с бокалом у камина, долговязый некрасивый Ли втягивал своим огромным носом аромат мадеры (только для нее он и находил доброе слово), а затем вновь и вновь принимался развивать свою мысль о том, что американским колониям просто необходимо иметь собственную регулярную армию. Разумеется, возглавить ее должен он сам — кто же еще? Кому из не нюхавших пороху колониальных недотеп удастся разбить британские войска, пусть даже ими и командуют одни тупицы? Ему, Чарлзу Ли, самим Провидением уготована высшая роль, и он готов ее сыграть!

Всю зиму Вашингтон и Мэйсон занимались усилением ополчения и, чтобы ускорить процесс, даже оплачивали экипировку из собственных средств. Но лишних денег у них не было, и они, посоветовавшись с местным руководством, решили обложить жителей графства Фэрфакс подушной податью в три шиллинга «ради общей пользы, защиты и обороны обывателей». Избежать уплаты этого «добровольного» налога было невозможно: деньги собирал местный шериф, не заплативших вовремя заносили в особый список. Как обычно бывает, где деньги — там и ссоры: Вашингтон обозлился на Мэйсона, утверждая, будто тот собирает налог с охотно его отдающих, предоставляя ему выколачивать эти несчастные три шиллинга из всех остальных; Мэйсон возмутился, что его сочли способным на такую низость. По счастью, они помирились и совместными усилиями превратили графство Фэрфакс в центр сопротивления британским властям. В январе «Виргиния газетт» прославила своего героя нескладным, но полным энтузиазма четверостишием:

*In spite of Gage 's flaming sword
And Carleton's Canadian troop
Brave Washington shall give the word,*

And we 'll make them howl and whoop.
(Несмотря на пламенеющий меч Гейджа
И канадские войска Карлтона,
Храбрый Вашингтон отдаст нам приказ,
И они у нас закричат и завоюют.)

В феврале 1775 года Джордж Мэйсон опубликовал план по созданию ополчения и предложил направить на предстоящий Конвент в Ричмонде прежних, уже проявивших себя в деле депутатов, а не выбирать новых.

Вырвавшиеся как-то у Вашингтона слова о том, что он на свои деньги вооружит тысячу солдат и поведет их на Бостон, передавались из уст в уста. Все были уверены, что средств на это у него хватит. Даже родной брат Джек попросил у него займы 200 фунтов. «У меня вовсе нет лишних двухсот фунтов, — отвечал ему Вашингтон 6 марта. — Мне предстоят расходы по одной статье и в особенности крупные траты на освоение моих земель за Аллеганскими горами, чтобы выполнить условия, на каких они были предоставлены. Я сам с радостью занял бы эту сумму на несколько месяцев, настолько трудно мне при нынешней нехватке наличных денег покрыть эти срочные расходы и при этом еще выполнить другие обязательства».

В тот же день он написал длинное письмо с инструкциями своему управляющему Уильяму Стивенсу, находившемуся в стране Огайо, которому надлежало немедленно сплавиться по реке к Большой Канавге и приступить к работам:

«Не знаю, попытается ли кто из белых рабочих от Вас сбежать, но во избежание этого присматривайте за ними как можно строже; как только причалите, вытащите каноэ повыше на

берег (не говоря им зачем) и накройте, чтобы не растрескались от солнца. Оставьте Гилберту Симпсону точный перечень всех вещей, которые возьмете с собой вниз по реке, за исключением самых пустяшных, чтобы г-н Кливленд знал, что у Вас есть и нужно ли ему раздобыть для Вас что-нибудь еще. Заставляйте рабочих и негров заботиться о своей одежде и чинить ее в случае надобности.

Прилагаю описание каждого рабочего: если кто-нибудь сбежит, пообещайте хорошую награду тому, кто приведет его обратно к Вам, ко мне или к майору Кроуфорду^[19].

Позаботьтесь об инструментах, чтобы ни один не пропал или не был забыт, когда Вы поедете дальше. Проследите также, чтобы они были у каждого работника; если окажутся лишние — тем лучше, поскольку я, вероятно, пришлю Вам еще людей через некоторое время... Я дал Вам денег на расходы и надеюсь — и прошу — как можно больше ограничить дорожные издержки».

Всё надо было продумать, всё предусмотреть, и всё равно он знал, что без хозяйского присмотра дела не делаются, он должен поехать туда сам — в мае или чуть позже. В общем, сразу, как только вырвется.

Семнадцатого марта 1775 года отдельная рота графства Ричмонд известила полковника Вашингтона о том, что он был единогласно избран ее командиром, «в случае если придется прибегнуть к оружию для защиты Короля (!) и страны». Ополченцы поставили себе задачу превратиться к лету в пристойную боевую единицу и приглашали полковника устроить им смотр в удобное для него время, а пока ждали от него указаний.

Три дня спустя, в понедельник, в Ричмонде, в англиканской церкви Святого Иоанна, собрался второй Виргинский конвент. Делегаты ратифицировали резолюции Континентального конгресса, подтвердив намерение защищать и отстаивать «нерушимые и справедливые права и свободы законопослушных и верных подданных Его Величества в Америке», и одобрили работу семи делегатов от Виргинии.

Двадцать третьего марта героем дня стал Патрик Генри, предложивший резолюцию о необходимости вооружаться. Он произнес пламенную речь: «Столь ли дорога нам жизнь или сладок мир, чтобы купить их ценою цепей и рабства? Не допусти этого, Всемогущий Боже! Не знаю, каким путем пойдут другие, мне же дайте свободу или смерть!»

«Свободу или смерть!» — подхватили остальные, и Вашингтон повторил эти слова вместе со всеми. Эта фраза легко пришла ему на язык: он почти наизусть знал пьесу «Катон», и от сцены из второго акта у него всегда мурашки бежали по коже: «Не время говорить о пустяках: ярмо или трон, свобода или смерть».

Некоторые депутаты, зарекомендовавшие себя пламенными патриотами, в том числе Эдмунд Пендлтон, всё же воспротивились столь решительным мерам. Тогда Томас Джефферсон произнес умную и убедительную речь, развив в ней теорию республиканства. Вашингтон, по обыкновению, молчал, пребывая в тягостных раздумьях, но когда Генри запальчиво сказал, что смешно думать о мире, когда мира вовсе нет, все взгляды обратились именно на Вашингтона.

Постановили, что «находящееся под добрым командованием ополчение из джентльменов и йоменов (то есть дворян и крестьян-землевладельцев — *Е. Г.*) является естественной силой и единственной защитой свободного правительства; такое ополчение в сей колонии навсегда избавит метрополию от

необходимости держать здесь с целью обороны постоянную армию или наемные силы — нарушителей покоя, представляющих собой угрозу для свобод народа, — и лишит ее предлога для обложения нас налогом на их содержание».

Вашингтон вошел в комитет, который занялся созданием в каждом графстве добровольческих рот, а также в другой — для разработки плана по развитию ремесел и мануфактур. Конвенту предстояло вновь избрать семерых делегатов — на Второй Континентальный конгресс. Первыми в списке оказались Пейтон Рэндольф, Джордж Вашингтон и Патрик Генри.

Его брат Джек тем временем занимался обучением одной из рот. Джордж похвалил его за это и пообещал устроить части смотр этим летом, вместе с ротой из Ричмонда. «Я с радостью приму честь командовать ею... поскольку намерен посвятить всю свою жизнь и состояние делу, которому мы служим».

Вашингтон вернулся домой, и его оглушила очередная новость: патент на земли, полученные им по прокламации 1754 года, — 23 тысячи акров! — аннулирован, поскольку проводивший землемерные работы Уильям Кроуфорд не был должным образом на это уполномочен. Это что, злая шутка? Столько сил, времени, денег потрачено — и всё зря? До какой мелкой мести опускаются те, кто должен служить образцом великодушия!

«Это известие показалось мне настолько невероятным, что я не обратил на него внимания, пока не увиделся в прошлую пятницу с г-ном Уилпером, который, подтвердив сообщение, добавил, что все держатели патентов (которых он повидал) в силу этой прокламации чрезвычайно расстроены и не знают, что начать и что об этом думать, как

поступить в столь необычном случае, — писал Вашингтон 3 апреля лорду Данмору. — Вот из-за чего я позволил себе беспокоить Вашу светлость сим письмом, будучи убежден в Вашем желании услышать и намерении исправить всякую обоснованную причину для жалоб, поданных на Ваше рассмотрение. <...> Я уверен, что Вы как порядочный человек задеты оскорблением, нанесенным другим...»

У лорда Данмора в апреле были другие заботы: опасаясь, что одна из рот ополчения захватит пороховой склад в Уильямсберге, он велел пехотинцам с британской шхуны «Магдалена» вывезти со склада 15 бочонков с порохом и переправить на военный корабль, стоявший на якоре в Норфолке, — якобы для подавления бунта рабов, поклявшись вернуть потом порох обратно, если это потребуется для защиты колонии. Когда разъяренные патриоты уже собирались захватить дворец губернатора, Вашингтон призвал их сохранять спокойствие и посоветовал пяти отдельным ротам, перешедшим к тому времени под его командование, не выступать на Уильямсберг. 24-летний плантатор Джеймс Мэдисон усмотрел в этом малодушие: он считал, что Вашингтон боится гражданской войны, которая непременно нанесет ущерб его частной собственности. Но Вашингтону было сорок три, и он прекрасно понимал, что британский слон одним ленивым движением ноги растопчет американскую моську. «Было известно, что ресурсы Великобритании практически неисчерпаемы, ее корабли покрывают океан, ее войска пожиная лавры во всех концах света... Нужны были деньги, нерв войны», — отмечал он. Но у колонистов имелось нечто более ценное: неукротимая решимость, сознание своей правоты и вера в то, что Бог на их стороне.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

Четырнадцатого апреля 1775 года генерал Гейдж получил от госсекретаря графа Дартмута приказ разоружить мятежников, прятавших оружие в Конкорде (Массачусетс), и арестовать лидеров бунтовщиков — Сэмюэла Адамса и Джона Хэнкока^[20] (оба скрывались в соседнем Лексингтоне). Чтобы не вызывать волнений, Гейдж не стал издавать письменного приказа об аресте, а подполковнику Смигу, посланному в Конкорд, велел удерживать солдат от грабежа и уничтожения частной собственности.

Но разведка милиционных сил сработала четко: доктор Джозеф Уоррен, председатель Провинциального конгресса Массачусетса, поручил серебряных дел мастеру Полу Ревиру, активному деятелю «сопротивления», немедленно отправиться из Бостона в Конкорд и предупредить о выступлении регулярных войск.

В ночь на 18 апреля Ревир пересек на весельной лодке Чарлз-Ривер, проскользнув мимо стоявшего на якоре военного корабля «Сомерсет», благополучно прибыл в Чарлзтаун и поскакал в Лексингтон, избегая встреч с британскими патрулями и стучась почти в каждый дом на дороге. Четыре десятка других гонцов помчались на север. Около полуночи Ревир был в Лексингтоне; полчаса спустя из Бостона прибыл кожевник Уильям Доус — еще один посланец Уоррена. Они вместе предупредили Адамса и Хэнкока. Те решили, что силы, выдвинувшиеся из Бостона, слишком велики для ареста двух человек, их истинная цель — Конкорд. Во все ближайшие города были посланы нарочные, а Ревир и Доус помчались дальше в Конкорд, захватив с собой доктора Сэмюэла Прескотта.

В Линкольне их перехватил британский патруль, но Прескотту удалось перемахнуть на лошади через забор и скрыться в лесу; он единственный добрался до цели, потому что Доус, тоже сбежавший, упал с лошади и расшибся. Ревира принялись допрашивать, но тут сработала система оповещения, взятая колонистами на вооружение еще со времен войны с индейцами: звонили в колокола, били в барабаны, стреляли из ружей, трубили в трубы — ополченцев призывали братья за оружие. Патрульные решили отпустить пленника, узнав от него, что значит весь этот шум. Британский отряд еще грузился на лодки в Кембридже под Бостоном, а на 40 километров в округе все уже знали о его приближении.

На рассвете 19 апреля 700 британских солдат наткнулись у Лексингтона на небольшой отряд добровольцев. Грянули выстрелы; восемь колонистов были убиты, десять ранены; британцы, потерявшие только одну лошадь, двинулись вперед. Но в Конкорде, у Северного моста, их со всех сторон атаковали вооруженные фермеры — минитмены, которые метко стреляли, прячась за деревьями и заборами. Три королевские роты потеряли убитыми и ранеными 273 человека, колонисты — 95. Британцы отступили к Бостону; их преследовали ополченцы, нанося тяжелый урон. Только благодаря присланному подкреплению и стремительному продвижению разбитый отряд смог добраться до Чарлзтауна, под прикрытием своих кораблей, не был окружен и уничтожен.

Выстрелы в Конкорде, как поется в гимне, сложенном по этому случаю Ральфом Эмерсоном, «прогремели на весь мир». А по выражению Джона Адамса, после сражения при Лексингтоне пришлось отложить перо и взяться за меч.

Во всех колониях молодые люди надевали форму милиционных сил и упражнялись в ружейных приемах.

Вашингтон зарылся в военные трактаты, чтобы освежить свои познания о Марсовой науке. В Маунт-Вернон зачастили соседи-военные: плох тот солдат, кто не стремится стать генералом, а бывшие сослуживцы, некогда обойденные чинами, теперь горели желанием наверстать упущенное и ревниво присматривались к возможным конкурентам. Один раз Вашингтон обедал в обществе Чарлза Ли, другой — с девятнадцатилетним Генри Ли Третьим, только осенью выпущенным из Колледжа Нью-Джерси, начинавшим карьеру адвоката и мечтавшим о лаврах полководца. 48-летний Горацио Гейтс остался ночевать. Возможно, они вспоминали злосчастную кампанию Брэддока, в которой участвовали вместе. Правда, воспоминания Гейтса довольно быстро обрывались: он был тяжело ранен на берегах Мононгахилы. В дальнейшем ему доводилось принимать участие только в мелких стычках; чин майора был ему пожалован лишь потому, что именно он доставил в Англию весть о завоевании Мартиники в 1762 году. Для продвижения по службе в британской армии нужны были большие деньги или большие связи, поэтому Гейтс в 1769 году продал свой офицерский патент и приехал в Америку. Там он восстановил знакомство с Джорджем Вашингтоном и купил небольшую плантацию в Виргинии. Они даже были чем-то похожи: большой орлиный нос, длинные волосы, собранные в хвост, здоровый румянец на щеках, а главное — оба были охвачены жаждой действовать.

Четвертого мая 1775 года Джордж Вашингтон уселся в карету с кучером и фореитором и отправился на Конгресс в Филадельфию. Стояло чудесное весеннее утро, легкий ветерок овеивал лицо, на небе — ни облачка. По дороге к нему примкнул Ричард Генри Ли. В сторону Балтимора спешно направлялись и другие экипажи — Пейтона Рэндольфа, Эдмунда Пендлтона и Бенджамина Гаррисона из Виргинии, Джозефа Хьюиса и Ричарда

Касуэлла из Северной Каролины. Граждане Балтимора попросили Вашингтона устроить смотр их добровольческим ротам, задав путешественникам соответствующий настрой. Не доезжая шести миль до Филадельфии, делегатов с Юга встречала внушительная депутация: чиновники, городская администрация, просто любопытные — около пятисот человек верхами. За две мили от города под звуки патриотического оркестра выстроился почетный караул, так что их вступление в столицу было обставлено с большой торжественностью. В тот же день 8 мая в Филадельфию с севера прибыли Джон Хэнкок, Сэмюэл и Джон Адамсы.

Атмосфера была наэлектризованной; большинство делегатов «жаждали крови», хотя встречались и настроенные верноподданнически. С одним из последних, Сэмюэлом Кервеном, Вашингтон засиделся 9 мая за полночь, обсуждая способы не дать британским кораблям подняться по реке Делавэр, чтобы захватить Филадельфию. Отдавая должное приятной внешности и учтивому обращению собеседника, Кервен не мог не сожалеть по поводу его решимости и непреклонности: «Я не увидел в нем ни малейшей склонности к примирению во избежание риска».

На следующий день делегаты собрались в просторном зале на первом этаже кирпичного дома городского совета, увенчанного высокой башенкой (ныне оно известно как Индепенденс-холл). Если во время Первого Конгресса речь шла о мерах экономического воздействия, теперь сразу заговорили о войне. Как и прежде, за официальными заседаниями следовали неформальные собрания группок делегатов в тавернах. Там передавали друг другу вести: Лондон отверг предложения о примирении и в эту самую минуту к американским берегам приближаются новые корабли с солдатами. Массачусетс готовился поставить под ружье 13 600 человек, Нью-Хэмпшир, Род-Айленд и

Коннектикут не хотели от него отставать; патриотически настроенные ополченцы и добровольцы со всей Новой Англии уже собирались на пустыре в Кембридже.

Вашингтон являлся на заседания в синей форме ополченца графства Фэрфакс, которую ему сшили в Маунт-Верноне. Надеялся ли он в скором времени украсить этот мундир генеральскими эполетами? Он прекрасно понимал, что войсками должен кто-то командовать, и не мог не знать, что его имя уже не раз упоминалось разными людьми в этой связи. Председатель Законодательного собрания Массачусетса Джеймс Уоррен еще 7 мая писал Джону Адамсу: «Им нужен более опытный руководитель. Лично я хотел бы видеть во главе [армии] ваших друзей Вашингтона и Ли, но не смею настаивать, хотя и думаю об этом». «В его повадках столько воинского достоинства, что его можно отличить среди десяти тысяч людей и назвать полководцем и солдатом. Любой король в Европе выглядел бы рядом с ним лакеем», — писал о Вашингтоне делегат от Пенсильвании Бенджамин Раш. Виргинца, который на Первом Конгрессе в общем и целом держался в тени, теперь включили в девять комитетов и советовались с ним по любому поводу. Некоторые из этих комитетов занимались чисто военными вопросами, например организацией обороны Нью-Йорка, другие — экономическими, требовавшими специальных познаний, в том числе изучали возможность печатать новые американские деньги. Каждый день Вашингтон обедал в городской таверне в обществе восьми других делегатов, всегда разных, чтобы расширить круг знакомств — и увеличить число почитателей.

Как и в прошлый раз, резко обозначилось соперничество между бостонцами, претендовавшими на главенство, и виргинцами. Председателем Конгресса

снова единогласно избрали Пейтона Рэндольфа, однако 24 мая ему пришлось вернуться в Виргинию, где открывалась сессия местного собрания. Освободившееся место занял Джон Хэнкок из Массачусетса, но очень скоро должность председателя перестала казаться синекурой.

В самый день открытия Конгресса небольшой отряд ополченцев под командованием Этана Аллена и примчавшегося к нему на подмогу полковника Бенедикта Арнольда захватил форт Тикондерога в Квебеке, разоружив британский гарнизон и разграбив его имущество. На следующий день был захвачен соседний форт Краун-Пойнт, а через неделю Арнольд, прихватив с собой 50 человек, дерзко напал на форт Сен-Жан на реке Ришелье, завладев военным снаряжением, пушками и самым большим военным кораблем на озере Шамплейн. (Арнольд с Алленом соревновались в удали, каждый желал урвать побольше военных лавров.) В результате части британской армии, расквартированные в Северном и Южном Квебеке, утратили связь между собой. В распоряжении губернатора Гая Карлтона, отправившего ранее целых два полка в Бостон, оставалось всего около восьмисот солдат. Попытки вооружить местное население не увенчались успехом: ни франко-, ни англоговорящие жители Квебека не хотели ввязываться в конфликт. Зато индейцы с радостью предложили свои услуги, но от них пришлось отказаться: Карлтон опасался набегов на мирных жителей под видом военных действий.

Новости из Квебека были восприняты в Филадельфии неоднозначно. Одни делегаты требовали вернуть Тикондерогу Великобритании и «восстановить гармонию». Северяне протестовали, считая, что форт нужен для обороны от британского вторжения со стороны Канады. Вашингтон на словах примкнул к сторонникам мирного урегулирования. Однако 25 мая в

бостонский порт вошел 32-пушечный фрегат «Цербер» и на берег сошли три главных полководца британской армии — Джон Бургойн, Генри Клинтон и Уильям Хоу.

Они еще ничего не знали о том, что здесь творится. Первые известия о сражениях при Лексингтоне и Конкорде достигли Лондона только в конце мая, когда парламент уже разошелся на летние каникулы и его члены выезжали из столицы в свои загородные имения. Даже самим американцам еще было трудно разобраться в событиях и занять определенную позицию. Вашингтон, который, по своему обыкновению, подробно расспросил всех свидетелей и тех, кто имел непосредственное отношение к событиям памятной ночи, только 31 мая написал о них Джорджу Уильяму Фэрфаксу, в Англию. «С прискорбием приходится говорить о том, что брат вонзил свой меч в грудь брата и что прежде счастливые и мирные долины Америки должны теперь либо пропитаться кровью, либо стать обиталищем рабов, — заключал он. — Печальная альтернатива! Но может ли добродетельный человек колебаться, стоя перед таким выбором?»

Чтобы завоевать свободу, нужны были войска, а Континентальная армия, для которой Конгресс распорядился в начале июня закупить порох, состояла исключительно из милиционных сил Новой Англии. Во главе их находился Артемас Уорд — лавочник из Шрусбери (Массачусетс); язвительный Чарлз Ли охарактеризовал его как «старого толстого джентльмена, бывшего хорошим церковным старостой». 13 июня руководство колониальных сил, осаждавших Бостон, проведало о планах британского командования вывести войска из города и занять окрестные возвышенности. 1200 солдат под командованием Уильяма Прескотта незаметно заняли Банкер-Хилл и Бридс-Хилл и принялись строить укрепления. На следующий день Конгресс разрешил десяти ротам из

Пенсильвании, Мэриленда и Виргинии прибыть на север для подкрепления. Предстояло создать действительно общеамериканскую армию, объединявшую северян и южан, и ей требовался главнокомандующий, который упрочил бы это единство.

В кандидатах не было недостатка. Богатый и честолюбивый Джон Хэнкок надеялся использовать свое председательство в Конгрессе как трамплин для достижения высшего командного поста, однако его кандидатура вовсе не устраивала южан. Северяне уже зарекомендовали себя напористыми упрямыми, не останавливающимися ни перед чем, и армия под командованием их земляка в один прекрасный день могла бы установить свою диктатуру и обратить оружие против Юга. Даже кое-кто из близкого окружения Хэнкока, например Джон и Сэмюэл Адамсы, считал, что ради политического единства главнокомандующим лучше выбрать кого-то из виргинцев — представителей самой густонаселенной колонии. Выбирать можно было из троих: Вашингтона, Гейтса и Ли. Вашингтон бы красив, высок, элегантен, умел промолчать, когда надо, прекрасно владел собой и считался богачом, то есть вряд ли продался бы врагам. Всё это были выдающиеся достоинства в глазах, например, маленького кругленького и болтливого Джона Адамса, однако некоторые делегаты-виргинцы относились к Вашингтону весьма прохладно, а Пендлтон был настроен резко против его кандидатуры. Чарлз Ли даже не сомневался, что выберут его — а кого же еще? Ведь он самый опытный в военных делах, а Вашингтону только караулы разводить. Но в отличие от своего соперника он не был коренным американцем, к тому же позволял себе неприглядные выходки, был неряшлив, резок на язык, а главное, надеялся с помощью военной службы поправить свое материальное положение. Горацио Гейтс был англичанин, а англичане не внушали доверия...

Четырнадцатого июня, после открытия заседания Конгресса, Джон Адамс встал со своего места, кратко (как ему казалось) изложил ситуацию в колониях, подчеркнув разброд и шатание в умах, упомянул о чаяниях и упованиях населения, о бедственном положении армии и опасности ее рассеивания (где в таком случае собрать другую?), о вероятности, что британцы воспользуются промедлением и выступят из Бостона, сея страх и разорение. Короче: надо придать законный статус вооруженным силам, стоящим в Кембридже, и назначить главнокомандующего. Адамс перевел дух и заявил, что может назвать лишь единственного кандидата на столь важный пост. Этот господин из Виргинии, он присутствует здесь и прекрасно всем знаком. Его опыт и талант военачальника, состояние, обеспечивающее ему независимость, выдающиеся способности и превосходный характер признаны всей Америкой; вне всякого сомнения, он воплощает собой надежды всех колоний и сможет стать символом их объединения.

В этот момент Вашингтон, скромно сидевший возле двери, вскочил и выскользнул в библиотеку. На губах председательствовавшего Хэнкока заиграла насмешливая улыбка: его конкурент бежал. Но тут Адамс назвал-таки имя своего кандидата: Вашингтон. Улыбка сползла с лица Хэнкока, оно выражало обиду и негодование.

Вопрос был вынесен на обсуждение. Сэмюэл Адамс поддержал кандидатуру Вашингтона. Пендлтон из Виргинии, Шерман из Коннектикута, Кашинг и еще несколько человек высказались против. Не то чтобы он им не нравился, но армия состоит целиком из уроженцев Новой Англии, у них уже есть свой командующий — генерал Уорд, достойный человек, которым они вполне довольны: сумел же он запереть британский контингент в Бостоне. Решение отложили до завтра.

Как обычно, обсуждение перенеслось за стены зала заседаний — в таверны. В ходе жарких споров удалось убедить противников Вашингтона не возражать против его кандидатуры. На следующий день Томас Джонсон из Мэриленда снова назвал его имя, и Вашингтон был избран единогласно.

Сам он узнал об этом уже после того, как заседание было закрыто. Коллеги вдруг стали обращаться к нему «генерал». Во время обеда, на котором присутствовали Томас Джефферсон и Бенджамин Франклин, подняли тост за «главнокомандующего американской армией». Вашингтон встал и, сильно смущаясь, поблагодарил присутствующих за оказанную ему честь. Все разом поднялись и пили стоя. После этого воцарилась тишина: казалось, только сейчас они поняли, что произошло, какие события уготованы им теперь, когда они обнажили меч и вложили его в руки Вашингтона.

Вечер Вашингтон посвятил заседанию комитета, составлявшего устав новорожденной армии.

Шестнадцатого июня Джон Хэнкок официально объявил о том, что Джордж Вашингтон избран «генералом и главнокомандующим армией Объединенных Колоний», и спросил, согласен ли тот принять на себя эти обязанности. Вашингтон поднялся со своего места и сказал: «Господин председатель! Хотя я очень тронут великой честью, оказанной мне этим назначением, мне больно сознавать, что мои способности и военный опыт не могут сравниться с важностью и огромностью выраженного мне доверия. Однако если угодно Конгрессу, я возьму на себя эти важные обязанности и использую всю свою власть для служения славному делу. Надеюсь, вы примете мою сердечную благодарность за выдающееся выражение вашего одобрения. Но если случится некое несчастливое происшествие, неблагоприятное для моей репутации, прошу каждого джентльмена, присутствующего в этом

зале, запомнить, что я ныне искреннейшим образом заявляю: я не считаю себя пригодным для возложенного на меня командования. Что же касается оплаты, хочу заверить Конгресс, что никакие денежные соображения не заставили бы меня взвалить на себя столь тяжкую ношу в ущерб домашнему уюту и счастью, а посему я не намерен извлекать из нее никакой выгоды. Я буду вести точный учет своим расходам, которые, я не сомневаюсь, будут мне возмещены, а большего не желаю»^[21].

Речь новоиспеченного генерала приветствовали одобрительными аплодисментами, но сам он был как во сне. Он прекрасно понимал, какой страшный груз взвалил себе на плечи. А если он не справится? И как долго всё это продлится? А Марта — она ведь там совсем одна! Дом не достроен, хозяйство без присмотра придет в упадок. Это здесь его считают богачом, но он-то знает, что на самом деле денег в обрез! Хорошо, что он почти расплатился с Робертом Кэри, а то еще подумают, будто он поддержал «бунтовщиков», чтобы скрыться от долгов!

После заседания Патрик Генри подошел поздравить Вашингтона и был поражен, увидев его искаженное лицо и глаза, наполнившиеся слезами. «Запомните, мистер Генри, что я вам скажу: с того самого дня, когда я принял командование американской армией, я иду навстречу своей гибели и гибели своей репутации».

Тем временем запертые в Бостоне британские войска узнали о поспешно возводимых на Банкер-Хилле фортификациях и решили нанести упреждающий удар. В субботу 17 июня они дважды штурмовали укрепления на соседнем Бридс-Хилле. Колонисты яростно защищались, нанося врагу большой урон. Наконец третий штурм увенчался успехом: у защитников закончились патроны и снаряды, и их позиции были захвачены. Понесся большие потери (450 человек), колонисты организованно отступили в Кембридж. Но для англичан

это была пиррова победа: 226 убитых, в том числе множество офицеров, около 800 раненых — почти треть наличного состава! Да и захват двух высот практически не изменил общей картины. «Успех куплен слишком дорогой ценой», — признал генерал Хоу.

Колонисты тоже не были довольны результатом. «Наши соотечественники — brave ребята, им нужен лишь умный и способный военачальник, чтобы сделать из них хорошую армию. Всех наших — и немалых — усилий недостаточно для восполнения этого недостатка, приложите же свои, — писал Джеймс Уоррен Сэмюэлу Адамсу 21 июня. — Поверите ли, он (Уорд. — *Е. Г.*) в субботу даже не выходил из дому; больше мне нечего добавить. Надеюсь, хуже уже не будет». А днем раньше он написал Джону Адамсу: «Если бы у наших brave ребят, опрометчиво расставленных на прежде занятых позициях, вместо военачальника, неспособного и не желающего ими командовать, был Ли или Вашингтон, я думаю, день завершился бы к вящей славе Америки, как 19 апреля». Тогда же Провинциальный конгресс Массачусетса обратился к Континентальному конгрессу с просьбой: «...если будет назначен главнокомандующий армией Объединенных Колоний, вам должно быть очевидно, что ни в одной части континента его непосредственное присутствие и усилия не будут настолько необходимы, как в нашей колонии».

Вашингтон, еще ничего не знавший об этих событиях, и так прекрасно понимал, что ему вскоре придется выехать к армии. Но сейчас все его мысли были о доме. Суждено ли ему вернуться туда? Как долго придется отсутствовать? Каково будет Марте? Он долго собирался с духом, чтобы сообщить ей о том, что разлука затянется на неопределенное время. Наконец 18 июня он взялся за перо:

«Моя дорогая!

Пишу тебе о таком деле, которое наполняет меня невыразимым беспокойством, и это беспокойство еще усиливается, когда я думаю о том, в какую тревогу повергну тебя. По решению Конгресса вся армия, созданная для защиты дела Америки, будет передана под мою заботу, и потому мне необходимо немедленно выехать в Бостон и принять командование.

Верь мне, дорогая Пэтси: я торжественно клянусь тебе, что вовсе не искал этой должности и даже всеми силами старался ее избежать, не только из нежелания расстаться с тобой и домочадцами, но и сознавая, что оказанное доверие превосходит мои способности и что я испытал бы больше счастья за один месяц с тобою дома, нежели от самых отдаленных перспектив за рубежом, даже если бы прожил там семь раз по семь лет. Но, видно, сама судьба поставила меня на эту службу, и я надеюсь, что мои дела послужат некой доброй цели».

Он не мог — в самом деле не мог! — отказаться от этого назначения, не уронив своего достоинства и не запятнав своей чести.

«А посему положусь на Провидение, которое до сих пор хранило меня и было благосклонно ко мне. Не сомневаюсь, что я вернусь к тебе живым и невредимым этой осенью. Тяготы и опасности войны не заставят меня страдать так же сильно, как осознание твоего беспокойства от того, что ты осталась одна. Прошу тебя: собери все свои душевные силы и проводи время как можно приятнее. Ничто не доставит мне более искреннего удовольствия, как узнать об этом, и узнать из твоих же писем».

«Наша жизнь неизвестна нам наперед, и осторожность внушает каждому человеку желание уладить все его земные дела, насколько это в его власти; и пока ум спокоен и безмятежен, я, как только сюда прибыл (поскольку не успел это сделать до отъезда), попросил полковника Пендлтона составить мое завещание согласно данным ему указаниям, которые и прилагаю. Надеюсь угодить тебе распоряжениями, сделанными по поводу тебя на случай моей смерти».

Вряд ли Марта, уже схоронившая одного мужа, обрадовалась предусмотрительности второго. Ей требовались поддержка, дружеское участие и искренняя любовь, поэтому Джордж написал и Джеки Кастису, прося его с Нелли почаще гостить у матери.

В постскрипуме Вашингтон слегка польстил хозяйственности Джеки, сообщавшего в своем письме об урожае табака, о котором отчим якобы «совершенно забыл». «Тебе придется взять на себя всё управление твоим собственным поместьем, поскольку я уже не смогу помогать тебе». Уже впопыхах дописывая письмо, он поделился важной информацией: «Конгресс... собирается напечатать два миллиона долларов в континентальной валюте на военные нужды, поскольку Великобритания полна решимости принудить нас к войне; по меньшей мере, 15 тысяч человек будут призваны в Континентальную армию».

Девятнадцатого июня Вашингтону торжественно вручили патент, подписанный Хэнкоком:

«Делегаты Объединенных Колоний Нью-Хэмпшир, залив Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Ньюкасл, Кент и Сассекс на

Делавэре, Мэриленд, Виргиния, Северная Каролина и Южная Каролина — Джорджу Вашингтону, эсквайру.

Возлагая особое доверие и надежду на Ваши патриотизм, честность и преданность, мы провозглашаем и назначаем Вас генералом и главнокомандующим армией Объединенных Колоний и всеми силами, мобилизованными ими ныне или в дальнейшем, а также всеми, кто добровольно пожелает примкнуть к оной армии для защиты свободы Америки и отпора вражескому вторжению. Сим облакаем Вас всей полнотой власти и уполномочиваем действовать, как Вы сочтете нужным для блага службы.

Все офицеры и солдаты, находящиеся под Вашим командованием, должны исполнять Ваши приказания и свои обязанности.

Предписываем Вам и требуем соответствия оказанному Вам высокому доверию путем наведения строгой дисциплины и порядка в войсках, дабы солдаты были надлежащим образом обучены и снабжены всем необходимым.

В своем поведении Вы должны руководствоваться соблюдением правил и воинской дисциплины и в точности следовать приказам и указаниям, которые будете время от времени получать от нынешнего или будущего Конгресса Объединенных Колоний или комитета Конгресса, назначенного для этой цели».

К патенту прилагались инструкции, составленные упомянутым комитетом Конгресса, в который входили Ричард Генри Ли, Эдвард Ратледж и Джон Адамс. Вашингтону предписывалось срочно выехать в Массачусетс и принять на себя командование армией. Оттуда он должен прислать подробный отчет об

имеющихся силах, их вооружении и снабжении, а также о британских войсках, находящихся в Америке. Если главнокомандующий сочтет, что сил недостаточно, он может набирать рекрутов, но общее число колониальных войск не должно превосходить силы противника более чем вдвое. Он может также назначать офицеров взамен выбывших, если только вакансии не будет заполнена Провинциальным конвентом той колонии, откуда родом был убитый. Волонтеры обеспечиваются пищевым довольствием за счет Конгресса. Решения военного порядка следует принимать, созывая военный совет.

«Я отправляюсь в плавание по бурному океану, в котором, возможно, мне не встретится ни одной тихой гавани», — писал Вашингтон в тот же день полковнику Бассету, мужу Фанни — любимой сестры Марты. Прилагая к письму свежие газеты, чтобы не пересказывать общеизвестных событий, Вашингтон в постскриптуме вновь просил не забывать Марту и навещать ее как можно чаще, поскольку сам он не надеется вернуться домой прежде зимы. «Карету и лошадей я отослал назад». (Впрочем, «безлошадным» Вашингтон не остался — купил себе пять лошадей и фаэтон, занеся эти траты в список расходов на военные нужды. Он приобрел также пять книг по военной стратегии и заказал себе новый мундир: синий кафтан с медными пуговицами и золотыми эполетами с тремя серебряными звездами на каждом; для лета — белый камзол и нанковые панталоны, для зимы — камзол и панталоны из буйволово́й кожи. Два его раба, Билли Ли и Джон, отправившиеся с ним на войну, по-прежнему носили красно-белые ливреи.)

В письме брату Джеку содержалась последняя новость: Вашингтон получал в свое распоряжение назначенных генерал-майорами Артемаса Уорда, Чарлза Ли, Филипа Джона Скайлера и Израэля Патнэма. Для

Горацио Гейтса, бригадного генерала, придумали звание генерал-адъютанта.

Ли и Гейтса назначили по личной рекомендации Вашингтона, который в глубине души признавал их превосходство над собой. Они тоже его признавали, и в отношениях между главнокомандующим и его заместителями сохранялся холодок. Уорд также затаил обиду, считая себя несправедливо обойденным. Филип Скайлер из рода голландских аристократов-эмигрантов, ровесник Вашингтона, имел с ним много общего: рано, в восемь лет, потерял отца; участвовал во Франко-индейской войне, командуя ротой; стал крупным помещиком в Саратогге, активно приобретая земли и рабов; его льнопрядильная фабрика была самой крупной в Америке, а по реке Гудзон ходили несколько построенных им шхун. Законы, ограничивающие торговлю, больно ударили по его карману. Аристократ до мозга костей, он не терпел панибратства с низшими. Наконец, старый (ему сравнялось 57 лет) вояка и масон Израэль Патнэм, о котором уже при жизни складывали легенды, бросил свою ферму и таверну, чтобы послужить делу свободы, и прославился новыми подвигами. Узнав о сражении при Лексингтоне, он проскакал 160 километров за восемь часов, чтобы предложить свои услуги патриотам, а при Банкер-Хилле произнес фразу, ставшую знаменитой: «Не стреляйте, ребята, пока не увидите белки их глаз». Свой в доску, добродушный и малограмотный Патнэм был популярен среди солдат, прозвавших его «старина Пат».

Напоследок скрупулезный Вашингтон написал капитанам милиционных рот из Виргинии, избравших его своим командиром, извещая их о том, что не сможет исполнять возложенные ими на него обязанности и прося непременно поддерживать в ротах дисциплину. Капитаны, сожалея о расставании со своим «главой, другом и достойным гражданином», поздравили его с

назначением и поручили милости «Того, благодаря кому короли правят, а государи вершат правосудие, желая, чтобы все Ваши замыслы и деяния направлялись Его милостивым Провидением к *счастливому и длительному союзу между нами и Великобританией* (курсив мой. — Е. Г.)».

Двадцатого июня Вашингтон устроил смотр войскам, стоявшим в Филадельфии: три батальона, артиллерийская рота, отряд легкой кавалерии, несколько рот легкой пехоты, рейнджеров и стрелков — в общей сложности около двух тысяч человек — промаршировали перед главнокомандующим, а затем продемонстрировали ружейные приемы, стрельбы и перестроения. Утром 23-го генерал Вашингтон со своим адъютантом майором Миффлином и секретарем Джозефом Ридом, генералы Ли и Скайлер отправились в Массачусетс. Когда Вашингтон собирался сесть в седло, Миффлин подбежал и подержал ему стремя; толпа провожающих бурно приветствовала этот поступок. Многие члены Конгресса, в каретах и со слугами, явились пожелать генералам счастливого пути. Отряд легкой кавалерии и все офицеры городского ополчения верхом провожали их несколько миль.

Путь в Бостон лежал через Нью-Йорк, где до сих пор преобладали лоялисты. Даже Провинциальный конгресс вовсе не горел революционным пылом и как раз обсуждал план примирения с Великобританией. Город оказался между двух огней: в один день стало известно, что Вашингтон со свитой направляется к войскам и что в порт прибывает королевский губернатор Уильям Трайон, вернувшийся из Англии. Как принять с должным уважением одновременно и генерала, и губернатора? Навстречу Вашингтону отправили офицера, чтобы согласовать с ним план действий. Вашингтон, не желая испытывать судьбу (в Нью-Йорке на рейде стояло несколько военных кораблей), передал через Скайлера,

что в девять утра, в час прибытия Трайона, будет в Ньюарке, куда и просит прислать уполномоченных лиц, чтобы посоветоваться о том, где безопаснее переправиться через Гудзон. К облегчению местных властей, Вашингтон прибыл с большим опережением, и торжественную встречу удалось устроить обоим. Генерала, в шляпе с плюмажем и с алым шарфом через плечо, встречали военным оркестром, парадом восьми рот в мундирах ополчения и бесчисленной толпой гражданских от мала до велика, явившихся на него поглазеть. «После полудня Вашингтон, Ли и Скайлер, три из первых генералов мятежников, назначенные Конгрессом командовать их армией (первые два следующие в Бостон, а последний — в Олбани, для подготовки экспедиции в Канаду), прибыли из Филадельфии и были размещены в доме Леонарда Лиспенарда, эсквайра, примерно в двух милях от города, — писал в своем дневнике судья Томас Джонс. — По такому случаю роты добровольцев, созданные в явно бунтарских целях, члены Провинциального конгресса, священники из нонконформистов и все вожаки и сторонники раздора и мятежа... ждали на берегу, чтобы встретить их по прибытии со стороны Джерси и препроводить к Лиспенарду, где они обедали, под несмолкаемые крики и возгласы бунтарской и мятежной толпы, а ближе к вечеру сопроводить в город таким же шумным и нелепым образом». Губернатор Трайон сошел на берег уже вечером, часов в восемь, и, по словам Джонса, та же самая толпа громко его приветствовала и проводила до временной резиденции. «Что за фарс! Проклятые лицемеры!»

Находясь в доме Лиспенарда, Вашингтон получил срочную депешу из Бостона. Хотя запечатанное послание было адресовано Джону Хэнкоку, Джордж решил из осторожности вскрыть его: а вдруг там важные новости? Так и оказалось: в письме говорилось о

сражении при Банкер-Хилле и потере укреплений на Бридс-Хилле. Британцы сожгли Чарлзтаун, оставив от него дымящиеся руины. В бою погиб Джозеф Уоррен, стоявший у истоков патриотического движения в Бостоне. 14 июня Провинциальный конгресс назначил его генерал-майором. Прибыв к месту формирования ополчения, Уоррен спросил, где будет самый жаркий бой. Израэль Патнэм указал на Бридс-Хилл. Несмотря на просьбы Патнэма и Уильяма Прескотта взять на себя командование, Уоррен вызвался сражаться рядовым, поскольку не имел военного опыта. «Эти ребята говорят, что мы не станем драться! — сказал он о британцах. — Клянусь небом, надеюсь умереть, стоя по колено в крови!» Он сражался, пока не кончились заряды, и не ушел во время третьего, последнего штурма британцев, чтобы дать время ополченцам отступить. Узнавший его лейтенант лорд Роудон поразил его выстрелом в голову из мушкета. С его тела сорвали одежду и искололи штыками до неузнаваемости, а затем бросили в канаву.

Вашингтон переслал письмо в Филадельфию, добавив от себя, что его армия сильно нуждается в порохе, который необходимо срочно прислать.

Британцы получили хороший урок («Еще немного таких побед — и их армии придет конец», — писал Вашингтон брату Сэму), однако для американцев это сражение стало упущенной возможностью. Если бы ополченцами командовали со знанием дела, англичане потерпели бы сокрушительное поражение, решил Вашингтон. Ему не терпелось выехать в Бостон, но Провинциальный конгресс Нью-Йорка пригласил его на специальное заседание. Велев своим помощникам быть готовыми отправиться в путь сразу по его окончании, Вашингтон подчинился правилам политического этикета и даже произнес небольшую речь, пообещав приложить все усилия для восстановления «мира и гармонии между метрополией и колониями». «Да, мы солдаты, — заявил

он, — но мы еще и граждане». Эта фраза особенно понравилась.

В Нью-Йорке Вашингтон оставил Скайлера, поручив ему командовать всеми войсками, выделенными для обороны города, исполнять приказы Континентального конгресса и присматривать за губернатором Трайоном, известным своей враждебностью к патриотическому движению, чтобы пресекать все его опасные замыслы — при этом выказывая должное уважение к его особе. С другой стороны, Скайлеру надлежало принять меры против возможного нападения индейцев, которых могли натравить на колонистов британцы, и постараться наладить отношения с канадцами. Попросив присылать ему отчеты не реже раза в месяц и сообщать все важные сведения, Вашингтон приписал в конце: «Руководствуйтесь своим собственным здравым смыслом во всех делах, не обозначенных особо, поскольку я не хочу загонять вас в узкие рамки».

А теперь — в Бостон. Поглощенный мыслями о том, что ждет его там, Вашингтон даже не обращал внимания на окрестный пейзаж. Дорога шла мимо нескончаемой вереницы городков, их жители считали своим долгом приветствовать генерала помпезными церемониями. Приходилось выходить из коляски, садиться верхом и устраивать торжественный въезд, отвечать на речи. К тому же ему доставляли множество писем от провинциальных законодателей, обращавшихся к нему «Ваше превосходительство». На письма надо было отвечать; всё это отнимало уйму времени. Наконец 2 июля Вашингтон прибыл в Кембридж, Массачусетс, чтобы принять на себя командование Континентальной армией, осаждавшей Бостон с запертым там британским гарнизоном. Было воскресенье, все находились в церкви, и въезд в городок обошелся без столпотворения. Ополченцев выстроили на плацу, чтобы устроить им смотр, но тут полил дождь, и

смотр пришлось отменить. Дождь зарядил на целый день; сквозь его пелену невозможно было разглядеть позиции британцев. Главнокомандующего разместили в доме Сэмюэла Лэнгдона, президента Гарвардского колледжа (хозяину оставили только одну комнату). Вечером Вашингтон и Ли встретились с офицерами, в том числе с Уордом и Патнэмом, доложившим обстановку. Начиналась обычная военная рутина.

ГЕНЕРАЛ БЕЗ АРМИИ

Только на следующий день, когда развиднелось, генералы Вашингтон и Ли смогли наконец-то познакомиться с армией, вверенной их заботам. Смотр проходил под музыку: 21 барабанщик и столько же флейтистов старались вовсю. У нескольких солдат были мушкеты, но большинство было вооружено чем попало: томагавками, кинжалами, привязанными к палкам...

Прежде всего Вашингтон осведомился, сколько этих людей. Никто не мог сказать наверняка: что-то около двадцати тысяч. Командующий велел их пересчитать. В регулярной армии это заняло бы несколько часов, в Бостоне на перепись солдат ушла неделя. Выяснилось, что их 16 тысяч человек, из них боеспособны менее четырнадцати тысяч. Больше полутора тысяч больны, еще полторы тысячи отсутствуют. Силы противника местные офицеры оценивали в 11 тысяч штыков (на самом деле их было едва ли семь тысяч).

Но дело даже не в цифрах. Главное — под началом у Вашингтона в основном оказалась зеленая молодежь, не нюхавшая пороху и не имевшая ни малейшего понятия о воинской дисциплине, а также, увы, и о личной гигиене. Бывшие крестьяне и ремесленники в любой момент были готовы уйти домой — проведать жену и детишек, помочь собрать урожай или провернуть какую-нибудь сделку (деньги-то на дороге не валяются). Они часто просили увольнительную, но могли уйти и без позволения. Они не привыкли к такой жизни, когда нужно подчиняться и делать то, что велят, даже если не видишь в этом большого смысла.

Вздыхнув, генерал отправился знакомиться с будущим театром военных действий.

Бостон вовсе не был крупным городом, скорее большим поселком. Вокруг, покуда хватало глаз, зеленели поля и луга с разбросанными тут и там живописными холмами, чьи склоны полого спускались к воде. Идиллическая картинка, жаль будет испортить ее боевыми действиями. Впрочем, вряд ли здесь всё окажется перепахано воронками от ядер и истоптано пехотой. Обозревая местность с возвышенности, Вашингтон начертил для себя грубый план. В Бостонскую гавань вдаются три полуострова: на севере — Чарлзтаун и Банкер-Хилл, на юге — Дорчестер, а посередине — сам Бостон, но с «большой землей» он соединен узким перешейком в полмили шириной, который англичане к тому же перегородили укреплениями. Ставка британского командования располагалась в здании Провинциального совета с большим восьмигранным куполом, увенчанным золотым флюгером в виде индейца, стреляющего из лука. Они практически загнали себя в бутылку и заткнули горлышко. Но британцы по-прежнему удерживали разрушенный Чарлзтаун и укрепления на Банкер-Хилле, что доставляло им преимущество. Дорчестер был еще выше, оттуда можно было обозревать всю гавань, но эти высоты еще никто не догадался занять и укрепить. В гавани стояли на якоре британские суда, в том числе три линейных корабля, по пятьдесят и более пушек, а справа от Дорчестера, на островке возле узкого прохода во внутренний порт, находился старый форт Касл Уильям (Замок Вильгельма), тоже занятый британцами.

Американская армия раскинулась укрепленным лагерем в форме большой дуги длиной в десять миль. Основные силы сосредоточились на севере, на Проспект-Хилле, остальные продвинулись вглубь материковой части, к поселку Кембридж на Чарлз-Ривер (на лугу поставили палатки, кроме того, пришлось занять под постой большую часть домов, а также кирпичные здания

Гарвардского колледжа) и к Роксбери, ближе к перешейку, где на еще одном высоком холме торчала башенка местного дома собраний.

Чернового наброска было мало, и Вашингтон получил девятнадцатилетнему лейтенанту Джону Трамблу, сыну губернатора Коннектикута, начертить несколько планов местности. Чтобы сделать схему британских укреплений на перешейке, юный картограф подполз по-пластунски в высокой траве практически к самому расположению противника. (Несмотря на то что Трамбл еще в детстве лишился глаза, он обладал выдающимися художественными способностями и впоследствии создал целую галерею портретов и батальных сцен.) Впечатленный точностью начерченной карты, Вашингтон сделал его своим адъютантом.

Расстояние между противоборствующими сторонами не превышало мили; английские часовые на Банкер-Хилле прохаживались на виду у американцев — хоть разговоры разговаривай, как с удивлением заметил Вашингтон Ричарду Генри Ли. («Такое впечатление, что главное занятие обеих армий — смотреть друг на друга в подзорную трубу», — писал лоялист Питер Оливер, бывший главный судья Массачусетса.)

Четвертого июля Конгресс официально включил ополчение в состав Континентальной армии. В своих первых приказах Вашингтон потребовал от волонтеров уяснить, что они теперь — солдаты Соединенных Провинций Северной Америки и обо всех местечковых различиях надо забыть.

В конце июля в лагерь прибыл отряд стрелков из Виргинии под командованием капитана Даниеля Моргана: они отмахали пешком 600 миль, чтобы сражаться за права колонистов. Ружья, которыми они были вооружены, были длиннее мушкетов и отличались большей точностью стрельбы, но требовали больше времени для перезарядки. Солдаты из Массачусетса, в

куртках свободного покроя и рыбацких штанах, потешались над виргинцами в бахромчатых льняных рубахах и легинсах, вооруженными томагавками. Поддерживать доброе согласие между северянами и южанами оказалось нелегким делом; генерал-адъютант Горацио Гейтс внес неоценимый вклад в «стандартизацию» армии, введя, в частности, систему учета и исполнения приказов.

Как и в Маунт-Верноне, генерал Вашингтон просыпался с петухами, приводил себя в порядок, садился в седло и — свежий, стройный, безупречно одетый, со шпагой на боку и серебряными шпорами на сапогах — отправлялся объезжать лагерь в сопровождении нескольких офицеров для поднятия духа солдат: уже в четыре утра тысячи людей копали траншеи. «Его без труда можно было отличить от других; он всегда выглядел благородно и величественно», — писал доктор Джеймс Тэчер. 25-летний Генри Нокс^[22], оставивший книготорговлю в Бостоне, чтобы стать артиллеристом, просто влюбился в главнокомандующего: «Генерал Вашингтон держится с большой непринужденностью и достоинством, распространяя вокруг себя ощущение счастья». Солдаты ему охотно повиновались, и местный капеллан был просто поражен, как быстро в лагере были наведены относительные порядок и дисциплина. Вашингтон же, хотя и не показывал виду, был крайне удручен тем, что видел вокруг себя, — неуправляемую крикливую толпу, — и просто не представлял, как можно воевать с такой ордой.

Ему, всегда державшему дистанцию с подчиненными, не нравилось, что ополченцы из Новой Англии избирают командиров. Те же вели себя с солдатами запанибрата, ели с ними из одного котла, даже собственноручно брили их. (Как вспоминал потом Джон Трамбл, «офицеры в целом были столь же

несведущи в военном деле, как и солдаты».) А разве существует боеспособная армия без субординации? Вашингтон приказал полевым офицерам носить на шляпах красные или розовые кокарды, капитанам — желтые или коричневые, унтер-офицерам — зеленые. Его огорчало, что часовые останавливали военачальников, потому что не узнавали. Сам он носил голубой шарф через плечо, майорам и бригадным генералам заказал розовые, адъютантам — зеленые. Солдат тоже требовалось одеть в некое подобие единой формы. Шерсть ввозили из Англии, поэтому теперь ее было не достать, и Вашингтон велел пошить десять тысяч льняных сорочек. Но и этого материала не хватало; пришлось смириться, что солдаты носят то, в чем пришли из дома. Некоторые вообще ходили полуголыми, порвав одежду во время сражения при Банкер-Хилле.

Единственное, в чем не было недостатка, — съестные припасы: солдаты каждый день ели свежую рыбу или мясо, лакомились моллюсками, яйцами и овощами, получали на десерт яблоки, персики и арбузы. Вашингтон строго-настрого запретил мародерство, обещав, что разорение садов и огородов будет сурово наказываться. И это были не пустые угрозы: одного солдата приговорили к тридцати девяти ударам по голой спине за кражу головки сыра.

Выгребные ямы источали такое зловоние, что солдат было уже невозможно заставить ими пользоваться, поэтому во время обхода лагеря было много шансов наткнуться на «ароматную» кучку. Памятуя о том, что эпидемии могут выкосить больше людей, чем вражеские пули, Вашингтон велел офицерам принять меры: оборудовать отхожие места, не позволять ловить рыбу в прудах во избежание инфекции. Летняя жара принесла новую волну «лагерной лихорадки» (общее название для дизентерии, сыпного и брюшного тифа). Матери и жены,

приезжавшие из близлежащих городов ухаживать за заболевшими сыновьями и мужьями, потом приносили заразу в родные места; вспышки инфекции происходили в одном новоанглийском городке за другим. Но заботливые жены были не у всех, а мужчины наотрез отказывались, например, стирать свою одежду, считая это «бабьим делом», предпочитая ходить в грязных рубахах, которые, согрев, разлезались на теле (у британцев стиркой занимались жены, маркитантки и проститутки, следовавшие за армией). В одежде кишели паразиты, а ведь вши и блохи разносили сыпной тиф. Сальмонелла, размножающаяся в грязной воде, вызывала брюшной тиф.

По случаю жары Вашингтон разрешил своим людям купания, но пришел в ужас, узнав, что они бегают голыми через Кембриджский мост, «по которому ходят прохожие и даже дамы из лучшего общества».

Проточной воды в лагере не было. И вообще он походил на что угодно, только не на военный городок. Вместо однообразных палаток здесь стояли самодельные хижины — из досок и парусины, некоторые — с каменными стенами, покрытыми торфом, другие — из кирпича, — третьи — из хвороста. Кое-где использовались плетеные, как корзинки, двери и окна. Исключение представляло собой расположение волонтеров из Род-Айленда под командованием Натанаэля Грина^[23]: здесь стройными рядами стояли палатки — в точности такие, как у англичан. В довершение картины, в военном лагере, больше похожем на цыганский табор, шатались пьяные (в среднем каждый выпивал по бутылке рома в день, и генералы в этом отношении не были исключением), и в воздухе висела брань.

Можно себе представить, что испытывал во время своих ежедневных обходов Вашингтон, не терпевший пьянства и сквернословия. Хотя он считал, что «польза

от умеренного употребления спиртного испытана всеми армиями и не вызывает сомнений», но всему должны быть границы! В письме брату Сэму Джордж признался, что его жизнь «соткана из раздражения и усталости».

Каждое утро после молитвы соответствующим полкам зачитывали новые приказы его превосходительства. Нарушителям грозило суровое наказание: их пороли, сажали на «деревянную кобылу»^[24] или с позором прогоняли из лагеря. Одного солдата выпороли за «нарушение порядка во время общественного богослужения», другого — за дезертирство. Еще один получил 20 розог за то, что поднял руку на офицера, другой — 30 за то, что обругал начальника. За пьянство полагалось несколько дюжин розог.

В середине июля Вашингтон перебрался на Брэттл-стрит, сделав своей ставкой трехэтажный дом Джона Вассалла, богатого тори, бежавшего в осажденный Бостон под защиту британских штыков. Все его рабы остались в доме и прониклись духом свободы. Обходя свою новую резиденцию, Вашингтон наткнулся на негритенка Дарби Вассалла, раскачивавшегося на калитке. Генерал дружески предложил взять его на службу, но Дарби тут же спросил, какое жалованье он ему положит. Жалованье рабу? Вашингтон пошел своей дорогой. А Дарби потом всем рассказывал, что генерал «не тот человек, чтобы заставлять мальчишку работать даром».

Разумеется, Вашингтон знал, что даром ничего не достается. Первая крупная сумма, внесенная в его гроссбух, — 333,33 доллара — пошла на плату лазутчику, отправленному в Бостон «для сбора сведений о передвижениях и планах неприятеля». (Он бы и саперам заплатил не меньше, да только их не было.) Ставка главнокомандующего находилась в постоянном напряжении, ожидая возможной атаки британцев.

Засыпали и просыпались с мыслью о том, что не сегодня завтра произойдет некое важное событие.

Вашингтона очень заботило, что его оборонительные укрепления сильно растянуты — их будет нелегко защищать. Но в довершение всех бед оказалось, что защищать их практически нечем! Сразу по приезде ему сказали, что на складе 308 бочонков пороха, и вот теперь бригадный генерал Джон Салливан «обрадовал» главнокомандующего, сообщив, что на самом деле бочонков всего 36, то есть каждый солдат сможет выстрелить не больше девяти раз. Эта новость просто ошеломила Вашингтона: он молчал с полчаса, не в силах вымолвить ни слова.

Главное — не подавать виду, что всё плохо. На людях генерал по-прежнему олицетворял собой спокойствие и уверенность и лишь в частных разговорах с теми, кому безгранично доверял, мог позволить себе «выпустить пар».

Нехватка пороха была секретом, которым Вашингтон поделился только со спикером массачусетской палаты представителей, скрыв его от депутатского корпуса. Он велел распускать слухи о том, что в его распоряжении имеется 1800 бочонков пороха (шпионы были повсюду). Между тем виргинские стрелки бездумно тратили драгоценные боеприпасы, паля дни напролет безо всякой цели. Вашингтон издал суровый приказ о недопустимости стрельбы в лагере, умолчав, однако, о его причине. Цепляясь за последнюю надежду, он одобрил план Род-Айленда отправить корабли в Карибское море, чтобы захватить пороховой склад на Бермудских островах: отчаянные предприятия часто приводят к успеху вследствие своей неожиданности. Однако оказалось, что генерал Гейдж из предосторожности уже вывез порох с Бермуд.

Конечно, Вашингтона это не обрадовало, но он просто пришел в ярость, когда узнал, что американские

офицеры, захваченные в плен при Банкер-Хилле, брошены в тюрьму вместе с уголовниками. Он написал письмо Гейджу, требуя отнестись с должным уважением к боевым ранам и офицерскому рангу, пригрозив в противном случае отыгаться на британских пленных. Два дня спустя пришел ответ: Гейдж признаёт только чины, пожалованные Его Величеством, и не различает американских пленных по рангу. Британский генерал свысока выговаривал зарвавшегося американскому выскочке, ничего не смыслящему в политике. На следующий день Вашингтон позволил пленным британским офицерам свободно перемещаться по городу, если они дадут слово, что не попытаются бежать. Уведомив Гейджа в очередном послании, что к англичанам относятся с «мягкостью, как и положено между гражданами и братьями», он высказался начистоту:

«Вы заявляете, сэр, что не признаёте чинов иного происхождения, чем Ваш собственный. Я же не представляю себе более почетного звания, чем то, что порождено неподкупным выбором храброго и свободного народа — чистейшего источника и первопричины всей власти... На сем я прекращаю с Вами всякую переписку, возможно, навсегда. Если Ваши офицеры, наши пленники, встречают с моей стороны иное обращение, нежели то, какое я желал бы проявить к ним, и они, и Вы будете помнить о том, что было тому причиной».

Пока же Вашингтон бился как рыба об лед, пытаюсь справиться с «храбрым и свободным народом». «Я думаю, что солдаты сражались бы очень хорошо (если бы имели хороших командиров), однако это невероятно грязные и неприятные люди», — писал он кузену Лунду. Эти наследники пуритан — жадные, самодовольные лицемеры, поклоняющиеся только деньгам. Кроме того, низшие классы крайне глупы, а новоанглийские солдаты

настолько беспечны, что не почувствуют опасности, «пока вражеский штык не воткнется им в грудь», сокрушался генерал в письме Ричарду Генри Ли.

Его тревога не была беспочвенной. На последней неделе июля в Лондон дошла весть о сражении при Банкер-Хилле. «Отступить нельзя, — заявил король лорду Норту. — Я знаю, что исполняю свой долг, и потому никогда не пойду на попятную». Норт предложил считать происходящее в Америке уже не бунтом, а «иноземной войной», а на войне, как известно, все средства хороши.

На срочном заседании Кабинета 26 июля было принято решение незамедлительно направить в Бостон подкрепление — две тысячи солдат, а к следующей весне снарядить для отправки в Америку армию в 20 тысяч человек.

Пока же ничего существенного не происходило: обозревая расположение врага в подзорную трубу из красного дерева с латунной отделкой, которую подавал ему Билли Ли, достав из кожаного футляра, Вашингтон мог различить лишь признаки отчаяния, практически равного тому, какое испытывал он сам. Деревянные дома в Бостоне разбирали на дрова, составляя заодно склады горючих веществ на случай атаки американцев. Но те атаковать не могли — нечем было. В то время как британцы, без всякой, впрочем, пользы, обстреливали лагерь патриотов из орудий (иногда в воздухе разом проносилось от двух до шести снарядов, похожих на падающие звезды), те не могли ответить: берегли порох. «Было бы неосторожно с моей стороны принять меры, которые неизбежно привели бы к израсходованию всех боеприпасов и тем самым предоставили бы армию на милость неприятеля», — писал Вашингтон Ричарду Генри Ли. Он сам, такой энергичный и не привыкший терять время попусту, больше всех томился от вынужденного бездействия. Его тяготило и сознание

того, что от главнокомандующего ждут решительных шагов и быстрой победы; возможно, многие уже разочарованы (Вашингтон всегда придавал большое значение тому, что о нем думают другие). Но иначе поступить было нельзя.

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, раз в неделю Вашингтон писал длинное письмо Лунду в Маунт-Вернон, желая знать всё до мельчайших подробностей: каков урожай, что где посадили, не повалился ли где забор, как продвигаются дела с приобретением земель и перестройкой дома. Всё еще надеясь вернуться домой к зиме, он торопил с сооружением нового камина. До него дошли слухи о том, что лорд Данмор замыслил похитить Марту, дабы отомстить ее мятежному супругу. Отметая эти планы, как недостойные дворянина и мужчины, Джордж всё же советовал Лунду в случае необходимости вывезти Марту и его личные бумаги в Александрию. Марта то гостила у Джеки и Нелли в Мэриленде, то жила у своей сестры Анны Марии в графстве Нью-Кент. Джордж и ей писал каждую неделю, но многие письма приходили распечатанными «мерзавцами-почтмейстерами», а некоторые вообще терялись по дороге. Это побудило Вашингтона быть осторожнее и не верить все мысли бумаге.

На бостонском фронте было без перемен, но в Канаде события развивались более стремительно. Во второй половине августа Скайлер созвал в Олбани совещание, на котором присутствовали около четырехсот индейцев, в основном онейда и тускарора да несколько могавков. Им объяснили причины, из-за которых колонии, борющиеся за свои права, вступили в противоборство с Великобританией, и попросили не вмешиваться, «зарыв поглубже топор войны». Один из вождей могавков сказал, что это «семейные дела» белых, а «мы посидим и подождем... пока вы перебьете

друг друга». Однако вскоре стало известно, что губернатор Карлтон укрепляет позиции под Монреалем, а некоторые индейские племена перешли на его сторону. Кроме того, корабли, строившиеся в форте Сен-Жан, уже почти готовы. В отсутствие Скайлера генерал Ричард Монтгомери по своей инициативе возглавил отряд из 1200 человек, собранный у Тикондероги, и повел его против британцев. Скайлер догнал их уже в пути и обратился за помощью к канадцу Джеймсу Ливингстону, прося его собрать ополчение. Во время первой стычки у форта Сен-Жан американцам противостояли в основном ирокезы, но, не получив поддержки от англичан, они вышли из игры, тем более что вожди онейда, присутствовавшие в Олбани, растолковали им условия соглашения.

К тому времени Скайлер серьезно заболел и передал командование Монтгомери, к которому подошли еще отряды из Коннектикута, Нью-Хэмпшира и Нью-Йорка. Он осадил форт Сен-Жан, отрезав его от сообщения с Монреалем и перехватывая грузы, которые пытались туда доставить.

Еще один подчиненный Скайлера, полковник Бенедикт Арнольд^[25] из Коннектикута, отстраненный от командования, но горевший желанием покрыть себя славой, явился к Вашингтону и изложил ему свою идею вторгнуться в Канаду с востока и захватить Квебек. Изнывавший от бездействия Вашингтон план одобрил и предоставил Арнольду 1100 человек, разбив их на мелкие отряды (операция-то секретная!), которые должны были добраться до цели по рекам и лесам.

Между тем лето клонилось к концу, а зимовать полуголым солдатам под Бостоном без деревянных домов, без дров, без одеял было невозможно. Да еще и местные фермеры стали заламывать немыслимые цены за продукты; Вашингтон негодовал из-за такого отсутствия патриотизма. 10 сентября произошли

волнения среди пенсильванских стрелков — тревожный звоночек для главнокомандующего. Срок контракта с солдатами из Коннектикута и Род-Айленда истекал 1 января, и тогда армия могла рассыпаться: платить ей было нечем, а без денег воевать никто не хотел. Не ополченцев же, прости господи, необстрелянных и только-только оторванных от материнской юбки, бросать на регулярные британские войска — лучше всех обученные и вооруженные в мире!

На военном совете 11 сентября 1775 года Вашингтон представил свой дерзкий план атаки с моря на плоскодонках: дело, конечно, рискованное, но эффект неожиданности может сработать. Восемь генералов, присутствовавших на совете, план забраковали: стоит чуть замешкаться — начнется отлив, и тогда наших солдат попросту перестреляют, как куропаток. Вашингтон пустил в ход свой дар убеждения, но его не желали слушать, даже генерал Гейтс не хотел рисковать. Атаку на Бостон было решено отложить до лучших времен.

В конце месяца лагерь патриотов бурлил, узнав невероятную новость: доктор Бенджамин Черч, возглавлявший госпиталь в Кембридже, оказался британским шпионом! А ведь казалось, такой достойный человек, член Провинциального конгресса, поэт, однокашник Джона Хэнкока по Гарварду! Он даже входил в депутацию, которая встречала Вашингтона в день его приезда...

Всё обнаружилось случайно: в руки одного из друзей Натанаэля Грина попало загадочное зашифрованное письмо, находившееся у дамочки сомнительного поведения; друг передал письмо Грину, тот — Вашингтону. Женщину задержали, она призналась, что водится с Черчем и письмо ей дал он. Письмо расшифровали, Черча уличили, судили и приговорили к тюрьме, хотя он и настаивал на своей невиновности. Его

отправили в Вест-Индию, но корабль пропал где-то в океане. Вся Новая Англия и Конгресс в Филадельфии не могли прийти в себя: сколько еще таких Черчей по-прежнему находятся среди нас?..

В октябре к Вашингтону явилась депутация из трех членов Конгресса во главе с Бенджамином Франклином обсудить военные планы. Главнокомандующий настаивал на создании профессиональной армии вместо ненадежных волонтеров, которые сегодня здесь, а завтра их ищи-свищи, и требовал 20 тысяч солдат, да чтобы контракт с ними заключали не меньше чем на год. Сейчас или никогда: весной к британцам прибудет подкрепление. После того как генерала Томаса Гейджа, собственными подчиненными прозванного «неумехой», заменили генерал-майором Уильямом Хоу, стало ясно, что всякую надежду примириться с Лондоном пора забыть. 18 октября Вашингтон созвал новый военный совет и сообщил, что Конгресс настаивает на атаке Бостона (но при условии, что город не будет разрушен). Только Натанаэль Грин воспринял эту новость с энтузиазмом, но и он считал, что успех возможен лишь в том случае, если удастся благополучно переправить к Бостону не менее десяти тысяч солдат. «Им не хватает смелости, чтобы напасть на нас, а нам не хватает пороха, чтобы напасть на них, потому-то никто и не атакует», — резюмировал Джеймс Уоррен.

Вашингтон понял, что к зиме он в Маунт-Вернон не вернется, и написал Марте письмо с просьбой приехать к нему в Кембридж. Хотя он и очень соскучился, он честно описал все трудности, с которыми придется столкнуться в пути, и предложил ей самой решить, состоится ли поездка.

Двадцать четвертого октября лагерь облетело известие, что в Фалмут (Массачусетс) прибыли четыре британских корабля; англичане велели жителям убираться, после чего сожгли больше трехсот домов.

Вашингтон был потрясен такой бессмысленной жестокостью. Генеральный совет Массачусетса издал закон, позволивший американским каперам (владельцам кораблей, уполномоченных властями перехватывать торговые суда враждебных держав) патрулировать вдоль берегов. Тогда же в Филадельфию из Англии вернулось торговое судно «Черный принц», на борту которого находились частные письма делегатам Континентального конгресса. В них говорилось, что британское правительство посылает в Америку два корабля с оружием и порохом. Конгресс решил, что Вашингтону этот груз нужен больше, чем английским войскам, и дал согласие на то, чтобы вооружить четыре торговых судна, позволив каперам оставлять себе треть груза, захваченного у британцев. Фрегат «Черный принц» переделали в военный корабль и назвали «Альфред». Вашингтон боялся, что каперы превратятся в бесчестных пиратов, и наставлял капитана первой шхуны, оснащенной для боевых действий, чтобы с пленными обращались как можно гуманнее.

Для ведения боев сколотили пять рот морской пехоты. Некоторые из пехотинцев, всходивших на корабли в Филадельфии, несли с собой желтые барабаны с изображением свернувшейся гремучей змеи и с девизом «Не наступи на меня».

Пятого ноября бостонцы готовились, по традиции, широко отметить День папы. Обычно в этот день молодежь устраивала шествия по городу с чучелами дьявола, папы римского и нынешних «врагов народа», а с наступлением ночи Юг и Север сходились стенка на стенку, чтобы отбить друг у друга чучела, которые затем весело сжигали на большом костре. Представив себе, что жители Канады могут оскорбиться подобным действием, Вашингтон строго-настрога запретил своим подчиненным участвовать в празднике: «Узнав о намерении соблюсти нелепый и ребяческий обычай

сжигать изображение папы, главнокомандующий не смог не выразить удивления от того, что в сей армии находятся офицеры и солдаты, настолько лишенные здравого смысла, чтобы не понимать неуместности подобного шага во время Союза, во время, когда мы искали и получили дружбу и союз с народом Канады, который должны считать нашими братьями, сражающимися за то же дело — защиту свобод Америки. При таких обстоятельствах оскорблять их религию настолько чудовищно, что этому нет оправдания и прощения; наш долг — вместо нанесения им такого оскорбления публично поблагодарить наших братьев, коим мы обязаны всеми недавними победами над нашим общим врагом в Канаде».

Праздник в Бостоне всё-таки состоялся, но уже через год эта традиция сошла на нет.

В Канаде же Карлтону не удалось снять осаду форта Сен-Жан, который в конце концов сложил оружие 3 ноября. Поняв, что Монреаль ему тоже не удержать, губернатор сдал его десять дней спустя, чудом успев бежать из города, переодевшись в простое платье, и направился в Квебек.

Однако британцы прекращать войну не собирались. 7 ноября лорд Данмор объявил, что рабы или законтрактованные рабочие, сбежавшие от своих господ-мятежников, могут вступить в Королевский эфиопский полк и завоевать себе свободу. Под знамена этого полка явились 800 рабов, облачившись в британские мундиры с вышитым на них девизом «Свободу рабам». Впрочем, глотнув свободы, многие из них умерли от оспы на кораблях, курсировавших по рекам Виргинии.

Сообщая кузену об этой прокламации, Лунд Вашингтон уверял, что если законтрактованные рабочие в Маунт-Верноне еще могут поддасться искушению и сбежать, то за рабов он спокоен. К тому времени

Джордж уже на дух не выносил губернатора, которому некогда слал почтительные письма; по его словам, если тому уготована одна из наших пуль, мир с радостью избавится от чудовища. Сам он в своих приказах категорически запрещал вербовать в армию «британских дезертиров, негров, мальчиков, не способных носить оружие, и стариков».

В это же время к генералу явился Генри Нокс с очередным безумным планом: переправить в Бостон орудия, брошенные британцами в Тикондероге. Вашингтон воодушевился и дал добро, назначив Нокса руководителем этой экспедиции. 16 ноября Нокс выступил в путь вместе со своим девятнадцатилетним братом Уильямом, получив строгий наказ от Вашингтона потратить не больше тысячи долларов. «Не бойся, — написал он жене, — боев не будет. Я еду по делу».

В тот же день Марта Вашингтон, наконец-то собравшись с духом, упаковала сундуки, велела загрузить их в карету и отправилась к мужу в сопровождении Джеки и Нелли, племянника Джорджа Льюиса и Элизабет Гейтс, жены генерала Горацио Гейтса. К их услугам были также пять рабов в ливрее Маунт-Вернона. Дорога была ужасная, карету подбрасывало и кидало в разные стороны на рытвинах и кочках из замерзшей грязи, а путь предстоял долгий — 600 миль! Скромная супруга плантатора, предпочитавшая держаться в тени, очень скоро заметила перемену в своем положении. На подъезде к Филадельфии ее встретил военный эскорт, сопроводивший ее через весь город «с большой помпой, как будто я некая важная особа». Когда она добралась до Ньюарка, ударили в колокола, а в Элизабеттауне позади ее кареты трусил отряд легкой кавалерии. Однако настоящим испытанием была необходимость то и дело переправляться через водные преграды на пароме, а Марта так боялась воды! И всё же она приняла

решение «быть бодрой и веселой, в каком бы положении я ни была».

Первый снег выпал 21 ноября — и не растаял. Задувал ветер, пронизывающий и студёный, как в январе. На море начались штормы, нарушая снабжение осажденного Бостона. Английские солдаты голодали и были готовы дезертировать при первой возможности. Часовые, замерзавшие на посту на Банкер-Хилле, с завистью ловили звуки музыки, доносившиеся из города, где устраивались балы и любительские спектакли. Простые люди умирали от цинги, к тому же началась эпидемия оспы. Но и с американской стороны были перебежчики, сообщавшие британцам, что армия Вашингтона измучена, мерзнет и сидит без гроша. В ней как никогда сильны разброд и шатание, а единства как не было, так и нет.

Однажды моряки из Марблхеда (Массачусетс) начали бросаться снежками в виргинцев. Очень скоро шуточная битва переросла в настоящую: люди выбивали друг другу зубы, выдавливали глаза, кусались... На помощь к сотне «бойцов» примчались их товарищи, и уже через пять минут около тысячи человек дрались стенка на стенку. В этот момент появился генерал Вашингтон, совершавший дежурный объезд лагеря в сопровождении Билли Ли. Увидев эту безобразную сцену, он спрыгнул с седла, бросил поводья слуге и ринулся в самую гущу сражения. Там он схватил двух рослых, загорелых, диковатого вида стрелков за глотку и так держал мертвой хваткой на расстоянии вытянутой руки, попеременно встряхивая то одного, то другого. Увидев генерала в такой позе, драчуны разбежались в мгновение ока, словно цыплята при виде коршуна. Через четверть часа на поле битвы оставались только Вашингтон и два захваченных им преступника. Кровапролития и военного трибунала удалось избежать.

За этой картиной восхищенно наблюдал десятилетний Израэль Траск, записавшийся в солдаты вместе со своим отцом. В его глазах главнокомандующий был просто сверхчеловеком.

Двадцать пятого ноября британцы выслали из Бостона несколько лодок с больными, оборванными и голодными бедняками, высадив около трехсот мужчин, женщин и детей на берег неподалеку от Кембриджа на милость мятежников. Генерал Хоу расчищал место для ожидаемого подкрепления. За этой партией последовала еще одна, в 150 человек, больных оспой, и Вашингтон решил, что неприятель пускает в ход «биологическое оружие». Больным он послал «гуманитарную помощь», но принял меры для их строгой изоляции от своих войск. Солдат Континентальной армии в срочном порядке прививали от оспы.

Срок контракта войск из Коннектикута истекал 9 декабря, и солдаты считали дни до возвращения домой. Из одиннадцати полков, то есть примерно десяти тысяч человек, остаться согласились менее тысячи. Вашингтон писал Конгрессу о том, что безвозмездная любовь к родине — неважный стимул, лучше выдать солдатам жалованье за несколько месяцев вперед. Но денег ему так и не прислали. К концу ноября его армия насчитывала 2540 солдат. «Если бы я знал, что мне придется испытать, никакие доводы на свете не заставили бы меня принять командование», — признавался Вашингтон в письме Джозефу Риду.

На следующий день его ждало небольшое утешение: каперская шхуна «Ли» под командованием капитана Джона Мэнли захватила вражеский бриг «Нэнси» с военным грузом: две с половиной тысячи пушек, мортир, кремневых ружей, 40 тонн ядер, две тысячи штыков... но ни грамма пороха. Всё равно это был первый успех «флота Джорджа Вашингтона», и генерал возблагодарил Провидение за милость.

Между тем Бенедикт Арнольд повел свой отряд к Квебеку через непроходимую чащу, под проливным дождем, из-за которого невинные ручейки превращались в бурные потоки, обрушивающиеся со скал шумными водопадами. Местность, которую предстояло пересечь, была покрыта сплошной сетью озер и рек. В лодках открывались течи, подмоченный порох никуда не годился, провизию уносило водой, неопытные гребцы не могли справиться с каноэ на быстрой воде. Четверть отряда повернула назад; оставшиеся мучились от голода: ели свечи и мыло, варили и грызли кожаные мокасины; около двух сотен человек умерли от лишений. Когда они добрались до Квебека, дерзкий Арнольд послал в город парламентаря с требованием капитуляции, но над ним только посмеялись: какую угрозу для укрепленного города могли представлять 600 голодных и невооруженных солдат? Оставалось ждать Монтгомери, который 2 декабря пришел из Монреаля с пятью сотнями бойцов, предусмотрительно захватив с собой провиант и теплую одежду, конфискованную у британцев.

Одиннадцатого декабря Марта Вашингтон, наконец, прибыла в Кембридж; супруги не виделись с мая. Вероятно, грязные и оборванные солдаты в лагере, продуваемом всеми ветрами, не поверили своим глазам, увидев роскошную карету с черным лакеем в ливрее на запятках. Экипаж остановился перед домом Вассалла. «Леди Вашингтон» вошла туда — и сразу окунулась в атмосферу деловой суеты. В этом доме главнокомандующий проводил военные советы, разрабатывал стратегию, вел огромную переписку с Конгрессом, которая приковывала его к письменному столу, порой даже отрывая от основных обязанностей, а также принимал местных политиков и их жен. Адъютанты жили тут же, по несколько человек в одной комнате. За офицерами ухаживали больше десятка слуг,

по большей части рабы. В свиту генерала входили также дворецкий, два повара (один из них француз), поваренок, посудомойка и личный портной (Гил Александер); состоявшая при нем швея Маргарет Томас закрутила роман с Билли Ли. Это сильно раздражало Вашингтона, который хотел было прогнать ее с глаз долой, но уступил просьбам верного слуги, считавшего ее своей женой, и оставил в доме, да еще и платил ей жалованье.

В этом бедламе Джорджу и Марте редко удавалось побыть наедине. Для обозначения «личного пространства» Вашингтон заказал к приезду супруги кровать с пологом на четырех столбиках — вот и всё. В остальном они были «на военном положении», к тому же англичане по-прежнему обстреливали позиции американцев из орудий, и бедная Марта вздрагивала при каждом выстреле. А вот Джордж с приездом супруги заметно расслабился. «Миссис Вашингтон очень любит генерала, а он — ее, — сообщил Натанаэль Грин жене. — Они счастливы вместе». Джеки же иногда исполнял обязанности нарочного.

Марта прекрасно помнила свои юные годы, когда она еще не была богатой помещицей. Ей было не привыкать к суровому быту; едва устроившись, она тут же достала спицы и принялась вязать теплые чулки для солдат. Вскоре после приезда ее пригласили на костюмированный бал в местную таверну; тотчас четыре представителя местных радикалов явились к ней и попросили не ходить на это сборище, совершенно неуместное в военное время. Марта с ними согласилась, и бал отменили.

С ее появлением временное пристанище Вашингтона наконец-то стало домом. Вашингтон даже рапорты принимал в присутствии жены, а когда к нему по утрам являлись офицеры с докладом, Марта угощала их апельсинами и вином. К обеду заказывали мясо —

говядину, баранину, жареную свинину; диких гусей и уток, черепах или свежую рыбу, которую Вашингтон особенно любил, сливы, персики, сидр, бренди и ром (но главнокомандующий баловал себя мадерой); лаймы покупали сотнями для защиты от цинги. Обеды теперь тоже проходили в атмосфере уюта и доверительного общения, в узком кругу близких друзей. Вашингтон особенно благоволил хорошенькой, кокетливой и остроумной брюнетке Кэти Грин, которую Нокс считал вертихвосткой, но Марта тоже ее любила. (В феврале 1776 года Кэти разрешилась от бремени мальчиком, которому дали имя Джордж Вашингтон Грин. Другие молодые родители, чета Андерсон, назвали своих близнецов Джорджем и Мартой.) Однажды миссис Вашингтон даже удостоилась чести принимать у себя Мёрси Отис Уоррен — писательницу, кропавшую стихи, пьесы и рассказы, — которая специально приехала в Кембридж познакомиться с ней. Даже этот «синий чулок» был очарован сердечностью и теплотой, исходившими от Марты; между дамами завязалась переписка (правда, вместо малограмотной Марты ответы писал ее муж или его секретарь).

Тогда же, в середине декабря, Вашингтону попало на глаза письмо, присланное еще в конце октября. Его автором была Филлис Уитли — 22-летняя чернокожая рабыня, захваченная в Африке шести лет от роду и купленная бостонским портным Джоном Уитли для своей жены. Хозяева разглядели в негритянской девочке одаренную натуру, дали ей образование и сделали членом семьи. В 1773 году в Лондоне вышел ее поэтический сборник «Стихи на разные темы, относящиеся к религии и морали». Вашингтону она тоже прислала стихи:

Великий вождь! Добром вооружись,
Во всех делах на Бога положишься.

Чертог, корона, золоченый трон
Навек твоими будут, Вашингтон!

Вряд ли эти стихи повлияли на перемену отношения Вашингтона к неграм; скорее всего, у него не оставалось иного выхода. В письме Хэнкоку он заявил, что не возражает против службы в Континентальной армии чернокожих солдат, которые иначе могли бы примкнуть к правительственным войскам. К тому же он был вынужден признать, что в качестве солдат они вполне на уровне. Две недели спустя Конгресс разрешил вербовать чернокожих.

На Рождество 1775 года землю сковал мороз до 20 градусов, а сугробы достигали фута в высоту. Часовых приходилось менять каждый час. Все деревья в окрестностях лагеря были вырублены, все заборы сожжены, и еду приходилось есть сырой. (В Бостоне дела обстояли не лучше: даже «дерево свободы» — старый вяз на углу улиц Эссекс и Оранж — спилили на дрова; вышло 1792 кубических фута. Генерал Хоу распорядился разобрать Старую Северную церковь — она пошла на топливо вместе со старыми сараями и остовами кораблей.) Солдаты массово сбегали домой, строить укрепления было некому.

К войскам, выстроенным в каре, обратился генерал Ли: «Люди, я не знаю, как вас называть, вы самые худшие из всех существ», — и понес их по кочкам... После него выступил Вашингтон в своей обычной сдержанно-торжественной манере и воззвал к чести уроженцев Новой Англии: «Если какое-нибудь несчастье произойдет прежде, чем новая армия войдет в силу, они навлекут не только вечное проклятие на себя как на солдат, но и неизбежное разорение на свою страну и свои семьи».

За два дня до Нового года в порт вошли несколько британских кораблей — по всей видимости, доставивших подкрепление. На следующий день истекал срок контрактов. В американском лагере царили смятение и суматоха.

Тем временем Вашингтон узнал о том, что Арнольд добрался-таки до Квебека, и написал Скайлеру восторженное письмо, восхвалявшее полковника: «Заслуги сего джентльмена настолько велики, что я желаю от всего сердца, чтобы Фортуна сделала его одним из своих любимцев». Он совершенно не сомневался, что Монтгомери и Арнольд захватят Квебек, и даже просил прислать оттуда одеяла, теплые вещи и боеприпасы (от Нокса не было ни слуху ни духу).

В понедельник 1 января 1776 года из Бостона в лагерь патриотов перебросили копии речи короля Георга III на открытии парламента в октябре, доставленные кораблями. Борцы за равенство, мнящие себя такими же британскими подданными, как и жители Англии, объявлялись в ней мятежниками и изменниками, а намек на обращение за помощью к иноземным державам отнимал всякую надежду на примирение или быстрое завершение войны.

Речь короля вызвала всеобщее возмущение, солдаты сжигали эти листки. «Если ничто не может удовлетворить тирана и его дьявольское правительство, — писал Вашингтон Джозефу Риду, — мы полны решимости порвать все связи со столь несправедливым и жестоким государством. Вот что бы я сказал им в неприкрытой форме, чтобы слова мои были ясны, как солнце, пылающее в зените».

В то время как старые солдаты сотнями уходили «прямо в пасть к врагу», в Кембридж прибывали новые — 9650 человек, в половину меньше того количества, на которое рассчитывал Конгресс. В общем приказе по армии Вашингтон объявил: «Этот день положил начало

новой армии, которая во всех смыслах является полностью континентальной... Его превосходительство надеется, что важность великого дела, которое мы начали, произведет сильное впечатление на все умы». Всё, что «дорого и ценно свободным людям», было поставлено на карту. Чтобы вступить в новый год без старых обид, Вашингтон простил всех провинившихся из прежней армии. Под звуки салюта из тринадцати залпов он поднял в честь рождения новой армии новый флаг — из тринадцати красных и белых полос, с британской эмблемой (георгиевский и андреевский кресты) в верхнем левом углу. Британцы в Бостоне поначалу сочли это знаком капитуляции.

СПАСИТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВА

В первый день 1776 года британский флот под командованием лорда Данмора семь часов бомбардировал Норфолк, самый густонаселенный и процветающий город Виргинии, обратив его в дымящиеся руины. Это злодеяние уничтожило последние следы англофильства, еще сохранявшиеся у Вашингтона. Он высказал надежду, что бойня в Норфолке сплотит американцев в борьбе «против нации, утратившей всякое понятие о добродетели, равно как и чувства, отличающие цивилизованный народ от дикарей».

Десять дней спустя был опубликован памфлет Томаса Пейна «Здравый смысл», наконец-то сформулировавший цель этой войны: независимость. 38-летний Пейн не преуспел в торговле и два года тому назад приехал из Англии в Филадельфию с рекомендательным письмом от Бенджамина Франклина, чтобы посвятить себя журналистике: у него было бойкое перо. В то время как многие колонисты еще тешили себя сказками о том, что Георг III — «отец народа», вводимый в заблуждение происками злых министров, Пейн развенчал эти иллюзии, выставив монарха «августейшим скотом Великобритании». В течение трех месяцев подрывной памфлет разошелся тиражом в 150 тысяч экземпляров (всё население американских колоний составляло три миллиона человек). Генерал Ли в письме Вашингтону назвал сочинение Пейна «мастерски сработанным и неопровержимым», заявив, что теперь он горой стоит за независимость. Филдинг Льюис сообщал шурина из Виргинии, что «большинство читавших памфлет „Здравый смысл“ считают его неоспоримым», а в обществе ширятся разговоры о независимости. «Еще

немного подобных пылких аргументов, как в Фалмуте и Норфолке, — писал уже сам Вашингтон Джозефу Риду, — вкупе с ясно изложенной доктриной и неопровержимыми доводами, содержащимися в „Здравом смысле“, и большинство перестанет сомневаться в уместности отделения». Наконец, Пейн сделался всеобщим любимцем в войсках, отдав свой гонорар за этот памфлет на приобретение шерстяных рукавиц для мерзнущих солдат.

Неприятель тоже придавал большое значение литературе и искусству для поднятия боевого духа. Фэнл-холл на Рыночной площади Бостона, где когда-то собирались патриотично настроенные горожане, превратили в городской театр и ставили там Шекспира и фарсы генерала Бургойна, открывшего в себе талант сатирика. В одном из них главную роль сыграла Салли Флаккер, свояченица Генри Нокса. Вечером 8 января Фэнл-холл наполнился офицерами в военной форме и их женами. Должна была состояться премьера сезона — музыкальный фарс, сочиненный Джоном Бургойном, под названием «Блокада». Занавес поднялся — и зал грохнул хохотом: по сцене ковыляла нелепая фигура в непомерно большом парике, волочившая за собой ржавую шпагу, — так автор изобразил Джорджа Вашингтона. Но в это самое время солдаты из Коннектикута под командованием майора Томаса Ноултона неожиданно атаковали Чарлзтаун, а англичане ответили пушечными залпами. Зрители в зале приняли это за «шум за сценой», и тут еще один комический персонаж, сержант-янки в одежде крестьянина, выскочил на сцену, крича, что мятежники «вцепились в Чарлзтаун». Публика громко зааплодировала, однако вскоре поняла свою ошибку, началась суматоха. Офицеры помчались на свои посты, некоторые пробирались прямо через оркестровую яму, топча скрипки; те, что были заняты в постановке, просили

воды, чтобы смыть грим; женщины падали в обморок; генерал Хоу кричал: «Все на улицу!» Разумеется, атака была отбита.

В тот же день Вашингтон отправил генерала Ли в Нью-Йорк, чтобы обеспечить оборону этого города. Через неделю по приказу из Лондона генерал Клинтон с небольшой эскадрой отплыл на юг — подыскать удобные позиции в Каролине и, соединившись с местными шотландскими лоялистами и корпусом, посланным из Ирландии, нанести удар по мятежникам. Британский гарнизон в Бостоне сократился на полторы тысячи солдат. Вот тут бы и штурмовать город — но как? Чем?

Чтобы обезопасить себя хотя бы с одной стороны, Вашингтон провел переговоры с индейскими вождями. Лагерь тогда навестил Джон Адамс, и Вашингтон представил его своим собеседникам как члена «Большого костра совета из Филадельфии». Но «Большой костер» мог помочь ему только советом.

Ночью 14 января, когда все вокруг спали, Вашингтон, не могший сомкнуть глаз от тревоги, писал длинное и отчаянное письмо Джозефу Риду. Пороха мало, денег нет совсем, солдаты уходят, не повинуюсь приказам и унося с собой казенные мушкеты; просто чудо, что британцы не пытаются напасть. «Я часто думал о том, насколько счастливее был бы, если бы вместо того, чтобы принять командование в таких условиях, взвалил на плечо мушкет и поступил рядовым или, если бы только мог оправдать такой шаг перед потомством и собственной совестью, вернулся в леса и жил в вигваме. Если я окажусь способен превозмочь всё это и многие другие сложности, которые еще возникнут, я свято поверю в то, что в этом перст Провидения, это он ослепил наших врагов».

Но на Бога надейся, а сам не плошай. Два дня спустя Вашингтон созвал военный совет, чтобы представить план «дерзкого и решительного штурма Бостона».

Скептически настроенные генералы единогласно его отвергли: из-за нехватки пороха невозможно провести артиллерийскую подготовку, способную смешать ряды неприятеля; к тому же они считали, что Вашингтон завышает собственные силы и занижает численность войск противника.

Вечером 17 января возле ставки Вашингтона тяжело спрыгнул с коня измученный гонец от генерала Скайлера, доставивший самые плохие новости за последний период: американцы потерпели жестокое поражение под Квебеком, неопытные войска бежали, охваченные паникой; генерал Монтгомери погиб, а Бенедикт Арнольд, произведенный в бригадные генералы, ранен в ногу мушкетной пулей. Сколько еще ранено, убито, взято в плен — бог весть; срочно нужна помощь. В очередной раз Вашингтон почувствовал, что все взгляды с тревогой устремлены на него и от него одного чего-то ждут.

Какой Квебек? Они Бостон взять не могут!

По счастью, уже через день в лагере патриотов раздался громopodobный голос Генри Нокса, вернувшегося с победой после двух месяцев отсутствия. Ему удалось-таки доставить тяжелую артиллерию из форта Тикондерога — за три сотни миль! Почти 60 мортир и пушек, весивших примерно 120 тысяч фунтов, привезли на сорока двух гигантских санях.

Это была целая эпопея. В Тикондерогу отряд добрался быстро, уже 5 декабря, делая переходы по 40 миль в день. Обнаруженные там орудия, по большей части французские, не все были исправны. Нокс отобрал те из них, которые можно было пустить в дело, и собрался в обратный путь. Он планировал перевезти орудия на лодках по озеру Георга, которое еще не полностью замерзло, а затем переложить их на сани. Однако даже перетащить орудия из форта на берег оказалось нелегким делом. Переправа через озеро

(около 40 миль) заняла неделю. Одна из трех шаланд налетела на скалу и затонула — по счастью, достаточно близко от берега. Ее удалось вытащить, починить и снова спустить на воду. Ветер переменялся с попутного на встречный, приходилось часами грести до изнеможения. Местами надо было прорубать полыньи во льду. По ночам измученные люди дрожали от холода. Надежды на снег не оправдались: как назло, наступила оттепель, и быки не смогли бы тянуть тяжеленные сани по земле. К тому же по дороге к Олбани надо четырежды пересекать Гудзон, а лед был не настолько прочен, чтобы выдержать груз. Оставалось «ждать погоды». Погода действительно переменялась: поднялась пурга. К Рождеству насыпало три фута снега. Нокс пошел вперед в Олбани пешком и чуть не замерз по дороге, пока не нашел сани, запряженные лошадьми. Обоз же медленно продвигался по рыхлому, ненакатанному снегу, через поселок Саратога к Олбани, где Нокс уже долбил лунки в замерзшем Гудзоне, чтобы укрепить лед (вода из лунок должна была разливаться по поверхности и замерзать, увеличивая толщину ледяного покрова). На Новый год снова потеплело; только через неделю обоз смог начать переправу. Около дюжины саней перебрались на другой берег без проблем, но вдруг одна из самых крупных пушек провалилась под лед неподалеку от берега. Нокс потратил целый день, но вытащил ее («благодаря помощи доброго народа Олбани»), Оставалось проделать больше сотни миль через высокие, почти отвесные горы, рассеченные глубокими и узкими ущельями. Чтобы замедлить движение саней на спуске, к полозьям прикрепляли щетки и цепи. Некоторые погонщики, испугавшись опасности, отказались идти дальше; Нокс три часа их уговаривал — и уговорил. Население местных поселков, никогда в жизни не видавшее пушек, высыпало навстречу отряду, угощало

местным виски и сидром, что пришлось очень кстати. В Спрингфилде, чтобы ускорить передвижение, Нокс заменил быков лошадьми. Весь груз он доставил в целости и сохранности.

В один момент настроение в лагере переменялось на боевое: теперь-то Вашингтон уже мог строить планы нападения на британский гарнизон, запертый в Бостоне.

Главным условием для атаки был достаточно крепкий лед на водной преграде, разделявшей противников. Но теперь было недостаточно морозно — от двух до четырех градусов ниже нуля. В конце января вода канала лишь подернулась тонкой корочкой льда. Вашингтон ежедневно ездил на берег и лично прыгал по льду, проверяя его прочность. Генерал даже отправился пешком на разведку к Дорчестеру вместе с несколькими офицерами, включая Нокса; два верховых британских офицера заметили их и обратили в бегство.

Шестнадцатого февраля Вашингтон снова собрал военный совет, надеясь на единогласное одобрение своего плана атаки. «Хорошо нацеленный удар в этот критический момент может положить конец войне», — уверял он. Но офицеры в очередной раз сказали «нет». Возможно, поражение под Квебеком сделало их еще более осторожными. «Старина Пат» твердил одно: «Пороху, ради бога, дайте пороху!» Натанаэль Грин заболел желтухой и был так слаб, что едва мог ходить по комнате; сама мысль о штурме приводила его в ужас.

«Мы целый год ждали благоприятного случая, и вот теперь всё предприятие кажется им чересчур опасным!» — с возмущением писал Вашингтон Джозефу Риду. Впрочем, в глубине души он и сам ощущал неприятное чувство неуверенности: да, ему хочется решительных действий, но что, если его разобьют? Какая слава пойдет о нем тогда?

Ладно, если атака в лоб обречена на провал, надо придумать какой-то маневр. Вот если бы укрепить

Дорчестерские высоты к югу от Бостона, победа была бы в кармане. Но, во-первых, по сообщениям лазутчиков из Бостона, генерал Хоу торжественно поклялся устроить вылазку и вымести мятежников поганой метлой, если они сунутся на эти высоты, а во-вторых, разве будешь копать насквозь промерзшую землю? И как вкатить пушки из Тикондероги на высокий гребень на виду у неприятеля, без всякого прикрытия?

Как это часто бывает, спасительная идея пришла случайно. Подполковник Руфус Патнэм, кузен Израэля Патнэма, бывший фермер, ныне руководивший сооружением фортификаций у Роксбери, наткнулся на непонятное слово в трактате о военной инженерии британского профессора Джона Маллера: *chandelier* (канделябр). Что это? Оказалось, большие деревянные рамы заполняют скрученной соломой или вязанками хвороста — фашинами: вот вам и укрытие. Патнэм немедленно поделился своим планом с полковником Ричардом Гридли, тот доложил Генри Ноксу, и все трое устремились к Вашингтону. Не прошло и часа, как сотни солдат уже мастерили «канделябры».

Орудия предполагалось доставить на позицию под покровом темноты, за одну ночь, обернув колеса лафетов соломой, чтобы не гремели, а для отвлечения внимания открыть огонь из Роксбери, Коббл-Хилла и Лечмир-Пойнт; прикрыть пушки «липовыми» укреплениями (Вашингтон распорядился добавить к «канделябрам» крепко сколоченные бочки, набитые землей, которые в случае штурма можно будет скатывать вниз на головы врагов). Только бы успеть, только бы англичане не вздумали в самом деле устроить вылазку!

Укреплением высот занимались три тысячи солдат под командованием генерала Томаса. Еще четыре тысячи должны были стоять у Кембриджа, чтобы атаковать Бостон, если британцы начнут штурмовать

высоты. Из-за оттепели лед снова растаял, и форсировать Чарлз-Ривер предстояло на шестидесяти плоскодонках. Руководство переправой поручили генералам Грину и Салливану, общее командование атакой на Бостон — генералу Патнэму. На подкрепление позвали две тысячи ополченцев с фургонами, повозками и быками. В армейском госпитале в Кембридже приготовили дополнительные койки и перевязочный материал. Через «Бостон газетт» обратились за помощью к добровольным сиделкам.

Все в округе знали, что готовится нечто важное и решающее. Но что? Когда начнется? Вашингтон, наконец-то оказавшийся в своей стихии — действия, — как будто успокоился и почти легкомысленно писал в Виргинию одному из друзей о том, что они скоро «зададут шороху» англичанам. Именно теперь он выбрал время, чтобы написать ответ чернокожей поэтессе Филлис Уитли, извинившись за промедление, вызванное множеством обстоятельств, требовавших его внимания. «Искренне благодарю Вас за учтивые слова обо мне в столь элегантных строках. И хотя я, возможно, не заслуживаю такого восхваления и панегирика, Ваш стиль и манера говорят о большом поэтическом даре... Если Вам случится быть в Кембридже или близ ставки, я буду рад повидать особу, столь благодетельствованную музами, к которой природа была столь щедра и благотворна. С уважением, Ваш покорный слуга...»

В приказе по армии Вашингтон прибегнул к совершенно другому стилю. Еще по опыту Франко-индейской войны зная, как заразителен страх во время сражения, он прямо предупредил солдат: «...если во время боя кто-нибудь вздумает спрятаться, затаиться или отступить без приказа командира, он будет немедленно расстрелян на месте за трусость».

В ночь на 2 марта американцы начали беспорядочно обстреливать англичан, которые ответили громом пушек. То же самое повторилось на следующую ночь. На третью ночь всю сияла луна, точно решив помочь Вашингтону в осуществлении его плана: подножия холмов скрыл туман, а на вершинах было светло, почти как днем. Вашингтон лично руководил операцией, сидя в седле; его привычный силуэт был виден всем солдатам. Любимого коня генерала, гнедого жеребца с белой мордой по кличке Старый Нельсон, можно было узнать по пышному хвосту, подстриженному особым образом.

Генри Нокс открыл ураганный огонь по Бостону; ядра крушили дома, и вскоре оттуда стали доноситься отчаянные крики несчастных женщин и детей. Под прикрытием артиллерии три тысячи солдат Джона Томаса подвозили на повозках, запряженных быками, и устанавливали тяжелые орудия, бочки с землей и заранее собранные бастионы. Это было нелегко: крутые склоны были покрыты плотным слоем льда в два фута толщиной. Но на рассвете 5 марта ошеломленные британцы увидели, что на Дорчестерских высотах выросла полноценная крепость, ощерившаяся жерлами двух десятков орудий. «О Боже! — якобы воскликнул генерал Хоу. — Эти ребята за одну ночь сделали больше, чем я смог бы сделать со своей армией за три месяца!»

Была годовщина «бостонской резни». Вашингтон проскакал перед строем солдат, прокричав сиплым голосом, чтобы они «вспомнили 5 марта и отомстили за смерть своих братьев». Стоявшие позади не расслышали и спрашивали передних, что сказал генерал; передаваясь от одних к другим, эта фраза воспламенила войска, которые отозвались громким одобрительным гулом.

На окрестные холмы взбирались тучи любопытных, чтобы не пропустить генеральной баталии.

Хоу приказал двум тысячам солдат атаковать Дорчестерские высоты. Около полудня первое из британских транспортных судов отчалило от берега и стало пробираться через гавань, борясь с сильным встречным ветром. Очень скоро ветер переменялся и задул еще сильнее; необычно теплый и славный денек был безнадежно испорчен.

К ночи разразился настоящий шторм, пошел дождь со снегом, переходящим в град. Около полуночи над Бостоном бушевал ураган, выбивавший стекла и сносивший заборы. Оба транспортных судна выбросило на берег. Стало ясно, что никакого английского десанта не будет.

А ведь всё так хорошо начиналось! Вашингтон был вне себя от досады. Теперь, конечно, англичане уже не сунутся туда, где всё было готово для их встречи... Он еще не осознал, что этот шторм стал спасением для его собственных войск, которые должны были переправиться в Бостон и рисковали оказаться в ловушке.

На следующее утро снег превратился в дождь, а ветер по-прежнему бушевал. Генерал Хоу отменил атаку и отдал приказ эвакуировать Бостон. Никакого плана эвакуации у него не было. Между тем предстояло вывезти из города не только войска, но и гражданских — сотни женщин и детей, больных и раненых, — а также самое разнообразное имущество. Город напоминал разворошенный муравейник. Американцы молча наблюдали за этой картиной с Дорчестерских высот.

В пятницу 8 марта четыре человека под белым флагом пересекли линию фронта на перешейке и передали «мятежникам» неподписанное письмо, в котором говорилось, что генерал Хоу не намерен разрушать город, если только войскам, находящимся под его командованием, дадут спокойно его покинуть.

Письмо не было адресовано Вашингтону, хотя явно предназначалось ему, поэтому ответа не последовало.

Той же ночью патриоты перебрались на второй из Дорчестерских холмов, всего в четверти мили от британских позиций, и Хоу отдал приказ о жестокой бомбардировке, продолжавшейся всю ночь. По высотам выпустили 700 ядер; одним из них убило четырех человек, но это оказалась единственная потеря.

В это время Вашингтон был поглощен другим делом, которое не казалось ему несвоевременным: в приказе от 11 марта он повелел командирам каждого полка отобрать по четыре человека для личной охраны главнокомандующего. Требования выдвигались следующие: «рост от пяти футов восьми дюймов до пяти футов десяти дюймов; приятной наружности и хорошо сложенные», а главное — опрятные и чисто одетые. Кроме того, эти люди должны быть «трезвыми, молодыми, деятельными», быть местными уроженцами, иметь в стране семейные связи и обладать здесь собственностью. (Вашингтон уже имел возможность заметить, что многие солдаты из пришлых перекинулись на сторону британцев за более щедрое вознаграждение.) Свою охрану Вашингтон нарядил в синие мундиры со вставками из бычьей кожи и круглые шляпы с синими и белыми перьями и полосками медвежьего меха (шляпам он придавал большое значение). Решающее сражение было не за горами, и если главнокомандующий не боялся смерти в бою, риск его похищения лазутчиками противника был велик (он и сам подумывал о том, чтобы выкрасть кое-кого из британских генералов), а такой ход мог поставить под угрозу исход всего предприятия.

Тем временем в Бостоне солдаты запаивали пушки и сбрасывали в воду бочки с порохом, мешки с сахаром и солью, бочки с мукой, для которых не нашлось места на кораблях, чтобы они не достались врагу. По всей

поверхности гавани плавали обломки мебели, повозок, фургонов, даже элегантной кареты командующего; волны выбрасывали их на берег. Хоу распорядился уничтожить все запасы полотна и шерстяные изделия, которые могли быть использованы мятежниками. Солдаты ходили по домам, чтобы проследить за исполнением приказа, и попутно занимались мародерством. Толпы отчаявшихся лоялистов брали штурмом переполненные корабли; некоторые падали в ледяную воду и тонули. «Один-два сделали то, что многие другие должны бы сделать уже давно — покончили с собой, — писал Вашингтон брату Джеку. — Во всяком случае, на свете еще не было более жалких существ, чем эти злобные твари, которым вдолбили, что мощь Великобритании устоит под любым напором».

Корабли были готовы к отплытию уже 15 марта, но ветер дул с моря. Только два дня спустя, в воскресенье, в День святого Патрика, ветер переменился на благоприятный. В четыре часа утра, когда было еще совсем темно, более восьми тысяч солдат маршировали по узким улицам Бостона, словно на параде. Солнце встало около семи; на кораблях начали поднимать паруса; к девяти отправились в путь. Под радостные крики патриотов из Бостонской гавани вышли 120 кораблей, растянувшись на девять миль; они увозили из города почти девять тысяч солдат и больше двух тысяч гражданских. Из Бостона через перешеек побежали мальчишки — разнести весть о том, что «лобстеры» наконец-то ушли.

Пока они не скрылись из глаз, Вашингтон не мог позволить себе ликовать вместе со всеми и тем более похваляться победой: а вдруг часть неприятельских войск тайно сойдет на берег, переодевшись в штатское? А вдруг в Бостоне ждет засада? Стараясь всё предусмотреть, он проследил, чтобы каждый из первых пятисот американских солдат, которым предстояло

войти в Бостон, был привит от оспы. Части шли под барабанный бой, с развевающимися знаменами. Во главе их торжественно ехал верхом Артемас Уорд, которому Вашингтон великодушно уступил пальму первенства. Сам он остался в Кембридже и присутствовал на воскресной службе. Капеллан артиллерийского полка Генри Нокса преподобный Эбиел Леонард из Коннектикута избрал темой проповеди «Исход»: «...и отнял колеса у колесниц их, так что они влекли их с трудом. И сказали Египтяне: побежим от Израильтян, потому что Господь поборает за них против Египтян» (Исх. 14:25).

Главнокомандующий вступил в город 18 марта 1766 года, почти незаметно (Марта, не привитая от оспы, не могла его сопровождать), и профессиональным взглядом военного принялся изучать городские укрепления. Конечно, Бостон сильно пострадал: некоторые здания были разрушены до основания, церкви разворочены, склады опустошены, стекла выбиты, но в целом его состояние было не настолько плачевным, как он ожидал. Генерал мог лишь возблагодарить Бога, ниспославшего шторм: британские укрепления были «потрясающе крепки... практически неприступны, каждая улица укреплена». Вашингтон набрел на дом Джона Хэнкока (который во время осады занимал генерал Джеймс Грант) и обнаружил, что мебель в приличном состоянии, а на стенах по-прежнему висят семейные портреты маслом, о чем и поспешил уведомить владельца. Другие богатые дома стояли с разбитыми окнами, поломанной мебелью, разорванными книгами. В спешке британцы побросали кучу добра: 30 пушек, три тысячи одеял, пять тысяч бушелей пшеницы, тысячу бушелей бобов, 10 тонн сена, 35 тысяч футов досок — не было только говядины, пороха и твердой валюты. Подсчетом трофеев занялся Томас Миффлин, назначенный главным квартирмейстером.

Заботясь о доброй славе своей армии, Вашингтон пригрозил мародерам суровой карой и строго-настрого запретил солдатам и офицерам дурно обращаться с жителями Бостона, заподозренными в сочувствии к британским властям. Он даже совершил символический жест — вернул подаренного ему коня, когда узнал, что тот был взят из конюшни сбежавшего тори, «заклятого врага Америки».

Двадцатого марта Вашингтон временно передал командование городом Натанаэлю Грину, а сам вернулся в Кембридж, чтобы продумать следующие шаги. Уверенный в том, что Хоу поплывет в Нью-Йорк, он уже отправил туда пять полков, но перебрасывать всю армию было бы неосмотрительно: вдруг это уловка?

Вечером того же дня Бостон и всё южное побережье содрогнулись от чудовищного взрыва: британские инженеры Монтрезор и Робертсон разрушили форт Касл Уильям.

Между тем истинных намерений Хоу не знал никто. Пассажиры кораблей томились в неизвестности. Наконец 27 марта флот, простоявший неделю на якоре в небольшой гавани, взял курс в открытое море, но направился не в Нью-Йорк, а в Галифакс.

«Славой и успехами нашего оружия, изгнавшего значительную часть британской армии из одной из мощнейших крепостей в Америке, мы обязаны, по воле Божией, мудрости, твердости, бесстрашию и военному гению нашего замечательного и обожаемого генерала, его превосходительства Джорджа Вашингтона, эсквайра; упорству, навыкам и храбрости других наших достойных генералов и армейских офицеров и отваге и геройству наших солдат», — писала газета «Ивнинг пост» 30 марта. Конгресс приказал отчеканить золотую медаль в честь Вашингтона, на которой он был изображен со своими генералами на Дорчестерских высотах. «Бескорыстие и патриотизм, приведшие Вас на

поле брани, привели Вас к славе», — говорилось в официальном поздравлении. «Под Вашим руководством недисциплинированная толпа землепашцев за несколько месяцев превратилась в солдат», — писал ему Хэнкок. Согласившись с этим, Вашингтон всё же счел нужным добавить, что «именно их храбрости и верности своему долгу я обязан успехом, единственной наградой за который хотел бы иметь любовь и уважение моих сограждан».

В Кембридже депутация от Бостона и от законодателей Массачусетса возблагодарила Вашингтона за спасение города малой кровью. Политик из Массачусетса Джозайя Куинси уверял Вашингтона, что его имя «сохранится в веках как имя спасителя нашего Отечества». Тот ответил, позаимствовав строчку из «Катона» Джозефа Аддисона: «Рукоплескания достойных мне отрада, их заслужить желаю всей душой». Гарвардский колледж присвоил ему почетную ученую степень, несмотря на то, что генерал получил весьма неполное образование. Один из городков в Массачусетсе переименовал свое название на «Вашингтон». Джордж был счастлив «слышать отовсюду, что его репутация по-прежнему незапятнанна», о чем он писал брату.

Филлис Уитли приехала в его ставку, и генерал устроил ей «весьма учтивый прием». Он был не настолько лишен тщеславия, чтобы не желать опубликования посвященных ему стихов, хотя и опасался, что его «неправильно поймут», ведь там шла речь о короне и троне. Джозеф Рид позаботился о том, чтобы стихи были отданы в печать в апреле.

Тем временем полки один за другим выступали к Нью-Йорку, впервые покидая Новую Англию: если британцы получат контроль над рекой Гудзон, важным водным коридором между Нью-Йорком и Канадой, они смогут вбить клин между Югом и Севером. Первыми

отбыли генералы Хит и Салливан, 1 апреля отправился генерал Грин во главе пяти полков. Скорей, скорей! Кратчайшей дорогой. В путь выступали с рассветом, до завтрака успевая проделать пять-шесть миль, а в целом за день — 15-20 по раскисшим от весеннего солнца дорогам, на обочинах которых только-только начинала пробиваться первая робкая травка.

Пятого апреля главнокомандующий тоже покинул Кембридж и возглавил парад в Провиденсе, в котором участвовали два полка Натанаэля Грина — облаченные в мундиры, «вымытые, с чистыми лицами и руками, с выбритой бородой, с причесанными и напудренными волосами», согласно приказу. Казалось, весь Род-Айленд собрался, чтобы поглазеть на это зрелище. Во время банкета, устроенного городскими властями, Вашингтона чествовали как национального героя. На следующий день рассвет застал его уже в пути. Скорей! Скорей!

ПОБОРНИК НЕЗАВИСИМОСТИ

Генерал Ли, раньше всех прибывший в Нью-Йорк (точнее, его принесли на носилках: он страдал от подагры), не знал, как ему быть: город, расположенный на островах, был со всех сторон окружен водой — и как прикажете его оборонять? Крупнее Бостона, но меньше Филадельфии, Нью-Йорк занимал тогда площадь менее одной квадратной мили, то есть десятую часть острова Манхэттен (тогда он назывался Йорк), который растянулся на 11 миль от квартала Баттери на севере до реки Гарлем. На этой территории теснились 20 тысяч жителей. К северу от города шли попеременно леса, реки, болота и каменистые возвышенности, усеянные небольшими фермочками и крупными загородными усадьбами до самого Королевского моста, представлявшего собой, несмотря на громкое название, узкий деревянный мостик, переброшенный через Гарлем на материк. Лучшие дома и церкви стояли на прямом и широком Бродвее с тенистыми деревьями. Деловой центр города находился на Куин-стрит, рядом с многолюдными верфями Ист-Ривер; правда, большинство населения покинуло город, спасаясь от войны, и этот район затих и обезлюдел. Здание городской управы стояло на Уолл-стрит.

С запада протекала река Гудзон, отделявшая Манхэттен от Нью-Джерси; протока Ист-Ривер (Восточная река) разделяла его с островом Лонг-Айленд, где находилась некогда голландская колония Новый Амстердам, захваченная англичанами и переименованная в Нью-Йорк. По сути, это была не река, а устье с соленой водой шириной в милю, с быстрыми разнонаправленными течениями и приливами, достигавшими двух метров в высоту. Непосредственно у

реки, на обрывистом берегу, раскинулась деревушка Бруклин, куда можно было попасть на пароме: всего семь-восемь домишек и старая голландская церковка посреди Ямайской дороги, которая вела от паромной переправы вглубь острова. К западу от Лонг-Айленда, через пролив Нарроус, находится остров Статен. Географическое положение, с одной стороны, превращало Нью-Йорк в крупный морской порт, с другой — сильно затрудняло его оборону. «Признаюсь, я озадачен тем, что делать с этим городом, — писал Ли Вашингтону. — Он окружен глубокими судоходными протоками, и любой, повелевающий на море, будет повелевать городом». Морями правила Британия.

«Объединиться или умереть». Политическая карикатура Б. Франклина в «Пенсильвания газетт». 9 мая 1754 г.

«Не наступи на меня» — первый флаг борцов за независимость, известен с 1775 года. На хвосте гремучей змеи 13 колец погремушек, по числу восставших колоний. Идею этого символа тоже приписывают Франклину

Было ясно, что город не удержать, но и сдать стратегический центр без боя было просто невыносимо. Так считали не только члены Конгресса, сидящие в Филадельфии; настроение в войсках было самое боевое. «Я никогда не задумывался о том, сколько их и сколько нас. Мне казалось, что американцы непобедимы», — вспоминал потом новобранец из Коннектикута Джозеф Пламб Мартин. Вашингтон же был твердо намерен «сделать всё возможное, чтобы расстроить планы неприятеля».

Для начала Ли решил установить пушки для защиты от нападения с моря на маленьком Губернаторском острове в Верхней (Нью-Йоркской) бухте, в поселке Ред-

Хук в Бруклине и на мысе Паулус-Хук (ныне Джерси-Сити) на западном берегу Гудзона. С Бруклинских высот можно было обозревать весь Нью-Йорк, гавань и реки, а также длинные, низкие холмы Нью-Джерси; если построить тут форт с восемью пушками, его значение будет таким же, как у Дорчестерских высот в Бостоне. В любом случае, если Нью-Йорк — ключ к континенту, то Лонг-Айленд — ключ к Нью-Йорку, решил Ли.

К прибытию Вашингтона (13 апреля) Ли, по приказу Конгресса, уже находился в Чарлстоне, Южная Каролина, чтобы оборонять город от британцев; командование он передал Израэлю Патнэму, а надзор за сооружением укреплений — генералу Уильяму Александеру из Нью-Джерси, больше известному под именем лорда Стерлинга. Главнокомандующий устроил свою ставку рядом с Баттери, в южной части Манхэттена, откуда начинается Бродвей. Прямо напротив, в сквере Боулинг-Грин, на беломраморном пятиметровом постаменте стояла конная статуя Георга III. Четыре дня спустя до города, наконец, добрались Натанаэль Грин и его люди, попавшие в снежную бурю: от них четыре дня не было известий, и Вашингтон уже начал опасаться за их жизнь. Тогда же, 17 апреля, приехала Марта, и Вашингтоны перебрались на север Манхэттена в особняк, оставленный бывшим главным казначеем британских войск в Америке Абрахамом Мортье. Дом стоял в тихом живописном месте — на Лиспенардском лугу в двух милях от города (ныне — пересечение Варик-стрит и Чарлтон-стрит), а с просторной веранды открывался роскошный вид на реку Гудзон. Однако ставка по-прежнему находилась в доме 1 по Бродвею, известному как «дом Кеннеди». Когда-то его построил шотландский эмигрант Арчибальд Кеннеди, разбогатевший на торговле землей, позже им владел его сын и полный тезка, капитан королевского флота, пока не уехал в Англию. Этот дом с большой

парадной лестницей, банкетным залом и салоном в 50 футов длиной считался эталоном элегантности; находившийся за ним сад спускался прямо к берегу Гудзона, а со смотровой площадки на крыше можно было обозревать окрестности на много миль в любую сторону. Как и в Кембридже, Вашингтон держал свою военную свиту при себе, чтобы всегда была при деле.

Первым делом Вашингтон издал строжайшие распоряжения о том, как солдатам надлежит вести себя по отношению к местным жителям, чтобы американская армия выгодно отличалась от британской в Бостоне: в домах, куда они размещены на постой, деревянных полов не рубить, воду и помои в окна не выливать, урожай с полей не воровать. (По сравнению с Бостоном жизнь в Нью-Йорке была очень дорогой.) По утрам и вечерам солдаты становились на молитву, следуя примеру офицеров, по воскресеньям обязательно ходили в церковь. Тем не менее божба и грязная ругань неслись отовсюду.

Сложнее всего оказалось проследить за тем, чтобы солдаты не посещали квартал «красных фонарей» неподалеку от Гудзона, называвшийся «Землей обетованной» (каждую ночь на участке, принадлежащем церкви Троицы, собирались больше пятисот проституток). Здесь царил такой неприкрытый разврат, что армия, продержавшаяся целый год под Бостоном, могла разложиться в Нью-Йорке за месяц. 22 апреля, всего через неделю после прихода Континентальной армии, в одном из борделей нашли изуродованные тела двух солдат; один из них был варварски кастрирован. Его разъяренные товарищи разнесли дом в щепки, никого не пощадив. Вашингтон был вне себя от такого самоуправства и пригрозил виновным суровым наказанием. Он установил комендантский час и объявил, что любой солдат, застигнутый в пьяном виде, подвергнется наказанию, а в случае сопротивления

аресту с ним обойдутся, как с неприятелем, то есть пристрелят на месте. Однако при отсутствии мундиров определить, являются ли пьяные посетители борделей солдатами, было практически невозможно. На темных грязных улицах, освещенных лишь тусклыми масляными лампами, каждую ночь вспыхивали потасовки, раздавались крики «Убивают!»; туда устремлялись патрули, хватая драчунов дюжинами без разбора; кого-то потом наказывали, а кого-то отпускали. В довершение всего венерические болезни, уже появившиеся в нескольких американских полках, грозили серьезными потерями еще до подхода британцев.

А то, что британцы придут, не вызывало сомнения. В Лондоне о сдаче Бостона узнали только полтора месяца спустя, и 6 мая парламент бушевал, обличая политику администрации, однако премьер-министр лорд Норт и секретарь по делам американских колоний Джордж Джермейн по-прежнему отстаивали военную линию. Король договорился с ландграфом Гессена об отправке семнадцати тысяч наемников в Северную Америку. Вашингтон учредил систему сигналов между Лонг-Айлендом, островом Статен и Нью-Йорком, чтобы о прибытии вражеских кораблей все были немедленно оповещены.

В мае войска под командованием Джона Бургойна сняли осаду Квебека; Бенедикт Арнольд был вынужден отступить в Монреаль, а затем командовал арьергардом Континентальной армии, оставившей форт Сен-Жан (по свидетельству лейтенанта Джеймса Уилкинсона, он последним покинул форт перед приходом англичан). Конгресс велел Вашингтону послать в Канаду подкрепление, и генерал Салливан с тремя тысячами солдат отправился вверх по Гудзону; в распоряжении главнокомандующего осталось не больше десяти тысяч. «Нас ждет кровавое лето в Нью-Йорке и Канаде, — писал Вашингтон брату Джеку в конце мая, — именно сюда,

сдается мне, будут брошены основные силы неприятеля, а мы, как ни жаль, к этому не готовы: нет ни людей, ни оружия».

Вашингтон бывал в Нью-Йорке только дважды, и ему требовалось лично осмотреться на местности. Однако вместо этого он был вынужден торчать в ставке, одолеваемый бесконечной бумажной работой, в том числе перепиской с Конгрессом. Основываясь на планах генерала Ли, он занялся возведением на каменистой возвышенности над Гудзоном двух фортов-близнецов, которые получили названия форт Вашингтона и форт Конституции; эти аванпосты должны были помешать англичанам подняться по реке в Канаду. Генерала Грина он поставил командовать Лонг-Айлендом, и его люди вместе с вновь прибывшей стрелковой ротой из Пенсильвании расположились в Бруклине. Кэти Грин и Люси Нокс со своими младенцами приехали к мужьям.

На Бруклинских высотах строился форт Стерлинга, а на противоположном берегу, у поселка Грейвсенд, еще три укрепления: форт Патнэма в честь Руфуса Патнэма, разработавшего чертежи укреплений, форт Грина в форме звезды на Ямайской дороге и форт Бокса, названный по имени майора Даниеля Бокса, одного из офицеров Грина. Каждый бастион был окружен широким рвом, они соединялись между собой системой траншей длиной в милю. Вооружившись топорами, солдаты рубили деревья, чтобы пушки могли стрелять без помех. Дисциплину установили суровую: солдат, ушедший без позволения, должен был неделю отработать без отдыха.

К началу июня в распоряжении Континентальной армии имелось 121 орудие на Манхэттене, на побережье Нью-Джерси, на Губернаторском острове и в Бруклине. Ежедневно на улицах и на городском выпасе проводились учения, чтобы превратить вчерашних крестьян в солдат.

Войска были расквартированы в пустующих домах, в том числе в роскошных особняках, которые быстро утратили свои пышные интерьеры. Королевский колледж, одно из самых больших и красивых зданий в городе, переделали под армейский госпиталь; книги из библиотеки вывезли, чтобы солдаты не сожгли их в печках.

Двадцать первого мая Вашингтон отправился в Филадельфию для консультаций по поводу военной стратегии, оставив вместо себя генерала Патнэма; за ним волочился шлейф слухов о том, что главнокомандующий хочет подать в отставку. Слухи не подтвердились: под давлением генерала Конгресс решил для привлечения новых солдат учредить премию в десять долларов за добровольное поступление в армию, а также создать военный совет под руководством Джона Адамса, который занимался бы вопросами армейского набора и снабжения войск. Кроме того, Вашингтон уговорил Джозефа Рида примкнуть к армии в должности генерал-адъютанта (начальника административного управления), но в чине полковника, вместо Горацио Гейтса, которого Конгресс отправил в Канаду.

В Филадельфии все разговоры вертелись вокруг провозглашения независимости Объединенных колоний от Великобритании; Вашингтон поднял на смех тех членов Конгресса, кто «до сих пор питается деликатесами примирения». Он знал, что Виргинский конвент в Уильямсберге уже высказался за независимость и Джордж Мэйсон сочинил Декларацию прав, в которой были строки: «Все люди рождаются равно свободными и независимыми и имеют определенные неотъемлемые естественные права... в том числе право на жизнь и свободу с правом приобретения и обладания собственностью и

стремления к счастью и безопасности». Этот текст был впоследствии обработан Томасом Джефферсоном.

Джон Хэнкок, благодарный за спасение своей собственности в Бостоне, заказал Чарлзу Уилсону Пилу портрет Вашингтона на фоне освобожденного города. Главнокомандующий согласился позировать с большой неохотой. На портрете он выглядит вовсе не торжествующим победителем, а усталым, осунувшимся, даже плохо выбритым, озабоченным тяжелыми мыслями. В дневнике Пила содержится запись от 1 июня 1776 года: «Сегодня Континентальный конгресс объявил Объединенные Колонии свободными и независимыми штатами». Возможно, он несколько опередил события: 7 июня Ричард Генри Ли внес в Конгресс проект резолюции, провозглашавшей, что «Объединенные Колонии являются свободными и независимыми штатами».

Шестого июня Вашингтон вернулся к армии и был встречен барабанным боем и парадом пяти полков, маршировавших по Бродвею мимо статуи Георга III.

Марта сопровождала мужа в столицу, где наконец-то собралась с духом и подверглась процедуре прививки от оспы. У нее поднялась температура, и несколько недель ей пришлось провести в карантине. 10 июня Джеки Кастис, находившийся с женой в Мэриленде, написал отчиму благодарственное письмо в связи с выздоровлением матери. «Господу было угодно лишить меня отца в самом начале моей жизни, но мне следует возблагодарить Его за то, что Он послал мне такого опекуна, как Вы, сэр. Немногие были окружены такой заботой и вниманием своих собственных родителей, как я. Тот заслуживает называться отцом, кто исполняет его роль».

Наверняка Вашингтону было приятно это признание своих заслуг, но пришлось быстро переключить внимание на более насущные дела.

В Бостоне патриоты и британцы были четко отделены друг от друга, в Нью-Йорке же тысячи солдат Континентальной армии теснились в Южном Манхэттене, в то время как остров Статен находился под контролем англичан, а у песчаной косы Санди-Хук, выдающейся в море от Нью-Джерси, стояли британские боевые корабли. Губернатор Уильям Трайон устроил свою ставку на борту корабля «Герцогиня Гордон», тайно руководя действиями лоялистов, оставшихся в городе. Население Нью-Йорка было в целом настроено пробритански; на Лонг-Айленде, в окраинных поселках и на богатых фермах жили преимущественно голландцы, тоже не поддерживавшие «мятежников». В этой напряженной атмосфере развилась шпиономания, и в начале июня открылась настоящая охота на тори, якобы снабжавших английские корабли провизией и шпионивших за патриотами.

Семнадцатого июня Провинциальный конгресс Нью-Йорка получил донесение от лоялиста Айзека Кетчума, арестованного по подложному обвинению и содержащегося под стражей в Сити-холле — здании городской мэрии, куда был переведен штаб главнокомандующего. Он заявил, что два члена личной охраны Вашингтона, Томас Хикки и Майкл Линч, тоже арестованные по подложным обвинениям, находятся в сговоре с британцами и намерены саботировать оборону Нью-Йорка. Оба якобы уверяли, что, после того как британские военные корабли встанут на якорь в Нью-Йоркской бухте, губернатор Уильям Трайон дарует перебежчикам королевское прощение. Линч и Хикки также туманно ссылались на «стрелков на острове Статен» и «людей с Кейп-Кода», тоже якобы состоявших в заговоре. В ходе следствия выяснилось, что оружейник Гилберт Форбс должен был платить перебежчикам из средств, которые ему передавал мэр Нью-Йорка Дэвид Мэтьюз. Вашингтон тотчас велел арестовать Мэтьюза,

что и было сделано в час ночи. Кроме мэра, в тюрьму посадили двух докторов, сапожника, портного, свечного мастера и бывшего школьного учителя. На допросе Мэтьюз подтвердил, что губернатор вручил ему кипу бумажных денег для передачи Форбсу за ружья и мушкеты. (Уже после войны Мэтьюз сделал сенсационное заявление, что он планировал с помощью Томаса Хикки захватить в плен Вашингтона и его охрану. Тогда же Вашингтон был уверен, что в центре заговора стоит Трайон, а Мэтьюз является лишь его орудием.)

В ту же ночь к Вашингтону явился гонец от капитана американской шхуны, захваченной у мыса Анны фрегатом «Грей-хаунд», на котором находился генерал Хоу: 9 июня британские корабли отплыли из Галифакса и движутся к Нью-Йорку.

Вскоре по городу побежали слухи о том, что главнокомандующий не стал есть поданный ему горошек, а когда тот отдали курам, они все передохли. Снова начались аресты. Некоторых нью-йоркских тори вываливали в смоле и перьях, других катали на «деревянной кобыле». Когда Хикки, наконец, отдали под трибунал, оказалось, что заговорщики планировали при подходе британского флота запаять американские пушки в обмен на прощение и вознаграждение. По словам одного свидетеля, около семисот американцев обещали перекинуться на сторону врага; среди заговорщиков было не менее восьми членов личной охраны Вашингтона. Хикки отказался раскаться, был признан виновным в подстрекательстве к мятежу и бунту и приговорен к повешению. Вашингтон выделил 140 солдат для охраны узников Сити-холла. Он также полагал, что не меньше двух сотен лоялистов скрываются в лесах и болотах Лонг-Айленда, а потому в проливе между островом Статен и Бруклином по ночам

курсировали патрули, чтобы перехватывать перебежчиков.

Мэтьюза и нескольких других его помощников отправили в тюрьму в Коннектикут, а там они то ли сбежали, то ли их попросту отпустили без суда. Зато Хикки было решено казнить в назидание остальным, и Вашингтон приказал всем присутствовать 28 июня в 11 утра на его повешении. Он надеялся, что это суровое наказание отвратит войска от мятежа и прочих преступлений, «не приличествующих званию солдата и пагубных для его страны, от которой он получает жалованье и ест ее хлеб». В соответствующем приказе уточнялось, что во избежание подобных прегрешений солдатам следует в особенности «избегать распутных женщин, которые, как следует из предсмертного призывания несчастного преступника, и приобщили его к делам, приведшим к его безвременной и позорной смерти». Виселицу установили на пустыре у начала улицы Бауэри; посмотреть на казнь явилось 20 тысяч человек — практически всё население Нью-Йорка. Хикки отказался от услуг капеллана, назвал собравшихся убийцами и удерживал слезы, пока палач не надел ему на шею петлю.

Тем временем генерал Ли успешно оборонял Чарлстон от британского экспедиционного корпуса Генри Клинтона и кораблей командора Питера Паркера. Англичанам не удалось захватить форт Салливан под командованием полковника Уильяма Моултри и высадить десант. Артиллерийский обстрел форта продолжался несколько часов; одним из ядер был сбит «флаг Моултри» — синее полотнище с белым полумесяцем, обращенным влево, в левом верхнем углу и надписью «Свобода». Сержант Уильям Джаспер выскочил из форта, поднял знамя и водрузил его обратно. «Флаг Моултри» стал знаменем, под которым сражались патриоты Юга. Англичанам пришлось

отступить, потеряв много людей убитыми и один корабль, севший на мель. Эта победа сильно подняла боевой дух колонистов.

Зато в Канаде дела обстояли хуже. В июне Горацио Гейтс, повышенный в звании до генерал-майора, принял командование канадским соединением вместо Джона Салливана. Войска беспорядочно отступали из Квебека, выкашиваемые оспой, не получавшие жалованья, сломленные духом. Докатившись до Тикондероги, Гейтс вступил в конфликт с генерал-майором Филипом Скайлером, но, к счастью, они сумели поделить власть: Скайлер остался главнокомандующим в Канаде, а Гейтсу поручили Тикондерогу и оборону озера Шамплейн.

В Нью-Йорке же напряжение росло. Британский флот, не имевший равных во всём мире, мог появиться на горизонте в любую минуту. Вашингтон приказал солдатам даже спать с оружием. 29 июня дозорные на острове Статен завидели с косы Санди-Хук 40 британских кораблей, направлявшихся к проливу Нарроус. На Манхэттене поднялась суматоха. «Город гудит, пушки подают сигналы тревоги, солдаты бегут на свои посты, всюду переполох», — писал Генри Нокс брату.

В Коннектикут и Нью-Джерси галопом помчались гонцы: присылайте ополчение, скорее!

Конгресс постановил удержать город любой ценой. Днем раньше Вашингтон отдал приказ ополчению из Массачусетса и Коннектикута срочно выступить в Нью-Йорк, а теперь ускорил приготовления к атаке англичан: повсюду возводили стены из мешков с песком. Перепуганные женщины и дети в спешке покидали город (Кэти Грин и Люси Нокс с детьми тоже уехали); им навстречу двигался поток ополченцев. Главнокомандующий день-деньской был на ногах, стараясь успеть повсюду. Марту он отправил в Филадельфию: там спокойнее. Чтобы легче переносить

разлуку, она попросила Пила сделать для нее акварельную миниатюру, изображавшую ее супруга в синем мундире с золотыми эполетами.

До прибытия подкреплений в распоряжении Вашингтона находилось менее девяти тысяч солдат, из которых две тысячи были больны. Сразиться же предстояло с гигантским тридцатитысячным экспедиционным корпусом, включавшим 17 тысяч немецких наемников. Первый отряд кораблей уже был виден с Манхэттена, а вдали показалась армада из 110 военных кораблей и транспортных судов. Это была жуткая и завораживающая картина. «Я не мог поверить своим глазам, — записал рядовой Даниель Мак-Кертин. — Я уставился в одну точку, и каково же было мое изумление, когда в десять минут вся бухта была полна кораблей... Честное слово, я подумал, что весь Лондон спустился на воду».

Там были и корабли, на которых эвакуировались жители Бостона: устроив себе передышку в канадском Галифаксе, они вернулись на юг, в Нью-Йорк. К счастью для Вашингтона, авангард под командованием его заклятого врага генерал-майора Уильяма Хоу решил не форсировать события. Некоторые корабли встали на якорь у Грейвсенда на Лонг-Айленде, а вновь прибывшие британские солдаты расположились лагерем на острове Статен. Генерал Хоу поджидал основной флот из Англии, которым командовал его брат-адмирал Ричард, виконт Хоу.

В приказе по армии от 2 июля Вашингтон воззвал к патриотическим чувствам своих необстрелянных солдат, стараясь пробудить в них достоинство и выставляя их не пешками в чьей-то игре, а людьми, которые сами вершат историю: «Настает решительный момент, который покажет, суждено ли американцам быть свободными людьми или рабами... Судьба нерожденных миллионов отныне зависит, по Божьему соизволению, от храбрости

нашей армии». В то же утро пять британских военных кораблей прошли через Нарроус, словно намереваясь атаковать американские форты. Этот маневр не вызвал никакой паники — патриоты были готовы к бою и, казалось, даже желали его.

Конгресс решил «разорвать связь» с Великобританией и принял резолюцию, предложенную Ричардом Генри Ли, правда, еще два дня не мог согласовать окончательный текст Декларации независимости. Наконец 4 июля текст был одобрен; Конгресс велел отпечатать его в двухстах экземплярах для распространения во всех колониях. Два дня спустя Хэнкок, поставивший свою подпись под этим документом, прислал один экземпляр Вашингтону с просьбой зачитать Декларацию армии. Там, в частности, напоминалось о каре, которая уготована британскими войсками мятежникам. (Впоследствии Вашингтон скажет, что они дрались «с петлей на шее».) Вашингтон знал, что в глазах англичан они являются изменниками; случись им попасть в плен, их не пощадят. Для себя он решил, что в этом случае «не будет ни просить, ни ожидать милости от Его Величества», но разработал план побега в страну Огайо, на принадлежащие ему земли. «В худшем случае они послужат мне убежищем», — писал он Бервеллу Бассету.

Радостная весть разлетелась на легких крыльях. Все офицеры отправились в паб праздновать провозглашение независимости.

Полкам было приказано собраться в шесть часов вечера 9 июля на плацу для заслушивания Декларации независимости. Вашингтон попытался растолковать солдатам значение этого документа, придав конкретное наполнение абстрактным понятиям. «Генерал надеется, — говорилось в приказе по армии, — что сие важное событие побудит каждого офицера и солдата проявить стойкость и мужество, зная, что отныне мир и

безопасность нашей страны зависят (по воле Божией) только от успехов нашего оружия и что он теперь состоит на службе государству, обладающему властью вознаградить его за заслуги и повысить до самого почетного звания в свободной стране». Кроме того, Конгресс теперь мог чеканить свою монету и использовать другие методы поощрения. Декларация была зачитана каждой бригаде и встречена криками «ура». В городе звонили во все колокола. Пришедшие в невероятное возбуждение солдаты толпой помчались по Бродвею, свалили конную статую Георга III, оторвали ей голову, отрубили нос и сорвали с нее лавровый венок, а затем маршировали с этим трофеем по всему городу под звуки флейт и барабанный бой. Голову, насаженную на пику, выставили возле таверны. Четыре тысячи фунтов позолоченного свинца, из которого была сделана статуя, пустили на отливку 42 088 мушкетных пуль, «чтобы смешать их с мозгами наших заносчивых врагов».

Вашингтон был удручен этими сценами: его армия вновь вела себя подобно разнузданной орде. Революция — это не бунт, должны быть порядок, уважение к чужой собственности и государственным символам, пусть даже и чуждым. И всё же такой порыв воодушевления не мог не подбодрить его: в письме Хэнкоку он утверждал, что если англичане пойдут в атаку, им придется заплатить большой кровью за взятие любого укрепления.

Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. 12 июля, в три часа пополудни, пять британских кораблей, воспользовавшись приливом и сильным ветром, подошли прямо к Баттери.

В Нью-Йорке прогремели сигнальные выстрелы из пушек. Улицы в один момент наполнились бегущими в разные стороны солдатами и обезумевшими от ужаса жителями. Пушки на Ред-Хуке и Губернаторском острове открыли огонь; когда корабли обогнули Манхэттен, направляясь к устью Гудзона, орудия в старом форте

Георга и прочая береговая артиллерия их поддержали. В форте Георга огнем руководил девятнадцатилетний капитан Александр Гамильтон, покинувший Королевский колледж, чтобы служить великому делу.

Первое испытание американцы с позором провалили: только половина артиллеристов бросилась к пушкам; сотни солдат стояли разинув рот и пялились на неприятельские корабли, словно это была регата. Одна из пушек взорвалась в неловких руках, убив шесть человек из артиллерийской роты капитана Гамильтона.

Несмотря на плотный огонь с Манхэттена и Нью-Джерси, сорокапушечный «Феникс» и двадцатипушечная «Роза» поднялись по Гудзону и обрушили на Нью-Йорк двухчасовую канонаду, из-за которой весь город окутался дымом, а его жители метались в панике, женщины и дети пронзительно кричали. Их страх передавался военным...

На следующий день Вашингтон сурово наказал солдат, которые смотрели на британские корабли, ничего не предпринимая. «Подобное несолдатское поведение должно опечалить каждого хорошего офицера и создать у неприятеля дурное впечатление о нашей армии... бессильное любопытство в такое время заставляет человека выглядеть убого и жалко».

Вечером Вашингтон и его офицеры заметили появление нового корабля «Орел», шумно приветствуемого британскими солдатами на воде и суше. Корабль шел на всех парусах, а на фок-мачте гордо реял георгиевский флаг: прибыл адмирал Хоу.

Братья Хоу получили образование в Итоне, дружили с королем Георгом III и состояли в числе умеренных вигов в парламенте. Старший был великолепным моряком, прославленным своей храбростью, боевым духом и моральными принципами; младший во время Франко-индейской войны храбро сражался в Квебеке и рисковал жизнью на Банкер-Хилле. Этим сходство

исчерпывалось. 47-летний генерал Уильям Хоу, высокий, хорошо сложенный и изящный, с густыми бровями, чувственными губами и смуглым цветом лица, безудержно предавался всем порокам, свойственным его классу, в особенности игре и распутству. В Америке он нашел себе любовницу, хорошенькую уроженку Бостона Элизабет Ллойд Лоринг, прозванную «султаншей британской армии»; ее муж Джошуа Лоринг сам свел ее с генералом в обмен на деньги и должность комиссара по делам военнопленных. Пятидесятилетний адмирал Ричард Хоу с холодным взглядом, тонкими губами и малопривлекательным лицом получил прозвище Черный Дик; он был сдержан, замкнут, мрачен и молчалив. Однако оба верили в Британскую империю и сочувствовали требованиям колонистов, а потому вовсе не желали вести войну на уничтожение. Не утратив надежды на то, что мятежников можно вразумить, они пришли к ним не только с мечом, но и с предложением мира.

Четырнадцатого июля братья Хоу отправили к Вашингтону парламентаря, лейтенанта Филипа Брауна. «Положение, в котором Вы находитесь, и признанная широта Ваших взглядов побуждают меня искать случая переговорить с Вами о сути приказа, который я имею честь исполнять», — говорилось в письме адмирала. Между Статеном и Губернаторским островом три американские шлюпки преградили путь шлюпке Брауна. У лейтенанта спросили, куда он направляется и по какому делу. Тот ответил, что у него письмо Вашингтону. Ему велели оставаться на месте и отправились за инструкциями на берег. Навстречу парламентарю вышли Генри Нокс, Джозеф Рид и Сэмюэл Блэчли Уэбб и сказали, что не прикоснутся к письму, не узнав доподлинно, кому оно адресовано. Браун повторил: «Джорджу Вашингтону, эсквайру и проч.». Нет такого, ответили ему. Несколько озадаченный, Браун

спросил, а кто же тогда есть, и ему объяснили, что есть генерал Вашингтон, об этом знают все с прошлого лета. Браун не стал нарываться и попытался выпутаться из неловкого положения: письмо лорда Хоу носит скорее частный, а не военный характер. Извините, недоразумение. Бывает, ответили ему.

Секретарь лорда Хоу Эмброуз Серль просто подскочил от негодования, узнав о причине, по которой Вашингтон не принял письмо. «До чего эти люди дошли в своем тщеславии и наглости!.. Теперь видно, что иного выхода нет: только война и кровопролитие стоят на пороге этого несчастного народа».

Два дня спустя Вашингтон отверг еще одно письмо, адресованное «Джорджу Вашингтону, эсквайру». Ах вот как! «Жалкий захудалый полковник милиционных войск, стоящий во главе бандитов или мятежников, считает ниже своего достоинства вести переговоры с представителем его законного суверена, потому что тот не величает его всеми титулами, на которые претендует это несчастное создание!» — воскликнул Серль. Но Вашингтон, желавший преподать англичанам урок и заставить их уважать его страну в его лице, всё же добился своего: 17 июля уже новый парламентар, капитан Нисбет Балфур, осведомился, сможет ли генерал Вашингтон принять полковника Джеймса Патерсона, велеречивого генерал-адъютанта генерала Уильяма Хоу. Правила протокола были соблюдены, и Вашингтон согласился на встречу 20 июля, в штабе Генри Нокса на Бродвее, дом 1, у самого моря (иначе полковнику пришлось бы завязывать глаза, везя вглубь острова).

В полдень 20 июля к Баттери подошел баркас Патерсона. На берегу выстроилась личная гвардия Вашингтона, а сам главнокомандующий явился при всём параде, со всеми военными регалиями. Патерсон, писал довольный Нокс жене, «был охвачен благоговением,

словно предстал пред чем-то сверхъестественным»: «Кстати, меня это не удивляет. Он действительно стоял перед великим человеком».

Ловкий Патерсон уяснил ситуацию и так и сыпал почтительными «Ваше превосходительство». Они уселись за стол переговоров. Сообщив, что и адмирал, и генерал Хоу глубоко уважают генерала Вашингтона, полковник достал из кармана и положил на стол то самое первое письмо, адресованное «Джорджу Вашингтону, эсквайру и проч.». Вашингтон оскорбился этим «и проч.»; сколько Патерсон ни объяснял, что под этим сокращением скрываются все остальные титулы, генерал был непоколебим: он не состоит в частной переписке с Ричардом Хоу.

Тогда полковник завел речь о добром и милостивом короле, пославшем братьев Хоу заключить соглашение с чем-то недовольными колонистами. Вашингтон сразу сказал, что не уполномочен вести переговоры о соглашении. Братья Хоу посланы даровать прощение, однако не совершившим никакого проступка прощение не надобно, они лишь отстаивают свои бесспорные права. Вот давайте об этом и поговорим, с готовностью согласился Патерсон. Вашингтон обошелся с ним крайне учтиво и вежливо выпроводил, предложив перед отъездом разделить с ним легкую закуску.

В тот же день он выпустил пар в письме полковнику Адаму Стивену, обличая «гносные махинации еще более гносных правительственных агентов». Предложения о мире братьев Хоу — чистой воды пропаганда с целью «обмануть и обезоружить не только добрый народ нашей страны, но и тех англичан, кто не приемлет поступков короля и правительства», писал он два дня спустя уже Джону Хэнкоку.

Патриоты готовились к войне. На исходе июля, под палящим солнцем, солдаты Вашингтона рыли траншеи, вгрызаясь в иссохшую и окаменевшую землю. Толстяк

Генри Нокс обливался потом, целые дни проводя на жаре, и жаловался жене, что в жизни так не уставал. Чистой воды было мало, и войска стали косить болезни: дизентерия, брюшной тиф, малярия, оспа. В каждом сарае, хлеву, конюшне, даже под заборами и кустами лежали больные. Доходило до того, что в некоторых полках не оставалось ни одного здорового офицера. Солдаты так и не приучились к гигиене: из канав несло воню от испражнений. Грин велел оборудовать отхожие места и каждый день присыпать свежей землей. По его просьбе Вашингтон разрешил солдатам существенно дополнить свой мясной рацион свежими овощами для профилактики цинги. Обмундирования по-прежнему не было, и Вашингтон посоветовал бойцам облачиться в охотничьи рубахи, чтобы англичане думали, что перед ними целая армия опытных и метких стрелков. Оружия тоже не хватало; Грин раздал своим людям три сотни копий. В целом армия Вашингтона представляла собой некий «цыганский табор», в котором шестидесятилетние старики соседствовали с четырнадцатилетними подростками, а белые оборванцы — с неграми.

Старших офицеров тоже было мало: единственным генерал-майором в Нью-Йорке оказался старина Пат. По просьбе Вашингтона Конгресс произвел в генерал-майоры Уильяма Хита, Джозефа Спенсера, Джона Салливана и Натанаэля Грина.

Первого августа с Санди-Хука заметили 45 кораблей, доставивших из Южной Каролины генералов Генри Клинтон и Чарлза Корнуоллиса с тремя тысячами солдат. Для американцев они словно с неба свалились. 4 августа на горизонте показался еще один отряд из 21 корабля. Их имена были весьма показательны: «Доброе намерение», «Дружба», «Дружеское увещевание», «Отцовская доброжелательность»... Чтобы в рядах патриотов не возникло паники, командиры уверяли их,

что англичане ночью уводят корабли в море, а поутру те появляются, как будто вновь прибывшие.

Кабинетным генералам Континентальной армии, знавшим о войне только по ученым трактатам, предстояло впервые дать бой — и кому? Хорошо обученным профессиональным войскам! Все были настроены пессимистично. Генри Нокс признавался брату, что у них недостаточно сил, чтобы выдержать мощный удар. Джозеф Рид предлагал тактику затягивания военных действий, уклонения от генеральной баталии, от сражения вообще, «если только на нашей стороне не будет решающего перевеса». То есть надо укрепить несколько неприступных позиций — и пусть англичане их штурмуют себе на гибель. Чарлз Ли хотел разбить армию на множество мобильных отрядов, которые рассеются на местности и будут изматывать врага партизанскими вылазками. Вашингтону пришлось смириться с тем, что оптимальный вариант — постараться просто выжить, изнуряя противника затяжной войной, а тем временем подыскивая себе союзников в Европе.

Споры о стратегии шли и в стане англичан, но им, напротив, требовалась скорая и решительная победа. От блокады американских портов отказались сразу — это была непосильная задача даже для королевского флота. Группа офицеров ратовала за террор, но в Фалмуте и Норфолке такая тактика уже привела к обратному результату: вместо того чтобы покориться, американцы только озлобились и сплотились. Нет, наша задача — вернуть мятежников к покорности, опираясь на лоялистов. Братья Хоу хотели сделать Нью-Йорк британской цитаделью и базой для рейдов в атлантические порты, чтобы обеспечить сухопутным войскам большую подвижность и свободу передвижения. Главное — сохранить контроль над

Гудзоном и отрезать Новую Англию от остальных колоний.

Как это уже бывало, в напряженной атмосфере ожидания неминуемой катастрофы Вашингтон искал эмоциональной разрядки, уносясь мыслями в Маунт-Вернон. Из письма Джеки Кастиса он знал, что британские военные корабли поднялись по Потوماку и спалили все дома, но предпочитал представлять себе свою усадьбу такой, какой ее оставил. Он четко помнил всё до последнего кустика и размышлял о том, какие деревья где посадить, рекомендуя Лунду Вашингтону раздобыть семена гледичии трехколючковой для живой изгороди. Боярышник или шиповник тоже подойдет, но лучше кедр или какое-нибудь вечнозеленое растение. Если какое-то растение не приживется, попробуем другое, но сажать изгородь уже давно пора, и не только с декоративной целью.

Через пару дней ему будет не до кедров...

БЕЗДАРНОСТЬ?

К середине августа на рейде Нью-Йорка появилось еще 100 кораблей: они заходили в гавань целый день, с развевающимися флагами, под пушечный салют и приветственные крики. Кроме трех тысяч британских солдат, они привезли восемь тысяч наемников из Гессена. Все крыши домов были черны от народа, собравшегося поглазеть на редкое зрелище: у острова Статен выстроились почти 400 больших и малых судов, 73 военных корабля, включая восемь линейных, имевших по 50 пушек и более.

Экспедиционному корпусу в 32 тысячи человек (больше, чем всё население Филадельфии) противостояла Континентальная армия — 10,5 тысячи солдат, треть из которых были больны. В Нью-Йорк срочно направили ополчение, увеличив силы под командованием Вашингтона до двадцати трех тысяч человек, но по большей части это были зеленые юнцы, еще вчера торговавшие в лавках или работавшие на фермах и не имевшие ни малейшего представления о войне. Но были и отряды, действительно напоминающие армию. Самая маленькая колония — Делавэр — прислала самый большой батальон: 800 человек в красивых синих мундирах с красным кантом, белых жилетах, лосинах, белых шерстяных чулках и с новейшим оружием — английскими мушкетами. Батальон из Мэриленда под командованием генерала Уильяма Смолвуда состоял из зажиточных людей, вооруженных лучше прочих и броско смотревшихся в алых мундирах, отделанных кожей.

Но несмотря на то, что каждый день приходили новые подкрепления, солдаты массово дезертировали, а новые рекруты отказывались подписывать контракт: лето 1776 года выдалось на редкость урожайным, и

рабочие руки требовались дома. «Всё это печально, однако это правда, — писал Вашингтон Хэнкоку. — Надеюсь на лучшее».

Разумеется, людей надо было подбодрить. «Мы должны решиться победить или умереть, — призывал Вашингтон в приказах по армии. — С этой решимостью, с благословения небес, мы непременно победим и добьемся успеха».

Чтобы помешать атакам с моря, он велел перекрыть конец каждой улицы баррикадой и затопить в устье протоки Ист-Ривер, между Баттери и Губернаторским островом, старые суда, чтобы препятствовать прохождению британских кораблей. От Нижнего Манхэттена до Бруклина вбили ряд свай.

Вашингтон не знал наверняка, где англичане нанесут удар, и опасался, что высадка на острове Лонг-Айленд может оказаться отвлекающим маневром перед полномасштабным штурмом Нью-Йорка. Скрепя сердце он решил нарушить главное военное правило, гласившее: нельзя разделять свои силы перед превосходящим по численности противником. Главнокомандующий поделил армию почти пополам, рассчитывая, что в зависимости от развития событий сможет перебросить людей на другую сторону Ист-Ривер.

Самые большие надежды Вашингтон возлагал на Грина, назначив его командующим американскими войсками на Лонг-Айленде. Но Грин, недавно переболевший желтухой, теперь страдал от «жестокой лихорадки». 20 августа он был почти при смерти. Вашингтону пришлось отправить его подлечиться на север города и заменить Салливаном — вспыльчивым ирландцем из Нью-Хэмпшира, сыном законтрактованного рабочего, получившим юридическое образование. Отдавая должное его преданности общему делу, Вашингтон отмечал его тщеславие и нездоровое

стремление к популярности. Частями Салливана теперь командовал лорд Стерлинг, ранее заведовавший нью-йоркскими укреплениями, — 58-летний шотландец, претендовавший на графский титул своего отца. (До войны Вашингтон помог ему выпутаться из долгов: некогда богатый Стерлинг жил не по средствам и любил приложиться к бутылке, но был знатный храбрец.)

В среду 21 августа Вашингтон черкнул коротенькую записку Хэнкоку: всё в порядке, пока без перемен. Однако в тот же день он получил срочную депешу от генерала Уильяма Ливингстона, командовавшего ополчением из Нью-Джерси: лазутчик, посланный на остров Статен, только что вернулся с сообщением о том, что британцы готовятся к атаке — и на Лонг-Айленде, и выше по Гудзону. Скорее всего, атака начнется ночью. «Мы не заметили никаких существенных передвижений», — гласил ответ Вашингтона, написанный рукой Рида.

Ближе к ночи над Нью-Йорком разразилась страшная гроза. В семь часов вечера с запада пришла огромная грозовая туча, поминутно раздираемая молниями от края до края. Полил дождь. И вдруг грохнул гром, словно залп из тысячи пушек. В мгновение ока всё небо почернело, вспышки молний следовали одна за другой, раскаты грома не прекращались ни на миг. Туча висела над городом три часа, молнии походили на пламенеющие дротики, которые метала чья-то всесильная и жестокая рука. Несколько домов загорелись. Одной-единственной молнией убило десятерых солдат у форта Стерлинга. В Нью-Йорке один солдат, бежавший по улице, упал замертво — оглушенный, ослепший и онемевший. В другой части города погибли три офицера: их тела обуглились, а кончики шпаг и монеты в карманах оплавилась.

На рассвете следующего дня небо было чистым и безоблачным, как будто ничего и не происходило.

Свежий утренний ветерок донес к позициям американцев барабанную дробь: англичане высаживались на Лонг-Айленде, в бухте Грейвсенд.

Четыре тысячи солдат элитных войск генералов Клинтон и Корнуоллиса за три часа перебрались на плоскодонках с пяти кораблей на ровный, песчаный берег и закрепились там. Высадка прошла так, словно ее много раз репетировали. Пенсильванские стрелки к тому времени уже отступили, уведа с собой или перебив скот и спалив хлебные поля и фермы. Плотное облако дыма было видно даже из Нью-Йорка, за восемь миль.

Корабли всё прибывали. Пролив Нарроус заполнили девять десятков судов. Солдаты в ярко-красных мундирах, поблескивая на солнце начищенными штыками, волна за волной сходили на берег; гессенские гренадеры в синей униформе высадились в боевом порядке. Быстро разворачивалась артиллерия. После полудня, с последними частями, явились даже женщины, обслуживавшие армию.

Лоялисты сотнями шли приветствовать «освободителей», доставая из загашников припрятанные запасы. Гессенские солдаты были поражены видом садов, изобилующих яблоками, персиками и прочими фруктами; англичане — неприятно удивлены видом и обстановкой домов местных жителей, показавшихся им роскошными. Эти американцы разбогатели за счет империи, а еще чем-то недовольны! Не тратя времени на трогательные сцены, авангард под командованием Корнуоллиса продвинулся на шесть миль вглубь острова и стал лагерем у голландской деревушки Флатбуш, в трех милях от Гуанских высот.

В Нью-Йорке о высадке стало известно уже рано утром. «Сколько их?» — хотел прежде всего знать генерал. Разведка донесла: где-то восемь-девять тысяч. Так я и знал, подумал Вашингтон, это отвлекающий маневр, основные силы будут брошены на Манхэттен. Он

перевел в Бруклин только десять батальонов, доведя американский контингент на Лонг-Айленде до шести тысяч человек.

На самом деле англичане высадили на Лонг-Айленде 22 тысячи солдат.

Двадцать третьего августа, объезжая укрепления вместе с генералом Салливаном, Вашингтон вдруг решил перевести три тысячи солдат дальше к югу, на Гуанские высоты — поросшие лесом холмы. Им предстояло сразиться с превосходящими силами противника, и главнокомандующий призывал их показать, «что горстка храбрецов, сражающихся на своей земле за правое дело, может сделать с продажными наймитами».

«Близится час, от которого зависят честь и победа нашей армии и безопасность нашей истекающей кровью страны. Помните, офицеры и солдаты, что вы вольные люди, сражающиеся за блага свободы, и что если вы не поведете себя как мужчины, рабство будет уделом и вашим, и ваших потомков».

Напомнив про славные дела в Бостоне и Чарлстоне, Вашингтон не забыл добавить, что трусы будут расстреляны на месте.

Сам он сильно нервничал. Ему еще никогда не приходилось командовать таким масштабным сражением, да и вообще командовать; прежде он рисковал лишь собственной жизнью, выполняя приказ, а теперь должен отдавать приказы сам. На всякий случай он поставил над Салливаном, плохо знакомым с местностью, Израэля Патнэма.

Поднялся благоприятный ветер, и Вашингтон испугался, что британцы возьмут их в клещи: на Лонг-Айленде солдаты ринутся к Бруклинским высотам, в то время как корабли двинутся к Южному Манхэттену. 25-го он снова объезжал свои позиции — и чуть не сгорел со стыда. Это был не военный лагерь, а какая-то орда:

люди шатались без цели, падали в белый свет, как в копеечку, ехали куда-то верхом и на повозках, отдаваясь на несколько миль от позиций... «Отличие между хорошо организованной армией и толпой состоит в том, что в первой — строгий порядок и дисциплина, а во второй — распушенность и разброд», — отчитывал он Патнэма. Добрый «старина Пат» делал всё, что мог, но мог-то он немного...

Вашингтон привык, когда решение уже принято, не пересматривать его и действовать по утвержденному плану. Обозревая 26 августа с Гуанских высот стройные ряды белых палаток, протянувшихся от Грейвсендской бухты на целых пять миль, и колонны солдат в красных мундирах во время ежедневного смотра, он не допускал и мысли о том, что мог ошибиться в своих предположениях, и не приказал перебросить сюда части с Манхэттена.

План был таков: генерал Патнэм руководит обороной укреплений на Бруклинских высотах, генералы Салливан и Стерлинг со своими частями прикрывают дороги и тропинки, ведущие к этой естественной преграде. Справа — Гуанская дорога, рядом с проливом Нарроус; посередине — Флатбушская дорога, скорее всего, именно по ней пойдут англичане; слева — Бедфордская дорога. Все три довольно узкие, а потому их будет легко защищать.

Сражение, если оно произойдет, развернется на покрытых лесом холмах, а в лесу американцы сражаются лучше. Патнэму был отдан приказ: выставить вперед лучшие силы и любой ценой помешать неприятелю пройти через лес и приблизиться к укреплениям.

Таким образом, менее трех тысяч необстрелянных солдат должны были удерживать фронт длиной в четыре мили; остальные — шесть тысяч — находились в бруклинских фортах. Сообщение между отрядами было затруднено, обзор в лесу — неширок. У солдат

Вашингтона не было одинаковых мундиров, поэтому, чтобы не стрелять по своим, придумали отличительный знак: зеленую ветку на шляпе.

В последний момент, уже утвердив этот план после совещания с офицерами, Вашингтон вдруг вспомнил про Ямайскую дорогу, в трех милях слева от Бедфордской, самую узкую из всех, и велел отправить туда конный патруль из пяти милиционных офицеров.

В тот же вечер он вернулся в Нью-Йорк. На душе было беспокойно. Перед глазами стояли море белых палаток и фаланги красных мундиров... Судя по всему, главный удар будет нанесен всё-таки на Лонг-Айленде, с прицелом на Бруклин, написал он Хэнкоку и генералу Хиту. Хотя возможно, что это будет лишь ложный маневр с целью ослабить наши силы...

Какой тяжелый день! Покончив с официальной корреспонденцией, Джордж засел за длинное письмо Лунду Вашингтону: пусть продаст муку на Эспаньолу; северный угол дома непременно нужно покрыть кровлей, даже если за гвоздями придется посылать в Пенсильванию; камин следует доделать и вообще завершить все работы до зимы. Вашингтон прибегнул к испытанному средству психотерапии, чтобы привести себя в равновесие. «Если бы я не считал нашу борьбу справедливой... никакое материальное вознаграждение на свете не возместило бы мне потерю счастья домашней жизни и не отплатило бы мне за тяжелый труд, беспрестанно довлеющий надо мной, лишая всякой радости», — горько писал он. Черкнул еще пару слов Марте и забылся тяжелым, неровным сном. В последние дни он вообще спал очень мало.

В тот же день, когда Вашингтон осматривался в Бруклине, генерал Хоу послал за Генри Клинтоном и объявил: готовьтесь выступить нынче ночью, действовать будем по утвержденному плану.

План Клинтона, лично выезжавшего на рекогносцировку, был гениально прост. Рано утром генерал-майор Джеймс Грант поведет две бригады шотландских горцев по Гуанской дороге, совершая отвлекающий маневр. Генерал-лейтенант Леопольд Филипп фон Хайстер двинется со своими гессенцами из Флатбуша и ударит в центр. Основные же силы выступят еще ночью, под прикрытием темноты, кружным путем зайдут в тыл людям Салливана и Стерлинга и на рассвете устрелятся по Ямайской дороге, в щель между американскими позициями, пробьют в них брешь и выйдут прямо к Бруклинским высотам, затянув смертельную петлю вокруг американцев.

Приказ выступить был отдан в девять вечера. Клинтон вел бригаду пехотинцев с примкнутыми штыками. За ним шел Корнуоллис с восемью резервными батальонами и четырнадцатью пушками. Замыкал шествие генерал Хоу с шестью батальонами, артиллерией и обозом. Колонна из десяти тысяч солдат растянулась на две мили. Проводниками были три местных фермера, лояльных к британцам. Палатки не сворачивали, костры оставили гореть, словно никто никуда не уходил.

Шли очень медленно, главное — не шуметь и не выдать себя. План был известен только высшему командованию, поэтому даже офицеры не знали, куда и зачем они идут. Вперед выслали разведчиков, которые должны были снимать американские патрули и перехватывать местных жителей, способных подать сигнал тревоги.

К двум часам ночи добрались до таверны Говарда у выхода на Ямайскую дорогу. Трактирщика и его четырнадцатилетнего сына подняли с постели, допросили и взяли с собой в качестве проводников. Несколько конных офицеров отправились вперед по

узкой каменистой тропе, ведущей в тесное ущелье, отводя руками нависающие над ней ветви.

Минут через десять из темноты выехали пять всадников — американский патруль. Их тут же повязали без единого выстрела, почти бесшумно. Пленных отвели к генералу Клинтону, который с радостью узнал от них, что проход больше никем не охраняется. Он продолжил допрос, желая выяснить, сколько мятежников защищают Бруклин. 22-летний лейтенант Эдвард Данскоум был возмущен этим вопросом, а на угрозу его повесить ответил, что генерал Вашингтон отомстит за него, повесив по одному британцу за каждого американца. Пленных увели; англичане двинулись дальше.

Уже занимался день, когда они вышли к Бедфордской дороге. Людям велели лечь на траву и отдыхать. Когда подтянулся арьергард, солнце взошло, но это было не важно — их никто не заметил. (По дороге пришлось свалить несколько деревьев, мешавших движению пушек, но их спилили, а не срубили, чтобы не шуметь.)

В три часа ночи генерала Патнэма разбудили, сообщив, что неприятель атакует на правом фланге, на Гуанской дороге (Грант решил выступить с опережением графика). Три сотни британцев вылетели на Гуанскую дорогу, паля из мушкетов, и американские дозорные побежали, сверкая пятками.

Патнэм кинулся в лагерь Стерлинга и приказал выступить навстречу врагу и опрокинуть его, не имея ни малейшего представления о численности неприятеля. Пушки подали сигнал тревоги, забили барабаны. Генерал Сэмюэл Парсонс (еще год назад скромный судебный поверенный из Коннектикута) вскочил на коня и поскакал к месту атаки. Из леса выходили британцы и спускались с холма. Остановив два десятка бегущих дозорных, Парсонс занял с ними оборону в полумиле от

неприятеля и сумел задержать его продвижение до подхода Стерлинга с основными силами.

Шотландцы шли стройными рядами, с развевающимися знаменами. Приблизившись на две сотни ярдов, они открыли огонь из полевой артиллерии и мушкетов, но Стерлинг приказал своим людям не стрелять, пока противник не подойдет на 50 ярдов. Несмотря на то что ряды американцев редели под обстрелом, они не дрогнули, и британцы не стали подходить ближе. Тогда заговорили американские пушки. За час американцы отбили две атаки. Но задачей Гранта было лишь отвлечь внимание на себя, и он с ней справился.

В это время артиллерия гессенцев обстреливала позиции Салливана. Три бригады выстроились в линию, на протяжении целой мили, и не двигались дальше. Увидев это, Салливан отправил несколько своих полков на помощь Стерлингу.

Вашингтона, находившегося на Манхэттене, подняли с постели известием о том, что генерал Грант на Гуанской дороге. «Ага, я всё-таки был прав! Они движутся вдоль берега, под прикрытием кораблей, — значит, идут сюда». Он снова лег спать и проснулся уже на рассвете, когда к Ист-Ривер шли пять военных кораблей. Если бы они достигли цели, это была бы катастрофа: американская армия оказалась бы разрезанной пополам, а Бруклинские высоты подверглись бы нападению с тыла. По счастью, ветер изменил направление, и корабли вернулись в гавань.

Около девяти утра Вашингтон и Джозеф Рид уже примчались в Бруклин. Генерал приказал еще нескольким полкам перейти на Лонг-Айленд. Носясь верхом перед своими войсками, Вашингтон призывал их выказать себя настоящими солдатами, ведь на кону стоит то, за что можно отдать свою жизнь, и прибавлял: «Если увижу, что кто-то показал спину, сразу пристрелю.

У меня два заряженных пистолета. Но я никого не прошу заходить дальше, чем я. Я буду сражаться, пока у меня будет хоть одна рука и одна нога».

Ровно в девять часов грохнули две тяжелые пушки: это был сигнал гессенцам и Гранту идти на штурм. Армия Хоу двинулась через Бедфорд к Бруклину.

Будучи главнокомандующим, Вашингтон уже не мог сам вести своих людей в атаку; он следил за битвой с Бруклинских высот, сидя на лошади и глядя в подзорную трубу, так что его хорошо было видно.

Три с половиной тысячи солдат генерала Салливана пытались помешать британцам продвинуться за Гуанские высоты. Американцы могли только стрелять — штыков у их мушкетов не было. Вдруг загремели барабаны, и прямо на них, в лоб, полезли немецкие наемники; их было очень много, и они упорно и быстро продвигались вперед. Оставив на пути гессенцев заградотряд, Салливан решил отвести основные силы — и обнаружил, что сзади его обошли британцы, открывшие ураганный огонь. Американцы тоже начали стрелять, причем довольно метко. С обеих сторон никто не мог понять, что происходит; воцарилось всеобщее смятение, люди пытались бежать, не зная куда. Положение было отчаянным, единственный выход — отступить; применяя тактику «выстрелил — беги», Салливан повел своих людей к бруклинским позициям.

Тем временем из леса выскочили немецкие егеря в зеленых мундирах и гренадеры в синих; американцы успели выстрелить не больше двух раз. Некоторые отбивались мушкетами, как дубинами, другие просили пощады. Озверевшие гессенцы не щадили никого; тех, кто сдавался в плен, прикалывали штыками к деревьям, словно бабочек булавами. Даже англичане, долго ждавшие случая отомстить за Банкер-Хилл, были шокированы таким поведением немцев и шотландцев.

Уцелевших пленников превратили во вьючный скот и впрягли в пушки.

Весь левый фланг американцев был смят. Тысячи людей бежали, сотни попадали в плен. Стоя посреди кукурузного поля, держа в обеих руках по пистолету, Салливан отстреливался до последнего, а потом надвигавшиеся с двух сторон шеренги врагов сомкнулись и его взяли в плен.

К десяти часам британцы были в двух милях от Бруклина. Сотни американцев бежали туда с поля боя, большинство в крови, совершенно изнемогшие. Офицеров не хватало. Вашингтон не мог ничего поделывать, оставалось только смотреть.

Стерлингу было приказано отражать атаки неприятеля, и он четыре часа держался, устроив «сражение в английском стиле». Делавэрцы стояли под ядрами не кланяясь, с развевающимися знаменами. Противник не атаковал — наверное, боялся. Но в одиннадцать часов Грант нанес удар в центр, а тысячи гессенцев вышли из леса слева. Когда Стерлинг, наконец, решил отступить, было уже поздно: с тыла подходили британцы, дивизия Корнуоллиса преградила путь на Бруклин. Отступить можно было только к Гуанской бухте, через болото и ручей, который во время прилива разливался на 80 ярдов, а вода уже прибывала.

Велев своим людям уходить через болото, Стерлинг с 250 мэрилендцами, впервые участвовавшими в бою, атаковал Корнуоллиса, прикрывая отступление, а может быть, надеясь прорваться. Это был самый ожесточенный бой за весь день. Мэрилендцы отступали под смертельным огнем, потом смыкали ряды и снова шли в атаку — пять раз. Сам Стерлинг сражался как лев. «Господи! — восклицал Вашингтон, глядя на это побоище и ломая руки. — Каких храбрецов я вынужден сегодня потерять!» Наконец Стерлинг велел им рассыпаться и попытаться добежать до Бруклина. Их

подвиг оказался напрасным: многие из тех, кого они так мужественно прикрывали, увязли в болоте; не умевшие плавать беспомощно трепыхались в ручье под мушкетным огнем или возвращались с поднятыми руками; только несколькими офицерам удалось переплыть на ту сторону, держась за шеи лошадей. Не желая сдаваться англичанам, лорд Стерлинг ринулся прямо в огонь к полку гессенцев и сдался генералу фон Хайстеру.

К полудню англичане были в виду Бруклина и горели желанием атаковать, однако Хоу приказал остановиться. Пушки смолкли. Сидя за стенами фортов, защитники Бруклина напряженно ожидали штурма, но время шло, а ничего не происходило. До самого вечера слышны были только крики раненых, лежавших на поле боя среди непогребенных тел. В лагерь американцев постепенно приходили бойцы, избежавшие плена, — поодиночке или по трое-четверо, по большей части серьезно раненные. На следующее утро пришли десять мэрилендцев — все, кто уцелел.

Вашингтон со своей армией был в критическом положении: противник их переиграл и задавил числом; они оказались заперты в Бруклине, прижаты к Ист-Ривер, которую можно было использовать для отступления только при благоприятном ветре. Переменится ветер — и в реку войдут британские корабли, перекрыв все пути назад. Бруклин обернулся ловушкой.

Однако рано утром 28 августа Вашингтон вызвал из Нью-Йорка дополнительные части, словно не понимал опасности. Около 1200 солдат из Массачусетса переправились через реку и промаршировали к Бруклину при всём параде. Возможно, именно это и требовалось Вашингтону: при виде молодцеватых пенсильванцев понурые лица разгромленных патриотов просветлели — этих ребят голыми руками не возьмешь!

Свежими частями командовал красавец Томас Миффлин, ставший в 32 года бригадным генералом. Он немедленно вызвался съездить на рекогносцировку и доложить обстановку.

Погода резко переменилась; небо потемнело, похолодало на десять градусов. Весь день под проливным дождем на дальних укреплениях шла перестрелка с противником; залпы пушек сливались с завываниями ветра.

Плотный холодный дождь лил со свинцового неба весь следующий день. Развести огонь, чтобы обогреться и приготовить еду, было невозможно. Голодным, продрогшим, промокшим до костей солдатам было негде укрыться; они засыпали прямо стоя под дождем или сидя в грязи. В окопах вода порой доходила им до груди; оружие и боеприпасы намокли.

Вашингтон, тоже не выспавшийся, промокший и голодный, продолжал объезжать верхом свои позиции, являя собой пример стойкости и решимости. В половине пятого утра он отправил Конгрессу путаное донесение о «стычке» с врагом. О разгроме в нем речи не было, упоминалось лишь, что от генерала Салливана и лорда Стерлинга нет никаких известий.

Положение вырисовывалось безрадостное. Старые суденышки, затопленные в Ист-Ривер, не представляли серьезной преграды для британского флота. Англичане не сидели сложа руки и всю ночь копали апроши — зигзагообразные продолговатые рвы, серьезно приблизившись к бруклинским укреплениям. В четыре часа дня Вашингтон созвал военный совет. Томас Миффлин категорично заявил, что нужно или сражаться, или отступить, и предложил отступление с условием, что он с Пенсильванским полком будет прикрывать отходящие части (он тоже заботился о своей репутации). Решено: уходим.

Генералу Хиту, стоявшему у Королевского моста, отправили срочное послание: немедленно собрать все доступные плавсредства. Чтобы истинные намерения Вашингтона не были раскрыты раньше времени, приказ обосновали необходимостью переправить из Нью-Джерси новые батальоны, спешащие на выручку. Солдатам велели быть наготове в полной боевой выкладке для ночной атаки.

Около девяти вечера самым неопытным отрядам, а также больным и раненым приказали выдвигаться к паромной переправе — их якобы сменят подкрепления. О том, что предполагается эвакуировать всю армию, солдатам и офицерам не сообщили.

Дождь, наконец, прекратился, но дул сильный северо-восточный ветер, поднимая волну. Добравшиеся до реки увидели, что форсировать ее невозможно, остается сидеть и ждать «у моря погоды». Однако к 11 часам ветер неожиданно стих, а потом переменялся на юго-западный, и со стороны Нью-Йорка отчалила лодочная армада, ведомая рыбаками из Массачусетса.

Между тем к берегу подходили всё новые части, люди оскальзывались и проваливались в топкую грязь. Колеса телег и всё, что могло производить шум, обмотали рогожами. Разговаривать запретили, нельзя было даже кашлять и чихать. Все приказы передавались шепотом. Темный силуэт Вашингтона на коне маячил возле самой переправы.

Опытные рыбаки ловко справлялись с быстрым переменчивым течением, слаженно орудуя веслами. Им предстояло переправить людей, лошадей, пушки, провиант — и всё это в кромешной темноте, без фонарей, через капризную реку, достигавшую целой мили в ширину, тогда как под днищем лодки порой оставалось не более нескольких дюймов воды! Туда — и сразу обратно, да не столкнуться с другими! Некоторые гребцы в эту ночь пересекли реку без отдыха 11 раз.

Когда один отряд рассаживался по лодкам и освобождал место на берегу, его тотчас занимал другой.

Люди Миффлина в это время жгли костры и создавали видимость большого бивака. Гарнизону форта Стерлинга тоже было приказано оставаться на месте всю ночь для прикрытия на случай атаки с моря. Около четырех утра к Миффлину явился молодой майор с приказом Вашингтона: всё, отходите. Не может быть, это ошибка! — не поверил Миффлин. Но майор уверял, что отходить приказано всем. Пенсильванцы снялись с места, построились и, еле сдерживая нетерпение, двинулись к переправе сквозь чернильную ночь — чтобы в конце пути узнать, что майор действительно всё перепутал. Они чуть не налетели на главнокомандующего, стоявшего поперек дороги.

«О боже, генерал Миффлин! Вы погубили нас!» — простонал он. Всё разъяснилось. Пенсильванцы вернулись назад...

Время поджимало. Несколько тяжелых орудий, увязших в грязи, пришлось бросить. Уже забрезжил рассвет, а большая часть армии по-прежнему топталась у переправы. И тут произошло еще одно чудо: весь Бруклин окутало плотным туманом. Даже когда взошло солнце, он не рассеялся, в то время как на нью-йоркском берегу тумана не было вовсе.

Вашингтон оставался на «опасном» берегу до самого конца и переправился вместе с людьми Миффлина и гарнизоном форта. Около семи утра они достигли Нью-Йорка, а еще через 1? час туман рассеялся и на бруклинской стороне, только что оставленной американскими войсками, показался неприятель.

Но у девяти тысяч американцев, ускользнувших у него из-под носа, было только одно желание: спать. Первые сутки в Нью-Йорке все, включая главнокомандующего, спали как убитые. 1 Только 31 августа, в субботу, Вашингтон нашел в себе силы

известить Конгресс о побеге из Бруклина, уточнив, что 48 часов не сходил с коня и не смыкал глаз.

В Филадельфии разгром на Лонг-Айленде назвали «неудачным началом», хотя кое-кто открыто говорил о катастрофе.

В других колониях это известие сначала восприняли как пропаганду тори. Когда стало ясно, что это правда, лоялисты возликовали, а «Сыны свободы» впали в тревогу. Однако газеты превозносили Вашингтона за смелую, мастерски проведенную ночную переправу, позволившую сохранить армию: нет сомнений, что с нами Бог!

Но армия, выказавшая чудеса дисциплины во время побега из Бруклина, в Нью-Йорке вновь превратилась в дикую орду. Банды мародеров носились по улицам, врывались в дома, забирая всё, что попадется под руку. Разграбили даже дом лорда Стерлинга. Другие сотнями дезертировали, унося с собой оружие и боеприпасы (один солдат захватил пушечное ядро, чтобы его матери было чем толочь семена горчицы). Каждый четвертый солдат, плетущийся по дорогам Коннектикута и Нью-Джерси, был болен, все поголовно пребывали в унынии. Кое-кто открыто говорил: уж скорее бы вернулся генерал Ли. Авторитету Вашингтона был нанесен серьезный урон. Правда, офицеры, всё это время находившиеся рядом с ним, сохранили ему верность, понимая, какую неподъемную ношу взвалил на себя главнокомандующий.

Кого мог винить Вашингтон? Салливана — за то, что упустил из виду Ямайскую дорогу? Будь там Грин, он непременно выставил бы патрули. Стерлинга, который вовремя не отступил? А кто поставил командовать Салливана, сдернув его с другого участка? Кто виноват, что офицеры — профаны? Да и сам-то он, если честно, не Фридрих Великий... Но он предупредил Конгресс, что может не справиться...

Нью-Йорк не удержать, это очевидно. Оставалось решить, что делать с этим городом. Сжечь, чтобы не достался врагу? Решать требовалось быстро. 2 сентября Вашингтон отправил запрос в Филадельфию; как оказалось, в тот же день туда прибыл генерал Джон Салливан, отпущенный под честное слово лордом Хоу, чтобы передать Конгрессу предложения о мире. Адмиралу был не нужен второй Банкер-Хилл; он хотел победы легкой ценой и считал, что шансов у мятежников никаких. Пока же англичане явно готовились к боям.

Где теперь они нанесут удар? Вашингтон опять блуждал в потемках. Сам он больше всего опасался атаки с тыла, от Королевского моста. Убедив себя, что так, скорее всего, и поступит Хоу, он начал стягивать туда войска. Генерал Хит полагал, что неприятель может высадиться у реки Гарлем: ее устье — горлышко бутылки, которую представляет собой Манхэттен. Но точных разведданных не было.

Пятого сентября оправившийся от болезни Натанаэль Грин явился к генералу и принялся горячо убеждать его, что надо срочно уходить из Нью-Йорка, а город сжечь. Если этого не сделать, неприятель получит здесь превосходные зимние квартиры, верфи, рынок для удовлетворения всех своих нужд.

Два дня спустя Вашингтон собрал у себя, в доме Мортье, военный совет, чтобы решить, как быть. Уходить, оставив после себя золу и пепел, в один голос твердили Грин, Рид и Патнэм. Но тут подоспело письмо от Хэнкока: Конгресс полагает, что в случае отступления Нью-Йорк разрушать нельзя. Если даже его захватит враг, мы его потом отобьем.

Вашингтон снова пребывал в замешательстве. С одной стороны, оставить город, в организацию обороны которого было вложено столько труда, — значит подорвать боевой дух солдат. С другой стороны, он не

может поручиться, что и без того деморализованные войска вообще захотят сражаться.

Девятого сентября после жарких споров Конгресс всё-таки решил отправить к лорду Хоу депутацию из трех человек: Бенджамина Франклина, Джона Адамса и Эдварда Ратледжа. На следующий день передовые британские отряды переправились с Лонг-Айленда на остров Монтрезор в устье Гарлема. Надо было что-то решать. Пока лорд Хоу убеждал депутацию Конгресса отказаться от этой несчастной независимости ради прекращения кровопролития, Вашингтон вновь собрал военный совет, который принял решение: город оставить. Основные силы как можно быстрее выдвигаются к Королевскому мосту, а четыре тысячи солдат под командованием генерала Патнэма их прикрывают. Первым делом надо эвакуировать больных, вывести пушки и тонны провианта, для чего реквизируют все повозки и всех лошадей.

Если бы англичане подождали пару дней, они вступили бы без боя в пустой город. Но братья Хоу назначили на 15 сентября высадку десанта в бухте Кипс-Бей, поручив операцию Генри Клинтону, возражавшему против этого плана до последней минуты.

В окопах у Кипс-Бей оставались полторы тысячи солдат из Коннектикута под командованием полковника Уильяма Дугласа, судового мастера из Нью-Хейвена. Больше трети были больны, только половина — боеспособны, все не спали ночь и не ели уже сутки. В предрассветных сумерках откуда ни возьмись у самого берега выросли пять громадин — английских фрегатов, казавшихся вблизи гораздо страшнее, чем издали. С противоположной стороны Манхэттена донесся отдаленный гром пушек: воспользовавшись благоприятным ветром и приливом, другие британские корабли вошли в Гудзон.

Рассвело. День обещал быть жарким. С пяти фрегатов, застывших в Кипс-Бей, спускали плоскодонки. Они покрыли собой всю водную гладь, и когда в них ровными рядами разместились солдаты в красных мундирах, бухта стала напоминать собой клеверный луг. Около десяти часов первая волна — около восьмидесяти лодок — вошла в реку. Солдаты стояли в них плотно, плечом к плечу.

Британцы и гессенцы вовсе не были закаленными в боях ветеранами. Большинству из них едва перевалило за 20 лет, они еще никогда не участвовали в боях, и им тоже было страшно отправляться в неизвестность. Но это были вышколенные, хорошо обученные солдаты, каждый из которых знал, что ему делать; к тому же они были сытые, здоровые и отдохнувшие. Чтобы преодолеть страх, гессенцы громко пели церковные гимны, а англичане ругались на чем свет стоит.

Лодки тихо скользили по воде, и вдруг пять фрегатов разом открыли огонь. Залп следовал за залпом, пушки не умолкали ни на минуту, 80 жерл плевались огнем. Весь берег окутался дымом. Американские солдаты забились в щели, как тараканы. Так продолжалось почти час. Когда же пушки смолкли, из дыма вышла первая шеренга в красных мундирах. К тому времени американцы уже улепетывали со всех ног.

Вашингтон находился на командном посту у Гарлемских высот. Услышав стрельбу и увидев дым у Кипс-Бей, он мгновенно вскочил на коня и галопом помчался туда по почтовой дороге. В миле от берега ему попались первые беглецы, пробиравшиеся по кукурузному полю ему навстречу. Так и есть! Они не желают сражаться! В ярости генерал направил коня прямо на бегущих людей, пытаясь их остановить. Он уже совершенно не владел собой и изрыгал страшные ругательства, размахивая шпагой. «Укрыться за стенами! Удерживать поле!» — кричал Вашингтон, но

его никто не слушал. Он сорвал с себя шляпу и в сердцах швырнул ее наземь: «И это люди, с которыми я должен защищать Америку?»

Вдали показался передовой отряд гессенцев, и беглецы прибавили ходу. Офицеры тоже бежали; Вашингтон бил их хлыстом. Несколько солдат остановились и выстрелили во врага, убив и ранив несколько человек. Другие замерли с поднятыми руками; гессенцы их пристрелили или закололи штыками.

Прибыло подкрепление — около двух тысяч солдат генералов Сэмюэла Парсонса и Джона Феллоуса, но при виде бегущих в панике людей они тоже побежали, бросая мушкеты, пороховые рожки, фляги, заплечные мешки, шляпы, куртки — и это при виде всего сотни неприятельских солдат!

Вашингтон был взбешен, унижен, раздавлен. Он оставался в виду врага, возможно, ища смерти. С большим трудом два адъютанта заставили его уехать со злополучного поля, и то лишь тогда, когда им удалось схватить поводья его коня.

А британцы продолжали высадку. После полудня на берег сошли еще девять тысяч солдат. Пронесся слух о том, что мятежники оставили Нью-Йорк; одна британская бригада скорым шагом выступила на юг и заняла город.

Их встречали с распростертыми объятиями, некоторых солдат жители несли по улицам на своих плечах. В старом форте Георга одна женщина спустила флаг Континентальной армии и растоптала его; над фортом взвился «Юнион Джек».

Генри Нокс успел сбежать в последнюю минуту, реквизировав лодку на Гудзоне. Израэль Патнэм со своими людьми форсированным маршем выступил по почтовой дороге, и, если бы не молодой лейтенант Аарон Бэрр, убедивший Патнэма свернуть на север по

проселку, они пришли бы прямо в лапы к врагу. Уже стемнело, когда они, изнемогая от усталости, добрались до основного лагеря в Гарлеме. Их появление было встречено криками радости. Чуть позже таким же образом приветствовали Нокса, а главнокомандующий даже обнял его.

В Гарлеме Вашингтон расположился в особняке уехавшего лоялиста — полковника Роджера Морриса, с которым когда-то вместе служил во время Франко-индейской войны. Дом стоял в миле к югу от форта Вашингтона, в самой высокой точке Манхэттена. С балкона было видно Гудзон, долину реки Гарлем, старую голландскую деревушку с тем же названием и узкий канал Хелл-Гейт. В погожие дни можно было даже разглядеть далекие шпили Нью-Йорка и холмы острова Статен, располагавшиеся в 20 милях.

Как обычно, главнокомандующий встал до зари, написал несколько писем. И тут ему сообщили о вражеском наступлении. Вашингтон послал Рида на разведку.

Он ожидал атаки. Только что он доложил в письме Хэнкоку, что отправил несколько разведывательных отрядов для сбора сведений о диспозиции неприятеля. Самые боеспособные его солдаты, сотня рейнджеров из Коннектикута, под руководством лучших офицеров еще затемно ушли на задание. А на рассвете они напоролась на выходящих из леса британцев.

Рид добрался до них как раз в этот момент и во весь опор поскакал обратно — за подмогой. Вашингтон находился на южных подступах к Гарлемским высотам, где стояли части Натанаэля Грина. Рейнджеры отступали, рассредоточившись и отстреливаясь на ходу.

С холма спускались красномундирники, трубя в охотничьи рожки. Вашингтона передернуло. Вот как? Забаву себе устроили? Травлю? К бою!

Он отправил рейнджеров и три роты виргинцев зайти врагу в тыл, окружить и заманить в ловушку, где его встретят Грин и Патнэм с основными силами.

Противник лавиной скатился с холма. Завязался бой. Но маневр, задуманный Вашингтоном, не вполне удался: рейнджеры начали стрелять слишком рано, не успев обойти неприятеля сзади. Англичан не удалось захватить врасплох. Оба командира американцев были смертельно ранены. Увидев это, Вашингтон бросил в бой новые силы; англичане тоже ввели подкрепление, в общей сложности их было пять тысяч человек.

Сражение продолжалось несколько часов; американцы стояли насмерть. И постепенно британцы начали отступать... а потом побежали! Американцы устремились за ними.

Опасаясь, что это ловушка, Вашингтон велел прекратить атаку, но сделать это оказалось нелегко. «Преследование бегущего врага оказалось столь новым делом, что лишь с большим трудом наших людей удалось отвести назад», — писал потом Джозеф Рид. Сообщая о произошедшем Конгрессу, Вашингтон назвал его «ожесточенной стычкой», не похваляясь победой. Но для его армии это была настоящая виктория, столь необходимая ей, чтобы вернуть уважение к себе. Оказывается, и англичане умеют быстро бегать! Надо лишь вдарить хорошенько! Удалось даже захватить пленных.

От них Вашингтон и узнал, что сражение произошло случайно, Генри Клинтон вовсе не планировал наступления на этот день.

Во время боя случился один неприятный инцидент. Рид увидел солдата, бежавшего от врага. На приказ остановиться и повернуть назад Эбенезер Леффингвелл поднял мушкет и спустил курок, стреляя в Рида почти в упор. Осечка. Рид вырвал ружье из рук другого солдата и тоже спустил курок. Осечка! Тогда он выхватил саблю

и дважды полоснул Леффингвелла, ранив его в голову и отхватив ему большой палец, а затем арестовал. 19 сентября состоялся военно-полевой суд. Леффингвелл признал свою вину; за трусость в бою и попытку застрелить офицера его приговорили к расстрелу на следующий день, но когда он уже встал на колени, ожидая залпа, Вашингтон, уступив просьбе Рида, его помиловал. Но, предупредил главнокомандующий, следующий совершивший такое же преступление будет предан смерти без всякой жалости.

Состояние дисциплины во вверенных ему войсках по-прежнему было больной темой. Думая об этом, он морщился и тихо стонал, как от всё чаще донимавшей его зубной боли. Докладывал Конгрессу о «похоти и воровстве» среди солдат, о полковых хирургах, выдающих за взятки справки о болезни или инвалидности, освобождавшие от воинской повинности. Напрасно вы боитесь учреждать регулярную армию, другого выхода нет! Нужны правила, устав, дисциплина; к черту эту вольницу! Наказывать, и посильней! Пока же за самый тяжелый проступок полагалось максимум 39 плетей, но пороли не «как положено», а «играючи», так что многие крепкие ребята с задубевшей спиной охотно шли на риск: три дюжины плетей за бутылку рома — не такая уж дорогая цена.

«Пытаться ввести дисциплину и субординацию в новой армии, должно быть, всегда тяжело, — писал Рид жене, — но там, где повсеместно применяются принципы демократии, где так велико равенство и господствует уравнительный подход, либо не будет никакой дисциплины, либо тот, кто пытается ее навязать, станет всем ненавистен и гадок, а этого никому не хочется».

Девятнадцатого сентября лорд Хоу издал прокламацию, обращенную к американскому народу. Осуждая упрямство его представителей в Конгрессе,

которое до добра не доведет, он призывал американцев опомниться и вернуться под эгиду законного государя в обмен на мир и процветание. Эта прокламация вызвала раздражение с обеих сторон, но события следующей ночи заставили о ней забыть.

Сразу после полуночи в кабаке «Дерущиеся петухи» на южной оконечности Нью-Йорка занялся пожар. Дул юго-западный ветер, и огонь быстро разгорелся. Кровельная дранка дымилась и рдяно пламенела в темноте, взвивалась в воздух и разлеталась, неся гибель в мирно спавшие дома. Док-стрит, Бридж-стрит, Рыночная площадь и Бивер-стрит запылали одна за другой. Из Гарлема, в десяти милях к северу, видно было только далекое зарево.

Ударить в набат было нельзя — Вашингтон приказал снять все колокола и переплавить на пушки. Британские солдаты бросились на помощь, но пламя уже бушевало во всю мощь, жар стоял такой, что не подойти, и с десятком ведер делать тут было нечего.

Стали скорее разбирать еще не загоревшиеся дома, но и это не помогало. И если бы в два часа ночи ветер не переменялся на юго-восточный, был бы сожжен весь город, а так выгорела лишь его западная часть, от Бродвея до Гудзона, включая «Землю обетованную». Церковь Троицы на пересечении Бродвея и Уолл-стрит превратилась в пирамиду огня, пылавшую, пока от нее не осталась куча золы.

На улицы выскакивали полуголые люди — старики, женщины, дети, — бежали, сами не зная куда, пытались спастись в других домах, но и оттуда им вскоре приходилось спасаться вместе с хозяевами и бежать дальше... Страшный гул пламени смешивался с грохотом рушащихся домов, дребезжанием по булыжной мостовой армейских повозок, присланных для вывоза имущества, криками солдат, визгом, плачем детей...

Опасаясь, что пожар мог быть устроен мятежниками, чтобы под его прикрытием устроить ночную атаку, братья Хоу не решились бросить на тушение крупные военные силы. К десяти утра пожар угас сам собой.

Сгорели пять сотен домов — почти четверть города. Ни у кого не было сомнений, что это гнусные происки врага. Еще ночью изловили нескольких поджигателей; одного, застигнутого с факелом в руке, британский гренадер сбил с ног, а потом швырнул прямо в пламя. Другого, обрубавшего ручки у пожарных ведер, повесили британские моряки. Губернатор Уильям Трайон уверял в письме лорда Джермейна, что Вашингтон лично разработал этот план и дал инструкции поджигателям.

Вашингтон же в отчете Конгрессу назвал происшедшее «несчастливым случаем». Однако Лунду Вашингтону он признался: «Провидение или какой-то добрый честный малый сделали для нас больше, чем мы готовы были сделать сами».

Сами американцы уже как будто не собирались делать ничего: солдаты массово дезертировали, уходя по 30–40 человек разом. У Вашингтона опускались руки; на душе было так скверно, как никогда ранее. Но он делал всё, что мог, — не подавал виду, как ему тяжело, и выглядел, как всегда, подтянутым, строгим и невозмутимым.

«Если Конгресс не примет скорых и действенных мер, наше дело будет проиграно», — твердил он Хэнкоку. Срочно нужны хорошие офицеры, а единственный способ их обрести — создать армию на постоянной основе, растолковывал он в письме от 25 сентября. Хватит уже краткосрочных контрактов. Офицерам надо хорошо платить и хорошо их учить, солдатам — тоже выдавать хорошее жалованье, а также одежду и одеяла, да еще пообещать земельный надел.

Вашингтон еще не знал, что благодаря усилиям Джона Адамса, главы военного совета, Конгресс уже

предпринял кое-какие шаги: солдатам, подрядившимся служить «всю войну», пообещали по 20 долларов и по 100 акров земли. Новый военный устав, составленный Адамсом на основе британского, предусматривал за тяжелые проступки более суровые наказания (до сотни плетей и даже смертную казнь). Адамс же предложил создать Военную академию, но пока дело ограничилось словами.

А Вашингтон устал, смертельно устал. «Если бы я захотел наслать злейшее проклятие на врага по сю сторону могилы, то заставил бы его испытать то, что чувствую я», — писал он Лунду Вашингтону 30 сентября. Но — ближе к делу: «Каминная труба в комнате верхнего этажа должна быть угловой, как и прочие, но если этого никак нельзя сделать, не перекроив весь план, то не нужно. Камин в новой комнате должен быть точно посередине; двери и всё прочее — точно соответствующими и единообразными. Короче говоря, я хочу, чтобы всё было исполнено мастерски». Пусть хоть дома всё будет четко, строго, единообразно и как полагается...

Утром 9 октября три британских корабля, дождавшись прилива, поднялись по Гудзону между фортами Вашингтона и Конституции, несмотря на все усилия американцев перегородить русло реки затопленными судами и колодами с воткнутыми в них пиками. Пушки из фортов открыли огонь. Корабли окутались дымками. Распустив паруса, они медленно, но неуклонно продвигались вперед.

Вашингтон всё это видел. Столько трудов — и всё зря! Значит, оба форта совершенно бесполезны; пытаться их удержать — напрасный риск, думал он грустно и даже как-то безучастно. Но в конце дня воодушевленный и готовый к подвигам генерал Грин доложил, что позиции армии крепки, за исход кампании можно не опасаться. Вашингтон не стал возражать.

Рано утром 12 октября 150 кораблей под командованием адмирала Хоу в неожиданно сгустившемся тумане вышли вверх по течению через опасный пролив Хелл-Гейт. Моряки творили чудеса; всё прошло как по нотам. К полудню четыре тысячи солдат во главе с Генри Клинтоном высадились на болотистом участке суши к востоку от американских позиций в Гарлеме и у Королевского моста.

Вашингтон сразу понял, что Гарлемские высоты превратились в западню. Англичане снова намерены окружить их, зайдя в тыл; армию нужно выводить как можно скорее. Он решил сосредоточить основные силы в более надежном месте — на Уайт-Плейнс, в 18 милях к северу. Благодаря обмену пленными лорд Стерлинг и генерал Салливан вернулись к нему. Вашингтон не увидел в этом никакой насмешки судьбы и тепло их приветствовал, поставив каждому задачу.

Четырнадцатого октября в лагере появилась долговязая, нелепая фигура генерала Чарлза Ли в сопровождении неизменных собак. Невероятно популярный в Конгрессе после своих успехов в Чарлстоне, Ли был послан в Нью-Йорк как спаситель. Он не мог понять, зачем Вашингтон вообще советуется по поводу ведения войны с «быдлом из Конгресса»; эти штафирки совершенно с ним не считаются, потому что он ни разу не пригрозил им своей отставкой, писал он генералу Гейтсу, умолчав, разумеется, о том, что отставка была бы принята и тогда главнокомандующим стал бы он сам.

Вашингтон, далекий от подковерной борьбы, очень обрадовался прибытию старого товарища и даже переименовал форт Конституции в форт Ли.

На военном совете 16 октября было решено, что форт Вашингтона надлежит «удерживать как можно дольше», чтобы обеспечить сообщение с Нью-Джерси;

все войска с Манхэттена следует вывести, оставив только тысячу солдат для защиты форта.

Солдаты шли налегке, взяв с собой лишь самое необходимое: оружие и амуницию. По узкому мосту переправлялись на другой берег и двигались на север, к Уайт-Плейнс, по западному берегу речушки Бронкс. Зачастую обозные повозки и пушки приходилось тащить на себе.

В это время четыре тысячи британцев и гессенцев высадились у Пеллс-Пойнт и походным шагом двинулись вперед. Они успели пройти чуть больше мили, не встречая сопротивления, но тут на них с ближайшего холма свалились 750 американцев храброго Джона Гловера. Укрываясь за каменными стенами, они вели прицельный огонь, задержав врага на целый день и заставив его отступить. Британские потери были больше, чем в сражении при Бруклине; американцы потеряли восемь человек убитыми и 13 ранеными.

Каменных укрытий впереди было еще много, и Хоу опять заосторожничал. Если бы британцы продвигались с той же скоростью, с какой начали марш, они настигли бы отступающую армию Вашингтона и покончили с ней. Но Хоу был сыном своего времени — он собирался выманить Вашингтона на открытое пространство и устроить там форменное сражение, чтобы одержать решительную победу по всем правилам военного искусства. Даже выйдя к Уайт-Плейнс, Хоу обождал несколько дней, чтобы убедиться, что всё готово.

Двадцать восьмого октября британская полевая артиллерия открыла огонь и армия Хоу двумя стройными колоннами двинулась в центр американских позиций. Штыки посверкивали на солнце, красные мундиры оживляли вид поля с пожухлой травой.

Американцы окопались на возвышенности за деревней, растянув линию обороны на целую милю. Они ждали удара в лоб и готовились его отбить.

Вдруг одна колонна резко приняла вправо, к высокому холму справа от американцев. Ли говорил Вашингтону, что неплохо бы занять этот холм, но только в самый последний момент туда направили отряд ополченцев.

Британская артиллерия передвинулась поближе. Пушки забухали с обеих сторон; воздух наполнился дымом; эхо выстрелов отражалось от окрестных холмов. Стены, заборы рушились и взлетали на воздух; откуда-то сверху сыпались оторванные руки, ноги, искореженные тела...

Вашингтон отправил подкрепление на холм, на который уже лезли гессенцы под командованием полковника Иоганна Ралля. Ополченцы дрогнули и побежали, и хотя прибывшие им на подмогу делавэрцы и мэрилендцы отчаянно дрались, им тоже пришлось отступить. Ценой больших потерь британцы заняли высоту. Это была победа — но не решающая.

Хоу снова сделал паузу, поджидая подкрепления. 30 октября полил дождь, а утром 1 ноября британцы обнаружили, что Вашингтон с армией отошел на милю, заняв более выгодную позицию на высотах за Бронксом.

Еще два дня прошли в ожидании. Наконец в ночь на 3 ноября американские дозорные услышали в темноте шум английских повозок: несомненно, противник готовил атаку. Весь следующий день ждали начала сражения, но утром 5 ноября, к своему изумлению, обнаружили, что вся британская армия ушла обратно к Гудзону. (Клинтон был разъярен этим решением Хоу и в сердцах заявил Корнуоллису, что уже не в силах служить под его началом, а тот передал Хоу неосторожные слова своего коллеги и соперника.)

Ну да, они идут в Нью-Джерси. Нью-Йорк уже у них в руках, осталось занять Филадельфию — и войне конец. Какой смысл удерживать какой-то форт, когда англичане могут спокойно пройти мимо? Да и захватить

этот форт для них — плевое дело. Надо выводить людей и имущество, писал Вашингтон Грину 8 ноября из Уайт-Плейнс. Впрочем, ему на месте виднее. Пусть решает сам.

В очередной раз Вашингтон решил разделить свою армию, теперь уже на четыре части. Самая крупная, около семи тысяч человек во главе с генералом Ли, останется к востоку от Гудзона — следить, не пойдут ли британцы в Новую Англию. Еще три тысячи с генералом Хитом будут стеречь Гудзонскую возвышенность. Вашингтон с оставшимися — около двух тысяч человек — переправится на другой берег в ожидании подкреплений из Нью-Джерси и Пенсильвании. Грин остается командовать фортами Вашингтона и Ли.

Проделав за три дня 65 миль, 13 ноября Вашингтон был в форте Ли. Грин был уверен, что форт Вашингтона удастся удержать, тем более что его гарнизон удвоили, доведя почти до двух тысяч солдат. Странно, Вашингтон, еще в сентябре отказывавшийся покидать Нью-Йорк, теперь хотел бежать отсюда прочь, а Грин, ратовавший тогда за отступление, теперь намеревался отстаивать последний клочок этой земли, якобы преграждавшей англичанам путь в Филадельфию. Еще одно отступление окончательно подорвет дух и без того деморализованной армии, уверял он главнокомандующего.

Форт Вашингтона представлял собой неправильный пятиугольник на вершине отвесной скалы над рекой; его стены были земляными, а за ними — ничего. Войскам негде было укрыться, воду можно было брать только внизу; никакой осады форт не выдержал бы, это ясно. Но Грин был так красноречив, а намерения британцев непонятны...

Вашингтон не знал, что еще 2 ноября штабной офицер Уильям Демонт переметнулся к противнику и доставил копии, собственноручно снятые с планов форта

Вашингтона, с указанием расположения орудий. А еще прежде того в руки британцам попала сумка с письмами Вашингтона, Рида и других офицеров, оставленная без присмотра беспечным гонцом, отправленным в Филадельфию, на постоялом дворе в Трентоне. В одном из писем говорилось, что Вашингтон разделил свои силы.

Генерал Хоу составил план, в котором главная роль отводилась гессенцам.

В полдень 15 ноября уже известный нам полковник Джеймс Патерсон под белым флагом доставил полковнику Магоу, коменданту форта Вашингтона, ультиматум: сдавайтесь или будете уничтожены. Магоу немедленно ответил, что намерен оборонять форт до последней возможности (он надеялся ускользнуть через реку под покровом темноты). Грин немедленно отправил гонца к Вашингтону, ушедшему с армией за шесть миль; тот прискакал обратно и к ночи был в форте Ли. Грин и Патнэм бодро доложили, что войска настроены побоевому и будут обороняться. Той же ночью, не замеченные американцами, 30 британских плоскодонок тихо окружили форт Вашингтона.

Утром главнокомандующий с Грином, Патнэмом и Хью Мерсером из Виргинии пересекли Гудзон, чтобы «решить, как лучше действовать». Едва их лодка отчалила от берега, как над водой раздалось эхо пушечного выстрела: начался штурм. Высадившись на противоположном берегу, четыре генерала вскарабкались по отвесному утесу наверх, но оттуда не было видно, что происходит в форте. Опасаясь за Вашингтона, подчиненные уговаривали его вернуться, вызываясь по очереди вести наблюдение, но Вашингтон решил, что лучше уйти всем вместе. Через четверть часа после их ухода на этом месте появились англичане.

После основательной артподготовки четыре тысячи гессенцев генерала фон Кнютхаузена перешли

Королевский мост с севера, англичане Корнуоллиса вместе с батальоном шотландцев подошли с востока, форсировав Гарлем на плоскодонках, еще три тысячи, под началом лорда Перси, явились с юга, и к десяти утра генерал Хоу бросил в атаку восемь тысяч солдат — вчетверо больше, чем было защитников форта.

Под огнем виргинских и мэрилендских стрелков гессенцы упорно лезли в гору. Американцев было слишком мало, чтобы оборонять столь протяженные позиции; единственный выход — укрыться за стенами форта, и они со всех ног бросились наверх, падая, задыхаясь, боясь не успеть. К часу дня все защитники заперлись внутри. Еще через час Кньюпхаузен потребовал, чтобы они сдались. В три часа Магоу капитулировал, а около четырех весь гарнизон покинул форт: 2837 американцев проходили между двумя шеренгами гессенцев и сдавали оружие.

Британцы были поражены тем, что увидели: большинству пленных было меньше пятнадцати лет или за шестьдесят; солдаты не могли смотреть без смеха на босых оборванцев.

Единственным человеком, к которому они прониклись уважением, стала Молли Корбин, жена солдата из Пенсильвании Джона Корбина: она сражалась рядом с мужем, а когда того убили, заняла его место возле орудия и палила, пока ей не оторвало руку ядром. Ей разрешили вернуться домой.

После сражения при Бруклине в плен попало около тысячи американцев, теперь же — почти втрое больше, с оружием, инструментами, 146 пушками. Их ждал настоящий ад: британцы держали пленных, включая больных и раненых, в битком набитых сырых и холодных сараях и хлевах или плавучих тюрмах, где они умирали сотнями. И ведь этого можно было избежать!

Вашингтон глухо рыдал от бессилия, созерцая эту трагедию с противоположного берега. «Я с ума схожу от

обиды, горя и сожаления», — писал Грин Ноксу, прося сочувствия и дружеского утешения. Что теперь будут думать о них обоих, в особенности те, кто, по их милости, оказался в плену? Генерал Ли в ярости рвал на себе волосы. «Я предвидел, предсказывал, что это случится», — писал он доктору Бенджамину Рашу, влиятельному члену Конгресса. По его уверениям, при расставании он внушал Вашингтону: «Выведите гарнизон, или они все погибнут». «Если бы у меня была власть, я совершил бы много хорошего, но я уверен, что вы никогда никого не наделите необходимой властью», — заносчиво заявлял он Рашу, а Вашингтона корил за то, что он прислушивается к мнению людей «ниже себя», имея в виду Грина.

Вашингтон не считал Грина ниже себя. Он тоже был подавлен, удручен, но не настолько, чтобы прогнать человека, которому мог доверять, зная, что тот думает прежде всего об общем деле, а уж потом о себе. Грин успел проявить себя, Вашингтон знал его сильные стороны и высоко ценил. Не судите, да не судимы будете. В свое время он тоже набил себе шишек. Опыт приобретается болезненно...

Через три дня четыре тысячи британцев и гессенцев темной ночью, под проливным дождем, пересекли Гудзон и высадились выше по течению, над фортом Ли. Возглавляемые Корнуоллисом, они вскарабкались по почти вертикальной тропе на отвесный берег, густо поросший лесом, и двинулись к форту. Один местный фермер успел предупредить американцев об атаке; Вашингтон примчался туда и сам отдал приказ: покинуть форт немедленно! Всё пришлось бросить: ружья, обоз, сотни палаток, даже завтрак, варившийся на костре. К приходу англичан форт был пуст, только в погребе с запасами рома валялась дюжина мертвецки пьяных солдат.

Вашингтон с остатками армии спешно отступал через реку Хакенсак в Нью-Джерси.

ГЕРОЙ

После дождей дорога превратилась в топкое месиво жидкой грязи. Замерзшие, голодные, оборванные люди с ногами, обмотанными тряпками, оскальзывались, падали, поднимались и брели дальше. В хвосте колонны верхом ехал Вашингтон. Он был ближе всех к врагу, и это производило на людей сильное впечатление. Он только что потерял почти треть своей армии, но его лицо было по-прежнему невозмутимым; он являл собой аллегория достоинства.

Однако в письме генералу Ли от его невозмутимости не осталось и следа: люди сломлены и обескуражены; он не сможет дать отпор неприятелю и просит Ли как можно скорее прийти к нему на помощь, пока еще не поздно. Просит — не приказывает.

Генерал продиктовал это письмо Джозефу Риду, велел немедленно отправить с нарочным. К посланию Вашингтона Рид тайком приложил свое: «Не подумайте, что я льщу или восхваляю Вас в ущерб другому, но, признаюсь, я думаю, что лишь благодаря Вам наша армия и свобода Америки, от нее зависящая, еще не вполне потеряны... Вы обладаете решимостью — качеством, которого часто не хватает иным достойным умам... О, генерал! Нерешительный ум — одно из величайших несчастий, какие только могут обрушиться на армию. Как часто я сожалел об этом за время нынешней кампании...»

Однако именно теперь Вашингтон был собран и полон решимости не сдаваться. Под его началом оставалось не более трех с половиной тысяч солдат вместо былых двадцати тысяч, а через две недели у двух тысяч истечет срок контракта и они будут вольны уйти. Штаты могли бы прислать пополнение, но они

предпочитали держать ополчение дома, тем более что война, судя по всему, близится к концу. Но Вашингтон так не думал. Америка большая. Если надо — отступим в Западную Пенсильванию. На это Рид возразил: если Восточную Пенсильванию придется сдать, то и остальную не удержим. Вашингтон провел рукой по своей шее, словно ему жал воротник: «Моя шея не считает, что создана для виселицы». Отступим в горы, в Западную Виргинию, будем вести партизанскую войну. Если уж совсем туго придется — уйдем за Аллеганские горы. Но не сдадимся.

Он всё-таки оставался полковником Вашингтоном. Планировать генеральные сражения, держать в голове тонкости многоходовых операций, координировать действия разных родов войск — это не для него. А вот сжать кулак и нанести удар — это ему понятно.

Но для удара нужна сила. Вашингтон послал Рида в Берлингтон к губернатору Нью-Джерси Уильяму Ливингстону, а Миффлина — в Филадельфию, дав им одно задание: сделать всё возможное, чтобы как можно быстрее было прислано подкрепление. Первое донесение от Миффлина обескуражило: его земляки «сонно дремлют в тени мира, наслаждаясь радостями торговли». От Рида же вообще не было вестей.

Двадцать второго ноября армия добралась до Ньюарка. Лил сильный дождь, не прекратившийся ни ночью, ни на следующий день. Солдаты, промокшие до костей, дрожали от холода. Ныли старые раны, нестерпимо горели новые. Зубы выбивали дробь. «В такие времена и испытываются души людей. Летние солдаты и патриоты погожих дней уклонятся во время невзгод от службы своей стране; но те, кто служат ей сейчас, заслуживают любви и благодарности мужчин и женщин», — писал, притулившись у костра и используя вместо стола мокрый барабан, Томас Пейн. Автор знаменитого памфлета поступил добровольцем в штаб

Грина в качестве гражданского помощника и теперь отступал вместе с армией. Грин называл его «Здравый смысл».

Пока на суше дела шли всё хуже и хуже, американские каперы успешно нападали на британские суда вблизи Новой Англии. Адмирал Хоу приказал Генри Клинтону отправляться с шестью тысячами солдат в Род-Айленд, чтобы захватить Ньюпорт и обеспечить для его кораблей безопасный рейд, свободный ото льда. Клинтон возражал против этого плана. Род-Айленд подождет; сейчас самое время, пока не лег снег, подняться по реке Делавэр и грянуть прямо на Филадельфию, разогнать этот Конгресс и «уладить все наши дела». Мятеж будет продолжаться, пока у Вашингтона есть армия; надо покончить с ней раз и навсегда. Но Хоу полагал более разумным постепенно «зачищать» территорию от мятежников, и тогда американский народ разочаруется в своих лидерах и перестанет верить в химеры. А еще он хотел услать Клинтона куда-нибудь подальше.

Ньюпорт был взят без боя: местное ополчение даже не подумало оказать сопротивление, а населявшие город квакеры были счастливы мирно жить под покровительством британцев. То есть эта победа не имела никакого смысла. А на место Клинтона Хоу назначил Корнуоллиса, приказав ему преследовать мятежников до Нью-Брансуика в 50 милях от Ньюарка, на реке Раритан, а там остановиться и ждать указаний.

Двадцать пятого ноября, когда ливень перешел в морозящий дождик, десять тысяч солдат Корнуоллиса выступили в поход, чтобы «поймать Вашингтона, как лису в мешок». Но по раскисшим дорогам британские войска, отягощенные обозом и артиллерией, продвигались еще медленнее, чем американцы. На путь до Ньюарка у них ушло три дня. Вашингтон уже отошел к Нью-Брансуику.

Наконец-то пришла весточка от генерала Ли: он всё еще в Ньюкасле, погода плохая, его люди голы и босы, он никуда не пойдёт. Зато неустрашимый лорд Стерлинг привел в Нью-Брансуик целую тысячу солдат. Они тоже были голы и босы, причем в буквальном смысле, а до истечения срока контракта оставалось два дня...

Тридцатого ноября нарочный привез запечатанное письмо от генерала Ли Джозефу Риду. От Рида по-прежнему не было вестей, и Вашингтон счел возможным распечатать письмо: вдруг Ли всё-таки идет на помощь?

«Я получил Ваше любезное и лестное письмо, — читал Вашингтон. — Как и Вы, я горько сожалею о роковой нерешимости, которая на войне — гораздо худший порок, нежели глупость или даже недостаток храбрости. Случайность может обратить грубую ошибку к выгоде, но даже самых лучших людей будут вечно преследовать поражения и неудачи, если над ними довлеет проклятие нерешимости».

Затем Ли объяснял, почему он не собирается идти в Нью-Джерси, как о том просит Вашингтон.

Джордж вновь и вновь перечитывал первый абзац. «Проклятие нерешимости» — это конечно же о нем. Значит, Рид порицает его за это? Почему же он не бросил упрек ему прямо в лицо, а ведет переписку за его спиной, с человеком, которого, судя по всему, ставит много выше его? А он-то был с Ридом так откровенен!

Когда немного стихла душевная боль от неожиданной раны и унялась невольная дрожь в руках, Вашингтон снова запечатал письмо и отослал Риду, сопроводив пояснительной запиской: «Прилагаемое письмо было доставлено мне с нарочным... Я вскрыл его, не подозревая, что это частное письмо. Это чистая правда, и она служит мне извинением за то, что я ознакомился с содержанием письма, без задней мысли или специального намерения». Далее он благодарил Рида за «труды и хлопоты» и желал ему успеха.

Новости из Нью-Джерси поступали самые неутешительные, и в Филадельфии начиналась паника. Большинство членов Конгресса были больны или разъехались; Томас Джефферсон еще в сентябре вернулся в Виргинию, Джон Адамс был в Брейнтри, в Массачусетсе, а Бенджамин Франклин — во Франции; временами не удавалось собрать кворум. Но даже если кворум был, никаких решений делегаты не принимали. Многие винили во всех несчастьях Вашингтона, не оправдавшего доверие. Уильям Хупер из Северной Каролины был с ними не согласен: «О, как я сочувствую Вашингтону, этому лучшему из людей! Трудности, с которыми он столкнулся, просто невозможно описать, но тот, кто несчастлив, не прав, и существуют злодеи, готовые заклеить его позором. У многих здесь вытянутые физиономии».

Утром первого дня зимы, в воскресенье, когда британцы и гессенцы двумя колоннами уже шли на Нью-Брансуик, две тысячи ополченцев из Нью-Джерси и Мэриленда, у которых закончился срок контракта, ушли с войны домой. Вашингтон приказал разрушить мост через Раритан, но неглубокая — в некоторых местах по колено — речушка не представляла собой серьезной преграды. К вечеру англичане подтянули пушки и началась артиллерийская дуэль (орудиями американцев командовал Александр Гамильтон). А на следующее утро, когда британцы вступили в город, американцы уже ушли.

Вашингтон отвел их к Трентону: он решил отступить на западный берег Делавэра, поскольку всё равно не мог дать врагу серьезный отпор.

От Нью-Брансуика до Филадельфии было не больше 60 миль. Жители Принстона и Трентона, лежащих на пути Корнуоллиса, в панике покидали свои дома. Из столицы потянулись караваны повозок с наспех

собранными пожитками. Все магазины были закрыты; люди не знали, куда бежать и что делать.

Лорд Хоу издал очередную прокламацию: все, кто в течение шестидесяти дней явится и принесет клятву верности королю, получат прощение и смогут пользоваться «отеческой добротой Его Величества, их собственность будет сохранна, торговля — восстановлена, а самые важные права — гарантированы справедливой и умеренной властью короны и британского Парламента».

Тысячи жителей Нью-Джерси хлынули в лагеря британцев клясться в верности.

Заняв Нью-Брансуик, Корнуоллис остановился, как ему и было приказано генералом Хоу. Целых шесть дней армия оставалась на месте, дав передышку Вашингтону и вызвав гнев многих лоялистов, кричавших «ату его!». Английские и в особенности немецкие солдаты, попав в край изобилия, бессовестно грабили местное население и насиловали женщин. Сладу с ними не было никакого; гессенцам было всё равно, кто прав, кто виноват: они пришли сюда, чтобы получить хорошую плату за то, что рискуют жизнью, и они ее получают. Наконец 6 декабря в Нью-Брансуик прибыл сам Хоу вместе с бригадой генерала Гранта, и на следующий день войска двинулись вперед — на Трентон, откуда до Филадельфии просто рукой подать.

Вашингтон уже принял решение и теперь спокойно и четко проводил его в жизнь. Ближе к ночи остатки его армии перебрались на пенсильванский берег Делавэра. Там уже ожидало ополчение из Филадельфии, откликнувшееся на призыв главнокомандующего (Миффлин не подкачал). На берегу были разложены костры, к ним из темноты выплывали плоскодонки с солдатами, лошадьми, пушками, снаряжением. Какие-то люди выкрикивали приказы, лошади всхрапывали и упирались, то и дело раздавались громкий всплеск,

ругательства, хрипы надрывающихся солдат, вытаскивающих орудия... За этими сценами цепким взглядом художника наблюдал Чарлз Уилсон Пил, прибывший с ополчением. Рассвело, и теперь можно было лучше разглядеть солдат. Один был почти совсем без одежды. «На нем была старая грязная накидка из одеяла, а лицо, окаймленное длинной бородой, сплошь покрыто язвами, так что он не мог умываться». Человек окликнул Пила. Тот не сразу его узнал: это был его родной брат Джеймс, состоявший в мэрилендском отряде.

Вашингтон разместил свою ставку в кирпичном доме на берегу, через реку от Трентона, надеясь вести наблюдение за неприятелем. Американские войска, разбросанные по берегу почти на 25 миль, прятались в лесах и кустарнике, так что от реки их не было видно. 10 декабря наконец-то пришло известие о генерале Ли: его части и четыре тысячи солдат генерала Салливана идут сюда. «Если он сможет соединиться с нами, — писал Вашингтон губернатору Коннектикута Джонатану Трамблу, — наша армия снова примет достойный вид и, надеюсь, сорвет планы неприятеля в отношении Филадельфии».

А генерал Ли, путешествуя отдельно от своих войск, остановился ночевать в небольшой таверне в трех милях от Баскин-Риджа; с ним было полтора десятка человек его личной гвардии. Утром в пятницу 13-го Ли сидел за столом в халате и домашних туфлях, занимаясь текущей перепиской. Настроение у него было хуже некуда, а всё этот Вашингтон! «Он поставил меня в такое положение, в котором у меня практически нет выбора: если я останусь в этой провинции, я ставлю под удар себя и армию, а если не останусь, провинция будет потеряна навсегда», — жаловался он в письме генералу Гейтсу.

Было около десяти утра, когда на дорожке, ведущей к таверне, неожиданно появился британский конный

патруль — два с половиной десятка всадников под командованием полковника Уильяма Харкорта, служившего когда-то под началом Ли в Португалии. Корнуоллис отправил их из Трентона, чтобы разведать намерения Ли и выяснить его местопребывание. Ответ на эти вопросы им дал один местный житель в Баскин-Ридже.

Шесть всадников во главе с лейтенантом Банастром Тарлтоном галопом проскакали 100 ярдов, остававшихся до таверны; двух часовых убили, остальные разбежались. Англичане окружили дом и начали стрелять по окнам и дверям, преграждая пути к отступлению. Кто-то в ответ выстрелил изнутри. Тогда хозяйка таверны выскочила на порог, крича, что здесь Ли, и прося пощады. Тарлтон крикнул, что спалит дом, если Ли не сдастся.

Молодой американский лейтенант Джеймс Уилкинсон, находившийся в доме, каким-то образом успел из него выскочить и теперь, прячась в кустах, наблюдал за происходящим. Из таверны с поднятыми руками вышел Ли, сказал, что сдаётся и надеется, что с ним будут обращаться как с джентльменом. Англичане радостно загоготали, один затрубил в трубу. Ли, как был в халате, шлепанцах и без шляпы, сел на лошадь Уилкинсона, привязанную у порога, и вся кавалькада немедленно умчалась прочь.

Новость о пленении Ли — «единственного генерала мятежников, которого у нас были причины бояться», как записал в дневнике один капитан гессенцев, — разнеслась в мгновение ока; британцы ликовали. В Нью-Брансуике конники Харкорта устроили пирушку: напоили лошадь, на которой ехал Ли, напились сами; полковой оркестр играл до самой ночи. Лейтенант Тарлтон написал в письме матери: «Это *coup de main*^[26] положило конец всей кампании».

Вашингтон назвал это «суровым ударом» и больше ни словом не обмолвился с подчиненными о «несчастливом происшествии». Но в душе он рвал и метал. Какая глупость! «Несчастный человек! Жертва собственной неосторожности», — писал он Лунду Вашингтону.

В тот же день Вашингтон узнал, что Конгресс приостановил работу и переезжает в Балтимор; в Филадельфии остался только Роберт Моррис — самый богатый человек в американских колониях, пожертвовавший много денег на нужды армии, в частности, оплачивавший услуги лазутчиков. А вот другая, гораздо более важная новость пока еще оставалась ему неизвестной: пленив генерала Ли, Уильям Хоу решил приостановить военные действия до весны и отвести войска в Нью-Йорк на зимние квартиры. Кто же воюет зимой? К тому же ударили морозы, а по ночам бушевала метель. Корнуоллису дали отпуск и разрешили съездить в Англию повидать больную жену.

Вашингтону такое и в голову не могло прийти. Назначив Патнэма руководить обороной Филадельфии, он с часу на час ждал наступления противника, как только река покроется достаточно крепким льдом. Он умолял старших офицеров найти хорошего лазутчика, который перебрался бы через реку и выяснил, где англичане строят или подвозят плавсредства, обещая заплатить за информацию собственные деньги. 15 декабря он получил рапорт от командира пенсильванского ополчения Джона Кадваладера: «Генерал Хоу, наверное, ушел в Нью-Йорк, если только это не сделано в расчете развлечь нас и захватить врасплох». Вашингтон склонялся ко второму варианту, тем более что неприятель по-прежнему маячил на противоположном берегу.

Но это была не британская армия, а полторы тысячи гессенцев полковника Иоганна Ралля, оставленных

здесь на зиму.

Двадцатого декабря, в злую метель, в ставку Вашингтона прискакал генерал Салливан и привел войско, брошенное Ли: оставшись без командира, солдаты дошли до места в четыре раза быстрее, чем было предписано. Но вместо ожидаемых четырех тысяч их было меньше половины, да и те в самом жалком состоянии. Босые обмороженные ноги оставляли на снегу кровавые следы. Прибыл и генерал Гейтс, но привел с собой всего 600 человек.

Вашингтон мог рассчитывать на шесть тысяч солдат. Сотни были больны и жестоко страдали от холода. Роберт Моррис всеми правдами и неправдами пытался раздобыть для них теплую одежду и одеяла, но местное население подписывало прокламацию, отказывая в помощи патриотам; два бывших члена Конгресса, Джозеф Галлоуэй и Эндрю Аллен, переметнулись к врагу. Почти все считали, что война окончена. Но не Вашингтон.

«Его превосходительство Джордж Вашингтон никогда не выглядел так выигрышно, как в часы несчастий», — напишет позже Натанаэль Грин. Он был рад, что снова пользуется доверием главнокомандующего, возле которого сплотились офицеры, доказавшие свою преданность общему делу, и теперь уже обстрелянные солдаты. Полковник Уильям Тюдор, находившийся рядом с Вашингтоном с самого начала войны, писал невесте в Бостон: «Я не могу покинуть человека (на суде чести это считалось бы дезертирством), который бросил всё, чтобы защищать свою страну, и главным несчастьем которого, среди десяти тысяч прочих, является то, что большей части этой страны недостает духу защищаться самой». Генерал был полон решимости действовать.

В обстановке строжайшей секретности в ставке Вашингтона разрабатывался план дерзкой атаки на

британцев. 21 декабря пришло письмо от Морриса: он что-то слышал о подготовке атаки через Делавэр и с надеждой спрашивал, правда ли это. Днем позже доставили послание от Джозефа Рида: нельзя ли устроить в Трентоне диверсию или что-то в этом роде? «Наши дела стремительно движутся к краху, если мы не обратим их вспять неким счастливым происшествием. Промедление равняется для нас полному поражению». В ответном письме Вашингтон подтвердил, что атака готовится в ночь на Рождество. «Но, ради бога, держите это про себя, раскрытие [планов] может оказаться для нас роковым... Только нужда, страшная нужда может и должна стать оправданием этой попытки».

Согласно плану армия форсирует Делавэр в трех местах: Джон Кадваладер и Джозеф Рид поведут тысячу пенсильванских ополченцев и 500 ветеранов из Род-Айленда через Бристоль на Берлингтон. Генерал Джеймс Эвинг во главе семисот пенсильванцев перейдет реку прямо напротив Трентона и будет удерживать мост через бухту Ассунпинк, отрезав противнику путь к отступлению. Основные силы — 2400 солдат, возглавляемые Вашингтоном, Грином, Салливаном и Стерлингом, — переправятся через Делавэр в десяти милях выше по течению, а затем двинутся к Трентону, разделившись на две колонны, с пушками Нокса впереди. Переправу назначили на полночь 25 декабря. К пяти утра обе колонны должны были достичь Трентона и начать атаку в шесть, еще до рассвета. Офицерам было приказано укрепить на шляпах клочки белой бумаги, чтобы их можно было отличить. Соблюдать секретность и тишину. Выходить из рядов запрещается под страхом смерти.

Джеймс Грант, находившийся в Нью-Брансуике, 24 декабря получил сведения, что мятежники намереваются атаковать Трентон. Хотя он и не считал их

способными это сделать, но всё же велел Раллю быть начеку.

На Рождество погода испортилась: с северо-востока надвигалась буря, по вздувшейся реке неслись обломки льда. Рид приехал из Бристоля вместе с доктором Бенджамином Рашем и застал Вашингтона в удрученном состоянии. Во время разговора, вводя Рида в курс дела, главнокомандующий что-то писал на клочках бумаги. Один из них упал к ногам Раша. Там было написано: «Победа или смерть», — это был ночной пароль.

Около двух часов дня в лагере послышалась барабанная дробь и армия двинулась к реке; каждый нес на себе заряды на 60 выстрелов и паек на три дня.

В пять часов Иоганн Ралль получил предупреждение от Гранта. Вскоре дюжина часовых была обстреляна в темноте американским патрулем, который быстро скрылся. Ралль лично объехал в пургу все посты, убедился, что всё в порядке, и решил, что та перестрелка и была атакой, о которой его предупреждали. Велев на всякий случай своим солдатам спать, положив рядом ружья, и быть готовыми к бою в любую минуту, он пошел к местному купцу, в доме которого отслужили рождественскую службу, а потом играли в карты. Игру пришлось прервать, когда некий доброжелатель принес еще одно тревожное сообщение, но Ралль молча сунул его в карман: в такую погоду добрый хозяин собаку на улицу не выгонит. Какая тут может быть атака!

Когда стемнело, пошел дождь. У переправы американцев ждали длинные, в 40–60 футов, плоскодонки с высокими бортами, выкрашенные в черный цвет, с острым носом и кормой. Раньше в них перевозили чугунные чушки с металлургического завода под Филадельфией; в самую большую могло войти, стоя и прижавшись друг к другу, до сорока солдат. При полной нагрузке они давали осадку всего в два фута и

могли причалить прямо к берегу. Самым сложным было перевезти пушки и полсотни лошадей для офицеров. Бригадный генерал Генри Нокс отдавал приказы, перекрывая своим мощным басом вой ветра и шум дождя. Люди Гловера творили чудеса, орудуя восьмифутовыми веслами и шестами. Вашингтон пересек бурлящую реку одним из первых и наблюдал за переправой с той стороны.

Около одиннадцати разразилась настоящая буря, мокрый снег превратился в крупу, нещадно хлеставшую по лицам. Дожидаясь своей очереди переправляться, солдаты ломали заборы, сухие ветки и разводили костры, поворачиваясь к огню то передом, то задом.

Переправа завершилась только к трем утра, с большим отставанием от графика. Поскольку весь план был основан на эффекте внезапности, атаку было впору отменить, но Вашингтон решил идти вперед: возвращаться было бы просто глупо.

Разумеется, он не знал, что генерал Эвинг отменил атаку на Трентон из-за льдин, мчавшихся по реке. В Бристоле Кадваладер и Рид сумели переправить часть войск на другую сторону реки, но пушки застряли, и поэтому они тоже повернули назад. Сам Рид с одним офицером, жалея своих лошадей, не стал возвращаться и остался в Нью-Джерси, спрятавшись в доме друга.

Солдатам Вашингтона теперь предстояло пройти девять миль до Трентона. Первые полмили невидимая в темноте обледеневшая дорога шла круто в гору, а затем спускалась в овраг. Несколько человек несли фонари; к пушкам прикрепили факелы, но всё равно не было видно ни зги. Люди брели молча, отворачиваясь от ветра, оскальзывались, падали, подымались; два человека не встали — замерзли насмерть.

Через пять миль колонна разделилась: Салливан повел своих людей по правой дороге, Вашингтон и Грин — по левой. Главнокомандующий ехал вдоль колонны,

повторяя: «Ради бога, держитесь своих офицеров». Ему доставили сообщение от Салливана: оружие намокло, стрелять нельзя. «Скажите генералу: пусть используют штыки», — приказал Вашингтон.

Обе колонны вышли к Трентону одновременно, вскоре после восьми. Уже час как рассвело, но сквозь метель было трудно что-либо разглядеть.

В город вели две дороги — улицы Короля и Королевы, спускавшиеся с холма; по ним и предстояло атаковать. Ветер теперь дул в спину американцам, подгоняя их, и в лицо гессенским часовым, которые поначалу не поняли, кто на них идет и каковы силы нападающих.

Американцы начали стрелять. Немцы подпустили их поближе, а затем принялись быстро отходить, отстреливаясь, как их учили.

Вашингтон смотрел с холма, как его люди, прошедшие всю ночь на ногах, промокшие, продрогшие, с ненадежным оружием ринулись в бой, словно судьба всего мира зависела теперь от них.

Гессенцы выскакивали из домов на улицу; били барабаны, визжали флейты, офицеры выкрикивали приказы по-немецки. Но артиллерия Нокса уже заняла позиции. Первые же выстрелы в мгновение ока очистили улицы, на которых остались лежать мертвецы.

Устремившись в переулки, гессенцы натыкались на людей Салливана с примкнутыми штыками. Завязалась яростная рукопашная. В середине улицы Короля немцы выкатили полевое орудие, но полдюжины виргинцев капитана Уильяма Вашингтона, дальнего родственника главнокомандующего, и лейтенанта Джеймса Монро бросились туда, отбили пушку и повернули ее против врага.

Поднятый с постели полковник Ралль быстро вскочил на коня, собрал своих людей и повел их в атаку сквозь метель — как принято, стройными рядами, но они

быстро поредели и смешались. Ралль приказал отступать к фруктовому саду; тут, смертельно раненный, он упал с коня. В саду гессенцы, поняв, что окружены, побросали оружие и сдались. Джеймс Уилкинсон (тот самый, присутствовавший при пленении генерала Ли) примчался к Вашингтону с донесением о сдаче немецких наемников. «Майор Уилкинсон, это славный день для нашей страны», — с чувством сказал генерал, крепко пожав ему руку.

Весь бой продолжался не больше 45 минут. Около девятисот гессенцев были захвачены в плен, 21 убит, 90 ранено; еще около пятисот убежали по мосту через Ассунпинк. Потери американцев составили всего четыре человека ранеными, в их числе были капитан Вашингтон и лейтенант Монро. Гоня перед собой пленных, армия вернулась к переправе и вновь пересекла реку, оказавшись на «своей» стороне.

«Генерал искренне и горячо благодарит офицеров и солдат за энергичность и смелость, проявленные вчера при Трентоне, — говорилось в приказе по армии от 27 декабря. — С невыразимым удовольствием он заявляет, что ни на минуту не заметил недостойного поведения офицеров или рядовых». (Вашингтон предпочел умолчать о кучке солдат, которые пробрались после боя в погреб, где хранился ром, и напились в дым.) Всем, форсировавшим реку, была обещана награда в виде выплаты наличными доли от общей стоимости пушек, оружия, лошадей и другого имущества, захваченного в Трентоне.

В последующие дни все газеты публиковали увлекательные рассказы о ночном рейде Вашингтона, упомянув даже о захваченных в бою трубах и барабанах военного оркестра — любимого развлечения полковника Ралля. Пленные американцы, томившиеся в Нью-Йорке, воспрянули духом. Хэнкок писал из Балтимора от имени Конгресса, что победа при Трентоне — настоящее чудо:

«Но войска, вдохновляемые и движимые верой в своего вождя, часто превосходят ожидания и границы возможного. Именно Вашей мудрости и руководству Соединенные Штаты обязаны недавним успехом Вашего оружия».

Уильям Хоу отозвал Корнуоллиса из отпуска и приказал немедленно возвращаться в Нью-Джерси с восемью тысячами солдат.

Двадцать девятого декабря американская армия во главе с Вашингтоном, Грином, Салливаном и Ноксом шла к той же переправе через Делавэр, но теперь уже вспахивая снег глубиной шесть дюймов. Реку сковало льдом, но он оказался слишком тонок для лошадей и пушек. Четыре десятка орудий вновь переправили на лодках.

Через два дня истек срок контракта. Войска выстроили в Трентоне, и Вашингтон, сидя верхом, обратился к ветеранам Континентальной армии с призывом остаться с ним. Он еще не знал, что Конгресс в Балтиморе дал ему право использовать любые стимулы, включая материальные, чтобы сохранить армию, но сам предложил по десять долларов каждому, кто решит служить еще полгода (солдатское жалованье тогда составляло шесть долларов в месяц). «Я думаю, сейчас не время мелочиться», — объяснил он потом свой поступок Роберту Моррису. Сам Моррис выделил из личных средств десять тысяч долларов для выплаты жалованья солдатам Вашингтона. Кроме того, он уговорил раскошелиться богатого квакера-пацифиста из Филадельфии и накануне Нового года прислал главнокомандующему два мешка, набитых испанскими, французскими и английскими серебряными монетами. Эти деньги пригодились, в частности, для платы лазутчикам, посланным разведать планы Корнуоллиса.

Большинство солдат были уроженцами Новой Англии, дошли сюда из Бостона и уже не питали

иллюзий по поводу того, что им предстоит пережить. Желаящих остаться попросили сделать шаг вперед. Барабанная дробь... Ряды не дрогнули. Тягостно шли минуты. Вашингтон тронул коня, проскакал перед строем и снова заговорил: «Мои храбрые товарищи! Вы сделали всё, о чем я вас просил, и даже больше того, что было бы разумно ожидать, но под угрозой ваша страна, ваши жены, ваши дома — всё, что вам дорого. Вы изнуряли себя трудом и лишениями, но мы не знаем, как оградить вас от них. Если вы согласитесь остаться еще на месяц, вы послужите делу свободы и своей стране — при иных обстоятельствах вам, возможно, не довелось бы этого сделать».

Снова барабанная дробь. На сей раз люди начали выходить вперед.

Незадолго до наступления Нового года Вашингтон получил письмо с резолюцией Конгресса: главнокомандующий наделялся неограниченными полномочиями, не неся никакой личной или имущественной ответственности. «Вместо того чтобы считать себя свободным от всех гражданских обязанностей благодаря этому знаку доверия, я постоянно буду иметь в виду, что, поскольку меч является крайним средством охранения наших свобод, его первым следует отложить в сторону, когда сии свободы будут утверждены», — написал он в ответном послании.

Первого января 1777 года Корнуоллис со своей армией достиг Принстона и, оставив там часть сил, двинулся к Трентону, отстоявшему на десять миль.

Неожиданно потеплело, и дорогу развезло. Несмотря на это, англичане наступали с упорством, делавшим им честь; под пушечную пальбу с обеих сторон красномундирники трижды атаковали мост через Ассунпинк, каждый раз откатываясь назад. Когда стало смеркаться, Корнуоллис собрал офицеров, чтобы

решить, атаковать еще или подождать до рассвета. «Если Вашингтон тот генерал, каким я его считаю, — высказался сэр Уильям Эрскин, — утром мы его уже не найдем». Корнуоллис всё же решил отложить атаку до утра.

Снова подморозило. Британцы спали этой ночью на мерзлой земле, не разводя костров, чтобы лучше видеть огни мятежников по ту сторону бухты. Но когда настало утро, американцы испарились. Однако Вашингтон не пошел, как предполагалось, на юг, а со всех ног помчался по малоизвестным проселкам, чтобы напасть на арьергард Корнуоллиса в Принстоне.

Бой завязался на рассвете 3 января, когда авангард Грина случайно наткнулся на британцев. Полковник Чарлз Могуд с двумя полками выступил из Принстона на соединение с Корнуоллисом; именно в этот момент Грин послал генерала Хью Мерсера с несколькими сотнями людей разрушить мост, чтобы отрезать врагу путь к отступлению.

Появление американцев в такой ранний час и в таком количестве стало для англичан полнейшей неожиданностью, однако они не растерялись. Началась перестрелка, перешедшая в жестокую рукопашную. Под Мерсером убили коня; он рубил врагов саблями, пока его не сбили с ног и не проткнули штыками — семь раз (он умер не сразу, а мучился целых девять дней). Пенсильванские ополченцы ринулись вперед; впереди скакали Вашингтон, Грин и Кадваладер. «Никогда не забуду своих чувств, когда я увидел его на поле боя, презревшего опасность, хотя его драгоценная жизнь висела на волоске: тысяча смертей вились вокруг него, — вспоминал потом один из офицеров Вашингтона. — Поверьте, о себе я не думал».

Еще немного — и англичане побежали в сторону Трентона. Не в силах сдержаться, Вашингтон пришпорил

коня и погнался за ними, крича: «Хорошая охота на лис, ребята!»

Весь бой продолжался не больше четверти часа. К тому времени, когда главнокомандующий остановил коня и велел прекратить погоню, вторая колонна американцев вошла в городок, где британский гарнизон — около двухсот человек — забаррикадировался в каменном здании местного колледжа — Нассау-холле. Капитан Гамильтон дал по нему пару залпов, и англичане сдались.

Вашингтон хотел было мчаться дальше, к Нью-Брансуику, чтобы уничтожить неприятельский обоз и захватить ящики с солдатским жалованьем (70 тысяч фунтов) — тогда бы война точно закончилась. Но его измученная армия, не спавшая две ночи подряд, была не в состоянии пройти форсированным маршем еще 19 миль, а потом снова сражаться. Грин, Нокс и остальные отговорили генерала от этой затеи, чтобы не потерять малое, замахнувшись на слишком большое.

Когда Корнуоллис вошел в Принстон — «весь в поту, сломя голову, отдуваясь, пыхтя и ругаясь, как ненормальный», насмешничал Генри Нокс, — Континентальная армия уже час как ушла оттуда. Прodelав еще 15 миль на север, солдаты добрались к вечеру до Сомерсет-Корт-Хауса и, повалившись на соломенные тюфяки, немедленно заснули как убитые.

После двух побед подряд дела приняли совсем другой оборот. «Я думаю, что последние невзгоды выявили все скрытые дарования нашего главнокомандующего», — писала Абигейл Адамс своей подруге Мёрси Отис Уоррен и цитировала английского поэта Эдварда Янга: «В годину бедствий ждет героя слава». «Если в его образе и есть темные места, они подобны пятнам на солнце: их можно различить лишь в увеличительное стекло телескопа, — захлебываясь от восторга, уверял „Пенсильвания джорнал“. — Если бы

Вашингтон родился во времена идолопоклонников, ему бы поклонялись, как божеству».

АМЕРИКАНСКИЙ ФАБИЙ

Вашингтон отвел свою поредевшую армию на зимние квартиры в относительно безопасные, холмистые и лесистые окрестности деревушки Морристаун в Нью-Джерси, в 25 милях от Нью-Йорка. Оттуда он напал на британские обозы, всячески донимая врага. Английские фуражиры, посланные из Нью-Йорка в Нью-Джерси, неизменно натыкались на отряды ополченцев, уводивших лошадей и скот в расположение американской армии, так что за каждую вязанку хвороста, клочок сена или мешок овса приходилось сражаться.

Члены Конгресса, люди состоятельные и по большей части крупные землевладельцы, требовали, чтобы Вашингтон защитил их поместья, однако не спешили выделять деньги на армию. В частных беседах генерала уподобляли древнеримскому полководцу Квинту Фабию Максиму, прозванному Кунктатором (Медлителем), но он не обращал на это внимания: «Они далеко и думают, что надо только сказать: „Вперед! Быстрее!“ — и всё само сделается». А ведь его собственная армия, писал он 22 января Джеки Кастису, «сегодня здесь, а завтра ушла — без объяснения причин и даже не сказавшись». Любая случайность могла оказаться роковой: 8 января Вашингтон поблагодарил пенсильванский Совет безопасности, известивший его о грядущем солнечном затмении; непредупрежденные солдаты могли бы истолковать его как дурной «знак свыше».

Опасность грозила и со стороны местного населения, не всегда лояльного к патриотам. Главнокомандующий издал приказ, по которому обыватели, принешие клятву верности англичанам, теперь должны были присягнуть Соединенным Штатам. Отказавшиеся это сделать были

вольны перейти на сторону врага, забрав с собой пожитки, какие могли унести, но только сами, без семей. Это был сильный ход — Вашингтон прекрасно знал, что значит семья для доброго человека.

Он устроил свою ставку в бывшей таверне и жил там скудно и просто. Вашингтон, страшно соскучившийся по Марте, давно не получал вестей из дому. «Мои родные регулярно посылают мне с почтой одно-два письма, но доходят они крайне нерегулярно, что лишает меня утешения узнавать новости о домашних делах», — писал он Роберту Моррису 13 января. Но Марта, конечно, не могла приехать к нему в такую погоду; надо было подождать до весны.

Да и не место ей здесь. В лагере вновь началась эпидемия оспы; в госпитале четыре-пять больных умирали на одной и той же подстилке, прежде чем ее меняли. Встревоженный Вашингтон просил доктора Уильяма Шиппена прививать от оспы всех рекрутов, следующих в армию через Филадельфию.

Той зимой Вашингтон достиг значительных успехов в организации шпионской сети под своим личным руководством. Главная цель — Нью-Йорк; вскоре город был наводнен информаторами, смешавшимися с местными тори и выдававшими себя за людей, лояльных англичанам. Шпионам платили золотом, выжатым из Конгресса; драгоценные мешочки Вашингтон держал в своих вещах и берег как зеницу ока. Тактика применялась самая разная, включая дезинформацию и двойных агентов. Для передачи сведений они использовали книги — прятали донесения в их корешках, а с 1779 года писали их на полях или между строк обычных писем невидимыми чернилами, изобретенными врачом и химиком Джеймсом Джеймсом. Один из них однажды был пойман американцами как английский шпион. Вашингтон вовремя об этом узнал, и ценному агенту организовали побег. Другого шпиона,

настоящего, пригласили на обед, и как бы случайно на глаза ему попались «секретные» бумаги, в которых численность Континентальной армии была сильно завышена. Уличенных английских лазутчиков отправляли исповедоваться к капеллану артиллеристов Александру Мак Уортеру, который должен был вызнаться у них как можно больше, предлагая облегчить душу перед повешением.

Дельных офицеров по-прежнему было мало. В феврале Вашингтон получил письмо от Бенедикта Арнольда с просьбой об отставке — Конгресс обошел его при производстве в чины, не присвоив звания генерал-майора. Вашингтон отставку не принял и написал Конгрессу, пытаясь поправить дело: если раздавать чины по политическим мотивам, можно потерять как минимум двух-трех очень хороших командиров.

Сам он теперь сражался с кучей бумаг. С утра до вечера приходилось выслушивать просьбы и отвечать на письма соискателей различных должностей. Времени не хватало ни на что. Брату Сэмюэлу хотелось иметь его портрет, но позировать художнику было некогда: он вел огромную переписку с Конгрессом, властями разных штатов и прочими структурами. Джордж освоил «телеграфный стиль»: его письма были краткими, ясными и содержательными, без лишних слов. Большую часть этой работы он передоверил помощникам, однако всегда прочитывал написанное ими, правил черновики, добиваясь соответствия установленному им стандарту, так что в конце концов письма, составленные другими, перестали отличаться от его собственных. При этом Вашингтон остался педантом и аккуратистом: заставлял переписывать бумагу, если там была хоть одна помарка.

С 1 марта в штат помощников главнокомандующего был зачислен 22-летний артиллерист Александр Гамильтон, оказавшийся очень способным штабистом. В отличие от всех остальных членов свиты, он был

незаконнорожденным и «пришлым» (родился на острове Невис, а юные годы провел на острове Санта-Крус), зато являлся таким же перфекционистом, как сам Вашингтон, и «думал и писал так же, как он». Гамильтон часто присутствовал на военных советах и был в курсе всех событий. Вашингтон, не обладавший способностью быстро принимать решения, использовал военные советы, чтобы рассмотреть вопрос со всех сторон и выбрать лучший из предложенных вариантов, а затем упорно воплощать его в жизнь. Критики он не боялся. «Я не умру, если услышу обвинения в действительных или мнимых ошибках», — сказал он как-то Джозефу Риду. Зато Гамильтон был нетерпим к человеческим слабостям и не умел сдерживать эмоций. Несмотря на всё свое обаяние, он был слишком горд и упрям. Вашингтона он глубоко уважал за храбрость, патриотизм и честность, но считал посредственным полководцем и придирчивым брюзгой.

Помощники генерала жили с ним под одной крышей. Писари работали в одной комнате, склонившись над небольшими деревянными столами, а главнокомандующий занимал небольшой кабинет рядом с ними. Утром он выходил полностью одетый, завтракал в их обществе, затем отбирал письма, требующие ответа, и сообщал, каким именно он должен быть. После этого устраивал смотр войскам и к полудню возвращался в штаб, к этому времени все письма должны были быть готовы. За обеденным столом собиралось до тридцати человек, сидевших по большей части на походных стульях. По возможности Вашингтон старался придать этим трапезам элегантность и аристократизм, как в былые времена в Маунт-Верноне: стол покрывали камчатной скатертью, раскладывали начищенные серебряные приборы с гербом Вашингтона, вино пили из серебряных кубков. Билли Ли в ливрее прислуживал хозяину. Один из адъютантов сидел рядом

с Вашингтоном и помогал распределять еду и напитки. Трапезы длились часами, стол ломился от яств: подавали восемь — десять блюд из мяса и птицы с овощным гарниром, затем десерт — не меньше двух сладких пирогов и пудинг, а в завершение трапезы — яблоки и орехи. (В молодости Вашингтон любил за разговором щелкать орехи, но теперь был лишен этого удовольствия, так как часто страдал от воспаления десен.)

Главнокомандующему нравились стройные молодые люди, умевшие носить мундир и хорошо держаться в седле, как Гамильтон, Джон Лоренс или Тенч Тилгман. Он по-прежнему был убежден, что лучшие офицеры получают из «джентльменов», и требовал, чтобы командиры без офицерских патентов носили шпаги для большего «авторитета». Вместе с тем офицеры должны служить примером для своих подчиненных; «офицер гордится тем, что разделяет труды и опасности, которым подвергаются его люди».

Из этих людей уже давно пора было сделать настоящую армию по английскому образцу. Ежедневно — смотры и учения. У каждой бригады — свой оркестр. Но прежде всего — чистота и опрятность. Генерал позаботился о том, чтобы в рацион солдат непременно входили овощи. Игральные карты и кости были строго запрещены. Поступить так же со спиртным было нельзя: ежедневная порция рома считалась «храбростью в бутылке»; однако Вашингтон пытался приучить солдат пить ром разбавленным и не весь сразу. Брани он не терпел; его передергивало, когда слышалась матерщина. Зато при каждом полку состоял капеллан, и генерал всегда лично присутствовал на богослужениях, переходя из полка в полк и личным примером поощряя солдат к исполнению долга истинного христианина.

Тем не менее к марту Континентальная армия поредела до жалких двух с половиной тысяч солдат. На

людях Вашингтон бодрился, но, оставшись один, не мог сдержать слез; он был подавлен и несчастен. Неудивительно, что он заболел и настолько ослаб, что мог заниматься лишь самыми неотложными делами. По счастью, в середине марта в лагерь приехала его дорогая супруга; теперь было кому довериться и поручить ведение «домашних» дел.

Марте Вашингтон, наверное, тоже было одиноко в Маунт-Верноне. Джеки был поглощен семейными заботами: в прошлом году у него родилась дочь Элизабет Парк Кастис, и Нелли снова ждала ребенка. Здесь же, в ставке мужа. Марта была незаменима. Джордж расцветал при одном ее появлении. Она устраивала уютные домашние ужины, увеселительные верховые прогулки и вообще была душой общества — довольно обширного, состоящего из приятных молодых людей, в том числе офицерских жен. С последними Вашингтон охотно любезничал и вел светские беседы.

Женское общество не было привилегией офицеров: за армией следовали солдатские жены и подруги, не говоря уж о проститутках; они стирали, шили, стряпали, получая паек. В периоды затишья Вашингтон смирялся с их присутствием, но во время похода женщины, особенно беременные и с малыми детьми, были большой обузой для армии. Однако он не мог их прогнать из-за их мужей и возлюбленных, порой самых опытных и лучших его солдат.

С приходом весны возросла тревога: что замышляет Хоу? Он уже попытался выманить американцев в поле, чтобы устроить генеральное сражение, но Вашингтон не клюнул на эту приманку. Ему приходилось делить свои и без того невеликие силы, чтобы караулить врага у Гудзона и в Мидлбруке. Разведка донесла, что Хоу нанимает лоцманов, знакомых с рекой Делавэр; значит, он хочет захватить Филадельфию с воды.

Англичане действовали в нескольких направлениях сразу. 25 апреля губернатор Нью-Йорка Уильям Трайон высадился в Коннектикуте и захватил склады Континентальной армии в Данбери. Узнав об этом, командиры местного ополчения Дэвид Вустер, Голд Силлиман и примкнувший к ним Бенедикт Арнольд (для обсуждения вопроса о своем повышении направлявшийся в Филадельфию, куда в начале марта 1777 года вернулся из Балтимора Конгресс) собрали около семисот солдат и отправились в Данбери. Рота Вустера дважды атаковала арьергард британцев; во время второй атаки генерал был смертельно ранен и умер пять дней спустя. Главное столкновение произошло при Риджфилде: ополченцы Арнольда сражались на улицах города и отступили, нанеся врагу существенный урон. Арнольд перегруппировал свои войска, добавив к ним артиллерию, чтобы помешать британцам погрузиться на корабли, однако его люди были рассеяны огнем англичан и последовавшей затем штыковой атакой; сам Арнольд был вновь ранен в левую ногу. Несмотря на то что победа осталась за британцами, отважные действия ополченцев вызвали в Коннектикуте всплеск патриотизма.

Четырнадцатого июня 1777 года Континентальный конгресс утвердил национальный флаг, под которым должны были сплотиться патриоты: его полотнище состояло из тринадцати красных и белых полос, а на синем поле в левом верхнем углу 13 звезд (по числу штатов) образовывали круг — символ вечности.

(Существует легенда, по которой эскиз этого флага был выполнен Вашингтоном еще годом ранее, а изготовление поручено швее из Филадельфии Бетси Росс, вдове ополченца, погибшего в мае 1776 года при взрыве на складе боеприпасов. Изначально звезды предполагалось сделать шестиконечными, однако Бетси продемонстрировала, как можно одним движением

вырезать ножницами пятиконечную звезду. Эту историю, ссылаясь на воспоминания самой Бетси, опубликовал ее внук почти через 100 лет после событий, но историки считают, что в мае — июне 1776 года Вашингтон не мог войти вместе с Робертом Моррисом и Джорджем Россом, дядей покойного мужа Бетси, в «особую комиссию Конгресса», которая якобы пришла к ней домой.)

В начале лета главнокомандующий интенсивно занимался обучением солдат и жил с ними где придется: пять недель спал в палатке, а в ущелье Клоув на Гудзонской возвышенности обосновался в полуразвалившейся деревянной хижине, заняв единственную кровать, тогда как его свита спала там же на полу. Питались вареной кукурузой, запивая ее молоком.

Одиннадцатого июля, находясь в Клоув, Вашингтон получил горькую весть: форт Тикондерога сдался английскому генералу Бургойну без единого выстрела. Тогда же пришло очередное письмо от Арнольда с просьбой об отставке: его всё-таки повысили в чине до генерал-майора, но он ожидал большего. Отставку Вашингтон опять не принял и велел бравому офицеру немедленно ехать на север, к Скайлеру, послав за ним следом генерал-майора Бенджамина Линкольна из Массачусетса, пользовавшегося большим влиянием в Новой Англии. Он опасался, что захват Тикондероги — прелюдия к выступлению британцев, стремящихся разделить страну пополам по Гудзону: Хоу запросто мог подняться вверх по течению реки из Нью-Йорка и соединиться с Бургойном. В самом деле, 23 июля английская армада подняла паруса и отчалила от Санди-Хука. Но Вашингтон догадался, что Хоу стремится к Филадельфии, и начал передислокацию к югу. 31-го после завтрака вместе с приливом пришло сообщение: 228 кораблей вошли в залив Делавэр.

В тот же день Вашингтон прибыл в Филадельфию. Вечером он ужинал в «Сити-Таверн», окруженный офицерами и горожанами. В таверну вошел молоденький большеглазый офицер во французском мундире, но с шарфом генерал-майора через плечо. Сразу выхватив взглядом величественную фигуру Вашингтона, возвышавшуюся надо всеми остальными, подошел быстрым четким шагом и изящно подал письмо от Джона Хэнкока. Главнокомандующий узнал, что податель сего, Мари Жозеф Поль Ив Рош Жильбер дю Мотье, маркиз де Лафайет, прибывший в июне в Южную Каролину на борту оснащенного им корабля «Виктуар» («Победа») с грузом провианта, производится в генерал-майоры и поступает в его распоряжение. Француз имел при себе и рекомендательное письмо от Бенджамина Франклина: тот советовал оберегать молодого маркиза, имеющего важные связи, от опасности и всячески сдерживать его порывы отличиться на поле брани. Ну и что теперь с ним делать? Лафайет не хотел быть генералом на бумаге и попросил себе двух адъютантов и дивизию. Вашингтон обошелся с ним учтиво, предложил для начала стать его собственным адъютантом и завтра же выехать вместе с ним для осмотра укреплений на реке Делавэр.

Лафайету еще не исполнилось двадцати. Это был пылкий юноша-идеалист из древнего аристократического рода крестоносцев, маршалов и полководцев. В 12 лет он остался круглым сиротой и обладателем одного из крупнейших состояний во Франции; в 15 родственники устроили его брак с юной Адриенной де Ноайль. Брачный договор подписал сам король Людовик XV. Молодой маркиз, неловкий и неуклюжий, не был царедворцем: он был искренним и неприкрыто стремился к славе, но славе честной и благородной. Находясь в своем полку в Меце, он узнал о борьбе американских колоний за независимость и сразу

загорелся этой идеей. Осенью 1776 года в Париже он посещал собрания тайных обществ (как Вашингтон и Франклин, он был масоном), где аббат Рейналь говорил о правах человека и осуждал рабство. Французские офицеры осаждали американских посланников Бенджамина Франклина и Сайласа Дина, добиваясь от них рекомендаций для получения командного поста в Америке. В отличие от них, Лафайет был готов пойти на риск, чтобы «делать дело». 20 апреля, несмотря на королевский запрет, он отплыл из Франции в Америку и 13 июня высадился неподалеку от Джорджтауна. Во Франции этот безрассудный, но храбрый поступок вызвал почти всеобщее одобрение.

В пути Лафайет изучал английский и военную стратегию. «Счастье Америки тесно связано со счастьем всего человечества», — уверял он в письмах жене. То, что он увидел по прибытии, его не разочаровало: в Америке все люди братья, здесь нет нищих и даже тех людей, кого во Франции называют крестьянами. Но это первое впечатление подкорректировал смотр Континентальной армии, который Вашингтон устроил через неделю после их первой встречи. Маркиз увидел 11 тысяч плохо вооруженных и худо одетых людей. «Нам даже неловко показываться офицеру, только что прибывшему из французской армии», — смущенно сказал ему генерал. «Я приехал сюда не поучать, а учиться», — ответил Лафайет.

Их отношения сразу сделались дружескими. Как писал Лафайет жене, главнокомандующий, «окруженный льстецами и завистниками», нашел в новом адъютанте «искреннего друга, которому мог без опаски поверять свои самые тайные мысли и который всегда говорит ему правду». И всё же ему постоянно казалось, что Вашингтон ему не доверяет. Его напористости и амбициозности противостояли сдержанность и выжидательность. Вашингтона и так

осаждали «французики из Бордо» и с Антильских островов, искавшие быстрой славы на поле боя и требовавшие себе высоких чинов. По-французски он не говорил, переписку на этом языке доверил билингову Гамильтону (его мать происходила из французских гугенотов) и Джону Лоренсу, учившемуся в Женеве. Соискатели, со своей стороны, не знали английского языка и не могли рекрутировать солдат, а ведь американские войска в основном состояли из ополченцев. Все офицерские вакансии были уже заполнены. «Каждый новый приезд, — писал Вашингтон Франклину, — становится лишь источником затруднений для Конгресса и меня самого и горя и разочарования для явившихся джентльменов». Но по сравнению с другими французами, громко качавшими права, любезный и неутомимый, вкрадчивый и целеустремленный Лафайет, умевший польстить тонко и к месту, был сама скромность.

Вместе с ним приехал Иоганн фон Кальб, или, как называли его во Франции, барон Жан де Кальб (баварец по рождению, он перешел на службу французской короне и получил дворянство). В конце 1760-х годов он уже побывал в Америке с тайным поручением министра иностранных дел Шуазеля, чтобы разведать, каковы настроения среди колонистов (де Кальб говорил по-английски), и проникся к ним глубоким уважением за их свободолюбивые устремления. Теперь он решил выступить на их стороне с оружием в руках, однако, вопреки своим ожиданиям, не получил чина генерал-майора. Глубоко возмущенный, де Кальб уже собирался вернуться во Францию, но Лафайет пустил в ход всё свое обаяние и дар убеждения, и 5 сентября его ходатайство о производстве было удовлетворено.

Между тем Хоу снова исчез со всем своим флотом, и это страшно нервировало Вашингтона: поведение врага становилось недоступно его пониманию. Армию

приходилось перебрасывать по летней жаре то туда, то сюда, изнуряя долгими переходами. Джон Бургойн тоже не стоял на месте. Вашингтон приказал Израэлю Патнэму отправить 750 человек с Нью-Йоркских высот на подкрепление к Горацио Гейтсу (принявшему командование от Филипа Скайлера, который утратил доверие Конгресса после сдачи Тикондероги и дальнейшего отступления), расставшись даже с отборными частями — только что сформированным стрелковым корпусом полковника Даниеля Моргана из пятисот самых метких стрелков из Пенсильвании, Мэриленда и Виргинии. Армия Гейтса разрасталась и за счет ополченцев, присылаемых губернаторами северных штатов (сочувствие к британцам, если оно вообще было у тамошнего населения, улетучилось после жестокого убийства индейцами, выступившими на стороне Бургойна, невесты лоялиста Джейн Мак Кри).

Наконец, во второй половине августа Хоу показался в Чесапикском заливе: вместо того чтобы действовать с моря, он решил захватить Филадельфию с суши. Странно. Но дело в том, что британцы вновь пытались навязать американцам генеральное сражение. Теперь Вашингтон уже сам желал его всей душой: «Один мощный удар избавит страну от грабежа, разорения и пожара, а женскую невинность — от грубой похоти и насилия».

У него были основания для столь оптимистичных заявлений: британские планы окружения Новой Англии, казалось, провалились после неудачной осады форта Скайлера. Здесь тоже отличился неукротимый Арнольд, посланный Скайлером в начале месяца на выручку американского гарнизона под командованием полковника Петера Гансворта. На стороне англичан и гессенцев, осаждавших форт, выступили могавки Джозефа Бранта^[27]; Арнольд же заручился поддержкой племен онейда и тускарора. В его распоряжении было

всего несколько сотен солдат, однако, захватив заложников, он сумел запустить «утку», будто на британский корпус Барри Сент-Леджера идут крупные силы вождя по имени Черный Орел. Индейцы сразу же ушли, и 22 августа Сент-Леджер был вынужден снять осаду и отступить к озеру Онейда, бросив часть обоза и отбиваясь от прежних союзников-краснокожих. Только там он узнал, что его провели, как мальчишку, помешав соединению с Джоном Бургойном.

Прежде чем выступить на защиту Филадельфии, Вашингтон решил устроить парад через весь город. Всё было продумано и срежиссировано до мелочей; солдатам приказали прикрепить к шляпам или волосам зеленые веточки — символ победы. 24 августа 1777 года 12 тысяч человек промаршировали вниз по Фронт-стрит и вверх по Честнат-стрит. Впереди на белом коне гарцевал главнокомандующий, рядом с ним — Лафайет, позади — Гамильтон и Лоренс. Поток солдат лился целых два часа; они были выстроены по 12 человек в ряд и шли, печатая шаг, под бой барабанов и ритмичную мелодию флейт. Вашингтон предупредил, что все должны идти в ногу, строго под музыку, не «танцевать», а маршировать. За нарушение грозило 39 плетей. Конечно, до идеала было далеко. «Наши солдаты еще не вполне похожи на солдат, — вздыхал Джон Адамс. — Они не шагают как один, не держат голову достаточно прямо и не тянут ногу, как полагается». Зато горожане, занявшие места у окон и на крышах домов, подбадривая проходивших воинов, были поражены превращением жалких оборванцев в настоящую армию, военную машину.

Наконец-то настанет решающий бой! Если британцев удастся разбить — войне конец. «Пришло время напрячь все силы», — призывал Вашингтон своих солдат в приказе по армии. Если кто побежит, будет застрелен на

месте в назидание другим. Впрочем, он распорядился выдать всем по порции рома — для храбрости.

Сражение он решил дать на берегу Брандевин-Крик — быстрого ручья, служившего естественной защитой Филадельфии. Основные силы сосредоточил на лесистых холмах, где проходила главная дорога, а остальные растянул вдоль берега, изрезанного оврагами, вплоть до той черты, за которой форсировать ручей было уже невозможно.

Утро 11 сентября выдалось хмурым и неприветливым. Едва рассвело, слышались барабанная дробь, звуки флейт, и гессенцы Кнюпхаузена стройными рядами, с развевающимися знаменами, выступили из тумана на другом берегу ручья и подкатили поближе свои орудия. Завязалась оживленная перестрелка. Вашингтон, как обычно, был на передовой и не кланялся пулям и ядрам, даже когда одному из пушкарей на батарее оторвало голову. По легенде, английский майор Патрик Фергюсон взял на мушку высокую фигуру офицера (Вашингтона), но не выстрелил, поскольку тот повернулся к нему спиной, а стрелять человеку в спину противоречило его нравственным убеждениям. Лафайет не отставал от генерала. Вашингтон скакал вдоль всей линии войск, подбадривая людей и слыша их приветственные возгласы. Всё шло просто замечательно; бригадный генерал Уильям Максвелл подъехал доложить, что его стрелки выбили не меньше трех сотен британских солдат. Тем не менее даже в пылу сражения Вашингтон не утратил способности мыслить трезво и заметил, что имеет дело не со всеми силами британцев, более того, перед ним лишь малая часть войск Хоу. Где же остальные? Что еще затевает его лютый враг?

Около полудня к нему подскакал подполковник Джеймс Росс из Пенсильвании и сообщил, что высланные им разведчики наткнулись на пять тысяч британцев к

западу от Брандевин-Крик, на Грейт-Вэлли-роуд; похоже, их ведет сам генерал Хоу. Что за черт! Откуда они там взялись? Ведь просил же разведать как следует все броды через ручей! Еще не хватало, чтобы англичане оказались лучшими знатоками их собственной территории! Вашингтон послал за генералом Салливаном, который удерживал правый фланг на Бирмингем-Хилле; тот доложил, что только что был на Грейт-Вэлли-роуд и никаких британцев там нет. Час от часу не легче! Куда же они подевались?

В час с четвертью сообщили, что две британские бригады приближаются с севера, поднимаясь на Бирмингем-Хилл. Так и есть, Хоу снова сумел зайти ему в тыл, как в Бруклине! Вашингтон пришпорил коня и стрелой полетел к Бирмингем-Хиллу.

Но эти две бригады были только передовым отрядом, высланным Хоу, который шел позади с главными силами. Под покровом густого тумана они переправились через ручей по грудь в воде, сами поражаясь тому, что на противоположном берегу нет ни одного вражеского патруля.

Около четырех часов под звуки барабанов три колонны немцев и англичан вступили в бой под плотным огнем американской артиллерии. Поле сражения окуталось пороховым дымом, с деревьев сшибало ветки и листья. Несмотря на свист картечи, британцы пробили широкую брешь в линии обороны и, дав несколько ружейных залпов, перешли в штыковую атаку. Крики раненых и умирающих сливались со звуками выстрелов и грохотом разрывающихся снарядов. Американцы дрогнули. А тут еще Кньюпхаузен, увлекая солдат за собой, повел их в атаку через ручей, и вода в нем окрасилась кровью.

В пять часов Вашингтон продиктовал донесение Конгрессу: «В половине пятого неприятель атаковал генерала Салливана, пройдя через брод выше по

течению, и с тех пор идет ожесточенный бой. Там же началась сильная канонада, и я полагаю, что нам предстоит очень жаркий вечер».

К тому времени три американские дивизии уже бежали, не разбирая дороги; только Грин со своими частями достойно прикрывал отступление. Решив, что час его славы пробил, Лафайет устремился в самую гущу драки, пытаясь повести солдат за собой. Он был ранен в мякоть левой ноги ниже колена, но не обращал на рану никакого внимания, пока сапог не наполнился кровью, а у него самого не закружилась голова. Его вынесли с поля боя; теряя сознание, он еще увидел над собой встревоженное лицо Вашингтона и услышал его слова, сказанные хирургу: «Позаботьтесь о нем, ведь он мне как сын».

Повозка, на которую его положили, влилась в бурлящий поток отступавших солдат, увлекавший уцелевшие орудия, телеги и прочий военный скарб. До самой ночи разгромленные американцы отходили на восток, к лагерю в Честере, совсем рядом с Филадельфией, бросив на поле боя несколько сотен истекающих кровью товарищей (Хоу потом даже просил Вашингтона прислать докторов для ухода за ранеными).

Около полуночи Вашингтон отправил из Честера донесение, извещавшее Конгресс о поражении. Черновик письма, составленный Тимоти Пикерингом, показался ему чересчур удручающим, и он добавил несколько «ободряющих слов». Ни в коем случае не падать духом! Начать лучше так: «Сэр, с прискорбием сообщаю, что в нынешнем бою мы были вынуждены оставить поле боя за неприятелем», — а закончить словами: «Убежден, что наши потери в людях не слишком существенны, полагаю, что они меньше, чем у неприятеля (на деле американцы потеряли примерно 200 человек убитыми, 500 ранеными и 400 пленными, а британцы — только 90 убитыми и 500 ранеными. — *E.*

Г.)... Несмотря на сегодняшнюю неудачу, я рад, что настроение в войсках боевое, и надеюсь, что в следующий раз мы сможем компенсировать понесенные сегодня потери».

Бодриться можно сколько угодно, но если хочешь одерживать победы, надо извлекать уроки из поражения, причем уже далеко не первого... Кто виноват? Салливан, который не смог как следует провести рекогносцировку и снабдил Вашингтона неверной информацией? А сам главнокомандующий, не сумевший вовремя отреагировать на изменение обстановки? Грин сказал как-то по дружбе Пикерингу, что Вашингтон слишком нерешительный: «Я-то решения принимаю мгновенно». Барон де Кальб, ветеран Семилетней войны, был того же мнения: «Он очень любезный, предупредительный и учтивый человек, но как военачальник он слишком медлителен, даже беспечен, слишком слаб и не лишен тщеславия и самонадеянности». А Бенджамин Раш, с прошлой зимы находившийся при армии Вашингтона в качестве врача, не пощадил никого из окружения главнокомандующего (подверженного, по его мнению, чужому влиянию), дав резкие характеристики Грину, Салливану, Стерлингу, Стивену: «Первый — подхалим, склонный к созерцанию вместо предприимчивости. Второй — слабый, тщеславный, лишенный достоинства, бумагомарака, полностью теряющий голову на поле боя. Третий — самовлюбленный, напыщенный, ленивый, невежественный пьяница. Четвертый — отвратительный, хвастливый, трусливый глупец». Но других-то не было...

Теперь Вашингтон уже не мог гарантировать безопасность американской столицы. Он повел свою разбитую армию на север, выслав вперед Александра Гамильтона и Генри Ли — сжечь мельницы, чтобы они не попали в руки к противнику. Поздно вечером 18

сентября Гамильтон предупредил Хэнкока, что на рассвете в город могут войти британцы. Началась паника. На залитые лунным светом улицы высыпало столько народу, как в хороший базарный день. «Конгресс гоняли, словно стаю куропаток, из Филадельфии в Трентон, из Трентона в Ланкастер», — вспоминал потом Джон Адамс. К тому времени он уже сильно разочаровался в человеке, которого сам когда-то поставил во главе Континентальной армии. «О небо! Даруй нам одну великую душу! — восклицал он в своем дневнике. — Один деятельный, умелый и способный человек навел бы порядок в этой смуте и спас страну».

Но британцы заняли Филадельфию только через неделю, и у Вашингтона было время запастись всем необходимым. Используя свои чрезвычайные полномочия, он отправил в город Гамильтона с сотней солдат для реквизиций провианта и других товаров. Множество солдат осталось без одеял и теплой одежды, целая тысяча ходила босиком, а зима была уже не за горами. За два дня Гамильтон набрал много добра, не забыв и о порохе, щедро раздавая горожанам расписки (Вашингтон надеялся, что потом они смогут возместить свои убытки). Между тем, презрев все строгие приказы, его солдаты занимались мародерством в округе, терроризируя население и посягая даже на храмы.

Беда не приходит одна: в ночь на 21 сентября британская пехота прошла лесом к Паоли и, не открывая стрельбы, переколола штыками около трех сотен спящих американцев — отряд под командованием бригадного генерала Энтони Уэйна, прозванного Бешеным Энтони. На рассвете они сами пришли в ужас при виде груды окровавленных тел.

Двадцать шестого сентября британская армия вступила в Филадельфию. Перепуганные горожане радостно ее приветствовали — также, как совсем недавно американские войска, уходившие к Брандевин-

Крик. Толпа состояла в основном из женщин и детей, мужчины сбежали. «Обладание нашими городами, при том, что мы сохранили армию, принесет [британцам] мало пользы... Им нужно покорить наше оружие, а не беззащитные города», — бодро писал Вашингтон Генри Лоренсу.

Филадельфию занял только небольшой отряд англичан и гессенцев под командованием Корнуоллиса, а генерал Хоу с основными силами расположился в Джермантауне, в шести милях на северо-восток от столицы, неподалеку от реки Скулкилл. Эту позицию он выбрал продуманно: со всех сторон лагерь окружали ручьи, овраги и ущелья, а каменные дома на главной улице, протянувшейся на две мили, были обнесены заборами или живой изгородью, которые могли служить укрытием. Кроме того, два полка были посланы захватить небольшой американский форт на реке Делавэр.

Узнав о том, что в распоряжении Хоу остались только девять тысяч человек, Вашингтон приободрился и решил повторить свой трентонский подвиг, тем более что под его началом были восемь тысяч солдат Континентальной армии и три тысячи ополченцев. Это последний шанс одержать победу до наступления зимы, доказывал он на военном совете 3 октября. «Пора напомнить англичанам, что американская армия всё еще существует».

Уже вечером войска, разделенные на четыре далеко отстоящие друг от друга колонны, выступили на юго-восток, двигаясь строго параллельно, чтобы к рассвету, оставив позади 15 миль пути, подойти к Джермантауну. Вашингтон с Салливаном вели три тысячи солдат по основной дороге; слева шли пять тысяч под началом Грина, еще дальше — тысяча ополченцев генерала Уильяма Смолвуда по старой индейской тропе, а справа — две тысячи пенсильванцев генерала Джона Армстронга вдоль реки. Если всё пойдет по плану,

центральная колонна Вашингтона неожиданно обрушится на британцев, а колонна Грина зайдет сбоку и прижмет их к реке.

Чтобы в потемках не перестрелять друг друга, всем солдатам было велено прикрепить к шляпам белые бумажки. Как нарочно, полк из Нью-Джерси нарядился в красные мундиры, захваченные у англичан, — далеко ли до беды! А тут еще спустился плотный туман, скрывший колонны друг от друга.

Как и в прошлый раз, график движения соблюсти не удалось и эффекта неожиданности не получилось: один из лоялистов предупредил англичан о приближении американцев. Колонна Вашингтона была еще в пути, когда небо над горизонтом просветлело. Впереди слышалось щелканье мушкетных выстрелов. Разглядеть что-либо в тумане было совершенно невозможно, оставалось лишь гадать, что там происходит. Пороху хватило бы только на 40 выстрелов, и Вашингтон подозвал к себе Пикеринга: «Боюсь, генерал Салливан понапрасну тратит заряды. Скачите к нему и скажите, чтобы поберег их».

Пикеринг растворился в тумане. Оттуда доносились звуки яростной схватки и крики: «Бей кровавых собак! Отомстим за Уэйна!» Когда Вашингтон, наконец, вышел к окраинам Джермантауна, ему открылся апокалиптический вид: британцы, вынужденные отступить, подожгли поля гречихи, и дым смешивался с туманом и пороховой гарью. Несмотря на то что уже рассвело, здесь по-прежнему стояла тьма. Однако по краям дороги валялись брошенные палатки и орудия; значит, план всё-таки удался, надо продолжать.

Колонна двинулась по главной улице города — и была встречена свинцовым дождем. Сквозь мглу удалось разглядеть, что пули летят из окон трехэтажного дома, в котором засела рота солдат. Это был красивый особняк, выстроенный из местного сланца, сверкающего

вкраплениями слюды; в прилегающем к нему садике стояли классические скульптуры. Британцы забили и забаррикадировали двери, закрыли ставнями большинство окон и превратили дом в крепость. В какой-то момент Вашингтону даже показалось, что все его усилия разобьются об это единственное, но непреодолимое препятствие. Он созвал офицеров для летучего совещания. Большинство склонялось к тому, чтобы обойти этот дом и двигаться дальше, оставив один полк для подавления очага сопротивления; но Генри Нокс авторитетно заявил, что по правилам военного искусства, находясь на вражеской территории, нельзя оставлять у себя в тылу укрепленный замок. Это замечание, произнесенное густым басом Нокса, звучало внушительно.

По приказу Вашингтона подполковник Уильям Смит подошел к дому с белым флагом, чтобы передать требование сдаться, и тут же был убит. Тогда Вашингтон бросил против упрямцев целых три полка, а Нокс принялся палить по дому из четырех орудий, но каменные стены, казалось, были непробиваемы. Штурм продолжался уже полчаса, и за это время силы Хоу успели перегруппироваться. Отряды американцев упрямо продолжали штурмовать дом; во дворе валялось множество трупов; тех, кому удавалось подобраться к самым окнам, закалывали штыками. Трем полкам удалось убить всего четырех британских солдат, потеряв не менее семидесяти пяти человек.

Видя, что творится, Вашингтон решил наплевать на правила военного искусства и отдал приказ двигаться дальше. Сам поехал впереди на своем заметном белом коне.

Салливан подскакал к нему и умолял не подвергать себя опасности. На какое-то время генерал согласился ехать позади, но затем вновь вырвался вперед. Ему казалось, что британцы отступают, охваченные

смятением; еще немного — и он приказал бы идти на Филадельфию.

Но это были не британцы. В густом дыму и тумане четыре американские колонны потерялись, а потом принялись палить друг в друга. Кто-то закричал, что враг обошел их сзади, и американцы побежали. Вашингтон приказал майору Бенджамину Толмеджу поставить поперек дороги лошадей, чтобы остановить это паническое бегство, но обезумевшая пехота обтекала животных или протискивалась между ними. Вашингтону казалось, что у него дежавю: как и больше года назад, в Кипс-Бей, он кричал на бегущих, даже бил их плашмя своей саблей — бесполезно. В то же время люди Грина тоже бросились назад. Всё сражение продлилось не больше трех часов.

К девяти вечера войска Вашингтона собрались у мельницы Пеннипаккера, в 20 милях от Джермантауна. Американцы не чувствовали себя разгромленными, но злились сами на себя за это дурацкое отступление. Да и потери были велики: 150 убитых, 520 раненых, 400 пленных. И ради чего?

Американцы захватили 15 пленных... и собаку, носившуюся по полю боя. 6 октября Вашингтон отправил ее обратно, сопроводив запиской: «Генерал Вашингтон приветствует генерала Хоу. Он имеет удовольствие возвратить собаку, случайно оказавшуюся в его руках и, судя по надписи на ошейнике, принадлежащую генералу Хоу».

Стараясь, как обычно, найти нечто положительное в безрадостном событии, Вашингтон написал Хэнкоку: «... наши войска, ничуть не павшие духом, приобрели то, что приобретают все молодые армии от участия в бою». Если бы не туман, вызвавший неразбериху, его солдаты «смяли бы и обратили в бегство самый цвет британской армии с величайшей легкостью». Конгресс был с этим согласен и приказал отчеканить медаль в честь

Вашингтона. Даже Хоу признал, что не ожидал атаки неприятеля после поражения при Брандевине. А французский министр иностранных дел граф де Верженн, подумывавший о заключении союза с американцами, был просто поражен битвой при Джермантауне: зеленые рекруты выдержали два сражения подряд против закаленных и хорошо обученных войск!

Однако не признать свое поражение — это одно, а одержать победу — совсем другое. Через две недели после сражения при Джермантауне Вашингтон узнал, что Горацио Гейтс разбил Джона Бургойна при Саратогге.

Еще 7 сентября Гейтс занял удобные позиции в десяти милях от этого местечка, на господствующих высотах, откуда хорошо просматривалась единственная дорога, ведущая к Олбани — месту предполагаемого соединения британских армий. Его армия целую неделю строила укрепления под руководством польского военного инженера Тадеуша Костюшко. 18 сентября осторожно продвигавшийся вперед Бургойн остановился в четырех милях от американской линии обороны. Гейтс взял на себя командование правым флангом, а левый — самый важный, на стратегических высотах — поручил Бенедикту Арнольду, с которым у него резко испортились отношения, потому что тот не скрывал своих симпатий к опальному Скайлеру.

Тактические приемы англичан не отличались разнообразием. Бургойн повел свою армию на позиции американцев, разделив ее на три колонны для совершения обходного и отвлекающего маневров. Гейтс предпочитал сидеть и ждать, пока его атакуют в лоб, но Арнольд попросил у него позволения пойти навстречу неприятелю, чтобы дать бой в лесу, где у американцев больше шансов на успех. Гейтс со скрипом разрешил провести разведку боем, которую поручили стрелкам Даниеля Моргана.

Наткнувшись на передовой отряд англичан, они, прячась за деревьями, быстро перебили всех офицеров, а потом ринулись в атаку, обратив вражеский отряд в бегство. Одновременно Джеймс Уилкинсон (воистину, он не пропустил ни одного важного дела!) поскакал обратно в американский лагерь за подкреплением. Основная колонна англичан (задержавшаяся в пути из-за препятствий, наваленных в лесу американцами) приняла свой отступающий авангард за наступающего противника и открыла огонь.

Сражение велось с переменным успехом. Люди Моргана, неуловимые в лесу, метко выбивали офицеров и артиллеристов; американцы захватывали вражеские пушки, но англичане отбивали их во время очередной атаки. Ввести в бой гессенцев для решающего удара британцы не успели: стемнело, и сражение пришлось прекратить.

На следующий день оно не возобновилось: Бургойн, потерявший много людей и испытывавший нехватку провианта, не решился атаковать и поджидал Клинтона, спешившего к нему на подмогу из Нью-Йорка. Между тем в американском лагере Гейтс и Арнольд разругались окончательно. Гейтс незамедлительно доложил Конгрессу о сражении 19 сентября, присвоив все лавры себе, а о сопернике даже не упомянул, хотя все решения принимались именно Арнольдом и части, участвовавшие в бою, действовали согласно его приказам. После скандала Гейтс освободил Арнольда от командования, передав его Бенджамину Линкольну; Арнольд попросил перевести его под начало Вашингтона и получил согласие, однако никуда не уехал и остался в своей палатке.

Дни проходили в стычках, оканчивавшихся победой стрелков Моргана; уже наступил октябрь, а Клинтона всё не было. На военном совете англичан командир гессенцев предложил отступить, но для Бургойна это

было позором: уж лучше атаковать, бросив все силы на американский левый фланг. Однако за это время армия Гейтса возросла и пополнила запасы военного снаряжения, тогда как англичане массово дезертировали. Теперь пяти тысячам солдат Бургойна противостояли 12 тысяч американцев.

В таких условиях Гейтс взял командование левым флангом на себя, а правый поручил Линкольну. Сражение началось 7 октября в третьем часу пополудни. Атаку британских гренадеров успешно отбили, подпустив их поближе и перебив почти в упор. Стрелки Моргана и индейцы, действовавшие с ними заодно, рассыпались в лесу и помешали англичанам осуществить обходной маневр. Три пули достали самого Бургойна, попав в его коня, шляпу и камзол. За час он потерял почти четыре сотни солдат и больше половины полевой артиллерии.

Англичане были сломлены морально, но еще держались. И тут с американской стороны таким чертом вылетел Арнольд, приведший себя в боевое состояние горячительным, и повел американцев в атаку на два редута, прикрывавших английский правый фланг. Англичане и гессенцы отчаянно защищались; закипела жаркая схватка. Арнольд мелькал в пороховом дыму между линиями атакующих и обороняющихся; казалось, пуля его не берет. Наконец редуты были захвачены; одним из последних залпов под Арнольдом убило коня, ему самому пуля попала в левую ногу (опять!), которую он вдобавок сломал, поскольку конь упал именно на нее. Как раз в этот момент к нему пробрался майор Армстронг, посланный Гейтсом, чтобы передать официальный приказ вернуться в ставку; его отнесли туда на носилках. Немцы попытались отбить редут, но снова стемнело, а в темноте коварный проводник завел их прямо в лагерь американцев — в плен.

Бургойн отступил, оставив для отвода глаз зажженные костры; но его армия попала в окружение у Саратоги и 17 октября сдалась Гейтсу целиком. Остатки британских частей покинули Тикондерогу и ушли в Квебек.

Разумеется, Вашингтон тогда не знал всех этих подробностей и не мог бы возразить тем, кто сравнивал его с Гейтсом (и сравнение было не в его пользу), что он сам, как правило, сражался с превосходящими силами противника, в условиях враждебного отношения со стороны местного населения, имея в своем распоряжении плохо обученных солдат и пороха в обрез — не то что Гейтс, который, между нами говоря, одержал победу благодаря инициативности Арнольда. Однако Конгрессу и газетчикам был не важен процесс, их интересовал результат. Бенджамин Раш писал Джону Адамсу, что Гейтс мудро спланировал кампанию и привел свой план в исполнение, действуя храбро и твердо, в отличие от незадачливого Вашингтона, которого обвели вокруг пальца и дважды разбили. И армия у Гейтса настоящая, а не бесформенная толпа, как у Вашингтона. Адамс даже обрадовался, что победу одержал Гейтс: «Будь это Вашингтон, поклонение и обожание превзошли бы всякие границы, подвергая опасности наши свободы». И так уже в одном анонимном памфлете, разошедшемся среди членов Конгресса, утверждалось, что «народ Америки провинился в идолопоклонстве, сделав своим богом одного из мужей».

Пятнадцатого октября Вашингтон объявил своим войскам о победе Гейтса при Саратоге. Приветствуя этот славный подвиг, он выразил надежду, что его солдаты покажут себя такими же бесстрашными, как их северные собратья. Между прочим, Гейтс не известил Вашингтона о своей победе напрямую, а, чтобы подчеркнуть свою автономность, направил Джеймса Уилкинсона (уже полковника) с донесением в Конгресс.

По дороге тот сделал остановку в Ридинге, где повстречался с адъютантом лорда Стерлинга и не удержался, чтобы не передать ему злые замечания Гейтса по поводу действий Вашингтона у Брандевин-Крик. Еще он показал записку Томаса Конвея генералу Гейтсу: «Верно, небесам угодно спасти нашу страну, иначе слабый полководец и дурные советники уже погубили бы ее». Лорд Стерлинг пересказал всё это Вашингтону, чтобы предупредить о двуличии Гейтса. Конечно, главнокомандующий был потрясен сговором с целью опорочить его имя.

Конвей был ирландцем, получившим воспитание во Франции, 20 лет прослужившим во французской армии и дослужившимся до чина полковника. В мае 1777 года он явился в Америку с рекомендацией от Сайласа Дина, и Конгресс направил его к Вашингтону. Как и прочие французы, Конвей требовал для себя чин бригадного генерала, но Вашингтон отказался повысить его в обход американских офицеров, уже зарекомендовавших себя в деле. Он быстро понял, что Конвей — не Лафайет: это расчетливый карьерист, а не поборник высоких идеалов. Конвей же понял, что ему надо не заискивать перед Вашингтоном, а чернить его в глазах Конгресса.

После поражения при Брандевин-Крик он насмешливо писал: «...ни один человек не выглядит большим джентльменом, чем генерал Вашингтон, пируя за столом, но что до его талантов как командующего армией, они ничтожны». Члены Конгресса, недовольные Вашингтоном, неожиданно нашли себе нового героя; они утверждали, что Конвей «обладает познаниями и опытом генерала Ли, будучи лишен его причуд и пороков», а Бенджамин Раш даже заявил, что это «кумир всей армии». Между тем Вашингтон доверил «кумиру» командование бригадой при Джермантауне — и пришел в ужас, когда тот бросил своих людей на произвол судьбы. «Заслуги генерала Конвея как

офицера и его влияние в армии существуют больше в его воображении, нежели в действительности», — писал он Ричарду Генри Ли 17 октября. Ни в коем случае не повышать его в чине! Или Конвей, или он сам: «Я был рабом своей должности, но мне будет невозможно долее находиться на службе, если на моем пути станут нагромождать непреодолимые препятствия». Самому же Конвею он сообщил, что узнал о его интригах. Тот уклончиво ответил, что «желал бы, чтобы Вам показали мое собственноручное письмо к генералу Гейтсу. Я уверен, что тогда бы Вам стал известен мой образ мыслей».

Восемнадцатого числа из краткой записки от губернатора Нью-Йорка Джорджа Клинтона Вашингтон узнал о пленении армии Бургойна. В это время он позировал для портрета Чарлзу Уилсону Пилу (художник, приверженец реализма, изобразил его со слегка запавшей левой щекой — зубов с этой стороны уже изрядно не хватало). Генерал прочитал депешу, и ни один мускул не дрогнул в его лице. «А, — сказал он, — Бургойна разбили». Никто не узнал, что творилось в этот момент в его душе. В конце концов, они же сражаются за общее дело — свободу Америки. «Пусть все лица просияют и все сердца исполнятся радостью и благодарностью высшему распорядителю всех событий», — заявил он войскам, приказав дать 13 пушечных залпов в честь победы.

(В начале декабря к Франклину, находившемуся в Париже, прискакал Джонатан Лоринг Остин, только что прибывший из Америки. «Сэр, занята ли Филадельфия?» — спросил старик, даже не дав гонцу спешиться, и услышал: «Да, сэр». Франклин понурил голову и побрел прочь, шаркая ногами. «Но, сэр, у меня для вас гораздо лучшая новость! — крикнул ему вдогонку Остин. — Генерал Бургойн и вся его армия взяты в плен!» Франклин воспрянул духом и использовал это известие в

качестве главного аргумента, убедив Людовика XVI вступить в войну на стороне американцев.)

И всё же Вашингтона сильно задело, что Гейтс до сих пор не написал ему. Конечно же он этого никогда не сказал бы прямо, однако в письме Джону Хэнкоку от 24 октября по поводу нехватки обуви и одеял для солдат удержаться не смог и в самом конце добавил: «Я до сих пор с величайшим нетерпением ожидаю подтверждения о сдаче ген[ерала] Бургойна. Я не получил никаких новых сведений в этом отношении». Имени Гейтса он даже не упомянул. Хэнкок, покидавший пост председателя Конгресса, написал в ответ, что сам не располагает никакой информацией о том, где сейчас генерал Гейтс и его армия, и пообещал держать Вашингтона в курсе. Два дня спустя Вашингтон пожаловался преемнику Хэнкока Ричарду Генри Ли на пренебрежительное отношение со стороны Гейтса и заявил, что даже начинает сомневаться, было ли вообще сражение при Саратогге. Но он всё же получил соглашение о капитуляции, подписанное Бургойном, — через Израэля Патнэма. Только 2 ноября Гейтс, наконец, прислал короткую записку: он возвращает обратно отряд стрелков полковника Моргана и уверен, что «его превосходительство уже давно получил все добрые известия из этих мест».

Двумя днями ранее Вашингтон, находившийся на какой-то ферме в Пенсильвании, послал Александра Гамильтона в Олбани попросить — а то и потребовать, — чтобы Гейтс направил часть своих войск на юг: нужны люди, чтобы усилить форты вдоль реки Делавэр и не допустить их попадания в руки Хоу. Гейтсу-то теперь уже воевать было практически не с кем.

Гамильтон птицей пролетел три сотни миль до Олбани, добравшись туда всего за пять дней. Гейтс был взбешен тем, что ему присылают приказы с 22-летней адъютантишкой. «Хотя повиноваться устным приказам,

переданным с адъютантами, во время боя привычно и даже совершенно необходимо, я полагаю, что еще никогда адъютанта, посланного к армии за 300 миль, не наделяли такими диктаторскими полномочиями», — написал он Вашингтону, правда, письмо не отправил. Гамильтону же Гейтс категорично заявил, что ему нужны все его войска на случай, если сэр Генри Клинтон поднимется по течению Гудзона. После долгих препирательств Гамильтон, будучи чрезвычайно ловким дипломатом, всё же выцыганил у Гейтса две бригады.

Наступала зима, и Вашингтон вернулся к тактике изматывания противника стычками. В одной из них, в Глостере (Нью-Джерси), отличился Лафайет: во главе отряда из четырехсот человек он неожиданно налетел на гессенцев и разбил их в пух и прах: 20 убитых против всего одного у американцев. Вся недоверчивость Вашингтона к чересчур пылкому французу растаяла, как снег на мартовском солнце; он передал под его командование дивизию и действительно полюбил Лафайета, как сына.

ОТЕЦ СОЛДАТАМ

В конце ноября Конгресс реорганизовал военный совет, и Ричард Генри Ли постарался, чтобы туда вошел Томас Миффлин. Как мы помним, в августе 1775 года Вашингтон назначил его первым квартирмейстером Континентальной армии. Миффлин хорошо зарекомендовал себя на этом посту, хотя, конечно, ему больше нравилось быть полевым командиром (он дослужился до бригадного генерала), однако замены ему пока не было. Появлялись какие-то темные слухи по поводу злоупотреблений, якобы допущенных Миффлином; он сам потребовал провести расследование, и поэтому оно не состоялось. Миффлину доверяли все, и прежде всех продвигавший его Вашингтон. Но оказалось, что он плетет интриги за спиной бывшего патрона с целью его сместить. Для Вашингтона это был жестокий удар — уже второй после тайного письма Джозефа Рида генералу Ли. Но теперь дело принимало куда более серьезный оборот. Лафайет предупреждал, что члены Конгресса молятся на Гейтса. «Мы каждый год приносим тысячи жизней и миллионы средств в жертву некомпетентности нашего главнокомандующего, — возмущенно писал генеральный прокурор Пенсильвании Джонатан Диккинсон Серджант конгрессмену из Массачусетса Джеймсу Ловеллу. — Он проиграл два сражения из-за таких грубых ошибок, каких не сделал бы и новобранец, прослуживший всего три месяца». Наконец, Миффлин настоял на назначении Горацио Гейтса председателем военного совета. Таким образом, Вашингтон становился подотчетен Гейтсу. С другой стороны, просьба Конвея об отставке — чтобы вернуться служить во Францию — не была принята.

Вашингтон всё еще требовал от Гейтса объяснений по поводу давешней записки Конвея, раскрывшей ему глаза на заговор против него. Не отвечая на вопрос по существу, Гейтс возмущался тем, что его личные бумаги могли попасть в чужие руки. Верно, это Гамильтон рылся в его личной переписке и тайно снял копию с письма, а «столь великие преступления не должны оставаться безнаказанными». Вашингтону пришлось раскрыть источник информации — болтливое адъютанта самого Гейтса, Джеймса Уилкинсона.

Тринадцатого декабря Военный совет создал систему инспекций, чтобы положить конец дезертирству, обеспечить целевое расходование общественных средств и наладить обучение солдат военному делу. Главным инспектором был назначен не кто иной, как Томас Конвей, которого, вопреки мнению Вашингтона, всё-таки произвели в генерал-майоры. Более того, он теперь уже не подчинялся Вашингтону и обладал обширными полномочиями.

У главнокомандующего сейчас голова болела совсем о другом: где разместить на зиму его армию бродяг и голодранцев? Хоу с комфортом зимовал в Филадельфии, британских солдат были вынуждены принять на постой горожане, а Континентальная армия опять оказалась в чистом поле, на снегу, без единого одеяла. На письма о том, что солдаты голодают, Конгресс ответил циничной рекомендацией не деликатничать с местным населением и реквизировать всё необходимое. Как похвалялся Ловелл Сэмюэлу Адамсу, этой резолюцией «полубога щелкнули по носу».

Если бы Вашингтон ушел вглубь Пенсильвании, люди Хоу смогли бы свободно разорять фермы в окрестностях Филадельфии, а Континентальный конгресс в Норке и Законодательное собрание Пенсильвании в Ланкастере остались бы без защиты. Кроме того, в сельской

местности все удобные места уже были заняты беженцами из столицы.

В конечном итоге Вашингтон выбрал для зимнего лагеря поселок Вэлли-Фордж на берегу реки Скулкилл, в 32 километрах северо-западнее Филадельфии — по его собственному позднему признанию, «унылое и неудобно расположенное место». Но в теории это место выглядело идеальным: довольно высокая горная гряда обеспечивала ему защиту; войска Хоу находились в целом дне пути; окрестные леса могли снабжать материалом для строительства хижин и дровами; запасов продовольствия на местных фермах хватило бы для пропитания армии, а чистую воду можно брать из реки. 19 декабря армия принялась обустроиваться в Вэлли-Фордж.

Пенсильванские законодатели наперебой порицали Вашингтона: он уводит армию в лагерь, вместо того чтобы сражаться, — как будто этот лагерь был раем земным. «Могу уверить этих джентльменов, — писал 23 декабря главнокомандующий новому председателю Конгресса Генри Лоренсу, — что гораздо проще и не так огорчительно цедить упреки, сидя в уютной комнате у жаркого очага, чем удерживать холодный холм, открытый всем ветрам, и спать на снегу и морозе без теплой одежды и одеял. Но если в них мало сочувствия к голым, бедствующим солдатам, то я сочувствую им всей душой, мне больно из-за этих страданий, облегчить или прекратить которые не в моей власти».

Какие сражения? Больше всего Вашингтон опасался, что его голодающая армия попросту разбежится. В том же письме он рассказал, что велел своим солдатам напасть на британских фуражиров, рыскающих по окрестностям, но те не смогли выполнить задание. Чем кормить людей? У него на всех 25 бочонков муки, а мяса вообще никакого! Кроме того, у солдат по одной рубашке, а бывает, что и той нет, около трех тысяч

человек непригодны для дела, потому что разуты; мыла нет и в помине; люди не спят которую ночь, греясь у костров, так как одеял тоже нет. «Три-четыре дня плохой погоды нас доконают».

Вашингтон ехал в Вэлли-Фордж по кровавым следам, оставленным на обледеневшей дороге босыми обмороженными ногами его солдат. Добравшись до места, поселился в двухэтажном каменном домике при мельнице, построенном Айзеком Поттсом — владельцем кузницы (*Forge*), которая и дала поселку название. На втором этаже генерал спал, на первом — работал. Адьютанты спали на полу тесного «кабинета», прижавшись друг к другу; обедали в примыкающем к дому бревенчатом сарайчике. Вашингтон был крайне щепетилен во всём, что касалось частной собственности: он взял этот домик в аренду, а не реквизировал его.

Первым делом требовалось построить для людей теплые сухие хижины. Полки поделили на бригады по 12 человек, которые валили лес и строили себе домики. Чтобы подать пример, в период этой стройки Вашингтон спал посреди лагеря в палатке. Для ускорения процесса он привнес элемент соревнования: пообещал 12 долларов бригаде, которая первой выстроит себе хижину, и сотню любому, кто придумает, чем покрыть крышу вместо дерева, оказавшегося в дефиците.

Томасу Пейну солдаты, стучавшие по бревнам тупыми топорами, напоминали семейство бобров: «... каждый при деле, одни тащат бревна, другие — глину, остальные скрепляют одно другим». В течение месяца на ровном месте выросли две тысячи времянок, выстроившихся параллельными рядами.

Внутри было темно и тесно; 12 мужчин должны были уместиться в помещении величиной 14×16 футов (4,6×5,3 метра). По обе стороны от двери размещались узкие нары в три яруса. Многие солдаты набрасывали поверх хижин палатки, чтобы не так продувало

пронизывающим ветром. Привилегией офицеров было жить в домике с деревянным полом, рядовые же довольствовались земляным.

Вопрос с пропитанием стоял очень остро. Вашингтон как-то не учел, что местные фермеры предпочтут продавать свой товар британским войскам в Филадельфии за твердую валюту — фунты, а не изголодавшимся соотечественникам за обесценившиеся бумажки, которые печатал Конгресс. «Я не говорю о том, чтобы сразу отместить идею патриотизма, — писал главнокомандующий в Йорк, пытаясь достучаться до Конгресса, — но осмелюсь утверждать, что в большой и длительной войне не выстоять на одном лишь этом принципе». Короче говоря, идеи в рот не положишь...

На рождественском ужине Вашингтон со своей свитой довольствовались барашком, картофелем, капустой и хлебными корками, запивая их водой. Офицеры были особенно удручены отсутствием горячительного. После сражения при Брандевин-Крик Вашингтон потерял почти весь свой обоз, в котором возил посуду, столовые приборы и кухонную утварь, и теперь приходилось орудовать одной только ложкой. Но он прекрасно понимал, что находится в привилегированном положении по сравнению со своими солдатами: «Наши больные голы, и здоровые голы, и несчастные люди в плену тоже голы!»

Двадцать седьмого декабря в лагерь явился Томас Конвей, чтобы сообщить Вашингтону о своем назначении главным инспектором и получении чина генерал-майора. Главнокомандующий умел владеть собой. Он принял посетителя с «учливой церемонностью» и ледяной вежливостью, от которой людям обычно становилось не по себе. Что касается назначений, то пусть Конвей знает: его повышение — пощечина для бригадных генералов, поболее его послуживших делу

американской свободы, а инспектировать он ему ничего не даст, пока не получит четких указаний от Конгресса.

Пожаловавшись в Конгресс на холодный прием, оказанный ему в Вэлли-Фордж, Конвей настроил письмо Вашингтону, написав в нем всё то, что не решился бы высказать прямо в глаза: «Я понимаю, что Ваше отвращение ко мне вызвано письмом, написанным мной генералу Гейтсу». Между прочим, в европейских армиях подчиненные вольны высказывать свое мнение о начальстве и никто их за это не преследует. Неужели в этой стране наступает эра тирании и инквизиции? «Поскольку Вы даже вида моего не выносите в Вашем лагере, я готов поехать туда, куда направит меня Конгресс, даже во Францию».

Вашингтон пришел от этого письма в такую ярость, что Джон Лоренс был уверен: не будь войны, генерал непременно бросил бы в лицо наглецу перчатку. (На самом деле Вашингтон отвергал дуэли, считая их феодальным пережитком.) «Это такое оскорбление, — писал он отцу, председателю Конгресса, — какое Конвей никогда не посмел бы нанести, если бы положение генерала не делало для него невозможным получить удовлетворение в частном порядке».

Конгресс не стал усугублять конфликт и перевел Конвея к генералу Мак Дугаллу в Нью-Йорк.

Отчаявшись добиться чего-то от Конгресса, Вашингтон стал рассылать циркулярные письма штатам. Еще в ноябре был составлен проект Статей Конфедерации — основного закона будущего американского государства. Центральная власть была слаба, и штаты, пользуясь обретенными свободами, уклонялись от уплаты налогов и поставки рекрутов. Самые даровитые люди оставались дома, «сочиняя конституции, издавая законы и исполняя государственные должности», а посредственностей делегировали в Конгресс.

Оказалось, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Вашингтону было трудно отрешиться от принципов, которым он следовал всю жизнь. Он по-прежнему сурово наказывал солдат, застигнутых во время грабежа местного населения. Виновного привязывали к дереву или столбу и били по голой спине «кошками» (плеткой с завязанными на ней узлами); чтобы вынести это наказание, люди стискивали зубами свинцовую пулю. Но и с крестьянами, занимающимися контрабандной торговлей с врагом, он поступал не менее сурово. Многие фермеры старались обойти запрет, посылая в Филадельфию жен и детей с повозками, нагруженными продовольствием, в надежде на то, что американские часовые их пропустят. В конце января окончательно выведенный из себя главнокомандующий издал приказ казнить кого-нибудь из виновных в назидание другим. Не видя другого выхода, он решил вывести из строя мельницы, работающие на врага, и послал солдат вынуть оси и валы из водяных колес. Натанаэль Грин с тысячей солдат прочесывал окрестности, конфискуя весь обнаруженный скот. Но даже несмотря на эти чрезвычайные меры, армия голодала, поскольку фермеры прятали свое движимое имущество в лесах и болотах.

Люди питались лепешками из муки, замешанной на воде, которые пекли на раскаленных в костре камнях. Иногда за весь день у них и крошки во рту не было. «Вот подадут миску говяжьего супа — из жженных листьев и грязи, от которого стошнило бы самого Гектора, — писал в дневнике доктор Олбидженс Вальдо из Коннектикута. — Вот идет солдат: его босые ступни видны сквозь изношенную обувь, ноги почти голые под ключьями единственной пары чулок; штаны не прикрывают наготы, рубашка свисает лохмотьями,

волосы всклокочены, лицо исхудало; всем своим видом он являет заброшенность и уныние».

Один из французов, бывших в лагере, «заметил солдат, использовавших вместо плащей и накидок шерстяные одеяла, подобные тем, что носят пациенты во французских госпиталях». Позднее он понял, что это были офицеры и генералы. Даже палатки порвали на полосы, из которых пытались соорудить подобие рубашек. Нищета добралась и до ставки главнокомандующего: Билли Ли, прислуживавший Вашингтону за столом, был «неприлично» наг.

От постоянно горевших костров всё пространство лагеря покрылось жидкой грязью. Повсюду валялись разлагающиеся конские трупы, наполняя зловонием зимний воздух. Людям приходилось самим впрягаться в повозки, чтобы доставлять в лагерь припасы. По просьбе Вашингтона Конгресс назначил квартирмейстером Натанаэля Грина вместо Томаса Миффлина, довольно небрежно исполнявшего свои обязанности. Грин сначала отказывался, но потом принял должность, решив таким образом загладить свою вину за прошлые просчеты.

И при таких условиях армия всё-таки не разбежалась. Именно Вашингтон сумел поддержать в солдатах угасающий боевой дух и стал главной цементирующей силой. Каждый день он появлялся среди них, величественный и непоколебимый. «Я не мог отвести глаз от этого внушительного лица, серьезного, но не сурового, любезного, но без фамильярности, — писал один француз. — Преобладающим выражением его было спокойное достоинство, сквозь которое проглядывали стойкие чувства патриота. Командующий был отцом своим солдатам».

Не всё было так однозначно. В хорошие дни, проезжая верхом мимо хижин, генерал слышал патриотическую песню «Война и Вашингтон»; в иные в спину ему несло: «Нет хлеба — нет солдат!» Однажды

к дому Поттса даже явилась группа воинственно настроенных людей, пытавшихся устроить что-то вроде мятежа. Вашингтон вышел к ним. Они сказали, что пришли выяснить, понимает ли он, насколько им тяжело. Он понимал. «Можно только восхищаться несравненным терпением и преданностью нагих и голодающих солдат», — писал он в дневнике.

Сам Вашингтон сильно тосковал по Маунт-Вернону. Возможно, в глубине души он был бы даже рад своей отставке, которая позволила бы ему, наконец, заняться тем, что дорого и мило его сердцу, хотя... Честь для него значила очень много, и он никогда не бросил бы доверившихся ему людей на произвол судьбы. Но он был очень одинок сейчас. А Марта не могла приехать: как раз перед Рождеством, через год после брата Уильяма, умерла ее младшая сестра и лучший друг Анна Мария Бассет, дорогая Фанни. Марту одолевали мысли о том, что и ей не так уж долго осталось жить и скоро она вновь соединится с сестрой — в лучшем мире. Пока же она упросила овдовевшего Бервелла прислать их десятилетнюю дочь Фанни в Маунт-Вернон, желая заменить ей мать.

По счастью, в жизни происходили не только печальные события: в канун Нового года Нелли, жена Джеки, родила вторую дочку, которую назвали в честь бабушки Мартой. Вашингтон понимал, что жена задерживается по важным причинам, но всё же торопил ее с поездкой: путешествие по плохой дороге с замерзшими колдобинами — суровое испытание, отнимающее много времени и сил.

Она прибыла в лагерь в начале февраля, приветствуемая восторженными кликами солдат. Увидела, в каких условиях живет муж, как он осунулся и помрачнел, ужаснулась виду его воинства — и принялась за работу. С раннего утра до позднего вечера каждый день, кроме воскресенья, она руководила

кружком женщин, находившихся при армии, и вместе с ними вязала чулки, шила из лоскутков одежду для солдат. Потом, прихватив корзинку, обходила с единственным провожатым самых нуждающихся, находя для каждого слова утешения и делясь всем, чем могла.

Той страшной зимой в Вэлли-Фордж были веселая Кэти Грин, ничуть не похудевшая Люси Нокс и элегантная леди Стерлинг со своей модницей-дочерью леди Китти; Вашингтон был особенно «увлечен» последней, а Китти даже попросила у него прядь волос на память. Азартные игры в лагере были запрещены; на фоне всеобщих страданий было не до танцев, но дамы пытались внести хоть какую-то радостную ноту в эту жизнь, устраивая музыкальные вечера с пением, чаем и кофе. На день рождения Вашингтона, которому исполнилось 46 лет, был дан концерт полкового оркестра, состоявшего из флейты и барабанов. (Вашингтон заставлял музыкантов регулярно упражняться. Поскольку они слишком уж ревностно подошли к делу, он ограничил время репетиций одним часом утром и еще одним после обеда. Сложнее всего было добиться однообразия в исполнении; специальным распоряжением генерал запретил барабанщикам стучать кто во что горазд, поскольку барабаны должны подавать армии четкие сигналы.)

Юный Лафайет в самом деле занял в сердце бездетного Вашингтона место сына, относясь к нему с неподдельным почтением и искренней любовью. Вашингтон, ценивший в людях добросовестность, не мог не отметить этого качества в молодом французе, который старался использовать свое пребывание в Америке для самосовершенствования. «Я читаю, учусь, присматриваюсь, прислушиваюсь, размышляю... Стараюсь говорить поменьше, чтобы не сболтнуть глупость, или не сделать чего-нибудь неразумного», — писал Лафайет жене.

Грин оказался способным квартирмейстером, и к середине февраля снабжение лагеря продовольствием более-менее наладилось. А в конце месяца в Вэлли-Фордж прибыл чудо-богатырь — барон Фридрих Вильгельм Лудольф Герхард Августин, барон фон Штойбен, показавшийся солдатам воплощением бога Марса: сбруя его коня, кобуры пистолетов, его дородная фигура и лицо с крупным носом и мощными челюстями — всё казалось огромным и внушало уважение. Правда, бароном он был фальшивым (этого титула его удостоили Франклин и Дин, снабдившие его в Париже рекомендательным письмом Вашингтону), зато ветераном настоящим: прослужил всю Семилетнюю войну в качестве капитана прусской армии, лучшей в Европе. В Америке бывший капитан разом стал генерал-лейтенантом; но он служил идее (а еще состоял в братстве «вольных каменщиков») и поэтому согласился временно не получать жалованья, ограничившись возмещением своих расходов.

Увиденное в лагере глубоко поразило его. Треть личного состава была больна; у многих были ампутированы отмороженные пальцы ног, а то и все ступни; от недоедания и холода распространились тиф, пневмония, дизентерия, цинга. В больничных бараках, вынесенных за черту лагеря, люди лежали вповалку на полу, дрожа от холода, прося воды воспаленными, потрескавшимися губами. Некоторые заболевшие предпочитали оставаться со своими здоровыми товарищами и заражали их.

С конца лета армию Вашингтона покинули две-три сотни офицеров, и теперь он просто не знал, как сможет возобновить военные действия с началом весны. Штойбен был ниспослан ему Провидением: он не имел себе равных в обучении солдат и наведении дисциплины.

Начал он с гигиены: велел убрать из лагеря гниющую лошадиную падаль, вырыть выгребные ямы не менее чем в сотне метров от хижин — их полагалось забрасывать землей каждые четыре дня и копать новые. После этого пруссак приступил к занятиям. Для начала Вашингтон выделил ему всего сотню людей из своей личной гвардии, и очень скоро они смогли бы заткнуть за пояс англичан по части строевой подготовки. Штойбену тотчас прислали новых учеников, которых он обучил и неведомым им прежде боевым приемам, например штыковым (раньше американцы использовали штыки лишь в качестве вертела для поджаривания мяса). Целыми днями он муштровал солдат на широкой площадке в центре лагеря: учил ходить в ногу, перестраиваться из колонны в шеренгу и обратно. Они путались, сбивались с непривычки; Штойбен, плохо владевший английским и переходивший на французский, когда его не понимали, носился на коне перед строем, изрыгая немецкие, французские и английские ругательства. С помощью Джона Лоренса и Александра Гамильтона он начал писать свою знаменитую «синюю книгу» — учебник по строевой подготовке (он будет использоваться вплоть до Гражданской войны 1861–1865 годов). Дело пошло. В марте Вашингтон уже мечтал о том, как выведет на поле боя 12 тысяч своих прекрасно обученных солдат, заслуживших «восхищение всего мира, любовь своей страны и благодарность потомков». В дополнение к красивым словам каждому солдату выдали по чарке рома или виски.

Но три тысячи человек еще были к тому времени больны оспой. Для пополнения поредевших рядов своей армии Вашингтон решился на шаг, который пару лет назад показался бы ему немыслимым: согласился зачислить в солдаты чернокожих. Еще в январе власти Род-Айленда пообещали освободить рабов, которые

пожелают вступить в «черный» батальон, — таких очень скоро набралось 130 человек. Примеру Род-Айленда последовали Массачусетс и Коннектикут. Рабовладельцев, отправлявших в армию своих невольников, освобождали от военной повинности. Под воздействием новых веяний Вашингтон написал своему управляющему в Маунт-Вернон, чтобы тот не продавал рабов без их согласия. Но Лунд Вашингтон, попробовав следовать этому указанию, ответил, что тогда негров вообще будет невозможно продать: никто не захочет. Однако продажа рабов с аукциона — надежный источник доходов...

В апреле, с возвращением теплых дней, ожививших и природу, и людские надежды, события стали развиваться в ускоренном темпе. Устав от притязаний Конвея, Конгресс удовлетворил его очередное прошение об отставке; «заговор» против Вашингтона провалился. Молодые офицеры поставили своими силами в Вэлли-Фордж любимую пьесу Вашингтона — «Катона» Джозефа Аддисона — и сыграли ее перед многочисленными зрителями, восторженно принявшими спектакль. Позже в лагере состоялся спектакль иного рода: туда явился генерал Чарлз Ли со своими собаками, освобожденный британцами после полугодового комфортного плена в Нью-Йорке. Вашингтон встречал его верхом на подступах к Вэлли-Фордж, в сопровождении «почетного караула», выученного Штойбеном. Ли остался верен себе: такой же самоуверенный, невоздержанный на язык и неопрятный. Уполномоченный по делам военнопленных Элиас Будино вспоминал, что утром генерал «был так грязен, будто всю ночь провел на улице». В частных письмах он по-прежнему заявлял, что Вашингтону нельзя доверять и взвода, что его армия находится в еще худшем состоянии, чем он ожидал, и без него главнокомандующий как без рук, потому что его

офицеры никуда не годятся; однако в глаза он говорил совсем другое.

В конце апреля 1778 года Вашингтон получил неофициальное известие, что 6 февраля Франция признала независимость Америки и заключила с ней военный союз, а также договор о предоставлении Франции режима наибольшего благоприятствования в торговле. Бенджамина Франклина отныне принимали в Версале как посла Соединенных Штатов. Узнав об этом, пылкий Лафайет расцеловал Вашингтона в обе щеки, а у самого генерала на глаза навернулись слезы радости.

«Всемогущему повелителю Вселенной было угодно благосклонно выступить в защиту Соединенных Штатов Америки и, даровав нам могущественного друга среди государей всего мира, утвердить нашу свободу и независимость на прочном основании; нам следует выделить день для вознесения благодарности за Божественную доброту», — писал Вашингтон в приказе по армии от 5 мая 1778 года. На следующий день в девять утра выстроили все полки и торжественно зачитали им оба договора, после чего 13 раз выстрелили из пушек. Две шеренги пехотинцев дали ружейный залп; солдаты спели «Да здравствует французский король» на мотив британского гимна; французских офицеров обнимали. Вымуштрованная Штойбеном пехота молодецкато промаршировала перед Вашингтоном, который был на седьмом небе от счастья; в благодарность Штойбена назначили главным инспектором в чине генерал-майора. Прямо на улице для офицеров накрыли столы, ломившиеся от мяса; за них уселись полторы тысячи человек; вино лилось рекой. Вашингтон даже сыграл с молодыми офицерами партию в крикет. Когда в пять часов дня он поскакал к себе, солдаты рукоплескали ему и кричали «Да здравствует Джордж Вашингтон!»; тысячи шляп взлетали в воздух.

Главкомандующий, сопровождаемый адъютантами, останавливался, оборачивался и кричал «ура!».

Ночью он выслал патрули для охраны лагеря, опасаясь, как бы неприятель не захватил их врасплох посреди празднований, как сделал он сам с гессенцами в рождественскую ночь 1776 года. Но всё было тихо.

Через несколько дней в лагерь приехал Бенедикт Арнольд, наконец поправившийся после ранения. Солдаты, бывшие с ним при Саратогге, бурно его приветствовали. Арнольд не позволил ампутировать свою многострадальную левую ногу, но она плохо срослась и стала на пять сантиметров короче правой, из-за чего ему было трудно передвигаться без посторонней помощи. Вместе с солдатами Вашингтона Арнольд принес присягу на верность Соединенным Штатам.

Пора было нанести решающий удар.

СОЮЗНИК

Генерал Уильям Хоу, прекрасно проведший зиму в Филадельфии, вернулся в Англию, передав командование генералу Генри Клинтону. После вступления в войну Франции британская стратегия претерпела изменения: Клинтону было приказано перебросить восемь тысяч солдат (треть его армии) на защиту Вест-Индии и Флориды, которые могли подвергнуться нападению. Он решил оставить Филадельфию и переправиться в Нью-Йорк через Нью-Джерси в расчете на то, что лоялисты поднимут восстание и власть британской короны над американскими колониями будет восстановлена. Но лоялисты из Филадельфии, за зиму неплохо нажившиеся на торговле с британскими солдатами, теперь были охвачены паникой и стремились уйти из города вслед за отступающей армией. Это в планы Клинтона не входило: зачем ему лишняя обуза? Был издан приказ, что к армии могут примкнуть лишь те, кто способен обеспечить себя как минимум на две недели.

В начале июня Континентальная армия вернулась в столицу. Вашингтон, величественный в своем великодушии, предотвратил всякого рода репрессии и воспротивился плану обложить налогом богатых «коллорабационистов». Светлое здание свободы нельзя построить на грязном фундаменте мести. Комендантом Филадельфии он назначил Бенедикта Арнольда. Новый градоначальник зажил на широкую ногу и принялся ухаживать за богатой невестой — хорошенькой восемнадцатилетней Пегги Шиппен, вдвое его моложе, которая, по слухам, во время оккупации водила дружбу с британскими офицерами, в частности с майором Джоном Андре. Этот тридцатилетний красавец, получивший

образование в Швейцарии, обладал разносторонними талантами: писал стихи, играл на сцене и рисовал весьма похожие карандашные портреты, в том числе и красотки Пегги.

Десять тысяч британцев и гессенцев пробирались из Филадельфии в Нью-Йорк, таща за собой огромный обоз из полутора тысяч фургонов, растянувшийся на 12 миль. Вашингтон созвал военный совет: стоит ли напасть на отступающую армию? Большинство офицеров, памятуя о прошлых поражениях и содрогаясь при воспоминании о минувшей зиме, советовали проявить осторожность. Даже Генри Нокс считал, что отважиться сейчас на генеральное сражение — просто безумие, а Чарлз Ли был категорически против. Только неистовый Энтони Уэйн заявил, что нужно «бургойнить Клинтон». 18 июня Вашингтон послал шесть бригад вдогонку за англичанами, а остатки Континентальной армии переправились через реку Делавэр и четыре дня спустя вступили в Нью-Джерси.

Стояла жаркая и душная погода; дождь не освежал, а только усиливал мучения английских солдат, вынужденных париться в своих шерстяных мундирах, обвешанных амуницией. В день удавалось проделать не больше шести миль. Люди валялись с ног, умирали от солнечного удара; ряды британцев редели, так как многие дезертировали. В кои-то веки Континентальная армия получила численное преимущество над врагом. Самое время напасть на него и поквитаться за всё! Но Чарлз Ли по-прежнему заявлял, что в интересах патриотов дать англичанам уйти: пусть себе катятся в Нью-Йорк, а оттуда убираются в Англию. Грин был не согласен с ним: «Я против опрометчивых решений, однако мы должны сохранить нашу репутацию». Лафайет убеждал главнокомандующего не идти на поводу у осторожничавших. Уэйн и Штойбен тоже рвались в бой. Вашингтон, поверивший в свои силы,

принял решение наперекор большинству: они нападут на британцев.

Двадцать пятого июня, узнав, что неприятель приближается к деревушке Монмут-Корт-Хаус, Вашингтон вознамерился послать Ли возглавить наступление, дав ему четыре тысячи солдат. Ли счел это поручение ниже своего достоинства: такая миссия пристала какому-нибудь юнцу из добровольцев, но никак не ему. Вашингтон спорить не стал и передал командование авангардом Лафайету, который уже давно горел желанием отличиться в бою. Испугавшись, что Лафайет украдет у него славу, Ли тотчас заявил, что передумал. Вашингтон оказался в неловком положении: и с заместителем ссориться нельзя, хотя тот и не слишком стремится в бой, и Лафайета обидеть не хочется. Всё же он нашел компромисс: назначил Ли старшим и дал ему еще тысячу солдат.

Когда между арьергардом британцев и передовыми частями американцев оставалось всего шесть миль, Вашингтон приказал Ли атаковать на следующее утро, как только неприятель выступит в путь. Сам он с шестью тысячами солдат готов ринуться вперед, едва разгорится дело.

Британцы снялись с лагеря еще до рассвета, пытаясь уйти от преследования. Вашингтон послал Ли приказ немедленно наступать, пусть его солдаты бросят все пожитки и идут налегке. Солдаты даже снимали рубашки, потому что уже утром стояла жара больше сорока градусов и было нечем дышать. К одиннадцати утра несколько человек умерли от теплового удара.

Около полудня Вашингтон с основными силами подтянулся к Монмуту. Впереди доносились звуки выстрелов и другие военные шумы; он решил, что всё идет по плану. Но тут какой-то местный фермер, бежавший навстречу, крикнул, что американцы отступают. Вашингтон не поверил, тем более что

никаких донесений от Ли не было. Однако перепуганный юный флейтист, запыхавшись, подтвердил: да, наш авангард отступает. Вашингтон пригрозил его выпороть, если он будет нести всякую чушь. Главное — не допустить паники. Пришпорив коня, он поскакал вперед. Очень скоро ему стали попадаться бегущие солдаты. Всё выяснилось: Ли вполсилы напал на арьергард англичан, в который Клинтон поставил лучших солдат под командованием Корнуоллиса; те быстро обратили ситуацию в свою пользу и опрокинули американцев. Мимо Вашингтона из последних сил ковыляли изнуренные люди с вытаращенными глазами, тщетно лоя раскрытыми, пересохшими ртами горячий воздух. И тут к нему подскакал сам виновник происшедшего со сворой своих собак.

— Что это значит, сэр? — проревел Вашингтон. — Я хочу знать, что означает это смятение и беспорядок!

Ошарашенный Ли тупо уставился на него и не мог ничего выговорить, кроме «Сэр? Сэр?». Он-то считал, что совершил подвиг — вывел армию из-под удара, организовав отступление.

— Американские войска не выстояли бы против британских штыков, — наконец попытался он объяснить.

— Чертов трус! — рявкнул Вашингтон. — Вы даже не пустили их в ход!

Свита оцепенела: целомудренный Вашингтон честил Ли на все корки и ругался так, что «листья сыпались с деревьев», как вспоминал потом генерал Чарлз Скотт. На него было страшно смотреть. Этот неожиданный приступ ярости произвел куда более сильное впечатление, чем сами слова.

Бросив Ли, Вашингтон продвинулся вперед и выяснил, что основные силы противника будут здесь через четверть часа. На минуту он растерялся: он был не готов к тому, чтобы дать сражение здесь, на неизученной местности. Между крутых холмов

пролегли глубокие овраги с ручьями, которые могли затруднить продвижение войск. Но Вашингтон был настолько зол, что ничто не смогло бы его сейчас остановить. Велев Уэйну двумя полками задержать врага, он собрал своих рассеянных по полю солдат и привел их в чувство. В присутствии главнокомандующего, как всегда, внушительно смотревшегося в седле, паника улеглась, а когда тот спросил, будут ли они сражаться, солдаты трижды прокричали «ура!».

И грянул бой. Два часа под плавившимся от солнца небом гремела канонада. Красивый белый жеребец главнокомандующего, подарок губернатора Нью-Джерси Ливингстона, вдруг упал и умер от жары. Тотчас подскочил Билли Ли, ведя в поводу гнедую кобылу. Как обычно, Вашингтон испытывал судьбу. Один раз, когда он был поглощен разговором с каким-то офицером, прямо у ног его лошади взорвалось ядро, так что его лицо забрызгало грязью. Но Вашингтон продолжал разговор как ни в чем не бывало. Он был повсюду: выстраивал линию обороны, подбадривал солдат, давал им возможность продемонстрировать свою выучку, приобретенную в Вэлли-Фордж. Англичане такого еще не видели: передняя шеренга давала залп, после чего опускалась на одно колено, чтобы перезарядить мушкеты и дать выстрелить задней. Все действовали слаженно, как хорошо отрегулированный механизм. Несколько раз британцы шли в штыковую атаку — и американцы выстояли. Стерлинг и Грин демонстрировали чудеса храбрости, но больше всего Вашингтон отличил Энтони Уэйна, продержавшегося с небольшим отрядом против превосходящих сил противника до прибытия подкрепления.

Бой продолжался до шести вечера. Соблазн преследовать англичан был велик, но американцы едва держались на ногах от изнеможения, и Вашингтон

решил отложить решающий (штурм до утра. Клинтон отвел своих людей на полмили, куда не долетали ядра американской артиллерии. Вашингтон велел своим спать прямо в поле, положив оружие рядом, чтобы с рассветом перейти в наступление. Сам он расстелил плащ под тенистым деревом; они с Лафайетом еще долго обсуждали поведение Ли, пока не заснули, сидя один подле другого. В лагере англичан горели костры, но на рассвете, проснувшись, Вашингтон обнаружил, что враг улизнул в Нью-Йорк. Клинтон проделал с ним ту же штуку, что в свое время он сам с Корнуоллисом.

Ну что ж, поле битвы осталось за ним. «Главкомандующий поздравляет армию с победой, одержанной вчера над оружием его британского величества, и искренне благодарит храбрых офицеров и солдат, отличившихся в этом деле», — говорилось в приказе по армии от 29 июня. Людям было приказано одеться поприличнее, чтобы «вознести благодарность верховному вершителю человеческих судеб за победу, одержанную в воскресенье над цветом британских войск». Генри Лоренс от лица Конгресса благодарил небеса, сохранившие для Америки Вашингтона.

Впрочем, кое-кто трактовал события иначе. Чарлз Ли считал себя оскорбленным до глубины души и ждал от Вашингтона извинений. За что? За то, что главнокомандующий прогнал его с поля боя, когда победа была уже обеспечена и самому Вашингтону оставалось только «обдирать трупы»! Успешным исходом дела армия обязана исключительно умелому маневру, проведенному Ли, «и вот награда за то, что он пожертвовал друзьями, связями и, возможно, всем своим состоянием»! Он был крайне удивлен, получив в ответ на эти заявления сухое письмо Вашингтона, в котором тот обвинял своего заместителя в «неповиновении приказу и недостойном поведении», поскольку вместо атаки было совершено позорное отступление.

Продолжая блефовать, Ли потребовал военного трибунала. Вашингтон послал арестовать его и выдвинул против него уже упомянутые обвинения. Военный трибунал из двенадцати офицеров начал следствие и полтора месяца собирал свидетельские показания.

Вероятно, прослышав об этом, Томас Конвей вновь принялся хаять Вашингтона. Но тут нашла коса на камень: не потерпев нападок на своего командира, Джон Кадваладер вызвал Конвея на дуэль и прострелил ему рот и шею. «Во всяком случае, я помешал этому мерзавцу лгать», — удовлетворенно заметил он, осмотрев рану. Конвей выздоровел, 23 июля написал Вашингтону покаянное письмо: «Я считаю, что Вы великий и добрый человек. Желаю Вам долго наслаждаться любовью, почитанием и уважением штатов, свободы которых восторжествовали благодаря Вашим добродетелям», — и уехал во Францию.

Но Вашингтону было не до интриг и судебных тяжб: 8 июня 1778 года в бухту Делавэра вошли 12 огромных линейных кораблей и четыре фрегата французского флота с четырьмя тысячами солдат на борту. Безраздельному господству англичан на море пришел конец.

Во главе этого флота стоял 48-летний вице-адмирал граф Жан Батист Шарль Анри Эктор д'Эстен (поскольку он был сухопутным человеком, морские офицеры чаще обращались к нему «генерал»). У него был «зуб» на англичан, дважды бравших его в плен во время стычек в Ост-Индии. В день приезда он послал американскому главнокомандующему цветистое письмо: «Дарования и великие деяния генерала Вашингтона заслужили ему в глазах всей Европы высочайший титул освободителя Америки».

Если бы французы прибыли несколько недель назад! Тогда британской армии был бы нанесен смертельный

удар и Клинтон в самом деле разделил бы судьбу Бургойна, а Вашингтон затмил Гейтса. Но что толку рассуждать о том, чего не произошло! Вашингтон, находившийся в Уайт-Плейнс, отправил к д'Эстену, чей корабль стоял на якоре у Санди-Хук, своего адъютанта Джона Лоренса, чтобы, как сейчас сказали бы, «сверить часы» и вместе осуществить его мечту: отбить у британцев Нью-Йорк. Тогда круг замкнется и британская армия будет поймана в тот же самый мешок, из которого чудом и с большими потерями удалось ускользнуть американцам. Однако оказалось, что тяжелые французские корабли не смогут пройти по проливу, он для них слишком мелкий. Мечта осталась мечтой.

Союзники договорились уничтожить британский гарнизон в Ньюпорте, Род-Айленд, совместными усилиями французского флота и американских войск под командованием Джона Салливана. Но и эти планы были сорваны неожиданно налетевшим штормом и появлением на горизонте британского флота. Д'Эстен решил укрыться в Бостоне. Салливан рвал и метал, оставшись в Род-Айленде без прикрытия. 22 августа они с Грином послали д'Эстену возмущенное письмо с обвинениями в трусости и предательстве. Вашингтон наверняка сочувствовал боевым товарищам (хотя и не одобрял назначения вспыльчивого Салливана для ведения совместных операций). Однако с союзниками ссориться было нельзя, поэтому он попытался замять историю с письмом и послал более дипломатичного Грина помириться с д'Эстеном, Салливана же уговаривал не действовать чересчур поспешно. «Знаете, первое впечатление помнится дольше всего, именно на его основе у французов сложится представление о нашем национальном характере», — писал он 1 сентября. Чтобы восстановить добрые отношения, Джон Хэнкок в своем бостонском особняке устроил в честь союзников пышный банкет, на котором графу подарили

портрет Вашингтона. «Ни один человек не был так рад получить портрет своей возлюбленной, как адмирал — ваше изображение», — докладывал главнокомандующему Лафайет.

Но Вашингтон не был склонен умиляться. Радость от обретения мощного союзника сменилась разочарованием. Французы-то думали, что под его командованием находится вдвое больше сил, а он, в свою очередь, рассчитывал на большее число французских солдат. Да и основной флот французов по-прежнему находился в Карибском море, присматривая за собственными колониями. Французы не идеалисты, они вступили в войну, преследуя собственные интересы, но вот каковы они? Не окажется ли, что американцев просто хотят использовать в корыстных целях?

И тут Лафайет заговорил о вторжении в Канаду. «В той форме, в какую маркиз облек свое предложение в разговоре со мной, оно казалось исходящим исключительно от него самого, — предупреждал Вашингтон Генри Лоренса, — но вполне возможно, что оно зародилось во французском кабинете и приобрело сей цветистый наряд, дабы лучше прийтись ко двору». Стань французы освободителями Квебека, они того и гляди потребуют назад канадские территории, утраченные после Франко-индейской войны.

Подтверждая худшие опасения Вашингтона, Лафайет, которому он прежде так доверял, отправился в Филадельфию — «надавить» на Конгресс, — даже не испросив его согласия. Некоторые конгрессмены поддержали его предложение с бездумным воодушевлением. Лафайет помчался «обрадовать» Вашингтона, но неожиданно заболел и, не доехав всего 16 миль до лагеря Континентальной армии, свалился с высокой температурой. Забыв обо всех своих подозрениях, Вашингтон каждый день навещался в Фишкилл, где юный маркиз метался в бреду, и

справлялся о нем у врача, не заходя к больному, чтобы его не беспокоить. К концу ноября Лафайет выздоровел и уехал в Бостон, намереваясь оттуда отплыть во Францию, чтобы явиться к королю и предложить свои услуги.

У Вашингтона в это время появилась новая забота: в ноябре вождь могавков Джозеф Брант с тремя сотнями индейцев сенека объединился с двумя ротами тори под командованием майора Уолтера Батлера и разорил американское поселение в Черри-Вэлли, штат Нью-Йорк; с трех десятков поселенцев сняли скальпы, а их дома сожгли. У Вашингтона не оставалось другого выхода, кроме как применить карательные меры к этим «бандитам».

Между тем Конгресс четыре месяца не мог утвердить решение военного трибунала, признавшего Чарлза Ли виновным и приговорившего его к отстранению от армии на год. «Эта отсрочка — явная несправедливость по отношению и к генералу, и к общественности; ибо если он виновен, его следует наказать, если же невиновен, то держать его в таком напряжении жестоко», — писал Вашингтон брату Джеку. Ли считал себя невиновным и в начале декабря опубликовал памфлет, в котором оправдывал себя, говоря, что это Вашингтон дал ему неверные указания при Монмуте. Конгресс наконец утвердил приговор, однако Вашингтон опасался, что рассказы Ли запятнали его репутацию. Джон Лоренс вызвал Ли на дуэль; Александр Гамильтон выступил его секундантом. Ли был ранен в бок, но не опасно. В отличие от Конвея, он не раскаялся, а продолжал, удалившись в свое поместье в Виргинии, поносить Вашингтона; правда, Конгресс перестал обращать внимание на его злобные письма.

Военные действия переместились на юг: британцы всё еще рассчитывали опереться на лоялистов из южных штатов, чтобы сломить сопротивление мятежников на

севере. Для осуществления этого плана требовалось захватить южные порты: Саванну в Джорджии и Чарлстон в Южной Каролине. Саванна сдалась в декабре; ополченцы и отряды Континентальной армии не оказали врагу достойного сопротивления. После этого войска вновь разошлись на зимние квартиры.

Сэр Генри Клинтон зазимовал в Нью-Йорке, а Вашингтон решил разместить свою армию в Мидлбруке, Нью-Джерси, к западу от острова Статен. Брату Джеку он писал, что уже расстался с мыслью побывать дома, увидеть родных и друзей — четвертую зиму подряд! — и будет готовиться к следующей кампании. Марту он попросил приехать в Филадельфию, и она уже жила там с ноября, с нетерпением ожидая мужа. Но у того было много забот. «Наши дела находятся в более бедственном... положении, чем за всё время с начала войны», — сообщал он Бенджамину Гаррисону. Чтобы не повторить ошибок предыдущей зимы, Вашингтон не стал собирать все войска в одном месте, а разбросал их от долины Гудзона до Коннектикута: так будет легче добывать фураж и провиант. В лагерях строго следили за гигиеной, земляные полы в хижинах были запрещены, а крыши полагалось делать из досок, горбыля или дранки.

Двадцать третьего декабря Вашингтон наконец-то выехал в Филадельфию, чтобы обсудить с Конгрессом планы вторжения в Канаду. Для поездки в столицу он заказал для изрядно пообносившегося Билли Ли два сюртука, два жилета и пару штанов, чтобы не стыдно было явиться с ним в приличный дом. Вашингтон поселился в доме Генри Лоренса на Честнат-стрит; в январе они с Мартой отпраздновали двадцатую годовщину свадьбы.

Казалось бы, надо забыть обо всём и отдыхать, пока есть возможность. Но Вашингтон как настоящий солдат не мог отделить себя от тех, кто мерз сейчас в хижинах

в Мидлбруке, и наслаждаться обильной и беззаботной гражданской жизнью. Будучи деловым человеком, он тем не менее с презрением взирал на спекулянтов, прибравших к рукам все рынки, и называл их в частных письмах «паразитами и величайшими врагами счастья Америки». Из-за затоваривания и дурной ценовой политики национальная валюта сильно обесценилась за последние месяцы, потеряв 90 процентов стоимости. Право собирать налоги передали штатам, и деньги поступали крайне нерегулярно. В Конгрессе шла грызня из-за частных дел, тогда как важные вопросы — долги, инфляция, потребность в кредитах — откладывались со дня на день, с недели на неделю. Вашингтон обладал большей властью, чем любой из конгрессменов, и считал своим долгом высказать свое мнение. С другой стороны, будучи всего лишь военачальником, он должен был подчиняться гражданскому контролю со стороны Конгресса. «Несомненно, что если бы генерал Вашингтон был честолюбивым интриганом, в его власти было бы совершить переворот, но ни сам генерал, ни его армия не внушают и тени подозрения на этот счет, — сообщал в Версаль Конрад Александр Жерар, первый посол Франции в Соединенных Штатах. — Генерал привержен принципу, что прежде следует быть гражданином, а уж потом офицером».

У Вашингтона сложились хорошие отношения с новым председателем Конгресса Джоном Джемом, которого он знал еще по Первому Континентальному конгрессу. Но из-за круговорота городских развлечений делать дело было затруднительно. Вашингтон и Грин рано вставали и отправлялись с визитами. Потом нужно было приготовиться к обеду, за которым следовал бал, продолжавшийся до двух часов ночи. Все хозяйки салонов желали видеть генерала у себя. Вашингтон ошарашенно смотрел на вереницы карет, подъезжающих к ярко освещенным особнякам, на столы,

ломающиеся от яств, в то время как его люди грелись у костров и недоедали. Ему было больно, а вовсе не радостно оттого, что он вынужден разделять с праздною публикой эту пустую, нелепую и нечестную жизнь. «Если бы я гнался за удобствами и развлечениями, — написал он Джозефу Риду, — я бы не смог противиться предложению друзей расположиться на зиму в Филадельфии, вместо того, чтобы тесниться в одной-двух комнатах, но дела армии требуют моего постоянного внимания и присутствия». Пробыв в столице полтора месяца, в феврале он вернулся в Мидлбрук.

Первую годовщину союза с Францией (6 февраля) отпраздновали балом. Первый танец Вашингтон протанцевал с толстой Люси Нокс, а затем целых три часа, не присаживаясь, отплясывал с Кэти Грин, тогда как его жена, казавшаяся рядом с ним старушкой, скромно сидела у стеночки. Затем всё общество — около семидесяти дам и три-четыре сотни джентльменов — устроилось на специально сооруженном возвышении, чтобы полюбоваться фейерверком Генри Нокса.

За столом главнокомандующего вновь собиралась его обширная свита. Заржавевшие блюда из белой жести заменили фарфоровым сервизом; на столе расставляли шесть изящных канделябров. Еда была не такой скудной, как в Вэлли-Фордж, хотя и без изысков. Главным угощением служили общие разговоры; Вашингтон был приятным собеседником, внимательным слушателем, его тонкие губы часто складывались в любезную улыбку, но смеялся он крайне редко. Он стеснялся своих плохих, изрядно поредевших зубов; лечить зубы ему было некогда, да и не у кого, так что их просто удаляли.

Молодых офицеров всё труднее было удержать при армии: им было тошно сидеть здесь без дела, тогда как их семьи бедствовали, а гражданские прикарманивали огромные деньги. Арнольд, например, еще до того как

стал комендантом Филадельфии, продумал, как нажиться на армейских поставках и прочих сделках, и теперь у него дом — полная чаша. Солдатам Вашингтон мог пообещать землю, одежду, жалованье до двухсот долларов, а офицерам?

В то время как главнокомандующий в очередной раз задумывался о том, не разбежится ли его армия, его 24-летний адъютант Джон Лоренс предложил набрать негритянский полк из трех тысяч освобожденных рабов из Южной Каролины и Джорджии, по примеру Род-Айленда. Эту идею он вынашивал уже почти год, хотя его отец Генри Лоренс предупреждал, что ни один человек в Америке с ним не согласится. Он знал, о чем говорил, поскольку сам занимался работорговлей и ввез из Африки семь-восемь тысяч невольников. Лоренс-младший был готов освободить собственных рабов, положив, таким образом, начало всеобщей отмене рабства. Захват британцами Саванны стал для него решающим аргументом: если не привлечь негров на свою сторону, на юге грозит катастрофа. Ему возражали: что, если освобожденные негры пойдут служить британцам? К тому же негры-солдаты, обретшие свободу, будут смущать своих чернокожих собратьев, оставшихся невольниками.

Сам Вашингтон в принципе не одобрял рабства, однако считал, что оно как-нибудь отомрет само собой в будущем. Лоренсу он не перечил, но и не оказывал деятельной поддержки. Более того, 24 февраля он отправил письмо Лунду Вашингтону, в котором предложил продать всех рабов до единого, а деньги вложить в ценные бумаги. Если Америка проиграет войну, ему не сносить головы, и тогда уже никакая собственность ему не понадобится, но если выиграет, то надо подумать уже сейчас, что выгоднее — «иметь негров и урожай, который они вырастят, или деньги,

которые можно за них выручить сейчас, и проценты с них».

Двадцать девятого марта 1779 года Конгресс принял резолюцию: «Рекомендуется штатам Южная Каролина и Джорджия, понеже они разделяют это мнение, немедленно принять меры к мобилизации трех тысяч пригодных к службе негров». Их хозяевам обещали компенсировать ущерб из расчета тысяча долларов за раба, а самим неграм — предоставить свободу по окончании войны. Поскольку Джон Лоренс был членом Законодательного собрания Южной Каролины, Вашингтон разрешил ему поехать домой и лично дать разъяснения по поводу своей инициативы. Однако депутаты были возмущены этим планом и категорически его отвергли. «Должен признаться, что вовсе не удивлен неудачей вашего плана, — кротко писал ему Вашингтон. — Тот дух свободы, благодаря которому граждане в начале борьбы готовы были с радостью пожертвовать всем ради достижения цели, уже давно угас, уступив место эгоизму».

Вашингтон и сам столкнулся с проявлениями эгоизма и своекорыстия: Джеки Кастис тянул с уплатой долгов приемному отцу, выжидая, пока деньги еще сильнее обесценятся. В конце концов Джорджа это начало раздражать. «Ты можешь с таким же успехом расплачиваться со мной старыми газетами и альманахами, на которые я ничего не смогу купить», — писал он пасынку. Он согласился из политических соображений получить в уплату за земли континентальную валюту, но с того момента, как покинул свой дом, потерял из-за инфляции не менее десяти тысяч фунтов. «Я теперь получаю по шиллингу с фунта в уплату долгов, которые должны быть мне выплачены и которые я должен был вытребовать еще до отъезда из Виргинии, если бы не проявил

снисходительности к должникам», — писал он Бервеллу Бассету 22 апреля.

Британцы могли опираться не только на негров, которым обещали (и давали) свободу, но и на индейцев, разумеется, преследовавших собственные интересы — правда, не на всех: например, онейда выступали на стороне американцев. Вашингтон пригласил шестерых вождей делаваров осмотреть лагерь в Мидлбруке и оценить мощь его армии. Будучи давними врагами ирокезов, они могли бы поддержать американцев. По такому случаю устроили парад.

Двенадцатого мая 1779 года Марта Вашингтон вместе с Люси Нокс и Кэти Грин наблюдала из кареты, с безопасного расстояния, за причудливой кавалькадой: впереди скакали генерал и его верный Билли Ли, за ними следовали «дикари» в пышных уборах из перьев. После смотра Вашингтон обратился к своим гостям: «Братья, я — воин. Я говорю мало и просто, но делаю то, что говорю. Моя работа — уничтожать врагов этого государства и защищать его друзей». Затем он назвал англичан хвастунами, которые не держат слова, в противовес достойным доверия французам: «Великий король Франции стал теперь нашим добрым братом и союзником. Он поднял вместе с нами топор войны и поклялся не закапывать его, пока не покарает англичан». В заключение Вашингтон указал индейцам путь истинный: «Вы правильно делаете, что хотите обучиться нашим ремеслам и образу жизни и прежде всего вере в Иисуса Христа. Это сделает вас более великим и счастливым народом, чем теперь».

Однако набеги индейцев на американские поселения продолжались, и Вашингтон решил вытеснить коренное население с его исконных земель. Генералу Салливану было приказано взять с собой четыре тысячи солдат и отправляться к озерам Фингер-Лейкс, в западной части штата Нью-Йорк, и в земли саскуэханна в Пенсильвании,

чтобы «полностью уничтожить и разорить» поселки ирокезов, а женщин и детей взять в заложники. Индейцев, должно быть, предупредили, потому что людям Салливана попадались на пути лишь пустые поселения, но американцы всё равно сожгли четыре десятка деревень и запасы зерна.

Салливан, как и Вашингтон, состоял в масонском братстве. Масоны воевали с обеих сторон; если бы они объединили свои усилия, возможно, война окончилась бы раньше... Взяв в кольцо войска англичан и индейцев под Ньютоном, штат Нью-Йорк, Салливан выслал на разведку лейтенанта Бойда и рядового Паркера. Они были захвачены в плен. Бойд, член масонской ложи, потребовал встречи с Джозефом Брантом и сделал ему условные знаки посвященного. Брант заверил, что пленники не будут казнены ни при каких обстоятельствах, и оставил их под присмотром полковника Батлера. Но после того как Бойд отказался ответить на его вопрос, Батлер велел индейцам снять скальпы с обоих пленников. Вернувшийся слишком поздно Брант похоронил их по-христиански.

Французский флот по-прежнему находился в Карибском море (в июле д'Эстен захватил Гренаду), а Генри Клинтон, похоже, придерживался первоначального плана: отрезать Новую Англию от остальной страны. В мае британцы захватили два американских форта: Стони-Пойнт и Верпланкс-Пойнт. Встревоженный Вашингтон спешно перенес свою ставку в Нью-Виндзор на Гудзоне, откуда он мог бы помешать продвижению неприятеля вверх по реке, и поселился в Вест-Пойнте, в доме нью-йоркского купца Джона Мура.

Выбить англичан из занятых ими фортов представлялось почти невозможным, тем более что американцы вновь испытывали перебои с порохом. Но у Вашингтона был Уэйн, «Бешеный Энтони», способный пробить головой каменную стену. Пригласив его к себе,

генерал показал ему план Стони-Пойнта, стоящего на пятидесятиметровой отвесной скале над рекой, и предложил неожиданно нагрянуть туда с отрядом из 1350 отборных пехотинцев. Уэйн не колебался: «Я штурмую ад, сэр, только прикажите!» — «Начните со Стони-Пойнта, генерал!» — сухо ответил Вашингтон. Ночью 15 июля отряд Уэйна неслышно приблизился к форту с примкнутыми штыками, чтобы не подымать стрельбу и не быть обнаруженным раньше времени. Весь бой продолжался не больше получаса: американцы ворвались в форт, заколов 63 британских солдата и захватив пять сотен пленных. Голову Уэйна оцарапала пуля, и он закричал: «Занесите меня в форт и дайте умереть во главе отряда!» По счастью, он не умер и отправил депешу Вашингтону: «Генерал, форт и гарнизон вместе с полковником Джонстоном захвачены. Наши офицеры и солдаты вели себя как люди, полные решимости быть свободными. Искренне Ваш Энтони Уэйн».

Вдохновленный этим примером, майор Генри Ли предложил Вашингтону устроить еще один рейд — на Полас-Хук на западном берегу Гудзона. Взяв с собой всего 400 пехотинцев и отряд спешившихся драгун, он выступил вечером 18 августа и, проплутав всю ночь в лесу (из-за несведущего или намеренно путавшего проводника), к трем часам утра вышел на главную дорогу. Несмотря на начавшийся прилив, внешние укрепления удалось захватить; британские офицеры и четыре десятка гессенцев заперлись в небольшом редуте; выбить их оттуда не удалось. Майор Ли хотел было сжечь деревянные постройки, но, обнаружив в них больных солдат, женщин и детей, отказался от этого намерения и отступил, забрав с собой 59 пленных; его собственные потери составили два человека убитыми и три ранеными. «Майор проявил замечательную осторожность, ловкость и храбрость в этом деле,

сделавшем честь ему самому и офицерам и солдатам под его командой. Из-за местоположения форта атака на него была сложной, а успех — блестящим», — писал Вашингтон в Конгресс. Месяц спустя Конгресс поблагодарил «его превосходительство генерала Вашингтона» за проявленную мудрость, а майора Ли — за гуманность, выказанную при столь непростых обстоятельствах, наградил его именной золотой медалью и приказал выдать 15 тысяч долларов для раздачи участникам рейда.

Двенадцатого сентября французский посол шевалье де ла Люзерн со своим секретарем Франсуа Барбе-Марбуа прибыли в Фишкилл на свидание с Вашингтоном. Генерал лично встречал их на лодке и сидел у руля, демонстрируя, что знаком и с морским делом. «Ему лет пятьдесят, он хорошо сложен, довольно строен. Держит себя свободно, с военным изяществом, — записал секретарь. — У него мужественный вид, что не вредит благородству его облика. Я никогда не видел человека более естественно и непринужденно учтивого... Он задает мало вопросов, внимательно слушает и отвечает негромко и немногословно».

Желая произвести впечатление на дипломатов, Вашингтон старался держать себя как можно демократичнее, даже играл в мяч со своими адъютантами, чем поразил французов. К обеду на берегу Гудзона поставили овальный шатер с темно-зеленым пологом — так близко к воде, что волны порой ударялись о колышки. Музыканты исполнили поурри из французских и американских военных маршей. Тосты провозглашали адъютанты; Вашингтон велел дать пушечный залп за здоровье Людовика XVI и Марии Антуанетты.

Улучив момент, Вашингтон спросил Барбе-Марбуа, не видал ли он во Франции Лафайета, и когда тот ответил утвердительно, добавив, что подвиги маркиза

заслужили похвалу короля, а о Вашингтоне он отзывался с «нежной почтительностью», генерал покраснел, как «любящий отец, которому расхваливают его сына». «Из глаз его брызнули слезы, он схватил мою руку и едва мог выговорить: „Я не знаю более благородной и тонкой души, я люблю его, как родного сына“».

Произведя на французов благоприятное впечатление, Вашингтон, тем не менее, так и не добился удовлетворительного ответа о планах военной кампании. В начале сентября в Чарлстон прибыло несколько французских кораблей, а с ними — известие о том, что д'Эстен направляется в Джорджию. 11 сентября генерал Бенджамин Линкольн с двумя тысячами солдат выступил в Саванну, чтобы отбить ее у англичан при поддержке французского флота. Вашингтону же сообщили, что французы идут на север, и он даже послал Генри Ли встречать их в Нью-Джерси. На следующий день после обеда с послом он написал д'Эстену, что британцы довели свои силы в Нью-Йорке до пятнадцати тысяч солдат, и поинтересовался, намерен ли граф атаковать Нью-Йорк. Ответом ему было молчание, и Вашингтон в письме Джеки Кастису даже посетовал на неверного союзника.

В конце сентября стало известно о том, что Испания вступила в войну с Англией. Но радость по этому поводу была недолгой: испанцы предпочитали добиваться от Великобритании каких-то уступок для себя, а не бороться за независимость США, которая могла угрожать их собственным колониям в Северной Америке.

В последний день сентября Вашингтон засел за длинное письмо Лафайету. Рассказав о визите французского посланника и о надеждах, связанных с испанцами, изложив еще раз свои убеждения и подтвердив чувства «уважения и привязанности» к своему адресату, перешедшие в «любовь и благодарность», он вежливо отклонил приглашение

посетить Францию, поскольку не говорит по-французски, а общаться с дамами через переводчика ему будет неловко. Вместо этого он звал Лафайета с супругой посетить после войны Маунт-Вернон и увидеть «мое сельское жилище, где домашние припасы и сердечный прием заменят деликатесы и роскошную жизнь». Здесь письмо принимало довольно неожиданный горько-шутливый тон: Вашингтон просил передать маркизе де Лафайет, что его сердце «подвержено нежной страсти и уже настолько пропиталось самыми благоприятными о ней представлениями, что ей следует с опаской подносить к нему факел любви, тем более что Вы, должно быть, раздуваете пламя. Но здесь мне снова кажется, что я слышу Ваш голос: я не боюсь опасности. Моя жена молода, Вы стареете, между нами Атлантика. Всё это верно, но знайте, мой добрый друг, что никаким расстояниям не удержать надолго *пылких* любовников вдали друг от друга и что в этом возрождаются чудеса былых времен. Но увы! Вы сами можете заметить, что за исключением чудес, занесенных в Святое Писание, нет примеров того, чтобы молодая женщина *по истинной склонности* предпочла старика». Похоже, что 47-летний Вашингтон переживал пресловутый «кризис среднего возраста»...

Вскоре после получения маркизом этого письма, 29 декабря 1779 года, в его жизни произошло радостное событие: родился сын, которого назвали Жорж Луи Жильбер Вашингтон дю Мотье, а если коротко — Джордж Вашингтон Лафайет. Молодой отец поклялся, что если у него будет дочь, он назовет ее Виргинией; на это Франклин лукаво заметил, что на очереди еще 12 штатов.

СТОИК

В тот самый день, когда Вашингтон принимал у себя французского посланника, д'Эстен подошел к Саванне и начал высадку десанта. Четыре дня спустя, уверенный в победе (Бенджамин Линкольн должен был не допустить к городу шедшие на подмогу части англичан), он предложил коменданту Прево капитулировать. Тот запросил сутки на раздумье. Но еще до истечения этого срока к городу, одновременно с Линкольном, подошло британское подкрепление, и комендант ответил французам вежливым отказом.

Долгая осада не входила в планы французам, тем более что среди моряков начались дизентерия и цинга, да и провиант был на исходе. С 3 по 8 октября город бомбардировали с моря; в нем практически не осталось целых домов. После этого д'Эстен, вопреки мнению большинства своих офицеров, отдал приказ о штурме.

Французы в белых мундирах оказались отличной мишенью для американских стрелков, перешедших на сторону британцев; штурм захлебнулся. Сам адмирал получил две пули, а польский офицер-кавалерист Казимир Пуланский, сражавшийся на стороне американцев, был смертельно ранен. Вторую колонну вел шведский граф Курт фон Стедингк, которому удалось захватить последнюю линию траншей и водрузить над ней американский флаг. Однако британцы перешли в контратаку и все нападающие были перебиты перекрестным огнем, уцелело только два десятка человек, а сам граф был ранен. Д'Эстен отступил, оставив поле боя, усеянное мертвыми телами, а 17 октября снял осаду. «Я думаю, что это величайшее событие за всю войну», — сделал запись об осаде

Саванны сэр Генри Клинтон. В Лондоне эту победу отпраздновали пушечным салютом.

В это время Вашингтон готовился к очередной зимовке, которая обещала быть такой же суровой, как позапрошлая. Уже в октябре на армейских складах не было ни одной пары сапог; рубашек, курток и одеял тоже не хватало. Курс континентальной валюты теперь составлял три цента к доллару; Конгресс перестал печатать деньги и переложил обязанность платить армии на штаты. Те стали печатать собственные бумажные деньги, и цены взлетели до небес. «На телегу денег едва ли можно купить телегу провизии», — писал Вашингтон Джону Джею в начале месяца. «Крыса продается по нынешним временам не дешевле чем за 200 фунтов, словно это лошадь», — заявлял он конгрессмену Гаверниру Моррису. Разведка доносила, что, уходя из Филадельфии, британцы захватили с собой бумагу для печатания денег в расчете наводнить страну подделками и вызвать экономический кризис.

Основные силы своих войск Вашингтон отвел на зиму в Морристаун в Нью-Джерси. Снег выпал рано, и солдаты вырубали две тысячи акров леса, чтобы построить городок из тысячи деревянных хижин. 1 декабря в лагерь переселился Вашингтон, обосновавшись в симпатичном трехэтажном доме миссис Феодосии Форд, со ставнями и мансардой, который мог показаться дворцом по сравнению с домиком Поттса в Вэлли-Фордж. Через месяц Марта Вашингтон приехала к мужу (она успела увидеть свою третью внучку, Нелли, и убедиться, что с ребенком и его матерью всё в порядке). Но хозяйка дома отказалась съезжать и занимала две из четырех комнат на первом этаже, а в тесной кухоньке толклись, мешая друг другу, 18 слуг Вашингтона и прислуга миссис Форд. Адъютанты жили в двух комнатах наверху, для работы пришлось соорудить деревянную пристройку.

В середине декабря генерал сообщал Конгрессу, что его армия уже несколько дней сидит без хлеба и, если не принять срочных мер, запросто может разбежаться. Из Нью-Йорка доходили слухи о мятежных настроениях среди голодающих ополченцев, и Вашингтон опасался, что они перекинутся в Нью-Джерси. Голодные и деморализованные солдаты стали бы легкой добычей для Генри Клинтона, двинься он вдруг на Морристаун. Нервы Вашингтона были натянуты до предела; по словам Грина, он ругал всех подряд, и правых, и виноватых.

Второго января 1780 года повалил густой снег и не прекращался четыре дня. Метель намела сугробы в полтора метра высотой, нарушив всякое сообщение с лагерем. Ударил мороз; Нью-Йоркская бухта покрылась достаточно толстым льдом, чтобы по нему можно было переправить пушки. Вашингтон загорелся идеей устроить неожиданное нападение на британский гарнизон на острове Статен: лорд Стерлинг с двумя с половиной тысячами солдат перейдет по льду в Нью-Йорк, отобьет обоз и пригонит овец и скот. Эта идея настолько захватила генерала, что он даже стал бояться оттепели, которая могла порушить его планы. Однако британцев кто-то о них известил, эффект неожиданности был утрачен, и от затеи пришлось отказаться. У солдат, назначенных для рейда, отобрали шапки и рукавицы.

Пока же им приходилось «воевать» с местным населением, не желавшим отдавать свое добро за «бумажки». Не проходило ночи, чтобы солдаты не отправлялись на грабеж. Строгость не помогала; Вашингтон был вынужден признать свое бессилие перед мародерством, бесчестящим его армию.

Под завывания пурги Вашингтон строчил тревожные письма в Конгресс: «Многие уже четыре-пять дней не видели мяса, запасы хлеба на исходе». Голодные люди

грызли древесную кору, варили башмаки, убивали домашних собак. По выражению Вашингтона, его солдаты ели то же, что и лошади, за исключением сена. Квартирмейстер Грин между тем возмущался, что «страна, в которой всего в изобилии, допускает, чтобы армия, используемая для защиты всего самого дорогого и ценного, погибала от нехватки пищи». Ситуацию исправить не удавалось даже реквизициями.

Нужно было найти виноватого; в Филадельфии поползли слухи о том, что Роберт Моррис наживается на торговле мукой, тогда как американские солдаты голодают. Морриса — того самого банкира, который временами фактически содержал Континентальную армию, — обвинили в растрате государственных средств. На суде его оправдали за отсутствием состава преступления. Надо ли говорить, что Вашингтон ни минуты не сомневался в его невинности?

Нет худа без добра: многоснежная зима помешала британцам осуществить дерзкий план — захватить в плен Вашингтона. В феврале 300 верховых устремились с этой целью к Морристауну, но увязли в снегу и повернули обратно.

Даже с наступлением весны положение армии не стало лучше: «На сегодняшний день у нас в запасе нет ни одной унции мяса, ни свежего, ни солонины», — писал Вашингтон 12 апреля. Кроме того, выплату жалованья задерживали месяцами. «Мы начинаем ненавидеть страну, пренебрегающую нами», — записал в дневнике Александр Гамильтон, должно быть, выражая не только свое мнение. Впрочем, лично для него суровая зима была скрашена знакомством с Элизабет Скайлер, младшей дочерью генерала, которая потом стала его женой. (Филип Скайлер оставил военную службу в апреле 1779 года и стал делегатом Континентального конгресса.) Соединяя свою судьбу с

офицером, Элизабет вдохновлялась примером Марты Вашингтон, бывшей для нее идеалом женщины.

В конце апреля пришло письмо от Лафайета: «Вот и я, мой дорогой генерал, вне себя от радости вновь оказаться среди Ваших любящих солдат... У меня дела величайшей важности, о которых я должен прежде переговорить с Вами наедине». Это послание несказанно взволновало Вашингтона. 10 мая явился сам автор и заключил его в объятия. «Делами величайшей важности» оказалась весть о том, что Франция направляет в Америку огромный экспедиционный корпус под командованием графа де Рошамбо, героя Семилетней войны. Согласно дипломатической договоренности, генерал-лейтенант Рошамбо будет находиться в распоряжении Вашингтона, как и французский флот шевалье де Тернэ. Вашингтон немедленно принялся развешивать Лафайету свой план захвата Нью-Йорка и написал в Конгресс о том, что ему необходимо не меньше двадцати тысяч солдат. И, в конце концов, надо же одеть их поприличнее! Неудобно перед союзниками! У Континентальной армии до сих пор нет одинаковых мундиров, ходим, как побирушки!

Всего через два дня после приезда Лафайета случилось то, чего Вашингтон в глубине души сильно опасался, хотя и высказывал свои опасения лишь достойным доверия людям: 12 мая Чарлстон капитулировал. Генерал Линкольн допустил тактическую ошибку, сосредоточив все силы на побережье и оставив без защиты сухопутные подступы к городу. Две с половиной тысячи солдат и 343 орудия попали в руки врага. Чтобы унижить американцев, британцы отказали им в праве покинуть крепость под барабанный бой и с развернутыми знаменами, заставив просто сдать оружие, а затем сделать выбор — стать военнопленными или вернуться по домам, торжественно пообещав сделаться верноподданными Георга III. Теперь

путь в обе Каролины и Виргинию был открыт; оставаясь с основной армией в Нью-Йорке, Генри Клинтон отрядил Корнуоллиса терроризировать юг.

Несколько дней обитатели Новой Англии с тревогой наблюдали за багровым солнцем на желтом небе, а 19 мая в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси уже в 10–11 часов утра вдруг наступила такая тьма, что пришлось зажигать свечи^[28]. Темень продолжалась до поздней ночи, а затем вошла красная луна. Потом пошел дождь, и мгла рассеялась. Почти все обыватели были уверены, что это дурной знак и Судный день не за горами. Проповедники пугали паству, находя подходящие строки из Евангелия. Напротив, законодатель из Коннектикута Абрахам Давенпорт вошел в историю благодаря фразе, произнесенной со стоическим спокойствием: «Пусть Бог делает свою работу, а мы займемся нашими делами. Принесите свечи».

Двадцать пятого мая два линейных полка из Коннектикута взбунтовались и отказались повиноваться приказам Вашингтона. В сумерках они вышли из своих хижин, потрясая оружием, и заявили, что либо разойдутся по домам, либо вытрясут продовольствие из местных фермеров, даже если придется колоть их штыками. Жалованье им не платили уже пять месяцев, и никаких радужных перспектив не вырисовывалось. Офицерам удалось их успокоить, хотя они сочувствовали солдатам. Вашингтон не стал их наказывать и обрушил весь гнев на непатриотичных граждан, доведших своих защитников до такого состояния.

Генерала, потратившего несколько лет, чтобы превратить толпу ополченцев в подобие регулярной армии, особенно раздражал непрофессионализм гражданской администрации. Сколько можно наступать на одни и те же грабли? Америке нужны профессиональные солдаты, а не служащие по кратким контрактам, опытные конгрессмены, а не случайные

люди, твердая валюта, а не «бумажки». Деньги — нерв войны; у кого кошелек ту же набит, тот и войну выиграет. Финансы Америки расшатаны — значит, надо собирать налоги и прибегать к займам. «Хотя [британское] правительство погрязло в долгах и, конечно, бедно, народ богат, и богачи предоставляют средства, которые не скоро будут исчерпаны, — писал он Джозефу Риду 28 мая. — Кстати, их система государственного кредита гораздо эффективнее, чем в любой другой стране». Пусть Британия — враг, но и у врагов есть чему поучиться и что взять на вооружение. Пусть наша демократия — величайшее завоевание, но у всего должны быть четкие рамки и смысл! «Я вижу, как одна голова постепенно превращается в тринадцать, — писал он три дня спустя делегату Конгресса от Виргинии Джозефу Джонсу, — и вместо того, чтобы взирать на Конгресс как на высшую контролирующую власть в Соединенных Штатах, они считают себя зависящими от своих собственных штатов».

Двадцать девятого мая части Континентальной армии под командованием Абрахама Бафорда потерпели сокрушительное поражение от отряда лоялистов во главе с Банастром Тарлтоном при Воксхо близ Ланкастера в Южной Каролине. Американцы не выдержали кавалерийской атаки, побросали оружие и подняли руки, но англичанам было приказано пленных не брать: из четырехсот солдат 113 закололи насмерть, а 150 до полусмерти, с собой увели только 53 человека. Полковника Тарлтона после этой бойни прозвали Мясником.

Генерал Вашингтон сильно изменился за эту зиму. Он замкнулся в себе, словно боясь нечаянно вырвавшимся словом выдать свои потаенные — невеселые — мысли и тем самым деморализовать окружающих. Марта, остававшаяся в Морристауне до июня, писала своему зятю Бассету: «Бедный генерал так

несчастен, что это доставляет мне невероятные страдания». Разумеется, несчастен он был не оттого, что ему приходилось вместо вина пить грог на основе новоанглийского рома из деревянной чашки, а от не покидавших его опасений и черных мыслей. Но никакой паники он не испытывал, наоборот, его душа закалилась и окрепла. «Я так привык к трудностям за эту войну, что научился относиться к ним спокойнее, чем прежде», — писал он барону фон Штойбену. И его армия, душой которой он был, тоже стала иной. «Когда армия, обращенная почти в ничто (из-за истечения краткосрочных контрактов), остается порой по пять-шесть дней подряд без хлеба, а потом столько же без мяса и раз, и два, и три без того и другого, и та же самая армия не имеет достаточно одежды, чтобы прикрыть наготу, а у четверти ее нет и намека на одеяла, и это суровой зимой, но при таких обстоятельствах люди держатся вместе — это выходит за рамки понимания, и всё же это правда», — писал он брату Джеку 7 июля с удивлением и гордостью.

СУДЬЯ

Жан Батист де Рошамбо был опытным военачальником: отправляясь за океан, он, помимо пяти тысяч пехотинцев, взял с собой кавалерийский отряд, запас пшеничной муки (он не доверял американской кукурузе, которая, как говорили, вызывает расстройство кишечника), большой груз огнеупорных кирпичей для сооружения хлебных печей, всякого рода инструменты и переносную типографию. Помимо бочек с солониной и сухарями, вином и водкой, он погрузил на корабли восемь тысяч аршин синего и белого сукна для пошива обмундирования, десять тысяч сорочек и столько же пар башмаков. Командующий озаботился также «сувенирами» для индейцев — для них везли ситец, серебряные браслеты, серьги, охотничьи ружья... И тем не менее всего предусмотреть было нельзя: плавание заняло 72 дня, солдаты страдали от морской болезни и, добравшись до Ньюпорта, Род-Айленд, многие из них были не готовы к боевым действиям. Одновременно в нью-йоркскую бухту зашло такое же количество британских кораблей, и Вашингтон отправил Лафайета провести переговоры с французами: мысль о Нью-Йорке не давала ему покоя.

Здесь он совершил промах: если даже Гейтс в свое время был оскорблен тем, что к нему присылают с указаниями адъютанта (Гамильтона), то Рошамбо отнюдь не обрадовался, увидев Лафайета, пусть даже тот и носил титул маркиза и был вхож к королю. Во французской армии Лафайет был лишь капитаном, а своими связями при дворе пытался воспользоваться, чтобы самому получить задание, доверенное генерал-лейтенанту Рошамбо. Теперь же он рассыпался в

комплиментах перед закаленным в боях ветераном, который сухо его оборвал.

То, что он увидел в Америке, стало для него неприятным сюрпризом. «Пришлите нам войска, корабли и денег, — написал он во Францию, — но не полагайтесь на этих людей и их средства; у них нет ни денег, ни доверия; их средства к обороне недолговечны и используются лишь тогда, когда на них нападают». Планы Вашингтона относительно атаки на Нью-Йорк показались ему полной нелепостью; Лафайет слеп или глуп, раз поддерживает американского генерала в его заблуждениях. Кстати, о таких вещах следует говорить напрямую, без посредников, как бы Вашингтон ни уверял в письме, что полностью доверяет своему французскому другу. Но Вашингтон не мог сейчас покинуть армию (опасаясь, что она разбежится): «Я уважаю желание графа лично встретиться со мной, и поверьте, дорогой маркиз, что и я ничего не желаю так страстно, как увидеться с ним. Но Вы также должны понимать, что мое присутствие здесь необходимо для военных приготовлений да и вообще для поддержания дел», — писал он Лафайету 22 июля 1780 года.

Главные военные приготовления тогда разворачивались на юге. Командующим Южной армией Конгресс назначил Горацио Гейтса, героя Саратоги. Вашингтон смолчал, хотя сам рекомендовал на этот пост барона Жана де Кальба. В это же время другого героя Саратоги, Бенедикта Арнольда, судил военный трибунал, признал виновным в нескольких мелких злоупотреблениях и велел Вашингтону назначить ему наказание. Арнольд явился в Стони-Пойнт и спросил, нет ли для него какого-нибудь дела. Главнокомандующий, уважавший Арнольда за храбрость и считавший его превосходным тактиком, предложил ему почетную должность командира легкой кавалерии. Арнольд неожиданно смутился и покраснел. «Выражение его

лица изменилось и утратило живость, — вспоминал Вашингтон, — и вместо того, чтобы поблагодарить меня или выразить радость по поводу назначения, он и рта не раскрыл». Он подчеркнуто припадал на свою больную ногу и, разговорившись с адъютантом главнокомандующего Тенчем Тилгманом, сказал, что уже не может подолгу ездить верхом; ему бы какую-нибудь «сидячую» должность в Вест-Пойнте. «Мне показалось несколько странным, что такой деятельный и предприимчивый человек, как Арнольд, стремится к столь пассивной роли, однако тогда я об этом не задумывался». 3 августа, идя навстречу пожеланиям Арнольда, Вашингтон назначил его командиром гарнизона в Вест-Пойнте.

В это время Горацио Гейтс, решивший увенчать себя лаврами победителя британцев, выступил во главе четырех тысяч солдат (преимущественно ополченцев) в Южную Каролину. Уверенный в собственной непогрешимости, он допустил несколько просчетов, оторвавшись от обоза и слишком сильно углубившись в края, где преобладали лоялисты. В войсках не хватало провианта и свежей воды, началась эпидемия дизентерии. И вот эту армию Гейтс вывел на рассвете 16 августа, близ Камдена, против закаленных в бою солдат Корнуоллиса.

Уже первый залп британцев проделал значительную брешь в рядах ополченцев. После этого англичане перешли в штыковую атаку. У американцев не было штыков, они в панике бросились бежать; только одна рота хотя бы выстрелила один раз, прежде чем обратиться в бегство. В мгновение ока весь левый флаг американцев испарился; виргинцы бежали так быстро, что потеряли убитыми всего трех человек; генерал Гейтс унесся вместе с ними, успев лишь приказать де Кальбу, командовавшему правым флангом из мэрилендцев и делавэрцев, атаковать англичан. Тот отбил две атаки и

перешел в контрнаступление, смяв ряды неприятеля. Тогда Корнуоллис лично прискакал на свой левый фланг и остановил отступление. Вместо того чтобы преследовать бегущих ополченцев, англичане стали планомерно уничтожать тех, кто сопротивлялся. Теперь американцев было 800 человек против двух тысяч; Корнуоллис бросил на них кавалерию «кровавого Тарлтона».

Под де Кальбом убили коня; прежде чем он смог встать на ноги, в него трижды выстрелили, а потом искололи штыками. Его друг шевалье дю Бюиссон, пытавшийся заслонить его своим телом, принял на себя часть ударов и был серьезно ранен. Корнуоллис прислал собственного хирурга осмотреть раны де Кальба, но тот сказал: «Благодарю вас, сэр, за ваше великодушное сочувствие, но я умру смертью, о которой всегда молил Бога: смертью солдата, сражающегося за права человека». Он скончался три дня спустя, пятидесяти девяти лет, и был похоронен в Камдене.

Конница Тарлтона гналась за американцами еще 20 миль (32 километра); около девятисот человек были убиты, еще тысяча — взяты в плен. Гейтс же проскакал, не останавливаясь, 60 миль (97 километров) до Шарлотты, Северная Каролина, но и там надолго не задержался. Лишь оставив между собой и Корнуоллисом безопасное расстояние в 180 миль, он написал спокойное донесение Конгрессу. «180 миль за три с половиной дня! Этот человек необычайно подвижен для своего возраста», — веселился Александр Гамильтон. Конечно, окружению Вашингтона казалось дикостью, что генерал испугался и сбежал, бросив армию.

Но Вашингтону было не до смеха: после поражения Гейтса британцы стали хозяевами Джорджии, Южной и Северной Каролины, непосредственно угрожая его родной Виргинии. Лорд Корнуоллис казался непобедимым. Не заостряя внимания на трусости

генерала, Вашингтон в письме председателю Конгресса делал акцент на недостатках ополчения: «Никакая милиционная армия никогда не приобретет необходимых навыков, чтобы противостоять регулярным силам... Твердости, потребной для настоящего боя, можно достичь лишь постоянно поддерживаемой дисциплиной и службой». В начале сентября он сам отослал по домам 400 ополченцев, чтобы зря хлеб не ели.

Конгресс отстранил Гейтса от командования и смиренно просил Вашингтона назначить его преемника. Главнокомандующий рекомендовал Натанаэля Грина. Рассказывают, что тот сначала отказывался, считая, что не справится: «Нокс — вот человек для столь сложного предприятия. Все препятствия перед ним исчезают. Его возможности безграничны». «Верно, — якобы ответил на это Вашингтон, — потому-то я и не хочу с ним разлучаться». Он всё еще не отказался от планов захватить Нью-Йорк.

В середине сентября 1780 года, взяв с собой Нокса, Гамильтона и Лафайета, а также свиту из двадцати двух всадников, Вашингтон наконец-то отправился на встречу с Рошамбо и Тернэ. Местом для нее был выбран Хартфорд в Коннектикуте, равноудаленный от обеих армий. Перед тем как отправиться в путь, Вашингтон известил Арнольда, что поедет через долину Гудзона, подчеркнув, что поездка должна остаться в тайне.

Еще раньше он поручил Арнольду укрепить оборонительные сооружения Вест-Пойнта. Тот развел бурную деятельность; везде что-то рыли и перекапывали. Похвалив его, Вашингтон с ним пообедал и пообещал осмотреть всё как следует на обратном пути. Он не знал, что Арнольд сообщил британцам весь его маршрут, и лишь задержка его письма в пути предотвратила похищение главнокомандующего неприятелем.

Хартфорд тогда был скромной деревушкой в одну улицу, идущую вдоль реки Коннектикут. При приближении Вашингтона французы дали 13 выстрелов из пушки, а местные жители кричали «виват!». Вашингтон и Рошамбо впервые увидели друг друга. Коренастый и коротконогий француз прослужил в армии 37 лет; его правую бровь рассекал шрам от штыка, шедший к виску, и он припадал на одну ногу — вследствие ранения 1747 года. С американским «начальником» он держался довольно учтиво, даже любезно, но временами крутой нрав старого вояки, считавшего, что он окружен дураками и мерзавцами, давал о себе знать. Вероятно, по контрасту с ним высокий, статный, тактичный Вашингтон сразу очаровал французов.

«Нам не терпелось увидеть героя свободы, — вспоминал граф де Дюма. — Его достойное обращение, простота манер и спокойная серьезность превзошли все ожидания и завоевали все сердца». Граф Аксель фон Ферзен нашел Вашингтона «красивым и величественным», но заметил, что «тьма печали ложилась на его лицо, довольно приятное, что делало его интересным».

Начались переговоры; Лафайет выступал в роли переводчика. Очень скоро стало понятно, что совместная военная операция — дело далекого будущего. Хотя на словах Рошамбо не возражал против планов Вашингтона отбить у англичан Нью-Йорк, но настаивал на том, чтобы дождаться подкрепления из Франции: кораблей маловато.

На второй день Вашингтон понял, что ни к какому положительному результату они не придут, и собрался уезжать. Граф де Дюма проводил его до ближайшего городка. «Мы прибыли туда к ночи; обыватели сбежались со всех окрестностей, нас окружила толпа детей с факелами, подхватывающих приветственные

возгласы горожан; все желали приблизиться к человеку, которого они называли своим отцом; они подступили так тесно, что нам нельзя было проехать. Генерал Вашингтон был очень тронут, он остановился на несколько минут и, пожимая мне руку, сказал: „Мы можем быть разбиты англичанами, это превратности войны; но вот армия, которую им никогда не победить“».

Двадцать третьего сентября трое патрульных из числа ополченцев задержали в графстве Уэстчестер, близ Нью-Йорка, подозрительного штатского в пурпурной куртке с золотым галуном и бобровой шапке. Обыскав его, нашли в сапоге какие-то бумаги, свернутые в тугую трубку, и письмо: «Пропуск г-ну Джону Андерсону для прохождения через посты в Уайт-Плейнс или далее, по его выбору. Он следует по государственному делу согласно моему распоряжению. Бенедикт Арнольд». Солдаты всё-таки решили отвести его к командиру, а когда этот франт предложил им денег, чтобы его отпустили, окончательно утратили к нему доверие. Повертев в руках бумаги, подполковник Джон Джеймсон решил, несмотря на протесты задержанного, переправить их вместе с пропуском к Вашингтону: пусть начальство разбирается.

Два дня спустя, еще не получив пакета, главнокомандующий проснулся с рассветом в Фишкилле и отправился в Вест-Пойнт, намереваясь позавтракать в обществе Арнольда и его жены. Они жили в просторном особняке на восточном берегу Гудзона, ранее принадлежавшем другу Вашингтона Беверли Робинсону, который теперь командовал полком лоялистов. Дом стоял в двух милях от Вест-Пойнта, и по дороге Вашингтон со своей свитой сделал крюк, чтобы осмотреть укрепления вдоль реки. Лафайет осыпал его шутивными упреками, говоря, что молодым людям не терпится позавтракать вместе с очаровательной Пегги. «Ах, я знаю, вы, молодежь, все влюблены в миссис

Арнольд, — отвечал Вашингтон в том же тоне. — Езжайте вперед, позавтракайте с ней и скажите, чтобы меня не ждала». Два адъютанта поскакали предупредить хозяйку, что гости задерживаются, но скоро будут.

В половине одиннадцатого Вашингтон сошел с коня у дома Робинсона и адъютант Арнольда майор Дэвид Фрэнкс сообщил, что хозяина вызвали в Вест-Пойнт по срочному делу, а хозяйка лежит в постели наверху. Позавтракав без нее, Вашингтон взошел на баржу и переплыл на ту сторону Гудзона, рассчитывая увидеться там с Арнольдом. Но того не было, и никто не знал, где он. Вашингтон начал осматривать укрепления и был поражен их заброшенным видом: такое впечатление, что ими вообще никто не занимался!

Озадаченный главнокомандующий вернулся назад. В доме Арнольдов всё было по-прежнему: хозяина нет, хозяйка наверху. Вашингтон прошел в отведенную ему комнату, чтобы отдохнуть перед обедом. Раздался стук в дверь: вошел Гамильтон и положил перед ним стопку бумаг, включая пакет с сопроводительным письмом от подполковника Джеймсона.

Вскрыв пакет, Вашингтон обнаружил в нем протокол военного совета от 6 сентября, который сам послал Арнольду, и подробные сведения о численности войск и артиллерии в Вест-Пойнте. Его как громом поразило: «Арнольд нас предал! Кому же теперь верить?»

Он выскочил из комнаты и расспросил прислугу, когда именно Арнольд ушел из дома. Оказалось, что за завтраком ему принесли какое-то письмо, он разволновался, попрощался с женой и умчался в неизвестном направлении. Ну конечно — на британский корабль, стоящий на якоре на Гудзоне! Вашингтон послал в погоню Гамильтона и Джеймса Мак Генри, но время было упущено.

В этот момент к нему подошел подполковник Ричард Вэрик, адъютант Арнольда, и сообщил, что с Пегги творится неладное. Она бродила полуодетой по залам, видимо, плохо соображая, что делает; он отвел ее обратно в спальню, а она всё твердила, что ей в голову вложили раскаленное железо и только генерал Вашингтон сможет его вынуть. Вашингтон поспешил наверх. Пегги забилась в угол, прижимая к груди своего младенца; ее светлые кудри рассыпались по плечам, халат, наброшенный поверх ночной сорочки, распахнулся, ничего не скрывая. «Вот генерал Вашингтон», — мягко указал ей Вэрик. «Нет, это не генерал Вашингтон! — вскрикнула Пегги. — Он хочет помочь полковнику Вэрику убить мое дитя!» Она переводила бессмысленный взгляд с одного смущенного мужчины на другого, а потом забормотала, точно в беспамятстве: «Генерал Арнольд никогда не вернется. Он ушел навсегда — туда, туда, туда. (Она указывала в потолок.) Духи забрали его туда. Они вложили ему в голову раскаленное железо».

К свидетелям этой драматической сцены добавились Лафайет и вернувшийся ни с чем Гамильтон. Всё было ясно: Арнольд признался жене в измене родине, та не смогла этого перенести и сошла с ума. «Это была самая трогательная сцена, какую мне только доводилось видеть, — сообщил потом Гамильтон своей невесте Элизабет Скайлер. — Пегги Арнольд полностью обезумела... Она то принималась бредить, то разражалась слезами. Иногда она прижимала к себе младенца и сетовала на судьбу, доставленную ему неосторожностью его отца, так что самый бесчувственный умилился бы».

Спустившись вниз, Вашингтон объявил собравшимся офицерам: «Миссис Арнольд больна, а генерал Арнольд уехал. Поэтому нам придется обедать без них».

Обедать сели в четыре часа. Вашингтон не утратил самообладания и никому не рассказал о том, что произошло в спальне. Из соображений безопасности он опечатал дом, велел никого не впускать и не выпускать. Ничего другого ему пока в голову не приходило; удар оказался настолько силен, что ему никак не удавалось собраться с мыслями. Гамильтон сам отправил приказ полку из Коннектикута явиться в Вест-Пойнт для подкрепления. К вечеру Вашингтон очнулся и продиктовал несколько распоряжений, чтобы привести Континентальную армию в боевую готовность. Подполковнику Джеймсону приказали посадить задержанного под арест и не спускать с него глаз. Фрэнксу и Вэрику генерал объявил, что не имеет причин подозревать их в сообщничестве с Арнольдом, однако считает своим долгом арестовать их; те поняли его и не протестовали. Только на следующий день, 26 сентября, Вашингтон сообщил в приказе по армии о том, что вскрылась «самая черная измена», нанеся борьбе за свободу «убийственную рану, если не роковой удар».

Вскоре от коварного Арнольда пришло два письма. В первом, адресованном главнокомандующему, он порицал американцев за проявленную к нему неблагодарность, выставляя себя бóльшим патриотом, чем сам Вашингтон. Ему хватило наглости просить генерала прислать его вещи. (Верный своим представлениям о благородстве, Вашингтон выполнил эту просьбу.) Кроме того, изменник старался отвести подозрения от своей жены: «Она добра и невинна, как ангел, и неспособна на дурной поступок». Второе письмо предназначалось Пегги, и Вашингтон не посмел его распечатать, а велел отнести вверх и уверить миссис Арнольд, что ее муж в безопасности. На следующее утро к Пегги чудесным образом вернулся рассудок; она спустилась вниз, узнала Вашингтона и поделилась с ним опасениями, что на нее, несчастную и ни в чем не

повинную, теперь ляжет позорное пятно. Генерал спросил, что она предпочитает: поехать к мужу в Нью-Йорк или к отцу в Филадельфию. Как патриотка она выбрала отчий дом, и Вашингтон выдал ей пропуск.

Филадельфийские власти оказались не столь легковверны: обнаружилось письмо британского майора Джона Андре, адресованное Пегги. Переписка велась через нее: Арнольд невидимыми чернилами вписывал шифрованные послания между строк, написанных ее рукой. Пегги изгнали из Филадельфии, и отец отвез ее к мужу в Нью-Йорк.

Между тем задержанный Джон Андерсон, находившийся под арестом в таверне поселка Таппан, штат Нью-Йорк, оказался британским офицером, тем самым майором Джоном Андре. Своей связи с Арнольдом он не отрицал, однако настаивал на том, что не является шпионом: он сошел на берег и встретился с Арнольдом на нейтральной территории, однако тот завлек его в американские пределы, и чтобы вернуться назад, через линию фронта, ему пришлось облачиться в гражданскую одежду и взять себе вымышленное имя. Всё дело в том, что шпиона полагалось повесить, а британского офицера, уличенного в связи с американским шпионом, — расстрелять перед строем как джентльмена.

Андре действительно был джентльмен до мозга костей и произвел сильное впечатление на молодых офицеров из свиты Вашингтона. «Замечательный ум, отшлифованный образованием и путешествиями, сочетался в нем с необыкновенным изяществом рассуждений и манер и преимуществами приятного человека», — писал Гамильтон, неоднократно навещавший Андре в его узилище.

Вашингтон высоко ценил благородное происхождение и воспитание и по-человечески сочувствовал молодому человеку, но если бы тот до

конца «исполнил свой долг», англичане захватили бы Вест-Пойнт и это стало бы катастрофой, поэтому излишняя мягкость тут была неуместна. Суд над Андре состоялся в поселковой церкви. Подсудимый отвечал на вопросы трибунала, состоявшего из четырнадцати генералов, прямо и чистосердечно, расположив судей в свою пользу. Однако всё снова испортил Арнольд, приславший Вашингтону наглое письмо: он грозил отомстить за смерть Андре казнью американских пленных. «Призываю небо и землю в свидетели, что Ваше превосходительство будет нести ответственность по справедливости за реки крови, которые могут пролиться». «Нет слов, чтобы описать низость его души», — возмутился Вашингтон. Трибунал вынес обвинительный приговор; англичанин умрет как шпион, то есть будет повешен. Андре, писал жене Лафайет, «вел себя так искренне, честно и благородно в те три дня, которые мы держали его в тюрьме, что я проявил безрассудство, по-настоящему его полюбив. Проголосовав за то, чтобы его приговорили к виселице, я не мог не сожалеть о том, что с ним случилось».

Приговоренный умолял Вашингтона расстрелять его, но генерал решил, что его смерть должна послужить уроком. Впрочем, Вашингтон пытался ее предотвратить, предложив англичанам обменять Андре на Арнольда, но те отказались.

Второго октября 1780 года, в полдень, Джон Андре поднялся на телегу — импровизированный эшафот — и кивком простился с теми, с кем подружился за время заточения. Он выглядел спокойным и даже улыбался. Увидев палача, чье лицо было специально измазано черным маслом, он спросил, действительно ли ему придется умереть именно в петле, а получив утвердительный ответ, сказал вполголоса, словно успокаивая себя: «Больно будет недолго». Он сам надел себе на шею веревку и затянул петлю, потом достал из

кармана носовой платок и завязал себе глаза. На вопрос, хочет ли он сказать что-нибудь напоследок, ответил: «Ничего, но прошу вас свидетельствовать перед всем миром, что я умираю как храбрец». У Гамильтона сердце кровью обливалось.

Тело Андре провисело на виселице с полчаса, потом его сняли. Вашингтон на казни не присутствовал. Ему тоже было горько: принятое решение далось нелегко. «Политика требовала жертвы, но поскольку он был в этом деле более несчастным, нежели преступником... мы, хоть и смирились с необходимостью проявить твердость, не могли не сожалеть об этом», — объяснял он впоследствии Рошамбо.

Господи, когда же кончится эта жестокая, кровавая война? «Я надеялся, но напрасно, что у меня появится возможность завершить свою военную деятельность и вернуться к домашней жизни, — писал он 5 октября Джону Кадваладеру, — но увы! Эти приятные надежды оказались обманчивы, и я не вижу впереди ничего, кроме еще большего горя».

Измена Арнольда засела занозой в сердце Вашингтона. Простить такое он не мог. И не только он: майор Генри Ли изложил ему свой план похищения предателя из Нью-Йорка. Сержант из его отряда легкой кавалерии Джон Чампе проберется ночью к англичанам, выдав себя за дезертира, а затем как-нибудь подойдет на улице к Арнольду и познакомится с ним. Улучив удобный момент, Чампе и еще один американский агент по имени Болдуин схватят Арнольда, когда он пойдет ночью погулять в саду, и, притворяясь, будто везут на гауптвахту пьяного буяна, переправят на лодке через Гудзон. Вашингтон дал согласие на осуществление этого плана при условии, что Арнольда доставят к нему живым. «Я не соглашусь ни при каких обстоятельствах, чтобы его предали смерти, — писал он Ли 20 октября. — Если это случится, все подумают, что его убили наемные

бандиты. Моя цель — наказать его в назидание другим». Чампе было обещано повышение по службе, Болдуину — 100 гиней, 500 акров земли и три раба.

Приговор Андре оказался не единственным, который Вашингтону пришлось вынести этой осенью. Мародерство солдат приняло такие угрожающие размеры, что одного из них, Дэвида Холла, укравшего у местного жителя деньги и серебряную посуду, пришлось вздернуть. Из каждой бригады согнали по 50 человек, чтобы присутствовать при казни и сделать надлежащие выводы. Наблюдавший эту сцену Вашингтон был более бледен, чем местные фермеры, продававшие в обход его распоряжений убоину и муку обосновавшимся в Нью-Йорке англичанам, чтобы те ни в чем себе не отказывали.

УСМИРИТЕЛЬ

В конце ноября 1780 года Вашингтон отвел армию на зимние квартиры, оставив основные силы в Вест-Пойнте, а сам поселился в Нью-Виндзоре, в захудалом голландском домишке на берегу Гудзона. Чтобы ему было что выставить на стол, приходилось реквизировать провиант у местного населения. Денег не хватало даже на покупку фуража для его собственных лошадей, не говоря уже про доски, из которых можно было бы соорудить двери для деревянных солдатских хижин. «Жаль, что солдаты не могут, как хамелеоны, питаться воздухом или, как медведи, сосать лапу во время суровой зимы», — с горькой насмешкой писал генерал Конгрессу.

Он стал желчен, иногда брюзглив, и его свите порой приходилось нелегко. В декабре Вашингтон помешал честолюбивому Гамильтону, которому было тесно в роли секретаря, стать генерал-адъютантом. Но тот решил делать карьеру другим способом и 14 декабря сочетался браком с 23-летней Элизабет Скайлер. Свадьба состоялась в Олбани, в особняке Скайлеров; новоиспеченный тесть был тогда членом сената штата Нью-Йорк, и его зять оказался вхож в высшие социальные слои.

В том же месяце Арнольда, которого так и не удалось похитить, англичане отправили в Виргинию с флотилией из сорока двух кораблей. Вашингтон заранее предупредил об этом губернатора Томаса Джефферсона, однако тот не успел вовремя мобилизовать ополчение; Арнольд разорил Ричмонд, сжег дома и склады.

Поскольку Арнольд пока был недосыгаем, Вашингтон решил применить план другого похищения — самого Генри Клинтона, — разработанный еще в ноябре. В ночь

на Рождество он дал отмашку подполковнику Дэвиду Хамфрису, который с небольшим отрядом должен был сплавиться по Гудзону до Нью-Йорка, ворваться в дом Клинтона, разоружить охрану, связать генерала и вернуться с добычей. Как назло, поднялся сильный ветер, загнавший лодки в залив; операция сорвалась.

В канун нового, 1781 года сбылись худшие опасения Вашингтона: 1300 солдат Пенсильванского линейного полка, расквартированного близ Морристауна, взбунтовались и убили нескольких офицеров. Требования их, впрочем, были вполне законны: еды, одежды, жалованья! Каплей, переполнившей чашу их терпения, стало то, что новобранцы получали свои деньги наличными, тогда как ветеранам не платили уже целый год. Подогревая себя ромом, бунтовщики, захватив всё оружие, какое смогли добыть, и шесть пушек, устремились на Филадельфию, намереваясь запугать Конгресс и добиться своего. Есть же предел человеческому терпению!

Их командир Энтони Уэйн пошел вместе с ними. Вашингтон дал ему наказ держаться как можно ближе к солдатам и проследить, чтобы те не останавливались, пока не переберутся через Делавэр. (Хотя бунтовщики заявляли: «Мы не Арнольды!», — генерал опасался массового дезертирства, поскольку Генри Клинтон через своих агентов вел активную пропаганду среди американских солдат.) Части, расквартированные в Нью-Виндзоре, тоже начинали роптать, и Вашингтон не решался оставить их в этот момент, делая всё возможное, чтобы до них не дошли известия о мятеже. Было у него и еще одно опасение: вот поедет он к мятежникам, прикажет им успокоиться и разойтись, а вдруг они его не послушают? Тогда весь его авторитет мигом испарится! Махнув рукой на Конгресс, он принялся писать непосредственно губернаторам штатов,

требуя присылки провианта и солдатского жалованья за три месяца.

Пенсильванский линейный полк, не дойдя до Филадельфии, остановился в Принстоне и Трентоне. Собрав на всякий случай дополнительные милиционные силы, Уэйн провел переговоры с мятежниками. Было решено демобилизовать половину полка, а вторую отправить в отпуск до апреля. Солдатам пообещали выдать одежду и сертификаты вместо обесценившихся денег, которые они потом смогут обналичить.

Поставленный в известность об этой договоренности, Вашингтон не стал возражать, хотя сама мысль о переговорах с непокорными солдатами была ему противна. Впрочем, Уэйн белого венчика из роз не носил и решил устроить показательный расстрел зачинщиков. 12 человек вывели в чистое поле и построили в шеренгу; расстреливать должны были их же товарищи — с десяти шагов. Из-за того, что стреляли почти в упор, у некоторых приговоренных загорелись повязки на глазах. Ограда поля и даже колосья ржи были забрызганы кровью и мозгами. И всё же один из расстрелянных оказался еще жив; Уэйн приказал солдату заколоть его штыком, а когда тот отказался, говоря, что не сможет убить товарища, Уэйн выхватил пистолет и закричал, что пристрелит паршивца, не выполняющего приказ. Несчастный шагнул вперед и вонзил штык в окровавленное тело. Уэйн велел всем солдатам Пенсильванского линейного полка пройти мимо места казни, чтобы они усвоили урок и впредь не бунтовали, а потом отправил хвастливое донесение Вашингтону. Тот его одобрил: только так, железной рукой, можно подавить зародыш бунта.

Между тем Джон Лоренс собирался во Францию в качестве специального представителя Конгресса, намереваясь вместе с Бенджамином Франклином «выбить» из Версаля огромный заем. В секретари ему

назначили Томаса Пейна, чтобы подогреть энтузиазм французов рассказами о войне, свидетелем которой он был. Вашингтон заперся на три дня с Лоренсом и Пейном: они разработали стратегию поведения. Теперь или никогда; деньги нужны позарез; если и дальше отбирать всё необходимое силой, Континентальная армия лишится поддержки у населения и война будет проиграна.

Однако не всё было так уж плохо. На юге мелькнул проблеск надежды на счастливый исход: 17 января 1781 года бригадный генерал Даниель Морган одержал победу при Каупенсе в Южной Каролине, причем над самим Тарлтоном! Впервые американцы обратили в бегство англичан, орудуя штыками! Три сотни британцев были перебиты и 500 взяты в плен; потери американцев составили 70 человек. Вашингтон возликовал, узнав об этой «решающей и славной победе», и не сомневался, что это существенный вклад в будущую викторию.

Но до виктории было еще далеко, а пламя мятежа перекинулось на линейный полк Нью-Джерси, стоявший в Помптоне. Когда две сотни солдат, выпив для храбрости, двинулись на Трентон, Вашингтон решил, что с него хватит. Он отказался вести переговоры с мятежниками, потребовал безусловного повиновения и приказал казнить зачинщиков. Больше пятисот солдат генерал-майора Роберта Хоу выступили из Вест-Пойнта в Нью-Джерси. 27 января всё было кончено; двенадцати солдатам из бывших бунтовщиков было приказано расстрелять двоих зачинщиков-сержантов. Трое должны были стрелять в голову, трое — в сердце, а остальные — быть готовыми прикончить жертвы, если они не погибнут сразу. Узнав о счастливом завершении операции, Вашингтон возобновил натиск на политиков, требуя денег, еды и постоя для солдат.

Конгресс решал организационные задачи, учредил три новых поста — военного министра, министра

финансов и министра иностранных дел. На должность «суперинтенданта финансов» прочили Александра Гамильтона. Генерал Салливан решил узнать мнение Вашингтона на этот счет. «Я не могу сказать, насколько сведущ полковник Гамильтон... именно в этой области, поскольку никогда не вступал с ним в рассуждения на эту тему. Однако, близко зная его, я могу утверждать, что мало сыщется людей его возраста с более широкими общими познаниями, чем у него, и ни одного более приверженного в душе нашему делу или превосходящего его в порядочности и принципиальности», — ответил он 4 февраля. Пост министра финансов отдали Роберту Моррису. Скорее всего, Гамильтон был разочарован, хотя и предпочел бы командование армейскими подразделениями кабинетной работе. Он уже давно тяготился своим положением и принял для себя решение: если с Вашингтоном вдруг наметится разрыв, не предпринимать ничего, чтобы поправить дело.

Вечером 15 февраля Вашингтон с Гамильтоном засиделись до полуночи, подготавливая документы к переговорам с французским командованием в Ньюпорте. На следующий день Гамильтон столкнулся с генералом на лестнице.

— Мне нужно вас видеть, полковник, — бросил Вашингтон на ходу.

Решив, что генерал будет ждать его в кабинете, Гамильтон постоял немного с Тенчем Тилгманом, которому передал письмо, поболтал с Лафайетом и лишь потом пошел вверх. На лестничной площадке стоял мрачный Вашингтон.

— Полковник Гамильтон, — сказал он раздраженным тоном, — вы продержали меня на лестнице целых десять минут. Должен заметить вам, сэр, что вы относитесь ко мне без уважения.

— Я так не думаю, сэр, — возразил Гамильтон, — но раз вы сочли нужным мне это сказать, расстанемся.

— Очень хорошо, если вам угодно.

Две минуты прошли в молчании. Вероятно, Вашингтон ожидал, что подчиненный извинится и всё пойдет по-прежнему, но этого не произошло.

Час спустя он сам послал к Гамильтону Тенча Тилгмана, чтобы тот передал его извинения и пригласил для спокойного разговора, должного загладить досадное происшествие. Гамильтон попросил сказать, что его решение бесповоротно и разговор ни к чему не приведет. Чтобы лишить Вашингтона возможного ходатая в лице своего тестя, он написал Филипу Скайлеру, сообщив о разрыве и выставив Вашингтона капризным начальником-самодуром, срывающим раздражение на подчиненных и не приемлющим никакой критики. Своему приятелю Джеймсу Мак Генри Гамильтон хвастливо сказал, что в кои-то веки Вашингтон поплатится за сварливый характер. Впрочем, он согласился исполнять свои обязанности, пока «шеф» не подыщет ему замену.

Потеря Гамильтона была для главнокомандующего существенной, но не настолько, как потеря Виргинии. Тогда же, в феврале, он отправил туда экспедиционный корпус под командованием Лафайета, чтобы дать отпор британцам. Если вдруг удастся захватить Арнольда, пристрелите его на месте, велел он, теперь не до церемоний. Но предателю вновь удалось уйти.

Переговоры с французами в Ньюпорте не сильно продвинули вперед союзнические отношения. В расстроенных чувствах Вашингтон вернулся в Нью-Виндзор и обнаружил письмо, какого никак не ожидал. Спикер виргинского Законодательного собрания Бенджамин Гаррисон извещал его о том, что его мать Мэри Болл подала прошение о назначении ей пенсии, поскольку она находится без средств к существованию

из-за огромных налогов, которые вынуждена платить. «Я взял на себя смелость не дать хода этой просьбе, предполагая, что она будет Вам неприятна. Не сомневаюсь, что собрание охотно ее удовлетворит, Вы только скажите, делать нам это или нет», — писал Гаррисон.

Вашингтон решил, что его мать окончательно выжила из ума: обращаться с такой просьбой к законодателям, ставя его в дурацкое положение, и не написать ему самому! Правда, он и сам не послал ей ни строчки с начала войны, но он же перед отъездом принял все необходимые меры, чтобы ее обеспечить! И потом, она же там не одна, рядом Бетти с мужем! Вашингтон написал Гаррисону длинное письмо, изложив всю историю своих мучений. Он купил матери дом с садом во Фредериксберге и велел своему управляющему помогать ей деньгами в его отсутствие. Он согласился платить ей ренту за ее собственное поместье, которое, кстати, приносило вполтину меньше денег, чем он отправлял. Он даже продал рабов, чтобы уплатить огромные налоги на собственность. За всю войну он не получал от нее никаких жалоб и был в полной уверенности, что она ни в чем не нуждается! Он просил собрание не предпринимать никаких шагов по поводу пенсии, пообещав уладить дело самостоятельно.

Гамильтон, оставивший ставку главнокомандующего в апреле, просил держать их размолвку в секрете, и Вашингтон оставался верен данному слову, однако совершенно неожиданно узнал, что сам его бывший подчиненный уже разболтал обо всем приятелям — разумеется, изложив свою версию событий. Конечно, это было неприятно, но Вашингтон, не раз сталкивавшийся с изменой и коварством, отнесся к инциденту более спокойно, чем можно было ожидать. Требовалось срочно найти Гамильтону замену, а пока даже Марту привлекли к делу, заставив переписывать набело письма. Сознвая

без всякого тщеславия, что уже вошел в историю, Вашингтон очень трепетно относился к своей военной переписке и попросил Конгресс нанять секретарей, чтобы снять копии с этих ценных бумаг — однообразным, красивым почерком, на хорошей бумаге. Эту работу доверили Ричарду Вэрику, бывшему адъютанту Арнольда, который руководил командой из шести писарей. Педантичный Вашингтон дал ему подробные инструкции по поводу ширины полей и расстояния между строчками. Переписчики работали больше двух лет по восемь часов в день.

Тем временем лорд Корнуоллис горел желанием отомстить за январское поражение Тарлтона. Случай представился 15 марта в Северной Каролине. Грин, командовавший милиционными силами, велел своим людям отступить, но лишь после упорного и ожесточенного боя, какого Корнуоллис «не видал с тех пор, как Бог его сотворил». Отчаянно пытаясь вырвать победу, британский генерал даже приказал стрелять картечью в самый разгар рукопашной, положив много своих людей. Его победа оказалась пирровой: он потерял четверть личного состава. В апреле Корнуоллис решил отвести свои измученные войска в Виргинию на соединение с Арнольдом.

Гамильтон теперь осаждал Вашингтона, требуя у него какого-нибудь командного поста, но Вашингтон терпеливо объяснял, что не может его назначить в обход других офицеров.

Между тем британцы и местные тори свирепствовали в Виргинии, предавая огню фермы и табачные склады. Томас Джефферсон призывал Вашингтона стать спасителем родной провинции, явившись туда со всей армией, но главнокомандующий не мог на это решиться: как сможет его голодное и оборванное войско совершить ранней весной переход в несколько сотен миль? И потом, он не терял надежды

уговорить французов на совместную операцию по захвату Нью-Йорка.

Разумеется, все его мысли были там, в Маунт-Верноне. Еще в конце марта, в очередном письме Лунду Вашингтону, он интересовался тем, сколько ягнят родилось, сколько ожидается жеребят, построена ли уже крытая галерея, ведущая от главного дома к флигелям, починили ли пол на веранде. Едва Лунд получил это письмо, как британский шлюп «Савадж» встал на якорь в Потомаке напротив плантации. Капитан Томас Грейвз сжег все дома на мэрилендской стороне реки, чтобы обитатели виргинского берега стали поговорчивее. После этого он отправил команду в Маунт-Вернон, потребовав огромное количество продовольствия и предложив убежище рабам. 17 рабов — 14 мужчин и три женщины — взошли на корабль, обретя свободу.

Лунд Вашингтон оказался в сложном положении. Он прекрасно знал, что хозяин не похвалит его за сотрудничество с врагом, но что было делать? Он поднялся на «Савадж», в знак мирных намерений принеся с собой немного провизии, и после переговоров согласился прислать овец, свиней и кое-что еще, чтобы сохранить усадьбу, а возможно, и вернуть сбежавших рабов.

Слух об этом облетел всю округу и дошел до Лафайета. «Такой поступок джентльмена, который в определенной мере представляет Вас в Вашем доме, наверняка произведет дурное впечатление, сильно разнясь с мужеством некоторых соседей, которые пошли на сожжение своих домов», — возмущенно доносил он Вашингтону. Как и следовало ожидать, Вашингтон пришел в ярость и дал суровую отповедь своему управляющему, опустившемуся до общения с «кучкой воров и мерзавцев». Уж лучше бы они сожгли дом и разорили плантацию, он к этому готов. Он приказал

Лунду немедленно вывезти из поместья все ценные вещи.

В это время Марта Вашингтон, желтая, как лимон, лежала в постели, страдая от печеночных колик и боли в животе. Вдова казначея британской армии, в нью-йоркском доме которой Вашингтоны жили в 1776 году, прислала ей по старой памяти корзинку цитрусовых с пожеланием выздоравливать, но ее супруг, еще не успокоившийся после происшествия с «Саваджем», отправил посылку назад, не желая принимать подарков от неприятеля.

В Виргинию, на помощь Лафайету, он отправил Уэйна, который наконец-то собрал свой распущенный полк, найдя пополнение. Там он снова отличился, устроив штыковую атаку на превосходящие силы врага при Грин-Спрингс, где Корнуоллис заманил его в ловушку.

А солдаты Вашингтона вновь голодали: в мае запасов мяса оставалось на один день. Даже если губернаторы штатов изыскивали провиант, не было денег, чтобы заплатить возчикам за его доставку. Измученный главнокомандующий уже начал думать, что не доживет до конца войны.

СТАТИСТ

Граф де Баррас, назначенный новым командующим французским флотом, 8 мая 1781 года прибыл в Америку с радостным известием: в Вест-Индию направляются 26 линейных кораблей, восемь фрегатов и 150 транспортных судов под командованием адмирала Франсуа Жозефа Поля де Грасса. Через две недели Вашингтон встретился в Коннектикуте с Рошамбо, чтобы изложить ему новый план осады Нью-Йорка, над которым он работал всю зиму: американцы атакуют Манхэттен, а французы — Бруклин. Время сейчас самое что ни на есть удачное: Генри Клинтон услал половину своих сил на юг, а если Нью-Йорк окажется под угрозой, ему придется вернуть эти войска из Виргинии.

Рошамбо, напротив, всячески пытался склонить его к совместной операции на юге. Но Вашингтона останавливала транспортная проблема: как перебросить туда войска? Пешком? Босиком по бездорожью? Рошамбо кивал и соглашался, даже подписался под документом, в котором утверждалось, что главная стратегическая цель — Нью-Йорк, однако тайно отправил де Грассу письмо с указанием следовать в Чесапикский залив, а не в Нью-Йоркскую бухту.

Переводчиком на переговорах был Франсуа Жан де Шастеллю, ветеран Семилетней войны и философ-просветитель (Вольтер ставил его труды выше «Духа законов» Монтескье), незадолго перед отъездом в Америку принятый во Французскую академию. Теперь он собирал материал для книги о Соединенных Штатах и находился под обаянием Вашингтона, бывшего всего на два года его старше, считая его «величайшим и лучшим из людей». Его удручало поведение Рошамбо, весьма неприятного в общении, а также то обстоятельство, что

в душе у Вашингтона может остаться горький осадок от этой встречи. Впрочем, ему удалось компенсировать грубость Рошамбо и войти в доверие к Вашингтону благодаря похвалам, расточаемым Лафайету — человеку «весьма достойному, сведущему и обладающему хорошими манерами». Сам же Вашингтон был в его глазах воплощением «золотой середины»: «храбрым без безрассудства, трудолюбивым без тщеславия, щедрым без мотовства, благородным без гордыни, добродетельным без суровости». Однако удивительнее всего было то, что американский генерал «уже седьмой год командует армией и при этом повинуетя Конгрессу»; как это не похоже на заносчивых маршалов Франции!

Вашингтон посоветовал Рошамбо перевести французский флот из Ньюпорта в Бостон. Тот, как всегда, кивал, и генерал вернулся к себе в Нью-Виндзор — готовиться к важнейшей в его жизни операции. Но тут к нему явился герцог де Лозен с сообщением, что французский военный совет принял решение оставить флот в Ньюпорте. От этой пощечины Вашингтон пришел в такую ярость, что три дня был не в состоянии написать ответ. Что он передумал в эти три дня? Да, формально он считался начальником над французами, которые должны были только помогать ему, но в реальности сила, а значит, и решающий голос были именно у них. Надо смириться, ведь победа важнее... С другой стороны, он здесь родился и вырос, он командует армией с самого начала войны, ему виднее, что делать сначала, а что потом! В своем ответе он всё же «взял на себя смелость рекомендовать» перевести флот в Бостон. Французы как будто согласились, и 31 мая Вашингтон записал в дневнике, что адмирал де Баррас «с первым же попутным ветром направится в Бостон».

В это время в Виргинии лорд Корнуоллис соединился с Бенедиктом Арнольдом, и, несмотря на умелые

оборонительные маневры Лафайета, они практически беспрепятственно продвигались через весь штат, сея ужас на своем пути. Вашингтон продолжал твердить Рошамбо, что атака на Нью-Йорк — лучший способ оттянуть войска противника с юга и тем самым дать Лафайету вздохнуть. 10 июня Рошамбо сообщил, что граф де Грасс приведет свой флот на север, чтобы поддержать атаку американцев с моря. Вашингтон обрадовался, не зная, что француз по-прежнему ведет двойную игру. Боясь, как бы удача не сорвалась с крючка, он написал Рошамбо, что вовсе не заикнулся на Нью-Йорке: потом, после, захватим что-нибудь еще.

В начале июля французы и американцы раскинули лагерь рядом на восточном берегу Гудзона, в Филипсберге, и смогли изучить друг друга. То, чего Вашингтон стыдился, страдая в душе, приводило французов в восхищение. «Просто невероятно, что солдаты всех возрастов, даже пятнадцатилетние мальчики, белые и черные, почти нагие, не получающие жалованья и плохо питающиеся, могут так хорошо маршировать и стойко выдерживать огонь», — записал в дневнике барон фон Клозен. Граф де Клермон-Кревкёр разделял его восторг и преклонение перед выдающимися достоинствами генерала Вашингтона.

Летом уже не приходилось грызть кору — американцы устроили в честь союзников пир горой. Столы ломались от овощей, жареного мяса и птицы, даже пирогов. Правда, еда была простой и, на французский вкус, грубой, к тому же всё подавали разом, накладывая говядину, горошек, баранину и пудинг на одну тарелку. Пиво и ром лились рекой, тосты следовали один за другим. Ужин длился порой до поздней ночи, и Вашингтон выглядел радушным хозяином, оттаявшим и повеселевшим.

Восемнадцатого июля они с Рошамбо прогуливались по берегу Гудзона напротив северной части Манхэттена,

обозревая в подзорную трубу позиции неприятеля. «Все деревья и лес на острове полностью вырублены, — записал в дневнике Вашингтон, — но низкий кустарник (доходящий человеку до груди) вырос на тех местах, где в 1776 году были леса». Куда же лучше причалить де Грассу? Губернатор Массачусетса не прислал подкрепления; вот явится де Грасс, а у нас нет для военной операции ни людей, ни средств. Но лучше ему об этом не знать. «Французские силы состоят примерно из 4400 солдат, — писал он адмиралу 20 июля, — американские пока невелики, но вскоре существенно увеличатся. Хотя, возможно, в этом нас ждет разочарование... Лыщу себя надеждой, что слава уничтожения британской эскадры в Нью-Йорке уготована королевскому флоту под Вашим командованием».

Одно из писем, в котором Вашингтон развивал свою идею фикс, попало в руки Генри Клинтона, и тот незамедлительно принял меры, причем именно те, о которых говорил Вашингтон, пытаясь убедить союзников действовать в нужном ему направлении: перебросил войска с юга для обороны Нью-Йорка. Теперь уже сам Вашингтон почти отказался от мысли о мщении за свое поражение пятилетней давности и стал думать о том, как перебросить свою армию на юг. 2 августа он написал Роберту Моррису, прося раздобыть три десятка двухпалубных судов. И всё же, если бы французский флот пришел сюда, он ринулся бы в бой, позабыв обо всем на свете.

Но к середине августа к Нью-Йорку подошли только британские корабли. Вашингтон не находил себе места, терзаясь неизвестностью. Письмо графа де Барраса из Ньюпорта повергло его в ступор: адмирал де Грасс отчалил с Сан-Доминго с двадцатью девятью линейными кораблями и 3200 солдатами на борту. Если всё пойдет по плану, он будет в Чесапикском заливе 3 сентября.

Кстати, к середине октября он должен вернуться в Карибское море, так что Корнуоллиса надо успеть разбить за месяц. Сам де Баррас с двенадцатью кораблями отправляется в Виргинию не мешкая. До скорой встречи!

Легко сказать! Идти морем — это одно, а преодолеть 450 миль по берегу — совсем другое.

Два дня спустя пришло письмо от Лафайета, придавшее Вашингтону энергии. Корнуоллис отступил к восточной оконечности Виргинского полуострова, вдающегося в Чесапикский залив, между реками Йорк и Джеймс. Его люди яростно окапываются на возвышенном, открытом месте у деревушки Йорктаун.

Йорктаун! Несколько лет назад бригадный генерал Томас Нельсон хотел разместить там своих людей, чтобы выследить британские корабли. Вашингтон отговорил его: неприятелю достаточно ввести несколько кораблей в Йорк и Джеймс и высадить десант, чтобы отрезать американцам все пути к отступлению и заставить их сдаться на своих условиях. И вот теперь в эту же ловушку попался Корнуоллис! Надо срочно идти на юг, но только так, чтобы никто не догадался — ни чужие, ни свои.

На западном берегу Гудзона разбили небольшой палаточный городок, в котором сновали туда-сюда повозки, покрытые тентом. На реке кишели американские лодки, солдаты наводили понтоны, словно готовясь к наступлению. Сами они пребывали в уверенности, что отправляются на остров Статен. Вместо этого их повели к Трентону, а у Принстона они соединились с французами. Ближе к вечеру, проезжая мимо палатки французских офицеров, у которой был поднят полог, Вашингтон случайно увидел, что на столе разложены карты Бостона, Трентона и Принстона: французы обсуждали сражения, из которых он вышел победителем. Несмотря на скромность, Вашингтон не

смог удержать довольной улыбки и предложил сходить всем вместе в таверну угоститься мадерой и пуншем.

Чтобы враг как можно дольше оставался в неведении относительно его истинных намерений, Вашингтон разделил свою армию на три колонны, двигавшиеся параллельно и выступавшие в путь по очереди. Тяжелую артиллерию погрузили на суда и сплавляли по реке Делавэр до Кристианы, откуда оставалось еще 25 миль до Чесапикского залива. А вот для пехоты судов наскрести не удалось; придется ей топтать в Мэриленд на своих двоих.

Как и прошлым летом, стояла страшная жара; в войсках начались болезни. Очередной бунт сейчас пришелся бы очень некстати, и Вашингтон умолял Роберта Морриса привезти месячное жалованье для раздачи солдатам.

По счастью, в августе 1781 года в Америку вернулись Пейн и Лоренс, привезя с собой 2,5 миллиона ливров серебром — часть «подарка» в шесть миллионов и десятиmillionного займа. Пейн к тому же обзавелся в Париже важными связями и способствовал созданию Североамериканского банка для финансирования армии.

Для поднятия боевого духа Вашингтон провел свою армию через Филадельфию. Колонна растянулась на добрых две мили; из каждого окна ей махали платочками женщины. За старшими офицерами и их адъютантами, облачившимися по такому случаю в богатые мундиры и гарцевавшими на благородных жеребцах в элегантно сброе, ехали их слуги с багажом. Загорелые солдаты, измотанные на марше, пытались печатать шаг под флейты и барабаны. К ночи во всём городе зажглась иллюминация в честь Вашингтона, которого приветствовали толпы поклонников.

Главкомандующий томился от неизвестности и тревоги. Он не получал никаких вестей от де Барраса и де Грасса. Утром 5 сентября армия выступила из

Филадельфии; в Честере ее догнал гонец с великолепной новостью: граф де Грасс появился в Чесапикском заливе во всей красе — 28 линейных кораблей, четыре фрегата, 3500 солдат! Ему пришлось слегка задержаться, чтобы разбить английскую эскадру адмирала Томаса Грейвза, остатки которой бежали в Нью-Йорк.

Рошамбо со своей свитой в это время тихо скользил на корабле по реке Делавэр. С берега слышались крики: Вашингтон махал им обеими руками сразу, зажав в одной шляпу, а в другой платок. «Де Грасс! — кричал он, не сдерживая своей радости. — Де Гра-а-асс!» Рошамбо велел причалить к берегу; они крепко обнялись.

День в Балтиморе тянулся нескончаемо долго из-за ненужных церемоний, а транспортных судов для солдат раздобыть так и не удалось. На следующий день рано утром он выехал в путь с адъютантом Дэвидом Хамфрисом и одним духом проскакал 60 миль до своего родного Маунт-Вернона. Он не был здесь шесть лет! Всё было знакомым — и новым, непривычным. Рабы высыпали навстречу хозяину, радостно крича и размахивая руками. Дома его ждали внуки, которых он никогда не видел: три девочки — Элизабет, Пэтси и Нелли — и новорожденный мальчик, окрещенный Джорджем Вашингтоном Парком Кастисом.

К вечеру следующего дня подтянулась свита — американская и французская. Марта Вашингтон, в простеньком домашнем платье, хлопотала, как и подобает радушной хозяйке, — столько людей надо было накормить и разместить! Гости гуляли по саду вокруг дома. «Дом — сельская усадьба, красивейшая во всей Америке, — записал в дневнике Клод Бланшар. — Кругом множество хижин для негров, которых у генерала весьма довольно... Окрестности дома не плодородны, и деревья невелики. Даже сад бесплоден».

Вашингтон был удручен признаками запустения. Он разорен, совершенно разорен! Но Лунд сделал всё, что мог. Вашингтон с удовольствием осмотрел новое северное крыло дома и элегантную столовую, где можно было принимать высоких гостей. Именно там он устроил ужин 12 сентября, а уже на следующее утро выехал в Уильямсберг. Джеки Кастис набился к нему в ординарцы и уехал с ним.

В Уильямсберге состоялась встреча с Лафайетом, показавшаяся местным обывателям весьма эксцентричной: как сообщал в письме жене молодой юрист и полковник милиционных сил Джордж Таккер, маркиз «обхватил генерала обеими руками, тесно прижал его к себе и расцеловал от уха до уха, один или два раза... с таким пылом, с каким любовник целует свою милую после возвращения». Мимо дома, где остановился генерал, промаршировали ополченцы; все офицеры поднимались на крыльцо и пожимали ему руку. Вечером был устроен элегантный ужин, на котором оркестр исполнил увертюру из французской оперы. Сам Вашингтон ел мало: местный дантист доктор Джон Бейкер соорудил ему костяной зубной протез, крепившийся проволочками к еще сохранившимся зубам и державшийся на честном слове.

Между тем де Грасс прислал Вашингтону письмо, интересуюсь, где же бродит его армия. Скоро осень, ему надо будет возвращаться! Армия в это время пробиралась по жаре через овраги, форсируя вброд, по пояс в воде, мелкие речушки, на каменистом дне которых лошади рисковали переломать себе ноги. Только в Аннаполисе их ждали суда, чтобы доставить морем в Чесапикский залив. В тот же день, 17 сентября, Корнуоллис отправил Клинтону письмо с требованием немедленно явиться на помощь: «Это место невозможно оборонять. Если Вы не вызволите меня как можно скорее, готовьтесь услышать худшее».

Де Грасс прислал за Вашингтоном, Рошамбо и их адъютантами лодку, приглашая их подняться на борт его флагмана — «Виль де Пари», самого большого военного корабля в мире, подаренного королю старшинами французской столицы. Адмирал тоже оказался немаленьким — шесть футов два дюйма, выше самого Вашингтона и старше его на десять лет. Заключив гостя в объятия, он расцеловал его в обе щеки и воскликнул: «Мой дорогой генеральчик!» Нокс и другие офицеры из свиты Вашингтона с трудом удерживались от хохота. В дальнейшем беседа приняла жесткий деловой тон: осада Йорктауна должна завершиться до 1 ноября — и точка.

Тем временем подтянулась армия, и 28 сентября Вашингтон выступил с ней в двадцатимильный переход до Йорктауна. Днем два человека умерли от теплового удара. Ночевали на опушке леса, под сенью ветвей, у журчащего ручейка. На следующий день для командующего поставили палатку и шатер, в котором он мог принимать до сорока человек за своим столом.

Корнуоллис окружил свои позиции десятью земляными редутами, вдававшимися в песчаный берег. Оттуда британцы видели неприятеля — французов справа и американцев слева. Американцы не умели вести осаду, поэтому к делу приступили их союзники — по всем правилам военной науки. С 1 октября Вашингтон и Рошамбо ежедневно обходили траншеи, следя за продвижением работ.

Второго октября британцы пристрелили 400 лошадей, которых было нечем кормить, и утопили туши в реке. Тяжелый запах от разлагающихся конских трупов повис над городом. Два дня спустя британские перебежчики рассказали союзникам жуткие истории про эпидемии, выкашивающие людей Корнуоллиса: не меньше двух тысяч лежат в лазаретах.

Саперные работы велись по ночам; завернувшись в плащ, Вашингтон бродил среди траншей, не открывая лица, и учился новому для него делу. Ночи стояли ясные и не по сезону теплые; британцы вели по позициям врага нескончаемый огонь из ружей и пушек, но генерал не обращал на него внимания. Однажды рядом с ним упало ядро, взметнув огромный столб песка. «Ничего себе!» — воскликнул капеллан Израэль Эванс, стряхивая песок со своей шляпы. «Возьмите ядро домой, покажете жене и детям», — посоветовал ему Вашингтон.

Первая линия укреплений была закончена к 9 октября. В знак уважения французы позволили Вашингтону первым выстрелить из пушки по британцам. Выстрел удался на славу: впоследствии выяснилось, что ядро срикошетило от нескольких домов и влетело в зал, где обедали офицеры, пронеслось над столами, перевернув несколько блюд, и угодило в человека, сидевшего во главе стола.

Саперы продолжали копать апроши, подбираясь к британским редутам. Канонада теперь не прекращалась ни днем ни ночью; в светлое время небо было усеяно черными точками ядер; в темноте по нему проносились огненные шары. Корнуоллис отправил душераздирающее письмо Клинтону, умоляя спасти его.

Наконец всё было готово к штурму. По решению Вашингтона один редут должны были атаковать французы, другой — американцы под командованием Лафайета. Гамильтон добился для себя чести вести его отряд в атаку: Вашингтон уступил его настойчивым просьбам, боясь показаться мелочно мстительным, хотя Лафайет хотел доверить эту роль своему ординарцу шевалье де Жима.

Вечером 14 октября главнокомандующий выступил с небольшой речью перед людьми Гамильтона, призывая их проявить твердость и мужество. По большей части отряд состоял из негров 1-го Род-Айлендского полка.

Один из бывших рабов, Джеймс Армистед, оказал Лафайету неоценимые услуги в качестве лазутчика, пробравшись в лагерь англичан под видом сбежавшего невольника.

Штурм начался после артподготовки. Когда совсем стемнело и небо освещалось лишь пролетающими снарядами, Гамильтон со своим отрядом выскочил из траншей и побежал через открытое место. Для скорости было приказано не стрелять, а примкнуть штыки (тогда они вставлялись в дуло). Стоя на возвышении рядом с Линкольном и Ноксом, Вашингтон следил за этой драматической сценой. «Сэр, здесь слишком опасно, — сказал ему адъютант Дэвид Кобб. — Может, отойдете чуть-чуть назад?» «Полковник Кобб, — холодно ответил Вашингтон, — если вам страшно, можете отойти».

Подбежав к редуту, саперы перепрыгнули через ров и принялись рубить топорами колья, обращенные остриями в их сторону. Вскоре оба редута были захвачены (потери американцев оказались меньше, чем у французов) и в дело вступили гаубицы, нанося большой урон врагу. Корнуоллис пережидал обстрел, сидя в бункере, оборудованном на склоне холма. К утру, поняв, что дело его безнадежно, он отправил гонца к Клинтону: приезжать не надо, всё кончено.

Больше сотни пушек продолжали грохотать, разя британских солдат и моряков и обитателей городка. В отчаянии Корнуоллис собрал перебежавших к англичанам негров, заболевших оспой, и выпихнул их вперед, к линии фронта, в качестве «биологического оружия». Десятки изможденных полутрупов лежали в лесу, не в силах пошевелиться. Джеки Кастис бродил среди них, высматривая рабов, сбежавших из Маунт-Вернона, но никого не нашел.

На следующую ночь Корнуоллис попытался бежать через реку в Глостер. Стоявший там Банастр Тарлтон

прислал для переправы 16 суденышек. Черкнув Вашингтону записку с просьбой позаботиться о больных и раненых, оставленных в Йорктауне, генерал двинулся к реке, но около полуночи поднялся сильный шторм, разметавший лодки. Корнуоллис исчерпал свою последнюю возможность спастись. Оставалось одно: сдаваться.

В десять утра 17 октября 1781 года, в четвертую годовщину сдачи Бургойна в Саратогe, на земляном валу показался британский офицер с белым флагом и письмом Корнуоллиса. Канонада стихла. К офицеру подскакали американцы, завязали ему глаза и проводили в ставку командования. «Сэр, — прочел Вашингтон, — я предлагаю прекратить боевые действия на сутки и назначить по два офицера с каждой стороны, чтобы встретиться в доме г-на Мура и обсудить условия сдачи Йорка и Глостера. Честь имею. Корнуоллис». «Не думал, что это произойдет так скоро», — пожал плечами Вашингтон и продиктовал ответ: «Милорд, я имел честь получить послание Вашей светлости от сего дня. Пламенное желание предотвратить дальнейшее кровопролитие побудит меня принять такие условия сдачи Ваших фортов и гарнизонов Йорк и Глостер, какие только будут допустимы. Я желал бы, чтобы прежде совещания комиссаров к американским позициям доставили письменные предложения Вашей светлости. Для передачи этого письма боевые действия будут приостановлены на два часа. Честь имею...»

Наступила тишина. Бархатное небо, усыпанное мириадами звезд, порой перечеркивали метеориты, но уже не ядра. Утром солдаты вышли на поле битвы, чтобы подобрать трупы. С обеих сторон большинство убитых составляли чернокожие.

Во время переговоров главным требованием Корнуоллиса было дать его людям возможность сдать с военными почестями. Вашингтон напомнил, что

гарнизону Чарлстона такой возможности не предоставили; око за око.

В одиннадцать утра 19 октября был подписан договор о капитуляции. В два часа дня французские и американские войска выстроились друг против друга в две шеренги, растянувшись на полмили. Французы сияли белыми мундирами и начищенными сапогами, американцы были в куцых полотняных куртках, дырявых и грязных, большинство — босиком. Под барабанную дробь восемь тысяч побежденных британцев и гессенцев пошли между шеренгами со свернутыми знаменами. Их флейтисты играли мелодию «Мир перевернулся». Англичане тарасились на французов, не обращая внимания на американцев, и тогда Лафайет велел играть «Янки-Дудл»^[29]. Пройдя сквозь строй, британские солдаты бросали на землю свое оружие, стараясь швырнуть посильнее, чтобы повредить его. Офицерам разрешили вернуться в Европу или в Нью-Йорк.

Вашингтон и Рошамбо наблюдали за этой процессией, сидя верхом. Корнуоллиса не было — он сказался больным и прислал вместо себя бригадира Чарлза О'Хару. Подскакав к Рошамбо, тот протянул ему шпагу Корнуоллиса, но француз кивнул на Вашингтона. Вашингтон же велел передать шпагу генералу Линкольну, взявшему реванш за Чарлстон.

Адъютант Дэвид Хамфрис, отличившийся во время сражения, был удостоен особой чести: он отвёз в Конгресс 24 знамени, захваченных у англичан, и получил за это наградную шпагу.

Вечером Вашингтон дал ужин французским, британским и американским старшим офицерам и был неприятно поражен тем, что англичане быстро нашли общий язык с французами: сказывалась общность происхождения и воспитания. Да, французы явно сражались не за идею... Корнуоллис вновь прислал

вместо себя О'Хару. Два врага увиделись только на следующий день и объехали верхом укрепления Йорктауна. Корнуоллис попросил позволить местным тори уехать в Нью-Йорк. Зато Вашингтон настоял на том, чтобы беглых рабов вернули владельцам. Сам он нашел здесь двух своих рабынь и был полон решимости вернуть 15 остальных.

Рыская по городу, Джеки Кастис подхватил какую-то заразу. Его последним желанием было посмотреть на сдачу Корнуоллиса. Его подняли наверх редута, откуда всё было видно как на ладони. Когда церемония закончилась, Джеки отвезли за 30 миль, в поместье его дяди Бервелла Бассета, и срочно вызвали к нему мать и жену из Маунт-Вернона. Вашингтон, занятый делами, не мог вырваться из Йорктауна до 5 ноября. Джеки скончался через несколько часов после его приезда, не дожив трех недель до своего 27-летия.

Марта безутешно рыдала на груди у Джорджа. Пытаясь хоть как-то ее успокоить, Вашингтон объявил, что усыновит двух младших детей Джеки — двухлетнюю Нелли и семимесячного Вашика. После похорон они вернулись в Маунт-Вернон, заглянув по дороге во Фредериксберг, чтобы повидаться с Мэри Болл. Оказалось, что она уехала по «делам» вместе с Бетти и ее больным супругом Филдингом Льюисом. Вашингтон оставил ей на всякий случай десять гиней. Позже мать прислала ему малограмотное письмо с благодарностью за деньги и просьбой купить ей домик за Аллеганскими горами. Еще просила кланяться Марте, извиняясь, что не писала ей, потому что у нее «ум за разум зашел». Никаких поздравлений с победой, никаких соболезнований по поводу смерти Джеки... Конечно, Мэри Болл никогда не отличалась отзывчивостью, но возможно, к семидесяти трем годам она действительно стала плохо соображать. Когда во Фредериксберге устроили бал в честь французских и американских

офицеров, сражавшихся при Йорктауне, ей сказали, что его превосходительство — ее сын — тоже приедет. «Его превосходительство! Что за чушь!» — воскликнула она. Но Джордж появился на балу под руку с матерью. Она пробыла там недолго; в девять часов сын проводил ее домой.

Генерал Клинтон всё-таки прибыл из Нью-Йорка на подмогу Корнуоллису, но было уже поздно. В Чесапикском заливе ему попались только три человека на лодке, которые сообщили о катастрофе. Не желая вступать в бой с французским флотом, Клинтон немедленно ретировался.

Победа в сражении — еще не победа в войне, считал Вашингтон. В середине ноября он отправил Лафайета во Францию, требуя еще кораблей.

СТРАЖ

Генерал устал. Нью-Йорк по-прежнему находился в руках врага, положение Континентальной армии не улучшилось, но сам он несколько недель провел в Маунт-Верноне. Он сильно сдал за последние два года и теперь уже не карабкался к вершине, а тихо спускался под горку. Но на людях он всё еще казался глыбой.

Свой полувековой юбилей Вашингтон встретил в Филадельфии, где снимал дом на Третьей улице. Чарлз Уилсон Пил и Александр Кенэ выставили в окнах, подсвеченных изнутри, гигантские прозрачные портреты главнокомандующего в лавровом венке и с копьем в руке, попирающего британскую корону. В местном театре представили первую американскую оперу «Храм Минервы»; при появлении Вашингтона хор грянул: «Вот он, увенчанный победой! Да славится Колумбии герой!» Он был желанным гостем на любых собраниях, от деловых до увеселительных; но все его усилия, направленные на увеличение содержания для армии, пропадали втуне. Роберт Моррис устроил ему финансовый ликбез: штаты не выплачивают налоги Конгрессу, а в отсутствие доверия к центральной власти со стороны провинции иностранные кредиторы тоже отказывают в поддержке. Остается добиться для Конгресса права взимать таможенные пошлины, иначе денег взять будет неоткуда.

В марте Вашингтоны переехали на Гудзон, поселившись в Ньюберге, в двухэтажном каменном доме с двускатной крышей и двумя печными трубами, с видом на реку. Гостиную (странную комнату, в которой было целых семь дверей и всего одно окно) Джордж превратил в столовую и обедал там со своей свитой.

В это время все его мысли вертелись вокруг плана очередного похищения: в Нью-Йорке тогда находились принц Уильям, сын Георга III, и британский адмирал Роберт Дигби. Согласно плану темной дождливой ночью отряд из тридцати шести человек, нарядившихся рыбаками, на четырех вельботах переправится из Нью-Джерси на Манхэттен к дому, стоящему на самом берегу, обезоружит охрану и захватит принца и адмирала. Вашингтон расписал всё по минутам, особо подчеркнув, чтобы с пленниками обошлись как можно почтительнее. Но и это похищение не удалось, чем автор плана был чрезвычайно расстроен.

Зато британцы взяли в плен капитана милиционных сил Нью-Джерси Джошуа Хадди и повесили его в отместку за смерть лоялиста Филипа Уайта, которого американские ополченцы казнили за убийство патриота, захватившего его в плен. Генри Клинтон велел расследовать это дело и оправдал капитана Липпинкотта, издавшего распоряжение о казни, поскольку тот исполнял приказ. Американцы пришли в ярость, потому что приказ отдал не кто иной, как Уильям Франклин, сын американского посла в Париже, примкнувший к лоялистам. Было решено по жребию выбрать из пленных британского офицера и отомстить за смерть Хадди. Жребий пал на девятнадцатилетнего капитана Чарлза Асгилла, отец которого, бывший мэр Лондона, симпатизировал колонистам. Но хуже всего было то, что Асгилла пленили в Йорктауне, а в договоре о капитуляции, подписанном Вашингтоном, пленным гарантировалась безопасность. Поэтому Вашингтон не стал торопиться и всячески оттягивал казнь. Гамильтон тоже выступил против этой меры, считая подобное «жертвоприношение» пережитком прошлого, хотя бесстрашный Бенджамин Франклин был другого мнения: «Если англичане отказываются выдать или

наказать убийцу, значит, он им дороже, чем капитан Асгилл».

...Война близилась к концу, это чувствовалось. Неминуемо настанет тот момент, когда американцам придется решать, в каком государстве они будут жить и кому повиноваться. 22 мая полковник Континентальной армии Льюис Никола предложил Вашингтону стать первым американским монархом. В резком письме на семи страницах он обличал «слабость республик», ведь именно по вине беспомощного Конгресса армия терпит лишения. Конечно, со словом «монархия» ассоциируется слово «тирания», но ведь всё зависит от того, на чьей голове корона!

Вашингтон ответил ему в тот же день: «Будьте уверены, сэр, что за всю войну ничто не причинило мне такой боли, как Ваши сведения о существовании в армии подобных мыслей, к которым я отношусь с отвращением и буду строго пресекать». Разве он хоть словом намекнул, что претендует на корону? «Заклинаю: если Вам дорога Ваша страна, если Вы заботитесь о самом себе и о потомках или питаете ко мне уважение, выбросьте эти мысли из головы!» Ему нужно было искоренить эту идею в зародыше; впервые за всю войну он потребовал от своих адъютантов подтверждения, что его письмо было запечатано и отправлено адресату. Никола извинялся перед генералом целых три дня.

Зато Вашингтон не возражал против того, чтобы его имя присвоили колледжу в Честере, штат Мэриленд. В августе он преподнес этому учебному заведению 50 гиней, которые были тотчас потрачены на приобретение оптических приборов.

Для поддержания в армии боевого духа он учредил военную награду «Пурпурное сердце», присуждаемую офицерам без патента и рядовым солдатам за выдающуюся храбрость, преданность и заслуги. Кусочек

материи в форме сердечка пурпурного цвета полагалось носить на левой стороне груди.

Вашингтон не позволял солдатам расслабиться и каждый день муштровал их, заставляя ходить строем, не сгибая ноги в колене и печатая шаг. Сам он неотлучно находился рядом, уподобляя себя врачу возле больного в опасном состоянии. В августе из британского лагеря просочились слухи об открытии в Париже мирных переговоров, но американский генерал не хотел и слышать о том, чтобы сложить оружие, прежде чем США получат независимость. Его блестящий адъютант Джон Лоренс стал одной из последних жертв этой войны: он погиб в октябре во время стычки в Южной Каролине, пытаясь помешать врагу завладеть запасами риса.

Вашингтон не знал, что 30 ноября 1782 года в Париже был подписан предварительный мирный договор, по которому американцы получали всё, чего желали, включая признание независимости и границы от Великих озер до Миссисипи, но обязывались выплатить Англии довоенные долги. Зато в ноябре Конгресс помиловал капитана Асгилла: его мать леди Асгилл добралась до Версаля, прося пощады для сына. Людовик XVI и Мария Антуанетта взяли его на поруки, и Вашингтон с облегчением выписал ему пропуск до Нью-Йорка.

Государственная казна опять была пуста, надвигалась очередная суровая зима, в войсках начиналось брожение, и Вашингтон не посмел оставить своих голых и босых солдат, чтобы перезимовать в Маунт-Верноне. Даже французских офицеров союзники могли попотчевать только «вонючим виски» и говядиной без гарнира. Верная Марта снова приехала к мужу в лагерь, в Ньюберг. К Рождеству лошади главнокомандующего «уже четыре дня не видали ни одной охапки сена и ни одной горсти овса». Офицеры не могли ездить верхом, и сообщение со штабом

практически прекратилось. Только к февралю Вашингтон узнал, что еще в середине декабря британский генерал Лесли вывел свои войска из Чарлстона и город занял Натанаэль Грин; война на юге была окончена.

Больше всего Вашингтона угнетали эгоизм сограждан и отсутствие бескорыстия. Он уже махнул рукой на то, что его солдатам приходилось грабить местных фермеров, чтобы раздобыть себе пропитание, потому что иначе им оставалось только умереть с голоду. А тут еще пришло письмо от матери, жаловавшейся, что управляющий ее имением все доходы кладет себе в карман. И так обращаются с матерью главнокомандующего! Джордж написал брату Джеку, чтобы тот съездил и разобрался. Но тут выяснилось, что Мэри Болл по-прежнему обивает пороги, требуя себе пенсию, и всем прожужжала уши о том, что сын о ней совсем не заботится, сбежал куда-то там на войну, а мать тут пропадай совсем. Джордж попросил брата заехать к ней и «выяснить, в чем она действительно нуждается и что нужно для нее сделать». Он готов заплатить, лишь бы она перестала злословить за его спиной.

Пятого февраля пришло письмо от Лафайета, в котором энергичный поборник свободы предлагал своему кумиру провести эксперимент: купить вместе небольшое поместье, освободить прилагающихся к нему негров и сделать их арендаторами. Момент был выбран не самый удачный: хотя другим Вашингтон мог показаться богачом, война разорила его, а рабский труд был единственным способом поправить финансовые дела. «Я был бы рад присоединиться к Вам в столь похвальном деле, но вынужден отложить рассмотрение его подробностей до того момента, когда буду иметь удовольствие видеть Вас», — написал он в ответ.

Кстати, к этому времени Вашингтон начал испытывать проблемы со зрением: нагрузка на глаза во время войны была огромной, приходилось прочитывать кучу писем, и теперь ему понадобились очки. К середине февраля Дэвид Риттенхаус из Филадельфии прислал ему очки в серебряной оправе, к которым требовалось привыкнуть. Другой — но уже давней — проблемой были зубы. В потайном ящичке письменного стола в Маунт-Верноне Вашингтон хранил пару вырванных зубов; теперь он попросил Лунда прислать их ему, чтобы доктор Бейкер вставил их в искусственную челюсть. Это письмо было перехвачено британцами. То-то они веселились по поводу несчастья их главного врага! Вашингтон готов был сквозь землю провалиться, злясь на самого себя за неосмотрительность и стыдясь своего изъяна.

Во второй половине февраля он получил письмо от Гамильтона, новоиспеченного члена Конгресса: еще месяц назад он с Джеймсом Мэдисоном из Виргинии принял депутацию из трех человек, изложивших им жалобы Континентальной армии. Офицеры считают, что Вашингтон недостаточно активно борется за их права. Гамильтон, конечно, знает, что это не так, но не мешало бы устроить Конгрессу небольшую встряску.

Вашингтон ответил ему 4 марта после долгих и мучительных раздумий: «Страдания сетующей армии с одной стороны, некомпетентность Конгресса и медлительность штатов с другой — предвестники беды». Его мнение по финансовым вопросам не принимается в расчет, однако он не собирается давить на Конгресс и считает, что рассудительные офицеры должны прислушаться к голосу разума. Если выбить власть из рук Конгресса, пролитая кровь окажется пролитой напрасно. Солдаты — не куклы, играть с армией опасно.

Через неделю генерал узнал, что по лагерю ходит какая-то анонимка, призывающая офицеров собраться вместе и высказать свои претензии. Затем появилась другая бумага без подписи (вероятно, ее автором был Джон Армстронг-младший, адъютант Горацио Гейтса): глупо составлять петиции, кончится война — и ее герои останутся без штанов. Пока у них не отобрали оружие, надо пустить его в ход и взять силой то, что принадлежит им по праву. «И не доверяйте человеку, который посоветует вам умеренность и долготерпение».

Вашингтон запретил собрание офицеров и усовестил их. Осуждая их методы, но не цели, он сам назначил сбор на 15 марта, в полдень, а прежде написал Гамильтону в Филадельфию, чтобы тот принял меры во избежание гражданской войны. В самом деле, многие офицеры настолько обнищали, что после отставки попадут прямоком в долговую яму! Кто с этим смирится?

Местом сбора Вашингтон выбрал «Храм Добродетели», где проводились воскресные службы, танцы и масонские собрания (главнокомандующий исполнял обязанности мастера масонской ложи). Помещение было набито битком, когда генерал незаметно вошел туда через боковую дверь. Ему было не по себе в этой наэлектризованной атмосфере; впервые он всей кожей ощущал устремленные на него враждебные взгляды. Поднявшись на возвышение, он достал из кармана заготовленную речь на девяти страницах, испещренных восклицательными знаками и прочерками, обозначавшими паузы. Для начала пристыдил офицеров за неподобающее поведение, подчеркнув, что решения надо принимать хладнокровно. «Я был среди первых, кто вступил в борьбу за дело нашей общей родины. Я ни на минуту не покидал вас, разве что по государственным делам. Я был вашим товарищем и свидетелем ваших несчастий и не последним видел и признавал ваши заслуги. Вряд ли

можно представить в конце войны, что мне безразличны ваши интересы». Офицеров призывают повернуть оружие против своей страны. Кто мог такое сказать? Разве что засланный из Нью-Йорка, «замышляющий недоброе, сея семена раздора и разлада между гражданской и военной властями». Надо дать Конгрессу шанс исправить упущения и подать потомкам пример истинного благородства.

Вашингтон никогда не был великим оратором. Он завоевывал сердца вовсе не своим красноречием. Вот и сейчас всё решил простой искренний жест, а не блестящая речь. Чтобы уверить офицеров в намерении Конгресса выполнить обязательства перед ними, Вашингтон решил прочесть им письмо от конгрессмена Джозефа Джонса из Виргинии. Достал листок, но читать не мог: строчки расплывались перед глазами. И тогда он водрузил на нос свои новенькие очки, пояснив: «Извините меня, господа. Я поседел на службе вам, а теперь, похоже, слепну». У офицеров слезы навернулись на глаза, ведь всё, что говорил им генерал, было правдой! Через несколько минут он вышел из зала; бунт был усмирен, так и не разразившись. По счастью, Конгресс сдержал обещание, данное за него Вашингтоном, и выплатил офицерам жалованье за пять лет. А несколько дней спустя пришло известие о Парижском мирном договоре.

Восемнадцатого апреля 1783 года Вашингтон официально объявил войскам о прекращении войны между Америкой и Великобританией и поблагодарил их за труды. «Счастливы, трижды счастливы будут они отныне, возводя огромное здание свободы и верховной власти на широком основании независимости... и учреждая приют для бедных и угнетенных всех народов и вероисповеданий», — писал он в приказе по армии. Теперь актерам этой великой пьесы остается лишь довести свои роли в совершенстве и неизменности до

конца последнего акта, а затем раскланяться под аплодисменты. Главнокомандующий велел квартирмейстеру выдать увольнительные удостоверения, чтобы он смог распустить солдат по домам. В последующие дни он лично подписал несколько тысяч таких документов.

Союзники тоже не были забыты в минуту радости: «Независимостью, за которую мы сражались и которую обрели после более чем семи лет суровых боев, в большой степени мы обязаны щедрой помощи вашего народа и храбрости ваших войск», — писал Вашингтон Рошамбо из Ньюберга 10 мая.

Остро встал вопрос о положении бывших рабов. Хозяева начали предъявлять права на негров, намереваясь вновь обратить их в рабство, поскольку им уже не нужно было бороться за общую независимость. Выдать чернокожих, служивших в Континентальной армии, Вашингтон отказался, сославшись на то, что у них еще не истек срок контракта, зато списки беглых рабов, переметнувшихся к англичанам, передал Даниелю Паркеру, делегированному к бывшему неприятелю, чтобы вернуть живую собственность. В этих списках значились и 15 рабов самого Вашингтона. «Если паче чаяния Вы что-нибудь о них узнаете, я буду весьма признателен, если Вы возьмете их под стражу, чтобы я мог получить их назад», — писал он 28 апреля. Вернуть удалось шестерых рабов; еще четыре отплыли в Англию, а один, Генри Вашингтон, в начале 1790-х годов отправился во Фритаун (будущую столицу Сьерра-Леоне) — новую британскую колонию в Африке, и применял там агрономические познания, полученные от бывшего хозяина.

Британскими силами в Нью-Йорке теперь командовал бывший губернатор Канады Гай Карлтон, сменивший отозванного Генри Клинтона. У него были твердые понятия о чести, и хотя по мирному договору

американцы были вправе потребовать своих рабов обратно, он держал данное его предшественниками обещание освободить негров, поддерживавших англичан. Он выдал три тысячи удостоверений для защиты бывших рабов, похищение которых отныне считалось преступлением. Да и сами негры, глотнувшие свободы, скорее покончили бы с собой, чем вернулись в рабство. Увидав на улицах Нью-Йорка своих бывших хозяев из Виргинии или Северной Каролины, они дрожали от страха; единственной надеждой было просочиться на корабль, уходящий в Великобританию.

В начале мая Вашингтон договорился о свидании с Карлтоном в своей ставке в Таппане. Он лично встретил гостя, прибывшего по реке, а потом отвез в своем экипаже в небольшой домик с остроконечной крышей и бревенчатым потолком. Оба вели себя подчеркнуто учтиво; Вашингтон держался прямо и величественно, Карлтон тоже словно аршин проглотил. Переходя прямо к делу, Вашингтон заявил, что намерен вернуть хозяевам их живую собственность, удерживаемую британцами. Карлтон ответил, что шесть тысяч человек, половина из которых негры, только что отплыли из Нью-Йорка в Новую Шотландию на поселение. Как? Уже?! Это же нарушение договора! «Честь нации следует поддерживать при общении с людьми всех цветов кожи», — отвечивал непоколебимый Карлтон, которого слегка знобило. Давайте мы возместим хозяевам ущерб, передайте нам список разыскиваемых рабов. Вашингтон достал из кармана часы, заметил вслух, что уже пора обедать, и предложил выпить вина или горького пива. Переговоры завершились обильной трапезой в шатре.

«Книга негров» — перечень всех беглых рабов с указанием имени, возраста, рода занятий каждого и фамилии бывшего хозяина — была составлена, но никаких компенсаций британцы так и не выплатили.

Карлтон получил из Лондона приказ исполнять свой долг, «пока все мужчины, женщины и дети, желающие покинуть Соединенные Штаты, не достигнут благополучно британской земли».

ЦИНЦИННАТ

Цель достигнута: свобода завоевана; теперь каждый может заняться тем, о чем мечтал. Вашингтон мечтал удалиться в Маунт-Вернон и предаться, наконец, тихим радостям семейной жизни. 8 июня 1783 года он написал «Циркулярный рескрипт правительствам штатов», который сразу окрестили «завещанием Вашингтона». Сообщив, что намерен «провести остаток дней в состоянии ненарушимого покоя», главнокомандующий позволил себе высказать несколько замечаний по поводу будущего государственного устройства, не питая при этом никаких политических амбиций и не преследуя корыстных целей.

Американцам, обретшим свободу и независимость и ставших «господами и владельцами обширного участка континента с величайшим в мире разнообразием почв и климатов, изобилующего всем необходимым для жизни», надо выбирать: хотят ли они быть «уважаемой и процветающей нацией или жалкой и презренной». Слабость центральной власти побудит европейские державы натравливать один штат на другой, этого допустить нельзя. Как бы ни было велико искушение не платить по счетам, все долги следует вернуть — честное имя дорогого стоит. Содержать постоянную армию тяжело и затратно, но нужно хотя бы ввести единые правила для милиционных сил. «Я искренне молюсь о том, чтобы Господь принял Вас и штат, которым Вы руководите, под свое святое покровительство, чтобы Он склонил сердца граждан к повиновению правительству и поддержанию братской любви друг к другу, к их согражданам из Соединенных Штатов в целом и к их братьям, служившим на поле брани, в частности». Это послание перепечатали все газеты.

В духе наставлений Вашингтона Генри Нокс создал и возглавил братство армейских офицеров, назвав его Обществом Цинциннатов по имени древнеримского патриция, прославившего образом храбрости и добродетели и сложившего с себя полномочия диктатора после отражения угрозы родине. Цель ордена была вполне благородной: помогать семьям нуждающихся офицеров, охранять союз и свободы, за которые они сражались, и поддерживать связи между офицерами. Кандидатура председателя напрашивалась сама собой. Слепому видно, что Вашингтон — Цинциннат нашего времени! Он принял сделанное ему предложение и 19 июня был избран почетным председателем общества.

(Однажды Георг III спросил придворного живописца Бенджамина Уэста, кем намерен стать Вашингтон по окончании войны — главой армии или главой государства. Американец Уэст ответил, что единственное желание Вашингтона — вернуться в свое поместье. Король был поражен: «Если он это сделает, он станет величайшим человеком в мире».)

В том же месяце состоялась приватная встреча, окруженная такой таинственностью и предосторожностями, будто генерал принимал одного из лучших шпионов: к Вашингтону в Ньюберг прибыл французский дантист Жан Пьер Лемайер. Опасаясь утечки информации, Вашингтон предварительно навел подробные справки о «благонадежности» и компетентности врача, а их дальнейшая переписка напоминала зашифрованные послания: «Груз прибыл благополучно, как и три предмета с Вашей карточкой. Малые вещи, ожидаемые из Виргинии, ещё не получены, и есть опасность, что так и не будут найдены». Слова «зубы» или «протезы» не упоминались никогда.

Возможно, самым приятным следствием мира стало возобновление переписки со старым другом Джорджем

Уильямом Фэрфаксом. Оказалось, он слал Вашингтону письма всю войну, но британские власти их перехватывали. Теперь же даже влиятельные особы в Англии заискивали перед Фэрфаксом, чтобы тот представил их американскому главнокомандующему. Первое письмо, прорвавшееся сквозь кордоны, дошло до адресата в начале июля; Вашингтон сразу же написал ответ, приглашая Фэрфаксов вернуться в Виргинию. «Мне очень жаль, но Вашего дома в Бельвуаре больше нет (он сгорел в последний год войны. — *Е. Г.*), зато мой — он стал больше с тех пор, как Вы его видели в последний раз — будет в Вашем распоряжении, пока Вы не отстроитесь». Марта, бедняжка, всё хворает, но шлет привет и присоединяется к приглашению.

Настала пора подведения итогов и уплаты по счетам. Для начала Вашингтон обложился конторскими книгами, которые аккуратно вел каждый день, и подсчитал свои расходы за восемь лет военной службы на пропитание, переезды, представительские нужды, обмундирование и т. п. — с самого первого мундира, приобретенного для поездки в Кембридж в 1775 году. Сначала он не решался присовокупить к ним ежегодные дорожные расходы Марты, приехавшей к нему в лагерь, но потом учел и их. В итоге вышло, что он потратил 8422 фунта на бытовые расходы и еще 1982 фунта заплатил из собственного кармана за разведданные. Странно, ему казалось, что сумма должна быть больше... Наверное, в спешке забыл что-нибудь записать. Но теперь уже ничего не попишешь... Конгресс доверял Вашингтону безгранично и выплатил всё до последнего пенни.

Переписывание военной корреспонденции, наконец, завершилось: в августе Ричард Вэрик вручил Вашингтону 28 увесистых томов, для которых тот уже заказал шесть прочных дорожных кофров, обтянутых кожей, с надежными замками и латунными табличками с указанием имени владельца и года. Опасаясь

переправлять драгоценный груз морем, Вашингтон отослал его в Маунт-Вернон посуху, с военным эскортом. Организация этой транспортировки стоила ему немало труда.

Две трети армии уже были распущены по домам, и у генерала появилось много свободного времени. Он принялся путешествовать и в две недели проделал путь в 750 миль верхом и на каноэ. Побывал на поле битвы при Саратогге, где покрыл себя славой Горацио Гейтс; вспомнив молодость, попробовал спекулировать земельными участками вдоль реки Мохок. По возвращении в лагерь главнокомандующий и оставшаяся при нем горстка офицеров развлекали себя взвешиванием. Оказалось, что, несмотря на лишения военного времени, они ничуть не похудели, а даже поправились: Вашингтон потянул на 209 фунтов, Генри Нокс — на все 280, вес восьмерых из одиннадцати остальных перевалил за 200 фунтов (90,8 килограмма).

В конце августа Вашингтона вызвали в Конгресс, временно перебравшийся в Принстон после бунта Ланкастерского полка в Филадельфии. Однако поездку пришлось отложить, потому что Марта сильно расхворалась, а Джордж не мог оставить ее одну. Когда она немного поправилась, супруги пустились в путь вместе и поселились в деревенском домике в Рокки-Хилле под Принстоном, где Вашингтон намеревался дожидаться подписания окончательного мирного договора.

Конгресс заказал конную статую Вашингтона Джозефу Райту. Для начала художник написал портрет маслом, который сам генерал считал наиболее похожим. Он отказался позировать в римской тоге и, как обычно, надел мундир. На портрете у него осунувшееся, удлинившееся лицо, тусклый взгляд; нос выглядит крупнее, чем на других изображениях, правый глаз слегка косит. Приступая к работе над статуей, Райт

решил снять гипсовый слепок с лица своей модели. Он уложил Вашингтона на койку, намазал его лицо растительным маслом и принялся наносить гипс. В этот момент в комнату зашла Марта, увидела загипсованного мужа и невольно вскрикнула от страха. Вашингтон не сдержал улыбки, которая так и осталась на маске и сделанном благодаря ей бюсте. Но вот конную статую Райт не выполнил.

Пока Гай Карлтон занимался эвакуацией Нью-Йорка (город покинули более 29 тысяч лоялистов), Вашингтон устроил обед в честь Конгресса, продемонстрировав заодно захваченный у англичан военный трофей — просторный шатер. За обедом он был непривычно весел и раскован, улыбался и шутил. Когда председатель Конгресса посетовал, что у Роберта Морриса забот полон рот, Вашингтон возразил, что лучше бы у него были полны карманы. Однако о деле он тоже не забывал и пытался втолковать конгрессменам свои идеи о необходимости основания военной академии для подготовки военных инженеров и артиллеристов (не всё же на французов надеяться), о поддержании в мирное время численности армии в 2631 солдата, а главное, о создании флота, способного противостоять иноземному вторжению. Когда речь зашла о кандидатуре военного министра, Вашингтон тут же порекомендовал Генри Нокса.

Узнав, что по соседству проживает Томас Пейн, оказавший столь значительные услуги американскому народу, Вашингтон учтивой запиской пригласил его в гости. Тут выяснилось, что Пейн обижен на Конгресс, не отблагодаривший его должным образом; он даже отказался от должности историографа американской революции. Вашингтон пообещал «надавить» на коллег в виргинском Законодательном собрании.

Лунд Вашингтон сообщил новость: Элеанор Калверт-Кастис, вдова Джеки, собирается замуж за доктора

Дэвида Стюарта. «Надеюсь, что Вы сделали свой выбор с осторожностью, для чего потребны многие соображения: каковы семья и связи этого человека, его состояние (что не самое главное, на мой взгляд), какой линии поведения он придерживается и каковы его умонастроения, — писал ей Вашингтон 20 сентября. — Вам следует рассудить, насколько вероятно, что он будет к Вам добр и нежен, справедлив, великодушен и внимателен к Вашим детям и насколько его связи будут приятны Вам». Вот рецепт того самого расчета, на котором строится прочный брак; Вашингтон, сам женившийся на вдове с детьми, знал, о чём говорит.

Окончательный мирный договор был подписан 3 сентября 1783 года, однако известие об этом добиралось через океан целых два месяца. К ужасу Вашингтона, Конгресс временно прекратил свою деятельность, не издав никаких распоряжений в отношении оставшейся армии или выплаты задолженностей по жалованью. Генерал написал Роберту Моррису, прося его раздобыть денег где угодно. Тот обещал сделать всё возможное, хотя казна совершенно пуста.

Второго ноября командующий выступил с прочувствованным «Прощальным посланием к армии Соединенных Штатов». Отослав багаж в Маунт-Вернон, супруги Вашингтон вышли проститься с войсками. Сцена получилась очень трогательная; все солдаты размазывали по щекам слезы. Однако офицеры, не получив обещанных денег, отменили торжественный ужин в честь отъезжающего начальника.

Война должна была окончательно завершиться тогда, когда над Нью-Йорком взовется американский флаг, однако британская эвакуация сильно затянулась. Начиная с 20-го числа Вашингтон томился, стоя у реки Гарлем и не имея возможности войти в город. Он послал в Нью-Йорк своего адъютанта Бенджамина Толмеджа,

чтобы обеспечить безопасность находившихся там американских лазутчиков. В городе был сущий бедлам; лоялисты штурмовали корабли, кругом стояли крик и плач, в воздухе висела брань...

Холодным утром 25 ноября Вашингтон с отрядом в 800 человек стоял у северной заставы, ожидая сигнала об уходе англичан. День выдался пасмурным и ветреным, корабли никак не могли отчалить. Дополнительную задержку вызвала мстительная выходка британцев: они прибили «Юнион Джек» гвоздями к флагштоку да еще и смазали шест жиром, чтобы к флагу нельзя было подобраться. Но американцы приколотили к шесту поперечные перекладины и успели сорвать ненавистный британский флаг и заменить его звездно-полосатым до того, как английские суда скрылись из виду. Сразу после этого дали 13 залпов, и Вашингтон на своем роскошном сером жеребце проскакал с отрядом легкой кавалерии по Бродвею мимо дома губернатора Джорджа Клинтона.

Солдаты маршировали по восемь в ряд, приветствуемые оставшимися горожанами. Они разительно отличались от холеных «красномундирников»: одеты, как бродяги, лица опалены солнцем и обветрены. Но, вопреки британской пропаганде, вели они себя вовсе не как шайка разбойников: английские офицеры во главе с Карлтоном, остававшиеся в городе до 4 декабря, были вынуждены признать, что американцы сумели сразу навести в городе порядок, чего им самим не удавалось все эти годы.

Вашингтон испытывал душевную боль, видя вокруг себя руины сгоревших домов, разоренные церкви, в которых размещались солдаты, бродивших по улицам животных. Уходя, англичане освободили 500 американских пленных, тогда как десять тысяч узников кораблей-тюрем, стоявших на рейде Нью-Йорка, умерли

от голода, лишений и опасных болезней, распространившихся в антисанитарных условиях. Еще много лет спустя волны выбрасывали на берег человеческие кости.

Неделя в Нью-Йорке была расписана по часам: обеды, приемы, фейерверки... Вашингтон обошел все приличные магазины и купил чайников, кофейников и другой серебряной посуды для Маунт-Вернона (он предварительно навел справки у своего племянника Бушрода, что сейчас в моде в Европе). 29 ноября в Нью-Йорке случилось землетрясение: около полуночи три мощных толчка разбудили засыпавший город и перепуганные жители высыпали на улицы. Вашингтон в это время мирно спал в таверне «Голова королевы» на углу Брод-стрит и Перл-стрит. После того, что ему выпало пережить, это были сущие пустяки!

Таверна «Голова королевы» была больше известна как «таверна Фраунсиса». Хозяин, Сэмюэл Фраунсис, был уроженцем Вест-Индии и носил прозвище Черный Сэм, хотя и не был чернокожим. Отличный кулинар и франкмасон, он симпатизировал делу независимости и во время оккупации, как мог, помогал американским пленным, а также сумел помешать заговору с целью убийства Вашингтона (летом генерал поблагодарил его письмом за «неизменную дружбу и верность делу нашей страны»). Пожелав счастливого пути последним англичанам, оставившим Нью-Йорк, Вашингтон в тот же день, 4 декабря, собрал своих подчиненных на большой банкет на втором этаже таверны Фраунсиса.

Рядом с генералом были Нокс, Штойбен и Мак Дугалл; в целом же набралось человек 30-40. Когда вошел Вашингтон в своем обычном синем мундире, все встали. Он угощал гостей, как радушный хозяин, но сам почти не ел. В торжественной тишине наполнили бокалы.

Подняв свой бокал в дрожащей руке, Вашингтон заговорил голосом, прерывающимся от волнения: «Я покидаю вас с сердцем, полным любви и благодарности. Искренне желаю, чтобы ваша дальнейшая жизнь была настолько же процветающей и счастливой, как прежняя была славной и почетной». Выпили молча. Из глаз Вашингтона текли слезы. «Я не могу подойти к каждому из вас, — сказал он, — но буду вам обязан, если каждый из вас подойдет и пожмет мне руку».

Первым подошел Генри Нокс. Вашингтон обнял его и поцеловал, обливаясь слезами. Затем была очередь Штойбена. «Я никогда прежде не видал столь печальной и слезной сцены, — записал в дневнике Бенджамин Толмедж. — Одна лишь мысль о том, что мы больше никогда не увидим его лицо в этом мире, казалась мне совершенно невыносимой». После того как все офицеры с ним обнялись, Вашингтон прошел через весь зал, поднял руку в знак прощания и ушел не обернувшись. Офицеры застыли в гробовом молчании.

У паромной переправы в Нью-Джерси собралась большая толпа горожан, чтобы проститься с «отцом народа». Вашингтон приподнял треуголку, офицеры и обыватели помахали шляпами в ответ. Он взошел на палубу, 22 гребца взяли за весла, и вскоре паром исчез из виду.

Блуждающий Конгресс теперь заседал в Аннаполисе (это место было выбрано в надежде завлечь редко появлявшихся «на работе» депутатов театрами, балами и прочими развлечениями). Вашингтон обещал Марте быть дома к Рождеству, но прежде надо было сложить с себя обязанности главнокомандующего. От Нью-Йорка до Филадельфии он добирался четыре дня, поскольку ни в одном городке по пути нельзя было избежать чествований и толп просителей, осаждавших его ходатайствами о должностях или иных милостях. В Филадельфии он пообещал каждый день проезжать по

улицам, «чтобы благодарные американцы могли иметь удовольствие его видеть», как писал жене один из горожан, голландец Герард Вогельс. На торжественных приемах следовали бесконечные тосты, на которые генерал был принужден отвечать. Даже его величайшее терпение истощалось; однажды он ушел с концерта, когда хор затянул гимн в его честь на музыку Генделя. От дам не было отбоя; едва он входил в помещение, как все остальные кавалеры были забыты.

Между тем в Аннаполисе готовились к его приезду и строили деревянную триумфальную арку в классическом стиле, в центре которой красовалось изображение увенчанного лаврами Цинцинната, сменившего меч на орало. Чтобы все всё поняли, Цинциннату решили придать сходство с Вашингтоном; эту работу поручили Чарльзу Уилсону Пилу, и Вашингтону пришлось позировать ему несколько сеансов. Но 15 декабря, еще до того, как портрет был закончен, Вашингтон уехал из Филадельфии, захватив с собой лишь двух адъютантов — Дэвида Хамфриса и Бенджамина Уолкера — и рабов. Четыре дня спустя на подступах к Аннаполису его встречала делегация официальных лиц, среди которых был Горацио Гейтс. Под неперенные 13 залпов Вашингтон прибыл в таверну Джорджа Манна, откуда на следующий день написал письмо Томасу Миффлину, ставшему председателем Конгресса. Генерала интересовало, каким образом он должен подать в отставку: письменным прошением или в ходе публичной церемонии. Конгресс решил, что должна состояться церемония, но сначала — торжественный банкет.

На банкет, устроенный 22 декабря, явилось несколько сотен человек. Гудение голосов сливалось со звяканьем ножей и вилок. После положенных тринадцати тостов Вашингтон провозгласил свой: «За полную власть для Конгресса во имя общей цели». После банкета состоялся бал. В залитом светом зале

Вашингтон танцевал с 22-летней местной красавицей Мартой Ролл Маккьюбин. Впрочем, ему не давали передохнуть; все дамы, причесанные по последней моде (13 локонов), хотели танцевать с ним или хотя бы дотронуться до него.

На следующий день незадолго до полудня генерал в последний раз облачился в свой мундир и явился в резиденцию правительства. Секретарь Конгресса Чарлз Томсон проводил его к креслу под балдахином; Дэвид Хамфрис и Бенджамин Уолкер встали по бокам. Два десятка делегатов расселись в зале, не сняв шляп, показывая тем самым, что в Америке демократия, а не монархия. Раскрылись двери, и в зал вошли ведущие политики и местная знать; галерку заполнили дамы с горящими глазами. Очень скоро зал оказался набит битком; все хотели хоть одним глазком взглянуть на историческое событие.

«Сэр, — обратился к Вашингтону Томас Миффлин. — Соединенные Штаты, собравшиеся на Конгресс, готовы выслушать ваше сообщение». Следуя сценарию, Вашингтон встал и поклонился конгрессменам, которые сняли шляпы и снова их надели, а потом заговорил своим сиплым голосом. Сначала напомнил о том, что чувствовал себя не подходящим для роли главнокомандующего, когда принимал это назначение, но его поддерживали «вера в правоту нашего дела, высшая власть союза и покровительство небес». Потом отдал должное солдатам, которые служили под его началом, и попросил Конгресс позаботиться о них, поскольку войска распустили по домам, так и не выплатив жалованья. Тут правая рука, в которой он держал листки со своей речью, вдруг начала так сильно дрожать, что ему пришлось удерживать ее левой. После того как он передал «нашу дорогую страну под покровительство Всевышнего», его голос прервался. Выдержав паузу, Вашингтон овладел собой и закончил:

«Завершив предназначенный мне труд, я ныне удаляюсь с театра великих действий и с любовью прощаюсь с высоким собранием, согласно приказам которого я действовал до сих пор. Я возвращаю свой патент и удаляюсь от публичной жизни». Вашингтон достал из кармана врученный ему восемь лет назад патент и передал Томасу Миффлину вместе с копией своей речи. В этот момент многие прослезились.

Томас Миффлин зачитал ответ, подготовленный Томасом Джефферсоном, упомянув о несравненном даре Вашингтона «вести боевые действия с мудростью и прямоотой, неизменно уважая права гражданских властей». Началось прощание. Вашингтон пожал руку каждому члену Конгресса. Его конь уже ждал у дверей, вещи были упакованы, за гостиницу уплачено. Небольшая делегация проводила национального героя до парома; очутившись на той стороне реки, он пришпорил коня.

Как и обещал, Джордж приехал в Маунт-Вернон в канун Рождества, чтобы встретить праздник с Мартой.

Часть третья
ПРЕЗИДЕНТ

ЗНАМЕНИТОСТЬ

«Я чувствую себя теперь так, как, наверное, должен чувствовать себя усталый путник после трудного перехода с тяжелой ношей на плечах, сбросив с себя эту ношу и достигнув цели... который оглядывается назад с крыши своего дома и окидывает благодарным взглядом излучины, позволившие ему избежать зыбучих песков и топей, лежавших на его пути, и лишь всемогущий вождь и великий распорядитель человеческих судеб помешал ему свалиться в них», — писал Вашингтон Генри Ноксу 20 февраля 1784 года из заваленного снегом Маунт-Вернона. Три недели ранее он обещал Лафайету: «Никому не завидуя, я твердо намерен быть всем доволен и, повинаясь этому приказу, я, дорогой друг, буду тихо плыть по течению жизни, пока не упокоюсь рядом со своими предками». Но вести тихую беспечную жизнь не удалось: Вашингтон по-прежнему был отцом семейства, владельцем крупного поместья — и знаменитостью.

Простая поездка к матери в ближний Фредериксберг заняла целую неделю, превратившись в что-то вроде государственного визита. Об этом событии написала «Виргиния газетт»; Вашингтон не смог отвертеться от торжественного обеда и бала в свою честь, а гарнизонная артиллерия дала аж 21 залп.

По дому топали маленькие ножки: заводной и общительной Нелли было уже четыре годика, толстячку Вашику — два. Приемные родители перенесли на них любовь, которой прежде окружали Пэтси и Джеки. Марта, не извлекая уроков из прошлого, всё так же баловала мальчика и излишне тревожилась о его здоровье. Сама она «не была ни здорова, ни больна»; сильно располнела, зато от этого разгладились

морщины на лице. Как и раньше, она хлопотала по хозяйству и занималась рукоделием, приучая к этим занятиям Фанни, дочь ее покойной сестры, уже подростка, которая постоянно жила в Маунт-Верноне. Марта любила ее, как родную, Джорджу девочка тоже нравилась своим покладистым и ровным характером. Кроме того, Вашингтоны дали приют племянникам Джорджа: Джорджу Огастину Вашингтону, сыну сильно пьющего Чарлза (во время войны он служил адъютантом Лафайета и подхватил чахотку), и трем детям Сэмюэла от четвертого брака — Харриет, Лоуренсу Огастину и Джорджу Стептоу. Сэмюэл был женат пять раз и имел семерых детей; окончательно запутавшись в долгах, он умер в 1781 году, оставив наследников без гроша. В доме Вашингтонов страсть к порядку была маниакальной, и эти дети доставляли много забот: восьмилетняя Харриет была неуклюжей и неопрятной, а ее братья-погодки, старшему из которых исполнилось 11 лет, — совершенно невоспитанными и неуправляемыми; на следующий год дядя пристроил их в школу в Джорджтауне, оплатив учебу.

«Я не получил никаких денег со своего поместья за десять лет отсутствия и ничего не привез с собой», — писал Вашингтон 24 февраля племяннику Филдингу Льюису-младшему (сыну Бетти). Его осаждали кредиторы, с которыми было не так-то легко расплатиться, поскольку ему самому долги выплачивали в обесценившихся деньгах военной поры. При таких условиях поездку во Францию, жителям которой тоже не терпелось увидеть американского героя, пришлось отложить.

Общественная деятельность была большой обузой. Вернувшись с войны, Вашингтон вышел из приходского совета Труро, в котором состоял 22 года. Причин тому было несколько: во-первых, главой англиканской церкви являлся король Георг III^[30]; во-вторых, приходский

священник сделал Вашингтону замечание по поводу того, что тот давно не причащался, и он обиделся; в-третьих, его появление в церкви всегда привлекало толпы зевак, а ему это уже надоело.

В мае в Филадельфии состоялось первое общенациональное собрание Общества Цинциннатов. Оно изначально объединяло 13 отделений, по одному на штат; четырнадцатое отделение было создано во Франции, и Людовик XVI признал его членов принадлежащими к «первому иностранному ордену». Если раньше Вашингтон беспокоился лишь о том, чтобы в роли председателя «не допустить каких-нибудь важных упущений», то теперь серьезно боялся за свою репутацию. В уставе общества было сказано: «Офицеры американской армии торжественно объединяются в общество друзей, которое будет жить столько, сколько они сами или старшие их потомки по мужской линии, а за неимением оных — побочных ветвей, которые будут сочтены достойными стать его представителями и членами». Бенджамин Франклин усмотрел в этом попытку создания в Америке наследственной аристократии и заказал Габриелю Оноре де Мирабо памфлет против ордена Цинциннатов. «Большинство американцев, здесь живущих, подвергают наше общество непристойным нападкам, — писал в марте Лафайет из Парижа. — Джей, Адамс и все прочие горячо порицают армию». А генеральный секретарь общества Генри Нокс извещал председателя о том, что Цинциннатов считают «иностранцами агентами», ставящими своей целью изменить форму правления в США.

Бездетный Вашингтон физически не мог основать новую наследственную монархию, но все намеки на монархические амбиции были ему неприятны. 4 мая он выступил перед собранием с длинной речью, которую зачитал с необычной для него эмоциональностью. Он

призывал «вычеркнуть любое слово, предложение или параграф политической направленности. Положить конец наследственности во всех ее проявлениях. Более не принимать в общество почетных членов. Отвергать средства, собранные по подписке, или дары от всех, кто не является гражданами Соединенных Штатов». (Сам Вашингтон внес в копилку ордена 500 долларов.) Он хотел, чтобы отделения отныне собирались только в своих штатах, и заявил, что выйдет из ордена, если тот хоть чем-нибудь вызовет общественное порицание.

Главные его предложения оказались отвергнуты: делегаты проголосовали за то, чтобы по-прежнему проводить общенациональные собрания; некоторые отделения отказались внести в устав изменения, принятые общим собранием, и членство осталось наследственным. Скрепя сердце Вашингтон согласился остаться на посту председателя еще на три года ради благотворительности, бывшей главной задачей ордена Цинциннатов, но отнюдь не гордился принадлежностью к нему. Французские офицеры преподнесли ему украшенный бриллиантами и изумрудами знак ордена: белоголовый орлан держит в лапах медаль с изображением Цинцинната, оставляющего плуг, чтобы послужить своему народу. Знак полагалось носить на шее на бело-голубой ленте; он был создан по эскизу выпускника Парижской академии художеств Пьера Шарля Ланфана, в 22 года поступившего волонтером в Континентальную армию в качестве военного инженера. Вашингтон спрятал его в потайной ящичек и никогда не надевал, опасаясь прослыть роялистом.

Зато своей принадлежности к братству «вольных каменщиков» он не стыдился никогда. Это общество стояло вне политики и провозглашало своей главной целью совершенствование человеческой природы. В июне 1784 года Вашингтон стал почетным членом, а позднее — мастером масонской ложи Александрии, оставаясь

при этом в составе ложи Фредериксберга. «Тайное» общество отнюдь не скрывалось, и Вашингтон участвовал во всех его ритуалах, в том числе публичных (например, похоронах «брата» Уильяма Рамсея в 1785 году), не стесняясь появляться на людях при всех масонских регалиях.

Члены Конгресса относились к Вашингтону с подчеркнутым уважением: он получил доступ к секретным документам, а в июне к нему прислали Уильяма Гордона, бывшего священника из Массачусетса, которому было поручено написать историю Войны за независимость. Еще в марте в письме доктору Крейку Вашингтон утверждал: «...любая история моей жизни, отличная и не связанная с общей историей войны, скорее, уязвит мои чувства, нежели потешит мою гордыню, пока я жив». Теперь, когда Конгресс согласился рассекретить свои архивы, он предоставил в распоряжение Гордона свои собственные, и неутомимый историк две недели прожил в Маунт-Верноне, с утра до вечера читая «33 тома переписанных писем генерала, три тома частных писем, семь томов приказов по армии и вороха писем генералу». (Когда в 1788 году многотомный труд Гордона вышел в свет, Вашингтон купил два экземпляра и побуждал друзей сделать то же.)

Тогда же, в июне, законодатели Виргинии решили заказать статую Вашингтона «из лучшего мрамора и лучшей работы», чтобы украсить ею ротонду в здании дома правительства в Ричмонде, новой столице штата. Губернатор Гаррисон написал Джефферсону и Франклину в Париж, прося найти подходящего скульптора, и прислал для образца портрет Вашингтона в полный рост работы Пила. Джефферсон и Франклин обратились к самому Жану Антуану Гудону (кстати, тоже масону), первому придворному скульптору Европы, который запросил невероятный гонорар, но

Джефферсону удалось скостить его до тысячи гиней. Чтобы Вашингтон понял, какая честь ему оказана, Джефферсон сообщил, что скульптор приедет в Америку, как только закончит статую Людовика XVI и бюст Вольтера.

Пока же в Маунт-Вернон явился Лафайет и привез дорогому другу масонский запон (фартук), вышитый руками его жены Адриенны. Увлекающийся маркиз теперь заделался убежденным месмеристом и собирался принести в Америку идеи животного магнетизма и Общества вселенской гармонии. Нелли и Вашик скакали вокруг красавца-француза, словно сошедшего с портрета, висевшего у них в гостиной на почетном месте. За обедом он вспоминал истории времен войны, но Вашингтон больше расспрашивал гостя о европейских цветах, которые могли бы прижиться в Америке. Осмотрев дом и сад, Лафайет, наконец, заговорил о деле, которое занимало его больше всего: отмене рабства. Проезжая через Ричмонд, он повстречал там Джеймса Армистеда — лазутчика, добывшего ценные сведения о Йорктауне, — и выдал ему письменное поручительство, благодаря которому тот не только обрел свободу, но еще и получил пенсию от законодателей, выкупивших его у хозяина. Благодарный негр взял себе имя Джеймс Армистед Лафайет.

Вашингтон тоже хорошо относился к верным слугам. Не далее как в июле он списался со своим другом Климентом Биддлом из Филадельфии, чтобы тот разыскал и прислал к нему в Маунт-Вернон кухарку Маргарет Томас: его чернокожий камердинер Билли Ли считал ее своей женой, пока они жили в Филадельфии, и теперь тосковал в разлуке. Вашингтону вовсе не требовалась служанка, которой к тому же пришлось бы платить жалованье (Маргарет получила вольную), однако он не мог отказать Билли, делившему с ним все невзгоды. Впрочем, Маргарет, не пожелавшая стать

женой раба, не приехала. Остается загадкой, почему Вашингтон не отпустил на свободу Билли Ли. Возможно, тот и сам этого не хотел. После того как он сломал сначала одну, а потом вторую ногу, Вашингтон перевел его из камердинеров в сапожники, а иногда использовал в качестве надсмотрщика над другими рабами. Но отпустить сейчас на волю всех рабов равнялось бы самоубийству, поскольку невольники были и средством производства, и формой оборотного капитала, а Вашингтон сильно нуждался в деньгах.

От брата Джека он узнал, что многие принадлежащие ему земли захвачены, а арендаторы уже несколько лет не платят ренту, и рассердился на Лунда Вашингтона, державшего его в неведении. Теперь придется самому куда-то ехать и вытрясать из кого-то деньги, хотя ему так не хочется вновь покидать свой дом! (Впоследствии выяснилось, что сам Лунд также не получал жалованье управляющего аж с памятной зимы в Вэлли-Фордж; Вашингтону стало стыдно, но возместить ущерб было нечем.)

В эту поездку он отправился в сентябре, взяв с собой доктора Крейка с сыном, своего племянника Бушрода Вашингтона (сына Джека) и трех рабов. Рента с западных владений была для него главным источником доходов, и он решил лично вразумить арендаторов, не желавших платить. На лошадей погрузили большую палатку, лодку, аптечку, необходимую утварь, удочки и тронулись в путь через Аппалачи. Бывало, приходилось спать под проливным дождем, укрывшись только шинелью. Годы давали себя знать: Вашингтон уже не был тем молодым майором, которому всё нипочем.

В Беркли-Спринге он познакомился с даровитым изобретателем Джеймсом Рамси, построившим механический корабль, способный идти против течения. Вашингтон выдал ему рекомендательное письмо,

поскольку это изобретение было созвучно его давней мечте — сделать Потомак судоходным.

Путешествие на запад было небезопасным: на северо-западном берегу Огайо происходили ожесточенные стычки между поселенцами и индейцами, отстаивающими свои права на родовые земли. Вашингтон был на стороне индейцев, поскольку Конгресс запретил колонистам здесь селиться, а те бессовестно захватывали огромные участки в сотни тысяч акров. Наслушавшись историй о жестоких убийствах, он отменил сплав по Огайо — и не зря: генерал Джеймс Уилкинсон был захвачен в плен индейцами, которые приняли его за Вашингтона, и смог откупиться только большими подарками. Тут, как говорится, не до жиру, хотя было невероятно обидно, когда наглецы, самовольно обосновавшиеся на землях, полагавшихся ему как ветерану Франко-индейской войны, торговали участками, продавая их даже европейцам.

Оказалось, что на западе имя Вашингтона никому не внушает благоговения. Разговоры с захватчиками-поселенцами проходили на повышенных тонах. Каждый утверждал, что первым «застолбил» участок, и грозил другому судом. (Судебная тяжба действительно началась и длилась целых два года; Вашингтон выиграл дело, но не прогнал захватчиков, а великодушно разрешил им стать арендаторами.)

Нелегкая поездка оставила тяжелое впечатление. Западная граница США практически неуправляема, и случись новая война, например с Испанией, препятствовавшей американской торговле в низовьях Миссисипи, или снова с Англией, отказавшейся освободить ряд фортов от Великих озер до долины Огайо, — и на местное население вряд ли можно будет положиться. Нет, нужна твердая рука, которая

привязала бы западные земли к восточным сетью торговых путей; такие узы сложнее расторгнуть.

Вернувшись из поездки, Вашингтон обратился к губернатору Виргинии Бенджамину Гаррисону с проектом создания компании, которая сделала бы Потомак с его порогами, водопадами и россыпями валунов судоходным до самого впадения в Огайо. Путем каналов можно было бы удлинить и реку Джеймс. Он подключил к этому делу Мэдисона и других виргинских депутатов, а потом и законодателей Мэриленда, поскольку Потомак протекал по территории обоих штатов. В декабре, отправившись провожать возвращавшегося во Францию Лафайета, Вашингтон доехал только до Аннаполиса и отказался от продолжения пути в Филадельфию и Нью-Йорк, потому что неминуемые приемы и торжества ему уже порядком надоели. Зато он воспользовался своим пребыванием в столице Мэриленда для лоббирования своего проекта. «Серьезность, с какой он относится к одному предприятию, трудно описать, — сообщал Мэдисон Джефферсону. — Такой ум, способный мыслить широко... не терпит праздности».

В январе 1785 года Виргиния и Мэриленд поручили паре частных компаний заняться расширением Потомака и Джеймса. Вашингтона избрали председателем «Компании реки Потомак». Он получил в подарок 50 акций этой компании и 100 акций «Компании реки Джеймс» в знак признания его заслуг, что повергло его в замешательство. Отказаться от подарка — обидеть дарителей, принять — дать повод обвинить себя в корысти. Он разослал кучу писем людям, которым доверял, с просьбой посоветовать, как ему быть. Только в конце июля решение созрело: он примет акции в доверительную собственность для основания «двух благотворительных школ, по одной на каждой реке, для

воспитания и поддержки детей бедняков и неимущих», особенно потерявших отцов на войне.

При этом его собственные финансовые проблемы никуда не делись, и он вновь принял управление своими пятью фермами на себя, объезжая их каждый день. Опять он вставал на рассвете и ложился спать в девять вечера. Вместо Лунда он взял себе в помощники Джорджа Огастина. Осматривая работы, он нередко спешился, становился рядом с рабами или наемными рабочими и показывал им, как надо делать то или это, а уезжал, лишь убедившись, что всё идет как надо. Как-то в 1785 году один раб отказался работать, потому что повредил себе руку (она была на перевязи). Тогда Вашингтон взял грабли одной рукой, а другую сунул в карман. «Если ты можешь есть одной рукой, почему же не можешь работать?» — осадил он «лентяя». Еженедельно по пятницам управляющие должны были присылать подробные недельные отчеты о каждой плантации: какая работа выполнена, кем и где; сколько коров отелилось, сколько овец окотилось.

Утро уходило на переписку. Но у Вашингтона теперь не было адъютантов, а со всех концов света прибывали целые тюки писем — просьб о рекомендациях и справках, запросов о делах, связанных с войной. Он считал своим долгом отвечать на каждое — ему никогда еще не приходилось столько корпеть за письменным столом! Добром это не кончилось: появились головные боли и прочие неприятности, связанные с сидячей работой. Джеймс Крейк посоветовал нанять секретаря. В июле 1785 года на эту должность пригласили Уильяма Шоу, который к тому же должен был заниматься с Нелли и Вашиком. Но этот молодой человек небрежно относился к своим обязанностям и задержался в Маунт-Верноне только на 13 месяцев. В январе 1786-го генерал Бенджамин Линкольн порекомендовал генералу в личные секретари и гувернеры для детей 23-летнего

Тобайаса Лира из Нью-Хэмпшира, выпускника Гарварда, владеющего французским языком и обладающего легким слогом. При всём уважении к Вашингтону, Лир выставил одно условие: он не может жить среди рабов. Хозяин заявил, что намерен в конечном счете освободить своих невольников, пока же им лучше находиться под его опекой. Лир приехал в Маунт-Вернон и пришелся ко двору, практически заменив Джорджу и Марте сына.

Другой напастью были визитеры.

Вашингтоны всегда были радушными хозяевами. После того как британцы оставили Нью-Йорк, Джордж попытался нанять повара, который смог бы приготовить обед на 30 персон, и заказал через Лафайета несколько французских серебряных подносов на 12 бокалов каждый. Однако он явно не ожидал, что его дом станет местом паломничества.

Постоялые дворы были редки, и законы гостеприимства обязывали владельцев придорожных усадеб дать приют путникам, накормить, напоить и спать уложить. Маунт-Вернон, находящийся в девяти милях от Александрии, стоял в стороне от дороги; никто не мог заехать туда случайно или сбившись с пути. Более того, со временем Вашингтон намеренно стал устанавливать неправильные указатели, чтобы желающие поглазеть на него не смогли отыскать его дом. Даже подъездной путь к его усадьбе теперь не был прямым как стрела, а извивался змеей. Но ничто не помогало: хозяевам приходилось выслушивать рассказы гостей, как они увязли в болоте, чуть не заблудились в густом лесу, но чудом выбрались из него по едва заметной тропинке.

У незнакомцев хозяин требовал предъявить рекомендательные письма, но даже при отсутствии таковых не мог сразу указать человеку на дверь и оставлял обедать. В доме постоянно находились

посторонние; порою половину сидящих за столом составляли гости. 30 июня 1785 года Вашингтон записал в дневнике: «Обедал наедине с миссис Вашингтон; кажется, это первый подобный случай с момента моего удаления от общественной жизни».

Воспоминания этих случайных гостей о том, как их принимали в Маунт-Верноне, разнятся. Понятно, что Вашингтоны вели себя с незнакомыми людьми, которые к тому же могли показаться им наглецами, иначе, чем с друзьями или знаменитостями. Джордж часто встречал прибывших в дверях, но затем передавал их на попечение рабов и исчезал в своем кабинете или отправлялся объезжать свои владения. Если гость не ехал вместе с ним, он видел хозяина только за обеденным столом. Вашингтон непременно переодевался к обеду: вернувшись с объезда в синем сюртуке поверх шерстяного жилета, черных штанах и сапогах, он выходил к столу в свежей сорочке, серо-коричневом кафтане поверх белого камзола и белых шелковых чулках, к тому же напудрив волосы. В зависимости от настроения он мог быть веселым и общительным или мрачным и молчаливым. Впрочем, если гость был нездоров, хозяин мог лично принести к нему в комнату чашку горячего чая.

Супруга генерала помогала ему занимать гостей. Она была всё такой же радушной и домовитой и одевалась «бедненько, но чистенько». Две расфуфыренные дамы, явившиеся в Маунт-Вернон в шелках и кружевах, были шокированы, застав леди Вашингтон в клетчатом переднике за вязанием. В апреле 1785 года нарочный принес ей горькие вести: с разницей в девять дней скончались ее 75-летняя мать и брат Джадж Бартоломью сорока девяти лет. Теперь у Марты не осталось близких родственников, кроме мужа, и она постоянно носила траур: простое черное атласное

платье с длинными рукавами и черный чепец с лентами того же цвета.

В апреле к Вашингтонам приехал Роберт Эдж Пайн — английский художник, некоторое время живший вместе с Фэрфаксами в Бате. Он собирался создать портрет Вашингтона для серии работ об американской революции. В Маунт-Верноне он прожил три недели и написал всё семейство — и Марту, и всех четырех ее внуков, и Фанни Бассет.

В Маунт-Вернон манило не только любопытство: Вашингтон стал фигурой символической, и его слово было весомо для простых людей. В январе 1785 года к нему приехал Элканах Уотсон с книгами об освобождении рабов, написанными британским аболиционистом Гранвилем Шарпом, основателем африканской колонии в Сьерра-Леоне. В Виргинии тоже имелись аболиционисты, например квакер Роберт Плезант, освободивший 78 своих рабов и твердивший Вашингтону, что его отказ последовать этому примеру ляжет пятном на его репутацию. В мае священники-методисты Томас Коук и Фрэнсис Эсбери привезли в Маунт-Вернон петицию об освобождении рабов, которую хотели подать в Законодательное собрание. Вашингтон пообещал написать письмо в поддержку этой меры, если вопрос будет поставлен на голосование, но петицию подписывать не стал. (В ноябре эта инициатива провалилась.)

В том же мае в Маунт-Вернон завернул на один день лексикограф Ноа Уэбстер — он хотел заручиться поддержкой Вашингтона для проталкивания в Виргинии закона об авторских правах. Библиотека хозяина, и так довольно обширная (там были сочинения Александра Поупа, Джонатана Свифта, Джона Мильтона, Вольтера, Джона Локка, «История упадка и разрушения Римской империи» Эдуарда Гиббона, биографии Карла XII, Людовика XV и Петра Великого, а также словарь и

грамматика французского языка), пополнилась «Заметками об американской политике», в которых Уэбстер ратовал за сильную центральную власть. Автор попытался заключить с Вашингтоном договор: он будет бесплатно заниматься с Нелли и Вашиком в обмен на неограниченный доступ к бумагам генерала. Заподозрив неладное, Вашингтон отклонил его предложение.

В июне в Маунт-Верноне десять дней гостила англичанка Катарина Маколей Грэхем, известный историк. Вашингтон был польщен ее визитом. Они вели долгие серьезные разговоры на политические темы и оказались единомышленниками; генерал даже показал ей свои записи военных времен — «для изучения и увеселения».

Серьезные разговоры Вашингтон вел и с депутатом виргинского Законодательного собрания Джеймсом Мэдисоном, который держал его в курсе политических событий. В свои 34 года Мэдисон выглядел состарившимся мальчиком, к тому же он был небольшого роста и слаб здоровьем. Дамы находили его мрачным, холодным и непривлекательным; в собрании он был не ахти каким оратором, зато в обществе политических союзников и студентов, которым преподавал историю, мог развернуться во всю мощь своего могучего интеллекта и искрометного остроумия. Все его суждения основывались на глубоком анализе предмета.

Гости жаждали рассказов о военных подвигах генерала, но здесь их ждало разочарование: о них гораздо охотнее распространялся Билли Ли, даже в мирное время носивший кокарду. Вашингтон же говорил «об американской войне и своих победах, точно о вещах, к каким он не имеет никакого отношения», удивлялся французский журналист Бриссо де Варвиль. Зато он оживлялся, как только речь заходила о сельском хозяйстве. Вознамерившись сделаться образцовым

земледельцем, Вашингтон отказался от выращивания табака и кукурузы и стал внедрять у себя многопольный севооборот, экспериментируя с разными культурами: капустой, репой, рожью, люцерной — и прививками фруктовых деревьев. Он пытался выращивать виноград и делать свое вино, сажал черенки разных растений, присылаемых друзьями. Чтобы не отставать от соседа Джефферсона (еще одного экспериментатора, который, например, одним из первых стал выращивать помидоры), он разработал новый плуг, который одновременно боронил и сеял. С начала 1776 года Вашингтон вступил в переписку с известным английским экономистом Артуром Юнгом, который прислал ему «Анналы сельского хозяйства» в четырех томах, и под его руководством высадил в Маунт-Верноне около шестидесяти разных растений.

Другой излюбленной темой для разговоров была навигация на Потомаке. В начале августа 1785 года Вашингтон лично проплыл в каноэ по Потомаку и преодолел пороги у водопадов Сенека и Шенандоа, исследуя подводные камни. В скором времени рабов с выбритыми головами (отличительный знак, чтобы не сбежали) согнали на рытье каналов, которые должны были соединить Потомак с Огайо, а реку Джеймс — с Большой Канавгой. Однажды в ноябре после ужина хозяин пустил бутылку вина по кругу и провозгласил тост: «За успех навигации на Потомаке!»

Вашингтон выступил новатором и в области животноводства, начав разводить мулов — помесь лошади с ослом, — которые были выносливее лошадей, но послушнее ослов, могли доживать до сорока лет и обходились дешевле. В 1784 году испанский король послал ему в подарок двух серых ослов-производителей и трех ослиц. «Посылка» прибыла в декабре 1785 года; один из ослов в дороге сдох, а выжившему дали кличку Королевский подарок. В конюшнях Маунт-Вернона тогда

проживали 130 рабочих лошадей; в распоряжение испанского осла были предоставлены три десятка кобылиц, однако он на них даже не смотрел. Только по весне он с «решимостью и величественной торжественностью приступил к работе по продлению рода», писал Вашингтон Лафайету 10 мая 1786 года. В другом письме он высказывал надежду, что Королевский подарок проникнется в Америке демократическим духом, улучшит свои манеры и начнет работать более споро. Лафайет прислал другу трех черных ослов с Мальты, в том числе самца по кличке Мальтийский рыцарь.

Важной достопримечательностью Маунт-Вернона была конюшня с чистокровными лошадьми, где также доживали свой век боевые кони генерала. В 1785 году Вашингтон подарил знакомой даме Элизабет Френч Дюлани своего жеребца по кличке Блускин (его шкура была серо-голубого оттенка), на котором ездил в начале войны. Гораздо большей известностью пользовался гнедой Нельсон, побывавший в сражении при Йорктауне и способный спокойно стоять под огнем. Теперь он в работы не употреблялся и получал овес за прежние заслуги. Вашингтон сам объезжал и обучал своих лошадей, а заботы о конюшне доверил заботам раба Питера Хардимана, весьма сведущего в этом деле.

Большим лошадиником оказался и доктор Жан Пьер Лемайер, который довольно часто навещался в Маунт-Вернон. Летом 1784 года он прожил там довольно долго и стал добрым другом дома: Вашику подарил деревянную лошадку, а его приемному отцу вставил девять зубов, купленных у нескольких негров по 13 шиллингов за штуку. Правда, для Вашингтона этот эксперимент закончился неудачно, и к 1789 году у него во рту оставался только один зуб. Гости отмечали, что на некоторых словах Вашингтон как бы запинается и выговаривает их с трудом; вероятно, давали о себе

знать проблемы с зубными протезами. Теперь и у Марты начались неприятности с зубами, и в семейном бюджете возникла новая статья расходов. На время посещений врача Джордж предоставлял в его распоряжение Магнолию — знаменитого арабского скакуна, участвовавшего в скачках в Александрии.

Стороннему человеку генерал мог показаться богачом: Маунт-Вернон состоял из полутора десятков отдельных строений, соединенных крытыми переходами, и напоминал собой маленький поселок. Гостей встречали слуги в красно-белых ливреях. Самым красивым помещением в доме была Новая комната, или банкетный зал, высотой в два этажа, с арочными окнами; оттуда открывался великолепный панорамный вид на Потомак, и казалось, что зал парит в воздухе. Вашингтон велел оклеить стены ярко-зелеными обоями (в те времена синяя и зеленая краски были самыми дорогими) в обрамлении позолоченных карнизов, чтобы помещение выглядело «красивее и богаче». (Днем зеленый цвет поднимал настроение, но за ужином при свечах лица гостей принимали потусторонний оттенок.)

В разговоре с купцом Сэмюэлом Вогэном из Филадельфии Вашингтон как-то обмолвился, что в зале не хватает камина, и тот неожиданно прислал камин из итальянского мрамора с двумя витыми колоннами и картиной-пасторалью, напоминающей о жизни Цинцинната. Посылку доставили в десяти громоздких ящиках. Увидев, что внутри, Вашингтон сначала пришел в ужас. «Боюсь, что он слишком элегантен и роскошен для моей комнаты и республиканского образа жизни», — написал он сыну Вогэна. Но в конечном счете камин занял свое место.

Однако самое сильное впечатление на гостей производила вымощенная плиткой веранда с видом на Потомак, крышу которой поддерживали восемь деревянных колонн (правда, из-за нее в комнаты,

выходящие на веранду, никогда не заглядывало солнце). В теплую погоду здесь расставляли виндзорские кресла и легкие переносные столы, чтобы гости могли поужинать на свежем воздухе, наслаждаясь ветерком с реки и щебетом попугаев. Западный корпус, к которому примыкала веранда, украшала восьмиугольная башенка с флюгером в виде «голубя мира» с оливковой ветвью в клюве.

В центре парка стояла кирпичная теплица с семью высокими и узкими окнами, где росли пальмы, лимонные, апельсиновые и лаймовые деревья. В окрестностях дома хозяин насадил фруктовые сады, и по весне цветущие персиковые и абрикосовые деревья, яблони и вишни, кизил и сирень радовали глаз. Его садовник-немец охотно рассказывал, что прежде служил королям Пруссии и Англии. Между верандой и рекой простирался английский парк с извилистыми тропинками и разбросанными тут и там рощицами, по которому бродило стадо оленей. Теперь Вашингтон избегал охотиться вблизи от дома, чтобы олени не испугались и не убежали. С января 1786 года он стал совмещать полезное с приятным — охотился на лис, объезжая свои фермы; в ежедневные выезды он брал с собой собак, присланных Лафайетом.

Кто бы мог поверить, что к началу 1786 года весь наличный капитал Вашингтона составлял всего 86 фунтов? Поместье не приносило никаких доходов, почетные должности лишь отнимали время и силы. Большой помехой были незваные гости, а на их прием уходили последние деньги. Посетители не только ели и пили за счет хозяина, но и скармливали его сено своим лошадям. Кроме того, с ними были слуги, которых тоже приходилось кормить.

Вечером в воскресенье 2 октября 1785 года Вашингтоны уже легли спать, когда весь дом переполошился из-за прибытия заморских гостей —

знаменитого скульптора Гудона (который, сообщал Джефферсон, отклонил предложение Екатерины Великой, чтобы лепить Вашингтона), трех его помощников и переводчика. Французы, приплывшие из Александрии, могли бы спокойно заночевать и там, вместо того чтобы будить хозяев. Скульптор прожил в Маунт-Верноне две недели, и первое чувство неприязни, испытанное к нему Вашингтоном, сменилось уважением, поскольку тот оценил добросовестный подход художника к своему делу.

Сначала Гудон тщательно измерил тело Вашингтона, а затем попросил позволения сопровождать его днем, чтобы наблюдать и делать зарисовки. Вот Вашингтон торгуется за пару лошадей, и на его лице возмущение сменяется гневом; вот он скорбит на похоронах, а вот веселится на свадьбе своего племянника Джорджа Огастина и Фанни Бассет. 6 октября француз начал работать над глиняным бюстом, суша его в хлебной печи Маунт-Вернона. (Впоследствии Гудон подарил его Вашингтону, который очень им дорожил и всю жизнь хранил в своем кабинете.) Четыре дня спустя скульптор принялся за изготовление гипсовой маски, чем на сей раз напугал шестилетнюю Нелли — увидев названного отца неподвижно лежащим на столе с трубочками в носу, девочка решила, что он умер. Наконец 17 октября французы снялись с места так же внезапно, как и появились, захватив с собой маску, которая должна была пригодиться при изготовлении статуи в полный рост [\[31\]](#).

В апреле 1786 года к Вашингтону заехал Филип Далби, местный рабовладелец, и поделился с соседом своим возмущением. Он был по делам в Филадельфии с рабом-мулатом, которого сбили с пути квакеры-аболиционисты и склонили к побегу. Далби подал на них в суд и напечатал статью в александрийской газете, предупреждая плантаторов о подрывной деятельности квакеров. Вашингтон разделял его чувства; он написал

своему другу Роберту Моррису в Филадельфию: если квакеров не обуздать, «никто из тех, чье *несчастье* иметь слугами рабов, не станет наведываться в этот город без крайней необходимости, иначе они будут рисковать своей собственностью или понесут убытки, нанимая для одного путешествия слуг иной породы». Он подчеркивал, что сам страстно желает отмены рабства, но для этого есть лишь один путь — принятие соответствующего закона.

В самом деле, после отказа Вашингтона от трудоемкого производства табака рабы стали для него обузой. К февралю 1786 года на пяти фермах проживало 216 рабов, из которых 92 — дети. Их надо было кормить, одевать, лечить... Между тем Лафайет приступил к осуществлению своего плана: купил большую плантацию сахарного тростника в Кайенне, во Французской Гвиане, и начал освобождать семь десятков прилагавшихся к ней рабов, платя жалованье взрослым работникам, устраивая школы для детей и запрещая торговлю людьми. Своему управляющему он велел покупать новые земли и освобождать на них рабов. Вашингтон похвалил его в письме, назвав его поступок «великодушным и благородным доказательством человечности». «Если бы Богу было угодно, чтобы такой настрой распространился повсеместно среди людей нашей страны! Но я не чаю того увидеть», — писал он 10 мая 1786 года. Правда, сам он не считал нужным давать своим рабам образование, однако жена Лунда Вашингтона, женщина благочестивая, учила их читать и раздавала им Библию.

Заложник своей славы, с настоящими друзьями Вашингтон общался только по переписке. Но их круг постепенно редел. 19 июня 1786 года 43-летний Натанаэль Грин, погрязший в долгах (он выступал поручителем поставок для Континентальной армии), скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг в

своем имени близ Саванны, штат Джорджия. Вашингтон носил по нему траур несколько месяцев и сам предложил оплатить образование его сына Джорджа Вашингтона Грина. Он понимал, что страна лишилась человека, рожденного для великих дел. А потребность в таких людях была велика как никогда.

В стране назревал кризис: чтобы расплатиться с долгами, правительство повысило земельный налог. Разорившиеся фермеры врывались в суды и уничтожали дела о продаже земель за долги. Милиционные войска нередко принимали их сторону. В нескольких городах Новой Англии народ взял штурмом долговые тюрьмы и освободил заключенных. В некоторых графствах штата Род-Айленд восставшие захватили власть, а на своем съезде жаловались на гнет несправедливых законов и требовали расчета по старым долгам бумажными деньгами. Генерал, читавший вороха газет и общавшийся с самыми разными людьми, не мог этого не знать. Однако он не находил в себе ни сил, ни желания вновь оказаться на передовой, тем более что и здоровье не позволяло: в конце августа его две недели била лихорадка, и доктор Крейк прописал ему отвар из коры хинного дерева. «Удалившись от света, я прямо признаю, что не могу чувствовать себя беспристрастным зрителем, — писал он 15 августа 1786 года Джону Джею. — И всё же, счастливо приведя корабль в порт и разгрузив, я не намерен вновь пускать его по мятежным волнам».

АВТОРИТЕТ

В сентябре 1786 года в Аннаполисе состоялось совещание, посвященное торговле между пятью штатами. В ходе дебатов выяснилось, что единственный способ разрешить торговые споры — в корне изменить Статьи Конфедерации, документ, служивший чем-то вроде конституции, закрепляя полномочия центральных органов и штатов. Один из участников встречи, Александр Гамильтон, составил смелое коммюнике, призывая 13 штатов прислать делегатов на Конвент в Филадельфию в мае следующего года для принятия новой конституции. Через два дня после встречи в Аннаполисе глава виргинской делегации Эдмунд Рэндольф уже был в Маунт-Верноне и вводил в курс дела его хозяина, который поддержал призыв Гамильтона: он всегда считал Статьи Конфедерации ущербным документом, «веревкой из песка». В октябре к нему приехали Джеймс Мэдисон и Джеймс Монро, тоже бывшие на совещании, и все вместе три дня разбирали по полочкам Статьи Конфедерации. Гости явно пытались вытащить Вашингтона из его «берлоги» и заставить заняться высокой политикой.

Осенью восстание фермеров охватило Массачусетс. Во главе его стоял Даниель Шейс, в свое время отличившийся в боях под Бостоном и получивший чин капитана милиционных сил. Его «войска», вооруженные вилами, облачились в старые мундиры Континентальной армии. «Ради бога, скажите мне, в чем причина всех этих потрясений, — писал встревоженный Вашингтон 22 октября Дэвиду Хамфрису. — Если требования законны, почему их не удовлетворяют? Если это просто распущенность, почему правительство сразу не вмешается?» «Они вмиг ощутили собственную бедность

в сравнении с богатыми, — объяснил ему Генри Нокс, которого просили возглавить подавление восстания, — и хотят обратить частную собственность в общую». Его воспаленное воображение рисовало картину: по Новой Англии рыщет целая армия из двенадцати тысяч головорезов, бросивших вызов законному правительству. Хамфрис, со своей стороны, пророчил гражданскую войну.

В это же время Мэдисон сообщил Вашингтону, что виргинское Законодательное собрание намерено назначить его главой делегации штата на Конституционный конвент в Филадельфии. Отставной главнокомандующий оказался в неловком положении: он уже отказался от приглашения участвовать в съезде Общества Цинциннатов, намеченном на то же самое время — май 1787 года, — и дал понять, что не будет переизбираться его председателем, ссылаясь на дела и расстроенное здоровье: приступы малярии и новой для него хвори — ревматизма. У него так разболелась рука, что нельзя было даже поднять ее или перевернуться в постели на другой бок. Поэтому 18 ноября он написал Мэдисону, что не сможет поехать в мае в Филадельфию; к тому же он еще в 1783 году пообещал, что не станет заниматься политикой.

Но не думать о политике было невозможно. В ноябре люди Шейса воспрепятствовали проведению судебной сессии в Вустере. Губернатор штата Бодуэн объявил руководителей восстания вне закона и назначил награды за их головы. В конце года Шейс попытался захватить арсенал в Спрингфилде, чтобы осадить Бостон, как в 1775 году; нападение отбили залпами картечи, несколько человек погибли. На следующий день подоспел генерал Бенджамин Линкольн с четырьмя тысячами солдат и рассеял отряд Шейса. Тогда он разбился на мелкие группы. Восстание грозило перекинуться из Массачусетса на другие штаты.

«Горючий материал имеется в каждом штате, — писал Вашингтон Джеймсу Мэдисону, — и искра может зажечь пламя... Если мы не изменим нашего политического кредо, то надстройка, которую мы воздвигали в течение семи лет с такими большими издержками — золотом и кровью, — должна пасть. Мы стоим на краю анархии и беспорядка...»

Нокс разбил повстанцев; Шейс сдался и вместе с тринадцатью соратниками был приговорен к смертной казни. Теперь уже Вашингтон требовал проявить милосердие к побежденным, чтобы не создавать порочного круга жестокости и насилия. Они были помилованы.

Между тем законодатели Виргинии настаивали на том, чтобы именно Вашингтон представлял штат на Конвенте. По своему обыкновению генерал решил посоветоваться с друзьями и всю зиму переписывался с Мэдисоном, Хамфрисом, Ноксом и Джемом. Как и в 1775 году, больше всего его беспокоило то, что дело может «не выгореть». И что тогда о нем подумают? Весьма вероятно, что ему предложат стать председателем Конвента! Хамфрис был с этим согласен и считал, что, согласившись на участие в полузаконном собрании, Вашингтон рискует своей репутацией. Нокс советовал поехать, но предупреждал, что Конвент в самом деле может оказаться незаконным, поскольку не соблюдены процедуры, изложенные в Статьях Конфедерации. Зато участие Вашингтона привлечет к Конвенту северные штаты, которые бойкотировали совещание в Аннаполисе. Джей прислал набросок будущего государственного устройства с разделением властей: пусть одни издают законы, другие исполняют, а третьи судят. Вашингтон начал колебаться: а вдруг его неучастие расценят как отречение от республиканских принципов?

К мучительным раздумьям добавились семейные проблемы: в начале января скончался брат Джек, и Мэри Болл, оставшись без его поддержки, опять была недовольна старшим сыном, хотя тот не получал с принадлежащей ей фермы ни пенни, при этом платил за нее налог на землю и рабов. «С меня сейчас требуют больше пятисот фунтов, 340 с небольшим — только налог за 1786 год, и я не знаю, где или когда смогу раздобыть хоть один шиллинг для его уплаты, — писал Джордж матери 15 февраля. — За последние два года я не собрал урожая. В первый год я был вынужден покупать зерно, а в этот год мне нечего продать, моя пшеница столь дурна, что я ни сам не могу ее есть, ни другим продать, табака же нет вовсе. Те, кто должен мне денег, не могут или не хотят платить, не будучи понуждаемы к тому судом... тогда как мои расходы на содержание семейства и гостей, которые постоянно у меня бывают, непомерно высоки — гораздо выше, чем я могу себе позволить, не продав части своего поместья, что я и намерен сделать, чтобы не погрязнуть в долгах... Вот каково мое истинное положение». К письму он приложил 15 гиней.

Двадцать восьмого марта Вашингтон написал губернатору Рэндольфу: он покоряется судьбе и готов поехать на Конвент. Но в конце апреля, когда он уже собирался отправиться в Филадельфию, держа больную руку на перевязи, его вдруг срочно вызвали во Фредериксберг вестью, что его мать и сестра при смерти. Тревога оказалась ложной, но Вашингтон действительно нашел мать сильно изменившейся: она страшно исхудала (у нее развился рак груди). Похоже, Джордж был не в курсе, что она так серьезно больна. Бетти поправилась, однако была поражена видом сильно постаревшего брата. В общем, семейная встреча оставила тяжелый осадок в душе каждого. К тому же

Вашингтон узнал, что лишился закадычного друга — 3 апреля в Англии скончался Джордж Уильям Фэрфакс.

На рассвете 9 мая 1787 года Джордж Вашингтон отправился навстречу судьбе в сопровождении верного Билли Ли и еще двух рабов — Джайлза и Париса. У него раскалывалась голова, да и желудок был расстроен — скорее всего, на нервной почве. Мало того что он не ждал ничего хорошего от Конвента, так еще и ума не мог приложить, где взять денег, чтобы расплатиться с долгами и свести концы с концами. Марта с ним не поехала; хватит, она уже помоталась по лагерям и чужим квартирам; не девочка уже, да и за детьми кто присмотрит?

От Честера до Филадельфии генерала провожали процессия из сановников и отряд легкой кавалерии. При въезде в город артиллерия дала 13 залпов, офицеры салютовали, звонили колокола. Несмотря на отвратительную погоду, восторженная толпа заполнила тротуары. Вашингтон вынул руку из повязки, и газета «Пенсильвания пакет» радовалась тому, что «наш старый и верный командующий предстал в расцвете здоровья и славы».

Вашингтон поселился у Роберта Морриса, а свой первый визит вежливости нанес достопочтенному Бенджамину Франклину. Старику было уже за восемьдесят, он тоже мечтал уйти на покой, но 18 октября 1785 года, вернувшись из Франции, был избран губернатором Пенсильвании. С Вашингтоном они не виделись с 1776 года. Франклин мучился от подагры и камней в почках, но ради гостя откупорил бочонок темного пива.

Конвент должен был открыться 14 мая, однако вовремя прибыли только делегации Виргинии и Пенсильвании, а для кворума требовалось присутствие представителей семи штатов. Коротая время, Вашингтон засыпал своего нового управляющего Джорджа

Огастина советами по ведению хозяйства. Попутно он разрешил проблему с Обществом Цинциннатов: вместо посещения собраний пообедал вместе с двумя десятками его членов, а 18 мая согласился на свое переизбрание председателем, дав понять, что будет лишь «свадебным генералом». Пока же он вращался в лучшем обществе и возобновил дружбу с богатым семейством Пауэлов, причем в большей степени не с Сэмюэлом, а с его супругой Элизабет — очаровательной, эрудированной и умной женщиной, правда, опечаленной недавней смертью двух своих сыновей.

Пунктуальная виргинская делегация заседала каждый день по два-три часа и выработала план будущего государственного устройства: три ветви власти, двухпалатный Конгресс с пропорциональным представительством. Мэдисон и Вашингтон, ратовавшие за сильную центральную власть, одержали победу в диспуте над Рэндольфом и Джорджем Мэйсоном. Наконец, в пятницу 25 мая кворум был обеспечен и Конвент открылся официально. Было решено, что Франклин выдвинет кандидатуру Вашингтона в председатели, но старик расхворался из-за сырой погоды и попросил сделать это Роберта Морриса. (Впоследствии Франклин всё-таки посещал заседания Конвента; его носили в паланкине четверо заключенных местной тюрьмы.) Вашингтон был избран единогласно, а секретарем стал майор Уильям Джексон, бывший штабист генерала Линкольна.

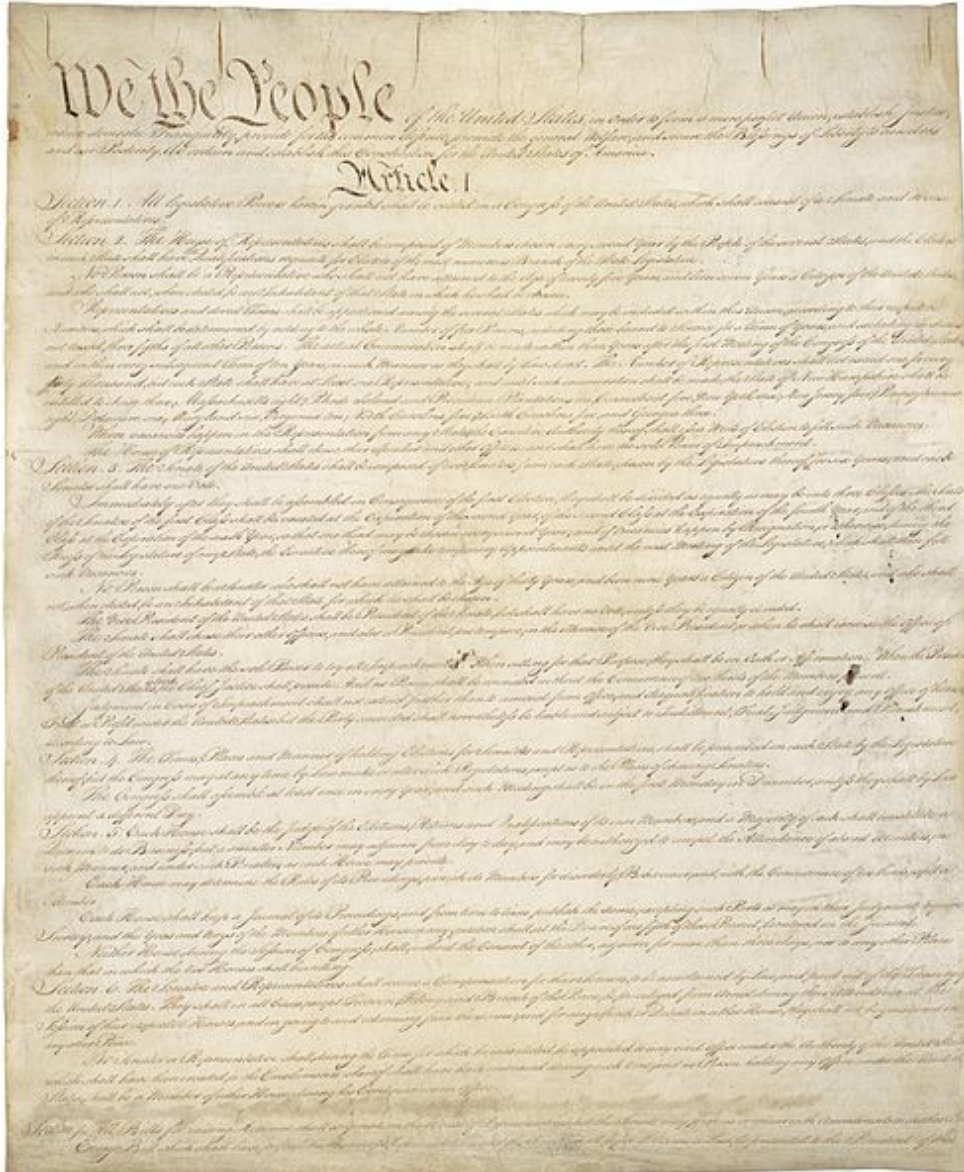
Председатель занял свое место на возвышении, где стоял деревянный стул с высокой спинкой, на которой было вырезано восходящее солнце. На нем был старый военный мундир. Он произнес небольшую речь, заявив, как и 12 лет назад, что не подходит для этой роли и просит заранее простить, если он с ней не справится. И работа началась.

Что бы Вашингтон ни говорил, он идеально подходил для роли председателя-спикера, обязанного сохранять нейтралитет. Само его присутствие внушало американцам уверенность в том, что делегаты заняты делом, а не подковерной борьбой. Вашингтон считал дебаты настолько важными и секретными, что даже в личном дневнике не намекал на их содержание, а однажды устроил строгий выговор легкомысленному депутату, оставившему листок с записями на столе.

Заседания продолжались каждый день с десяти утра до четырех пополудни, в остальное время делегаты были предоставлены самим себе. Вашингтону удавалось побыть одному лишь рано утром, во время верховых прогулок в компании раба Джэйлза. Куда бы он ни направился, его встречали, словно главу государства; толпы ходили за ним следом. В начале июня он уступил настойчивости генерала Миффлина и устроил смотр пехоте, кавалерии и артиллерии Филадельфии. Вашингтон был нарасхват: то он пил чай с депутатами в «Сити-Таверн» или «Индиан Куин», то обедал с членами американского ирландского общества Святого Патрика, то посещал анатомический музей, то позировал художникам. Оставаясь «над схваткой» во время работы, он и в быту не допускал никакой фамильярности. Однажды Александр Гамильтон предложил Гаверниру Моррису пари: он оплатит ужин для дюжины делегатов, если тот подойдет к Вашингтону, хлопнет по плечу и скажет: «Мой дорогой генерал, как я рад видеть вас в добром здравии!». Моррис попробовал — и сильно пожалел об этом: Вашингтон обернулся и молча смерил его ледяным взглядом. Впрочем, он сильно оживлялся, когда разговор касался интересных ему тем: однажды посетил мельницу на реке Скулкилл и замучил ее владельца вопросами, а будучи в гостях у Франклина, изучал

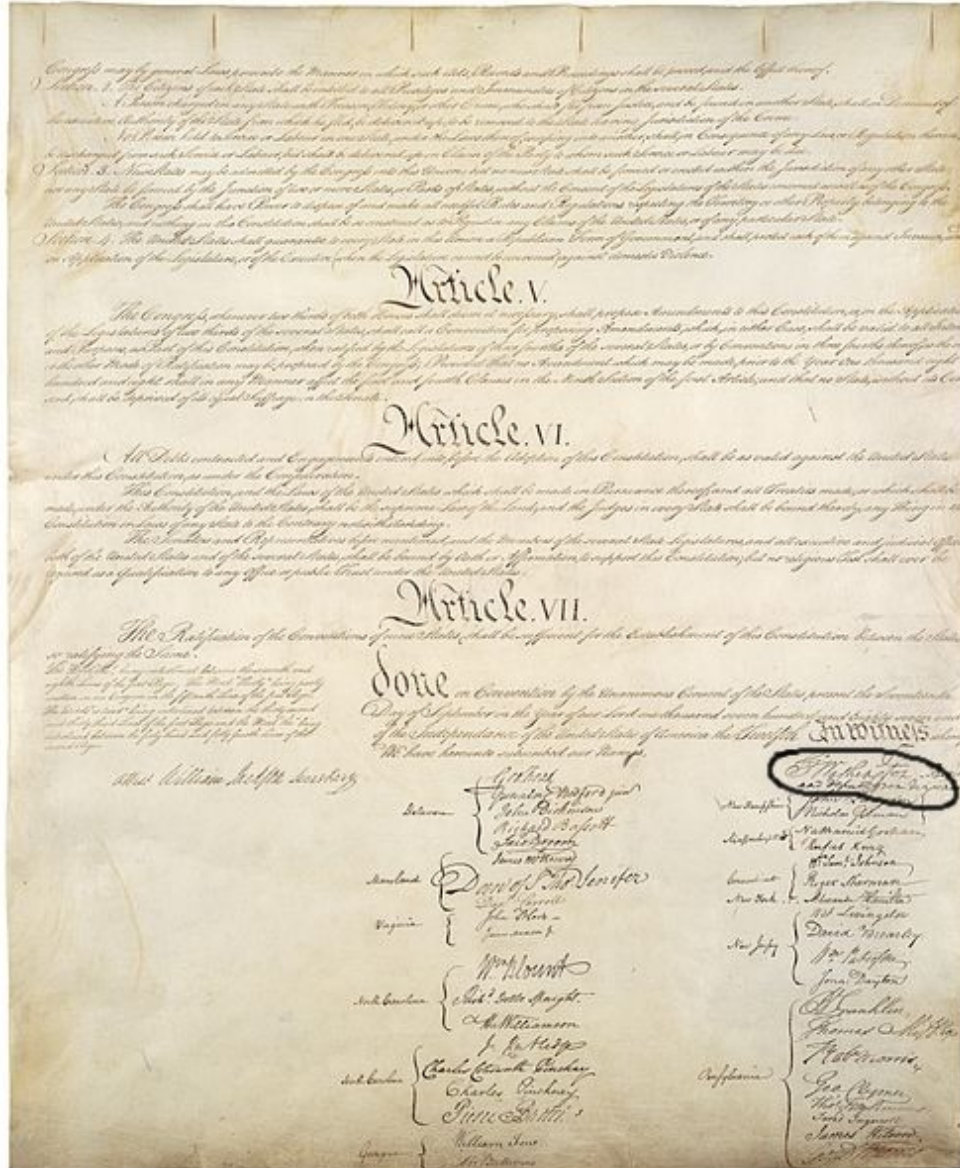
изобретенные хозяином механизмы и восхищался катком для отжима белья после стирки.

Начало работы Конвента было обнадеживающим: делегаты выказывали редкостное единодушие. Но со временем возникли и разногласия, в основном связанные с принципом представительства, так что июнь выдался жарким — и в прямом, и в переносном смысле. Джеймс Мэдисон выступал за прямые выборы палаты представителей на пропорциональной основе; его поддержали делегаты от густонаселенных штатов. Но Уильям Патерсон из Нью-Джерси выдвинул план равного представительства штатов в Конгрессе. Вашингтон не высказался по этому поводу, хотя поддерживал Мэдисона. Тогда Ганнинг Бедфорд из Делавэра выступил с пламенной тирадой против больших штатов, намекнув на отделение малых: «Есть иноземные державы, которые возьмут нас за руку». В начале июля Александр Гамильтон, временно возвратившийся в Нью-Йорк по делам, написал Вашингтону записку: «Боюсь, мы упустим золотую возможность спасти американскую империю от разобщения, анархии и страданий». Два оставшихся делегата от Нью-Йорка уехали 5 июля и больше не вернулись.

Первая страница Конституции США. 17 сентября 1787 г.

Последняя страница Конституции США с подписями членов Конституционного конвента. Обведена подпись Вашингтона

Это лишь утвердило Вашингтона в его убеждении, что стране жизненно необходима сильная центральная власть, способная возобладать над местечковым эгоизмом. Он умолял Гамильтона вернуться. В середине месяца пришли к неуклюжему компромиссу: малые

штаты получают равное представительство в сенате, а нижняя палата будет избираться по пропорциональной системе.

Не менее горячие споры разгорелись по поводу рабства. Некоторые делегаты с юга даже пригрозили покинуть Конвент, если кто-то станет покушаться на их традиции. Договорились, что в тексте конституции не будет термина «рабство». При определении размеров представительства $\frac{3}{5}$ рабов будут учитываться как население штата (рабы составляли 40 процентов населения Виргинии и 60 процентов населения Южной Каролины). В работорговлю никто не будет вмешиваться еще по меньшей мере 20 лет, а хозяева беглых рабов смогут получить их обратно даже из «свободных» штатов.

По поводу исполнительной власти единодушия также не наблюдалось. Идея о полномочном президенте, независимом от законодательного органа и способном накладывать вето на законы, кое-кому казалась еретической, попыткой насаждения монархии в новой упаковке. Бенджамин Франклин вообще предлагал учредить вместо президента небольшой исполнительный комитет. Весьма возможно, что первый президент окажется порядочным человеком, говорил он, но где гарантия, что его преемник не приберет к рукам всю власть? В результате за Конгрессом закрепили значительные полномочия, в том числе право объявлять войну.

Время шло, работа продвигалась с трудом, и Вашингтон порой позволял себе вставлять замечания, чтобы вывезти буксующий воз на торную дорогу. Например, когда один делегат предложил закрепить в конституции численность постоянной армии, ограничив ее тремя тысячами солдат, Вашингтон сухо заметил: уж конечно, никакая иностранная держава, решившая захватить США, никогда не выставит против нее больше

трех тысяч воинов. А когда решался вопрос о том, скольких людей должен представлять каждый член Конгресса, он высказался в пользу тридцати тысяч вместо сорока (так и решили). Зато он полагал, что большинство в Конгрессе, способное отменить президентское вето, должно составлять не менее чем три четверти, но в итоге остановились на двух третях.

«Командировка» сильно затянулась, Вашингтон томился. Дела в Маунт-Верноне всё никак не шли на лад: урожай пшеницы 1787 года погубили засуха и нашествие долгоносика. Однажды Вашингтон с Робертом Моррисом съездил на рыбалку и на обратном пути завел разговоры со встречными фермерами, выуживая у них информацию о выращивании гречихи. В указаниях Джорджу Огастину он настаивал на продолжении экспериментов с севооборотом, велел ему высевать новые злаки — пшеницу, ячмень, овес, рожь, гречиху, кукурузу, а также клевер, луговой ржанец, тыкву, картофель, репу и лен. Он не мог дожидаться окончания заседаний Конвента. Наконец 12 сентября делегатам раздали отпечатанные экземпляры текста Конституции США, и Вашингтон, разбирая его вместе со всеми, лично внес необходимые исправления. Он признавал, что документ несовершенен, но рассчитывал, что в ходе внесения поправок он будет улучшен. Главное — в стране, наконец, установится порядок, а значит, можно будет продать свои земли по достойной цене, а не по два доллара за акр, как ему предлагали. (Эти надежды не оправдались, и Вашингтону, чтобы расплатиться с долгами, пришлось продать 32,373 акра земли в Огайо.)

И вот в понедельник 17 сентября 1787 года была «единогласно» (из пятидесяти пяти делегатов к концу заседаний остались 42, а подписали документ 39 человек) принята Конституция США из семи статей: о полномочиях законодательной, исполнительной и

судебной властей; о равноправии штатов; о внесении поправок в Конституцию; о соотношении законодательства федерации и штатов и признании долгов; о ратификации Конституции. Документ одобрили 11 штатов; штат Нью-Йорк представлял один Гамильтон; Рэндольф и Мэйсон от Виргинии и Элбридж Джерри из Массачусетса подписывать отказались, Род-Айленд вообще бойкотировал Конвент. Мэйсон заявил, что новое правительство «выродится либо в монархию, либо в тираническую аристократию». Вашингтон воспринял его слова как личное оскорбление, и их тридцатилетней дружбе пришел конец.

Согласно последней статье, для вступления Конституции в силу было достаточно, чтобы ее ратифицировали специально созданные конвенты девяти штатов, хотя Бенджамин Франклин настаивал на ратификации всеми тринадцатью штатами: для всех или ни для кого; так что окончательного согласия достигнуть не удалось.

В последний день работы Конвента Франклин сказал нескольким делегатам, что раньше никак не мог понять, восходит или заходит солнце на спинке стула Вашингтона, а вот теперь видит, что всё-таки восходит. Все пошли в «Сити-Таверн» выпить «на посошок».

Восемнадцатого сентября Вашингтон пустился в обратный путь в своей карете, подновленной в Филадельфии (в окна вставили стеклянные окна, сделали латунные накладки, набили подушки для сидения, постелили на пол ковер). Он так спешил добраться до дома, что чуть не погиб: после проливных дождей реки разлились, но он не желал ждать, пока вода спадет, и решил ехать по старому прогнившему мосту. Одна из лошадей оступилась и сорвалась с моста, увлекая за собой другую, а вместе с ней и карету, в бурлящий поток. По счастью, находившиеся поблизости мельники обрубали постромки и предотвратили

несчастье. На закате 22 сентября карета въехала во двор перед усадьбой.

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ США

«Тринадцать лошадей, которым теперь предстоит бежать в одной упряжке, отличаются друг от друга породой и норовом. Они послушают Вашего голоса и покорятся Вашей руке. Поэтому Вы должны, именно *должны* сесть на облучок», — писал Гавернир Моррис Вашингтону 30 октября. «Прошу Вас, мой дорогой генерал, не уклоняйтесь от обязанностей президента в первые несколько лет. Только Вы сможете запустить эту политическую машину», — вторил ему Лафайет из Франции. Вашингтон и сам так думал, но не мог высказать своих мыслей вслух, опасаясь обвинений в честолюбии. Он предпочел действовать, как обычно: ждать, когда сами придут и предложат.

Свежеиспеченная Конституция, которую еще предстояло ратифицировать, вовсе не была повсеместно принята на ура. «Аналитиков» в особенности смущала атмосфера секретности, которой была окружена ее разработка. «Злой гений тьмы вызвал ее рождение; она явилась под покровом тайны», — писал в одной бостонской газете некто, скрывавшийся под псевдонимом Часовой. Вашингтон стал невольным орудием честолюбивых деспотов, которые прикрывались его именем, чтобы осуществить свои желания в ущерб нашим свободам. В нью-йоркской прессе началась целая кампания против предлагаемого государственного устройства. Сторонники губернатора Джорджа Клинтонна, опасавшегося усиления центральной власти, ополчились на ее сторонника Гамильтона, утверждая, что во время войны Вашингтон разглядел в нем карьериста и вышвырнул из своей свиты. Вашингтон откликнулся на просьбу Гамильтона восстановить его доброе имя и подтвердил в письме, что решение об

уходе принял сам Гамильтон. (Кстати, именно он активнее всех уговаривал Вашингтона стать первым президентом, надеясь под его руководством получить важный пост.)

В конце октября начал выходить журнал «Федералист»; Гамильтон опубликовал в нем свое эссе о конституции под псевдонимом «Публий» и отослал экземпляр Вашингтону. В ноябре Мэдисон прислал ему первые семь номеров журнала, признавшись, что является одним из авторов, и попросил распространить среди влиятельных виргинцев, которые могли бы их перепечатать. Вашингтон передал эти и все последующие выпуски в Ричмонд Дэвиду Стюарту. Кто такой Публий, он и сам догадался, но даже не представлял себе, что третьим соавтором был Джон Джей.

Первым Конституцию США ратифицировал Делавер — 7 декабря 1787 года. После ожесточенных споров в местных конвентах к середине января она была утверждена в Пенсильвании, Нью-Джерси, Джорджии и Коннектикуте. Наибольшее сопротивление со стороны антифедералистов ожидалось в Нью-Йорке, а также в Виргинии — самом большом, богатом и густонаселенном штате. Вашингтон опасался, что демагогия Джорджа Мэйсона, Эдмунда Рэндольфа и Патрика Генри возобладает над здравым смыслом, а потому строчил им письма, стараясь склонить на свою сторону. Он знал, что на почте письма часто вскрывают, и надеялся, что благодаря этому его мнение станет известно всему свету.

Зима 1787/88 года выдалась особенно холодной: Потомак замерз на пять недель, а все дороги завалило снегом. Мороз держался на отметке минус десять, и Вашингтон предпочитал сидеть дома. Однако рабы целую неделю пилили лед на реке и складывали в ледник. 3 января температура упала до минус 25, но

чернокожие женщины выкорчевывали пни и потом рыхлили землю, чтобы по весне засеять этот участок злаками и травой, лушили горох, сооружали изгороди. 6 февраля Вашингтон даже раньше обычного вернулся с объезда, потому что замерз; землю покрывал слой снега в девять дюймов, но все полевые работники были при деле. Жестокосердие? Чрезмерно разросшаяся живая собственность тяготила Вашингтона, не имевшего возможности от нее избавиться: ему пришлось принять еще 33 невольника в уплату долга.

По мере ратификации Конституции на повестку дня встал вопрос о кандидатуре будущего президента. В марте «Массачусетс сентинел» прямо назвал Вашингтона, приведя в числе аргументов в его пользу и такой: у него нет сына, а значит, стране не грозит опасность наследственной монархии. Джон Адамс радовался тому, что у Вашингтона и дочери нет, иначе от венценосных европейских женихов не было бы отбоя. Но если Виргиния не одобрит Конституцию, Вашингтон не сможет баллотироваться в президенты. Федералисты Массачусетса, где должен был состояться Шестой Ратификационный конвент, обещали Джону Хэнкоку, что поддержат его кандидатуру на пост вице-президента, если президентом станет Вашингтон; если же тот сойдет с дистанции, то президентом быть самому Хэнкоку.

К маю Конституцию ратифицировали Массачусетс, Мэриленд и Южная Каролина; для кворума не хватало всего одного штата.

В это время Вашингтон вел упорные бои со своими заклятыми врагами — долгами.

Он не заплатил налоги со своих западных земель за 1785, 1786 и 1787 годы. Он пытался рассчитаться векселями под табак и долговыми расписками, которые ему выдали в начале революции за поставку товаров для ополчения графства Фэрфакс. Разумеется, эти бумажки

теперь никто не принимал, что привело Вашингтона в бешенство. Военные заслуги «спасителя Отечества» не стоили ломаного гроша. Шериф графства Гринбрир пригрозил продать его земли с молотка уже в июне, если деньги не будут внесены. Шериф графства Фэрфакс трижды наведывался в Маунт-Вернон за неуплаченными налогами — и его трижды выставили за дверь.

К началу июня Вашингтон погасил этот долг, но не смог вздохнуть с облегчением. Над его плантациями словно тяготел злой рок: тучи слетались со всей Виргинии, чтобы пролиться дождем именно здесь, затопив все посевы. Но он не сдавался и продолжал внедрять научный подход: начал строить двухэтажное хранилище в сотню футов длиной (там надлежало складировать кирпичи, доски и дранку, изготовлявшиеся в поместье), а также амбар для сена и овощей. Для Виргинии это были новшества — здесь не привыкли запасать фураж для скота и хранить картофель.

Вашингтон скрещивал подаренных ослов с приобретенными в Южной Америке ослицами. Один из родившихся самцов, получивший кличку Смесь, сочетал в себе внушительные размеры Королевского подарка и взрывной характер Мальтийского рыцаря. Его задачей было поставлять мулов. Вашингтон рекламировал своих производителей в газетах и даже выставил их на обозрение по случаю выборов в Генеральную ассамблею Мэриленда. К концу столетия в Маунт-Верноне жили уже 58 мулов и только 25 лошадей.

Пока всеобщее внимание было приковано к Виргинскому ратификационному конвенту, Джордж находился у одра больной матери во Фредериксберге. А между тем Мэдисон выступил с потрясающей речью в защиту Конституции, которая произвела неизгладимое впечатление на Бушрода Вашингтона, племянника генерала. Губернатору Рэндольфу пришлось сдаться и

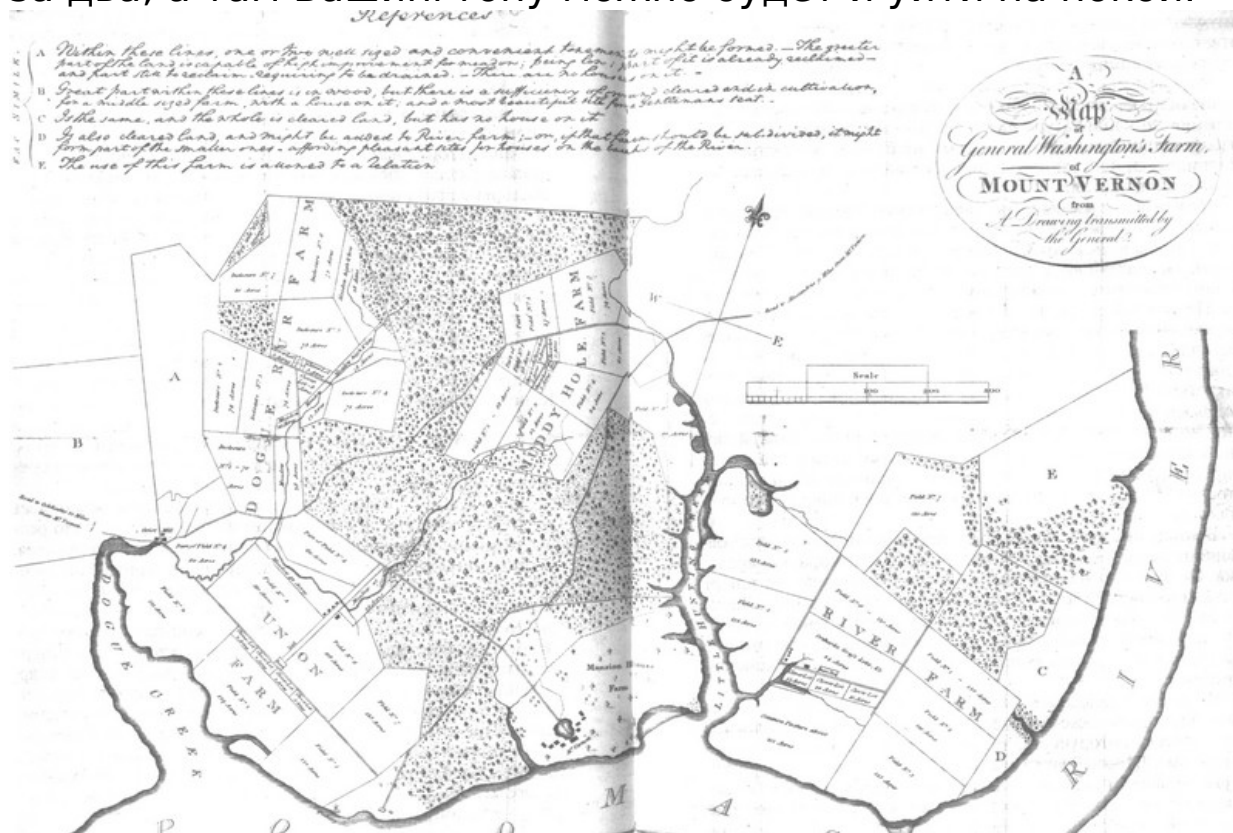
примкнуть к федералистам из страха, что Виргиния будет подвергнута остракизму, если не примет Конституцию. Голосование оказалось в пользу Конституции с перевесом всего в десять голосов. Делегаты Виргинии еще не знали, что четырьмя днями ранее Основной закон был принят в Нью-Хэмпшире.

Вашингтон узнал обе новости только 28 июня: в Александрии сверкала иллюминация, палили из пушек. Генерала пригласили на праздничный обед, за несколько миль от города его встретили верхом «почетные представители» с ротой легкой кавалерии и сопровождали в таверну. 3 июля в Маунт-Вернон приехал измученный, но торжествующий Мэдисон и прожил там четыре дня, чтобы восстановить силы. Гость и хозяин запирались в кабинете и часами обсуждали детали будущего государственного устройства.

В Нью-Йорке две трети Конвента изначально выступали против ратификации; Гамильтон сумел переубедить многих депутатов, и 27 июля конвент Нью-Йорка ратифицировал Конституцию США с перевесом в три голоса и с рекомендацией принять Билль о правах. Аналогичные рекомендации были приняты в Массачусетсе и некоторых других штатах. 13 сентября 1788 года Континентальный конгресс принял резолюцию о введении Конституции США в действие.

Теперь за событиями в Америке внимательно следил весь мир. Со времен Древнего Рима нигде и никогда не было республиканского правления. Поглядим, что у них получится. Вашингтон понимал, как важно сразу задать верный тон. «Кораблекрушение в виду порта стало бы тяжелейшим из всех возможных наших несчастий», — писал он Мэдисону 23 сентября. Когда очередной гость Маунт-Вернона начинал задавать наводящие вопросы по поводу согласия генерала стать первым президентом, Вашингтон всегда отвечал, что уже стар, немощен и не хочет менять деревенское уединение на публичную

жизнь. Однако в потаенных мыслях он стремился к этому посту. Правда, он не намеревался быть президентом весь четырехлетний срок: из его переписки с Гамильтоном в начале октября ясно видно, что оба надеялись наладить работу нового правительства года за два, а там Вашингтону можно будет и уйти на покой.

План поместья Маунт-Вернон. 1801 г.

Всякое важное решение давалось Вашингтону лишь после мучительных сомнений и колебаний. Вторая статья Конституции весьма расплывчато толковала права и обязанности президента. «Я словно вступаю в неведомое место, окутанное со всех сторон облаками и мраком», — писал Вашингтон Бенджамину Линкольну 26 октября. Если он станет президентом, ему уже не удастся сохранять нейтралитет. И потом — такая

ответственность! Какая память останется о нем у потомков? А что скажут в мире?

Впрочем, на долгие раздумья не было времени: Конгресс назначил избрание выборщиков на январь 1789 года, а голосование по кандидатуре президента — на февраль. Никакой избирательной кампании, по сути, не было — к счастью для Вашингтона, неважного оратора, боявшегося публичных выступлений как огня.

Поэтому уже в январе он озаботился составлением вступительной речи (хотя в Конституции о ней не упоминалось), поручив это дело Дэвиду Хамфрису. Тот исписал целых 73 страницы. Вначале шли долгие оправдания по поводу согласия Вашингтона стать президентом, словно его в чем-то упрекали. Нет, он пошел на это не из корысти или желания основать новую династию (он же бездетен), а чтобы утвердить «правление, при котором вся власть исходит и возвращается к народу» через законы, издаваемые и исполняемые его представителями. Американцы покажут всему миру достойный пример для подражания, «человечество отречется от абсурдного положения, когда большинство существует ради меньшинства, и люди не пожелают оставаться рабами в одной части света, когда в другой они смогли стать свободны». Копию речи Вашингтон отослал Мэдисону, который ее забраковал и написал другую — коротко и по делу.

В конце января Сэмюэл Пауэл сообщил Вашингтону сногшибательную новость: похоже, британский король сошел с ума. Подозрения на этот счет возникали и раньше, но теперь все сомнения рассеялись. В феврале пришло письмо из Парижа от Гавернира Морриса, сообщавшего пикантные подробности: повредившись в уме, король «воображает себя не кем иным, как Джорджем Вашингтоном во главе американской армии».

Четвертого февраля 1789 года состоялось голосование. Все 69 выборщиков, даже

антифедералисты, отдали свои голоса за Вашингтона, который стал первым — и единственным — президентом США, избранным единогласно.

По правилам у каждого выборщика было два голоса, он мог проголосовать за двух претендентов. Кандидат, набравший большинство голосов, становился президентом, а занявший второе место — вице-президентом. За пост вице-президента развернулась ожесточенная борьба между Джоном Адамсом и Джоном Хэнкоком. Вашингтон сохранял нейтралитет, хотя предпочел бы работать с Адамсом. Гамильтон решил подстраховаться: опасаясь, что антифедералисты воздержатся от голосования и Вашингтон упустит победу, он подговорил нескольких выборщиков не голосовать за вице-президента. Его страхи оказались сильно преувеличенными: за Адамса было подано всего 34 голоса.

В Маунт-Вернон сразу хлынул поток льстивых писем от соискателей должностей. А избранный президент между тем бился как рыба об лед, пытаясь свести концы с концами: прошлый год опять выдался неурожайным, деньги из должников приходилось выколачивать через суд, продать земли по достойной цене не удавалось. В отчаянии Вашингтон решился на беспрецедентный шаг: занял у капитана Ричарда Конвея из Александрии 500 фунтов под шесть процентов годовых. Получив эту сумму в начале марта, он через два дня попросил еще столько же — «для покрытия расходов на дорогу до Нью-Йорка (ставшего временной столицей США. — *Е. Г.*), если я туда поеду». У президента не было денег на то, чтобы присутствовать на собственной инаугурации! А ведь ему еще придется содержать свою новую резиденцию... И несмотря на такие затруднения, он попытался отказаться от вознаграждения за свою службу, как при избрании главнокомандующим! Правда, Конгресс настоял на том, чтобы президент получал свои

25 тысяч долларов в год (вице-президенту было назначено содержание в пять тысяч, госсекретарю и министру финансов — по три с половиной тысячи).

Конгресс нового созыва должен был собраться 4 марта, однако сессию пришлось отложить на месяц: дороги развезло, и депутаты просто не могли проехать. Вашингтон тоже не двигался с места до объявления официальных результатов подсчета голосов. Он писал подробные инструкции племяннику Джорджу Огастину, который должен был управлять Маунт-Верноном в его отсутствие и присылать ему подробные еженедельные отчеты, и решал «кадровые вопросы». У Вашингтона было тяжело на душе: он боялся, что по возвращении найдет усадьбу в таком же заброшенном состоянии, как по приезде с войны.

Шестого апреля Конгресс официально объявил Вашингтона первым президентом США и на следующий день отправил с этой вестью в Маунт-Вернон своего секретаря Чарлза Томсона — высокого, исполненного достоинства ирландца, известного своими трудами по математике и астрономии. Он глубоко почитал Вашингтона — «спасителя и отца Отечества», а тот, знавший его по Континентальному конгрессу, уважал Томсона как патриота и верного слугу народа.

Путь занял целую неделю: погода была отвратительная, дороги — еще хуже, к тому же нужно было переправляться через несколько широких рек. Наконец в полдень 14 апреля ворота Маунт-Вернона распахнулись перед долгожданным вестником, и Вашингтон обнял его на крыльце. Затем каждый зачитал заранее подготовленный текст. Томсон по поручению сената объявил об избрании Вашингтона президентом и прочитал вслух письмо сенатора Джона Лэнгдона, временно исполняющего обязанности главы государства. Вашингтон ответил: «Хотя я осознаю, как тяжелы возложенные на меня обязанности, и

чувствую себя неспособным их исправлять, я надеюсь, что причин пожалеть о сем выборе не возникнет. Могу обещать лишь то, чего можно добиться честным усердием».

Два дня спустя Вашингтон с Томсоном и Дэвидом Хамфрисом уселся в карету и отправился в путь. «Около десяти часов я простился с Маунт-Верноном, с частной жизнью и домашним счастьем и, одолеваемый тревожными и горестными думами, для выражения коих мне не найти слов, отправился в Нью-Йорк... с твердым намерением оказать услугу моей стране, повинаясь ее призыву, но с меньшей надеждой отвечать ее ожиданиям», — записал он в дневнике. Марта сокрушенно махала ему вслед платком. «Я думаю, ему уже слишком поздно возвращаться к общественной жизни, — сказала она племяннику, — но этого нельзя было избежать. В доме всё опять пойдет кувырком, поскольку мне вскоре придется последовать за ним».

Вознамерившись ехать как можно быстрее, Вашингтон каждый день отправлялся в путь на рассвете, но чествований избежать не удалось. Александрия отстояла от Маунт-Вернона всего на десять миль, однако там президента уже ждал торжественный обед от имени горожан с неизбывными тринадцатью тостами. В Уилмингтоне, столице штата Делавэр, он выступил с речью о пользе развития отечественных мануфактур. На подступах к Филадельфии его встретили местные сановники и просили сесть верхом на белого коня для торжественного въезда в город.

На мосту через реку Скулкилл президента оплели гирляндами из ветвей лавра и вечнозеленых растений, а мальчик, изображавший ангелочка, с помощью подъемной машины водрузил ему на голову лавровый венок. 20 тысяч человек высыпали на улицы, облепили окна и кричали «Да здравствует Джордж Вашингтон!», когда он проезжал во главе процессии, раскланиваясь в

обе стороны. На следующее утро к дому, где он заночевал, явилась рота легкой кавалерии, чтобы сопровождать его в Трентон, но оказалось, что Вашингтон уже с час как уехал, чтобы избежать излишней помпы.

Mount Vernon April 14th 1789.

Sir;

I had the honor to receive your Official communication by the hand of Mr Secretary Thompson, about one o'clock this day. - Having concluded to obey the important & flattering call of my Country, and having been impressed with an idea of the expediency of my being with Congress at as early a period as possible: I propose to commence my journey on Thursday morning which will be the day after to morrow. -

I have the honor to be
with sentiments of esteem
his

Your most obed^t serv^t

Geo Washington

The Honble
Genl Landon Esqr

Ответ Вашингтона на официальное уведомление Конгресса об избрании его президентом США. 14 апреля 1789 г.

В Трентоне жители соорудили великолепную триумфальную арку, увенчанную надписью: «26 декабря 1776 года. Защитники матерей защитят и дочерей». При приближении Вашингтона 13 юных девушек в белоснежных одеждах и с корзинами цветов вышли вперед и бросали лепестки под ноги его коня. Вашингтон низко кланялся, с трудом удерживая слезы. Затем три группы женщин — девочки, девушки и замужние дамы — исполнили оду о том, как он спас непорочных дев и матерей семейств.

Одновременно тем же путем двигался другой экипаж, на который не обращали столько внимания: Билли Ли непременно желал присутствовать на инаугурации своего хозяина и служить ему в Нью-Йорке. Он хромал на обе ноги, и Вашингтон хотел отговорить его от поездки, но в конце концов уступил и поручил его заботам Тобайаса Лира.

Когда Лир и Ли прибыли в Филадельфию (19 апреля), у верного раба воспалились оба колена, причиняя невыносимую боль. Лир оставил его под присмотром опытного врача, а сам поехал дальше. Лечение затянулось на целый месяц, и лишь после приобретения дорогостоящего стального костыля Ли смог ходить, хотя и с трудом.

Вашингтон заранее написал губернатору Нью-Йорка Джорджу Клинтону, прося избавить его от ненужных торжеств; но когда 23 апреля он приблизился к Элизабеттауну, его уже дожидались три сенатора, пять конгрессменов и три местных чиновника. У пристани, сверкая свежей краской, стояла особая президентская баржа, сооруженная в честь Вашингтона, с красным балдахином на корме для защиты от непогоды. На веслах сидели 13 гребцов в белой униформе.

Когда баржа вошла в Гудзон, Вашингтон увидел, что манхэттенский берег черен от народа, явившегося его встречать. Суда, стоявшие на якоре в гавани, были

украшены флагами. Со стороны Нью-Джерси за баржей следовала целая флотилия из лодок; на одной из них возвышалась внушительная фигура Генри Нокса, а в некоторых других были музыканты и певицы, выводившие рулады в честь Вашингтона. У причала, находившегося в начале Уолл-стрит, баржу поджидали губернатор Клинтон, майор Джеймс Дуэйн, Джеймс Мэдисон и др. Командир военного эскорта выступил вперед и объявил Вашингтону, что ожидает его приказаний. «Сегодня я буду поступать, как назначено, — ответил тот, — но когда всё это кончится, я надеюсь, что вы больше не станете утруждать, поскольку любовь моих сограждан — единственная защита, какая мне нужна».

В тот же день сенат назначил комитет, который должен был придумать подходящую формулу обращения к президенту. Вице-президент Адамс считал, что для поддержания чести и достоинства президента необходим титул сродни королевскому. В конце концов предложили такой вариант: «Его высочество президент Соединенных Штатов Америки и защитник их свобод». Вашингтон сделал выбор в пользу более простого: «президент Соединенных Штатов».

Нью-Йорк еще не оправился после пожара и разрушений. Обгоревшие остовы домов дожидались сноса, деревья были срублены на дрова, улицы заросли травой. Оживленнее всего было в портовых кварталах, где как грибы росли таверны (их было около четырех сотен) и дома разврата. Вместе с тем Нью-Йорк был вторым по величине городом в США, и по улицам с кучами конского навоза и разного сора разъезжали богатые кареты. Деловой хваткой Нью-Йорк затмевал Филадельфию, однако всякому было ясно, что исполнять обязанности столицы он может только временно. Даже к такому важному событию, как инаугурация первого президента, готовились впопыхах, в авральном режиме.

Вице-президент Адамс прибыл в город прежде Вашингтона, и оказалось, что Конгресс не подготовил для него квартиры; несколько недель Адамс жил у Джона Джея. Вашингтону повезло больше: за неделю до его приезда Сэмюэл Осгуд согласился уступить для временной президентской резиденции свой дом 3 по Черри-стрит (возле нынешнего Бруклинского моста) — красивое трехэтажное здание с высоким крыльцом и балюстрадой вдоль крыши, с семью каминами. Каждая комната была изящно меблирована, стены на первом и втором этажах оклеены бумажными обоями, полы покрыты турецкими и уилтонскими коврами — просто дворец! Провожаемый густой толпой, Вашингтон торжественно въехал в свою резиденцию 23 апреля. В тот же день Георг III неожиданно оправился от душевной болезни; в соборе Святого Павла отслужили благодарственный молебен.

Инаугурация состоялась 30 апреля 1789 года в здании городского совета, на углу Уолл-стрит и Нассау-стрит. С сентября предыдущего года французский инженер Пьер Шарль Ланфан переделывал его под Федерал-холл (Зал Федерации) — резиденцию Конгресса: добавил крытую аркаду и балкон под треугольным фронтоном на втором этаже. Палата представителей должна была заседать на первом этаже, в восьмиугольном помещении с высокими потолками, куда был открыт доступ посетителям, сенат же собирался на втором этаже, закрытом для посторонних. Потолок в зале сената был расписан узором из тринадцати звезд и солнц. Две сотни рабочих в пожарном порядке заканчивали отделку; на фронтон водрузили орла, на бело-синий купол — флюгер^[32].

Вашингтон всегда был внимателен к мелочам, но теперь особенно, поскольку каждый его поступок становился прецедентом. Он решил не надевать генеральский мундир, чтобы в его приходе к власти не

было никакого намека на военный переворот, но облачился в двубортный коричневый сюртук из тонкого сукна, сотканного на мануфактуре в Хартфорде, штат Коннектикут. На позолоченных пуговицах был изображен орел. Костюм дополняли белые чулки, туфли с серебряными пряжками и желтые перчатки. Вашингтон припудрил волосы и прицепил сбоку шпагу в стальных ножнах.

Всё утро в городе раздавался звон колоколов и шли молебны. После полудня к резиденции Вашингтона на Черри-стрит подъехал отряд кавалерии, а за ним — кортеж из карет законодателей. Президент, сопровождаемый Дэвидом Хамфрисом и Тобайасом Лиром, уселся в предназначенную для него карету, за которой следовали зарубежные сановники и ликующие толпы. Процессия медленно продвигалась по узким улочкам Манхэттена. Возле Федерал-холла Вашингтон вышел, проследовал сквозь двойной ряд солдат и поднялся в зал сената, где его ожидали конгрессмены. Войдя, он поклонился обеим палатам и занял место впереди. Вице-президент Адамс, возглавлявший сенат, поднялся и подошел к нему.

— Сэр, — сказал он, — сенат и палата представителей готовы сопровождать вас для принятия присяги, как того требует Конституция.

— Я готов, — ответил Вашингтон.

Он вышел на балкон, и плотная толпа, заполнившая Уолл-стрит и Брод-стрит, а также крыши окрестных домов, издала неясный гул. Присяга должна была пройти у всех на виду, чтобы подчеркнуть суверенные права народа. Вашингтон прижал руку к сердцу и несколько раз поклонился.

В это самое утро у комитета Конгресса по организации инаугурации родилась идея, чтобы президент приносил присягу на Библии. Поднялась суматоха: где найти подходящую? На помощь пришла

масонская ложа Святого Иоанна, предоставившая внушительный фолиант в коричневом кожаном переплете, на алой бархатной подушке. Президентскую клятву принимал Роберт Ливингстон — канцлер Нью-Йорка и Великий мастер Великой ложи Нью-Йорка. Руководил церемонией генерал Джейкоб Мортон, тоже масон. Явно волнуясь, Вашингтон произнес: «Я торжественно клянусь, что буду добросовестно исполнять должность президента Соединенных Штатов и по мере своих сил поддерживать, охранять и защищать Конституцию Соединенных Штатов», наклонился и поцеловал Библию. Сиплый голос президента был едва слышен, поэтому Ливингстон громко объявил толпе: «Свершилось! Да здравствует Джордж Вашингтон, президент Соединенных Штатов!» Собравшиеся ответили криками «ура!» и затянули «Боже, храни Вашингтона!».

Президент вернулся в зал сената. При его появлении члены Конгресса встали, а после его поклона сели снова (в Англии члены палаты общин были обязаны стоять во время речи короля). Вашингтон начал читать свою речь — невнятно, иногда сбиваясь. Он так нервничал, что сунул левую руку в карман, а страницы переворачивал сильно дрожавшей правой рукой. Выразив опасения, что он не подходит для столь ответственной должности, не имея опыта работы в гражданской администрации и не обладая крепким здоровьем, он обозначил основные направления своей будущей деятельности, главной целью которой должно было стать обеспечение национального единства. Затем он возглавил процессию депутатов по Бродвею в церковь Святого Павла и только после службы получил возможность немного отдохнуть.

Ночью весь Манхэттен сиял огнями иллюминации. В темном небе целых два часа пылали огненные картины и рассыпались искрами шутихи фейерверка. Во многих окнах были выставлены подсвеченные прозрачные

портреты президента. Раньше в Америке так встречали новых губернаторов, присланных королем.

Казалось, весь Нью-Йорк не спал в эту ночь. Вашингтон с двумя секретарями с большим трудом пробился сквозь толпу к себе на Черри-стрит. Пришлось идти пешком, потому что карете было не проехать. Марта задерживалась в Маунт-Верноне, поэтому бал по случаю инаугурации перенесли на неделю.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КОРОЛЬ

Через несколько дней после инаугурации Вашингтон написал Джорджу Огастину, настоятельно прося ускорить отъезд его тетушки в столицу, где ее очень ждут. В бальной зале в Доме собраний на Бродвее даже установили специальный диванчик на возвышении для президентской четы, но было ясно, что к балу, назначенному на 7 мая, Марта не успеет.

Президент по-прежнему был объектом повышенного внимания, каждый его шаг подробно обсуждался, поэтому нужно было принимать во внимание любую мелочь, ведь он устанавливал норму поведения для всех последующих глав государства.

В Конституции были перечислены его права и обязанности, но никак не способы, какими их надлежало исполнять. По своему обыкновению Вашингтон обратился за советом к разным людям — Адамсу, Мэдисону, Гамильтону, Джею, Ливингстону: нужно придумать какой-то механизм, запустить его, а уж там дело пойдет само собой. Президента осаждали посетители, пришедшие по делу и без дела, его приглашали на самые разные мероприятия. Куда он может пойти, а где появляться не следует? Как избавиться от докучливых просителей и при этом не прослыть гордецом? Как, наконец, организовать работу?

Гамильтон посоветовал ввести для посетителей еженедельный прием, наподобие королевского, а также официальные обеды с небольшими группами законодателей, за которыми можно было бы обсуждать государственные вопросы и назначения на должности. Приглашения на частные обеды лучше отвергать и держать дистанцию.

Вашингтона это вполне устраивало: он не любил светской жизни, тяготился обществом незнакомых людей, поэтому ограничил свои выходы в свет строгим минимумом. Так, 11 мая он смотрел в театре на Джон-стрит одну из своих любимых пьес — «Школу злословия» Шеридана. Когда Вашингтон узнал от директора театра, что представление обычно начинается в семь вечера, однако можно задержать начало до его приезда, то заверил, что ждать никому не придется, и явился ровно в семь.

В газетах объявили, что приемы на Черри-стрит будут проводиться по вторникам в три часа пополудни; в другие же дни просят президенту не докучать. Посетителям необходимо было иметь при себе рекомендательное письмо.

Прибывших на прием приветствовали секретари — Хамфрис, Лир, майор Уильям Джексон или Томас Нельсон-младший, сын губернатора Виргинии — и помогали выйти из экипажа. Ровно в три часа двери столовой распахивались и Вашингтон встречал посетителей, стоя у камина в величественной позе. На нем был костюм из черного бархата, на руках — желтые перчатки, волосы стянуты в хвост и напудрены. Ровно в четверть четвертого двери закрывались, и те, кто не успел войти, на прием уже не попадали. Лишнюю мебель из комнаты вынесли, чтобы было больше места. В последнее время Вашингтон начал глохнуть, зато у него была прекрасная память на имена, поэтому Дэвид Хамфрис громким голосом объявлял гостей. В самый первый раз Хамфрис так помпезно произнес имя самого президента, что тот неодобрительно покосился на него.

Гости подходили по одному, обменивались поклонами с Вашингтоном и становились в круг. Рукопожатий не было — Вашингтон клал одну руку на эфес шпаги, а в другой держал треуголку с кокардой и черным пером. Медленно обходя по кругу посетителей,

он успевал поговорить с каждым, а затем возвращался на свое место у камина. После этого всё повторялось в обратном порядке: гости по очереди раскланивались и уходили. В четыре часа прием заканчивался.

Четырнадцатого мая в Маунт-Вернон прибыл еще один племянник Вашингтона, девятнадцатилетний Роберт Льюис, чтобы сопроводить первую леди в Нью-Йорк. Оказалось, что к отъезду еще ничего не готово. Марта руководила укладкой вещей, в доме стоял дым коромыслом. Только через день дорожными сундуками набили фургон, а Марта с Нелли и Вашиком погрузилась в карету и отправилась в путь в сопровождении шести рабов. Остальные всячески выражали свое огорчение от расставания с госпожой. На подъезде к Филадельфии ее встретили глава городской администрации и кавалерийский отряд почетного караула. Наконец 27 мая она достигла Элизабеттауна, где ее встречал супруг, и повторилась та же церемония, что и месяц назад. Малыш Вашик пришел в восторг от поездки на барже и от парада, а Нелли часами простаивала у окна на Черри-стрит, разглядывая проезжающие нарядные экипажи.

В президентской резиденции теперь проживало 30 человек; три секретаря — Хамфрис, Нельсон и Льюис — спали в одной комнате на третьем этаже. Хамфрис тогда писал пьесу и по ночам расхаживал по холлу в ночной рубашке, декламируя стихи.

Всего через день после приезда Марте пришлось устроить ужин в честь руководства Конгресса, а еще через день она давала прием для всего нью-йоркского общества (ее согласия никто не спрашивал). «У меня нет ни получаса времени для себя самой с самого дня приезда», — жаловалась бедняжка в письме Фанни Бассет. Привыкшая одеваться просто, Марта теперь должна была следовать моде (по примеру супруга она заказала для себя ткани отечественного производства),

к тому же ее седые волосы каждый день укладывали в новую прическу. Возможно, женщина помоложе была бы рада поменяться с ней местами, но Марту всё это тяготило. Однако она не подавала виду и по-прежнему была радушна и приветлива с многочисленными гостями. Зрение начало ее подводить, зато зубы были не так плохи, как у супруга, позволяя улыбаться.

Однако улыбка довольно быстро исчезла с ее лица: в середине июня у Джорджа поднялась температура, а на бедре образовалась и стала быстро увеличиваться опухоль, причинявшая такую боль, что он не мог сидеть. Супругов пронзило воспоминание: четыре года назад точно такие же симптомы возникли у одного из надсмотрщиков, и он истаял как свечка.

К президенту призвали доктора Сэмюэла Барда, который сильно встревожился и несколько дней не отходил от постели высокопоставленного пациента. «Я не боюсь смерти и готов услышать худшее, — сказал ему Вашингтон. — Сегодня или через 20 лет — какая разница? Я знаю, что я в руках Провидения». Но его окружению было не всё равно, сегодня или через 20 лет. Президента только что избрали! Новость о его болезни тщательно скрывали, и обыватели могли догадаться, что что-то не так, лишь по косвенным признакам: движение по Черри-стрит перекрыли, а перед резиденцией разбросали солому, чтобы гасить звук шагов.

Семнадцатого июня доктор Бард решился на операцию, попросив присутствовать при ней своего отца, опытного хирурга, который сам из-за возраста уже не брал в руки скальпель. Наркоза в те времена не было, но Вашингтон стоически переносил дикую боль. Когда Бард-младший вскрыл карбункул, отец велел ему резать глубже — «видишь, как хорошо он терпит!».

Четыре недели после операции Вашингтон был прикован к постели. Его карету переделали внутри, чтобы он мог в ней лежать; четверо слуг заносили его

туда на носилках, и каждый день он вместе с супругой совершал часовые прогулки по городу, чтобы подышать свежим воздухом. «Рад сообщить Вам, что здоровье мое восстановилось, — писал он 3 июля Джеймсу Мак Генри, — но я еще очень слаб...» Однако на следующий день, в годовщину принятия Декларации независимости, на Черри-стрит явились барон фон Штойбен и Александр Гамильтон — президент и вице-президент Нью-Йоркского общества Цинциннатов, — перед тем как отправиться в церковь Святого Павла, где Гамильтон должен был произнести речь в честь Натанаэля Грина. В память о друге Вашингтон заставил себя подняться с постели и встречал гостей на пороге — в мундире и при всех регалиях.

Жизнь понемногу возвращалась в прежнее русло, президент возобновил исполнение своих церемониальных обязанностей. Каждый второй четверг Вашингтоны устраивали официальный обед. Список гостей всякий раз обновлялся: президент стремился соблюсти равновесие между депутатами от северных и южных штатов. Садились за стол ровно в четыре, опоздания не допускались: повар ориентируется по часам, объяснял Вашингтон. Джордж и Марта сидели в середине стола, друг против друга, а по обоим его концам — Тобайас Лир и Роберт Льюис. Подавали несколько перемен блюд — рыбу, мясо, ветчину, птицу — и несколько десертов — мороженое, желе, пироги, пудинги, фрукты. Вашингтон выпивал пинту пива и два-три бокала вина, что помогало ему расслабиться. Но обычно эти обеды были чопорно скучны и не сопровождались оживленной беседой. Причина крылась в прогрессирующей глухоте Вашингтона, которую он хотел скрыть от посторонних. Он мог притвориться, будто понимает, о чем идет разговор, не вступая в него, но был не в состоянии сам вести диалог, поскольку не

слышал ответов на свои вопросы, а когда он молчал, остальные как-то не решались заговорить.

Обеденный стол был роскошно сервирован: Вашингтон велел переплавить кое-какое старое серебро и изготовить новый чайный сервиз со своим гербом. Гавернир Моррис, находившийся тогда в Европе, купил для него ведерки для охлаждения вина и декоративные зеркальца для стола, в которых отражались бы столовое серебро и канделябры. Вашингтон заказал также фарфоровый сервиз, украшенный орлом Общества Цинциннатов.

Все 20 слуг, в том числе семеро рабов, носили белые ливреи с красными обшлагами и лацканами, шляпы с кокардами, перчатки и сверкающие туфли. Билли Ли, наконец-то приехавший в Нью-Йорк 22 июня, исполнял обязанности дворецкого; Тобайас Лир купил ему шелковые чулки.

Кухня была поручена Сэму Фраунсису — бывшему владельцу таверны, где Вашингтон устроил прощание с боевыми друзьями. Во время обедов он присутствовал в столовой как метрдотель — в парике и в штанах до колен. Необыкновенные яства, которые вышколенные им официанты подавали на стол, порой приводили гостей в замешательство: не все знали, как надо есть устриц или омаров. А Вашингтон хотя и любил шикануть, не мог себе позволить швырять деньги на ветер и выговаривал Фраунсису за лишние расходы (он всегда лично просматривал все счета). «Он может меня уволить, может даже убить, если захочет, но пока он президент Соединенных Штатов, а я имею честь быть его экономом, в этом доме будет всё самое лучшее, что только можно сыскать во всей стране», — отвечал на упреки Фраунсис. Правда, в феврале 1790 года ему всё же пришлось оставить эту службу.

По вторникам Джордж принимал преимущественно мужчин, поэтому Марта решила устраивать вечера для

дам — по пятницам, с семи до десяти. Там подавали чай, кофе, мороженое и лимонад. Хозяйка встречала приглашенных, сидя на софе. Она не носила драгоценностей, считая это неприличным при республиканском правлении, и велела обращаться к себе просто «миссис Вашингтон». Справа от нее обычно сидела Абигейл Адамс, и если какая-то дама занимала это место, Вашингтон, строго следивший за соблюдением протокола, просил ее пересесть.

Президента на этих вечерах было не узнать: в коричневом сюртуке, без шляпы и шпаги, он расхаживал по комнате и любезно, изящно и непринужденно общался с гостями. В дамском обществе он явно чувствовал себя свободнее. Поскольку Джордж, как обычно, вставал на заре, Марта завершала пятничные вечера еще до десяти часов, просто объявляя, что ей и президенту пора спать.

По утрам, просматривая газеты, Вашингтон неизменно находил в них желчные комментарии по поводу его приемов и обедов: американский президент обзавелся собственным двором! республиканские принципы попираются! мы на пороге новой революции! Вряд ли авторы этих заметок, скрывавшиеся под псевдонимами, когда-нибудь бывали при настоящем королевском дворе.

Народу же нравилось, что президент выглядит величаво. В конюшне Вашингтона находилось около дюжины лошадей; для утренних выездов верхом он предпочитал белоснежных Прескотта или Джексона. Ночью грумы натирали их особым белым составом и покрывали длинной попоной; к утру кони сияли белизной, которую подчеркивали копыта, выкрашенные черной краской. Лошадям чистили зубы и полоскали рот. Седла были оторочены леопардовой шкурой с золотой окантовкой.

Президентскую карету везли шесть гнедых лошадей, подобранных одна к одной; ими управляли четыре фореитора и кучер. Джордж и Марта иногда выглядывали из окон, а иногда опускали черные кожаные шторы. В 1790 году Вашингтон украсил свою карету аллегориями времен года и своим гербом.

Порой президент прогуливался по улицам пешком, обмениваясь приветствиями с горожанами — в отличие от Джона Адамса, перемещавшегося только в карете, запряженной шестериком. Во время одной из таких прогулок он зашел в лавку, где была нянька с мальчиком лет шести. «Вот, ваша милость, — сказала она, подтолкнув ребенка к президенту, — этого малыша назвали в вашу честь». Вашингтон погладил его по голове. Конечно, он не мог тогда знать, что мальчик, Вашингтон Ирвинг, станет писателем и напишет биографию первого президента США.

Вашингтон был завзятым театралом, и в театре на Джон-стрит (простом деревянном здании, больше напоминавшем сарай) ему отвели особую ложу с гербом Соединенных Штатов. Вашингтон неизменно появлялся там ровно в семь, оркестр исполнял «Президентский марш», а публика раздражалась приветственными возгласами. Поскольку о том, будет ли президент на представлении, объявляли заранее, в такие дни в зале было много ветеранов, которые махали ему шляпами.

По воскресеньям Вашингтон посещал утреннюю службу в церкви Святого Павла, где для него было отгорожено место. Во второй половине дня он писал длинные письма Джорджу Огастину в Маунт-Вернон, давая множество наставлений по поводу севооборота, разведения мулов и тому подобных вещей. Наконец, по вечерам он читал вслух проповеди или отрывки из Священного Писания. Он не был начетчиком, христианские добродетели не являлись для него пустым звуком; президент всегда подавал милостыню

разорившимся фронтовикам, толпившимся у дверей его резиденции, а также активно занимался благотворительностью — но практически всегда анонимно.

Разумеется, не это составляло его основные обязанности. Президент был главой исполнительной власти и, по Конституции, «удостоверял в должности всех должностных лиц США». Однако в Основном законе ничего не было сказано, например, о составе правительства. В наследство от Континентального конгресса новой власти достались четыре департамента — иностранных дел, военный, почтовый и казначейство; они были подотчетны Конгрессу до учреждения новых департаментов, а пока держали Вашингтона в курсе всех дел. Кадровые вопросы нужно было решить как можно быстрее. К тому же президент назначал всех судей в стране. Неудивительно, что его со всех сторон осаждали соискатели должностей. Но Вашингтон не принимал в расчет ни родства, ни кумовства, оценивая лишь способности кандидатов. Например, он отказал своему племяннику Бушроду Вашингтону в должности прокурора Виргинии, отдав ее более опытному человеку, зато Генри Нокса не задумываясь назначил военным министром. Но делать это он должен был «по совету и с согласия сената».

Пятого августа сенат отверг назначение Вашингтоном Бенджамина Фишбурна сборщиком налогов в порт Саванны. Президент, хотя еще не оправился от болезни, приехал в Федерал-холл и поднялся на второй этаж. 22 сенатора, не ожидавшие его прихода, застыли, как статуи. Вице-президент Адамс вскочил со своего кресла и предложил его Вашингтону. Тот гневно потребовал объяснений, почему отвергнута предложенная им кандидатура. После долгой неловкой паузы сенатор от Джорджии Джеймс Ганн дал требуемые объяснения, но при этом открыто намекнул,

что сенат не обязан это делать. Несмотря на то что всё это было сказано очень учтиво, Вашингтон пришел в сильное раздражение и, вернувшись домой, пожалел о посещении сената.

Но это были еще «цветочки». В начале августа Генри Нокс сообщил Вашингтону, что разработал мирный договор с индейцами, жившими на территории современных Джорджии, Флориды, Алабамы и Миссисипи, на земли которых покушались поселенцы, и что в этом договоре есть несколько тайных статей. Президент намеревался отправить для переговоров делегацию из трех человек, но прежде решил посоветоваться с сенатом. На сей раз он заранее предупредил о своем визите. 22 августа Вашингтон вновь занял место Адамса; слева от него сидел Нокс. Текст договора передали Адамсу, который зачитал его вслух. Один из сенаторов предложил создать комитет для рассмотрения договора, но Вашингтон сухо возразил, что специально привез с собой военного министра для необходимых разъяснений. Зачем еще комитет? Однако он согласился дать сенату время на раздумья и покинул зал с видом оскорбленного достоинства. Пару дней спустя он вернулся, и сенат одобрил назначение трех переговорщиков. Вашингтон же решил больше никогда не появляться в сенате, а все вопросы обсуждать в письменной форме. В формулировке «по совету и с согласия» акцент был сделан на последнее слово.

Первого сентября 1789 года Вашингтон давал обед, на котором барон фон Штойбен веселил присутствующих своими рассказами. Но вдруг хохот смолк — Вашингтону передали записку, извещавшую, что 25 августа скончалась Мэри Болл-Вашингтон, которой шел 82-й год. Джордж, никогда не питавший к матери особой нежности, но строго соблюдавший законы этикета, заказал для всех домочадцев черные

ленты и розетки; члены правительства носили черную повязку на рукаве, дамы — черные ленты и бархотку на шее. Приемы по вторникам отменили на три недели. После этого официальная жизнь вошла в обычное русло, но Вашингтон носил траур еще пять месяцев.

В сентябре было окончательно сформировано правительство, которое действовало по принципу военного совета; главы департаментов собирались вместе по мере необходимости, а по частным вопросам президент запрашивал их мнение в письменной форме. Генри Нокс был утвержден на посту военного министра, министром финансов стал Александр Гамильтон (Роберт Моррис отказался от этой должности), а в госсекретари, то есть министры иностранных дел, Вашингтон прочил Томаса Джефферсона. Сначала он хотел назначить на этот пост Джона Джея, исполнявшего обязанности министра иностранных дел согласно Статьям Конфедерации, но тот предпочел стать председателем Верховного суда. Джефферсона назначили заочно, даже не спросив его согласия: в сентябре он еще плыл через океан, возвращаясь из Парижа. Новость, которую он узнал по прибытии в Норфолк, его вовсе не обрадовала: он предпочел бы вернуться во Францию и следить за событиями французской революции. Президент назначил также послов. Остроумный Гавернир Моррис отправился посланником в Англию, чтобы сгладить острые углы в отношениях между бывшими метрополией и колониями. На этом осенняя сессия Конгресса завершилась.

Разобравшись с делами государства, Вашингтон уладил дела семейные. Мать в завещании назначила его своим душеприказчиком. Она оставила сыну кровать, шторы, бело-синее лоскутное одеяло и трюмо, но он отдал их сестре. На его долю приходилась также пятая часть материнского имущества. Его распродали с аукциона в октябре: лошадей, скот, овец и свиней,

сельхозорудия, повозки, сено и фураж. Джорджу достались два раба и 400 акров сосняка, которые он подарил сыну Бетти, Роберту Льюису.

Обилие бумажной работы плохо сказывалось на здоровье Вашингтона. Доктор Крейк рекомендовал побольше двигаться, и президент задумал соединить полезное с приятным: совершить поездку по стране. Посоветовавшись с Гамильтоном, Ноксом и Джемом, он решил начать с Новой Англии — себя показать и людей посмотреть. В опровержение слухов о своих королевских замашках он взял с собой только Тобайаса Лира, Дэвида Хамфриса и Уильяма Джексона да еще шестерых слуг. Поскольку первым пунктом маршрута был Массачусетс, Вашингтон предложил Адамсу поехать с ним, но тот отказался.

Готовясь к поездке, Вашингтон, только недавно оправившийся от болезни, каждое утро ездил верхом два часа, а днем еще час гулял пешком. Ему явно не терпелось отправиться в дорогу. Отъезд наметили на середину октября.

Президент положил за правило не останавливаться в частных домах. Поездка должна быть сугубо деловой: никаких ненужных торжеств, речей и банкетов. Оратор из него всегда был неважный, а теперь к недостатку красноречия добавилась и проблема вставных челюстей, которые то и дело норовили вывалиться изо рта. Нью-Йоркский дантист Джон Гринвуд, сменивший доктора Лемайера, изготовил для Вашингтона несколько пар челюстей из кости бегемота, крепившихся к единственному зубу и соединенных золотыми пружинками. Они были либо слишком широки, либо сильно выдавались вперед, из-за чего обе губы нелепо оттопыривались. Вставные зубы заставляли его также придерживаться особой диеты из блюд, которые не нужно жевать (в поваренной книге Марты записано множество рецептов каш и желе).

Начало поездки было удачным: перед Нью-Хейвеном (Коннектикут) 17 октября президентскому кортежу удалось объехать проселком высланный навстречу эскорт и обойтись без лишней помпы. Вашингтон исключил из маршрута Род-Айленд, поскольку этот штат еще не ратифицировал Конституцию, и направился в Бостон. По дороге он опытным глазом межевщика присматривал места для будущих каналов, дорог, прочих «инфраструктур», посетил суконную мануфактуру в Хартфорде и, хотя был не вполне доволен качеством ее продукции, заказал костюм для себя и отрезы на штаны для слуг. Массачусетс приятно удивил его имущественным равенством населения: ни богатых, ни бедных.

В Бостоне обойтись без церемоний оказалось невозможно: горожане еще не поблагодарили своего освободителя и горели желанием это сделать. Вашингтон облачился в мундир с золотыми эполетами и пересел из открытой коляски в седло. Утро 24 октября выдалось холодным и пасмурным; у Кембриджа, где президенту предстояло устроить смотр милиционным войскам, кортеж застопорился из-за спора о том, кому — городским властям или руководству штата — встречать важного гостя. Осерчавший Вашингтон громко спросил, нет ли в город другой дороги. Спор решился в пользу муниципального начальства.

В Бостоне звонили колокола; французский флот, стоявший на рейде, салютовал президенту; отдельный залп прогремел с Дорчестерских высот как напоминание о былом триумфе. У здания городского совета воздвигли триумфальную арку с надписью: «Человеку, объединяющему сердца». Вашингтон вышел на балкон; плотная толпа внизу приветствовала его одобрительным гулом; хор грянул гимн в его честь. Генерал не смог удержаться от слез, которые украдкой утирал платком.

Губернатор Джон Хэнкок предложил президенту воспользоваться его гостеприимством, но тот остановился в гостинице, однако согласился пообедать вдвоем. Он ожидал, что Хэнкок заедет к нему, Хэнкок же, сославшись на подагру, этого не сделал. Речь шла не просто об этикете, а о государственном принципе: президент главнее губернатора, даже если находится не в столице, а в его штате. В итоге Хэнкок всё-таки подчинился и слуги принесли его к Вашингтону в носилках, всего перевязанного.

Президент же серьезно рисковал здоровьем: в Бостоне тогда свирепствовала эпидемия инфлюэнцы, которую по случаю визита прозвали «президентским кашлем». Вашингтон тоже заболел, но всё же посетил библиотеку и музей при Гарвардском университете, парусинную мануфактуру и поднялся на борт флагмана французского флота, приняв королевские почести. Дамы устроили обед в его честь и упросили позировать для портрета, копии которого потом украшали многие дома. Вообще каждый вечер Вашингтон проводил в дамском обществе, на балах и концертах, чему был очень рад. Вот только здоровье уже не позволяло ему, как прежде, плясать часами; он оставил для себя лишь величественный менуэт.

Через пять дней Вашингтон продолжил путь. Городки Нью-Хэмпшира были грязными и бедными, но каждый почитал своим долгом принять президента «по-королевски». Устав от почетных караулов, салютов, триумфальных арок, славословий, в Портсмуте Вашингтон ушел с рыбаками в море. Ему не везло, и один рыбак, подцепивший на крючок треску, передал удочку президенту, чтобы тот сам вытащил рыбу и вернулся не с пустыми руками. Вашингтон дал ему серебряный доллар.

Обратный путь стал сплошным кошмаром: президентский кортеж плутал по дорогам без

указателей, расспросы местных жителей вносили еще большую путаницу; забронированные заранее места в тавернах оказывались заняты, и приходилось ехать ночевать в другой город; обхождение с постояльцами было далеко не учтивым. И всё же цель была достигнута: за месяц Вашингтон посетил около шестидесяти городов и поселков, упрочив свою популярность и внушив гражданам чувство принадлежности к единой нации. Тем не менее, вернувшись 13 ноября в три часа дня на Черри-стрит, обняв Марту, Нелли и Вашика, он испытал несказанное облегчение. Правда, это была пятница, и вечером на еженедельный прием пришли гости.

ВЕЛИКИЙ МОЛЧУН

Восьмого января 1790 года, вскоре после полудня, президент Вашингтон в темно-синем костюме Хартфордской мануфактуры сел в свою карету кремового цвета и отправился в Федерал-холл. По Конституции «президент дает по необходимости Конгрессу информацию о положении дел в Союзе и рекомендует к рассмотрению Конгресса такие меры, которые, по его суждению, необходимы и целесообразны». Вот он и решил произнести речь по случаю начала работы Конгресса, а заодно основал еще одну традицию.

Речь была немногословной и оптимистичной. Необходимо упрочить государственный кредит, развивать промышленность, сельское хозяйство и торговлю, рыть каналы и строить дороги. Быть готовыми к войне — лучший способ сохранить мир. Нужны национальные университеты для развития науки, культуры и образования. По окончании речи конгрессмены встали, Вашингтон поклонился и ушел.

Четырнадцатого числа Гамильтон представил Конгрессу «Доклад о государственном кредите», который был ему заказан осенью. На правительстве США висят огромные долги — внутренний в 54 миллиона долларов и внешний в 25 миллионов. Заманчиво отречься от этих обязательств, однако по политическим и нравственным причинам долги следует вернуть, чтобы США могли вступить в международное сообщество. Погасить их сразу невозможно, но необходимо создать механизм для поэтапной выплаты путем учреждения специального фонда. Таким образом, в стране появятся инвестиционный капитал и гибкая национальная валюта. Для выплаты долга и обслуживания нового

иностранного займа необходимо ввести налоги, от импортных пошлин до акцизов на спиртные напитки. Многие держатели облигаций военного времени, в том числе ветераны Войны за независимость, продали их за бесценок, отчаявшись получить по ним деньги. Облигации надо погасить по их полной стоимости вне зависимости от того, кто владеет ими теперь, иначе в США не будет рынка ценных бумаг. К тому же держатели облигаций отныне будут возлагать все надежды на центральное правительство и это сплотит страну.

Вашингтон не присутствовал при этом докладе — он несколько дней страдал от сильной боли в зубе и распухших, воспалившихся из-за протезов деснах. Чтобы утишить боль, пришлось прибегнуть к опиумной настойке, покупной и замороженной, из маунт-вернонского мака.

Первого февраля состоялось первое заседание Верховного суда в составе четырех судей; сессия продлилась всего десять дней. Вашингтон, увеличивший дистанцию между президентской администрацией и сенатом, с Верховным судом, напротив, связи укреплял, запрашивая мнение Джона Джея по самым разным вопросам: о государственном долге, отношениях с индейцами, хождении фальшивых денег, устройстве почтовых дорог, экспорте говядины... На Черри-стрит тюками прибывали отчеты, донесения, рапорты, а оттуда разлетались циркуляры, инструкции, рекомендации. Бумажная работа отнимала уйму времени, зато президент всегда был в курсе всех дел.

Люди, давно имевшие дело с Вашингтоном, умели читать между строк и по легчайшим намекам улавливали его настроение. Письма посторонним или малознакомым людям он начинал сухим обращением «сэр», заслужившие его доверие удостоивались более мягкого «уважаемый сэр», а сошедшиеся с ним коротко

— «дорогой сэръ». Вариантов завершения письма тоже было несколько: «Ваш покорный слуга», «дружески настроенный к Вам покорный слуга»...

Одиннадцатого февраля Мэдисон выступил в Конгрессе против программы Гамильтона. Несправедливо вознаграждать спекулянтов, скупивших у фронтовиков обесценившиеся облигации; нужно установить первоначальных владельцев и выплатить деньги им. Но это невозможно, возражал Гамильтон, чувствовавший себя преданным бывшим соавтором по «Федералисту». Вашингтон вновь оказался в трудном положении. С одной стороны, он сочувствовал ветеранам, обобраным спекулянтами, с другой — он сам в приказе по армии в мае 1783 года предупреждал, чтобы они не спешили сбыть с рук облигации: когда-нибудь по ним заплатят сполна. Поэтому он не стал высказываться, хотя его молчание было знаком согласия с Гамильтоном.

Только-только установившееся единство страны дало трещину. Юг выступал против Севера. Виргинские плантаторы, понесшие большие убытки в табачной торговле, обвиняли во всех смертных грехах северных спекулянтов, которые лопатой гребут легкие деньги. К тому же Виргиния, Мэриленд и Джорджия уже выплатили большую часть своего долга и противились распределению государственного долга на все штаты. Вашингтона, стакнувшегося с северянами, южане считали изменником. И всё же 22 февраля предложение Мэдисона о дискриминации в пользу первоначальных держателей облигаций было отвергнуто тридцатью шестью голосами против тринадцати.

Этот день был объявлен национальным праздником: президент отмечал свой 58-й день рождения. Естественно, республиканцы негодовали, обвиняя Вашингтона в монархических замашках.

Тогда же, в феврале, квакеры подали в Конгресс две петиции: о немедленном прекращении работорговли и о постепенной отмене рабства. Вторую подписал Бенджамин Франклин, председатель Пенсильванского общества аболиционистов, поэтому от нее нельзя было отмахнуться. Слухи о грядущем освобождении вызвали панику среди плантаторов; рабов теперь продавали по смехотворной цене, чтобы выручить за них хоть что-то. Мэдисон возглавил в Конгрессе движение против вмешательства в вопрос о рабовладении. Гамильтон, один из основателей Нью-Йоркского общества за освобождение рабов, не выступал по этому поводу, чтобы не помешать продвижению своей финансовой программы.

Вашингтон тоже помалкивал. Он был поглощен домашними хлопотами: 23 февраля состоялся переезд с Черри-стрит в особняк французского посла графа де Мустье, еще осенью отозванного в революционную Францию, — роскошный четырехэтажный дом на Бродвее. Теперь за обеденный стол можно было посадить не 14 человек, а целых две дюжины. В задней части дома был балкон, выходивший на Гудзон. Вашингтон велел выстроить рядом конюшню на 12 стойл. Он купил у Мустье всю мебель и приобрел фарфоровый сервиз из трехсот предметов, а также 93 стеклянных кашпо, расставленных по всему дому. Обстановка была выдержана в зеленой гамме, но этот цвет уже не отбрасывал на лица замогильного оттенка, поскольку Вашингтон отказался от свечей и купил 14 заправлявшихся китовым жиром ламп, запатентованных швейцарским химиком Эме Арганом: они не коптели и давали света в 12 раз больше, чем канделябры. Эти лампы сияли в гостиных, прихожих, на лестницах...

Шестнадцатого марта в новую резиденцию явился Уорнер Миффлин, лидер квакеров-аболиционистов. Вашингтон внимательно выслушал его, но так и не дал

прямого ответа. В итоге обе петиции были положены под сукно — законодатели решили не вмешиваться в этот вопрос до 1808 года.

В воскресенье 21 марта после посещения утренней церковной службы президент впервые встретился с новым госсекретарем Томасом Джефферсоном, а на следующий день они заперлись на час в кабинете и спорили о политике. Джефферсон был ростом с Вашингтона и мог смотреть ему прямо в глаза, а не снизу вверх, как Гамильтон. Он был моложе на десять лет. В своей усадьбе Монтиселло он повесил портрет президента и поставил его гипсовый бюст работы Гудона. Он всегда уважал его за осторожность, порядочность и патриотизм, считая его «мудрым, добрым и великим человеком», однако ему претила суровая непреклонность и недоверчивость Вашингтона.

Их взгляды на внешнюю политику тоже расходились: Джефферсон был открыто враждебен к Великобритании, а Вашингтон не хотел терять главного торгового партнера, предпочитая иметь Лондон союзником, а не врагом. Зато Вашингтона тревожили революционные события во Франции (14 июля 1789 года пала Бастилия; на следующий день Лафайет был единогласно избран командующим Национальной гвардией и приказал разрушить эту тюрьму; 26 августа Учредительное собрание приняло Декларацию прав человека и гражданина; начались аресты оппонентов). Джефферсон же считал французскую революцию неизбежным следствием и продолжением американской и утверждал, что в белых перчатках деспотию не свергнуть. Этой весной Вашингтон получил от Лафайета подарки — ключ от ворот Бастилии и набросок ее руин через несколько дней после разрушения. Он повесил ключ и рисунок в стенной нише в Маунт-Верноне.

Семнадцатого апреля скончался Бенджамин Франклин. Американский «патриарх» заранее

распорядился, чтобы его похороны прошли с наименьшими затратами и без всякой помпы, однако проводить его в последний путь пришли 20 тысяч человек — половина Филадельфии. Всё свое имущество он завещал Бостону и Филадельфии, распорядившись, чтобы часть этих средств (100 тысяч фунтов стерлингов) была потрачена на строительство школ, больниц и тому подобных заведений. Родственникам он не оставил ничего: когда-то он сам начинал с нуля и считал, что человек с головой сможет разбогатеть самостоятельно. Джорджу Вашингтону досталась прогулочная трость из дикой яблони с позолоченным набалдашником в форме фригийского колпака: «Если бы это был скипетр, сей человек заслужил его...»

Сенат отклонил предложение объявить национальный траур, и тогда Джефферсон обратился с ним к Вашингтону. Тот также отказал, мотивируя, что не знает, какими критериями руководствоваться в данном вопросе. Он сам с начала месяца чувствовал себя неважно, похудел и осунулся. Эпидемия инфлюэнцы добралась и до Нью-Йорка; Манхэттен превратился в один сплошной лазарет. Джеймс Мэдисон тоже заболел, а вслед за ним и Вашингтон, неосторожно пригласивший его погостить. Грипп, почти окончательно лишивший его слуха, дал осложнение в виде пневмонии или плеврита. Он мучился от колотья в боку, дышал с большим трудом, надрывался от кашля и сплевывал кровью. Марта не отходила от постели мужа.

В Конституции не было указано, кто должен исполнять обязанности президента во время его болезни. Работой администрации руководил майор Уильям Джексон, а фактическим главой государства был Гамильтон, пропихивавший свою финансовую программу. Джефферсон впервые посмотрел на него как на будущего соперника в борьбе за президентское кресло.

Двенадцатого мая лечащие врачи Вашингтона тайно вызвали из Филадельфии доктора Джона Джонса, личного врача Франклина. Улицу близ президентской резиденции вновь перекрыли и застелили соломой. Слухи ходили самые мрачные; Вашингтон издавал горлом какое-то бульканье, которое кое-кто из его окружения принял за предсмертные хрипы. Но 16 мая, когда медицинский консилиум пришел к выводу, что случай безнадежный, неожиданно наступил перелом: Вашингтона прошиб сильный пот, зато кашель унялся, и он снова мог отчетливо говорить. Четыре дня спустя в газетах наконец-то сообщили о том, что президент несколько дней был нездоров, но теперь ему лучше. 27-го Джефферсон официально заявил, что президент возвращается к исполнению своих обязанностей. Но Вашингтон был еще так слаб, что возобновил ведение личного дневника только 24 июня. Он всё еще испытывал боль в груди, кашлял и тяжело дышал; обеды, совещания и приемы были для него мукой. Зато он с удовольствием съездил с Джефферсоном и Гамильтоном на рыбалку, подышать морским воздухом.

Девятнадцатого июня Джефферсон столкнулся с Гамильтоном у дома Вашингтона на Бродвее. Конгресс недавно утвердил закон о финансах, предложенный Гамильтоном, но отверг его план выплаты государственного долга. Министр выглядел мрачным, растерянным, даже одет был неряшливо. Оба члена правительства полчаса простояли у дверей; Гамильтон говорил о том, что кабинету необходимо действовать сообща. На следующий день Джефферсон пригласил Гамильтона и Мэдисона на обед к себе домой. Там, под портретом Вашингтона, они заключили договор: Джефферсон и Мэдисон протолкнут в Конгрессе законопроект о госдолге, а Гамильтон поддержит предложение делегации от Пенсильвании, чтобы временной столицей стала Филадельфия, а новую

построили на Потомаке. (Гамильтон хотел, чтобы столицей был Нью-Йорк, но чем-то приходилось жертвовать.)

В июле Конгресс принял закон, по которому в течение десяти лет столичные функции будет исполнять Филадельфия, а к 1 декабря 1800 года они будут окончательно переданы особому федеральному округу на Потомаке площадью десять квадратных миль. Точное его размещение предстояло указать Вашингтону. Он выбрал место рядом с Александрией, к северу от Маунт-Вернона.

Двенадцатого августа Конгресс был распущен на каникулы, а президент отправился в очередное путешествие: Род-Айленд последним ратифицировал Конституцию в мае 1790 года, и теперь глава государства решил нанести туда визит в сопровождении госсекретаря и губернатора Нью-Йорка.

В Ньюпорте от лица иудейской конгрегации его приветствовал «брат»-масон Моисей Зейксас и благодарил за предоставление евреям равных прав. В Провиденсе после частного обеда Вашингтон уже собирался идти спать, когда ему сообщили, что студенты местного колледжа зажгли свет в окнах в его честь и хотели бы его увидеть. Хотя было уже темно, сыро и ветрено, Вашингтон направился туда. На следующий день он несколько часов ходил по городу под холодным дождем, побывал везде, где только можно, пил вино и пунш с горожанами и терпеливо высидел собрание с нудными речами перед торжественным ужином.

Нью-Йорк, переставший быть столицей, быстро опустел. Вашингтон уезжал 30 августа. Чтобы избежать официальных церемоний, которыми он был сыт по горло, он на заре посадил в карету жену, обоих внуков, двух помощников, четырех слуг и четырех рабов, бросил последний взгляд на бродвейский особняк — и вдруг

услышал звуки «Марша Вашингтона». Губернатор Клинтон, Джон Джей и толпа возбужденных горожан не поленились встать ни свет ни заря, чтобы проводить его до переправы под обычные 13 пушечных залпов. Вашингтон махал им шляпой на прощание. Когда баржа добралась до середины Гудзона, со стороны Нью-Джерси грянули трубы — президента уже дожидался кавалерийский эскорт. На пути от Ньюарка до Трентона его приветствовали в каждой захудалой деревушке. В Филадельфию Вашингтон въехал верхом на своем белом скакуне, во главе эскорта. Старый друг Роберт Моррис ждал его у дверей «Сити-Таверн», раскрыв объятия. Его дом на Хай-стрит (позже Маркет-стрит), обнесенный высоким кирпичным забором, должен был стать новой президентской резиденцией; Вашингтон осмотрел его и отдал распоряжения по перестройке и отделке помещений. Наконец 6 сентября семейство добралось до Маунт-Вернона.

Дети были рады вернуться домой. Одиннадцатилетняя Нелли, подвижная, любознательная, смышленная и довольно одаренная девочка, ходила в Нью-Йорке в школу вместе с Люси Нокс; ей легко давались языки — французский и итальянский. Она училась рисовать у Уильяма Данлапа, а австрийский композитор Александр Райнагель давал ей уроки игры на гитаре и арфе. Бабушка Марта была с ней строга и заставляла заниматься по несколько часов подряд, порой доводя до слез; дедушка Джордж баловал и никогда не наказывал. Однажды в Маунт-Верноне Нелли убежала ночью в лес, чтобы побродить при луне (она была романтичной натурой). Когда она, наконец, вернулась, дедушка, тревожно меривший шагами комнату, сцепив руки за спиной, ничего не сказал, а бабушка, сидевшая в кресле, строго отчитала легкомысленную внучку. Зато Марта души не чаяла в Вашике и беспокоилась о нем так же, как в свое время о

Джеки. Кстати, сын пошел в отца: в Нью-Йорке Вашингтон нанял для него учителя, и Вашик достиг кое-каких успехов в изучении латыни, зато в математике и прочих науках был полный ноль, поскольку не имел никакого прилежания к учебе. На все выговоры от деда он отвечал обещаниями исправиться, но не предпринимал для этого никаких усилий — он знал, что в один прекрасный день унаследует состояние Кастисов. Единственное, что оба внука переняли от деда, — любовь к театру: Вашик даже исполнил роль Кассия в домашней постановке «Юлия Цезаря». Племянница Харриет была такой же «неподдающейся». Вашингтон тщетно пытался сделать из ленивой неряхи настоящую леди, пристроил ее в школу в Филадельфии, но она там не задержалась и вернулась жить в Маунт-Вернон, где с ней «воевала» Фанни Бассет. Зато двух ее неуправляемых братьев — Джорджа Стептоу и Лоуренса Огастина — Филадельфийский колледж в конце концов преобразил, хотя это и стоило их дяде многих нервов и денег.

Осень промелькнула быстро, и в ноябре президент с домочадцами направился в свою новую резиденцию. Дорога до Филадельфии обернулась настоящим кошмаром; пьяный кучер, дважды перевернувший багажный фургон, был разжалован и заперт в том же фургоне. По прибытии в столицу выяснилось, что ремонт еще не закончен, в доме всё вверх дном, да еще и президентскую приемную устроили на третьем этаже, и посетителям приходилось подниматься по лестнице.

Вашингтона беспокоило и долгое отсутствие вестей от бригадного генерала Джосайи Хармара, ветерана Войны за независимость, в конце сентября отправившегося с полутора тысячами солдат, по большей части ополченцев, в карательную экспедицию против индейцев, препятствовавших навигации на реках Уобаш и Огайо. «Многого я от него не жду, с тех пор как

узнал, что он пьяница», — раздраженно писал Вашингтон Ноксу 19 ноября. В самом деле, отряд Хармара потерпел сокрушительное поражение, хотя потери были почти равны — по две сотни убитых с каждой стороны. Решительно, стране нужна регулярная армия: милиция не может сладить даже с индейцами! Однако армия требовалась не для истребления индейцев, а для «принуждения к миру»: Вашингтон не терял надежды обратить их в христианство и сделать оседлыми земледельцами.

В Филадельфии Конгресс разместился в доме городского совета на Честнат-стрит, где в 1776 году была принята Декларация независимости. 8 декабря президент, облаченный в черный бархатный костюм, выступил перед ним с речью. Она вновь была оптимистичной: государственные ценные бумаги втрое выросли в цене, торговля процветает... Но Вашингтона было еле слышно, так что вице-президенту Адамсу пришлось после его ухода повторить всю речь заново.

ЗАЛОЖНИК СЛАВЫ

Четырнадцатого декабря 1790 года Александр Гамильтон внес еще один взрывной документ — о необходимости учредить первый Центральный банк в истории Америки с уставным капиталом в десять миллионов долларов. Доля государства должна была составить 20 процентов, а остальное обеспечили бы частные инвесторы. Это учреждение должно было ссужать деньгами правительство и печатать национальную валюту, а также хранить налоговые поступления. Вся система была скопирована с Английского банка.

Законопроект с подозрительной легкостью прошел через сенат, и Мэдисон восстал против него в палате представителей. Южане снова опасались, что гамильтоновская система утвердит гегемонию северных штатов. И всё же закон был принят нижней палатой и поступил на подпись к президенту.

Мэдисон уговаривал Вашингтона применить право вето. Президент не считал себя специалистом в финансовых делах, а потому попросил высказаться всех членов правительства, предоставив, однако, последнее слово Гамильтону, чтобы тот мог ответить на все аргументы оппонентов. У Вашингтона было десять дней, чтобы принять решение.

Генеральный прокурор Эдмунд Рэндольф считал, что создание банка противоречит Конституции. Томас Джефферсон полагал, что государственные монополии и центральные банки — орудия угнетения в руках исполнительной власти, ассоциирующиеся с монархическим игом. Джон Адамс, хотя его ни о чем не спрашивали, тоже подал голос против. Поколебавшись, Вашингтон из предосторожности попросил Мэдисона

составить проект заявления об отклонении закона о Центральном банке, сообщив об этом Гамильтону. Тот за неделю настроил объемистый меморандум, разбив жалкие доводы противников железными аргументами. Центральный банк поможет федеральному правительству противостоять кризисным ситуациям. Его создание «необходимо и целесообразно», а согласно Конституции, президент может рекомендовать этот шаг Конгрессу. Правительство полномочно применять те меры, которые считает нужным для достижения своих целей.

Вашингтон подписал закон 25 февраля 1791 года. А 22 февраля, в день его рождения, в Лондоне вышла первая часть трактата «Права человека» — ответ Томаса Пейна на враждебные французской революции «Размышления» Эдмунда Бёрка. Пейн посвятил публикацию Вашингтону и сообщил, что постарался максимально удешевить издание, чтобы лишь компенсировать расходы на бумагу, как в свое время с эссе «Здравый смысл». В новом труде автор разъяснял преимущества республиканской формы правления и призывал англичан свергнуть монархию так же, как это было сделано во Франции. В Великобритании его обвинили в предательстве, поэтому он бежал во Францию, где в 1792 году был избран в Конвент. Джефферсон помог опубликовать «Права человека» в Филадельфии, а в качестве предисловия было помещено его письмо издателю с выражением радости по поводу того, что кто-то наконец дал отпор «политической ереси, распространившейся среди нас». Это было истолковано как явный намек на скрытый монархизм антиреволюционного трактата Джона Адамса «Размышления о Давиле» 1791 года и вызвало пересуды. Джефферсон направил Вашингтону письмо с оправданиями, но тот даже не ответил — настолько был

зол. Еще не хватало, чтобы члены правительства подсиживали друг друга!

Обострившиеся разногласия, грозившие расколоть страну по географическому принципу, вынудили Вашингтона вновь отправиться в дорогу: теперь он намеревался объехать южные штаты и выяснить, действительно ли инициативы Гамильтона встречают сопротивление на местах. Ему предстояло проделать 1816 миль верхом или в экипаже; с учетом плохих дорог он отвел на поездку три месяца. Несколько дней он провел над картой, вымеряя расстояния, планируя время в пути и места ночевки, словно готовился к военной кампании. Наконец в конце марта президентский поезд выехал из Филадельфии. Раб Парис трусил на Прескотте — парадном жеребце, на котором Вашингтон будет въезжать в города. Рядом бежала борзая по кличке Корнуоллис.

Вашингтон нанял большое судно для сплава по реке Северн в Мэриленде, но экипаж оказался неумелым, и в темную бурную ночь, при вспышках молний и раскатах грома, судно дважды садилось на мель. Команда бестолково металась по палубе; президент находился под ней, скрючившись в койке. Этот кошмар длился до самого утра, когда, наконец, они причалили в Аннаполисе и остановились в таверне.

Там состоялось собрание землевладельцев из Джорджтауна и Карролсберга, соперничавших за право возвести на своих участках правительственные здания. Президент обрадовал их: новый федеральный округ расположится на территории обоих районов.

Перед отъездом Вашингтон встретился с Пьером Шарлем Ланфаном, вызвавшимся стать главным архитектором новой столицы, и изучил его наброски. Ланфан намеревался построить резиденцию Конгресса на поросшем лесом холме Дженкинс-Хилл, чтобы центр города был виден с окраин. На другом холме будет

заложена резиденция исполнительной власти: оттуда открывается роскошный вид на Потомак и можно будет разглядеть Александрию (а то и Маунт-Вернон). Француз отказался от планировки в виде шахматной доски, подходящей лишь для «плоских» городов, предпочитая диагонали, которые должны были внести разнообразие и сократить расстояния. Ланфан был «братом» Вашингтона по ордену «вольных каменщиков», и в его набросках будущих улиц явно просматривались масонские символы: восьмиугольники, вобравшие в себя крест тамплиеров, пентаграмма, даже сова — символ мудрости. Вашингтон одобрил его идеи и предоставил ему полную творческую свободу.

Президентский кортеж, передохнув недельку в Маунт-Верноне (правда, Вашингтон ежедневно объезжал пять своих ферм), 8 апреля прибыл во Фредериксберг — без предупреждения, чтобы не вызвать ненужный ажиотаж. Зато ричмондцы успели подготовиться к торжественной встрече, а в Питерсберге несколько тысяч встречающих подняли такую пыль, что у Вашингтона потом еще долго першило в горле. Тогда он прибегнул к испытанному трюку — сказал, что покинет город в восемь утра, а сам сбежал в пять.

К донимавшим его заботам теперь прибавилась еще одна: Эдмунд Рэндольф поставил его в известность, что по закону 1780 года, действовавшему в Пенсильвании, взрослые рабы, прожившие в этом штате полгода подряд, автоматически обретают свободу. Трое из рабов Рэндольфа объявили хозяину, что воспользуются этим правом, и генеральный прокурор США теперь давал президенту советы, как обойти закон: достаточно ненадолго вывезти рабов за пределы штата, и отсчет шести месяцев начнется заново. Вашингтон написал Тобайасу Лиру: пусть Марта пришлет кое-кого из слуг в Маунт-Вернон «повидаться с семьей», сама съездит

куда-нибудь проветриться, только обязательно в другой штат, а в мае приедет в Маунт-Вернон и выпишет к себе шеф-повара Геркулеса. Только, писал он, «я прошу, чтобы это мнение и этот совет стали известны лишь Вам и миссис Вашингтон». Геркулес заслужил расположение хозяина и пользовался в Филадельфии довольно большой свободой, даже посещал театр и другие места развлечений. Ему было разрешено продавать объедки с президентского стола. Вырученные деньги он тратил на белые шелковые жилеты, трости с золотыми набалдашниками, приобрел себе модную одежду, часы и пряжки для туфель. Он клялся в верности хозяину, но осторожность не помешает...

Пошел дождь и прибил пыль, но при виде толпы, ожидавшей его в Гринсвилле, Вашингтон решил проследовать дальше: отдохнуть всё равно не удастся. Дождь не переставал; теперь экипажи с трудом продвигались по жидкой грязи, и к приемам в городах Северной Каролины успели подготовиться обе стороны. Каждый раз Вашингтон выслушивал приветствие, зачитываемое представителем городских властей, и сам зачитывал ответ, подготовленный майором Джексонем. Потом были торжественный обед и бал.

В Уилмингтон президент въехал на белом коне, приветствуемый звуками оркестра и кликами огромной толпы. Дамы махали ему платочками из окон и с балконов, на кораблях в порту были подняты сигнальные флажки. На бал явились 62 представительницы прекрасного пола. В Джорджтауне Вашингтон побывал на собрании масонской ложи Южной Каролины. В Чарлстон он приплыл на барже, на веслах которой сидели 12 капитанов в парадной форме. Его приветствовали как «спасителя Отечества, уважали как основателя государства и любили как отца, явившегося удостовериться, что его дети счастливы». На вечерний концерт явилось около четырехсот дам, украсивших

свои прически повязками, на которых было изображение Вашингтона или слова «Да здравствует президент!» либо «Слава герою!».

Истинный героизм Вашингтону пришлось проявить в Джорджии: приходилось пробираться через рыхлый песок, лошади, включая Прескотта, выбивались из сил. А едва достигнув очередного города, Вашингтон переставал принадлежать себе и не знал ни минуты покоя. В Аугусте он вновь вызвал дамский ажиотаж, однако поездка вовсе не была развлекательной, поэтому он нашел время для серьезного разговора с губернатором и передал ему депеши для отправки испанскому губернатору Восточной Флориды с предупреждением, чтобы тот прекратил укрывать беглых рабов.

В конце мая президентский кортеж повернул обратно.

В это время Джефферсон и Мэдисон отправились в тур по Новой Англии. Вашингтону они объяснили, что намерены собрать гербарий, а Джефферсон еще хотел дать отдых голове и переменить обстановку. Однако на самом деле они намеревались вербовать политических сторонников, особенно в Нью-Йорке, «вотчине» Гамильтона.

В дневнике Вашингтон с удовлетворением отмечал, что народ выглядит счастливым и довольным правительством. На Юге никто и не думает возмущаться введенным Гамильтоном налогом на виски — наоборот, все его одобряют. Везде мир и тишина. В кои-то веки Вашингтон смотрел на мир сквозь розовые очки: героическому президенту никто не решился открыть глаза на то, что могло быть ему неприятно.

Одиннадцатого июня он снова был в Маунт-Верноне и провел там две недели. Кампания удалась: трехмесячный вояж прошел строго по расписанию. Джордж пополнел и посвежел, путешествие явно пошло

ему на пользу. 6 июля он въехал в Филадельфию под колокольный звон и пушечные залпы.

Едва он вернулся, как на бедре вновь образовалась опухоль — на том самом месте, где ее уже удаляли два года назад. На сей раз с операцией не стали затягивать, и через месяц президент объявил, что совсем здоров.

Четвертого июля, в День независимости, казначейство начало продажу акций нового Банка Соединенных Штатов. Потенциальные инвесторы наводнили здание министерства, к клеркам выстроились длинные очереди. Акции стоили по 400 долларов, но чтобы привлечь мелких инвесторов, Гамильтон разрешил покупать их в рассрочку; за первоначальный взнос в 25 долларов выдавался сертификат на владение акцией. Спрос оказался так велик, что все акции были распроданы за какой-нибудь час. Это «беспримерное доказательство обеспеченности наших соотечественников и их доверия к действиям правительства», ликовал Вашингтон в письме Дэвиду Хамфрису от 20 июля.

В две недели сертификаты сильно подскочили в цене и превратились в объект безудержной спекуляции. К 11 августа они продавались уже по 300 долларов; цены на правительственные облигации тоже достигли немислимых высот. Филадельфию, Нью-Йорк и Бостон охватило настоящее безумие: лавки закрывались, купцы и ремесленники перекупали друг у друга ценные бумаги. Мэдисон ужасался этому «разбою среди бела дня»; Джефферсон прямо заявил Вашингтону, что лучше бы использовать эти суммы для чего-нибудь полезного, а не для азартных игр. Наконец, спекулянты наводнили сертификатами рынок, цены на них упали, мыльный пузырь лопнул. Гамильтону, однако, удалось стабилизировать ситуацию, выкупив правительственные облигации.

АРБИТР

«Человек, явившийся, как я, в Соединенные Штаты, исполненный восторга перед народами древности, Катон, повсюду ищущий суровость нравов первых римлян, был бы возмущен до глубины души, обнаружив повсюду роскошь экипажей, пустоту разговоров, неравенство состояний, безнравственность банков и игорных домов, шум бальных зал и театров. В Филадельфии мне казалось, будто я в Ливерпуле или Бристоле», — вспоминал о своей поездке в США во второй половине 1791 года Рене де Шатобриан в «Замогильных записках».

«Когда я прибыл в Филадельфию, генерала Вашингтона там не было; мне пришлось прождать его дней восемь. Я увидел его карету, которую влекли четыре резвых коня, мчавшихся во весь опор. По моим тогдашним представлениям, Вашингтон непременно был Цинциннатом; Цинциннат в карете слегка не вязался с моей республикой 296 года от основания Рима. Мог ли диктатор Вашингтон быть кем-то иным, нежели землепашцем, погоняющим своих волов, идя за плугом? Но когда я явился к нему с рекомендательным письмом, то столкнулся с простотой старого римлянина.

Небольшой дом, похожий на соседние, был дворцом президента Соединенных Штатов: никакой охраны, даже слуг. Я постучал; мне открыла молодая служанка. Я спросил, у себя ли генерал; она ответила, что у себя. Я сказал, что у меня к нему письмо. Служанка спросила мое имя, трудное для произнесения на английском

языке, и не смогла его запомнить. Тогда она просто сказала: „*Walk in, sir*“ — „Взойдите, сударь“, — и пошла впереди меня по узкому коридору, какие служат вестибюлем в английских домах; ввела меня в приемную и просила ожидать генерала. <...>

Через несколько минут вошел генерал: высокого роста, с видом спокойным и более холодным, нежели благородным, он похож на свои гравюрные изображения. Я молча подал ему письмо; он распечатал его, пробежал до подписи и прочел ее вслух с восклицанием: „Полковник Арман!“ Так подписался маркиз де ла Руэри.

Мы уселись. Я худо-бедно растолковал ему цель своей поездки. Он отвечал односложно, английскими и французскими словами, и слушал меня несколько удивленно; я это заметил и сказал ему довольно живо: „Не столь тяжело открыть северо-западный пролив, как создать такой народ, какой создали вы“. „*Well, well, young man!* (Прекрасно, прекрасно, молодой человек!)“ — воскликнул он, протягивая мне руку. Он пригласил меня обедать на завтрашний день, и мы расстались.

Я не преминул воспользоваться приглашением. Гостей было пятеро или шестеро. Разговор зашел о французской революции. Генерал показал нам ключ от Бастилии. Я уже заметил, что эти ключи были довольно глупыми игрушками, которые были тогда в ходу. Сведущие в слесарном деле люди могли бы три года спустя прислать президенту Соединенных Штатов засов от тюрьмы монарха, подарившего свободу Франции и Америке. Если бы Вашингтон видел *победителей Бастилии* в парижских

сточных канавах, он бы не так дорожил своей реликвией. <...>

Я покинул хозяина в десять часов вечера и больше никогда его не видал; он уехал на следующий день, а я продолжил свое путешествие.

Такова была моя встреча с солдатом-гражданином, освободителем целого мира».

Аристократ Шатобриан не одобрял французскую революцию, поскольку был свидетелем ее жестокостей. Вашингтон о них слышал, но поначалу не хотел верить; в августе 1790 года в письме к Рошамбо он говорил, что считает эту информацию происками британской пропаганды: американских патриотов тоже выставляли кровожадными дикарями. Однако раскрученный маховик террора смел с пьедестала и его французских друзей, принявших революцию. После неудачного бегства из Парижа королевской семьи в июне 1791 года Дантон обвинил в подготовке этой акции Лафайета (хотя тот взял короля и королеву под стражу), а в прессе печатали гнусные карикатуры, изображая главу Национальной гвардии в непристойных позах с Марией Антуанеттой. Вашингтон тревожился о нем; «...шумная чернь больших городов страшна», — писал он другу 28 июля. В октябре Лафайет вышел в отставку и удалился в свой родовой замок Шаваньяк. 66-летнего Рошамбо в 1791 году сделали маршалом Франции и командующим Северной армией, но сняли уже на следующий год. Друзья предупредили его о том, что он внесен в черный список «слуг Луи Капета», и побуждали бежать в Кобленц. Рошамбо отказался, уверенный в том, что освободителя Америки революционеры не тронут. Его обобрали до нитки, осыпали унижениями, а потом арестовали.

Вашингтон всё больше склонялся к заключению торгового соглашения с Британией. Осенью 1791 года в

Америку прибыл посол Георга III Джордж Хаммонд с секретарем Эдвардом Торнтоном. Они тотчас почувствовали «дружеское расположение» со стороны министра финансов и «сильную ненависть» госсекретаря.

В политической жизни США четко обозначились две партии. Сторонники Гамильтона, в основном северяне, называли себя федералистами — опорой Конституции и национального единства, они ратовали за сильную центральную власть. Те, кто поддерживал Джефферсона, по большей части южане, называли себя республиканцами, считая, что только они способны противостоять установлению монархии; они проповедовали ограничение центральной власти и верили в мудрость народа. Кабинет раскололся надвое: Нокс симпатизировал Гамильтону, Рэндольф — Джефферсону. Вашингтон старался оставаться вне партий, однако чаще принимал сторону Нокса и Гамильтона. Джефферсон не сомневался в его патриотизме и порядочности и объяснял его поддержку Гамильтона доверчивостью и некомпетентностью.

Вашингтону вновь приходилось заниматься не только государственными, но и частными делами: в октябре, пока Конгресс был на каникулах, он на месяц уехал в Маунт-Вернон. Здоровье Джорджа Огастина сильно ухудшилось, ему даже пришлось поехать в Беркли лечиться водами. И вообще управляющий из него был неважный, он даже не умел ездить верхом. Вашингтон временно заменил его другим племянником — Робертом Льюисом.

В сентябре комиссия из трех человек, назначенная президентом для курирования строительства новой столицы, решила назвать ее Вашингтоном, а федеральный округ — Колумбией. Первый земельный аукцион в Джорджтауне прошел 17 октября под надзором Джефферсона и Мэдисона. Ланфан, не желая

терпеть над собой начальства, проявил строптивость — отказался показать свой план, опасаясь, что на земли, удаленные от правительственных зданий, не найдется покупателей. Продажа участков шла вяло. Вашингтон велел Ланфану привезти план в Филадельфию, чтобы представить его вместе с ежегодным посланием к Конгрессу, но тот не подчинился. Наконец, последней каплей, переполнившей чашу терпения, стало распоряжение упрямого архитектора снести дом, построенный одним из членов комиссии, поскольку он оказался посреди намеченного им проспекта. А Ланфан невозмутимо потребовал передать руководство строительством ему одному и выделить миллион долларов на расходы и тысячу человек для работ. Вашингтон тайком подослал к нему дипломатического Тобайаса Лира, чтобы урезонить зарвавшегося француза, но тот стоял на своем. В конце февраля Джефферсон расторгнул его контракт.

С конца октября в Филадельфии начала выходить «Национальная газета», противопоставлявшая себя проправительственной «Газете Соединенных Штатов». Ее издавал поэт Филип Френо, которого Джефферсон устроил в Госдепартамент переводчиком. Правда, он не знал языков, зато был другом и бывшим однокурсником Мэдисона. Во время войны Френо написал панегирик Вашингтону, озаглавленный «Цинциннат», но, побывав в плену у британцев, возненавидел всё английское, а заодно и президента-«англофила». В первом же выпуске газеты он обвинил Гамильтона в подготовке монархистского заговора, а Джефферсона назвал «колоссом свободы».

Пятого декабря 1791 года Гамильтон представил Конгрессу «Доклад о мануфактурах». Они с Вашингтоном не забыли, каким существенным недостатком была зависимость Америки от иностранного промышленного производства во время

войны. (Теперь президент носил одежду из американского сукна и отказывался пить портер или есть сыр, изготовленный вне Америки.) Аграрная страна должна стать индустриальной, чтобы действительно обеспечить свою независимость. Заводчики получают материальные стимулы; на импорт будет введена пошлина. У водопадов на реке Пассейк, в Нью-Джерси, Общество по учреждению полезных мануфактур построит город Патерсон, который послужит образцом американского промышленного производства.

Джефферсон тотчас заявил, что исполнительная власть зарвалась и действует без всяких ограничений, а Гамильтон подкупил членов Конгресса, «выстлавших свои гнезда государственными облигациями». В тот же день Мэдисон анонимно выступил в «Национальной газете» с нападками на Гамильтона, обвинив администрацию Вашингтона в закладывании основ монархии. «Заговор крепнет», — написал Гамильтон Адамсу.

Четыре дня спустя Марта устраивала очередной пятничный прием. В разгар вечера явился курьер со срочной депешей. Извинившись перед дамами, президент ненадолго удалился, чтобы прочесть донесение. Генерал-майор Артур Сент-Клер, возглавивший очередную карательную экспедицию против индейцев майами, потерпел сокрушительное поражение месяц назад: из отряда в 1400 милиционных солдат 900 были перебиты, а потери индейцев составили всего 150 человек. Уцелевшие американцы в панике бежали, бросив пушки и обоз. Индейцы сняли скальп с капитана Смита, разрезали на куски сердце генерала Батлера, набивали рты своих жертв землей, раз они так жадны до нее.

Вернувшись к гостям, президент ничем не выказал своих чувств и любезно беседовал с дамами до конца вечера. Только оставшись наедине с Лиром, он перестал

сдерживаться: брызгал слюной, потрясал кулаками. Черт побери, ведь Сент-Клер — ветеран Франко-индейской войны! Неужто он всё забыл? Надо было прятаться за деревьями, не выходить на открытое место, пустить в ход пушки!

В начале января историю похода Сент-Клера представляли в героическом свете. Но в феврале полковник Уильям Дарк опубликовал памфлет без подписи против Вашингтона. Как можно было доверить поход на индейцев человеку, страдающему подагрой, перемещающемуся на носилках, обложившись со всех сторон подушками и лекарствами? К тому же под его началом были неопытные ополченцы-оборванцы, которых нельзя было отвадить от дезертирства даже виселицами.

Вашингтон всегда испытывал неловкость, сталкиваясь с «индейскими» делами: он прекрасно знал, что белые поселенцы, отнимающие земли у туземцев, — тоже не ангелы, а преследовать их за убийство индейцев так же, как индейцев за убийство белых, было невозможно. В Филадельфию пригласили Джозефа Бранта, предложили ему большую пенсию и резервацию для моговков в северной части штата Нью-Йорк. Тот отказался. «Ну и как хотите!» — рассердился Вашингтон.

Когда Нокс обратился к Конгрессу с просьбой увеличить армию, чтобы повести новое наступление на индейцев, в администрацию полетели стрелы критики. Обычно Вашингтон на них не реагировал, но тут велел Ноксу выступить с публичным заявлением. В нем приводились сведения о числе убитых белых поселенцев и о многочисленных мирных инициативах, отвергнутых индейцами. В начале февраля палата представителей дала добро на создание пяти новых полков по тысяче человек. Командовать ими Вашингтон назначил Энтони Уэйна, не жалевшего ни своих, ни чужих. Для

поддержания дисциплины Уэйн брил, клеймил и порол солдат. Между тем 7-я поправка к Конституции, вошедшая в Билль о правах^[33], запрещала назначать «жестокие и необычные наказания». Даже Нокс сделал Уэйну замечание. Зато под командованием «Бешеного Энтони» американская армия оправилась от поражений и перешла в наступление.

НЕВОЛЬНИК ПОЛИТИКИ

Двадцать первого февраля, накануне шестидесятилетия Вашингтона, жители Филадельфии устроили в его честь пышный праздник с балом-маскарадом; здания украсили огромными транспарантами со словами «Да здравствует президент!» — почему-то на французском языке. Начинался последний год его правления, но народ не хотел с ним расставаться. Напротив, Марта, в последние годы испереживавшаяся за здоровье мужа, искренне надеялась, что он уйдет с поста и они наконец-то смогут пожить для себя.

А Вашингтону кто-то слал анонимные письма, обличавшие президентские амбиции Джефферсона и предательство Мэдисона: оба-де преданно смотрят ему в глаза, а за спиной обличают его политику и идею о создании регулярной армии, побуждая Френо к сочинению пасквилей. А цель у них одна: опорочить Вашингтона и уничтожить Гамильтона.

Чтобы развеять подозрения, Вашингтон пригласил к себе Джефферсона. Тот как раз выступил с инициативой передать почтовое ведомство под начало Госдепартамента, а не министерства финансов. По ходу разговора Джефферсон как бы мельком обронил, что если Вашингтон уйдет в отставку, то он последует его примеру. Джордж потом не спал всю ночь — думал над этими словами, а поутру, не выдержав, завел разговор начистоту прямо за завтраком. Он никогда не хотел становиться президентом, а теперь, вкусив всех «прелестей» этой должности, — и подавно. Да и зачем Америке такой глава — дряхлеющий, глохнувший, слепнувший, да еще с провалами в памяти? В общем, с ним всё ясно — пора уходить; но это не значит, что

выдающиеся члены правительства тоже должны покинуть свои посты. Это было бы катастрофой для страны, он не может этого допустить!

Девятого марта лопнул еще один «мыльный пузырь»: акции банков, которыми раньше яростно спекулировали, резко упали в цене, и друг Гамильтона Уильям Дьюр, один из директоров Общества по учреждению полезных мануфактур, прекратил выплаты кредиторам. На следующий же день две дюжины финансистов обанкротились; Дьюра посадили в долговую тюрьму, чтобы разъяренная толпа не разорвала его на части. Джефферсон торжествовал: так им и надо, проклятым спекулянтам. Гамильтон вновь выправил ситуацию на рынке, выкупив государственные ценные бумаги, но «Национальная газета» щедро поливала его грязью. Вашингтону нужно было делать выбор — с кем он?

В начале мая он решил посоветоваться с Мэдисоном — не подозревая, что тот является автором самых яростных нападок на правительство в «Национальной газете». Он твердо решил, что уйдет: ему уже слишком тяжело распутывать все эти клубки противоречий, блуждать по конституционным дебрям, опасаясь забрести не туда. Да и здоровье не позволяет... Мэдисон категорично заявил, что именно сейчас уходить никак нельзя, иначе некому будет развести по разным углам противоборствующие группировки. Еще четыре годика — и всё утрясется.

Вашингтон обдумывал его слова две недели и остался при своем мнении. Для общего дела будет гораздо лучше, если он уступит место более достойному. Он попросил Мэдисона составить проект прощального послания с упором на идею о национальном единстве и преодолении разногласий. Тот написал, хотя и просил Вашингтона принести еще одну жертву ради интересов Отечества. Параллельно он продолжал сотрудничать с «Национальной газетой» и обмениваться с

Джефферсоном шифрованными письмами. Оба были уверены в том, что Вашингтон непременно должен остаться президентом, иначе страна расколется на отягощенный долгами Юг и спекулирующий Север. Вот если осенью удастся избрать «честный» Конгресс, тогда он сможет уйти на покой еще до истечения нового срока, зная, что власть в надежных руках.

Послание было готово 20 июня, опубликовать его предстояло в середине сентября. А 4 июля Френо напечатал передовицу, разоблачающую планы Гамильтона превратить республику в неограниченную наследственную монархию. Отныне президенту каждый день клали на крыльцо три экземпляра «Национальной газеты».

Возмущенный Вашингтон уехал в Маунт-Вернон и пригласил туда Джефферсона, чтобы поговорить в спокойной обстановке. Он уже чувствовал, что ему не отвертеться от нового срока. Тобайас Лир, посланный им в Новую Англию, чтобы прозондировать общественное мнение, вернулся с твердым убеждением, что американцы не представляют на посту президента никого, кроме Вашингтона. Сам он тоже разговаривал с людьми по дороге в Маунт-Вернон. 29 июля он отправил конфиденциальное письмо Гамильтону: в целом население довольно и счастливо, однако у него имеются кое-какие претензии к правительству в плане финансовой и налоговой политики. Таких претензий набралось два десятка. Это его тревожит. Не мог бы Гамильтон ответить на его письмо как можно скорее?

Гамильтон сразу понял, что Вашингтон пересказывает ему слова Джефферсона, и перешел в контратаку. Сначала — артподготовка: «Газета Соединенных Штатов» выпустила несколько снарядов по «Национальной газете», проводнику взглядов Джефферсона, не забыв упомянуть и о том, что синекуру в Госдепартаменте мнимому переводчику Френо

раздобыл Мэдисон. А 18 августа Вашингтон получил длинное письмо, в котором Гамильтон перечислял свои достижения и отстаивал свои взгляды.

Вашингтон страдал. Эта газетная война его доконает. Он-то мечтал, что Кабинет станет единой командой! Он умолял Гамильтона помириться с Джефферсоном, а Джефферсона — с Гамильтоном, ведь цель у них одна!

Политические баталии отвлекали его от хозяйственных забот, хотя дел в поместье было навалом. Занимаясь ими, Вашингтон отдыхал душой. В 1792 году в Маунт-Верноне появилось необычное гумно, где молотили пшеницу: лошади бегали по кругу, топча колосья, зерно проваливалось в щели между досками пола в ригу, находившуюся на нижнем этаже. Вашингтон также нанял изобретателя из Делавэра Оливера Эванса, который придумал способ автоматизировать работу мельницы с помощью механизмов и конвейерных лент. Жернова приводились в движение водяным колесом высотой в 16 футов; из ведер высыпалось зерно, перемалывалось в муку, которая охлаждалась, а потом упаковывалась в бочки на вывоз. Всюду требовался хозяйский глаз, а здоровье Джорджа Огастина внушало всё больше опасений: он начал харкать кровью и с трудом мог передвигаться. С начала августа он перестал вставать с постели. Бедная Фанни была безутешна: трое малых детей останутся без отца! Харриет уехала из Маунт-Вернона во Фредериксберг, к тете Бетти.

Тогда же, в августе, французы присвоили Вашингтону, Гамильтону, Мэдисону и Томасу Пейну звание почетных граждан своей страны. Партия Джефферсона ликовала: казалось, их мечты о мировой демократической революции начинали осуществляться. Федералисты это мнение не разделяли. «Каждый народ имеет право идти к счастью собственным путем», —

утверждал Гамильтон. Кровавый штурм дворца Тюильри в Париже 10 августа 1792 года не сулил ничего хорошего. Лафайет, отстраненный от командования и обвиненный в измене революции, бежал с двумя адъютантами в Голландию, намереваясь выехать оттуда в США. Но после объявления Францией войны Австрии и Пруссии их войска вместе с частями, сформированными из эмигрантов, вторглись в страну; Лафайет попал в плен к австрийцам, обвинившим его... в измене королю. Вашингтон и Гамильтон отказались от почетного гражданства, Мэдисон же горячо благодарил. В сентябре французский Конвент провозгласил республику.

Девятого сентября Вашингтон получил два письма, от Гамильтона и Джефферсона. Гамильтон прямо писал: очень скоро настанет день, когда общество потребует заменить инакомыслящих членов администрации (прямо намекая на своих противников). Джефферсон же утверждал, что Гамильтон много на себя берет: встречи с послами не входят в обязанности министра финансов. Он также клялся, что не имеет никакого влияния на «Национальную газету».

Чтобы перехватить инициативу, Гамильтон стал публиковать статьи под псевдонимом Катулл, обвиняя республиканцев в заговоре против правительства. На войне как на войне: он делал прозрачные намеки на распутство Джефферсона, жившего со своей рабыней Салли Хемингс. Вашингтон, предприняв еще несколько безуспешных попыток примирить двух министров, признал свое бессилие. Ох уж эта свобода печати! Хотя без нее, конечно, никак нельзя.

В середине ноября, уже вернувшись в Филадельфию, он обронил в разговоре с Элизабет Пауэл, что, наверное, уйдет. Ему нравилось общаться с этой умной и привлекательной женщиной; ей он мог доверить такие вещи, о каких не заговорил бы ни с кем другим, разве

что с Мартой. После этой встречи она прислала ему письмо на семи страницах, объясняя, почему ему просто необходимо остаться. Если он уйдет, его враги станут говорить, что прежде им руководило лишь честолюбие и теперь, погревшись в лучах славы, он уходит со сцены, потому что не может ничего дать своей стране. Без него республиканцы развалят федерацию: «Вы единственный человек в Америке, осмеливающийся поступать правильно в любой ситуации». Вашингтон сдался под ее напором: он останется, но только не на весь срок. 5 декабря 1792 года состоялись выборы; все 132 выборщика отдали свои голоса Вашингтону. Неделю спустя, обсуждая с Джефферсоном покупку в Германии фарфорового сервиза для президентского стола, он спросил, не купить ли его в Китае, но услышал в ответ, что тогда придется ждать два года. О-о-о, к тому времени он уже не будет президентом, с нажимом сказал Вашингтон. Джефферсон намек понял, но Вашингтон старался обмануть сам себя. Даже в Лондоне считали: стоит ему уйти — и федерация тотчас развалится на отдельные штаты.

В палате представителей большинство получили республиканцы, что сулило президенту множество неприятных моментов. Зато спихнуть Адамса им не удалось — он получил 77 голосов против пятидесяти, отданных за губернатора Нью-Йорка Джорджа Клинтонна, ярого сторонника Джефферсона. Вашингтон никому не выказывал поддержки, сохраняя нейтралитет.

В январе 1793 года конгрессмен Уильям Бранч Гилс из Виргинии начал проверку деятельности министерства финансов, имея целью отстранение Гамильтона. Джефферсон втайне помогал составлять резолюции Конгресса с осуждением коллеги.

А в Париже 16 января начался судебный процесс над низвергнутым королем Людовиком XVI, обвиненным в измене. Процесс длился три дня; депутатам Конвента

предстояло сделать выбор между смертной казнью и тюремным заключением. Решение в пользу казни было принято с перевесом в один голос — он принадлежал Филиппу Орлеанскому, кузену короля, отрекшемуся от семьи и принявшему фамилию Эгалите (Равенство). Томас Пейн голосовал против казни, предложив заменить ее изгнанием в Америку. 21 января короля гильотинировали. 1 февраля Франция объявила войну Великобритании и Голландии.

В Америке об этом еще не знали. Вашингтон получил письмо от маркизы де Лафайет, сообщавшей о желании ее мужа, «чтобы я со всем семейством приехала к нему в Англию, мы могли бы вместе поселиться в Америке и наслаждаться там утешительным зрелищем добродетели, которая стоит свободы». Она просила президента прислать кого-нибудь вызволить Лафайета именем Соединенных Штатов. Между тем Гавернир Моррис, посол в Париже, предостерегал Вашингтона от такого неосторожного поступка, способного настроить против него Французскую Республику. Моррис выделил из собственных средств 100 тысяч ливров для супруги Лафайета, а Вашингтон открыл счет на ее имя в Амстердамском банке, положив туда 2300 гульденов (она так и не смогла получить эти деньги). Он уверял Адриенну, что не ограничится добрыми намерениями, но пока не предпринимал никаких политических шагов.

Его постиг новый удар: 5 февраля скончался Джордж Огастин. Вашингтоны предложили Фанни с детьми остаться в Маунт-Верноне, но она отказалась. Поместье оставалось без хозяина, теперь оно неминуемо придет в упадок, за хитрыми и ленивыми рабами нужен глаз да глаз, а Вашингтон вновь впрягся в ненавистное ярмо! Вернувшись в столицу, он подписал «закон о беглых рабах», позволявший хозяевам отлавливать сбежавшую живую собственность даже на территории других штатов.

День его рождения широко отпраздновали в Филадельфии, и Френо тотчас разругал в своей газете этот «монархический фарс». Чтобы не давать ему нового повода для сарказма, инаугурация 4 марта прошла крайне просто. В полдень президент приехал один к зданию Конгресса, прошел прямо в зал сената, произнес самую краткую в истории речь (135 слов) и публично принес присягу под руководством члена Верховного суда Уильяма Кашинга, после чего удалился. Собранный у Конгресса народ, писала «Пенсильвания газетт», «повинуясь движению своих сердец», приветствовал его троекратным «ура». Три днями раньше все девять резолюций Гилса против Гамильтона с треском провалились.

Между тем новый управляющий Маунт-Верноном, Энтони Уиттинг, тоже заболел туберкулезом. В письмах-отчетах он делал жалостливые приписки, что очень слаб и едва ходит. Да, мы все не богатыри, но долг есть долг! Вашингтон по-прежнему слал ему длинные подробные инструкции, советуя, словно ребенку, составлять список дел на день и отмечать крестиком, что удалось сделать. В конце марта он сам отправился в Маунт-Вернон.

В начале апреля Гамильтон известил президента, что Франция и Англия находятся в состоянии войны. Вашингтон немедленно выехал в столицу, предварительно выслав Джефферсону инструкции о том, что США будут строго придерживаться нейтралитета, и попросив составить соответствующий документ. Больше всего его беспокоило, что американские корабли начнут нападать на английские и втянут Америку в новую войну.

Эти опасения были небеспочвенны. 8 апреля в Чарлстон прибыл новый французский посланник, Эдмон Шарль Женэ — энергичный тридцатилетний полиглот, уже побывавший на дипломатической службе в Лондоне и Санкт-Петербурге. Он тотчас принялся вербовать

американских капитанов в корсары, побуждая захватывать и приводить в американские порты английские «призы», а также проникать в испанские и британские владения в Луизиане, Флориде и Канаде, чтобы поднять там восстания. В Чарлстоне ему кричали «ура», и «гражданин Женэ» начал триумфальное шествие по восточному побережью. В Филадельфии возник первый политический клуб (Демократическо-республиканское общество) по образцу клуба якобинцев. До конца года было образовано еще десять таких клубов, а в следующем году — не менее двух дюжин в разных городах страны.

Вернувшись в столицу, Вашингтон созвал кабинет и задал 13 вопросов. Первыми в списке стояли такие: следует ли издать декларацию о нейтралитете и стоит ли принимать посланника Французской Республики? Джефферсон отметил про себя, что так поставить вопрос мог только Гамильтон. На следующем заседании оба снова сцепились: Джефферсон был против нейтралитета, Гамильтон — за. Нокс примкнул к Гамильтону, текст декларации составил Рэндольф; 22 апреля она была подписана.

Это решение приняло правительство, Вашингтон не удосужился созвать заседание сената. Некоторые депутаты роптали: раз Конгресс имеет право объявлять войну, значит, он должен и провозглашать нейтралитет. Отказ открыто поддержать Францию многим казался предательством по отношению к бывшим союзникам. Гамильтон и Мэдисон вновь сражались перьями, прикрываясь именами Пацификус и Гельвидий. В мае Френо договорился до того, что Вашингтон якобы издал декларацию, испугавшись федералистов, которые пригрозили отрубить ему голову. Президент потребовал уволить его из Госдепартамента, но Джефферсон не подчинился.

По второму вопросу разногласий не было: решили посланника принять. 16 мая Женэ прибыл в Филадельфию и выступил с речью перед огромной толпой в «Сити-Таверн». Джефферсон представил его президенту, но тот принял его с холодной учтивостью. К тому времени французский корабль «Амбюскад» («Засада») уже привел в Филадельфию два захваченных британских судна. В порту их встречала ликующая толпа, о чем Джефферсон радостно сообщил коллегам — те были как громом поражены. Вразумленный Вашингтоном, Джефферсон 5 июня предупредил Женэ, чтобы тот прекратил свою агитацию, однако он и ухом не повел. Один из захваченных британских «купцов», «Малышку Сару», переделали во французский корсарский корабль и назвали «Ла Птит Демократ» («Демократочка»). Госсекретарю посланник заявил, что Франция имеет право оснащать такие корабли в американских портах, а Вашингтон является орудием партии федералистов, стремящихся установить в Америке монархию.

В это время у престарелого президента опять поднялась температура, и многочисленные нападки в республиканской прессе не способствовали улучшению его самочувствия. К тому же правительству пришлось столкнуться еще с одной проблемой: тысячи белых плантаторов из Сан-Доминго, где в августе 1791 года вспыхнуло восстание рабов, устремились в американские порты в поисках убежища, рассказывая леденящие кровь истории о насилиях и массовых убийствах. Вашингтон пожертвовал 250 долларов в пользу беженцев и предоставил денежные средства и оружие французскому правительству для подавления восстания.

«Всё устроилось лучше моих ожиданий, — сообщал во Францию Женэ, — подлинная Республика торжествует, но старый Вашингтон, сильно

отличающийся от своего образа, вошедшего в историю, не может простить мне моих успехов и рвения, с каким целый город устремился к моему дому, пока горстка английских купцов бросилась поздравлять его с его прокламацией».

Ему вторила «Национальная газета». «Было время, когда Ваше имя стояло высоко в представлениях Ваших соотечественников, а Ваш образ был дорог каждому истинному сыну Америки, — писала она в годовщину провозглашения независимости. — Но увы! Какая поразительная перемена произошла в несколько мирных лет в чувствах Ваших соотечественников!»

Но Вашингтону сейчас было не до этого: умер Энтони Уиттинг, и он срочно выехал в Маунт-Вернон. В это время кабинет решал, что делать с «Ла Птит Демократ». Гамильтон и Нокс советовали принять меры, чтобы корабль не мог выйти в море. Джефферсон заговорил об этом с Женэ, и тот пригрозил обратиться непосредственно к американскому народу, чтобы добиться отказа от нейтралитета. Узнав об этом, Вашингтон пришел в ярость, обратив ее на своего госсекретаря. «Пристало ли посланнику Французской Республики открыто и *безнаказанно* не повиноваться постановлениям нашего правительства, да еще и грозить исполнительной власти воззванием к народу?» — писал он 11 июля. Дня два спустя, вопреки обещаниям, «Демократочка» вышла в открытое море, нарушив тем самым американский нейтралитет.

В Филадельфии вспыхнули беспорядки; вопящие толпы двинулись к резиденции президента, грозя свергнуть правительство или заставить его объявить войну Англии. Французские моряки рыскали по улицам, размахивая тесаками. «Женэ готов поднять трехцветное знамя и провозгласить себя проконсулом», — сообщал домой британский консул. 23 июля Вашингтон созвал заседание кабинета, чтобы обсудить вопрос, есть ли

возможность потребовать отзыва Женэ, не нанеся оскорбления Франции. Попутно он направил председателю Верховного суда Джону Джею 29 запросов, чтобы прояснить смысл нейтралитета. 8 августа тот ответил, что по Конституции судебная власть не вправе выносить окончательных решений — президент волен принять или отвергнуть их. Тогда кабинет издал ряд постановлений, запрещающих противоборствующим сторонам вооружать корсарские корабли и приводить захваченные суда в американские порты.

Как часто бывает, с одной бедой покончила другая. В столице вспыхнула эпидемия желтой лихорадки. Одной из первых жертв стала жена Тобайаса Лира, 23-летняя Полли. Лир женился три года назад, и Полли стала помощницей Марты, которая относилась к ней, как к дочери. Полли скончалась 28 июля. Вашингтон изменил своему правилу никогда не присутствовать на похоронах и возглавил траурную процессию; Гамильтон, Джефферсон, Нокс и три члена Верховного суда несли гроб. Лир, проживший с Вашингтонами семь лет, ушел с поста секретаря, решив заняться бизнесом; его заменили племянник Марты Бартоломью Дэндридж и племянник Джорджа Хауэлл Льюис.

В августе желтая лихорадка перекинулась с верфей на центр города. По улицам медленно передвигались повозки с трупами (в день умирало до двадцати человек); могильщики останавливались перед каждым домом и выкликали: «Выносите мертвецов!» Власти распорядились жечь смолу в бочках для борьбы с распространением заразы; воздух наполнился едкой вонью. Многие учреждения закрывались, служащие бежали из столицы.

Джефферсон тоже уехал, написав Вашингтону, что намерен покинуть свой пост в конце сентября. 8 августа тот лично приехал к нему в Монтиселло, прося отложить

отставку. Он и сам с радостью ушел бы, но остается же. Мало кто так хорошо разбирается в иностранных делах и интригах зарубежных правящих дворов, как Джефферсон. Немного поломавшись, тот согласился остаться.

В середине августа Джон Джей и сенатор Руфус Кинг объявили в нью-йоркской газете, что Женэ намеревался действовать через голову американского президента, и вся страна была объята возмущением. Кабинет решил потребовать отзыва француза и предоставить его правительству подробный отчет о его поведении. Но оказалось, что якобинцы уже прислали ему замену — Жана Антуана Фоше, доставившего приказ отправить Женэ на родину, где его будут судить за преступления против революции. Вашингтон не решился отправить человека на верную смерть и предоставил ему убежище в США. Тот женился на дочери Джорджа Клинтона и прожил остаток дней в штате Нью-Йорк.

В начале сентября желтая лихорадка начала выкашивать правительственный аппарат: в министерстве финансов умерли шестеро служащих, еще семь — в таможенном управлении, трое — в почтовом ведомстве. 6 сентября симптомы болезни (сильный жар, рвота) проявились у Гамильтона; Вашингтон прислал ему шесть бутылок вина и письмо с выражением сочувствия. Сам он оставался на посту, словно думал, что заговорен не только от пуль, но и от заразы; Марта отказалась покинуть его. Гамильтона выходил друг детства доктор Эдвард Стивенс, и он немедленно уехал вместе с женой в Олбани, в особняк Скайлеров. 10 сентября Вашингтон с семьей тоже выехал в Маунт-Вернон, даже не захватив с собой государственные бумаги. Джордж и Марта звали с собой Элизу Пауэл, но та не захотела оставить мужа, председателя сената Пенсильвании (он умер три недели спустя). Генри Нокс остался исполнять обязанности президента, обязавшись

представлять Вашингтону еженедельный отчет о событиях в опустевшей столице, где теперь умирало до сотни человек в день. К середине октября три с половиной тысячи филаделфийцев — то есть десятая часть населения — перекочевали на кладбище.

Восемнадцатого сентября 1793 года в Маунт-Вернон явился военный оркестр из Александрии, и под его звуки Вашингтон возглавил праздничную процессию к месту закладки первого камня в основание Капитолия. Церемонией руководили Великая ложа Мэриленда и 22-я ложа Александрии; Вашингтон в масонском фартуке, вышитом руками Адриенны де Лафайет, исполнял обязанности Великого мастера. Когда он дошел до траншеи, куда предстояло заложить юго-восточный краеугольный камень фундамента, ему подали серебряную мемориальную пластину со списком лож, присутствующих на церемонии. Раздался артиллерийский залп. Вашингтон спустился в траншею и положил пластину на камень, рядом он поставил сосуды с зерном, вином и маслом — символические принадлежности масонского ритуала. Присутствующие прочитали молитву и спели масонский гимн, последовал еще один залп. Взойдя на трехступенчатую трибуну, президент произнес речь. За ней последовали масонский гимн и финальный залп.

В конце сентября Вашингтон нанял нового управляющего — Уильяма Пирса, наскоро обучил его своим педантичным методам работы и познакомил с пятью надсмотрщиками — «хилыми, ленивыми и тупыми». Разве что из негра Дэйви, присматривавшего за Мадди-Хоул, еще мог выйти толк. Имение было страшно запущено, отсутствие твердой руки сказывалось во всём. К тому же даже в отсутствие хозяина в Маунт-Вернон заезжали «туристы», позволявшие себе есть и пить за его счет. (В одном из писем Вашингтон отчитал Фанни за чрезмерное

гостеприимство: дорогое вино следует подавать только близким друзьям, иностранным сановникам и членам Конгресса.) Вашингтон нервничал и раздражался: все его начинания оказывались сведены на нет. Ввести многопольный севооборот так и не удалось из-за противодействия управляющих фермами; новейшие машины быстро приходили в негодность, потому что «беспечные негры и невежественные надсмотрщики» не умели с ними обращаться. В поисках выхода из тупика Вашингтон решил сдать внаем четыре фермы — 3260 акров сельхозземель, 54 лошади, 12 мулов, 317 голов рогатого скота и дичающих свиней — толковым английским фермерам, оставив себе только главную усадьбу. За помощью в этом вопросе он обратился к агроному Артуру Юнгу, с которым состоял в переписке. Кроме того, Вашингтон надеялся, что новые хозяева освободят всех 170–180 рабов и будут использовать их как наемных рабочих. Сам он решиться на это не мог — соседи не поняли бы. Сбежавших рабов по-прежнему разыскивали, давая объявления в газеты; правда, Вашингтон просил Пирса, чтобы его имя в объявлениях не упоминалось.

В то время как Маунт-Вернон приходил в упадок, строительство новой столицы набирало обороты. Планы, которые Ланфан увез с собой, восстановил по памяти работавший с ним математик-самоучка Бенджамин Баннекер, из негритянских рабов. Проект здания Конгресса — Капитолия — составил изобретатель и аболиционист доктор Уильям Торнтон, сумев объединить классическую архитектуру с современным американским стилем. 13 октября 1792 года был заложен первый камень в основание резиденции президента — будущего Белого дома — по проекту ирландского архитектора Джеймса Хобана, заслужившего восторженные отзывы Вашингтона. Верховный суд тогда играл столь

невеликую роль, что ему решили отвести помещение в Капитолии, а не строить отдельное здание.

А вот правительство должно было продолжать работать. 1 ноября президент провел заседание кабинета в Джермантауне. Министрам приходилось ютиться по углам — небольшой поселок был переполнен беженцами из Филадельфии. Дела же принимали серьезный оборот: британский флот намертво блокировал французские колонии в Вест-Индии и захватил за пять месяцев 250 американских судов, следовавших во французские порты. Английские капитаны вылавливали дезертиров, поступавших на американские корабли, и множество американцев подвернулось им под горячую руку. Добившись решения о создании нового флота и укреплении портов, лидеры федералистов в Конгрессе теперь стремились к созданию армии в 25 тысяч человек для отражения внешней угрозы. Республиканцы же по-прежнему противились идее регулярной армии, опасаясь, что в мирное время ее станут использовать для укрощения диссидентов внутри страны...

С наступлением холодов желтая лихорадка отступила, и по первому снегу Вашингтон верхом вернулся в столицу, одевшуюся в траур. Балы и спектакли были отменены; президент возглавил работу по оказанию помощи вдовам и сиротам.

Третьего декабря Вашингтон, в последний раз сопровождаемый триумvirатом министров (Джефферсон, Гамильтон, Нокс), выступил с речью перед Конгрессом. В Европе бушевала война, и президент хотел, чтобы у американцев «был порох в пороховницах». При этом он настаивал на соблюдении нейтралитета и подробно объяснил, что в этом нет никакого предательства по отношению к Франции.

«В революционных куцах, куда хватит глаз, одни лишь виселицы», — сообщал из Парижа Гавернир

Моррис, присутствовавший при казни королевы в октябре 1793 года. Те французы, которые когда-то помогали американцам бороться за свободу, действуя не из политических соображений, а по зову сердца, теперь подвергались преследованиям. Лафайета переводили из одной тюрьмы в другую; британский премьер Уильям Питт оказывал давление на Австрию, чтобы его ни в коем случае не освобождали. В ноябре во Франции была арестована его жена Адриенна; по счастью, она успела отправить в безопасное место сына и двух дочерей. Старика Рошамбо тоже бросили в парижский замок-тюрьму Консьержери, в камеру смертников. В декабре, после изгнания из Конвента всех иностранцев, в камеру попал и Томас Пейн, несмотря на то, что объявил себя гражданином США, а не подданным Великобритании (правда, американский посол Гавернир Моррис не подтвердил это заявление).

...Накануне Рождества Вашингтон полдня просидел за письменным столом — строчил яростные письма пяти надсмотрщикам, в очередной раз загубившим урожай. Пока он подыскивал для них хлесткие слова, американская пресса изощрялась в том же самом — но на его счет. Президента обвиняли в подражании европейским коронованным особам, а «Нью-Йорк джорнэл» утверждал, что в юности Вашингтон только и делал, что предавался игре, бражничал, ходил на скачки, в делах же не смыслил ни бельмеса и, несмотря на показное благочестие, вовсю богохульствовал и матерился...

В последний день 1793 года Томас Джефферсон подал в отставку с поста госсекретаря, чтобы посвятить себя «семье, ферме и книгам». Перед уходом он внес в Конгресс ряд предложений по ограничению торговли с Великобританией — по словам Гамильтона, бросил гранату и тотчас смылся в Монтиселло. Гамильтон чувствовал, что его оппонент уходит из политики лишь

для того, чтобы вскоре вернуться — и подняться на самый верх: сорняки быстрее растут в тени. А Вашингтон простился с ним довольно любезно, хотя в душе чувствовал себя преданным. Их переписка продолжалась, но теперь речь в письмах шла лишь о посевах и урожае: президент никогда не просил политических советов у соседа-помещика и перешел от обращения «дорогой сэр» к «уважаемый сэр». Новым госсекретарем стал Эдмунд Рэндольф, хотя, конечно, он был неровня Джефферсону; на посту генерального прокурора его сменил федералист Уильям Брэдфорд. Гамильтон и Нокс торжественно пообещали, что не уйдут из правительства до конца 1794 года.

ДЕСПОТ

Обновленной правительственной команде пришлось столкнуться с новой проблемой: 11 американских торговых судов, на которых находилось в общей сложности около сотни человек, были захвачены в Средиземном море алжирскими пиратами. Вашингтон с большой неохотой согласился уплатить выкуп и даже попытался заключить с Алжиром договор о дружбе и торговле, однако он считал, что давно пора облечь мягкотелую американскую дипломатию в стальные доспехи. В марте 1794 года Конгресс одобрил предложение, поддержанное Вашингтоном и Ноксом, о постройке шести фрегатов для защиты торгового флота США от алжирских корсаров.

Политика Лондона тоже стала невероятно жесткой. Вашингтон был убежден, что британцы подстрекают индейские племена к нападению на американцев, чтобы изменить канадскую границу в свою пользу. (В самом деле, лорд Дорчестер, новый губернатор Квебека, ранее отказавший в помощи Джозефу Бранту, теперь поставлял индейцам оружие и провиант.) Вашингтон дал Генри Ноксу инструкции: «перекупить капитана Бранта любой ценой».

В среде федералистов нарастало убеждение в необходимости отправки посланника в Лондон, чтобы избежать войны, упрочить торговлю, потребовать возмещения ущерба за захваченные суда, а заодно уладить давние споры (британцы так и не ушли из северо-восточных фортов). Кого послать? Разумеется, Гамильтона! Но против выступили республиканцы: Гамильтон — известный англофил, кто здесь поверит в его честные намерения? Тогда Гамильтон сам отказался ехать и предложил послать Джона Джея. Выбор был не

самый удачный: Джей тоже был англофил, а Мэдисон считал его еще и тайным монархистом. Но Вашингтон утвердил это назначение, чем, по словам Мэдисона, нанес большой урон своей популярности. По мнению президента, переговоры с Англией — единственный способ избежать войны с ней. Пусть едет Джей.

Чтобы подсластить пилюлю республиканцам, возмущавшимся также тем, что Джей, облеченный дипломатической миссией, сохранял пост главы Верховного суда, Вашингтон отозвал из Франции Гавернира Морриса и назначил послом в эту страну сенатора-франкофила Джеймса Монро. 12 мая 1794 года тысячи людей пришли в Нью-Йоркские доки проводить Джея в дальний путь.

Государственные дела не давали Вашингтону заниматься хозяйственными. В июне он на краткое время вырвался в Маунт-Вернон и поехал верхом осматривать строительство канала и шлюзов на Потомаке. Лошадь оступилась и чуть не расшиблась о скалы вместе с седоком. Неимоверным усилием Вашингтон, прекрасный наездник, практически вытащил ее из пропасти, но при этом так сильно потянул спину, что после уже не мог сесть в седло. В Филадельфию он возвращался в карете, небольшими перегонами. Марта очень тревожилась по поводу этой травмы, причинявшей ее мужу сильную боль.

Лето выдалось на редкость жарким, и Вашингтоны сняли домик в Джермантауне, подальше от столичной духоты. Там президент исполнял официальные обязанности и принимал посетителей. Но Марта позволяла себе ходить «по-домашнему», в привычной удобной одежде. Гости отмечали про себя, что она выглядела старше мужа, несмотря на все тяготы, которые выпали на его долю.

В социальной жизни тоже наступил «перегрев»: недовольство налогом на винокурение, введенным

Гамильтоном в 1791 году, приняло форму неприкрытого противодействия. Фермеры Западной Пенсильвании, гнавшие из излишков зерна виски (крепкий напиток лучше переносил морскую транспортировку в Европу), были особенно возмущены тем, что правительственные инспекторы получили право свободно осматривать их амбары и погреба. Мой дом — моя крепость!

В середине июля налоговый инспектор Джон Невилл и секретарь суда Дэвид Ленокс попытались привлечь к суду фермеров, не зарегистрировавших свои винокурни, как того требовал закон. В отместку те подожгли дом Невилла и стреляли в Ленокса. 1 августа акции протеста приняли угрожающий размах: около шести тысяч человек собрались на «поле Брэдока» под Питсбургом, размахивая флагом из шести полос, символизировавших четыре графства в Пенсильвании и два в Западной Виргинии, выступивших против налога на виски. Они грозили разоружить гарнизон Питсбурга и требовали отставки любого чиновника, поддерживающего закон об акцизах.

На следующий день Вашингтон собрал правительство, чтобы решить, что делать. В свое время на том самом поле он не кланялся французским пулям и теперь тоже не собирался отступать: если законы будут безнаказанно попирались, а меньшинство диктовать свою волю большинству, республиканскому правлению придет конец.

Гамильтон и Нокс предлагали немедленно мобилизовать милиционные войска; Рэндольф опасался, что демонстрация силы лишь усилит протесты. Судья Джеймс Уилсон подтвердил, что президент обладает властью проводить мобилизацию. 7 августа Вашингтон издал прокламацию о созыве ополчения и предупредил бунтовщиков, чтобы те вернулись к своим мирным занятиям до конца месяца. В тот же день Нокс приказал губернаторам Пенсильвании, Нью-Джерси и Виргинии

быть готовыми выставить 13 тысяч милиционных солдат для подавления бунта. Вместе с тем Вашингтон отправил делегацию из трех человек под руководством генпрокурора Брэдфорда для переговоров с бунтовщиками.

На следующий день после издания прокламации Вашингтон с неудовольствием удовлетворил просьбу Нокса отпустить его на полтора месяца в Мэн. (Еще в 1790 году Нокс вместе с Уильямом Дьюром купил в этом штате два миллиона акров земли. Стремясь заделаться помещиком, он назанимал денег где только можно и выстроил себе в Томастоне трехэтажную аристократическую усадьбу в 19 комнат с двадцатью четырьмя каминами, окруженную пристройками, которую назвал Монпелье.) Во время его отсутствия Вашингтон попросил Гамильтона исполнять обязанности военного министра. У Гамильтона тоже были проблемы: один из его сыновей серьезно заболел, а жена тяжело переносила очередную беременность; однако он согласился.

Переговоры с мятежниками не увенчались успехом. Между тем индейцы решили воспользоваться ситуацией. Брант неоднократно пытался миром уладить споры между Западной конфедерацией индейских племен и американскими поселенцами, но потерпел неудачу. Вождь шауни Синий Камзол и вождь делаваров Баконгахелас, воодушевленные прежними победами и надеявшиеся на поддержку англичан, требовали возврата к Договору форта Стэнвике 1768 года и отвергали более поздние договоры, по которым земли к северу от реки Огайо переходили к США.

Двадцатого августа состоялось решающее сражение «у поваленных деревьев» на реке Моми, неподалеку от нынешнего города Толедо в штате Огайо. Позицию выбрал Синий Камзол: он думал, что поваленные недавним ураганом деревья затруднят продвижение

Американского легиона под командованием Энтони Уэйна. Помимо шауни, делаваров, оттавов, майами, виандотов, чиппева, потаватоми и минго, Уэйну противостоял отряд канадской милиции под началом капитана Александра Мак-Киллопа. Но Уэйн хорошо подготовился, набрав проводников из индейцев чокто и чикасо. Американцы окружили индейцев и пошли в штыковую атаку; с фланга нагрянула конница, обратившая шауни в бегство. Стволы деревьев мешали индейцам маневрировать. Сражение закончилось через два часа. Индейцы бежали к форту Майами, но ворота оказались закрыты: комендант, не желавший войны с США, отказался предоставить им убежище. Люди Уэйна еще несколько дней разоряли индейские поселки и поля, а потом ушли.

В это время мятеж в Пенсильвании ширился. На капитана Уильяма Фолкнера, позволившего Джону Невиллу разместить в своем доме контору, напала толпа, грозя вывалить его в смоле и перьях и поджечь его дом, если он будет заниматься укрывательством налоговиков. Кое-кто из предводителей мятежников, вообразив себя Робеспьером, призывал создать Комитет общественного спасения и строить гильотины. Это всё работа Женэ, возмущался Вашингтон; «я считаю этот мятеж первым значительным достижением Демократических обществ», — писал он 26 августа губернатору Виргинии Генри Ли.

Между тем во Франции Робеспьера уже свергли: переворот 9 термидора (27 июля) положил конец кровавому террору. Одними из последних жертв стали граф д'Эстен, казненный 28 апреля (на эшафоте он сказал: «Отошлите мою голову англичанам, они вам хорошо заплатят»), и семья Адриенны де Лафайет: ее бабушка, мать и сестра в мае сложили головы на гильотине. Жену героя американской революции, за которую заступился Моррис, казнить не решились.

Сам же герой томился в тюрьме. Вашингтон лично написал прусскому королю письмо с просьбой выпустить Лафайета на свободу. Давление Англии было слишком велико, король не мог удовлетворить эту просьбу, однако существенно облегчил положение узника: ему разрешили чтение книг, прогулки, стали лучше кормить. Но, увы, эти послабления продолжались недолго: под нажимом Питта Лафайета перевели в грязную, кишашую паразитами камеру в Ольмюце и надели на него кандалы. Американский студент Фрэнсис Хьюджер, изучавший в Германии медицину, и немецкий врач Эрих Больман попытались устроить ему побег, но попытка провалилась, и они оба сами оказались в той же тюрьме на целых восемь месяцев. Новый американский посол Джеймс Монро добивался освобождения Адриенны де Лафайет. Его жена Элизабет, прозванная в Париже «прекрасной американкой», демонстративно отправилась в тюрьму в красивом открытом экипаже и в своем самом нарядном платье, чтобы увидеться с Адриенной, и заключила ее в объятия.

Вашингтон же вновь облачился в военный мундир. 25 сентября он издал последнее предупреждение мятежникам, которые отвергли «предложения о прощении» и поэтому превратились в его глазах в «изменническую оппозицию». Гамильтон уже давно говорил, что хватит с ними миндальничать. Они вдвоем отправились в карете (спина всё еще болела) в Карлайл в штате Пенсильвания, где стояли лагерем милиционные войска. Марта была вне себя от тревоги. «Одному Богу известно, когда он вернется. Я осталась совсем одна с детьми на руках», — писала она Фанни.

В свои 62 года Вашингтон стал первым (и единственным) президентом США, возглавившим войска, готовые к бою. Полтора месяца прошло, но Нокс так и не вернулся; от этого на душе был горький осадок.

В Карлайле войска выстроились вдоль дороги — всем хотелось увидеть президента. Вашингтон знал, что им нужен харизматический лидер на коне, а не старик в карете, и в очередной раз сделал над собой усилие. Объезжая лагерь, он снял шляпу и учтиво раскланивался с солдатами, стоявшими возле своих палаток. При его появлении воцарилась торжественная тишина: все почувствовали важность момента. Президент выглядел суровым и отстраненным; Гамильтон — энергичным, учтивым и искренним.

В начале октября Нокс примчался в Филадельфию и послал Вашингтону письмо с извинениями за опоздание и просьбой разрешить ему приехать в Карлайл, однако получил короткий ответ: «Мне было бы приятно иметь Вас рядом с собой в этой поездке и связанные с этим преимущества, если бы это было возможно благодаря Вашему возвращению вовремя. Теперь уже поздно».

Во избежание кровопролития в Карлайл для переговоров прибыли два представителя бунтовщиков: конгрессмен Уильям Финдли, стойкий противник правительственной политики, и Дэвид Редик, бывший член исполкома Пенсильвании, оба уроженцы Ирландии. По дороге они успели пообщаться с местным населением, которое опасалось неуправляемых правительственных сил, способных разорить западные земли. Делегаты оказались реалистами: уж лучше платить налог.

Вашингтон принял их довольно любезно, но потребовал «неопровержимых доказательств полнейшей покорности», иначе армия двинется дальше на запад. Если же кто вздумает стрелять в солдат, за последствия он не отвечает.

Он снова находился в своей стихии, даже боли в спине чудесным образом прекратились. Нужно было преподать урок мятежникам, и армия продвигалась дальше. В Бедфорде Вашингтон вновь устроил смотр

войскам и остался доволен. Солдаты глядели на него ласково, как на старого доброго отца. Он предупредил их, чтобы не причиняли бунтовщикам никакого вреда: их будут судить гражданские суды, а не военные трибуналы. Разработав с Гамильтоном и Генри Ли план продвижения войск двумя колоннами к Питсбургу, президент отправился обратно в Филадельфию, оставив Гамильтона за старшего.

Зарядили дожди, дороги раскисли, и в столицу он добирался целую неделю. Как раз подошло время сессии Конгресса. 19 ноября Вашингтон выступил со своим шестым ежегодным посланием, обосновав свое поведение в Западной Пенсильвании и обратив внимание законодателей на «определенные самопровозглашенные общества», «рожденные в грехе», «нечистые порождения Женэ» и якобинцев, представляющие угрозу для правительства. Сенат был благодарен президенту за предупреждение, но в палате представителей Джеймс Мэдисон забил тревогу по поводу притеснения политических клубов: политическая цензура извращает принцип республиканского правления. В частном письме Джефферсону он даже назвал это величайшей политической ошибкой Вашингтона. Джефферсон же усмотрел в президентском послании открытые нападки на свободу слова, проявление деспотизма.

Тем временем мятеж постепенно выдохся. Арестовано было около 150 человек; двух вожаков судили и приговорили к смерти, но Вашингтон, воспользовавшись своим конституционным правом, помиловал их.

В ноябре Томаса Пейна выпустили из тюрьмы: Джеймс Монро доказал французскому правительству, что тот является гражданином США. Однако Пейн затаил злобу на Вашингтона, считая его виновным в

своем заточении; она лишь ждала своего часа, чтобы прорваться наружу.

Первого декабря в Филадельфию вернулся Гамильтон и в тот же день сообщил Вашингтону, что намерен оставить свой пост в конце января: в его отсутствие у жены случился выкидыш, он опасается за ее здоровье и должен быть рядом с семьей. Вашингтон не мог его удерживать и наметил заменить его Оливером Уолкоттом из Коннектикута, какое-то время служившим аудитором министерства финансов.

Незадолго до Рождества сенатор Пирс Батлер пожаловался президенту на злоупотребления, допущенные при строительстве американского флота. Вашингтон переслал это письмо Ноксу с припиской: немедленно провести расследование и доложить. Нокс умел читать между строк; 28 декабря он подал прошение об отставке, ссылаясь на те же причины — нездоровье жены и растущее семейство. Заканчивалось письмо душевно: «Как бы ни обернулась моя жизнь, я всегда буду помнить о Вашем доверии и доброте со всем пылом и чистотой привязанности, на какие только способно благодарное сердце». Вашингтон принял его отставку без возражений. В преемники Ноксу он назначил главного почтмейстера Тимоти Пикеринга, радикального федералиста. Он старался окружить себя единомышленниками и абсолютно лояльными людьми, ему надоели открытые стычки и подковерная возня. Если бы он сам мог уйти в отставку!

МИШЕНЬ ДЛЯ НАПАДОК

В январе 1795 года Адриенну де Лафайет наконец-то выпустили из тюрьмы. Она поселилась у четы Монро, принявшей ее выхаживать: на бедную женщину было страшно смотреть. Едва поправив здоровье, Адриенна разыскала дочерей Виржинию и Анастасию и получила разрешение выехать вместе с ними в Америку. Но на самом деле все трое отправились в Гамбург. Там американский консул Джон Париш выдал маркизе американский паспорт на имя госпожи Мотье из Хартфорда, штат Коннектикут. (В свое время Лафайет стал почетным гражданином этого города под именем Мотье.)

Америку сейчас занимало другое: к февралю по Филадельфии распространились слухи о том, что Джон Джей заключил договор с Англией и вскоре вернется на родину. Членам Конгресса предстояло разъехаться на летние каникулы, и 3 марта Вашингтон известил законодателей, что соберет специальную сессию 8 июня для обсуждения договора, текст которого к тому времени, несомненно, будет получен. В самом деле, текст оказался на его столе уже четыре дня спустя. Вашингтон прочел — и оторопел.

Положить конец захвату в плен американских моряков не удалось. Британские товары получали режим наибольшего благоприятствования, в котором американским товарам было отказано. Провозглашалась свобода перемещения и торговли между британскими владениями в Канаде и США для белых поселенцев и индейцев. Никаких компенсаций за рабов, вывезенных из страны в конце войны (Джей, убежденный противник рабства, на этом пункте не настаивал). Более того, США обязывались выплатить английским кредиторам

дореволюционные долги, сделанные по большей части виргинскими плантаторами. Такое впечатление, что время повернуло вспять и Америка вновь превратилась в колонию! Англичане согласились только вывести, наконец, свои гарнизоны из фортов на Великих озерах, открыть доступ малым американским судам в британскую Вест-Индию и компенсировать ущерб американским купцам, у которых были конфискованы грузы. За что боролись?..

Зато войны с Англией точно не будет, а это сейчас самое главное.

Этот договор был бомбой, и Вашингтон решил до поры до времени скрыть его взрывоопасное содержание.

Джей, вернувшись из Англии, узнал, что избран губернатором Нью-Йорка, и тотчас покинул пост председателя Верховного суда. Найти ему замену оказалось делом нелегким. Гамильтон отклонил сделанное ему предложение. Вашингтон выдвинул кандидатуру Джона Ратледжа из Южной Каролины, но ее отверг сенат. Уильяма Кашинга из Массачусетса сенаторы утвердили, но тот был слишком стар и немощен и неделю спустя сам подал в отставку. В итоге 4 марта 1796 года главой Верховного суда, к великому облегчению Вашингтона, утвердили сенатора Оливера Элсворта из Коннектикута.

Договор был представлен Конгрессу на ратификацию; дебаты проводились в обстановке строжайшей секретности. Ознакомившись с текстом, законодатели тоже пришли в ужас, но попытались взять себя в руки. Федералисты пошли на уступки республиканцам: они выступят против 12-й статьи, устанавливающей ограничения на торговлю в британской Вест-Индии, к которой допускались лишь суда водоизмещением не больше 70 тонн. Сенат принял резолюцию с рекомендацией президенту внести

поправки в текст договора, вычеркнув из него 12-ю статью.

И тут бомба взорвалась: 29 июня краткое изложение договора было напечатано в журнале «Аврора» под редакцией внука Франклина, Бенджамина Франклина Бэйча (это издание уже не первый год изливало на Вашингтона потоки ядовитой критики). 1 июля там же был опубликован полный текст, в то время как «Газета Соединенных Штатов» напечатала официальную версию. Страна взволновалась: Джея честили на все корки, называли продажным слугой монархии, публиковали о нем непристойные стишки. Во время празднования 4 июля чучело Джея жгли почти во всех городах и поселках.

В это же время прошел слух, что англичане издали новое распоряжение о перехвате судов, нагруженных продовольствием для Франции. Этого еще не хватало! Вашингтон немедленно заявил протест британскому послу Джорджу Хаммонду и обратился за советом к Гамильтону, вернувшемуся к юридической практике на Манхэттене. Гамильтон прислал развернутый анализ договора на пятидесяти трех страницах, завершившийся выводом: подписать!

Гамильтон всегда говорил то, что думал, и был готов отстаивать свои убеждения, но когда он вышел к участникам демонстрации протеста в Нью-Йорке и возвысил свой голос в защиту договора с Британией, в него полетели камни, один из них угодил в голову. В Филадельфии толпа разбила стекла в доме Джорджа Хаммонда и сожгла текст договора под радостные вопли. Резиденция президента находилась практически на осадном положении; с каждым днем люди всё прибывали — они проклинали Вашингтона, требовали войны с Англией, желали успеха французским патриотам и честным республиканцам. Со всей страны Вашингтону присылали гневные резолюции против

договора; некоторые — из Нью-Джерси, Виргинии, Кентукки — были настолько оскорбительными, что президент не считал нужным на них отвечать. В середине июля он выехал из раскаленной (во всех смыслах) Филадельфии в Маунт-Вернон, чтобы дать себе небольшую передышку. Но травля в газетах продолжалась: президента обвиняли в тайном намерении порвать все связи с Францией и сменить союзника — вместо республики подружиться с монархией. Некоторое облегчение Вашингтон испытал лишь тогда, когда в прессе стали появляться статьи, подробно растолковывающие преимущества договора, заключенного Джеем; он без труда догадался, кто скрывается под псевдонимом Камилл. Ему тоже следовало вернуться на бастион и встать под пули, как он это делал всегда, иначе Гамильтон перестанет его уважать.

Как назло, в Маунт-Верноне разразилась буря — на сей раз в прямом смысле слова. Разверзлись хляби небесные, урожай погиб, мосты смыло, и Вашингтон оказался в полной изоляции. Рэндольф и Пикеринг слали ему встревоженные письма с просьбой срочно вернуться, причем последний намекал на какие-то «особые обстоятельства».

Между тем 3 августа 1795 года Энтони Уйэн заключил договор с Западной конфедерацией индейских племен, подписание которого состоялось в форте Гринвиль в Огайо. Индейцы соглашались уступить США обширные земли в современном штате Огайо (территорию будущих Чикаго и Детройта) и некоторые другие в обмен на домашний скот, одеяла и разную утварь общей стоимостью 20 тысяч долларов. Хотя эта проблема была решена.

В середине августа заключенный Джеем договор был ратифицирован сенатом, набрав ровно столько две трети голосов, необходимых по Конституции. Теперь его

должен был подписать — или не подписать — президент.

Вашингтон вернулся в Филадельфию и вызвал к себе Пикеринга. Когда тот явился, президент обедал в обществе Рэндольфа. При виде гостя он извинился и, захватив бокал вина, вышел вместе с ним в соседнюю комнату. Плотнo затворив дверь, Вашингтон спросил, на что он намекал в своем письме. Кивнув на дверь, Пикеринг выпалил: «Этот человек — изменник!»

Двадцать восьмого июля британский посол Хаммонд предъявил министру финансов Уолкотту письмо, которое тот немедленно показал Пикерингу. Это было секретное послание французского посла Жана Антуана Фоше, отправленное в октябре прошлого года во Францию и перехваченное в море англичанами. Фоше сообщал о разговоре с Рэндольфом — в разгар мятежа в западной Пенсильвании тот якобы заявил ему, что если французы предоставят ему несколько тысяч долларов, он сможет сговориться с пенсильванскими чиновниками и разрешить дело в пользу Франции, а также намекнул, что некоторые торговцы мукой в обмен на списание их долгов английским кредиторам могли бы выставить англичан вдохновителями мятежа. «Таким образом, — делал вывод Фоше, — на совесть мнимых патриотов Америки уже существуют твердые расценки!.. Что же будет дальше с этим правительством, если оно уже сейчас прогнило насквозь!»

Выслушав этот рассказ в полнейшем молчании, Вашингтон спокойно сказал: «Давайте вернемся, чтобы не вызвать подозрений по поводу причины нашего отсутствия». Рэндольфу он в этот вечер ничего не сказал. На следующее утро состоялось заседание правительства, на котором Вашингтон объявил, что намерен подписать договор, заключенный Джемом. Рэндольф оказался единственным членом кабинета, который этому воспротивился.

Целую неделю ничего особенного не происходило: Вашингтон, никогда не принимавший решений с ходу, пытался предугадать возможные последствия этого разоблачения. Стоит ли публиковать злосчастное письмо? Не обвинят ли его в предвзятости? Госсекретарь — важное лицо в системе управления; стоит его сместить, и республиканцы выставят его мучеником, пострадавшим за правое дело, боровшимся за отмену договора с Англией, а письмо Фоше расценят как предлог. Вечером 18 августа Вашингтон за ужином попросил Рэндольфа зайти к нему в кабинет на следующее утро в 10.30; Уолкотт и Пикеринг должны были прийти раньше, чтобы вместе выработать тактику действий. Сошлись на обычном приеме: показать Рэндольфу письмо и посмотреть, как он отреагирует.

«Мистер Рэндольф, — объявил Вашингтон, достав из кармана бумагу, — будьте добры, прочтите это письмо и дайте мне угодные вам разъяснения». Рэндольф покраснел, однако овладел собой и читал молча, затем поднял глаза на Вашингтона и сказал, что письмо, верно, было перехвачено. Вашингтон кивнул. Рэндольф заявил, что никогда не просил денег у французов и что предпочел бы оправдаться письменно, если ему позволят оставить бумагу у себя. Ему позволили, после чего Пикеринг и Уолкотт устроили ему перекрестный допрос. Вашингтон спросил, когда он сможет представить письменные объяснения. Как можно раньше, с сердцем ответил Рэндольф и тут же выпалил, что не может ни минуты оставаться в своей должности, раз к нему так относятся; повернулся и ушел.

Пообещав Рэндольфу не разглашать всю эту историю, пока не получит его объяснений, Вашингтон стал искать ему замену. В отсутствие других надежных советчиков он обратился к Джону Адамсу: его сын Джон Квинси Адамс в то время являлся послом в Голландии и зарекомендовал себя как многообещающий молодой

дипломат. Но Голландия была далеко. Пять кандидатов — Уильям Патерсон, Томас Джонсон, Чарлз Котсуорт Пинкни, Патрик Генри и Руфус Кинг — отклонили предложение (честный Вашингтон каждого нового кандидата ставил в известность об отказе предыдущего). В конце концов президент был вынужден перевести Тимоти Пикеринга с поста военного министра на пост госсекретаря, но начались новые мучения — с подбором его преемника. Третий по счету кандидат согласился принять этот пост; это был Джеймс Мак Генри, врач, во время войны служивший адъютантом у Вашингтона. Конечно, министр из него был так себе, зато он был честный человек и лояльный Вашингтону. А тут еще скончался генеральный прокурор Уильям Брэдфорд. На его место тоже не нашлось желающих; после отказа двух кандидатов Вашингтон назначил Чарлза Ли (полного тезку генерала), который, впрочем, слишком часто отлучался из Филадельфии и явно воспринимал свою должность как синекуру.

В конце августа президент подписал договор с Британией.

Рэндольф так и не дал письменного объяснения инцидента, однако опубликовал все письма, относящиеся к делу, в оппозиционной прессе, попутно обвинив президента в сговоре с федералистами. Можно ли после этого верить людям? И ведь всё тайком, за спиной!.. В довершение всех бед летняя жара способствовала рецидиву желтой лихорадки.

В начале сентября Вашингтон получил письмо от сенатора Джорджа Кабота с известием о том, что в Бостон прибыл пятнадцатилетний Джордж Вашингтон Лафайет в сопровождении своего гувернера Феликса Фретеля. Мать успела услатить его в Америку и снабдила письмом президенту с просьбой заступиться за отца. Сама она в это время находилась в Вене и добилась аудиенции у австрийского императора. Выразив ей

сочувствие, Франц II сказал, что не может выпустить Лафайета из тюрьмы, но милостиво разрешил Адриенне и ее дочерям воссоединиться с мужем и отцом. Женщины немедленно выехали в Ольмюц.

«В отношении к Франции и Англии наше правительство подобно кораблю между Сциллой и Харибдой», — писал Вашингтон в одном из частных писем. Вот и сейчас он стоял перед дилеммой: принять сына человека, который во Франции до сих пор считается врагом революции, — значит нанести обиду новому французскому правительству, не принять его — проявить неблагодарность к герою, много сделавшему для свободы Америки. В Филадельфии жило множество французских эмигрантов, юному Лафайету лучше было там не показываться, поэтому Вашингтон попросил Кабота временно поместить своего крестника в Гарвард, обязавшись оплатить все расходы. «Мое дружеское отношение к его отцу отнюдь не уменьшилось, но увеличилось по мере его невзгод», — подчеркнул он. Юношу же уверил, что будет ему «отцом, другом, защитником и покровителем».

Вашингтон в письме порекомендовал молодому Лафайету обратиться к Александру Гамильтону, горячо привязанному к его отцу со времен их боевой дружбы. Мальчик тайно ездил к Гамильтону в Нью-Йорк, и Вашингтон потом справлялся о нем у своего лучшего помощника. Он не получил ответа на одно из своих писем и страшно переживал: уж не обиделся ли на него сын человека, которого он сам считал своим сыном?..

Пятнадцатого октября Лафайет-старший чуть не задохнулся от радости, увидев любимую жену и дочерей. Сам он выглядел ужасно: худой, бледный как смерть, с набухшими лимфоузлами, кровавыми волдырями и незаживающими ранами, натертыми кандалами. Адриенну заперли в камеру вместе с ним,

дочерей — в соседнюю. Писать сыну в Америку она не могла, получать письма — тоже.

В это время Вашингтон одержал небольшую, но крайне важную для него дипломатическую победу: в октябре 1795 года Томас Пинкни, посланник в Англии, сумел заключить в Испании «договор Сан-Лоренцо», согласно которому граница США отныне проходила по реке Миссисипи и по 31-й параллели во Флориде и американцы получили право свободной перевозки товаров по реке и их хранения в Новом Орлеане.

Восемнадцатого декабря Эдмунд Рэндольф напечатал памфлет на 103 страницах, озаглавленный «Оправдание»: помимо изложения довольно обоснованных аргументов в свою защиту от обвинения во взяточничестве, он делал несколько острых выпадов против Вашингтона, которыми тот был задет за живое. В сердцах он швырнул брошюру на пол. А ведь сколько он сделал для этого молодого человека, как продвигал его по дружбе с его дядей Пейтоном Рэндольфом! Негодяй! Мерзавец! И что теперь делать — тоже оправдываться? Гамильтон, к которому он, как обычно, обратился за советом, порекомендовал просто промолчать. Многозначительное молчание всегда было мощным оружием Вашингтона. Сработало оно и на сей раз. Даже республиканцы осуждали тон, в котором было выдержано «Оправдание», а Джефферсон написал Мэдисону, что хотя Рэндольф и смыл с себя обвинения в продажности, зато выказал себя неумным и неуравновешенным человеком.

Гамильтон сообщил, что приютил у себя юного Лафайета, тот может спокойно жить в его доме вместе с его собственными четырьмя детьми хоть до весны, но всё-таки лучше Вашингтону пригласить его к себе. До середины февраля Вашингтон не мог решиться, даже посоветовался с Мэдисоном, но в конце концов попросил Гамильтона прислать мальчика вместе с гувернером к

нему в Филадельфию, «не делая из этого тайны», где-нибудь в апреле, «когда погода установится, дороги будут хорошими, а путешествие приятным». Написал он и императору Францу II: свобода Лафайета — «пламенное желание народа Соединенных Штатов, к которому я искренне присоединяю свое собственное».

Наступил 1796 год, последний год его президентства. Нужно было подумать о том, чем жить, когда он наконец-то обретет покой. Всё президентское жалованье уходило на представительские расходы; доходы от поместья едва покрывали его содержание. 1 февраля Вашингтон напечатал в филадельфийских газетах объявления о продаже тринадцати земельных участков вдоль рек Огайо, Большой Канавги и Малой Майами, в общей сложности тридцати шести тысяч акров. Одновременно он послал анонимные объявления в газеты Англии, Шотландии и Ирландии в надежде подыскать арендаторов для четырех из пяти ферм Маунт-Вернона.

Вашингтон сильно постарел, в нем уже трудно было узнать бравого генерала времен войны. Он сам это чувствовал, но ему было тяжело сдавать позиции.

В марте пришло тревожное письмо от Тобайаса Лира: Фанни Бассет опасно больна. В прошлом году они поженились: для овдовевшей Фанни с тремя детьми и вдовца Тобайаса с малолетним сыном это было прекрасным выходом из положения. Вашингтоны предоставили их семье дом и 360 акров земли в Маунт-Верноне без арендной платы. Марта в особенности радовалась их браку, и вот теперь такой удар... Над ней словно тяготеет какое-то проклятие: она теряет всех своих детей — и родных, и приемных...

Зато в Филадельфию приехал Джордж Вашингтон Лафайет со своим наставником. Вашингтон сразу же полюбил этого «скромного, разумного и достойного юношу», который очаровывал всех, кого встречал. Он

быстро выучил английский, превзойдя даже своего гувернера. За столом Вашингтон перебрался с ним веселыми шутками и относился к нему, как к сыну, а не как к гостю.

Договор с Великобританией был ратифицирован королем Георгом III и вступил в силу 29 февраля 1796 года, однако требовалось принять отдельный закон о его финансировании. Республиканцы в Конгрессе ухватились за эту возможность свести на нет действие договора. Эдвард Ливингстон из Нью-Йорка внес резолюцию с требованием, чтобы Вашингтон представил Конгрессу текст инструкций, данных им Джею, а также переписку, касающуюся договора. Резолюция была принята в марте.

Дело было серьезное: не покушается ли законодательная власть на прерогативы исполнительной? Верный себе, Вашингтон запросил мнения по этому вопросу всех членов кабинета, а также Гамильтона. Тот, по своему обыкновению, прислал пространную записку, сводившуюся к одному: эти бумаги лучше никому не показывать. Вашингтон горячо его поблагодарил, подписав письмо «Любящий Вас...» — такую формулировку он использовал разве что с родными или очень близкими друзьями. Палате представителей он прочитал лекцию о том, что, согласно Конституции, заключение договоров — прерогатива президента и сената, а их подготовка содержится в тайне. Президент обязан предъявлять подобные бумаги Конгрессу только в случае импичмента. Тогда республиканцы впервые провели закрытое заседание сторонников своей партии, фактически образовав партийную фракцию.

В вопросе о предоставлении бумаг победа осталась за Вашингтоном, но республиканцы начали кампанию за то, чтобы деньги на реализацию договора не были выделены. Мэдисон отдавал политической борьбе в

буквальном смысле все силы: по замечанию Джона Адамса, он был до смерти встревожен, бледен, изнурен, сильно осунулся. Голосование по новому закону состоялось 30 апреля 1796 года; федералисты одержали верх с небольшим перевесом (51 голос против 48). Сраженный неудачей Мэдисон подумывал об отставке. Вашингтон испытал одновременно огромное облегчение и еле прикрытый гнев, направленный на Мэдисона, «доведшего Конституцию до края пропасти», перестал с ним общаться и больше никогда не приглашал в Маунт-Вернон. Джефферсон приписывал победу федералистов исключительно авторитету Вашингтона и в письме Мэдисону цитировал «Катона»: «Будь прокляты его добродетели, они погубили его страну».

В это время Джеймс Монро в Париже уверял своих французских друзей, что Конгресс никогда не одобрит «договор Джея», что подавляющее большинство американцев горит желанием поддержать Францию в ее войне с Англией, что американское правительство предоставит Франции заем в пять миллионов долларов на военные расходы... Когда все эти заверения не оправдались, Монро, сгорая со стыда, просил французское правительство не обращать внимания на послания американского президента, ставшего рупором аристократов-англоманов, которого американский народ очень скоро лишит его полномочий. Он не возражал против захвата французскими корсарами американских судов, и когда первым «призом» стало торговое судно под названием «Маунт-Вернон», Монро решил, что Бог есть.

В мае Вашингтоны решили съездить в свое имение, ведь скоро они вернутся туда навсегда. Эта перспектива приводила в восторг Марту — но не ее любимую служанку Уну Джадж. Двадцатилетняя мулатка (дочь свободного рабочего и негритянки) пользовалась в Филадельфии довольно большой свободой, но мечтала

освободиться окончательно. Ее не устраивало положение рабыни, пусть даже и любимицы господи. Марта же не могла без нее обойтись. Правда, однажды она объявила Уне, что передаст ее своей внучке Элизабет (в качестве свадебного подарка). Уна побледнела и сказала, что ни за что не станет ее рабыней. Марту умилила такая преданность; ей и в голову не могло прийти, что девушка, которая ни в чем не нуждается, может пожертвовать всеми благами ради одного — свободы. А чтобы обрести свободу, надо было остаться на Севере.

Воспользовавшись предотъездной суетой, Уна собрала свои пожитки и, пока хозяева ужинали, выскользнула из дома и укрылась в негритянском квартале. Когда ее исчезновение обнаружилось, Вашингтоны решили, что Уну, верно, соблазнил какой-то негодяй. Хозяин отдал распоряжение о начале розысков и уехал в Маунт-Вернон.

Теперь уже никто не смог бы уговорить Вашингтона остаться еще на один срок: он решил бы на это лишь в случае новой войны. Он извлек из потайного ящика прощальное послание, заготовленное для него Мэдисоном еще в 1792 году, и отослал Гамильтону с просьбой подредактировать текст, внося необходимые изменения, или написать заново.

Гамильтон отнесся к поручению очень ответственно. Он понимал, что предстоит создать исторический документ — на века, для грядущих поколений, а потому следует возвыситься над частностями и по возможности прозреть будущее. Он решительно вымарал собственноручные поправки Вашингтона к тексту Мэдисона, в частности о газетах, извращавших его политику, а также заявление: «Если моя страна не получила никаких выгод от моей службы, то и мое состояние в материальном плане не возросло благодаря моей стране». Никаких мелких обид! Вашингтон хотел

вставить абзац о создании в новой столице национального университета, но Гамильтон отверг и это: надо писать о вечном.

Вашингтон тревожился: время идет, скоро новые выборы, а он еще официально не заявил о своем уходе. Он установил Гамильтону четкий срок: прощальное послание должно быть опубликовано не позже октября.

В это время Уна Джадж, месяц скрывавшаяся в Филадельфии, пробралась на корабль «Нэнси» с преимущественно негритянским экипажем и отплыла в Портсмут, штат Нью-Хэмпшир. Там ее случайно увидела Элизабет Лэнгдон, подруга Нелли Кастис. Барышня обрадовалась, решив, что Вашингтоны приехали в Портсмут (как бы им удалось сделать это незаметно?). Каково же было ее удивление, когда Уна прямо заявила ей, что сбежала. В ответ на все увещевания она сказала, что не могла оставаться у Вашингтонов, не давших ей никакого образования, а она хочет научиться читать и писать.

Лэнгдон сообщила о неожиданной встрече Вашингтонам. Марта стала настойчиво просить Джорджа, чтобы тот задействовал «административный ресурс» (в конце концов, имеем же мы на это право!), чтобы изловить и вернуть неблагодарную мулатку. Вашингтон написал тайное письмо министру финансов Уолкотту, в подчинении которого находилась таможенная служба, и попросил, с множеством извинений за доставленное беспокойство, приказать портсмутским агентам схватить Уну и отправить морем в Филадельфию или Александрию. Уна была собственностью Кастисов, и если бы она пропала, Вашингтону пришлось бы возмещать убыток.

Но всё это были мелкие неприятности по сравнению с теми, что доставляла ему пресса. Однажды Вашингтон в сердцах швырнул на пол газету, в которой его порицали за то, что он рабовладелец. Можно подумать,

что их распрекрасный Джефферсон не имеет рабов! Бенджамин Франклин Бэйч, ведший в своей «Авроре» яростную кампанию против договора с Британией, докатился до перепечатывания английских пасквилей времен войны, утверждая, что Вашингтон получал взятки от противника и был двойным агентом британской короны. В начале июля 1796 года Джефферсон отправил Вашингтону письмо, в котором отрицал, что является источником конфиденциальной информации для «Авроры». В ответном письме Вашингтон, не сдерживаясь, высказал Джефферсону всё, что думал о его лицемерии. Адамсу тоже доставалось, но если его жена Абигейл только смеялась над злобными измышлениями журналистов, Марте Вашингтон было не до смеха. Дошло до того, что республиканцы перестали после обеда поднимать тост за здоровье президента.

Между тем договор начинал действовать: британцы освободили форты на юго-западе, и в стране Огайо возникли новые поселения: Кливленд, Дейтон, Янгстаун. Но теперь возникли слухи, что Франция снарядила флот для перехватывания американских судов, направляющихся в Британию. В «Авроре» опубликовали письмо без подписи — «От одного джентльмена из Парижа его другу в Сити»; Уолкотту и Пикерингу удалось раздобыть оригинал, и Вашингтон понял, кто его автор. В июле 1796 года он отозвал Монро из Парижа и заменил его Чарлзом Котсуортом Пинкни. Монро смертельно обиделся и, вернувшись в Филадельфию, опубликовал 473-страничный опус «Взгляд на поведение исполнительной власти в иностранных делах Соединенных Штатов». Джефферсон, дававший ему ценные советы, остался доволен. Вашингтон же исписал поля шестидесяти шести страниц сардоническими пометками: «Какое самодовольство!», «Полнейшее безумие!», «Смешно и нелепо».

Даже не думая отвечать на эти писания, Вашингтон предпочел иметь дело с более вменяемыми людьми — индейцами. 29 июля вышло президентское «Обращение к племени чероки», в котором он пытался наметить путь к гармоничному сосуществованию коренного и белого населения Америки. Противиться экспансии белых поселенцев сродни самоубийству; остается отказаться от охоты и собирательства и перейти к земледелию по европейскому образцу: разводить скот, пахать землю, учить женщин прясть и ткать. В качестве примера для подражания он приводил Маунт-Вернон: «Возлюбленные чероки, я сам собираюсь заняться тем, что советую вам. Пройдет несколько лун, и я оставлю большой город и удалюсь на свою ферму. Там я стану трудиться для приумножения своего скота, овец и прочих полезных животных, выращивать кукурузу, пшеницу и другие злаки, заставляя женщин прясть и ткать».

Тем временем предвыборная кампания уже началась. Предполагалось, что главными кандидатами от федералистов будут Джон Адамс и Томас Пинкни, а республиканцы выставят Джефферсона и Аарона Бэрра. Как тогда было принято, Адамс сидел у себя дома в Куинси, чтобы не вмешиваться в эту «глупую и злую игру», а кампанию вели партии. Многие федералисты предпочли бы видеть своим кандидатом Гамильтона, но тот был реалистом и понимал, что у него нет шансов выиграть выборы. Впрочем, шансы Адамса тоже были невелики: «его пухлости» (так его называли в кулуарах) недоставало популярности Вашингтона, к тому же он был слишком тщеславен, мнителен, непредсказуем и упрям.

В начале августа Гамильтон прислал Вашингтону (тот был уверен, что его письма вскрывают, поэтому переписка по поводу прощального послания велась через нарочных) два варианта прощального послания: отредактированный текст Мэдисона и свой собственный.

Вашингтону больше понравился вариант Гамильтона, однако тот, как обычно, был слишком многословным: ни одной газеты не хватит, чтобы вместить послание, надо бы его сократить.

Шестнадцатого сентября в кабинете издателя филадельфийской газеты «Клейпулз американ дейли адвертайзер» неожиданно возник Тобайас Лир, сообщивший, что президент немедленно желает его видеть. Дэвида Клейпула тотчас доставили к Вашингтону, который сообщил ему потрясающую новость: он уходит со своего поста и хочет, чтобы Клейпул опубликовал его прощальное послание в своей газете в понедельник 19 сентября, а до того не проронил никому не слова. В уик-энд Вашингтон правил гранки, даже расставлял знаки препинания. Он милостиво разрешил Клейпулу оставить бесценную рукопись у себя.

В понедельник утром газета Клейтона вышла под огромным заголовком: «К НАРОДУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ». Статья начиналась словами: «Друзья и сограждане». В тот же день три другие филадельфийские газеты перепечатали президентское послание, а на следующий день оно вышло в одной нью-йоркской газете. Пока «друзья и сограждане» читали обращение к ним, Вашингтон специально уехал из столицы в Маунт-Вернон.

Президент сообщал, что «груз лет» побуждает его оставить должность, и оставлял свой наказ. Американцы должны гордиться своим именем, являющимся национальным достоянием, и быть патриотами. Право народа избирать себе правительство подразумевает обязанность каждого отдельного человека повиноваться этому правительству. Партийный дух присутствует в любом правительстве, но является худшим врагом правительства демократического. Вера в Бога и строгие моральные принципы — основа политической

стабильности. Все должны платить налоги и отдавать долги. Конгрессу следует поощрять развитие национальных мануфактур и субсидировать модернизацию сельского хозяйства, создать национальный университет и Военную академию, увеличить флот, повысить содержание федеральным чиновникам, чтобы они не заботились о добывании сторонних доходов. Во внешней политике следует воздерживаться от постоянных союзов и исходить прежде всего из национальных интересов. «Нация, испытывающая к другой нации привычную ненависть или привычную любовь, в какой-то мере находится в рабстве». В конце Вашингтон выражал надежду, что, несмотря на допущенные им ошибки, «моя страна всегда будет относиться к ним снисходительно, и после того как я 45 лет прослужил ей честно и беспорочно, огрехи, допущенные по незнанию, будут преданы забвению, поелику и сам я вскоре обрету вечный покой».

В целом общество восприняло послание положительно, хотя Джефферсон презрительно назвал его «набором фраз из басен Эзопа и сказки про Мальчика с пальчик». Федералисты из виргинской палаты депутатов внесли проект резолюции, приветствовавшей «добродетель, патриотизм и мудрость президента Соединенных Штатов». Республиканцы потребовали вычеркнуть из текста слово «мудрость». Дебаты продолжались всё утро, и федералисты одержали верх с очень небольшим перевесом. «Только незначительное большинство законодателей Виргинии признало мудрость генерала Вашингтона», — отметил по этому поводу Джон Маршалл, выступавший за резолюцию. «Все сердца забились, как одно, от радости, что с нынешнего дня именем Вашингтона перестанут прикрывать политическую несправедливость и узаконенную коррупцию», — писала «Аврора» в редакционной статье.

Многие решили, что Вашингтон уходит, потому что не надеется выиграть новые выборы.

В октябре «Аврора» опубликовала «Письмо Джорджу Вашингтону» Томаса Пейна, написанное им в Париже 30 июля. Ссылаясь на то, что был рядом с Вашингтоном во время войны, Пейн поставил под сомнение все его общепризнанные заслуги. Его осторожность была преступным бездействием, вызванным его некомпетентностью, в то время как другие — Горацио Гейтс, Натанаэль Грин — шли от победы к победе. Война была выиграна благодаря французским деньгам и флоту, Корнуоллиса разбил Рошамбо. «Вы спали, пока финансы страны полностью не истощились, и на Вашу долю приходится лишь малая толика славы. Пришло время, сэр, заговорить неприкрашенным языком исторической правды... Возвысившись до президента, Вы присвоили чужие заслуги, тут-то и проявилась свойственная Вам неблагодарность. Вы начали свою президентскую карьеру с поощрения грубой лести, Вы изъездили Америку из конца в конец, чтобы иметь возможность упиваться ею... Монополии всякого рода отметили Ваше правление практически с самого его начала. Земли, завоеванные революцией, раздали Вашим сторонникам; интересы демобилизованных солдат принесли в жертву спекулянтам; под видом веры творилась несправедливость, и глава армии превратился в главаря мошенников. Чего было ждать от такого начала? Жалкой и раболепной покорности одной нации, предательства и неблагодарности по отношению к другой».

Пейн обвинял Вашингтона в том, что он не попытался выволить его из тюрьмы; этой личной обидой и объясняется яростный тон его письма: «А что до Вас, сэр, предателя своих друзей (оставившего меня в минуту опасности) и лицемера в общественной жизни, миру будет трудно решить, кто Вы — отступник или

обманщик, отреклись ли Вы от своих принципов или не имели их вообще».

Впрочем, досталось не только Вашингтону. Пейн считал, что Джон Адамс мечтает учредить в Америке наследственную монархию; Джона Джея он называл подхалимом, а всех федералистов вкуче — замаскировавшимися изменниками. «Должно быть, он сошел с ума, раз написал такое», — заключил Адамс в письме жене.

Вашингтон никак не отозвался на выпад Пейна — по крайней мере публично. В октябре он снова был в Маунт-Верноне и заменил управляющего Уильяма Пирса шотландцем Джеймсом Андерсоном, сведущим в земледелии. Из Портсмута пришло известие: таможенник Джозеф Уиппл выследил Уну Джадж и попытался заманить ее на корабль, идущий в Виргинию. Но случилось непредвиденное: Уиппл разговорился с девушкой и выяснил, что никто ее не сманивал (такова была официальная версия, которую ему сообщили), она сбежала сама, чтобы обрести свободу. Она даже согласна вернуться к Вашингтонам, если те дадут ей вольную. Вашингтон написал Уипплу, что «торг здесь неуместен».

Ему удалили последний зуб. Доктор Гринвуд получил позволение взять его на память и вставил в стеклянный брелок на часовой цепочке.

ОТСТАВНИК

Третьи президентские выборы проходили с 4 ноября по 7 декабря 1796 года. Это были первые альтернативные выборы в истории США. Сообщение между штатами было крайне медленным, поэтому партийным активистам не удалось скоординировать действия своих сторонников. Гамильтон уговаривал выборщиков с Юга (вотчины республиканцев) голосовать за Пинкни в надежде, что тот станет вице-президентом при Адамсе; все восемь выборщиков из Южной Каролины, родного штата Пинкни, отдали один голос за него, но второй — за Джефферсона. В результате Адамс всё-таки победил, набрав 71 голос, однако второе место занял Джефферсон с шестьюдесятью восемью голосами, а Томас Пинкни получил 59 голосов. Впервые президент и вице-президент принадлежали к разным партиям^[34]. Президентство Адамса обещало быть нелегким.

Седьмого декабря Вашингтон в черном бархатном костюме и со шпагой на боку вошел в резиденцию Конгресса, чтобы выступить перед ним со своим последним обращением. Вся галерка была забита мужчинами и женщинами, которых здесь прежде никогда не видали. Речь длилась с полчаса; президент сделал в ней акцент на эвакуацию британцами северо-западных фортов и освобождение алжирскими корсарами американских моряков. Он также заострил внимание на необходимости создания в новой столице Военной академии и национального университета. Закончил же воспоминанием о том времени, когда американские институты власти находились в стадии становления.

Речь в целом была принята благосклонно, хотя единственный депутат от нового (с 1 июня 1796 года)

штата Теннесси, Эндрю Джексон, не простивший правительству договора с Британией, отказался встать, когда президент уходил, и не аплодировал ему вместе с другими.

Между тем в столице стало известно о победе Адамса на выборах. Во время одного из президентских приемов Марта Вашингтон горячо пожала Адамсу руку и сказала, что ее супруг очень рад. Вашингтону же предстояло создать еще один прецедент: продемонстрировать образец поведения в период междувластия.

Зима в Филадельфии выдалась на редкость морозной, жители катались на коньках по Делавэру. Но светская жизнь была ключом: уходящий президент без отдыха давал вечера, балы, ужины и приемы. Мысль о том, что скоро они с Мартой будут вспоминать всё это, как страшный сон, придавала ему сил.

Радость от предвкушаемого возвращения в Маунт-Вернон омрачил побег еще одного раба — шеф-повара Геркулеса, спрятавшегося где-то в Филадельфии у знакомых негров. Его сына Ричмонда, уличенного в краже денег (возможно, он собирался бежать вместе с отцом), тотчас отправили в Маунт-Вернон, где жила его шестилетняя сестра. Разыскать и вернуть Геркулеса не удалось; правда, Вашингтоны не прилагали к этому столько усилий, как в случае с Уной Джадж.

Шестьдесят пятый день рождения уходящего президента был сплошным праздником: сначала «элегантное представление» в Амфитеатре Рикетта, затем обед и бал, превзошедший пышностью все предыдущие. В помещении цирка собрались 1200 гостей; Джордж и Марта Вашингтон сидели на кушетке, поставленной на возвышение, и периодически спускались оттуда, чтобы смешаться с толпой. Их захлестывали эмоции: с одной стороны, оба сияли от радости, с другой — обоим на глаза наворачивались

слезы и порой мешали говорить, застревая комом в горле. Элизабет Пауэл, всё еще носившая траур по мужу, сочла для себя возможным появиться на этом балу — в черном бархатном платье. Первый тост Вашингтон поднял за дам.

Второго марта Вашингтон исполнил печальную обязанность: написал письмо с соболезнованиями Генри Ноксу, потерявшему троих детей. В конце послания он уверял боевого друга в неизменности своих чувств к нему и его семье. На следующий день — последний перед уходом с политической сцены — на подпись президенту подали целую кучу законов, что вызвало его большое неудовольствие. Днем позже состоялась инаугурация Адамса.

Около полудня Вашингтон в строгом черном костюме пришел пешком в зал Конгресса. Его встретили бурными приветствиями. Затем явился Джефферсон в синем фраке. Наконец к зданию подъехала роскошная карета; слуги в ливрее распахнули дверцы, и вышел коротышка Адамс в костюме жемчужного цвета с манжетами и в шляпе с кокардой поверх напудренного парика. Похоже, он не спал всю ночь и выглядел помятым и утомленным. Адамс бросил быстрый взгляд на безмятежного Вашингтона и в очередной раз почувствовал себя пигмеем в сравнении с ним.

Представив нового президента присутствующим, Вашингтон зачитал краткую прощальную речь. С галерки слышались сдавленные рыдания, замелькали носовые платки: люди наконец-то осознали, что Вашингтон действительно уходит. Их кумир тоже растрогался; по его щекам катились крупные слезы, он не утирал их.

Адамс принес присягу, а затем сказал несколько слов о своем предшественнике, «обеспечившем себе бессмертие в веках». Вашингтон настоял на том, чтобы Адамс и Джефферсон вышли из зала вперед него.

Возле здания его дожидалась огромная толпа, которая молча пошла за ним следом к отелю Фрэнсиса, где временно проживал Адамс. Дойдя до крыльца, Вашингтон обернулся — и все вновь увидели слезы в его глазах. Постояв какое-то время молча, он вошел в двери...

В свое время Вашингтону пришлось занять денег у соседа на дорогу в Нью-Йорк; теперь он продал два земельных участка в Западной Пенсильвании и Виргинии, чтобы вернуться домой. Денег у него по-прежнему было в обрез, и он предложил Адамсам купить у него мебель из двух больших гостиных по сходной цене (впоследствии Адамс утверждал, что Вашингтон еще пытался всучить ему двух старых кляч за две тысячи долларов). Но Адамсы отказались; они брезгливо морщили носы, осматривая президентскую резиденцию, а Абигейл притворно всплескивала руками при виде этого «свинарника». Тогда Вашингтон распродал кое-что из мебели, представлявшей теперь, между прочим, историческую ценность, без всякой выгоды для себя. Элизабет Пауэл достался письменный стол президента, и в качестве бонуса он добавил бесплатно пару зеркал и ламп. Неделю спустя, 11 марта, новая хозяйка вещей прислала шутивную записку: в ящике стола она обнаружила аккуратно перевязанную ленточкой пачку, как ей показалось, любовных писем от некой дамы и была несколько разочарована, увидев, что это письма миссис Вашингтон. Джордж поблагодарил ее за деликатность, добавив, что даже любителей чужих тайн постигло бы разочарование, поскольку они нашли бы в этих письмах разве что выражение дружбы, а не страстной любви; романтические же послания уготованы огню.

Девятого марта бывший президент с женой, которая некстати простудилась и мучилась от кашля, внучкой Нелли, Джорджем Вашингтоном Лафайетом и его

наставником, собакой и попугаем отправился в шестидневный путь в Маунт-Вернон. С собой они взяли лишь самое необходимое, а остальной багаж — 97 ящиков, 14 дорожных сундуков и 43 бочонка — следовал позади.

В Балтиморе их встречали огромные толпы, однако Вашингтону удалось избежать празднеств, намеченных в Александрии, чему он был несказанно рад. Они ехали кратчайшим путем, от которого отклонились лишь однажды, чтобы под пушечный салют проследовать мимо строящейся президентской резиденции в Вашингтоне.

Радость от возвращения домой нельзя было описать словами. «Мы с генералом похожи на детей, выпущенных из школы», — сообщала Нелли Кастис своей подруге Люси Нокс. Но усадьба выглядела заброшенной, везде требовался ремонт. В доме сразу же появились плотники, каменщики, маляры, поднимающие тучи пыли. Дешевле было бы всё сломать и выстроить заново. Вокруг дома тоже надо было навести порядок: проложить дорожки, засеять газон, насадить огород, построить теплицу и обнести всё это изгородью.

Вашингтон снова вставал на заре, завтракал, объезжал верхом пять ферм, высказывая нерадивым рабам и надсмотрщикам «свои сожаления по поводу их нерасторопности». Ни на что другое времени и сил уже не оставалось, разве что на газеты, которые бывший президент по-прежнему по вечерам читал вслух своей семье. Ближайшая почта находилась в девяти милях, Вашингтон ездил туда три раза в неделю и привозил полные сумки писем, газет, брошюр...

За стол в Новой комнате садились десять человек, но Вашингтон захватил из Филадельфии 24 стула из красного дерева: гости не заставят себя ждать. 31 марта скончалась его сестра Бетти; Вашингтон пригласил ее сына Лоуренса, бездетного вдовца, переехать в Маунт-

Вернон, надеясь переложить на плечи племянника часть забот по приему визитеров.

В апреле 1797 года его посетил 24-летний Луи Филипп, герцог Орлеанский, сын казненного Филиппа Эгалите. Когда-то он был членом клуба якобинцев и сражался за Французскую Республику, но потом изменил революции и уехал в изгнание, под именем Шабо-Латура преподавал математику и языки в Швейцарии, Германии, Скандинавии и вот теперь приехал в США. Будущий французский «король-гражданин» особенно интересовался положением рабов в Америке на фоне нарастающего аболиционистского движения.

Тем временем отношения между Францией и США резко обострились: Директория отказалась принять нового американского посла, выслав его из Парижа 3 февраля, и отозвала своего посланника из Филадельфии.

Зато из Ольмюца стали приходиться письма: немецкие республиканцы добились для ректора тамошнего университета разрешения посещать узников Лафайетов. Адриенна сильно расхворалась из-за духоты, дурной пищи (за которую они еще должны были платить) и вони из отхожего места; у нее опухли руки и ноги, но когда она попросила разрешения повидать врача в Вене, ей сказали, что она не сможет потом вернуться к мужу в тюрьму, и она никуда не поехала.

Поддерживая старые знакомства и заводя новые, Вашингтон окончательно порвал с бывшими соратниками Джефферсоном и Мэдисоном. Последней каплей стала публикация в майском выпуске нью-йоркской «Минервы» частного письма Джефферсона флорентийскому виноторговцу Маццеи, которое тот по каким-то причинам решил предать гласности: «Вас бы бросило в жар, если бы я назвал Вам отступников, дошедших до подобных ересей (перехода от республиканских идей к монархическим. — *Е. Г.*), людей,

бывших Самсонами на поле битвы и Соломонами в совете, но позволивших обречь себя шлюхе-Англии». Намек был весьма прозрачен; Джефферсон пришел в ужас, когда увидел свои слова в газете, и просил Мэдисона посоветовать ему, как быть. Вашингтон никак не отреагировал на эту публикацию, но отныне в личной переписке называл Джефферсона не по имени, а «тот человек».

На этом фоне показательно отношение Вашингтона к Гамильтону. В июне один журналист-республиканец в погоне за сенсациями напечатал памфлет о бывшем министре финансов, в 1792 году тайно выплачивавшем деньги некоему Джеймсу Рейнолдсу. Взятка за предоставление инсайдерской информации? Гамильтон, не умевший писать коротко, ответил на этот выпад памфлетом на девяносто пяти страницах, заявив, что эти деньги были платой за молчание мужу, которому он наставил рога. Гамильтон был известным ловеласом, и даже его друзья не сомневались, что этот удар не собьет его с ног, тем более что его деловая репутация не пострадала. Однако его политическая карьера с этих пор пошла на спад. Вашингтон послал ему одно из серебряных ведерок для вина, в свое время полученных из Европы от Гавернира Морриса, и сопроводил подарок запиской, подписанной: «Ваш искренний друг и любящий покорный слуга, генерал Вашингтон».

У Вашингтона были заботы и поважнее, доставляемые в том числе и его непутевым внуком: к пятнадцати годам тот вымахал в здорового, внешне весьма привлекательного балбеса с красивыми вьющимися волосами и большими лучистыми глазами, но совершенно не способного к учебе — давали себя знать отцовские гены. Прошлой осенью Вашингтон поместил его в Принстон, но уже несколько месяцев спустя его наставник стал слать тревожные письма. Получив от деда очередное внушение, Вашик обещал исправиться,

но хватало его ненадолго. В Принстоне он продержался всего год.

В июне 1797 года Вашингтон в очередной раз наведалься в строящуюся столицу и был чрезвычайно рад продвижению работ. Резиденция президента и одно крыло Капитолия были подведены под крышу, через Потомак переброшен элегантный мост. Президент Адамс не желал заниматься этим строительством, и Вашингтон охотно избавил его от обузы; он даже высказывал кое-какие предложения по части архитектуры и расположения построек. Он купил несколько участков в разных частях будущего города и на одном из них построил пару трехэтажных кирпичных домов для проживания членов Конгресса.

При этом денег у Вашингтона по-прежнему было в обрез: когда в июле племянник Сэмюэл попросил взаймы тысячу долларов на срочные нужды, он со скрипом согласился, хотя и с оговоркой: «Ты совершаешь ту же ошибку, что и многие другие, считая, будто я всегда располагаю деньгами». В своем поместье он ввел режим строгой экономии: заморозил жалованье управляющим и перешел от земледелия к менее трудоемкому скотоводству. В сентябре он отклонил приглашение на свадьбу другого племянника, Лоуренса Огастина Вашингтона, мотивируя отказ тем, что не желает больше удаляться от Маунт-Вернона далее чем на 25 миль.

В октябре в Маунт-Вернон пришла долгожданная весть об освобождении Лафайета после пяти лет тюремного заключения. Из Ольмюца он проследовал в Гамбург, где его встречали как триумфатора. Все американские суда, находившиеся в порту, подняли флаги; на одном из них устроили обед в его честь. Под приветственные клики толпы всё семейство прибыло в дом Джона Пэриша и вынужденно задержалось там на две недели: Адриенна была тяжело больна и буквально

не держалась на ногах. О том, чтобы плыть зимой в Америку, не могло быть и речи; Лафайеты решили погостить немного у родни в Гольштейне.

Молодой Лафайет немедленно собрался обратно в Европу. Он написал теплое прощальное письмо своему крестному отцу, благодаря за все усилия, предпринятые для спасения его родного отца, и за душевный прием. С собой он увозил письмо, в котором Вашингтон называл его достойным сыном своих родителей.

В Париже в это время находились три американских эмиссара — Джон Маршалл, Чарлз Пинкни и Элдбридж Джерри, — посланных туда Адамсом для урегулирования вопроса с захватом американских судов во французских портах и заключения нового договора с Францией. Вашингтон не одобрял этой поездки, но нового президента не интересовало его мнение. Эмиссары уехали — и как в воду канули; Вашингтон уже даже начал беспокоиться, не гильотинировали ли их там.

В январе Вашингтон предпринял еще одну неудачную попытку вернуть сбежавшего Геркулеса. Побег рабов превращались в нехорошую тенденцию: в начале 1798 года сбежал еще один, Цезарь, которому было уже под пятьдесят. Он не подвергался наказаниям и не мог пожаловаться на недостаток образования, поскольку умел читать, писать и даже исполнял обязанности проповедника среди рабов. Племянник Лоуренс Льюис тоже разыскивал беглого раба... Да, конечно, давно пора отменить рабство: столько хлопот и расходов, а выгоды никакой! Но сделать это должно правительство...

В феврале управляющий Андерсон собрался уходить. «Как угодно, я никогда никого не удерживал против воли и не собираюсь», — написал ему Вашингтон, но не преминул укорить шотландца за то, что был введен в большие расходы из-за устройства винокурни — дела нового, малоизученного и вряд ли нужного. (Начало

нового бизнеса действительно выглядело малообещающим, но уже в 1799 году винокурня производила 11 тысяч галлонов виски в год — больше всех в Америке.) В марте он нанял секретаря Олбина Роулинза, в обязанности которого входили не только ведение счетов и переписки, но и ежедневные объезды ферм; самому хозяину было уже трудно ездить верхом.

Весной, наконец, пришло известие от Джона Маршалла из Франции: Талейран промурыжил американских эмиссаров целых пять месяцев, отказываясь то принимать их, то обсуждать суть дела, а между тем его посланцы ежедневно их навешали, пытаясь разобщить, настроить друг против друга, да еще и требуя у них денег. 3 апреля президент Адамс решил опубликовать переписку между американскими дипломатами и агентами Талейрана, обозначенными буквами XYZ публикация была перепечатана в Лондоне; разразился грандиозный скандал; акции республиканцев в США резко упали, в стране нарастали антифранцузские настроения. Вашингтон мог лишь порадоваться, что не ему распутывать этот узел.

В мае он узнал, что Брайан Фэрфакс, деверь Салли, собирается в Англию, и передал с ним элегическое письмо к бывшей возлюбленной. В его памяти она навсегда осталась молодой привлекательной женщиной, ведь он не видел ее седой старушкой-вдовой. Предлагая ей провести остаток дней в Виргинии, а не на чужбине, Джордж вставил несколько пышных фраз по поводу славного будущего Америки. Здесь произошли совершенно необыкновенные события, «но все они вместе взятые не способны затмить воспоминания о счастливых моментах — самых счастливых в моей жизни, — коими я наслаждался в Вашем обществе». Впрочем, чтобы Салли не истолковала эти слова превратно, на следующий же день он написал другое письмо, от имени Марты (которое она затем переписала

своей рукой), с сожалениями по поводу того, что она больше не может жить по соседству с давней подругой.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

Для защиты американского торгового флота и усиления береговых оборонительных сооружений президент Адамс в конце апреля 1798 года подписал закон об учреждении министерства военного флота, а месяц спустя утвердил создание армии в десять тысяч человек. Республиканцы уже не смели возражать против этих мер, поскольку народ полностью их одобрял. В мае толпа разбила камнями стеклянную дверь редакции газеты «Аврора». Семья Бэйча, жившая в том же доме, в ужасе ожидала нападения, но, по счастью, дело ограничилось этим «предупреждением».

В конце месяца Вашингтон получил письмо от Гамильтона. Тот утверждал, что сторонники Джефферсона вместе с французами плетут заговор, чтобы отменить Конституцию и превратить Америку в «провинцию Франции». Суровая година, когда граждане вновь обратят свои взоры к Вашингтону, уже настает. Не мешало бы объехать южные штаты, якобы для поправки здоровья, а на самом деле выступить с речами, чтобы пресечь профранцузские настроения. Если же разрыв с Францией станет явным, глас народа вновь призовет генерала встать во главе армии.

Вашингтон ответил, что не может отправиться в оздоровительную поездку, потому что и так чувствует себя прекрасно. Угрозы французского десанта в США не существует. Если же война всё-таки начнется, он уверен, народ предпочтет, чтобы во главе армии стоял человек помоложе. И потом, для него важно, кто будет делить с ним ответственность. Готов ли сам Гамильтон принять командование?

Гамильтон был готов — он хотел для себя пост генерального инспектора, второго человека после

главнокомандующего.

Тринадцатого июня Вашингтон сидел на веранде Маунт-Вернона вместе с польским политиком и писателем Юлианом Нимцевичем, приехавшим в Виргинию с рекомендательным письмом от Тадеуша Костюшко (во время Польского восстания 1794 года он был его адъютантом, а потом сидел вместе с ним в Петропавловской крепости). Борца за свободу удивило и возмутило, что в Америке по-прежнему существует рабство. Впрочем, в Маунт-Верноне с рабами поступали гораздо человечнее, чем в других поместьях, где они получали только «хлеб, воду и побои». Строительство новой столицы — Вашингтона — тоже велось силами рабов. Нимцевич сначала порадовался тому, что им платят по десять долларов в неделю, но потом выяснил, что эти деньги они должны отдавать своим хозяевам. С Потомака дул свежий ветерок, но он не мог остудить жар, с каким Вашингтон распекал французов. Где это видано — так обращаться с американскими эmissарами, грабить американские корабли? Если свободу и независимость попирают ногами, он готов пролить свою кровь до последней капли, встав на их защиту. Адамс всё делает правильно.

Четыре дня спустя он написал Адамсу, с которым не поддерживал связи с тех самых пор, как ушел в отставку, и пригласил, если тот вздумает осмотреть летом новую столицу, погостить в Маунт-Верноне. Похвалив речи Адамса, он намекнул, что в случае нападения противника сам пошел бы служить, и посоветовал президенту назначить на командные посты бывалых офицеров, отличившихся в прошлую войну, невзирая на чины. Адамс вежливо ответил, что, поскольку сам он в военных делах смыслит мало, он позволит себе обращаться к Вашингтону за советом.

Восемнадцатого июня 1798 года Конгресс принял «закон о натурализации», по которому американское

гражданство предоставлялось иностранцам, прожившим в США не менее четырнадцати лет вместо пяти, требовавшихся ранее. Через неделю последовал «закон о чужестранцах», дающий президенту право в мирное время депортировать иностранцев, «представляющих опасность для покоя и безопасности США». 6 июля был принят «закон о подданных враждебного государства», позволявший в военное время арестовывать, сажать в тюрьму и депортировать любых граждан вражеской державы, проживающих в США. Наконец, 14 июля Конгресс принял «закон о подстрекательстве», согласно которому публикация лживой, возмутительной и злонамеренной информации считалась преступлением и каралась штрафом и тюремным заключением. Начались аресты журналистов-республиканцев, закрывались газеты. В 1798–1799 годах законодательные собрания Кентукки и Виргинии приняли резолюции (их авторами были соответственно Томас Джефферсон и Джеймс Мэдисон), провозглашающие право штатов аннулировать «закон о чужестранцах» и «закон о подстрекательстве» как противоречащие Конституции.

Между тем президент Адамс официально назначил Вашингтона главнокомандующим новой армией в чине генерал-лейтенанта; сенат утвердил назначение единогласно. Сам он узнал эту новость из газет и чуть не лишился дара речи. 11 июля военный министр Джеймс Мак Генри привез в Маунт-Вернон патент главнокомандующего; они с Вашингтоном проговорили три дня, обсуждая тактику ближайших действий. Адамс на дух не переносил Гамильтона и вряд ли согласился бы, чтобы тот стал заместителем главнокомандующего. Но Вашингтон был непреклонен: генерал-майорами должны быть Гамильтон, Чарлз Котсуорт Пинкни и Генри Нокс, причем именно в таком порядке.

Адамс хотя и признавал себя невеждой в военных делах, тут же составил собственный список. Пикеринг

вежливо, но твердо отвел все три названные им кандидатуры: Даниель Морган одной ногой в могиле, Горацио Гейтс — «старая баба», Бенджамин Линкольн «спит на ходу». Но о Гамильтоне президент и слышать не хотел: взялся неизвестно откуда, учился непонятно где, выбился из грязи в князи, а уж его моральный облик, доложу я вам... 18 июля он представил сенату список Вашингтона в надежде, что сенаторы изменят порядок старшинства.

Упреждая события, Вашингтон написал письмо Ноксу, объясняя, почему поставил полковника Гамильтона и бригадира Пинкни выше генерал-майора Нокса. Времена сейчас другие, воевать придется иначе, и он не может ставить дружеские связи выше соображений военного порядка. К тому же Гамильтону нужно кормить большую семью: шутка ли — шестеро детей...

Момент был выбран не самый удачный: когда Нокс получил это письмо, он переживал очередной финансовый кризис, к тому же недавно умер девятый из его двенадцати детей. Он вскрыл письмо, дрожа от нетерпения, — и был сражен его содержанием. Ему, отцу американской артиллерии, предпочли каких-то мальчишек! И кто! Человек, к которому он питал самые искренние дружеские чувства! К тому же его мнением никто не поинтересовался. Какое унижение!

В это время в Маунт-Верноне гостили Джон Маршалл и Бушрод Вашингтон. Хозяин всячески побуждал их баллотироваться в Конгресс от Виргинии: нужно потеснить республиканцев, а главное — не пустить их в новую армию, иначе они будут разлагать ее подрывными речами. Бушрод, бледный юноша с задумчивым взглядом, не мог противиться напору дяди и согласился выставить свою кандидатуру, Маршалл же наотрез отказался. Понимая, что Вашингтон от него не отстанет, он решил сбежать. Лишь забрезжил рассвет, он крадучись

спустился по лестнице и через внутренний дворик направился к конюшне. Путь ему преградила высокая фигура хозяина: хитрость не удалась. Отчитывая Маршалла за нежелание пожертвовать своим покоем ради службы родине, Вашингтон привел в пример себя. Возразить на это было нечего, и Маршалл уступил.

А тут еще Вашик выкинул номер: окончательно забросив учебу (дед перевел его из Принстона в колледж Святого Джона в Аннаполисе, но вынужден был забрать и оттуда), он решил... жениться! Ну уж дудки! Вашингтон записал его в кавалерию: не хочет учиться — пусть послужит.

Посреди всех этих переживаний он снова заболел. 18 августа его начала бить лихорадка, бросало то в жар, то в пот. За несколько дней он похудел на 20 фунтов и так ослаб, что даже не мог держать в руке перо.

Тем временем Адамс назначил своего зятя, полковника Уильяма Смита, бригадным генералом. Вашингтона прорвало. «Насколько я знаю, он не прославился ничем, кроме избиения индейцев», — написал он Тимоти Пикерингу. Сенат согласился с Вашингтоном и отверг кандидатуру Смита, после чего отношения между бывшим и действующим президентами накалились до предела. Вашингтон послал Адамсу резкое письмо: его назначили главнокомандующим, не спросив его согласия, но он отказывается от этого поста, раз не может сам назначать высших офицеров. Да, Гамильтон честолюбив, зато он доводит до конца всё, за что ни возьмется. Он предприимчив, востер, умен, без него не обойтись. Что же касается Нокса, то «уважение, любовь и дружба не имеют для меня значения... когда всё поставлено на карту». 9 октября Адамс прислал примирительное письмо: назначать офицеров — право президента, но он не станет оспаривать мнения Вашингтона. Вот и славно. В ответном послании Вашингтон ни словом не упомянул

о споре по поводу генерал-майоров и лишь осведомился о здоровье Абигейл.

В сентябре умер Бенджамин Франклин Бэйч. Новая эпидемия желтой лихорадки лишила его жизни в 29 лет, но спасла от суда и тюрьмы: он был арестован по «закону о подстрекательстве», потому что в своей газете обвинял «слепого, лысого, хромого, беззубого, капризного Адамса» в кумовстве и монархических замашках.

В середине ноября Вашингтон поехал в Филадельфию переговорить с Гамильтоном и Пинкни о новой армии (Нокс наотрез отказался от чина генерал-майора, хотя и уверял главнокомандующего в своей неизменной дружбе). Путешествовал он без лишней помпы, взяв с собой четверых слуг и шесть лошадей. Но, начиная с Александрии, пришлось пройти через обычное испытание общественным поклонением, и в столицу он вступил под колокольный звон, а конные наряды, выстроившись вдоль улиц, сдерживали многотысячную толпу, устроившую ему овацию.

Генералы работали по пять часов в день на протяжении пяти недель; подобрать офицеров для двенадцати новых полков оказалось не так-то просто. Несмотря на собственные замечания по поводу «новых времен», Вашингтон остался верен себе и отдавал предпочтение молодым людям из хороших и состоятельных семей, настаивал на введении красивых офицерских мундиров. Сам он желал красоваться в синем мундире с медными пуговицами и золотыми эполетами, в шляпе с белым плюмажем. Однако его интерес к новой армии постепенно угасал...

Тяжелое впечатление произвела встреча с давним соратником Робертом Моррисом. Бывший «финансовый Ганнибал», богатейший человек Америки, теперь сидел в долговой тюрьме. Вашингтон пришел туда, чтобы разделить с ним трапезу; при его виде у Морриса на

глаза навернулись слезы, он молча тряс руку старого друга.

Ужин в обществе Джона Адамса прошел не лучше. Бывший «номер второй», ставший «номером первым», по-прежнему завидовал популярности Вашингтона и ревновал к его славе. О нем тоже должны написать в учебниках истории! Боже, как он был слеп! Всё его правительство — марионетки Вашингтона, который, невидимый, сидит себе за сиеной и дергает за ниточки! У Адамса начиналась настоящая паранойя, и от этого вечера в душе у Вашингтона остался тяжелый осадок.

Единственным источником радости в эти дни были частые встречи с Элизабет Пауэл за чашкой чая. Всё-таки это удивительная женщина: такая умная, проницательная, образованная; как она его понимает... Редко встретишь такого друга. Хотя... только ли дружба была между ними? Вашингтон почему-то не вносил записи о их встречах в свой дневник, от которого обычно ничего не утаивал. А когда он собрался уезжать, Элиза передала подарки для Нелли Кастис и миссис Вашингтон, а еще записку — для него: «Мое сердце искренне огорчено, а мысли путаются, так что я могу лишь выразить свое главное желание: да примет Вас Господь под свою святую заботу и да сохранит Вас невредимым в пути и при всех обстоятельствах, будьте счастливы во веки веков». Вашингтон поблагодарил за добрые пожелания в своей привычной учтивой манере, но не более того.

В начале 1799 года Адамс с обычной непоследовательностью отправил во Францию Уильяма Ванса Мюррея для переговоров о мире, чем вызвал возмущение в рядах собственной партии. На самом деле речь шла о том, чтобы вырвать бразды правления из рук военных и передать их дипломатам. Вашингтон считал, что французский министр иностранных дел Талейран попросту играл с Адамсом, как кошка с мышкой, однако

в мировой политике явно назревали перемены, поэтому он не стал возражать. Более того, когда Гамильтон вновь завел разговор о создании новой армии, главнокомандующий умерил его пыл: поздно, момент упущен. Вот сразу после скандала с письмами X, Y, Z создание армии было бы принято на ура, а теперь оно возродит старые страхи, что войска могут быть использованы для репрессий.

Двадцать второго февраля 1799 года, в 67-й день рождения Вашингтона, в Маунт-Верноне отпраздновали свадьбу Нелли Кастис и Лоуренса Льюиса. По просьбе невесты Джордж, официально оформивший опекунство, чтобы иметь право подписать брачный договор, вновь надел синий военный мундир. Торжество проходило при свете канделябров. Марта позволила всем слугам посмотреть на свадьбу и угоститься разными вкусностями, припасенными для пира. Вашингтон подарил молодоженам большую ферму Дог Ран, и они остались жить в Маунт-Верноне.

Весной Генри Ли и Джон Маршалл стали депутатами Конгресса, чему Вашингтон был несказанно рад, а его племянника Бушрода Адамс назначил членом Верховного суда. В многочисленных письмах дядя призывал его быть начеку и не давать спуску так называемым республиканцам.

Двадцать второго июня пришло письмо от Джонатана Трамбла-младшего: напоминая о грядущих выборах, он выражал надежду на то, что имя Вашингтона вновь появится в списке кандидатов: «Вы же не разочаруете чаяния и желания мудрых и добрых... отказавшись в очередной раз выйти вперед... для облегчения положения Вашей несчастной страны». На Адамса надежда плохая, и если ничего не предпринять, следующим президентом может стать франкофил Джефферсон.

Вашингтон в это время был занят другими заботами: нужно было привести в порядок дела, уже нельзя откладывать это на потом, ведь очень может статься, что «потом» вовсе не наступит. Очередное дождливое лето опять оставило его без урожая; должники отказывались платить; чтобы вытрясти из них деньги, приходилось даже прибегать к помощи шерифа. 9 июля 1799 года Вашингтон заперся в кабинете и написал новое завещание. К услугам юриста он не обращался и составил документ сам, как умел, выразив в преамбуле надежду, что он никому не покажется «непродуманным и неверным». Он исписал 29 страниц, не позабыв даже о самой последней мелочи, подробно указал, как распорядиться его землей (в общей сложности 51 тысяча акров) и рабами, точный список которых с указанием имен и возраста прилагался.

Из 277 рабов 98 были моложе двенадцати лет; 90 состояли в браке, причем рабы Джорджа часто женились на рабах Марты, что сильно всё запутало. Дело в том, что Вашингтон хотел, чтобы его рабы были отпущены на волю после его смерти, но чтобы не разбивать семьи, они получают свободу после кончины его «дорогой любимой жены». (Марта не могла освободить рабов, полученных в наследство от первого мужа, потому что они были собственностью Кастисов.) Вашингтон также поручал своим наследникам (на это были выделены определенные средства) кормить и одевать детей и стариков, которым будет трудно прожить на свободе, а молодых рабов обучить чтению, письму и какому-нибудь ремеслу. После освобождения они могли остаться жить в Виргинии. Отдельно говорилось о судьбе Билли Ли: «Своему слуге-мулату Уильяму, называющему себя Уильямом Ли, я сразу дарую свободу или позволяю, если он пожелает (в связи с несчастными происшествиями, лишившими его способности ходить и активно трудиться), остаться в

том же положении, в каком он находится. В любом случае, оставляю ему ежегодную пенсию в 30 долларов на протяжении всей жизни».

Вашингтон завещал свои 50 акций «Компании реки Потомак» новому университету в федеральном округе Колумбия, студенты которого должны стать верными слугами правительства, отринув местечковые привязанности. 100 акций «Компании реки Джеймс» перешли к Академии Либерти-холл в Виргинии (впоследствии она получила название университета Вашингтона и Ли). 20 акций Александрийского банка были переданы школе при Александрийской академии для обучения сирот и неимущих детей.

Свои земли, которые он собирал всю жизнь, Вашингтон разделил между родственниками (правда, они вступали в права наследования только после смерти Марты, получавшей всё его состояние), включив в завещание более пятидесяти человек. Главная усадьба и четыре тысячи акров земли вокруг нее должны были отойти Бушроду Вашингтону (его отец управлял Маунт-Верноном, пока Джордж сражался на Франко-индейской войне), он же получал в наследство военный и гражданский архив. Джорджу Вашингтону Парку Кастису отходили 1200 акров в Александрии и земельный участок в новой столице. Два сына Джорджа Огастина Вашингтона должны были поделить одну из ферм — две тысячи акров.

Марта, узнав, что ее племянник Бервелл Бассет-младший направляется в Портсмут, попросила его разыскать там Уну Джадж и по возможности вернуть ее в Маунт-Вернон. Она никак не могла смириться с утратой своей любимой рабыни. Джордж, в свою очередь, отправил Бассету записку, прося не браться за дело, если оно окажется «неприятным и хлопотным». Тот разыскал Уну, успевшую выйти замуж за чернокожего моряка Джона Стейнза и родить дочь, и

предложил ей вернуться, пообещав, что ее не накажут. «Я теперь свободна и хочу остаться свободной», — отрезала Уна.

«Живая собственность» представляла собой большую проблему. Работать могли меньше половины, а кормить и одевать надо было всех. «Продать излишек я не могу, потому что я принципиально против торговли людьми. Сдавать их внаймы так же плохо, потому что мне претит разлучать семьи, — писал Вашингтон 17 августа Роберту Льюису. — Что же делать? Надо что-то предпринять, иначе я разорюсь». А тут еще его камердинер Кристофер Шилз, заменивший Билли Ли, тоже собрался бежать вместе со своей невестой... Побег предотвратили, виновника выбрали, но не наказали.

Тридцатого августа Вашингтон ответил Трамблу, снова звавшему его в президенты, решительным отказом: «Не стоит ни смотреть в мою сторону, ни говорить, ни даже думать обо мне в этом отношении».

Однажды в сентябре под утро ему приснился странный сон. Проснувшись, он пересказал его Марте. Ему явился ангел в столбе света и что-то зашептал Марте на ухо. Та вдруг поблекла и словно растаяла в воздухе, оставив Джорджа одиноким и безутешным. Может, это смерть подала ему знак? Марта как раз свалилась в лихорадке, даже пришлось посылать среди ночи за доктором Крейком — только он мог уговорить ее принять жаропонижающее. Ее болезнь продлилась целых два месяца, а 20 сентября Вашингтон, снедаемый тревогой, получил еще одно горькое известие: скончался его младший брат Чарлз. Джордж остался один из всей своей семьи. В конце ноября умерла младшая сестра Марты, Элизабет Генли. Марта тоже пережила всех братьев и сестер...

«Полувойна» с Францией завершилась; 9 ноября 1799 года (18 брюмера VIII года Республики) Наполеон Бонапарт осуществил переворот и свергнул Директорию.

Республиканцы подняли голову. Джеймс Мак Генри с тревогой предупредил об этом Вашингтона; 9 декабря к хору обеспокоенных федералистов примкнул Гавернир Моррис, сделавший последнюю отчаянную попытку выманить Вашингтона из его уединения: неужели ему не хочется занять резиденцию в новой столице, названной его именем? Кстати, до Маунт-Вернона от нее рукой подать... В этот день Вашингтон на крыльце своего дома провожал племянника Хауэлла Льюиса. Утро выдалось ясным и морозным, на щеках хозяина пылал румянец, он был весел и выглядел молодцом.

Через три дня погода испортилась. Утром, написав письмо Гамильтону с похвалой относительно его планов создания Военной академии, Вашингтон отправился в обычный объезд своих владений. Около часа дня пошел мокрый снег, превратившийся сначала в град, а потом в плотный холодный дождь. Когда он вернулся домой к обеду, он был мокрым до нитки. За столом уже сидели гости; чтобы не заставлять их ждать, хозяин не пошел переодеваться. На следующий день валил густой снег. У Вашингтона болело горло, однако, пока было светло, он спустился с холма к Потوماку: он планировал проложить к реке дорожку и устроить там рыбный пруд и теперь помечтал деревья, которые требовалось срубить.

Вечером он охрип, в груди появились боли, однако он прочел вслух газетную статью, сообщавшую, что Джеймс Мэдисон добился назначения Джеймса Монро губернатором Виргинии, и не мог удержаться от ядовитых комментариев. Тобайас Лир посоветовал ему принять лекарство. «Вы же знаете, что я ничего не пью от простуды, — возразил Вашингтон. — Само пройдет». Он допоздна сидел в библиотеке, а потом прошел в спальню. Марта ворчала из-за его задержки; он сказал, что много дел.

Среди ночи Вашингтона разбудила нестерпимая боль в горле. Он растолкал Марту, та перепугалась, видя, с

каким трудом он дышит, и хотела немедленно послать служанку за доктором, но муж велел подождать до утра. Утром рабыня разожгла огонь, Марта велела ей позвать Лира. Джордж с трудом дышал и едва мог говорить. Послали в Александрию за доктором Крейком, а больному дали смесь патоки, уксуса и масла, которой он чуть не подавился. Вашингтон прибегнул к самому распространенному тогда средству лечения всех болезней: велел Олбину Роулинзу пустить ему кровь. Несмотря на возражения Марты, операция была проведена, хотя сам Роулинз чуть не лишился чувств; из вены вылилась добрая пинта крови. Наконец Марта обернула горло мужа влажным полотенцем и поставила ему под ноги тазик с горячей водой. Она еще тайком послала за прославленным доктором Густавом Ричардом Брауном из Порт-Тобакко.

Прибывший доктор Крейк повторил кровопускание, а к горлу приставил шпанских мушек, чтобы вытянуть воспаление на поверхность. Вашингтона посадили над чайником — дышать паром с добавлением уксуса. Настой из шалфея с уксусом он выпить не смог: было невозможно глотать. Встревоженный доктор Крейк вызвал из Александрии коллегу, молодого масона Илайшу Каллена Дика. Тот с порога велел снова сделать кровопускание; кровь была густой и шла медленно. Больному поставили клизму. Наконец явился доктор Браун; из измученного тела Вашингтона выкачали еще две пинты крови. Исчерпав традиционные средства тогдашней медицины, доктор Дик порекомендовал прибегнуть к редкому и не вполне освоенному приему — трахеотомии: проделать отверстие в трахее пациента, чтобы ему было легче дышать. Крейк и Браун замахали на него руками. Впоследствии Дик корил себя за то, что не настоял на своем.

Тобайас Лир сидел у постели больного, держа его за руку. Поняв, что Вашингтон хочет что-то сказать, он

нагнулся к нему. Тот попросил привести в порядок его военные письма и бумаги, книги и прочую переписку. Дик и Браун вышли из спальни, Крейк остался подле старого друга. «Доктор, я умираю тяжело, — с трудом просипел Вашингтон, — но я не боюсь». Чувствуя, что конец близок, он попросил Марту спуститься в кабинет и достать из ящика стола два завещания. Первое, составленное еще в 1775 году, он велел бросить в огонь.

Ему не хватало воздуха. Лир, взобравшись к больному на постель, поворачивал его то так, то эдак, чтобы облегчить дыхание. Вашингтону было неловко, что он так утруждается. Заметив, что Кристофер Шилз стоит с самого утра, он разрешил ему присесть. Три врача находились в явном замешательстве. «Благодарю вас за внимание, но прошу — не беспокойте больше обо мне, — сказал им Вашингтон в начале вечера. — Дайте мне спокойно уйти. Я долго не протяну».

Часа два спустя к ногам и горлу больного приложили водяные грелки, потом припарки из пшеничных отрубей. Пользы от них было мало. Около десяти вечера Вашингтон прошептал Лиру, чтобы его не хоронили раньше чем через три дня. Он очень боялся быть погребенным заживо. Лир пообещал, и Вашингтон, успокоившись, даже начал дышать ровнее.

За священником никто не посылал. Несколько раз Вашингтон справлялся, который час; потом сам у себя пощупал пульс, почувствовал, как он слабеет, и произнес: «Хорошо...» Рука, сомкнутая на запястье, разжалась; Лир схватил ее и прижал к груди. Доктор Крейк молча закрыл покойнику глаза. Шилз, стоявший возле кровати хозяина вместе со служанками Каролиной, Шарлоттой и Молли, достал из кармана ключи и протянул Лиру. «Он скончался?» — спросила Марта, неподвижно, подобно мраморному изваянию, сидевшая в ногах супруга. Лир сделал подтверждающий жест рукой. «Хорошо, — повторила верная жена

последнее слово мужа. — Теперь всё кончено. Я скоро уйду за ним. Больше не будет никаких испытаний».

Было 14 декабря 1799 года.

На следующий день Тобайас Лир заказал в Александрии гроб красного дерева. Кристофер Шилз обмыл тело хозяина. Согласно желанию Вашингтона похороны состоялись только 18 декабря. Церемония была организована по-военному. В три часа пополудни судно, стоявшее на якоре на Потомаке, произвело несколько выстрелов с интервалом в минуту, и похоронная процессия под приглушенные звуки барабанов и траурную мелодию флейт двинулась через лужайку, затем спустилась по склону холма к фамильному склепу. Впереди выступал отряд виргинской кавалерии, за ней — солдаты, оркестр и четыре священника. Два раба, Сайрус и Уилсон, вели коня генерала в полной экипировке, под седлом и с притороченными пистолетами в кобурах. Гроб несли шесть человек, в том числе пять масонов, позади шли мэр Александрии и служащие Маунт-Вернона. Марта осталась в своей спальне на втором этаже; впервые в жизни она не нашла в себе сил явиться на публичную церемонию. Прежде чем тело ее мужа положили в гроб, она попросила Тобайаса Лира срезать для нее прядь волос.

Фамильный склеп Вашингтонов был выкопан на заросшем травой склоне холма, возвышающегося над Потомаком, под небольшим бугорком, на котором росли можжевельник, ива, каштан и кипарис. Это была попросту нора, из которой веяло сыростью и гнилью. Вашингтон собирался выстроить новый, кирпичный склеп, но не успел.

Перед входом преподобный Томас Дэвис совершил похоронный обряд, затем вперед выступил Илайша Дик, мастер масонской ложи № 22 на востоке Александрии, и масоны, облаченные в свои запоны, воздали последние

почести своему «брату». Когда гроб поместили в склеп, 11 пушек дали несколько залпов, а солдаты произвели ружейный салют.

На поминки пришли только родственники, друзья, соседи и компаньоны. За столом прислуживали восемь рабов в черном; лишь один из них принадлежал лично Вашингтону, а потому должен был теперь обрести свободу.

Завещание Вашингтона предали гласности и даже опубликовали отдельной брошюрой.

ЛЕГЕНДА

За два президентских срока Вашингтона в США стабилизировалась финансовая обстановка; возникли банк, монетный двор, береговая охрана, таможня, дипломатический корпус; началось создание военного флота и регулярной армии; были заключены важные торговые и политические договоры, обеспечена безопасность на границе с индейскими землями; в состав федерации вошли три новых штата — Вермонт, Кентукки и Теннесси; упрочилось разделение властей; выросли экспорт и морское судоходство. Как только весть о его смерти разнеслась по стране, в каждом городе начали звонить колокола; люди, не сговариваясь, запирали лавки: какая уж тут работа, когда такое горе. Все правительственные чиновники, начиная с президента Адамса, облачились в черное; офицеры повязали черные креповые повязки на левую руку, корабли приспустили флаги, холл Конгресса обили черным сукном. Абигейл Адамс требовала, чтобы на ее приемы дамы приходили в черных перчатках и с черными веерами.

Девятнадцатого декабря Джон Маршалл официально объявил в палате представителей о кончине Вашингтона. Неделей позже огромная траурная процессия, извиваясь змеей, проследовала от здания Конгресса к Немецкой лютеранской церкви. Генерал Генри Ли произнес там речь, в которой восславил Вашингтона — «первого на войне, первого в мире, первого в сердцах соотечественников». Томас Джефферсон на этой церемонии не присутствовал, хотя и носил траур; Марта Вашингтон ему этого не простила.

«Каждый американец считает своим священным долгом иметь в своем доме изображение Вашингтона,

как мы — изображения святых», — отмечал один путешественник из Европы. Доктор Бенджамин Раш с неодобрением относился к этому поклонению, принимавшему формы языческого культа; генерала даже величали «Спасителем» и «Искупителем», чуть ли не приравнивая к Христу.

Мэйсон Лок Уимс, протестантский священник и книготорговец, которого когда-то представил Вашингтону доктор Крейк, первым понял, где залегает золотая жила. В середине января 1800 года он написал своему издателю: «Вы знаете, Вашингтона больше нет! Миллионы жаждут прочесть что-нибудь о нем. Подумайте о детях: что Вы им ответите, когда они спросят, как смог Вашингтон вознестись до немыслимых высот?» Первое жизнеописание Вашингтона с историями, выдуманнами пастором Уимсом, вышло в свет в том же году, а в 1808-м была издана двухсотстраничная «Жизнь Джорджа Вашингтона с забавными историями, равным образом воздающими должное ему самому и поучительными для его молодых сограждан», к середине столетия выдержавшая более полусотни изданий. «Молодым согражданам» преподносили выдуманную от начала и до конца историю о вишневом деревце: якобы в детстве Джорджу Вашингтону подарили топорик, которым он нечаянно срубил молодую вишню, посаженную его отцом. Когда разгневанный отец спросил, кто это сделал, Джордж не стал заператься, потому что не мог сказать неправду. Умилившись правдивости сына, отец не стал его наказывать. В той же книжке описывалась смерть Огастина Вашингтона: Джордж пал ему на грудь, покрывал его хладное чело тысячами поцелуев и орошал горячими слезами. Потом, став взрослым, Джордж был настолько силен, что мог перебросить серебряный доллар через Потомак. А во время суровой зимы в Вэлли-Фордж молился, стоя на коленях в снегу и роняя слезы...

Всё это должно было послужить примером для детей, чтобы они росли послушными и богобоязненными.

Конечно, от настоящего Вашингтона в этой книжке не было ничего. Бушрод Вашингтон, унаследовавший бумаги дяди, обратился к Джону Маршаллу с просьбой написать его биографию. Маршалл, большой поклонник генерала, принялся за этот труд, когда стал главой Верховного суда. У него получилось монументальное произведение в пяти томах — «мавзолей с основанием в 100 квадратных футов и высотой в 200 футов», по колкому замечанию Адамса. Вашингтон у него вышел мраморной статуей, а не живым человеком.

Лучше всех Джорджа знала Марта, но она мемуаров не писала. После смерти супруга она сожгла всю их личную переписку. Она больше ни разу не вошла в кабинет мужа и в их общую спальню, поселившись в мезонине и проводя время за шитьем. Слишком живы были воспоминания, слишком острую боль они причиняли. Внук Вашик жил на том же этаже, и забота о нем была для Марты единственной отрадой. Она постоянно жаловалась на здоровье и, казалось, с нетерпением ждала того часа, когда воссоединится с мужем в ином мире. Она протоптала дорожку к склепу и раздавала близким друзьям пряди волос супруга, точно святые реликвии.

Завещание Вашингтона, согласно которому большинство рабов должны были получить свободу после смерти Марты, поставило ее в трудное положение: некоторые из рабов сбежали сразу, а другие с нетерпением ждали кончины «старухи». Когда в декабре 1800 года в Маунт-Вернон приехала погостить Абигейл Адамс, Марта с тревогой поведала ей, что опасается за свою жизнь: рабы могут с ней разделаться. Однажды Бушрода Вашингтона даже срочно вызвали прямо с заседания суда, потому что рабы попытались поджечь Маунт-Вернон. Он посоветовал тетушке разом

освободить всех негров, чтобы от них отделаться. 1 января 1801 года Марта Вашингтон подписала распоряжение об освобождении рабов своего мужа. Большинство отпущенников никуда не уехали, не желая покидать свои семьи, тем более что, согласно воле покойного хозяина, был учрежден фонд, чтобы кормить и одевать старых, малых и больных.

Билли Ли остался в Маунт-Верноне. Он жил в собственном доме, сапожничал и служил главной туристической достопримечательностью. Он любил поговорить о войне и генералах, был неистощим на разные истории, а когда в усадьбу завернул один английский баронет, Билли осведомился у него, как поживает лорд Корнуоллис. Несмотря на пристрастие к бутылке, он дожил до 1810 года.

В конце 1800 года президентом США был избран Томас Джефферсон. В палате представителей доминировали федералисты, и Джефферсон решил, что хорошо разрекламированное паломничество в Маунт-Вернон принесет ему дополнительные политические дивиденды. В начале января он явился в гости к Марте Вашингтон, чем вовсе не обрадовал ее. Она даже уверяла других гостей, что после смерти ее супруга этот визит — самое большое несчастье в ее жизни. Марта считала Джефферсона коварным и презренным человеком и не жалела резких слов для нового президента, несмотря на то, что он в своей речи на инаугурации крайне лестно отозвался о Вашингтоне.

Марта много лет страдала от разлития желчи; новый приступ, в начале мая 1802 года, оказался для нее роковым, несмотря на все старания доктора Крейка. 22 мая, вскоре после своего 71-го дня рождения, Марта Вашингтон испустила дух. Она встретила смерть с таким же достоинством и смирением, как ее муж, но всё же успела позвать священника и причаститься. Согласно ее последней воле гроб с ее телом поставили в тот же

сырой, мрачный склеп. После стольких странствий, усилий и лишений Джордж и Марта наконец-то воссоединились и обрели покой.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

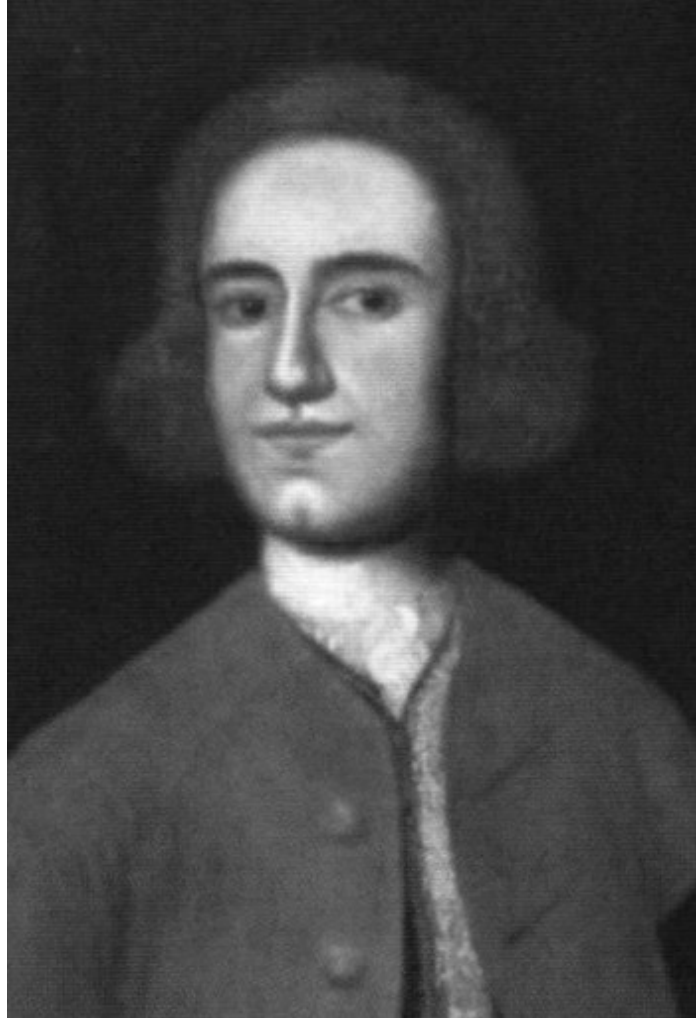

Мать Вашингтона Мэри Болл

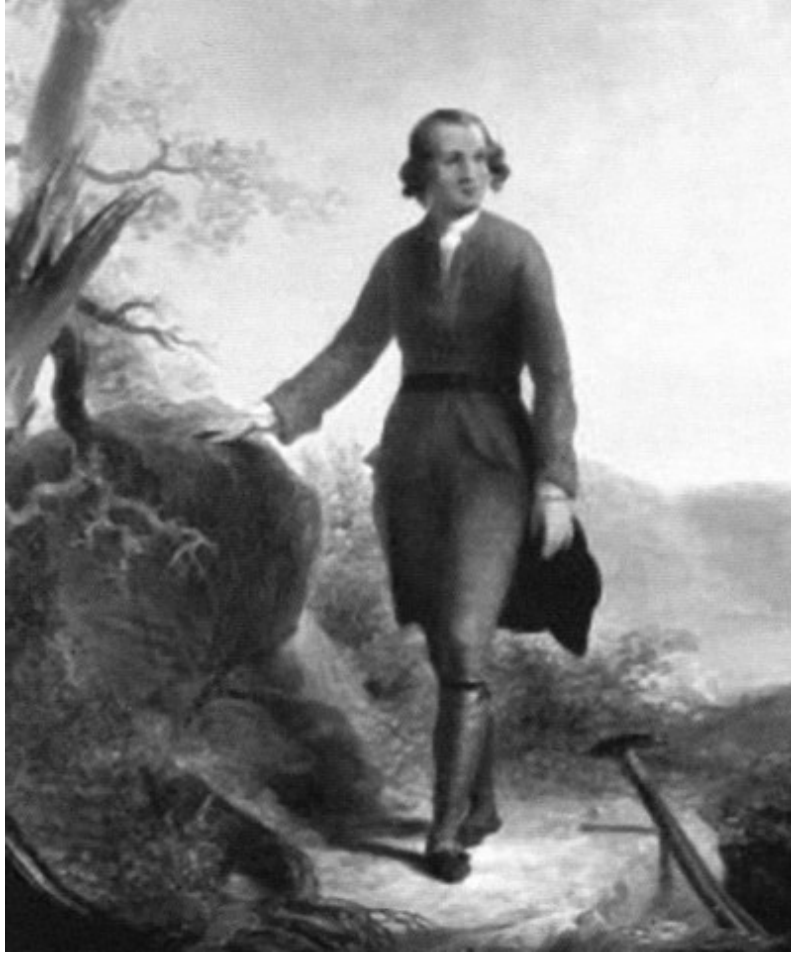

***Ферма Поупс-Крик, место рождения Вашингтона.
Рисунок XIX в.***

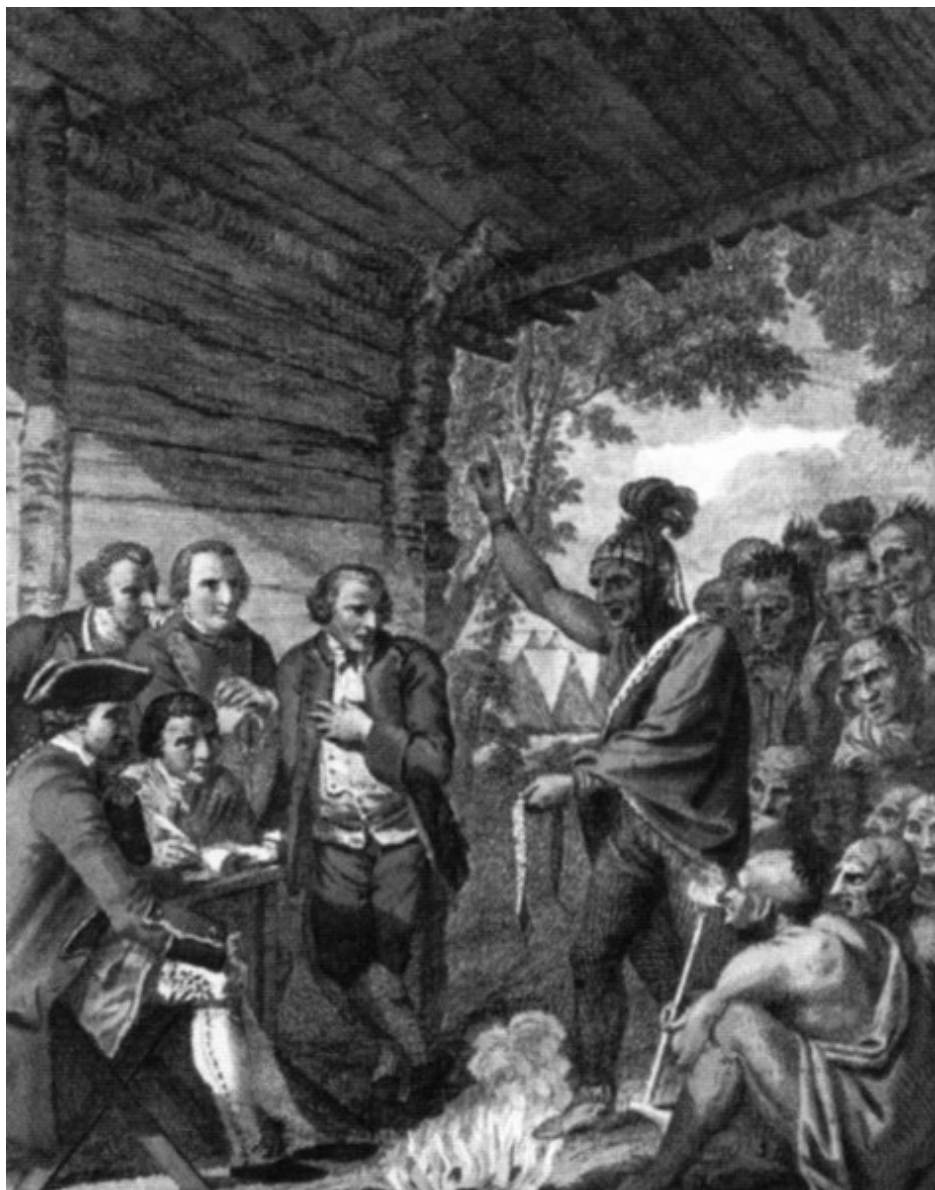
Старший брат Лоуренс

Юный Джордж хотел быть моряком, а стал землемером. Д. Чапман. 1841 г.

**Компас, которым Вашингтон пользовался при
межевании земель**

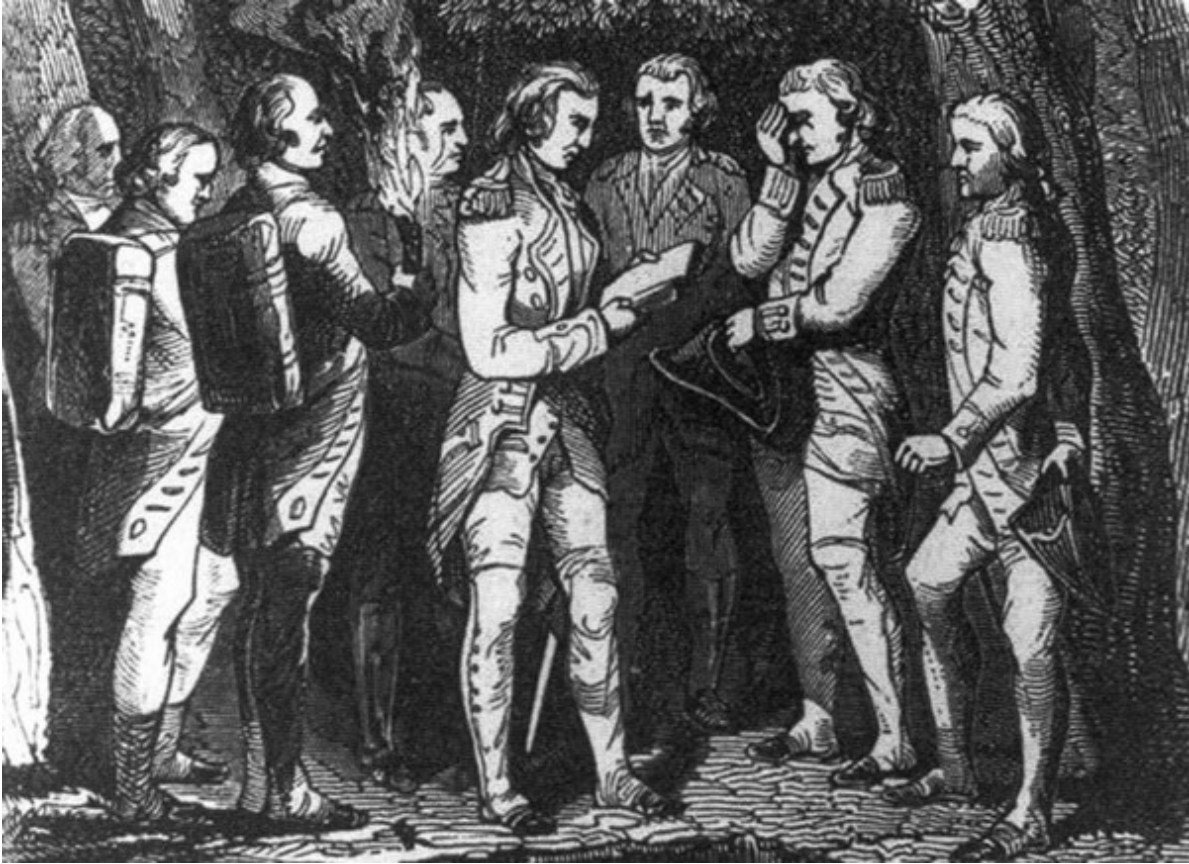
***Переговоры между индейскими вождями страны
Огайо и бледнолицыми у костра совета. Гравюра
1766 г.***

Французский маршал Монкальм пытается остановить индейцев, напавших на англичан, покидающих форт Уильям-Генри. Гравюра А. Боббета по картине Ф. Дарли. Середина XIX в.

В 1754 году Вашингтон получил боевое крещение в сражении с французами за форт Несессити

Вашингтон руководит похоронами генерала Брэддока, погибшего в сражении при Мононгахиле

***В Салли Фэрфакс Джордж был безнадежно
влюблен,***

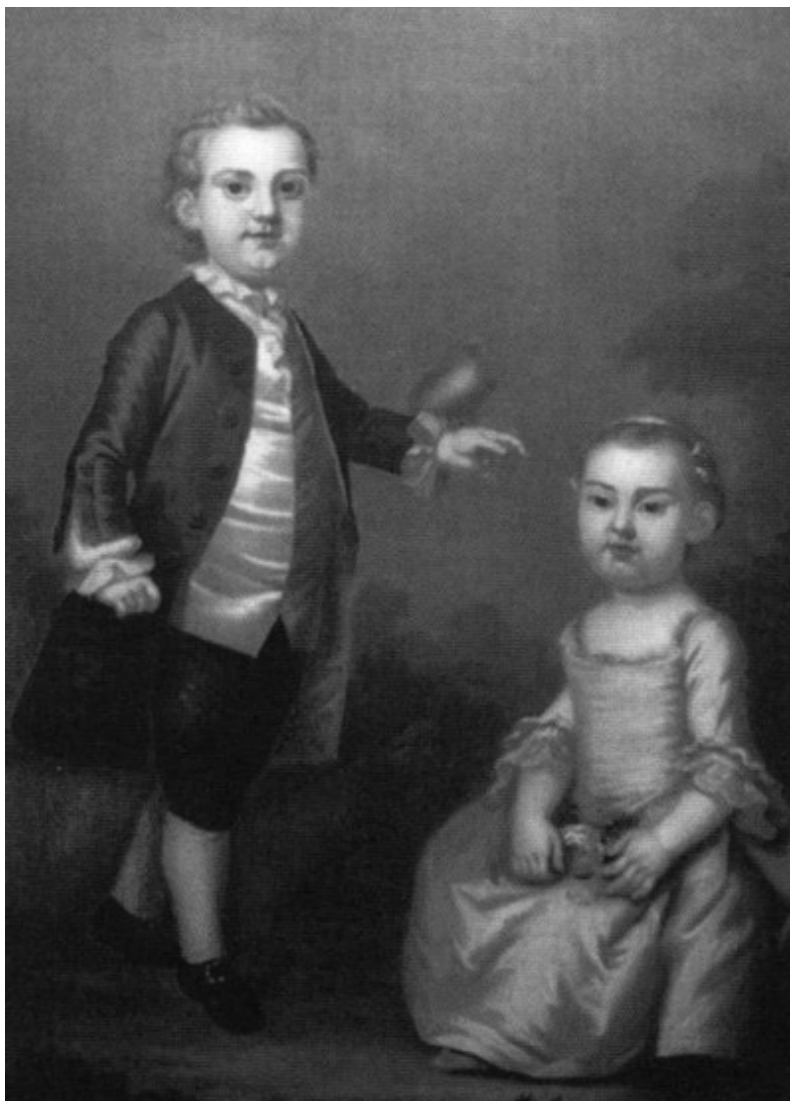

а вдова Марта Дэндридж-Кастис стала его женой

***Сватовство полковника Вашингтона. Д. Энингер.
Около 1860 г.***

Джеки и Пэтси Кастис

Свадьба Джорджа и Марты. Д. Стернз. Середина XIX в.

Герб Вашингтонов на двери в поместье Маунт-Вернон

Первый джентльмен Виргинии Джордж Вашингтон охотится на лис. Д. Дансмор. 1909 г.

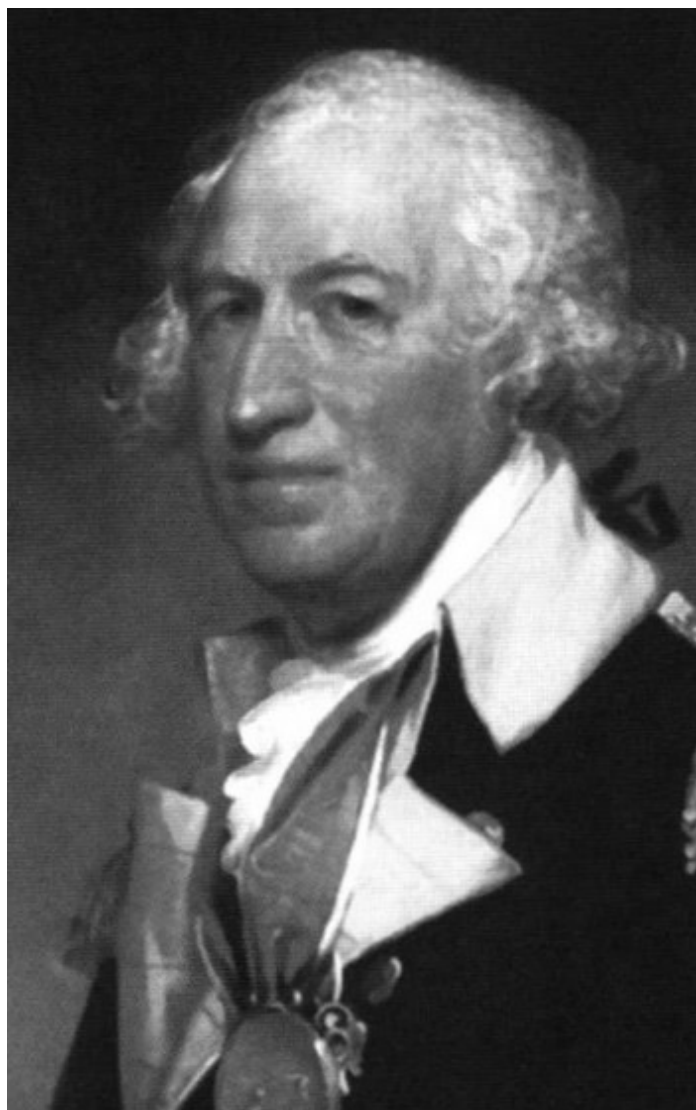

«Ловкий доктор, или Америка проглатывает горькую пилюлю». Карикатура на «Невыносимые законы», принятые британским парламентом в отношении американских колоний. П. Ревир. 1774 г.

Индепенденс-холл в Филадельфии — место заседаний Второго Континентального конгресса

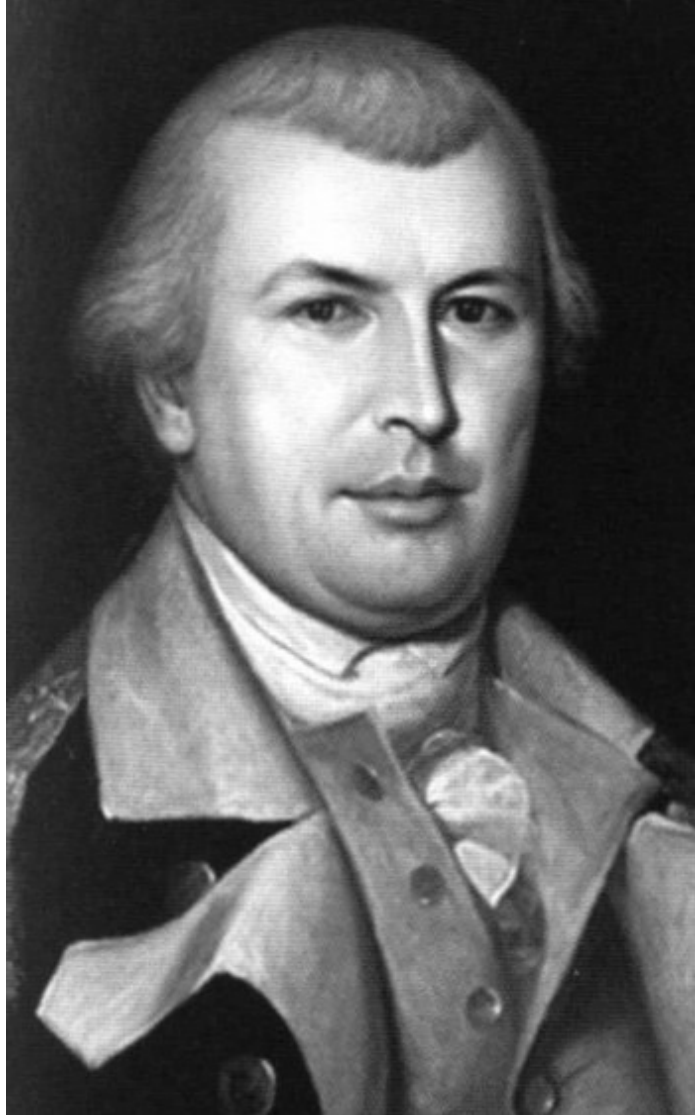
Горацио Гейтс и

***Чарлз Ли, претенденты на пост
главнокомандующего Континентальной армией***

***Назначение Вашингтона главнокомандующим на
Втором Континентальном конгрессе. Раскрашенная
гравюра. 1876 г.***

Соратники Вашингтона генералы Натанаэль Грин и

Генри Нокс

***Генерал Израэль Патнэм принимает рапорт
Джозефа Уоррена перед сражением за Банкер-
Хилл в 1775 году. Гравюра Г. Холла с оригинала
Д. Трамбла. 1879 г.***

***Ночная переправа через Делавэр перед маршем на
Трентон 26 декабря 1776 года. Э. Лейтце. 1851 г.***

**Главнокомандующий руководит переправой войск.
В центре Вашингтон и Нокс с обнаженной саблей.
Т. Салли. 1819 г.**

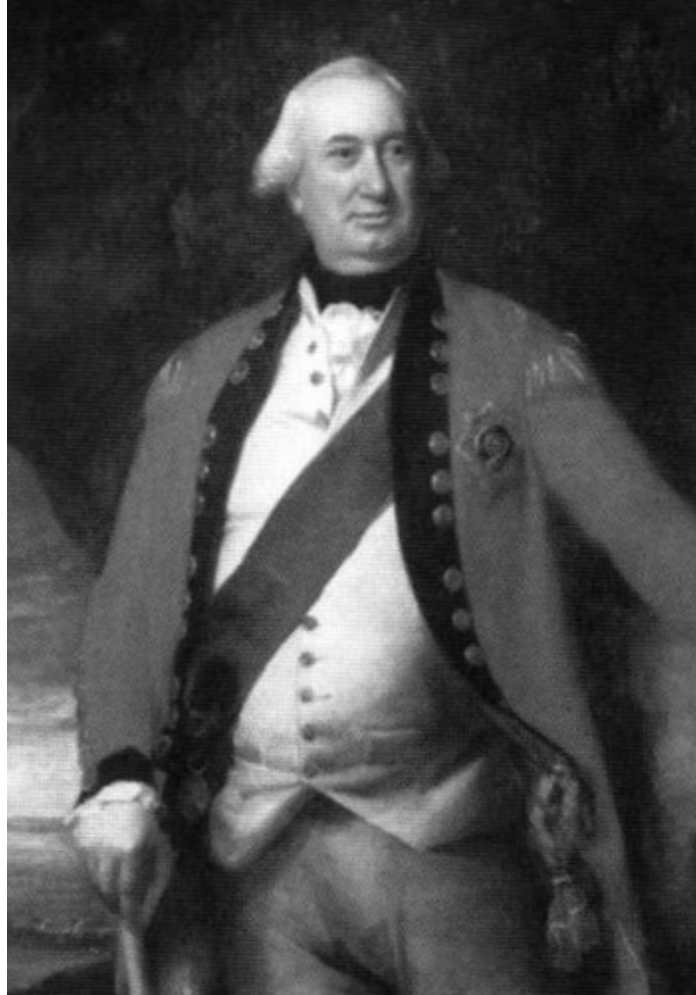

Неудачный штурм укрепленного дома в Джермантауне 4 октября 1777 года. Гравюра К. Шусселя. Не позднее 1880 г.

***Вашингтон и Лафайет в Вэлли-Фордж. Д. Дансмор.
1907 г.***

Противник Вашингтона английский генерал Чарлз Корнуоллис. Д. Копли. Около 1795 г.

***Французский волонтер маркиз Мари Жозеф де
Лафайет. Ж. Курт. 1791 г.***

***Капитуляция англичан в Йорктауне 19 октября 1781
года. Д. Трамбл. 1797 г.***

***Предатель генерал Бенедикт Арнольд. Гравюра
Г. Холла с оригинала Д. Трамбла. 1879 г.***

Казнь шпиона, английского майора Джона Андре, 2 октября 1780 года. Гравюра 1783 г.

***Джордж Вашингтон, главнокомандующий
Континентальной армией. Ч. Пил. 1779 г.***

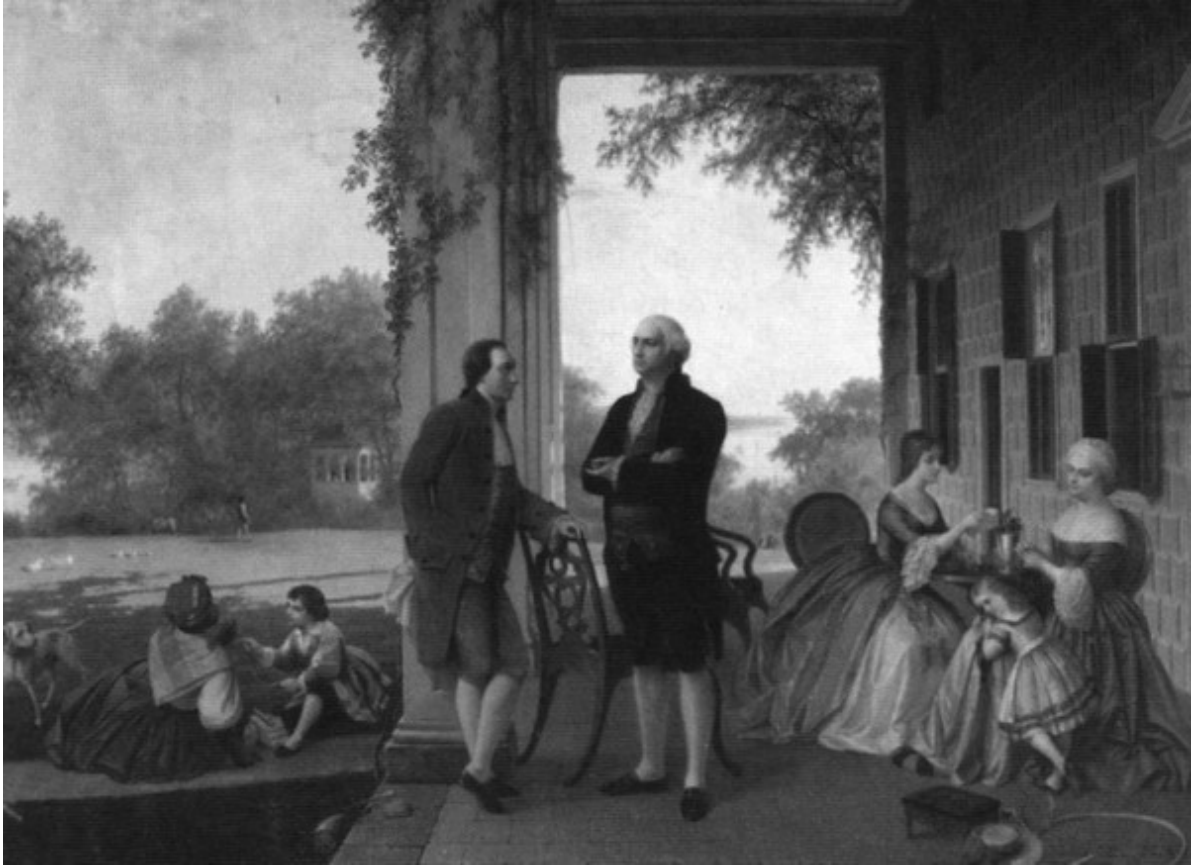

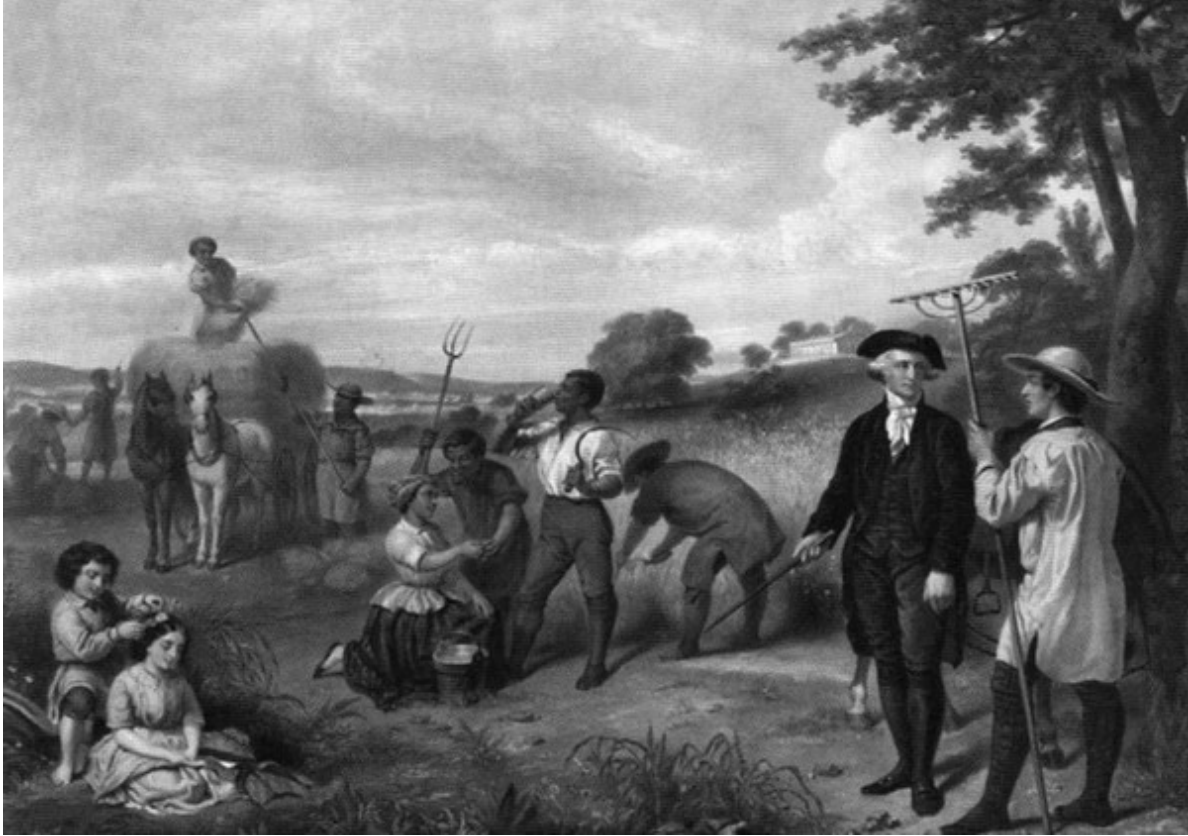
***Президент США Джордж Вашингтон. Г. Стюарт.
1797 г.***

***Вашингтон слагает с себя полномочия
главнокомандующего Континентальной армией.
Д. Трамбл. 1824 г.***

***Лафайет гостит в виргинском поместье Вашингтона
Маунт-Вернон в 1784 году. Т. Росситер. 1859 г.***

Вашингтон наблюдает за работами на своих плантациях. Д. Стернз. Середина XIX в.

С 1784 года в Маунт-Верноне начали разводить мулов

***Вид на Маунт-Вернон со стороны дороги. Гравюра
Ф. Джукса по рисунку А. Робертсона. 1800 г.***

***Большая столовая в Маунт-Верноне с
палладианским окном***

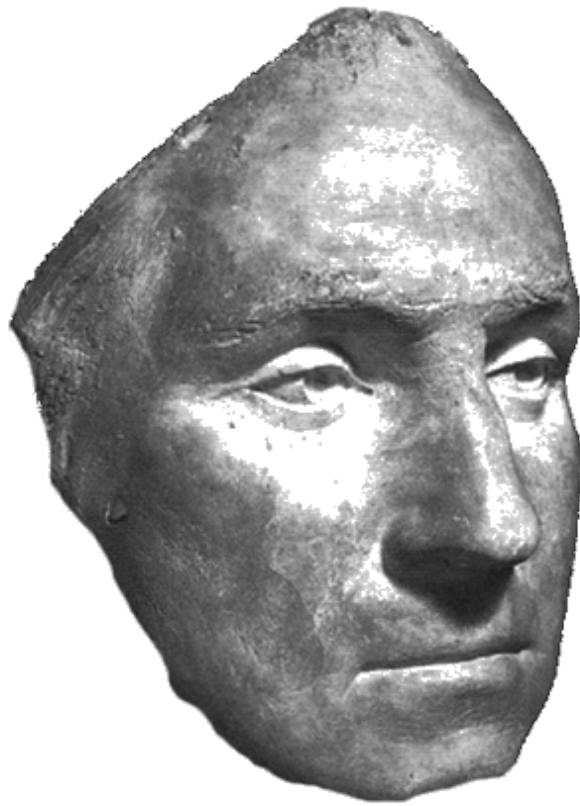

Съезд гостей в зимний Маунт-Вернон

Усадебная конюшня

***Гипсовая маска Джорджа Вашингтона. Ж. Гудон.
Октябрь 1785 г.***

Вашингтоны с внуком Вашиком, племянницей Марты Фанни Бассет и чернокожим камердинером Билли Ли. Э. Сэведж. Между 1789 и 1796 гг.

Мундир Джорджа Вашингтона и платье Марты

Туфли Марты, в которых она выходила замуж за Вашингтона

Повар Геркулес

***Дамы восторженно встречают Вашингтона на
Трентонском мосту в Нью-Джерси в апреле 1789
года. Гравюра 1848 г.***

***Инаугурация первого президента 30 мая 1789 года
в нью-йоркском Федерал-холле***

***Дом Роберта Морриса в Филадельфии, в 1790-1800
годах являвшийся президентской резиденцией.
Литография У. Бретона. 1830 г.***

***Прием у леди Вашингтон. Д. Хантингтон. Около
1861 г.***

Президент и первая леди посещают церковь Христа на Пасху 1795 года. Ж. Феррис. 1908 г.

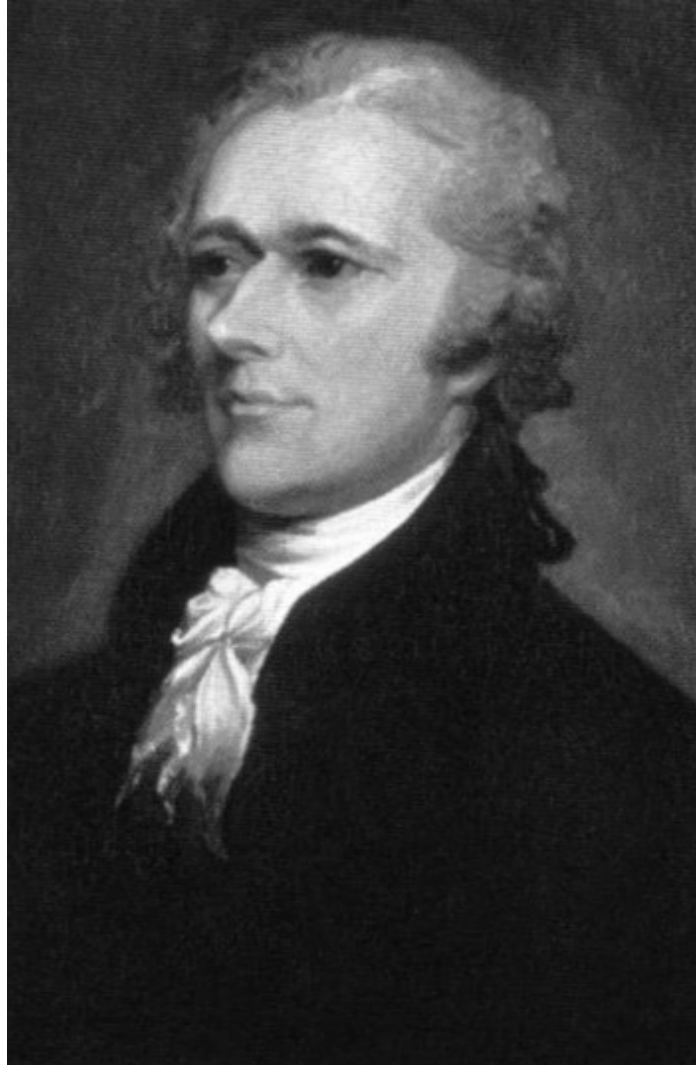
Джеймс Мэдисон, депутат Конгресса от Виргинии и будущий четвертый президент США. Ч. Пил. 1783 г.

Томас Джефферсон, первый госсекретарь и будущий третий президент США. Р. Филд. 1800 г.

Индеец Джозеф Брант. Ч. Пил. 1797 г.

***Секретарь Вашингтона и первый министр финансов
США Александр Гамильтон. Д. Трамбл. 1806 г.***

Президентский смотр войск, направляющихся в 1794 году на подавление «восстания виски» в Западной Пенсильвании. Около 1795 г.

Эфес шпаги Вашингтона

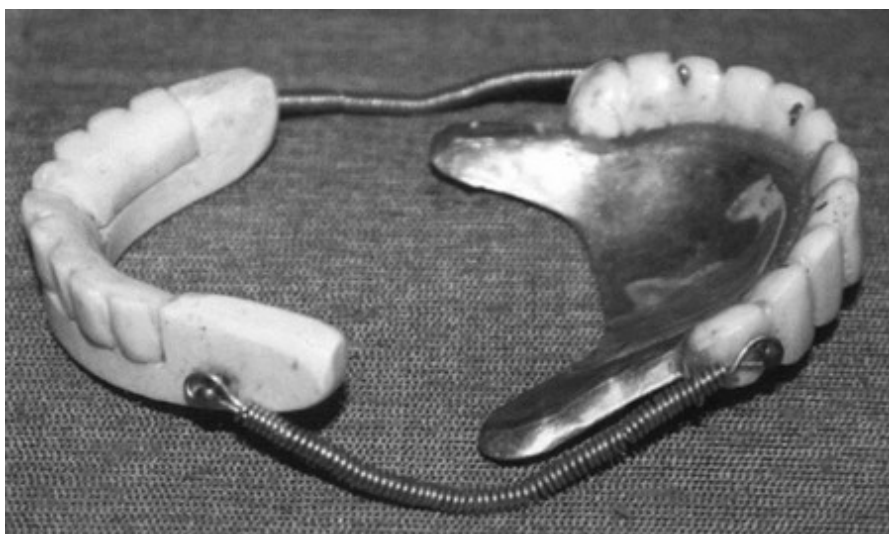
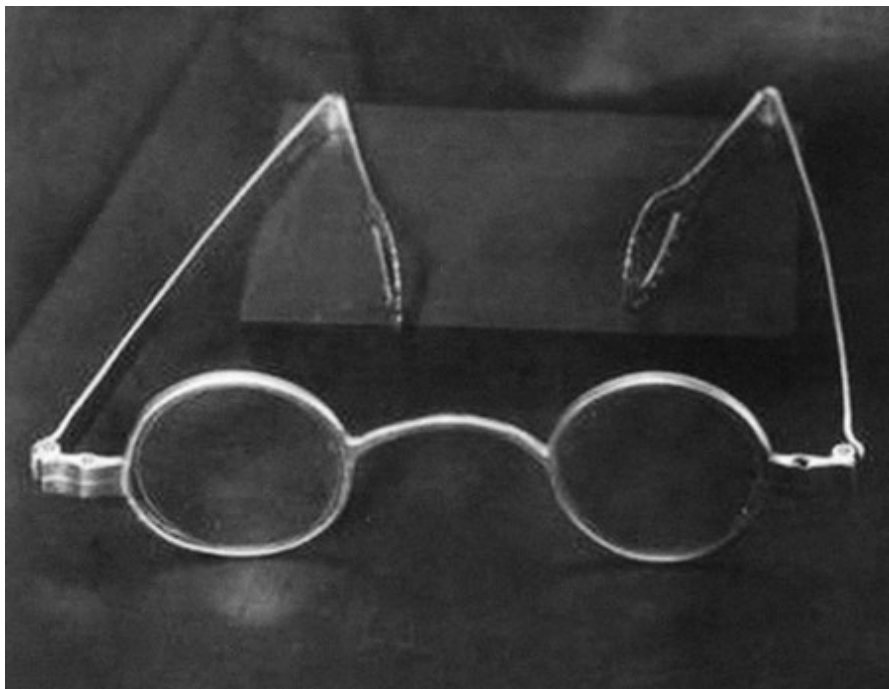

Трость Бенджамина Франклина, завещанная им Вашингтону

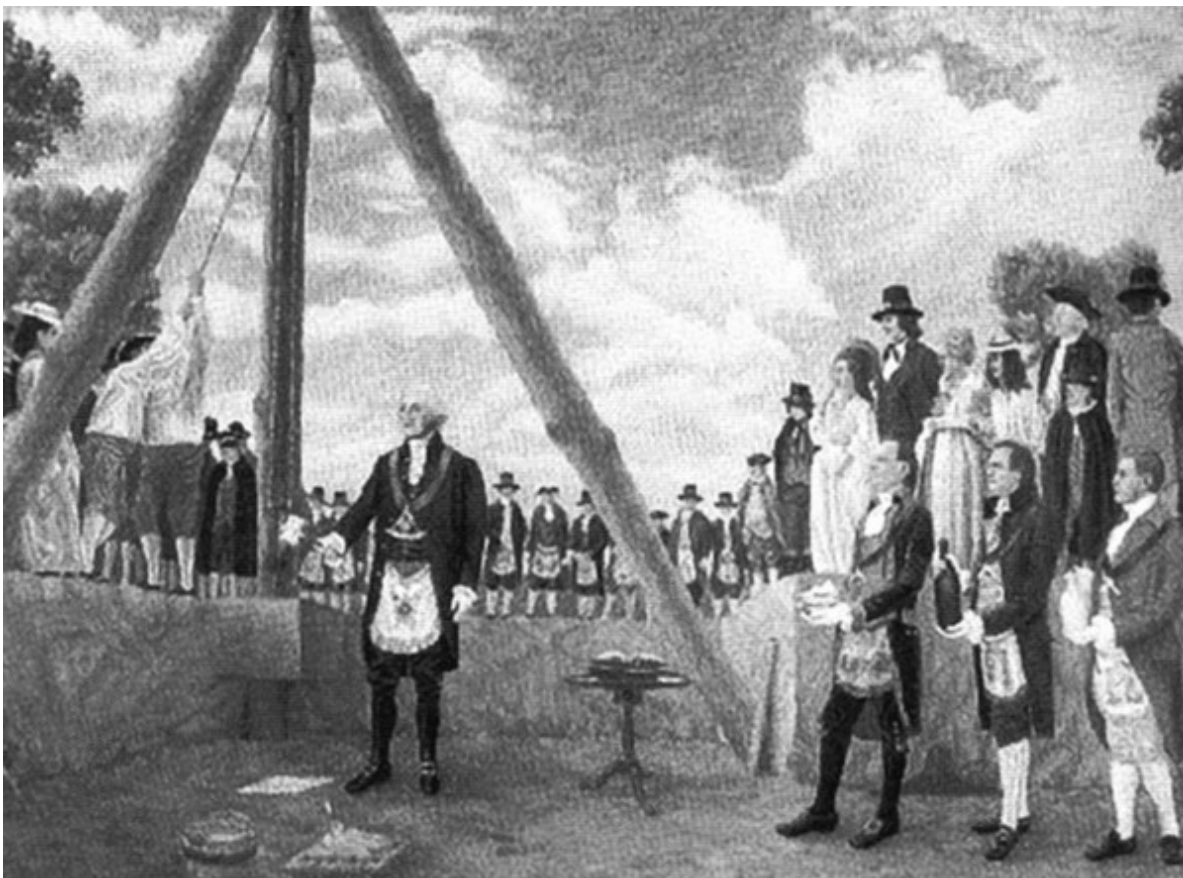

Пистолет, подаренный Лафайетом

В конце жизни Вашингтон стал плохо видеть и потерял все зубы. Вверху — его очки, внизу — вставные челюсти из золота и кости бегемота

Вашингтон участвует в масонской церемонии закладки краеугольного камня в основание Капитолия 18 сентября 1793 года

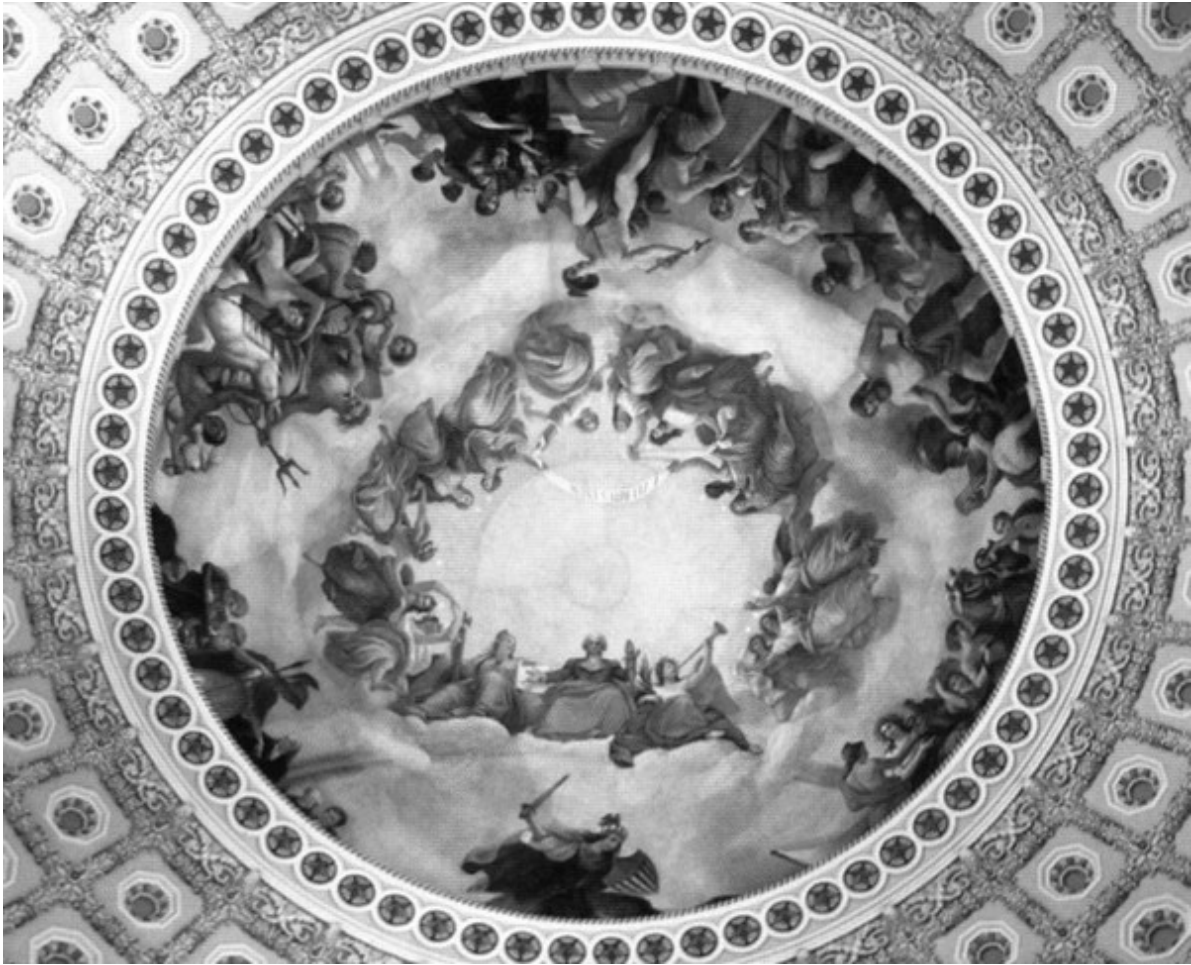
***Силуэты Марты и Джорджа, выполненные их
внучкой Нелли Кастис. 1796 г.***

Кровать, на которой скончался Вашингтон

Принц Уэльский Альберт Эдуард и президент США Джеймс Бьюкенен посещают склеп Вашингтона в Маунт-Верноне в октябре 1860 года. Г. Росситер. 1861 г.

Роспись купола Капитолия «Апофеоз Джорджа Вашингтона». К. Брумиди. 1865 г.

В столице США, названной в честь первого президента страны, Национальная аллея соединяет Капитолий с обелиском, воздвигнутым в честь Вашингтона в 1848-1884 годах

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЖОРДЖА ВАШИНГТОНА

1732, 11 февраля (22) февраля — в семье Огастина Вашингтона и его жены Мэри родился сын Джордж.

1738 — возвращение из Англии старшего брата Лоуренса.

1743, апрель — смерть отца от простуды.

1746, сентябрь — намеревался поступить на службу в королевский флот, но из-за несогласия матери стал межевщиком.

1748, март — первый раз отправился в долину Шенандоа, начал вести дневник.

Декабрь — познакомился с Салли Фэрфакс.

1749, июль — заболел малярией.

1750, октябрь — приобрел первую плантацию, сопровождал больного чахоткой Лоуренса на Барбадос.

Ноябрь — переболел оспой.

1752, 26 июля — смерть Лоуренса Вашингтона.

Ноябрь — вступил в масонское братство.

1753, февраль — стал майором, начальником военного округа.

Ноябрь — послан с дипломатической миссией в страну Огайо, провел первые переговоры с индейцами.

1754, 28 мая — участие отряда, возглавляемого Вашингтоном, в стычке с французами в Грейт-Медоуз, давшей повод к Франко-индейской войне.

3 июля — принял бой в форте Несессити, окончившийся капитуляцией.

10 декабря — получил в аренду поместье Маунт-Вернон.

1755, 9 июля — в качестве адъютанта генерала Брэддока участвовал в сражении у Мононгахилы против французов и индейцев.

10 декабря — проиграл выборы в виргинскую палату горожан.

1758, март — познакомился с вдовой Мартой Дэндридж-Кастис.

24 июля — с огромным преимуществом победил на выборах в палату горожан Виргинии.

1759, 6 января — женился на Марте Дэндридж-Кастис.

1761, 14 марта — после смерти вдовы Лоуренса получил в полную собственность поместье Маунт-Вернон.

1762 — смерть брата Огастина Вашингтона.

1769, 16 мая — представил палате горожан план бойкота английских товаров.

1773, 19 июня — смерть падчерицы Вашингтона Пэтси Кастис от приступа эпилепсии.

1774, 2 февраля — свадьба пасынка Вашингтона Джеки Кастиса и Элеанор Калверт.

5 августа — избран делегатом от Виргинии на Второй Континентальный конгресс.

1775, 10 мая — начало работы Континентального конгресса.

4 июня — решение Конгресса создать Континентальную армию.

16 июня — получил от Конгресса генеральский чин и должность главнокомандующего Континентальной армией.

1776, 18 марта — вступил в Бостон, оставленный англичанами.

4 июля — принятие Декларации независимости.

27-29 августа — угодил в устроенную англичанами Бруклинскую западню.

16 ноября — капитуляция форта Вашингтона; отступление в Нью-Джерси.

26 декабря — совершил успешный рейд на Trenton.

1777, *3 января* — одержал победу при Принстоне.

11 сентября — разгромлен на Брандевин-Крик под Филадельфией.

4 октября — проиграл сражение при Джермантауне.

19 декабря — начало зимовки Континентальной армии в Вэлли-Фордж.

1778, *6 февраля* — признание Францией независимости Америки и заключение военного союза.

28 июня — выиграл сражение при Монмуте.

1780, *25 сентября* — узнал об измене Бенедикта Арнольда.

1781, *январь* — солдатские мятежи.

19 октября — капитуляция Кернуоллиса в Йорктауне.

5 ноября — смерть Джеки Кастиса.

1783, *18 апреля* — официально объявил войскам о прекращении войны между Америкой и Великобританией.

8 июня — написал «Циркулярный рескрипт правительствам штатов».

19 июня — избран почетным председателем Общества Цинциннатов.

23 декабря — сложил с себя полномочия главнокомандующего.

1786, *19 июня* — смерть боевого друга Натанаэля Грина.

1787, *январь* — смерть брата Джека.

25 мая — открытие Конституционного конвента, избрание Вашингтона его председателем.

1789, *4 февраля* — единогласно избран президентом США.

30 апреля — вступил в должность президента.

17 июня — перенес операцию по удалению опухоли на бедре.

25 августа — смерть матери.

Октябрь — ноябрь — совершил поездку по северным штатам.

1790, *май* — едва не умер от плеврита.

1791, *март — май* — совершил поездку по южным штатам.

Сентябрь — новая столица США в округе Колумбия получила название Вашингтон.

1792, *5 декабря* — переизбран президентом США.

1793, *5 февраля* — смерть племянника Джорджа Огастина.

4 марта — вторая инаугурация.

18 сентября — заложил первый камень Капитолия.

1794, *июнь* — получил травму спины.

Август — октябрь — бунт производителей виски в Пенсильвании.

1795, *июль* — волнения в связи с заключением договора с Великобританией.

1796, *19 сентября* — опубликовано прощальное послание Вашингтона.

1797, *4 марта* — инаугурация президента Джона Адамса.

1798, *июль* — назначен главнокомандующим новой армией с чином генерал — лейтенанта.

1799, *20 сентября* — смерть брата Чарлза.

14 декабря — скончался в Маунт-Верноне, спустя четыре дня похоронен в семейном склепе.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Bomal U. La France et les Etats-Unis et la guerre de course (1797–1815). P.: Nouvelles éditions Latus, 1959.

Brady P. Martha Washington: An American Life. N. Y.: Viking, 2005.

Chateaubriand R. Mémoire d'Outre-tombe // www.gallica.bnf.fr

Chernow R. Washington. A Life. N. Y.: Penguin Press, 2010.

Conte A. Soldats de France. P.: Pion, 2001.

Ellis J. J. Founding Brothers. N. Y.: Vintage Books, 2002.

Flexner J. T. George Washington: In 4 vols. Boston: Little, Brown, 1965–1972.

Irving W. The Life of George Washington. N. Y.: William L. Allison Co., 1859.

McCullough D. 1776. N. Y.: Simon&Schuster, 2005.

The Real Benjamin Franklin. N. Y.: National Center for Constitutional Studies, 2010.

«Worthy Partner»: The Papers of Martha Washington / Ed. by J. E. Fields. Westport, CT.: Greenwood Press, 1994.

Глаголева Е. Повседневная жизнь масонов в эпоху Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2012 (серия «Живая история»).

Переписка и дневники Вашингтона опубликованы на сайте Online Library of Liberty: <http://www.oll.libertyfund.org>

---

notes

Примечания

1

По григорианскому календарю, введенному в Англии и ее колониях в 1751 году, датой рождения Джорджа Вашингтона является 22 февраля; но до конца его жизни поклонники в Александрии отмечали день его рождения именно 11-го.

2

Территория, включающая современный штат Огайо, восточную часть Индианы, запад Пенсильвании и северо-западную часть Западной Виргинии.

З

Могавки, онейда, онондага, кайюга, сенека,
тускарора.

4

Английский капитан Сэм Аргалл дал заливу, на берегу которого жили лениленапе, имя сэра Томаса Уэста лорда де ла Варра.

5

Вампум — бусы из раковин у североамериканских индейцев; служили в качестве украшения, денег, церемониальных принадлежностей.

6

Бушель — мера объема сыпучих веществ, равная 36,3 литра.

Спустя 15 лет Вашингтон встретился с индейским вождем, который помнил его по сражению у Мононгахилы. Тот рассказал, что велел своим воинам стрелять по высокому бледнолицему; когда даже самым метким стрелкам не удалось в него попасть, индейцы решили, что он заговоренный и великие духи сберегают его для будущего.

В мае 1750 года Бетти вышла замуж за преуспевающего купца Филдинга Льюиса, овдовевшего тремя месяцами ранее (первым браком он был женат на Катарине Вашингтон, кузине Бетти). С 1752 года они жили во Фредериксберге. Бетти исправно рожала детей, однако они умирали в младенчестве.

Партия вигов представляла интересы крупной буржуазии, партия тори — крупных землевладельцев-дворян; впоследствии они были преобразованы соответственно в либеральную партию и партию консерваторов.

10

Перед смертью Марта Вашингтон сожгла личную переписку с мужем, но несколько писем, завалившихся за стенку ящика ее стола, уцелели. Приведенное письмо — одно из двух сохранившихся посланий Джорджа.

Это письмо Салли Фэрфакс хранила больше пятидесяти лет, до самой своей смерти в 1811 году. Ее ответное письмо, в котором она притворилась, будто не поняла, что это объяснение в любви, Вашингтон сжег. Его чувство к Салли напоминало ему взаимоотношения нумидийского царя Юбы и римлянки Марсии — персонажей его любимой пьесы «Катон» Джозефа Аддисона; препятствием к их счастью было чувство долга.

12

Марта познакомилась со свекровью только через год после свадьбы. Мэри ни разу не побывала в Маунт-Верноне. Впоследствии их отношения были холодно-натянутыми; даже в день знакомства Мэри провела вечер наедине с сыном, не пожелав получше узнать невестку.

Приусадебная ферма с господским домом (*Mansion House Farm*), Собачий ручей (*Dogue Run*), Грязная дыра (*Muddy Hole*), Союз (*Union*) и Река (*River*).

В 1761 году в личной собственности Вашингтона находились 56 рабов трудоспособного возраста, в 1762-м — 62, в 1765-м — 78, а в 1770-м — 87. В 1772-м он перестал покупать рабов, поскольку к тому времени их число увеличилось до 135 за счет рождения детей.

В американских колониях использовали три вида платежных средств: натуральные (табак, бобровые шкуры, вавпумы), металлические монеты (преимущественно испанские или португальские серебряные талеры, от которых и пошло название будущей американской валюты — доллар), которых было очень мало, и бумажные деньги — фунты, шиллинги, пенсы, ценность которых была разной в зависимости от колонии. В Виргинии бумажные деньги печатались с 1755 года. Колониальный фунт стоил дешевле британского фунта стерлингов. Кредитные билеты, печатавшиеся в колониях, были неразменными, то есть не обеспеченными золотом. Администрации колоний использовали их для покрытия долгов и уплаты налогов. Если их вовремя не изымали из обращения, наступала инфляция и британские кредиторы, получавшие от должников никчемные бумажки, терпели большие убытки.

16

Рачьими спинами, раками или лобстерами называли солдат английской регулярной армии за красные мундиры.

После восстания Понтиака купцы, лишившиеся всего имущества во время войны, объединились в группу «потерпевших торговцев», впоследствии преобразованную в «Компанию Индианы». После заключения мирного договора 1768 года ее членам в качестве компенсации ущерба от ирокезов были пожалованы земли по берегам Огайо (в современных Западной Виргинии и Восточном Кентукки). Для подтверждения жалованной грамоты лидеры «потерпевших» Уортон и Трент отправились в 1769 году в Лондон, где объединили свои усилия с «Компанией Огайо», создав «Компанию Уолпола». Благодаря поддержке этого видного государственного деятеля им удалось добиться права на еще более обширные владения, тогда как петиция «Земельной компании Миссисипи», в которой состоял Вашингтон, была отвергнута. Новую колонию решили назвать Вандалией в честь королевы Шарлотты, утверждавшей, что ее предками были вандалы.

Чарлз Ли (1732-1782) купил в 1751 году патент лейтенанта и три года спустя был отправлен в Америку под начало Эдварда Брэддока. В битве на Мононгахиле он не участвовал, зато женился на дочери вождя племени могоавков, которая родила ему двойню; индейцы прозвали его за вспыльчивость «Кипящая вода». В 1756 году Ли купил патент капитана, в 1758-м был тяжело ранен во время штурма форта Карильон. Поправившись, он принял участие в захвате Монреаля, после чего продал патент и стал наемником: служил польскому королю Станиславу Понятовскому, отличился в Португалии, куда вторглись испанцы, видел первые сражения Русско-турецкой войны (1768-1774). Не сумев получить от Георга III доходную должность в Англии, он проникся интересами американских колонистов, уехал за океан и приобрел поместье в Западной Виргинии.

19

Двадцать третьего апреля Вашингтон поместил объявление о награде за поимку двух рабочих — плотника и кирпичника, — сбежавших 19-го числа. Владельцам судов предписывалось не принимать беглецов, а тому, кто доставит их в дом хозяина, было обещано 20 долларов за каждого.

Джон Хэнкок (1737-1793) — богатый коммерсант, член городской администрации, депутат Законодательного собрания Массачусетса. В 1768 году предстал перед судом по обвинению в нарушении закона о гербовом сборе и контрабанде, но был оправдан. Хэнкок и Адамс, как и Вашингтон, состояли в масонском братстве.

Бескорыстие Вашингтона поразило не только его друзей, но и врагов. Даже лондонские газеты впоследствии писали о том, что он сражается «за идею»: «Благороднейший пример, достойный того, чтобы ему последовали в Великобритании».

Полковник Генри Нокс (1750–1806) был весьма заметной личностью: при росте 1,8 метра весил около 113,5 килограмма и обладал громоподобным голосом. Он изучил всю литературу по тактике и артиллерии, какую смог найти, и поступил в Бостонский гренадерский корпус. Отец его невесты Люси Флаккер, королевский секретарь Массачусетса, предлагал Ноксу выхлопотать офицерский патент в британской армии, но тот отказался.

Натанаэль Грин (1742-1786) с детства хромал на правую ногу и страдал от приступов астмы, но был богатырского телосложения. В 1774 году он женился на Кэтрин Литлфилд, моложе его на 14 лет. Грин проштудировал множество военных трактатов и принял активное участие в организации милиционной роты графства Кент. Прослужив восемь месяцев рядовым, он был назначен командиром всех род-айлендских полков благодаря покровительству Сэмюэла Уорда, делегата Континентального конгресса.

Провинившегося со связанными за спиной руками усаживали на острую перекладину козел для пилки дров, привязав к ногам груз, чтобы было больнее.

В 14 лет Арнольд (1741-1801) хотел вступить в ополчение, чтобы сражаться с французами, но мать его не пустила. Став круглым сиротой в 20 лет, Арнольд завел аптеку и книжный магазин, потом приобрел три судна для торговли с Вест-Индией. Часто он сам стоял на капитанском мостике, оставив аптеку на сестру. Однажды в Гондурасе он сразился на дуэли с британским морским капитаном, обозвавшим его «проклятым янки, лишенным хороших манер». Капитан был ранен и принес извинения. В 1767 году Арнольд женился на дочери шерифа Нью-Хейвена, с которым состоял в одной масонской ложе. У него родились трое сыновей. В мае 1775-го Арнольд предложил массачусетскому Комитету безопасности захватить форт Тикондерога и получил полковничий патент, но сдал его, когда командир прибывшего из Коннектикута милиционного отряда перехватил у него контроль над Тикондерогой. По пути домой он узнал о смерти жены.

26

Смелое предприятие, неожиданное действие (*фр.*).

Джозеф Брант (Тайенданегеа) (1743–1807) — индеец из страны Огайо. Его родители были христианами. После смерти отца (1753) мать вместе с Джозефом и старшей дочерью Молли вернулась в родной поселок на реке Мохок в провинции Нью-Йорк и вышла замуж за вождя могавков Бранта (Канагарадунку), друга богатого и влиятельного британского суперинтенданта по делам американских индейцев Уильяма Джонсона. Благодаря ему Джозеф получил образование и перевел на язык могавков катехизис и Евангелие от Матфея. В ноябре 1775 года Джонсон взял его в Лондон. Брант надеялся, что земельные претензии могавков будут удовлетворены в обмен на поддержку ими англичан в грядущей войне. Король Георг III принял его в Сент-Джеймском дворце и лично посвятил в масоны.

По мнению современных ученых, это явление было вызвано лесными пожарами: плотный дым смешался с туманом и низкой облачностью.

Эта песня появилась еще во время Франко-индейской войны, английские солдаты высмеивали в ней американцев. «Янки» — производное от голландского имени Ян, «Дудл» восходит к нижненемецкому *Dudel* — «простак». После сражения при Лексингтоне американцы сами стали ее распевать, говоря, что англичанам теперь не до смеха.

С 1789 года американская ветвь англиканской церкви стала именоваться Протестантской епископальной церковью, отдалившись от своих британских корней, но сохранив прежние обряды.

Статуя заняла свое место в ротонде Капитолия в Ричмонде лишь в 1796 году. Гудон изобразил Вашингтона в образе Цинцинната, но не в тоге, а в расстегнутом военном мундире, сменившим шпагу на трость. Вашингтон просил, чтобы статуя была выполнена не больше чем в натуральную величину, и его просьба была выполнена.

Историческое здание было разрушено в 1812 году и заменено современным.

Билль о правах, состоящий из десяти поправок, написанных Мэдисоном, был принят Конгрессом в сентябре 1789 года и ратифицирован всеми штатами (включая Вермонт, вступивший в федерацию 4 мая 1791 года) 15 декабря 1791 года. Вашингтон принимал самое деятельное участие в его разработке и утверждении Конгрессом.

Двенадцатая поправка, согласно которой кандидат в президенты баллотируется в одном списке с кандидатом в вице-президенты, была принята Конгрессом только 15 июня 1804 года.